

*От национальных государств
к единой Европе:
проблемы европейской
интеграции в XIX-XXI вв.*

под ред. А.В. Смолина

*Санкт-Петербург
2016*

ББК 63.03(0)5-6

Авторский коллектив: Барышников В.Н. (руководитель), Возгрин В.Е., Гончарова Т.Н., Евдокимова Н.П., Климова Г.С., Сидоренко Л.В., Соколов О.В., Пленков О.Ю., Фокин В.И.

Ответственный редактор: Смолин А.В.

Научно-техническое сопровождение: Демичева Т.М., Кузнецова Ю.И.

Рецензенты: д.ф.н., к.и.н., профессор Вассоевич А.Л. (РИСИ)
д.и.н., профессор Кротов П.А. (СПбГУ)

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв. – СПб.: Изд-во РХГА, 2016. – 620 с.

В книге исследуются особенности европейской интеграции в XIX-XXI вв. В монографии прослеживается эволюция европейского единства от теоретических построений к военным и экономическим попыткам объединения Европы. Авторы уделяют особое внимание роли Франции и Германии в этом процессе, позиции малых стран и существующим на сегодняшний день противоречиям.

Монография адресована специалистам и всем, кто интересуется западно-европейской историей.

From Nation-States to the European Unity: Issues of European Integration in the 19-21st centuries – SPb.: RCHA Press, 2016. – 620 p.

This study explores the history of European integration from the 19th to the 21st centuries. This monograph traces the evolution of the European unity from abstract theories to the military and economic attempts of uniting Europe. Authors pay special attention to the role of France and Germany in this process, the position of small powers and existing contradictions.

The book is intended for professional historians as well as all those interested in the West-European history.

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 5.38.275.2014. Тема «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.». Руководитель В. Н. Барышников.

© Коллектив авторов, 2016

© Институт истории СПбГУ, 2016

© Издательство РХГА, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА I. ИДЕИ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ.....	16
1. Идеи Соединенных Штатов Европы и их обсуждение в XVIII – начале XX века.....	16
2. Истоки и идеи интеграции и ее первое возникновение в Северной Европе.....	58
3. Аристид Бриан и проект Европейского федеративного союза.....	119
ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.....	151
1. Наполеон и процессы европейского объединения.....	151
2. Гитлеровское геополитическое планирование будущего Европы под немецкой гегемонией и его реализация.....	217
3. Финансово-экономическое объединение Запада в условиях локальной поддержки Финляндии в «зимней войне».....	311
ГЛАВА III. ЕДИНАЯ ЕВРОПА СЕР. XX – НАЧ. XXI ВВ. И ПРОБЛЕМЫ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ.....	344
1. Германия в европейском интеграционном процессе во второй половине XX – начале XXI вв.....	344
2. Франция и ее роль в объединении Европы во второй половине XX – начале XXI в.....	426
3. Наднациональная европейская идентичность в условиях регионального сепаратизма.....	481
4. Проблемные аспекты вхождения малых стран в Единую Европу.....	524
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	568
Библиография.....	571
Именной указатель.....	602

CONTENTS

PREFACE.....	11
CHAPTER I. THE IDEAS OF EUROPEAN UNITY.....	16
1. The ideas of the United States of Europe and related discussions in the 18th – early 20th centuries.....	16
2. The origins and concepts of integration and its earliest implementation in the Nordic countries.....	58
3. Aristide Briand and his proposal for the European Federal Union.....	119
CHAPTER II. HISTORICAL CASES OF EUROPEAN UNIFICATION.....	151
1. Napoleon and the progress of European unification.....	151
2. Hitler’s geopolitical planning for the Europe’s future under the German supremacy and its implementation.....	217
3. Financial and economic cooperation of the West in the face of necessity to support Finland during the Winter war.....	311
CHAPTER III. EUROPEAN UNITY IN THE SECOND HALF OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES AND THE UNDERLYING ISSUES.....	344
1. Germany and European integration in the second half of the 20th – early 21st centuries.....	344
2. France and her role in European unification in the second half of the 20th – early 21st centuries.....	426
3. Supranational European identity in a climate of local separatism.....	481
4. The issues of joining small powers to the European unity.....	524
CONCLUSION.....	568
Bibliography.....	571
Index.....	602

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы, связанные с европейской интеграцией, имеют свою давнюю историю. Как жить без войн? Как объединить людей общими целями? Что противопоставить яду национализма? На протяжении долгого времени эти вопросы занимали лучшие умы человечества. Практический путь к единой Европе, разделённой на национальные государства, оказался гораздо протяжённее, чем это представлялось в теории. Однако и современное состояние с европейским объединением нельзя назвать окончательным, и как оно будет развиваться дальше, покажет неумолимое время.

Цель, которую поставил авторский коллектив монографии, состояла в том, чтобы показать, какие попытки на пути к европейской интеграции предпринимались на протяжении XIX – XXI вв. и к каким результатам они привели.

Книгу открывает глава, посвященная идеям, связанным с Европейской интеграцией. В первом разделе этой главы «Идеи Соединённых Штатов Европы и их обсуждение в XVIII – начале XX вв.» профессор В. И. Фокин изучил предложения по объединению Европы, которые выдвигались европейскими интеллектуалами Нового и новейшего времени. Мир и процветание им виделись через объединение Европы. Однако идеализация интеллектуалами европейской действительности давала противоположные результаты. Войны, различные формы угнетения людей продолжали существовать, и никакая европейская культура не могла воспрепятствовать этому.

Следующие разделы посвящены развитию идей единой Европы на конкретно историческом материале. Например, В. Е. Возгрин в разделе «Истоки и идеи

интеграции и её первое воплощение в Северной Европе» рассмотрел этапы, которые прошли страны Северной Европы к установлению общегосударственного сотрудничества. Одной из особенностей скандинавизма стала борьба с внешней угрозой, которая требовала солидарности и принесения в жертву собственных интересов ради помощи соседям. Помимо этого, для северной интеграции, по мнению автора, в большей степени свойственен демократический характер, который выражается в большем внимании правительств к мнению народа.

Одной из идей объединения Европы после Первой мировой войны стала мысль французского государственного и политического деятеля А. Бриана. Её возникновению и попыткам проведения в жизнь посвящен раздел Н. П. Евдокимовой «Аристид Бриан и проект Европейского федеративного союза». Перед французским министром иностранных дел в 20-е – 30-е гг. стояла задача найти такую формулу мира, которая бы обеспечила безопасность Франции. В связи с этим и возник план создания Европейской федерации. Однако в тот период времени коллеги Бриана в других европейских государствах не были готовы к такому повороту событий. В той ситуации национальный эгоизм взял верх над идеей образования Европейского федеративного союза. При этом далеко не всех устраивала мысль, что во главе этого объединения встанет Франция.

Вторая глава представленного труда посвящена конкретным военным попыткам создания общеевропейского союза государств. Одна из них, предпринятая императором Наполеоном, рассматривается в разделе, подготовленном О. В. Соколовым «Наполеон и процессы европейского объединения». Наполеоновская Европа стала складываться под воздействием побед французского оружия. Несмотря на краткость существования, примерно три года, она оставила определённый след в истории европейского

объединения. Одна из особенностей наполеоновской империи заключалась в том, что она строилась исходя из существовавшей реальности, а не из придуманных схем, при помощи меча, но на основе антифеодального права. Её моральным стержнем стали воинская доблесть, а не количество денег на банковском счёте. При этом интеграция различных присоединённых к империи земель имела различную степень. Однако, несмотря на интернационализм и храбрость армии, первое крупное поражение в России положило конец мечтам о возможности создания Европейской империи, построенной на идеях века Просвещения.

Ещё один пример построения единого европейского пространства при гегемонии одной страны и при помощи военных методов, представлен в разделе О. Ю. Пленкова. Нацистская Германия предприняла попытку создать Европейскую империю на расовой основе. При этом родственные «арийские» народы следовало интегрировать в Великогерманский рейх, а федеративное устройство рейха исключалось. Во всех оккупированных странах политика в отношении коренного населения имела определённые отличия. Однако, одно было общее – ограбление. Поражение нацизма привело к освобождению Европы и постепенному переходу к мирным попыткам интеграции.

Об усилении интеграционных процессов накануне Второй мировой войны идёт речь в материале, подготовленном В. Н. Барышниковым «Финансово-экономическое объединение Запада в условиях локальной поддержки Финляндии в "зимней войне"». Коалиции, которые стали складываться по мере приближения войны, носили форму военно-политических альянсов. Союзнический характер этих группировок приводил к недолговечности их существования. Примером такого союза стала помощь «демократических стран» Запада

(Франции, Великобритании, США, Швеции и др.) во время «зимней войны» между Финляндией и СССР. По мнению автора, интеграция стран Запада в оказании помощи Финляндии являлась временной моделью объединения, которая не воплотилась в жизнь из-за кратковременности советско-финляндского конфликта. Однако наметившееся объединение Запада против СССР произошло впоследствии, правда уже в других исторических условиях «холодной войны».

О проблемах реализации планов Единой Европы после окончания Второй мировой войны рассказывается в третьей главе. Открывает её раздел О. Ю. Пленкова, посвящённый крайне сложному и противоречивому процессу, происходившему в послевоенной Германии, и не окончившемуся и по сей день, – ответственности немцев за нацизм. Преодоление нацистского прошлого в Германии во многом определило современную европейскую интеграцию. Одним из важных шагов на пути европейского единения стало франко-германское примирение и покаяние немцев за нацизм, что привело к отказу от притязаний на ведущую политическую роль в Европе и стало условием европейской интеграции.

Роли Франции в строительстве объединённой Европы посвящён раздел Т. Н. Гончаровой «Франция и её роль в объединении Европы во второй половине XX – начале XXI в.». При этом шаги послевоенной Франции на пути объединения Европы она показала через деятельность таких политических деятелей как Ж. Бидо, Ж. Моне, Ш. де Голля, Ж. Делора. Начальная стадия объединения Европы после Второй мировой войны характеризовалась инициативами Ж. Бидо и Ж. Моне, направленными на европейскую интеграцию через экономическое сотрудничество, которое постепенно стало перерастать в политическое. На последующих этапах свою лепту в европейское

строительство внесли генерал де Голль как сторонник «Европы отечеств» и Ж. Делор как поборник «федерации государств-наций», стоявший у истоков Европейского союза. Однако процесс создания европейского единства оказался намного сложнее, чем это предполагалось, и достигнуть его не удалось до сих пор.

На процессах, противостоящих интеграции, останавливается Г. С. Климова в разделе «Наднациональная европейская идентичность в условиях регионального сепаратизма». К явлениям, замедляющим европейскую интеграцию, автор относит регионалистические и сепаратистские движения в рамках ЕС. Автор подчёркивает наличие противоречий между интересами региональной, национальной и наднациональной идентичностью. В силу этого ЕС оказалось перед выбором: либо признать право на самоопределение, либо территориальную целостность государств-членов сообщества. В настоящее время ЕС придерживается курса в пользу существования национальных государств. Однако, возможно ли на этом пути прийти к наднациональной идентичности, покажет время.

На проблемах, стоящих перед малыми странами на пути в Единую Европу, останавливается Л. В. Сидоренко. Автор рассматривает три модели интеграции малых стран: швейцарско-лихтенштейнскую, австрийскую и бенилюксовскую. Показывая путь каждой из стран в Единую Европу, Л. В. Сидоренко останавливается на тех сложностях, которые они проходят на этом пути. Вместе с тем, малые страны, идущие в Единую Европу, не забывают и о своих интересах, и сбалансировать их с общими целями далеко непростая задача, которую предстоит решать в будущем.

Авторы материалов, вошедших в монографию, показали путь эволюции, который прошла европейская

идея от умозрительных построений до объединения мечом под эгидой одной державы, приводившие к краху эти образования и их создателей. Новый этап объединения, начавшийся после Второй мировой войны, строился на противопоставлении коммунизму. Сегодняшняя интеграция Европы во многом исходит из противостояния внешней опасности и дезинтеграционным процессам внутри ЕС. Насколько продуктивно это объединение – покажет время. Подлинное единство, как представляется, может дать только объединение, основанное на полном доверии, а не в состоянии конфронтации врагам. Если такое будет возможно, то это вдохнёт новый импульс в движении к Единой Европе.

Профессор А. В. Смолин

PREFACE

Since a long time Europe has been facing the issues related to integration. How is it possible to live without war? How can people be united with a common goal? What might be pitted against the poison of nationalism? These questions have been burning in the best minds of the humanity for ages. In reality, the path to the unity of Europe, divided between the nation-states, turned out to be much more lengthy than it had seemed to be in theory. Moreover, European unification at its present state cannot be considered as complete, and only time will show the way of its further development.

The contributors of this book aimed to describe and analyse the attempts, which have been made to achieve European integration during 19th - 21st centuries, along with the results these attempts entailed.

The book opens with the chapter that examines the concept of European integration. In the first section of the chapter, entitled *The ideas of the United States of Europe and related discussions in the 18th – early 20th centuries*, Vladimir Fokin has traced different projects of European integration, which had been proposed by the European intellectuals since the Age of Enlightenment to the early 20th century. They thought that peace and prosperity could be achieved by uniting Europe. However, such an idealization of European realities backfired on the intellectuals. The wars and different forms of human oppression had not ceased to exist and no European culture could prevent them.

The following sections include several case studies of elaborating on ideas of European unity. For example, Valeriy Vozgrin deals with the stages the Nordic countries passed through in their efforts to improve interstate cooperation. The necessity to face external threats has become one of the features

of Scandinavism; it required mutual support and sacrificing a single country's interests for its neighbours' security. Furthermore, as the author points out, the Northern integration might be regarded to a certain extent as a democratic one, due to the fact that the Nordic governments tend to consider the people's opinion.

One of the ideas of consolidating Europe after the World War I belonged to a French diplomat, Aristide Briand. The origins of this project and attempts of its implementation are covered in the following part, *Aristide Briand and his proposal for the European Federal Union*, written by Nina Evdokimova. In 1920-1930s, this French minister of Foreign Affairs strived to find a formula for peace, which would ensure the security of France. As a result, the project of the European Federation was conceived. Nevertheless, Briand's colleagues from the other European states were not ready for such an innovation. At those circumstances, national egoism prevailed over the idea of European Federal Union. In addition, all states were by no means satisfied with the plan of France becoming a leader of such a union.

The second chapter of the book focuses on the specific military attempts to create a union of all European states. One such attempt is examined by Oleg Sokolov in the section *Napoleon and the progress of European unification*. Napoleonic Europe emerged as a result of French military victories. This empire, even by its short existence, which lasted for about three years, has left a certain imprint on the history of European unification. One of the distinctive traits of Napoleonic Empire was that her architects relied heavily on the current circumstances instead of trying to fulfil abstract theories; she was built by sword, with being based on anti-feudal law. Military prowess instead of large bank accounts had become her moral pivot. Meanwhile, the extent of integration between different lands, annexed to Empire, varied considerably. However, despite all Army's

Preface

internationalism and bravery, the first heavy defeat in Russia put an end to the dreams of establishing European Empire on the principles of the age of Enlightenment.

Another example to the attempts to create a unified European space under the rule of one country through military means is shown in chapter written by *Oleg Plenkov*. The Nazi Germany planned to constitute the European Empire on the racial grounds. “Aryan” kindred nations were to be incorporated in the Greater Germanic Reich, while any idea of federal structure of the Reich was strongly opposed. The policy toward the local people differed to a certain degree from one occupied country to another. However, one feature of this policy was common everywhere – plundering. Defeat of Nazism entailed the liberation of Europe, with her gradually switching over to the peaceful ways of integration.

The enhancement of the integration process on the eve of the World War II was called into question by Vladimir Baryshnikov, who studied the issue of financial and economic cooperation of the West in the face of necessity to support Finland during the Winter war. While the war was looming, some coalitions were formed, most of them turning out to be just military and political alliances. Such limitations in cooperation resulted in fragility of alliances. An example of such a union was the aid provided by the “democratic countries” (France and Great Britain) during the Winter war between Finland and the USSR. According to the author, the integration of the Western countries, promoted for the sake of supporting Finland, had actually been a short-term type of unification, which could not have lasted for long just because the Soviet-Finnish conflict soon was over. Nevertheless, the emerging consolidation of the West against the USSR finally took its shape later, in the age of the Cold war.

The issues facing the projects of the European unity after the World War II are discussed in the third chapter. It begins

the contribution of Oleg Plenkov, who analysed the extremely complicated and highly controversial process, which has started in the post-war Germany and lasts until nowadays, - i.e. German responsibility for Nazism. Overcoming the Nazi past in Germany has considerably influenced the way of the current European integration. One of the crucial steps toward European unity has been a reconciliation between France and Germany and the Germans' repentance for Nazism. This policy made Germany abandon its claims for political leadership in Europe and thus stipulated European integration.

The role of France in promoting European unity is explored in Tatyana Goncharova's part of the chapter *France and her role in European unification in the second half of the 20th – early 21st centuries*. She has traced the way the post-war France followed in order to reach the European unity, by focusing on the efforts undertaken by a number of French statesmen, such as Georges Bidault, Jean Monnet, Charles de Gaulle and Jacques Delors. European integration after the World War II was initially directed by ideas of Georges Bidault and Jean Monnet. They aimed at accelerating European integration by collaboration in economics, which could later grow into a political one. Later General Charles de Gaulle and Jacques Delors have contributed to the European development, the former as an advocate of "Europe of the Fatherlands" and the latter, one of the builders of the European Union, as an adherent of "Federation of Nation States". However, it turned out that European unity was much more difficult to achieve than it had been planned, and this process has been lasting until nowadays.

The processes challenging integration are described by Galina Klimova in subsequent section, entitled *Supranational European identity in a climate of local separatism*. Among the factors retarding integration, the author highlights regionalist and separatist movements inside the European Union. The author draws the attention of the reader to the contradictions

Preface

existing between regional, national and supranational identities. They are actually the reasons why EU found itself facing a choice of recognizing the right of national self-determination or of granting the territorial integrity of EU members. EU currently tends to adhere to an option of supporting nation-states. However, it remains to be seen if such policy may lead Europe to the supranational identity.

The issues preventing small powers from joining the European unity are covered by Leonid Sidorenko. The author outlines three types of small powers' integration into united Europe: Swiss-Lichtenstein, Austrian and Beneluxian models. Drawing the paths these countries had to follow to reach a unity with Europe, Sidorenko has pointed out the difficulties they encountered. However, the small powers striving for EU membership always have an eye to their own interests, which cannot be easily correlated the common goals; this issue is still to be dealt with in future.

The contributors to this monograph have traced the evolution of the idea of European unity from abstract theories to the military attempts of uniting Europe under the rule of one power, the latter way usually resulting in the downfall of both the empire and its leaders. Beginning after the World War II, a new stage of unification was based on the confrontation with the communism. At the moment, Europe keeps integrated in order to be able to stand up against external threats and separatist movements inside EU. The efficiency of a strategy of building a union on the grounds of confrontation with the common enemies remains to be evaluated in future. It seems that the true unity might be achieved only if integration is based on trust and confidence instead of common struggle. Only in this case will Europe gain a new impetus towards creating the European unity.

Professor Anatoliy Smolin
Перевод Н. Э. Адамовой

ГЛАВА I.

ИДЕИ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

1. Идеи Соединенных Штатов Европы и их обсуждение в XVIII – начале XX века

Мысль о Европе как особом мире на протяжении всего своего существования имела множество воплощений: появившаяся еще в эпоху Античности в качестве мифа и представления географической общности, она затем стала понятием, которое означало цивилизацию, противопоставлявшуюся варварству. В эпоху Возрождения в трактате «Оружие христианского воина» Эразм Роттердамский развивал концепцию «христианской и просвещенной Европы»¹.

Идея вновь засверкала в век Просвещения, но уже приняла светское обличие. В эпоху Просвещения мысль о рациональном устройстве общества нашла свое олицетворение в эволюции от идеи «регулярного государства» к идее Соединенных Штатов Европы, получившей определенное распространение после создания независимого государства в Северной Америке. В основе надежд на единую Европу лежало искреннее стремление к стабильной и благоустроенной жизни, свободной от войн и в справедливо устроенном государстве. Естественно, что такое здоровое желание было востребовано как краеугольная идея политических доктрин разного времени и разных политических пристрастий. Лучшие умы Европы предлагали свои политические проекты единого государства континента. Проекты объединения

¹ Роттердамский Э. Философские сочинения. М., 1986. С. 90 – 218.

Европы имманентно присутствовали в различных течениях европейской общественной мысли. Однако попытки претворить в жизнь идею до недавнего времени, в конечном счете, заканчивались неудачей.

Крупные деятели Просвещения Англии, Франции, Германии и России выдвинули в XVII — XVIII вв. значительное число проектов, предусматривавших те или иные формы объединения Европы. Однако при этом роль христианства как объединяющей европейской идеи нашла свое выражение в двух смыслах. Христианство, как человечность, и христианство, как экуменизм. Неслучайно о христианской Европе в середине XVIII в. заговорил Вольтер. Идея Европы рождалась на стыке христианства и просветительства: веры в христианское искупление человеческого греха и веры в светское достоинство личности. «Человечность» выступала как синоним разума, человеческого достоинства, уважения личности и терпимости. «Экуменизм» - как объединение всей христианской Европы. Несмотря на великие географические открытия, на расширение европейского кругозора, несмотря на декларации толерантности и появившийся у просветителей скепсис относительно европейских традиций, в европейском сознании утвердился макьявеллиевский принцип противопоставления господства Европы господству Азии, подхваченный Монтескье в трактате «О духе законов», где «европейскому республиканскому духу» противостоял «деспотизм и тирания в азиатских странах»².

Этим объясняется связь между экуменизмом и христианством в европейской идее - общности людей в пределах Европы, привилегированного континента,

² *Machiavelli N. Arte della Guerra. Vol. II. // Tutte le opera. Firenze. 1971. P. 332; Монтескье III. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955. С. 30.*

предназначенного для новых форм международного сотрудничества без войн и национальной розни, покоящихся на евангельском принципе свободы в рамках римского права. Идеал, который возник в трактате «К вечному миру» И. Канта, в трудах де Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Ш. Монтескье и других, воплощенный в «христианской Европе», всегда понимаемой как просвещенная цивилизация³. Европеизм означал прогресс, стремление к новому, преодоление границ и барьеров старых государств. Европеизм противопоставлял абсолютистскому произволу экономический либерализм, он отождествлялся социальными реформами и распространением всеобщего образования.

В XVIII в. в Европе явственно проявилась идея европейского единства. В наибольшей степени европейская общественная мысль XVIII столетия опиралась на проекты французского аббата, дипломата и философа Ш. де Сен-Пьера и выдающегося деятеля французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо⁴.

Работа де Сен-Пьера «Записка о сохранении вечного мира в Европе» обобщала предыдущие планы, начиная со времен Генриха IV. Автор возрождал предложение о создании общеевропейской империи, в создании которой он усматривал единственный выход из череды разрушительных войн. В этом он видел пользу создания федерации европейских монархий⁵.

Сен-Пьер дает краткий исторический очерк федеративных форм в Европе, стараясь найти в них

³ Трактаты о вечном мире. М., 1963. 279 с.

⁴ Подробнее см: *Андреева И.С.* Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975. С. 17 – 83; *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. М., 1987. 352 с.

⁵ *Сен-Пьер де Ш.* Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо. 1760) // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 106 – 136.

основы европейской общности. Он обращался к античным временам и находил там зачатки стремления к единой государственности. Сен-Пьер указывал на малозаметные, но реальные формы европейской духовной общности: общность интересов, единство нравов, обычаев и религий, противопоставление цивилизации и варварства. Объединяющую роль в формировании европейской общности он отводил торговле. К античным временам автор относил формирование представления о географическом единстве Европы. Большое значение он придавал европейскому единству времен империи Карла Великого, позволившему отстоять Европу от арабских завоеваний.

Критически Сен-Пьер относился к идее общеевропейской империи под властью общего монарха, обосновывая свою позицию неизбежной консолидацией европейских государств в борьбе против любой попытки узурпации такой короны, которая бы подавила волю других монархов. Европейское равновесие существует, по мнению Сен-Пьера, или быстро восстанавливается независимо от желания отдельных европейских государств. Неизбежность «европейского концерта», по мнению французского дипломата, предполагало создание конфедерации европейских монархий с целью установления прочного мира в Европе. В этом он видел внутренний механизм функционирования европейской системы. По мнению Сен-Пьера, Европа готова для конфедеративного устройства. Он предлагал созвать конгресс или ассамблею, где будут обсуждены проблемы европейского мира. Автор рекомендовал государям заключить договор о конфедерации. Он считал, что вечный мир выгоден самодержцам. Все державы Европы получают равные права по отношению друг к другу, что поможет предотвращать или устранять конфликты. В конфедерацию предполагалось включить все монархии Западной и Восточной Европы, включая Россию.

Сен-Пьер, таким образом, выработал новый подход к европейскому единству, открывая тем самым новую эпоху европейской дипломатии, основанную на балансе сил государств.

В несколько ином ключе европейская идея была сформулирована великим французским просветителем Жан-Жаком Руссо. Позиция Руссо отражала нарастающие социальные и политические конфликты предреволюционной эпохи. Они побуждали новую постановку многих вопросов, в том числе вопросов войны и мира. В 1760 г. Руссо опубликовал работу Сен-Пьера и написал добавление к нему под названием «Суждение о вечном мире». Она вышла в свет в 1782 г., уже после смерти автора⁶. Руссо поддержал основную идею создания конфедерации европейских государств, видя в ней множество выгод для каждого человека и общественного блага. В отличие от своего предшественника, Руссо не верил в благие намерения монархов, в их способность подчинить абсолютную власть власти общего для всех закона, что они добровольно откажутся от стремления укрепить и расширить своё могущество.

В тоже время Руссо отмечал, что федерация не обеспечит стабильности государств в их внутреннем состоянии, так как она не обеспечит защиту подданных от тирании их государей. Война позволяет увеличить налоги и финансовые поборы и дает возможность иметь большую армию, чтобы удерживать народ в повиновении. Поэтому деспотизм всегда будет выступать против общеевропейской системы.

Руссо считал, что для создания европейской федерации надо, чтобы общие интересы возобладали над частными. Он писал, что проект Сен-Пьера разумен сам

⁶ Руссо Ж.-Ж. Суждение о вечном мире // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 137 – 149.

по себе, но средства, предлагаемые для его воплощения в жизнь, свидетельствуют о наивности автора. И дело здесь в принципиальном подходе к решению европейских проблем. Он говорил о нереальности планов «уговорить» европейских монархов согласиться на создание федерации и на исключение войны из жизни Европы. Просветитель сознавал, что изменить реальное содержание той международной системы, которая постепенно складывалась в Европе в XVI — XVIII вв., возможно только революционным путём, что европейская федерация вообще возможна лишь как итог революционной борьбы за демократическое переустройство общества. Взгляды Руссо знаменовали собой новый этап в истории европейской идеи. Из общегуманистического направления отныне выделилась новая социально-политическая линия, сторонники которой связывали перспективы мира в Европе и возможность любых форм объединения европейских государств с социальными и революционными преобразованиями в жизни европейских народов. Руссо предпочитал верить не в союз правителей и монархов, а в союз европейских народов в их совместной борьбе за свободу, равноправие и справедливость.

Среди идей, появившихся в XVIII в., почётное место принадлежит сочинению Иммануила Канта «К вечному миру»⁷. Он детализировал аргументацию в пользу европейского объединения во имя мира, показывая военные аспекты, препятствующие этому стремлению. Работа Канта показывала, как эволюционировала гуманистическая мысль, как совершенствовалась аргументация противников войн и конфликтов.

Проект Канта не являлся обычным федеративным планом. Речь шла о федерации особого рода, союзе народов или союзе мира. В целом это был гуманистический

⁷ *Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 149 – 191.

проект, который связывал идею вечного мира с идеей переустройства каждого государства на республиканских началах, с возрастанием воздействия общественности на мировое развитие.

Взгляды Канта оказали значительное влияние на общественную мысль не только Германии, но и всей Европы. Его предложения формулировали некоторые общие принципы взаимоотношений между народами Европы и всего мира и утверждали возможность их совместных усилий по установлению всеобщего и вечного мира.

Развитие политической мысли Европы в XVIII — XIX вв. происходило одновременно и на западе, и на востоке континента. В этом плане можно говорить об общеевропейском процессе, в который была включена Россия. Конечно, европейские идеи в большей мере касались западной части Европы, но весьма показательным, что и в России многие мыслители и общественные деятели все сильнее ощущали свою связь с Европой.

Примером русской просветительской мысли может служить трактат первого директора Царскосельского лицея В.Ф. Малиновского, написанный в 90-е годы XVIII в. и изданный в Петербурге в 1803 г. под названием «Рассуждения о мире и войне»⁸. По своему содержанию, аргументации и конкретным предложениям труд В.Ф. Малиновского во многом схож с трактатами эпохи Просвещения, написанными западноевропейскими авторами. Рассуждая о могуществе государства, Малиновский утверждал, что его главная и надежнейшая опора — это сила народа. В свою очередь, она коренится в просвещении, добродетели и достоинстве каждого народа, сколь бы малочислен он не был. Представляет интерес попытка В.Ф. Малиновского определить понятие агрессора. Он предлагал считать

⁸ *Малиновский В.Ф.* Рассуждения о мире и войне // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 212 – 253.

нападением вступление чужих войск в границы другого государства независимо от того, произошло ли это на суше или на море.

Трактат Малиновского являлся ярким примером русской просветительской мысли начала XIX столетия. Автор адресовал свои предложения народам и странам Европы. В.Ф. Малиновский избегал постановки социальных проблем европейского мира. Его не интересовали и формы правления предлагаемого союза. Впервые в практике трактатов о мире Малиновский ставил вопрос о полезности использования на мирные нужды средств, освободившихся от войн. Он высказывал мнение о нежелательности распространения европейских войн на другие континенты. В Европе трактат В.Ф. Малиновского не был удостоен внимания.

Эпоха Просвещения характеризовалась выдвижением широкого спектра философских и общественно-политических идей, включавших революционное переустройство общества на либерально-демократических принципах. Значительное влияние на содержание просветительских идей оказала практика развития международных отношений в Европе, явившихся реакцией на Французскую революцию. Связь просветительских идей и проектов с идеей объединенной Европы прослеживается в нескольких направлениях. Таким образом, мы имеем дело с общеевропейским процессом. Несмотря на национальные особенности, просветительская европейская мысль составила подлинно общеевропейский феномен. Но все трактаты были направлены на предотвращение угрозы войн и утверждение мира в Европе. Одни из них имели общегуманистическую философскую направленность, отражали желание их авторов ликвидировать войны, другие носили явно прагматический характер, содержали также предложения, которые обеспечивали преимущества одних

европейских стран в ущерб другим. Но международная практика оказалась непредсказуемой и пошла по собственной стезе.

Великая Французская революция, наполеоновская эпоха принесли новый вариант реализации европейской идеи. На этот раз речь шла о попытке силой оружия не только завоевать европейские страны, но и унифицировать их. В период средневековья католическая церковь вынашивала идею подчинения Европы теократическим устремлениям папской власти. Затем в эпоху становления и утверждения европейской государственности появились проекты установления национальной, а конкретно — французской гегемонии, выражением чего явился «Великий проект» Генриха IV. Могло показаться, что практика Великой Французской революции, идеи равенства и братства кладут конец подобным вожделениям. Но возникло убеждение в том, что революция силой оружия имеет право установить новый буржуазный порядок, покончив с пережитками феодализма. Революционные войны и военный гений Наполеона Бонапарта показали, что на практике идею объединения Европы можно реализовать под эгидой Франции. Трудно сказать, насколько планы Наполеона о переустройстве Европы с самого начала имели определенный характер. Но уже в период «Ста дней» в Париже был опубликован так называемый «Дополнительный акт к Конституции империи», в преамбуле к которому указывалось, что целью Наполеона было создание обширной федеративной европейской системы.

Находясь в ссылке на острове Св. Елены, Наполеон упоминал о намерении выработать единый общеевропейский кодекс, создать европейский кассационный суд, установить на континенте единую денежную систему, единую систему мер и весов. В 1809 г. Меттерних нарисовал картину будущей Европы, как она представлялась Наполеону:

«Европа, охваченная общей реформой. Центральное, обладающее чрезмерной властью правительство оказывает давление на слабых подданных, озабоченных только тем, чтобы влачить жалкое существование, скованное цепями. Испания покорена, Османская Порты выдворена за Босфор, границы Великой Империи простираются от Балтики до Черного моря; Россия... будет оттеснена в Азию»⁹. Из записок Наполеона видно, что честолюбивый предводитель Франции мечтал стать властителем Европы. Он неоднократно сравнивал себя с Джорджем Вашингтоном: «Я со своей стороны не мог быть ни кем иным, как коронованным Вашингтоном. И эту роль я мог играть только в конгрессе королей, только среди убежденных или покоренных королей... Если быть разумным, то следует признать, что я мог достичь этого только на пути общей диктатуры. Это я и попытался осуществить»¹⁰.

Идеалы Французской революции и завоевания Наполеона, проведенные им преобразования, поначалу воодушевили многих современников. Наполеоном восхищались Гегель, Гёте и другие европейские философы и деятели культуры. Немецкий историк Н. Фогт в 1806 г. писал, что Наполеон и его главный противник русский царь Александр I могли бы заключить союз друг с другом и взять на себя ту роль, на которую в свое время претендовал Генрих IV. Немецкий юрист А. Цинзерлинг предложил в 1809 г. создать политическую конфедерацию европейских государств, которые образовали бы некую форму государства под единым монархическим управлением во главе с французским императором. Идеи федеративного устройства, выдвигаемые в то время, создавали некий прообраз Соединенных Штатов Европы с той принципиальной особенностью, что эта федерация или

⁹ История Европы. М., 2000. Т.5. С. 613.

¹⁰ Там же.

конфедерация мыслилась под французской гегемонией¹¹.

Однако жизнь показала, что попытка установить в Европе гегемонию Франции была обречена на неудачу. Сен-Пьер оказался прав. Многие европейцы связывали возможность свободы и, как это ни парадоксально, национального самоопределения с объединением Европы под скипетром Наполеона. Но то, что было так естественно в «единой европейской литературе», оказалось невозможным на практике. И симпатизировавший Наполеону поэт Г. Гейне противостоял министру Г. Гейне, служившему прусскому королю. Идеал «культурного европеизма» далёк от реальной Европы, но многие поколения европейских интеллектуалов, вдохновленные им, стремились воплотить его в либерально-буржуазных реформаторских устремлениях. Во имя этого идеала «просвещенной Европы» они готовы были закрывать глаза на те гнусности и жестокости, которые несли войны, колониализм и относительное благополучие либерально-буржуазной и консервативно-монархической Европы.

Идея объединения Европы под эгидой просвещенного монарха рухнула вместе с эпохой наполеоновских войн. Основная масса европейцев в пылу сражений с великим полководцем сделали выбор в пользу своей малой родины. Девятнадцатый век стал веком империй. На смену просвещенному классицизму пришла эпоха романтизации исторического прошлого европейских народов, воплотившая как в гордость за славную историю народов великих держав, так и в надежду на самоопределение малых народов. В демократической среде, однако, сохранилась вера в новую, объединенную Европу. В начале этого века Сен-Симон предвосхитил новую эпоху, когда трансформация Европы в единое целое станет возможной на основе торжества парламентаризма¹². В условиях реставрации и

¹¹ История Европы. М., 2000. Т.5. С. 613.

¹² *Спадолини Дж.* Европейская идея в период между Просвещением и

европейского порядка, установленного на конгрессе в Вене, идея объединения Европы существенно «полевела» и вновь приобрела революционную направленность, как это было в эпоху Просвещения, но с новым содержанием.

Молодые революционные демократы ставили своей целью создание республиканской конфедерации Европы. Идея европейской демократии, воплощенная в либерально-буржуазных идеалах, требовала объединения национальных государств Европы как демократических государств. Тем самым декларировалась альтернатива Европе монархий, объединенных в «Священный Союз». Так, национально-освободительные демократические движения воплотили в своем стремлении к свободе идею общеевропейской демократии. Они рассчитывали на то, что европейское демократическое движение поможет решить им национальные демократические задачи. Одновременно в этой организации грезилось будущее культурно-историческое единение народов, воплотивших греко-латинские, германские и славянские традиции в общеевропейской культуре.

В 30-е годы XIX в. идеи общеевропейского единства возродились в Европе под лозунгами демократической революции и национального освобождения. Инициатива исходила от Джузеппе Мадзини, который, развивал идеи европейской культурно-исторической общности. Предложения Мадзини как бы противопоставлялись идеям гегемонизма в Европе. С общеевропейской демократической революцией он связывал возможность освобождения Италии от ярма монархии Габсбургов и возможность её демократического развития в составе европейской федерации народов. Именно в возрожденной Италии он искал новые импульсы к европейскому единству. «Она, — писал Мадзини об Италии, — трижды пробуждалась с тех

пор, как языческий Рим своим падением прервал развитие античной цивилизации и сделался колыбелью современной. Первый раз в Италии родился призыв, который заменил торжество материальной силы европейским духовным единством. Во второй раз Италия озарила мир светом просвещения благодаря своему искусству и литературе. В третий раз она вычеркнет мощным перстом символ средневековья и заменит старое духовное единство единством социальным. Поэтому только в Риме — и об этом следует напомнить иностранцам — может в третий раз раздаться призыв к современному единству»¹³. У Мадзини итальянская национальная идея тесно переплетались с европейским единством и демократическим содержанием. Революционно-демократическая направленность его убеждений и активная общественная деятельность делали его одним из наиболее заметных идеологов и руководителей европейского демократического и освободительного движения XIX в. Дж. Мадзини попытался создать общеевропейский революционный союз путем объединения основанного им в 1831 г. тайного общества «Молодая Италия» с образованными в начале 30-х годов организациями «Молодая Польша» и «Молодая Германия». 11 — 15 апреля 1834 г. в Берне их представители приняли «Статут Молодой Европы» и «Акт братства». В этих документах говорилось, что «Молодая Европа» представляет собой прообраз Европы будущего, в которой интересы страны будут сочетаться с интересами человечества. Под влиянием «Молодой Европы» в 1835 г. возникла группа «Молодая Швейцария». Ряд национальных организаций начали публиковать специальные журналы и бюллетени. Так, в Берне два раза в неделю в 1835 — 1836 гг. выходила газета «Молодая Швейцария». В течение короткого времени издавался бюллетень под

¹³ Там же. С. 27 – 97.

названием «Молодая Европа»¹⁴. Мадзини, который был вдохновителем «Молодой Европы», писал: «Существует новая европейская ассоциация, созданная на широкой основе, соответствующей движению века, и учрежденная на развалинах старой карбонарии. Эта ассоциация представляет собой федерацию народов, основанную на принципе национальной независимости и свободы каждого во внутренних делах. Они единодушны в общей вере и в действительном братстве по вопросам, представляющим общий интерес. Это Священный союз народов, и каждый народ, который сможет восстать первым, будет способствовать всеми средствами пропаганде реализации общего плана, определяющего деятельность ассоциации»¹⁵. «Молодая Европа» противопоставлялась реакционному Священному союзу монархических правителей европейских стран и демонстрировала революционно-демократическое видение европейской общности. Европейская реакция вскоре начала преследовать членов «Молодой Италии», «Молодой Швейцарии» и других организаций, в результате чего деятельность их была прекращена.

В 1843 г. Мадзини от имени руководства «Молодой Италии» обратился к представителям демократической общественности России с призывом создать Священный союз народов против абсолютистских правительств. Правда, организация «Молодая Россия» возникла позднее, в начале 60-х годов XIX в., но взаимовлияние революционных идей было налицо. Русские революционеры, основатели «Молодой России», так же, как и «Молодая Италия», делали ставку на народные выступления, они рассматривали даже вопрос о том, чтобы взять в качестве девиза организации

¹⁴ *Спадолини Дж.* Европейская идея в период между Просвещением и Романтизмом. СПб., 1993. С.36 – 95.

¹⁵ *История Европы.* М., 2000. Т.5. С. 613.

девиз «Молодой Италии» — «отныне и вовеки»¹⁶. Вместе с тем необходимо отметить, что «Молодая Россия», как и многие европейские либерально-демократические течения, не являлась организацией в полном смысле этого слова. Даже в условиях революции 1848 г. члены «Молодой Европы» были вовлечены в общий стихийный демократический поток, но никак не проявили себя в качестве руководящего, объединяющего центра.

В XIX в. продолжалась и та гуманистическая традиция в развитии европейской политической мысли, которая была связана с проектами видных деятелей европейского Просвещения. В значительной мере она отразилась в работах французского социалиста-утописта А. Сен-Симона, который касался и проблем реорганизации Европы. Еще в раннем своем труде «Письма женевого обитателя к современникам» (1802 - 1803 гг.) он предлагал созвать общеевропейское собрание, названное им «Советом Ньютона» и состоящее из 21 «избранника человечества», а также советы 4 «частей человечества» — английской, французской, германской, итальянской. Сен-Симон полагал, что «как только будут произведены выборы в главный совет и в советы отдельных частей, бич войны покинет Европу, чтобы никогда не возвращаться в нее»¹⁷.

Важное значение имела также работа Сен-Симона «Труд о всемирном тяготении», написанная в период наполеоновских войн и впервые опубликованная посмертно, в 1843 г. В ней выдвигался проект преобразования европейского общества. Автор писал: «Предлагаемое мною средство может показаться с первого взгляда философским бредом, похожим на проект вечного мира аббата Сен-Пьера»¹⁸. Поэтому он стремился подкрепить свои идеи

¹⁶ История Европы. М., 2000. Т.5. С. 616.

¹⁷ Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т.1. М.—Л., 1948. С. 98.

¹⁸ Там же. С.145.

обращением к истории и объявил истинным основателем европейского общества Карла Великого, который, по его мнению, прочно объединил различные народы, связав все нации религиозными узами с Римом и сделав этот город независимым от светской власти.

Обращаясь к опыту средневековой Европы, Сен-Симон называл ее европейской федерацией. Сен-Симон предлагал осуществить преобразования как через национальные парламенты, так и через органы общеевропейского управления. При этом он выделял три вида власти — национальные парламенты, выражающие частные интересы, общеевропейский парламент, представляющий общие интересы, и специальный орган, регулирующий отношения между ними. Национальные парламенты следовало избирать в соответствии с законами каждой страны. Общеевропейский парламент, разделенный по английскому образцу на палату общин и палату лордов, состоял из 240 членов. Депутаты нижней палаты выбирались на 10 лет всеми, кто умел читать, а члены верхней палаты назначались королем. При этом палаты формировались с учетом имущественного ценза. В них также входили 20 человек, достигших всевропейской славы в науке, торговле, промышленности или на административном поприще. Общеевропейский парламент избирал всеобщего короля, который являлся верховным регулятором власти.

Сен-Симон предлагал осуществить во всех европейских странах строительство дорог, судоходных каналов, осушение болот, ввести единую систему народного образования, составить общий кодекс морали. Предлагая эти меры, Сен-Симон призывал к миру без насилия, к мирному соперничеству народов, подчеркивал, что «для народа, целью которого служит производительная деятельность, важнейший интерес — мирная обстановка, ибо война мешает производить и покупать, прерывая все

средства сообщения, закрывая все пути обмена»¹⁹.

Гуманистическая идея нравственного совершенствования Сен-Симона, его осуждение войны, попытка представить европейскую федерацию не как простую совокупность государств, а как мирную ассоциацию европейских народов, оставили заметный след в истории европейской политической мысли. Многие идеи французского мыслителя, в частности его проект общеевропейского парламента, звучат и сегодня весьма современно; они наряду с другими учитывались при строительстве объединённой Европы после второй мировой войны.

Идея общеевропейской революции Дж. Мадзини вдохновляла и представителей первых рабочих организаций. Она получила отражение в работах основателя немецкого рабочего коммунизма Вильгельма Вейтлинга²⁰. Он был вдохновителем создания сети рабочих организаций – «Союз справедливых» - во Франции, Швейцарии и Англии в конце 30-х – 40-е гг. XIX в. Идея европейской общности трансформировалась у него в идею общеевропейской революции наиболее обездоленных слоев населения – «революции негодяев». В конечном итоге лондонская организация Союза приняла в качестве своей программы «Манифест коммунистической партии», в котором идею единства рабочих всех стран К. Маркс и Ф. Энгельс преобразовали в лозунг и принцип интернационализма. Реализацией этого принципа явилось создание общеевропейской организации левых партий и групп Европы – Международного товарищества рабочих в 1864 г. На заседании I Интернационала К. Маркс

¹⁹ Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т.1. М. – Л., 1948. С. 98.

²⁰ См.: Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть. М. – Л., 1962; *Weitling W. Der Hilferuf der junge Generation.* Paris, 1837.

назвал основные принципы отношения коммунистов к буржуазным обществам мира. Участие в работе «Лиги мира и свободы» допускалось для членов Международного Товарищества рабочих в частном порядке, поскольку сам I Интернационал являлся органом мира, а «те люди, которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира». Марксизм предлагал добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами²¹. Таким образом, указывалось на связь проблемы всеобщего мира, как идеал человечества, с реальной политической борьбой масс. Это совпадало с морально-нравственным обоснованием пацифизма.

Наследником Международного товарищества рабочих стал II Интернационал, созданный в 1889 г. Во втором Интернационале, среди социалистов в конце XIX – начале XX вв. лозунг Соединенных Штатов Европы имел большую популярность. Федерация рассматривалась как возможный союз демократических государств с широкой социальной программой. Седьмой (Штутгарт, 1907 г.), Восьмой (Копенгаген, 1910 г.) и Девятый (Базель, 1912 г.) конгрессы Второго Интернационала рассматривали вопросы антивоенной борьбы, но не смогли выработать действенной программы предотвращения мировой войны. Определенного отношения к идее создания общеевропейской федерации они также не выработали²².

В середине XIX столетия весьма существенным элементом европейской действительности стало

²¹ Der Bund der Kommunisten. Dokumenten und Materialien. Berlin, 1970.

²² Интернационал и Мировая Война. Документы по истории социализма и рабочего движения. Автор-составитель Карл Грюнберг. Пг., 1919. С. 352.

пацифистское движение, наиболее рельефно выразившееся в мирных конгрессах, созывавшихся со второй половине 40-х годов.

Объединение граждан в общества под названием «друзья мира» началось в Великобритании и Соединенных Штатах Америки сразу после наполеоновских войн. Организацией обществ мира занимались главным образом лидеры евангелистской христианской церкви, т. е. люди либеральные, здравомыслящие, стремящиеся претворить в жизнь проповеди Евангелия и выступить против бессмысленной смерти ради интересов национальной политики. Лидеры этого движения, такие, как Коаг Уорчестер в Америке и Джозеф Т. Прайс и Уильям Аллен в Великобритании были убеждены, что здравомыслящие люди могут покончить с войной²³. Движение за прекращение уже развязанной войны между Англией и Соединенными Штатами Америки не достигло непосредственной цели, однако бесспорно оказало сильное влияние на последующее политическое развитие. Оно сопрягалось со стремлением предотвратить войны через создание федерации государств.

Различные протестантские группировки, такие, как диссентеры, квакеры, евангелические и даже несколько государственных обществ, принадлежащих англиканской церкви, в 1816 г. успешно объединились в Общество за установление прочного всеобщего мира. Часто его называют Лондонским обществом мира. Первоначально оно включало 30 - 40 высокообразованных бизнесменов, банкиров и священников. Менее чем через 10 лет эта организация насчитывала уже почти полторы тысячи членов, имела более двух десятков различных отделений по всей территории Англии. Это общество издавало газету

²³ *Кунер С.* Деятельность европейских обществ мира (1816 – 1871) // *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира.* М., 1998. С. 68 – 93.

«Вестник мира»²⁴, публиковало дешевые брошюры, создавало отделения на местах и всемерно поддерживало публичные лекции. В результате обсуждения проблем установления мира в обществе признали наиболее удачным проект Константина Пекье, в прошлом последователя Сен-Симона и Фурье. Он выступал за создание объединяющей народы конфедерации, в которой все международные конфликты решались бы юридически. При этом Пекье не принимал во внимание религиозные идеи. Он исследовал исторические предпосылки современной индустриализации в течение относительно мирного периода времени (с 1815 по 1840 г.) и сделал вывод, что прогресс требует мирных условий²⁵.

Первой открыто признанной организацией на территории Европы стало Общество мира, образованное в Женеве в декабре 1830 г. графом Жан-Жаком де Селлоном (1782-1839). Общество провозглашало религиозные принципы, однако во главу угла ставило практические и экономические аргументы. Селлон, будучи активным протестантом, пришел к выводу о необходимости установления мира в международных отношениях в результате приверженности к еще одной цели своей жизни — отмене смертной казни²⁶. Логическим развитием современной цивилизации Селлон считал путь организации европейских государств в федерации и конфедерации, путь мирных методов урегулирования конфликтов и сокращения расходов на вооружение. Селлон посвятил жизнь разработке всевозможных систем организации европейских государств. Если убедить правителей и элиту в необходимости такой организации в Европе, то, по мнению

²⁴ *Кунер С.* Деятельность европейских обществ мира (1816 – 1871) // *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира.* М., 1998. С. 89.

²⁵ Там же. С. 71.

²⁶ Там же. С. 72.

Селлона, можно было бы создать европейское правление. Он предлагал сформировать федерации подобных групп, например, германская, славянская или латинская группы. Эту идею впоследствии развили сторонники Мадзини. Однако Селлон считал, что и одна нация может представлять целую группу наций. Франция, в частности, может представлять Испанию, Португалию, Италию, Бельгию и швейцарских французов; германская конфедерация могла бы представлять Голландию, немецкую Швейцарию, Швецию, Данию; Россия могла бы представлять Восточную Европу, включая Грецию. Для Селлона не имело значения, каким образом будет управляться страна. Дипломатам стран Европы следовало обращаться в правление с просьбой учредить суд для решения спорных вопросов. Все нации должны были подчиняться Декларации прав человека, согласно которой отменялись смертная казнь и право вести войну²⁷. Подозрительно относясь к современной демократии, Селлон не принимал во внимание требования национальной независимости народов.

Первый мирный конгресс собрался в Лондоне в июне 1843 г., второй - в сентябре 1848 г. (Брюссель), третий - в августе 1849 г. (Париж), четвертый - в 1850 г. (Франкфурт), пятый - в июле 1851 г. (Лондон). В 1848 г. на Брюссельском конгрессе мира не были приняты во внимание массовые движения, пошатнувшие троны по всей Европе. Делегаты ограничились обсуждением путей усиления влияния движений мира и выработкой лозунгов для привлечения новых единомышленников. Это неизбежно исключало движение сторонников мира из общедемократического революционного движения Европы.

В последующие годы конгрессы становились все более многочисленными. Если в первом конгрессе участвовало

²⁷ *Кунер С.* Деятельность европейских обществ мира (1816 – 1871) // *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира.* М., 1998. С. 73.

325 человек, то на пятом число участников составляло уже 1200 человек. В 1849 г. на Парижском конгрессе мира присутствовало большое число делегатов: 600 участников и 1500 гостей. Подавляющее большинство делегатов прибыли из Англии и Франции, 23 делегата из Америки (включая одного раба), а также по нескольку человек из Дании, Бельгии, Германии и Италии. Практическое влияние конгресса на текущую политику было малозначимым, но воздействие его идей на общественное мнение со временем только усиливалось.

Термин Соединенные Штаты Европы часто использовал Мадзини, но первым, по некоторым свидетельствам, его употреблял итальянский республиканский деятель, историк и экономист, друг Мадзини — Карло Каттанео²⁸. И это не было случайным, так как Италия на короткий период в известном смысле стала центром революционно-демократического движения в Европе. К. Каттанео писал: «Принцип национальностей ведет к разрыву государств на востоке Европы и к фрагментарной федерации свободных народов. Между этими народами возможна лишь единственная форма единства — федерации. Мы можем достичь мира только тогда, когда будем иметь Соединённые Штаты Европы»²⁹. Противоречие между движениями за объединение Италии и Германии с панъевропейскими теориями было кажущимся. Речь шла о более сложном и глубоком процессе. Само

²⁸ Карло Каттанео (1801 —1869) — итальянский писатель и политический деятель. В 1848 г. Каттанео руководил защитой Милана против австрийцев, затем бежал в Лугано, где написал «Storia della rivoluzione del 1848» и редактировал «Archivio triennale delle cose d'Italia dall'avvenimento di Pio IX all'abandono di Venezia» (Каполаро, 1850—1856). Трижды избранный депутатом, Каттанео не был фактически членом палаты, так как не хотел принести присягу. (Каттанео, Карло // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907).

²⁹ История Европы. М., 2000. Т.5. С.617.

оживление европейских идей, выдвижение лозунга Соединенных Штатов Европы явились выражением подъема освободительного движения Европы; они служили некой антитезой Священному союзу. Поэтому сначала в панъевропейском движении тон задавали такие деятели Европы, как Дж. Гарибальди, В. Гюго, Дж. Мадзини и др. Среди них было немало последователей А. Сен-Симона. Все они часто апеллировали к наследию мыслителей эпохи Просвещения. Идея европейского единства представлялась им в неразрывной связи с борьбой против деспотизма и тирании за свободу и независимость. Они, как правило, выступали за союз свободных европейских народов, за федерацию стран, признающих республиканские формы правления. Отстаивая идею европейского объединения (в форме федерации или конфедерации), они мыслили ее в рамках сохранения национальных европейских государств, делая акцент на необходимости достижения мира между европейскими странами и народами.

Во Франции в 1848 г. о Соединённых Штатах Европы писала французская «Le Moniteur universel», а в Великобритании - «Daily Telegraph». Эмиль Жирарден задавал в одной из статей вопрос: «Почему не могут быть созданы Соединенные Штаты Европы подобно тому, как существуют Соединённые Штаты Америки»³⁰. Упомянутый уже Каттанео писал о четырех символах европейского единства: единства власти — во власти императора, единства законов — в римском праве, единства веры — в христианстве и единства языка — в народной латыни. Лозунг Соединённых Штатов Европы с момента своего появления стал предметом острой политической борьбы и идеологических дискуссий. Различные политические деятели и мыслители интерпретировали его по-разному, в

³⁰ Кунер С. Деятельность европейских обществ мира (1816 – 1871) // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., 1998. С. 76.

зависимости от своих интересов и пристрастий.

На открытии Парижского (третьего) конгресса со знаменитой речью выступил Виктор Гюго. Она стала в определенном смысле манифестом европеизма. Он сказал: «Настанет день, когда ты, Франция, ты, Россия, ты, Италия, ты, Англия, ты, Германия, — все вы, все нации континента, не утрачивая ваших отличительных черт и вашего великолепного своеобразия, все неразрывно сольетесь в некоем высшем обществе и образуете европейское братство, совершенно так же, как Нормандия, Бретань, Бургундия, Лотарингия, Эльзас — все наши провинции слились в единой Франции. Настанет день, когда единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей. Настанет день, когда ядра и бомбы будут заменены избирательными бюллетенями, всеобщим голосованием, мудрым посредничеством великого верховного сената, который будет для Европы тем, чем парламент является для Англии, сейм — для Германии, Законодательное собрание — для Франции. Настанет день, когда пушки будут выставляться в музеях, как сейчас там выставляются орудия пыток, и люди будут изумляться, что такое варварство было возможно. Настанет день, когда мы воочию увидим два гигантских союза государств — Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы, которые, встав лицом друг к другу и скрепив свою дружбу рукопожатием через океан, будут обмениваться своими произведениями, изделиями своей промышленности, творениями искусства, гениальными дарованиями; увидим, как они поднимают новь на всем земном шаре, заселяют пустыни, под оком создателя совершенствуют все созданное им и ряды всеобщего благоденствия сочетают воедино две необъятные силы — братство людей и могущество бога!»³¹.

³¹ *Кунер С.* Деятельность европейских обществ мира (1816 – 1871) // *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира.* М., 1998. С. 76.

Участники следующих конгрессов обсуждали уже более конкретные вопросы политической жизни Европы. На Франкфуртском конгрессе немецкие представители попытались вынести на обсуждение вопрос о Шлезвиг-Гольштейне. Были проведены также дебаты о разоружении. Среди участников конгресса сразу же выявились острые противоречия. Оказалось, что пацифистская фразеология, общие мирные призывы отступают перед конкретными интересами европейских государств. В дальнейшем лозунг Соединенных Штатов Европы то исчезал, то появлялся снова. В 50 - 60-е годы XIX в. В. Гюго, Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди видели в панъевропейских идеях и проектах средство борьбы с европейской реакцией. В дальнейшем конгрессы продолжали созываться, однако их влияние на общество шло уже по нисходящей.

Именно в рамках пацифистского движения наблюдалось значительное оживление европейских идей и проектов. Движение это было крайне неоднородным по составу, целям и формам деятельности. С одной стороны, в нем, особенно на первых порах, достаточно определенно чувствовалось влияние революционно-демократических элементов, стремившихся создать некий противовес объединениям европейских монархий, положив в его основу идею общеевропейского мира и свободы. В числе деятелей такого рода были Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди, В. Гюго, Л. Блан. Уже на первых конгрессах, помимо революционно-демократического крыла, обнаружилось активное влияние умеренно либеральных кругов. Их сторонники искали поддержку не только в широких кругах европейской общественности, но и в европейских правительствах. Подключение к пацифистским идеям правительственных кругов привело к формированию так называемого «официального пацифизма». Его влияние более полно определялось позднее, в конце XIX - начале XX в.,

но и в 40 - 50-е годы первые признаки этого размежевания прослеживались довольно отчётливо.

Подавление революции 1848 года и последовавшая Крымская война 1854 года положили конец конгрессам мира, которые не возобновлялись вплоть до 1867-1870 гг., когда франко-прусская война и Франкфуртский договор послужили новым толчком для созыва конгресса мира.

Развитие пацифизма отразило общую тенденцию эволюции революционно-демократических сил к либерализму к концу XIX в. Появление на европейской политической арене пацифистского движения знаменовало новый этап европейской истории. Оно входило в общее русло формирования либеральных представлений о Европе, которые во многом наполняли идею и практику европейского либерализма уже в XX столетии.

По всей Европе активно развивалось и углублялось национально-освободительное движение. В силу этого в 20 - 30-е годы XIX в. многие европейские идеи были в основном окрашены в национальные цвета. Национально-демократическая идея, однако, отчасти парадоксальным образом связывалась с идеей европейского единства. Одновременно всё активнее пропагандировалась часто европейская федералистская теория, исходившие из кругов, связанных с правительствами европейских государств.

Лозунг Соединенных Штатов Европы использовался созданной в 1867 г. в Париже Лигой мира. В 1867 г. в Женеве группа республиканцев, эмигрантов из Германии и Франции, при поддержке английских, итальянских и бельгийских прогрессивных сил провела встречу, где обсуждались проблемы мира и демократии. В сентябре прошел представительный конгресс под председательством Джузеппе Гарибальди, который создал Международную лигу за мир и свободу. Эта организация просуществовала формально до конца 1930-х годов. Работе этой лиги

оказывали огромную поддержку многие выдающиеся люди: помимо Гарибальди в ее состав входили такие видные представители либеральной интеллигенции, как Эдгар Кине, Виктор Казинс и Джон Стюарт Милль; ряд политических эмигрантов Аманд Гоэг, Жюль Ферри, Жюль Барни, прогрессивные деятели Швейцарии, Пьер Жолисант, лидеры движения У. Р. Криммер из Англии (один из основателей Интернационала), писатель и эксперт в области технологии, последователь Сен-Симона Шарль Лемонье, многие представители интеллигенции Швейцарии, в частности, Эли Дюкоммен, итальянские и бельгийские экономисты, друзья Гарибальди, среди них Тимотео Риболи. В 1868 г. эта организация стала первым европейским обществом мира, которое создало специальную ветвь, что было результатом работы Мари Гоэг (жены Гоэга). В программе лиги отмечалось, что основным условием формирования международного примирения должно быть создание республиканских организаций. Гарибальди и его последователи призывали к полному отделению церкви от государства, а его речь на открытии конгресса с обвинениями в адрес папы Римского едва не стала причиной восстания³². Лемонье и Гоэг призывали к свержению королевской власти и провозглашали права народа на самоуправление. Для Лемонье гарантией мира было создание республиканских государств, руководство которыми осуществлялось бы при всеобщем избирательном праве для мужчин (позднее он признал и право женщин на участие в выборах). Программа лиги предусматривала роспуск постоянных армий и создание милиции в целях обороны, полную свободу совести, свободу слова и собраний, всеобщее массовое обучение, гарантированное право на труд и подчинение экономических интересов принципу свободы. Во время открытия конгресса лига провозгласила, что мир

³² Цит. по: *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира.* М., 1998. С. 83.

«несовместим с огромными военными монархиями, которые нарушают основное право человека на жизнь, содержат большие армии и пытаются подавлять малые страны»³³. Открытое заседание, в котором приняло участие примерно шесть тысяч человек, представляло собой по существу съезд европейской демократии. С поддержкой конгресса мира, который состоялся в 1867 г. в Женеве, выступили и ряд таких активистов движения, которые раньше стояли в стороне: У. Р. Кример, ведущий лидер английского рабочего класса: члены палаты общин, Карл Лонге (зять Маркса), Эли Реклюс, Толейн, Камиль Пеллетан, Сезар де Паэпе и Михаил Бакунин. Многие прибыли на конгресс непосредственно с заседания I Интернационала.

В 1867 - 1868 годах Лемонье и Гозг предприняли попытку контакта с I Интернационалом, программа которого относительно проблем мира весьма близка программе Лиги. Однако бельгиец Сезар де Паэп в ответ на приглашение принять участие и оказать поддержку съезду Общества мира в выступлении на конгрессе I Интернационала в 1868 г. сказал, что лига мира не имеет права на существование, она не должна работать вместе с I Интернационалом³⁴.

Лемонье весьма удивила такая враждебность со стороны социалистов. На это Бакунин сказал ему, что «определенный круг» людей оказывает большое влияние на представителей рабочих ассоциаций. Бакунин имел в виду К. Маркса. Вскоре и сам Бакунин вышел из лиги мира, так как в 1868 г. конгресс мира отклонил его резолюцию, в которой утверждалось, что мир предполагает, «что существующая экономическая система... должна быть радикальным образом изменена в направлении освобождения рабочего класса»³⁵. Лига мира не поддержала бы социализм,

³³ Там же. С. 84.

³⁴ Там же.

³⁵ Цит. по: Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., 1998. С. 84.

если социализм предполагал отмену всякой частной собственности. Лига также не могла бы поддержать ни анархизм, ни монархизм. Но также непреклонно выступала Лига и против позиции Британского движения мира. По мнению Лемонье, Международная лига мира и свободы никогда не уподоблялась Британскому обществу Мира: «Мы не поддерживали химеру, будто абсолютного и всеобщего мира могут достигнуть существующие правительства. Лига стремится установить мир путем создания Европейской федерации»³⁶.

В 1872 г. она была переименована в Общество друзей мира, а в 1883 г. — в Арбитражное общество. Наибольшую известность получила созданная в 1867 г. в Женеве Международная лига мира и свободы, которая в своей деятельности обращала большое внимание и на политические, и на социальные вопросы. В международных вопросах она также вернулась к идее Соединенных Штатов Европы. Подтверждением этому стало издание Лигой специального печатного органа под названием «Соединенные Штаты Европы». Журнал издавался в Париже с 1868 г. Одним из его редакторов был швейцарский журналист и общественный деятель Эли Дюкоммен.³⁷

³⁶ Там же. С. 85.

³⁷ Эли Дюкоммен был младшим из троих детей в семье часовщика. Несмотря на отсутствие высшего образования, уже в 17 лет стал домашним учителем в богатой семье. Через три года начал преподавать в школе, а ещё через два года стал редактором журнала «Женевское обозрение». Его деятельность в журнале позволила ему занять в 1857 году должность вице-канцлера, а через пять лет — канцлера кантона Женевы. Он включился в дискуссии, организованные различными рабочими группами и либеральным обществом Берна. В процессе этих дискуссий выработалась идея кредитной организации для нужд швейцарских рабочих, которая была реализована Дюкоммен в 1869 г., когда он основал Швейцарский народный банк. К 1907 г. число пайщиков банка возросло с 93 человек до 40 тыс. В 1871 г., после годичной военной службы, основал газету «L'Helvetia», выходящую большим тиражом и быстро завоевавшую популярность. Поддержка

В 1891 году он совместно с Шарлем Альбером Гоба стал основателем Международного бюро мира, которое координировало действия европейских пацифистских организаций³⁸. За эту деятельность основателей бюро удостоили в 1902 году Нобелевской премии мира.

С Лигой мира и свободы сотрудничала созданная в 1869 г. в Германии публицистом Э. Левентелем Лига за Европейский Союз. Во главе Лиги мира и свободы стояли Ш. Лемонье (Франция) и Г. Гёгг (Германия).

Лига мира и свободы была весьма разнородной по своему составу. В нее входили представители многих стран Европы, включая Россию (Дж. Гарибальди, Дж. Мадзини, В. Гюго, Л. Блан, М.А. Бакунин, Дж. Миль, Н.П. Огарев, Л.

федеральной швейцарской конституции, однако, стоила газете ее франкоязычных подписчиков, и в 1872 г. она прекратила существование. В следующем году Дюкоммен возглавил строительство железной дороги Юра – Берн (позднее Юра – Симплон). В 1887 г. Дюкоммен вернулся в Берн. Административные обязанности на железной дороге он сочетал с работой в Большом совете Женевы на протяжении девяти лет и в Большом совете Берна – на протяжении десяти лет.

³⁸ Гоба происходил из семьи протестантского священника. Образование получил в университетах Базеля, Гейдельберга, Берна и Парижа. Доктор права. Преподавал в Университете Берна. Одновременно открыл собственную юридическую фирму. Был избран в Большой совет Берна. В том же году - назначен попечителем бернского департамента народного образования, эту должность занимал на протяжении 30 лет. С 1884 г. Гоба являлся членом руководящих советов Швейцарии. В 1889 г. участвовал в работе Межпарламентского союза, целью которого являлась активизация совместной деятельности между членами всех парламентов для укрепления мира и сотрудничества. В 1906 году, после смерти Дюкоммена, Гоба сменил его на посту директора Международного бюро мира. Через два года после получения Нобелевской премии Гоба возглавил швейцарскую делегацию на конференции Межпарламентского союза в Сент-Луи (штат Миссури, США). Здесь ему было поручено передать Теодору Рузвельту петицию о содействии созыву 2-й мирной конференции в Гааге, которая состоялась в 1907 г. Скончался в марте 1914 г. на заседании Международного бюро мира в Берне. (См.: Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992).

Кошут и др.).

Ш. Лемонье писал, что своей конечной целью лига намечала установление всеобщего вечного мира путем создания общеевропейской республиканской федерации, так называемых Соединенных Штатов Европы³⁹. На конгрессах лиги много говорилось о необходимости «опрокинуть» старую систему правительства, положить конец курсу на вооружение и т.п. На конгрессе 1869 г., проходившем в Женеве под почетным председательством Виктора Гюго, вместо лозунга Соединенных Штатов Европы была употреблена формула Федерация народов Европы⁴⁰.

Признавая принцип «суверенности народа», лига в то же время в целом выдвигала идею неких наднациональных интересов, что должно было послужить первым шагом на пути к созданию общеевропейской федерации, республиканских Соединенных Штатов Европы.

Лига считала политической основой для вступления в федерацию «обладание всеобщим избирательным правом, правом вводить и отменять налоги, правом заключать мир и объявлять войну, правом заключать и ратифицировать политические союзы и торговые договоры, правом вносить поправки в конституции». А.И. Герцен был в числе тех, кто подписал документ, приветствовавший создание этой новой организации. В то же время, разделяя идеалы мира и свободы, он, тем не менее, не принял участия в конгрессе 1869 г., главным образом из-за враждебной позиции, которую занимали в то время многие деятели Западной Европы по отношению к России. Итоги Женевского конгресса еще более укрепили скептическое отношение А.И. Герцена к западноевропейской демократии и ее позиции в русском

³⁹ *Кунер С.* Деятельность европейских обществ мира (1816 – 1871) // *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира.* М., 1998. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 86.

вопросе, хотя он неоднократно подчеркивал важность связи революционных событий в России с общеевропейским революционным движением.

Слабость пацифистских движений и организаций, в том числе и наиболее крупной из них — Международной лиги мира и свободы, стала особенно очевидной позднее, в начале 70-х годов. В тот период ситуация в Европе резко изменилась. Укрепление Германской империи, кровавое подавление Парижской коммуны и наступление реакции во Франции разрушили иллюзии европейских либералов, вызвали их растерянность. В Европе формировался новый мировой порядок. Ситуация в Европе в последней трети XIX века существенно отличалась от предшествующей эпохи. Закончился территориальный и экономический раздел мира — впереди намечалась борьба за его передел, и это не могло не сказаться на пацифистских движениях и организациях.

Следует также подчеркнуть крайнюю аморфность и расплывчатость позитивной программы пацифистских кругов. Отсутствие четкой позитивной программы предопределило кризис Лиги мира и свободы, оттолкнуло от нее многих видных общественных деятелей, писателей и ученых. Журнал «Соединенные Штаты Европы» довольно быстро утратил свою популярность и в 1855 г. прекратил существование. В последнем номере Ш. Лемонье с грустью писал: «Федерация народов и институт международного трибунала больше не казались мне осуществимыми в Европе». На конгресс лиги в Лугано Дж. Гарibaldi, Л. Блан, В. Гюго в 1872 г. еще прислали свои письменные приветствия, но скоро они отказались и от этих в достаточной степени формальных знаков внимания.

Международное бюро мира (МБМ) было основано в то время, когда пацифизм стал привлекать внимание международной общественности в качестве альтернативы

набирающей силу гонке вооружений в Европе. На многих международных конференциях конца XIX в. неоднократно говорилось о необходимости создания информационного центра и союза народов. Во время Международного конгресса мира 1890 г. в Лондоне идею выдвинул Фредерик Байер, бывший датский офицер, увлекшийся пацифизмом⁴¹. На следующем конгрессе в Риме (1891 г.) был создан организационный комитет. Швейцарскому пацифисту Эли Дюкоммену было поручено открыть постоянное Бюро мира в Берне. МБМ начало работу в декабре 1891 г., устав его был утвержден на 4-м Международном конгрессе мира в Чикаго.

Как центральное учреждение Международного союза обществ мира Бюро должно было «координировать деятельность обществ мира и отстаивать идею мирного решения международных споров». В его функции входили организация ежегодных мирных конференций, подготовка материала для дискуссий и контроль за выполнением резолюций. В первые годы бюджет Бюро формировался за счет отчислений обществ мира и добровольных пожертвований. В состав Международного бюро мира входило созданное в 1908 г. Всероссийское общество мира. Присуждение Нобелевской премии мира 1910 г. помогло международной организации укрепить финансовое

⁴¹ Фредерик Байер, датский писатель, пацифист и политический деятель. С 1856 по 1864 г. служил в датской армии. Храбро сражавшийся, был повышен в чине, но ужасы войны заставили его отказаться от профессии военного и пробудили интерес к пацифизму. В 1870 г. он основал Ассоциацию скандинавских свободных государств, которая ставила своей целью объединение северных народов в федерацию, что могло бы послужить моделью для других наций. С 1872 по 1895 гг. член фолькетинга. В 1882 г. основал Датское общество мира. Он являлся единственным датчанином на учредительной сессии Межпарламентского союза в 1889 г. Мечта Байера о создании Скандинавского межпарламентского союза для укрепления регионального сотрудничества сбылась в 1908 г. В этом же году его удостоили Нобелевской премии мира.

положение.

Обосновывая присуждение премии Международному союзу обществ дружбы, представитель норвежского Нобелевского комитета И. Левланн заявил в своей речи: «Мы убеждены, что это решение отвечает духу завещания Альфреда Нобеля, который хотел, чтобы его деньги утверждали, поддерживали и ускоряли движение за мир. Мы твердо надеемся и ожидаем, что премия нынешнего года послужит этой цели и принесет добрые всходы в ближайшем будущем»⁴².

В рамках этого широкого пацифистского движения идея объединения народов Европы в единое образование была чрезвычайно популярной. В 1908 году с трибуны конгресса обществ мира в Лондоне, в обстановке роста шовинистических настроений, прозвучал призыв нобелевского лауреата премии мира Берты фон Зутнер к объединению стран Европы, как к единственному средству избежать мировой войны⁴³.

⁴² Нобелевская премия мира 1910 г. // Международное бюро мира. URL: <http://nobeliat.ru/laureat.php?id=120> (Дата доступа 1.03.2016).

⁴³ Берта фон Зутнер (баронесса, урождённая графиня Кински, 1843 – 1914) — австрийская писательница, деятель международного пацифистского движения, первая женщина — лауреат Нобелевской премии мира (1905). В 1889 году вышла книга Зутнер «Долой оружие!» («Die Waffen nieder!»), рассказывающая о жизни молодой женщины, судьба которой была искалечена европейскими войнами 60-х годов XIX века. Это горячий протест против войны, написанный с большим знанием дела и огромным запасом наблюдений, протест с точки зрения жены, матери и семьи, много претерпевшей от ужасов войны. Популярность романа позволила писательнице установить контакты с европейскими группами борцов за мир. В 1891 году Зутнер присутствовала на первом в своей жизни конгрессе миролюбивых сил, организованном в Риме «Межпарламентским союзом». В том же году она основала «Австрийское общество мира», которое стало первой пацифистской организацией в стране. В 90-е годы XIX в. Зутнер участвовала в работе многочисленных конференций миролюбивых сил, причём часто оказывалась единственной женщиной-делегатом. Она приложила немало усилий для организационной, информационной

С началом первой мировой войны Международный союз обществ мира прекратил свое существование. По окончании войны Международное бюро мира сосредоточило усилия на координации мирной и гуманитарной деятельности неправительственных организаций, ознакомлении с их идеями и предложениями государственных деятелей и представителей Лиги Наций, в создание которой внесло вклад и МБМ. В 1924 г. Бюро переместило свою штаб-квартиру в Женеву – ближе к Лиге Наций. Международное бюро по-прежнему проводило конгрессы пацифистов, продолжало издательскую деятельность. Однако широкого внимания конгрессы не привлекали, и политического влияния они оказывать не могли.

Реальным элементом интеграционных процессов во второй половине XIX века явилось создание Межпарламентского союза. Это была международная организация, служащая для координации действий парламентов мира. Она была основана в 1889 году

и финансовой подготовки Гаагской мирной конференции 1899 года. В 1902 г. Зутнер продолжала активную пацифистскую деятельность, совершила турне по США и Германии, выступая с лекциями (1904 – 1905), встречалась с президентом США Т. Рузвельтом. Переписываясь с А. Нобелем, уговорила того учредить Нобелевскую премию мира. В 90-е годы XIX в. Зутнер участвовала в работе многочисленных конференций миролюбивых сил, причём часто оказывалась единственной женщиной-делегатом. Она приложила немало усилий для организационной, информационной и финансовой подготовки Гаагской мирной конференции 1899 года. В 1902 г. Зутнер продолжала активную пацифистскую деятельность, совершила турне по США и Германии, выступая с лекциями (1904 – 1905), встречалась с президентом США Т. Рузвельтом. В 1913 году на «Международном конгрессе мира» в Гааге ей был присвоен неофициальный титул «генералиссимуса» пацифистского движения. Она была удостоена высокого звания почётного президента «Международного бюро мира» в Берне, избрана членом консультативного совета «Фонда мира» Карнеги в США. (См.: *Streeruwitz Marlene. Über Bertha von Suttner. Mandelbaum.: Verlag, Wien, 2014)*

Уильямом Рэндалом Криммером⁴⁴ и Фредериком Пасси⁴⁵ и стала первой международной организацией, служащей для политического обсуждения международных проблем. Первоначально Межпарламентский союз был своеобразным клубом парламентариев Европы. Его члены являлись парламентариями, но они не представляли парламенты, работали в союзе по личной инициативе. Значительное внимание Межпарламентский союз уделил миротворческой деятельности и созданию Постоянного арбитражного суда в Гааге. Международный арбитраж члены союза рассматривали в качестве альтернативы военного разрешения споров между государствами. Речь шла о том, что в условиях нарастания межгосударственных противоречий в годы подготовки к мировой войне, когда отсутствовала возможность даже поднять вопрос о европейской федерации, предлагалось вводить в международную практику отдельные механизмы, которое подобно внутригосударственным институтам судебной власти позволяли урегулировать конфликт. Деятельность членов межпарламентского союза в основном была направлена на то, чтобы уговорить руководителей государств передавать решение спорных межгосударственных

⁴⁴ Уильям Рэндел Криммер (1828 – 1908) — британский политик, депутат парламента от Либеральной партии в конце XIX – начале XX вв. В 1865 был избран секретарём Международной ассоциации трудящихся, но два года спустя сложил полномочия. Был одним из основателей Международной арбитражной лиги и Межпарламентского союза. За свою арбитражную деятельность, в том числе за участие в англо-американском договоре о третейском суде 1897 г., был в 1903 г. удостоен Нобелевской премии мира, став первым лауреатом, получившим её единолично.

⁴⁵ Фредерик Пасси (родился 20 мая 1822 в Париже и умер 12 июня 1912 г. в Париже) — французский политический деятель, миротворец и экономист. Основатель и первый руководитель «Международной Лиги мира» (1868). Активный участник создания Международного межпарламентского союза (1889).

вопросов на международный арбитраж. Результаты этой работы высоко оценила международная общественность, удостоив целый ряд членов союза Нобелевской премии мира.

В 1909 г. был учреждён пост председателя Межпарламентского совета, избиравшегося на три года, который занял Огюст Беернарт.⁴⁶ Генеральным секретарём организации в 1892 г. стал Альбер Гоба. Он возглавлял Бюро Межпарламентского союза, координировавшее деятельность его членов.

Штаб-квартира Межпарламентского союза с 1892 г. размещалась в Берне. В 1911 г. её перенесли в Брюссель. С началом Первой мировой войны она переехала в Осло, а с 1921 г. — в Женеву, где находится по сей день. Однако теперь межпарламентский союз выполняет функцию обеспечения сотрудничества не отдельных парламентариев, а национальных парламентов.

⁴⁶ Огюст Мари Франсуа Беернарт (1829 – 1912) бельгийский политик, премьер-министр Бельгии 1884 – 1894). Закончил Гейдельбергский университет. В 1873 Беернарт был избран в Палату депутатов Бельгии, много сделал для развития путей сообщения в стране. После ухода с поста премьер-министра Беернарт представлял Бельгию при подписании Гаагских конвенций в 1899 и 1907. За свою деятельность в Постоянном арбитражном суде был в 1909 удостоен Нобелевской премии мира. В 1896 г. он стал активным членом Межпарламентского союза, основанного в целях противопоставления арбитража военному решению конфликтов. Когда в 1899 г. был создан Межпарламентский совет, Б. стал его председателем и руководил работой исполнительского комитета и бюро до самой кончины. Последние годы своей жизни Б. посвятил попыткам прекратить гонку вооружений и убедить народы решать споры мирными средствами. Абсурдными он считал огромные затраты на оружие при столь значительных потребностях в деле борьбы с нуждой внутри страны. Как важнейшую задачу он рассматривал убеждение политических деятелей в необходимости обязательного арбитража. Назначенный членом Международного третейского суда в Гааге, он представлял Мексику в споре с США в 1902 г., разрабатывал кодексы международного морского права. См.: Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1992.

На рубеже XIX и XX столетий в некоторых кругах снова оживился интерес к лозунгу Соединенных Штатов Европы. Однако в новых исторических условиях этот лозунг в значительной мере лишился своего прежнего содержания. Достаточно аморфный и умозрительный в середине XIX в., теперь, в начале нового, XX столетия, он стал для определенных кругов своего рода символом, выражавшим ностальгию по прошлому веку. Лозунг стал жертвой колониальных империй и индустриальных отечеств, требовавших все больше ресурсов и новых рынков сбыта.

Европа конца XIX в. вступила в новый этап развития. На континенте складывалось новое соотношение сил. В центре Европы набирала силу объединенная Германия, очень скоро бросившая вызов своим соседям на Западе и на Востоке. В Европе начали формироваться новые блоки и коалиции. Нараставшие противоречия между европейскими державами, которые привели к Первой мировой войне, делали еще более нереальной реализацию идей и проектов общеевропейского единства, воплощенных в лозунге Соединенных Штатов Европы.

Все эти факторы в совокупности предопределили кризис европейских идей, вызывавших столь большой энтузиазм в широких кругах европейской общественности в 40 - 60-е годы XIX в.

Одним из примеров нового интереса к лозунгу Соединенных Штатов Европы может служить конгресс политических наук в Париже в 1900 г., рассматривавший различные европейские идеи на рубеже XIX — XX вв. В центре внимания участников конгресса, который был созван по инициативе Общества бывших и настоящих учеников свободной школы политических наук, оказался вопрос о создании Соединенных Штатов Европы. Но, помимо этой дискуссии, никаких новых идей и предложений конгресс не

выдвинул⁴⁷.

В идее Соединенных Штатов Европы, которая выдвигалась и в самом начале XX столетия, заключалось опасение либеральных кругов за будущее континента в условиях, когда Европа раскалывалась на мощные, противостоящие друг другу блоки и коалиции, когда противоборство великих держав приобретало всемирный характер и угрожало мировой войной. Многие деятели либеральных и социал-демократических кругов мыслили умозрительно, предполагая, что лозунг Соединенных Штатов Европы может стать средством борьбы с надвигающейся опасностью европейского и мирового конфликта.

В объединении Европы в той или иной форме в начале XX века видели перспективу даже реакционные силы. В качестве примера такой позиции в тетрадах по империализму В.И. Ленин цитировал целую серию статей в европейской прессе, появившихся под впечатлением американо-испанской войны, в которых звучали призывы к европейской солидарности перед лицом американского «сверхимпериализма». В них приводились высказывания Вильгельма II о том, что в борьбе против американской экономической экспансии в Европу необходима политика объединения. Но одновременно утверждалось, что совместная интервенция европейских держав и США в Китай явилась примером объединения «цивилизованных государств» в борьбе с азиатской страной⁴⁸.

Одновременно лозунг Соединённых Штатов Европы использовался и деятелями Второго Интернационала. Они говорили о республиканских Соединенных Штатах Европы, желая противопоставить их союзам и военным

⁴⁷ История Европы. М., 2000. Т.5. С. 618 – 620.

⁴⁸ Ленин В.И. Тетрадь «у». Полн.собр.соч. М. Т. 28. С.185 – 194.

блокам⁴⁹. Одни видели в идее Соединённых Штатов Европы свидетельство миролюбия буржуазии, а другие - свидетельство консолидации сил империализма в борьбе за закабаление стран Азии и Африки.

Первая мировая война поставила вопрос перед социал-демократами о необходимости выхода из неё и выработки предложения по переустройству мира таким образом, чтобы не допустить войны в будущем. В частности, этот лозунг был предметом оживленных дискуссий на конференциях заграничных секций РСДРП в Берне в феврале-марте 1915 г. Ленин хотел, чтобы Россия и Европа объединились в «республиканские Соединённые Штаты Европы», что стало бы возможным вместе «с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе»⁵⁰. Таким образом, как и революционные демократы в первой половине XIX в., русские социал-демократы в период войны рассматривали возможность объединения Европы на революционной демократической основе. Последующая дискуссия выявила противоречивость лозунга. С одной стороны, он отражал объективный процесс экономического развития, когда индустрия перерастала национальные рынки, требуя их расширения путем объединения государств в общий рынок. Это отражало прогресс человеческого развития. С другой стороны, в условиях капиталистического общества интернационализация рынка означала порабощение слаборазвитых экономик отдельных стран и разорение их населения. Поэтому, в конечном счете, российская социал-демократия в лице большевиков отказалась от лозунга Соединенные Штаты Европы вплоть до Октябрьской революции. После её победы был

⁴⁹ См.: Die Neue Zeit. 1911. Н. 2/30. S. 97 – 107, 248 – 276; 1912. Н. 1. S. 660, 773; Н. 2. S. 233, 810 – 812, 943 – 944.

⁵⁰ Ленин В.И. О лозунге Соединенные Штаты Европы. Полн.собр.соч. Т. 26. С. 351 – 355.

выдвинут новый лозунг «Советские Соединенные Штаты», как лозунг, призывавший к мировой революции, победа которой привела бы к созданию мирового государства трудящихся, как об этом заявил в интервью Джон Риду один из вождей революции Лев Троцкий⁵¹. В 1919 г. лозунг вошел в программу Коминтерна и был исключен из неё тогда, когда руководители СССР осознали, что мировой революционный кризис завершился, наступила стабилизация мировой системы капитализма и стране придётся решать другие задачи. Наступала другая эпоха, наполнявшая идеи прошлого новым содержанием.

На протяжении нескольких веков идея объединенной Европы волновала воображение просвещённых европейцев. Европа представлялась им сосредоточием выдающейся культуры, которая объединяла народы в единое целое, которая противостояла окружающему Европу миру варварства и дикости. Просвещение и культура несли Европе мир и процветание через объединение. Во имя этого объединения интеллектуалы готовы были пойти на компромисс с абсолютизмом «просвещённых монархий», алчностью «героев», с бунтом «черни». Такой подход свидетельствует о некотором увлечении интеллектуалов идеализацией европейской действительности, которая зачастую приводила к неожиданным последствиям для людей достаточно образованных, чтобы просчитаться таким образом, но все-таки излишне самоуверенных и самодовольных. Европа, в конечном итоге, оказывалась каждый раз не настолько совершенной, чтобы «правильно реагировать на их замыслы». Интеллектуальной элите Европы явно не хватало критического отношения к миру, который их выпестовал и возвел на вершину европейского культурного Олимпа. Иногда последствия таких

⁵¹ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. Петрозаводск, 1987. 338 с.

заблуждений были крайне трагичны, что и доказывают последующие войны в Европе.

2. Истоки и идеи интеграции и ее первое возникновение в Северной Европе

Впервые идея международной интеграции возникла в странах Северной Европы. При этом речь шла не о политическом союзе и не о концерте держав¹, а об объединении гораздо более многоплановом и тесном. Идеино-политическое течение, известное под именем скандинавизма, выражало стремление северных стран решать свои актуальные проблемы путём максимально возможного сближения (вплоть до унии). Исторически он предстаёт в ряде различных форм и, соответственно, дефиниций².

¹ Понятие «концерт держав» (нем. *Konzert* от итал. *concerto* — гармония, согласие и лат. *concerto* — состязаясь) возникло в результате подписания Вестфальского мира как обозначение общего согласия крупнейших держав. В основу этой политической модели были положены идея национального государства и принцип национального государственного суверенитета, что стало основой для государственно-центристской структуры международных отношений. Однако этот термин стал общеупотребительным гораздо позже, в применении к системе международных отношений, сложившейся в Европе после Венского конгресса 1814—1815 годов.

² Сам термин «Скандинавия» (и производные от него) получил в странах Северной Европы XIX в. иное значение, чем в остальной части континента, неся не столько географическую, сколько культурно-политическую нагрузку. То есть, он обозначал не просто известную совокупность стран и территорий, но и их тесное взаимодействие, взаимопомощь и подготовку совместных, часто крупномасштабных политических, экономических и пр. акций. Скандинавия же, в более привычном для большинства европейцев значении, обозначалась (и обозначается) в указанном регионе термином «Север» (*Norden*), равно приемлемым для датчан, шведов и норвежцев. И ещё одно предварительное замечание: в историографии, культурологии и политологии Скандинавии приверженцы идеи скандинавизма именуется «скандинавистами», — практика, которой мы в этой работе последуем ради краткости и ёмкости этого термина.

Первоначально это была столетиями длившаяся схватка в борьбе за датский трон, долженствовавший объединить страны Северной Европы сугубо политически. Чисто литературный скандинавизм с наднациональной, космополитической тенденцией заметен уже в к. XVIII в.; династический – в сложных политических сплетениях 1810-х гг.; духовный – также в литературной форме – в 1830-х гг., на основе молодой национальной поэзии Севера. Затем в социальных бурях и условиях роста национального самосознания 1840-х гг. движение вырастает до студенческого скандинавизма, который в сер. 1850-х приобретает довольно яркую политическую окраску с тем, чтобы в 1860-х стать, наконец, чисто политическим. После 1864 г. делаются попытки распространить идею скандинавизма на всё более широкий круг населения Скандинавии – и они проваливаются одна за другой. А в начале 1870-х это движение на длительное время вообще затухает, чтобы возродиться в конце XIX в., но уже в форме почти исключительно культурных связей, что позволяет некоторым авторам обозначать его термином «неоскандинавизм»³. За ним, примерно в 1920 г. – последовал нордизм, который не привёл к созданию ни военного, ни экономического союза, но включил в круг скандинавских народов также исландцев и финнов. Самым зрелым плодом обновленного движения стал Северный союз – но это уже не история, а современность.

Взаимный взгляд друг на друга датчан и шведов сильно изменился в последние десятилетия XVIII в. Столетиями они считали друг друга наследственными врагами – точка зрения, которая от войны к войне пускала всё более глубокие корни в народных массах и политических культурах, так что враждебность между государствами превратилась в чисто

³ *Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 14.*

человеческую неприязнь. Любая мысль о языковом родстве, общности идей и истории к этому времени практически исчезла – пожалуй, лишь за исключением ситуации периода Кальмарской унии. Хотя на шведов любое напоминание об этом национальном унижении действует, как соль на рану. И первые ростки взаимного понимания, имея несколько искусственный характер, пробилась не в народных массах, но в круге людей, далёких от войн и политических раздоров.

После последнего вооружённого столкновения Дании со Швецией (Великая Северная война 1700-1721 гг.) сменилось целое поколение, прежде чем скромная попытка сближения была сделана Б.В. Луксдорфом, датчанином, интересовавшимся наукой. В 1753 г. он отправил шведскому учёному обществу Svenska Vitterhetsakademien своё стихотворение, посвящённое переходу в 1658 г. армии шведского короля Карла X Густава через замёрзший Бельт. Это произведение было академией опубликовано, хотя в нём никак не восхвалялся подвиг шведов. Напротив, здесь выражалось удивление тому, что два столь близких народа раз за разом скрещивают оружие, а общие происхождение и религия, а также близкие языки не могут этому воспрепятствовать. Пусть замолкнет навсегда грохот войны, искренне желал поэт, ведь над северными берегами уже восходит звезда мира⁴.

Следующий призыв к сотрудничеству исходил также из Дании. Профессор И.С. Снеedorф призвал обе страны к сотрудничеству в науке, а также к возрождению общего языка, что сделало бы науку общепонятной. Такое сотрудничество, а также продолжительная и стабильная дружба обеих наций поставили бы, наконец, обе страны в равновесие с другими державами. Для этого необходим взаимовыгодный договор, касающийся как науки, так и

⁴ *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 1-2.*

коммерции⁵. Это предложение совершенно соответствовало духу европейского Просвещения. В том же году датский историк П.Ф. Сум, поддерживавший тесные связи с учёными Лунда, выразил свою заветную идею о том, что три скандинавских народа должны относиться друг к другу по-братски⁶.

Но всё это были отдельные, случайные замечания. Датчане практически не посещали Стокгольм, а шведов, приезжавших в Копенгаген, можно было пересчитать по пальцам. Было сильно взаимное недоверие, чувство, которое сохранялось в течение значительной части следующего столетия. Шведский поэт Хаммершельд вспоминал в письме к своему датскому другу Мольбеху о их первой встрече – он был поражён вежливостью и приветливостью датчанина – у него было совсем иное о них представление, которое он впитал с молоком матери. Это распространялось и на межгосударственные отношения: как известно, в 1778 г. Дания отказалась подписать со Швецией договор о вооружённом нейтралитете, во всех отношениях ей выгодный. А фактический глава датского правительства в 1772-1784 гг. О. Гульдберг и в 1780 г. вполне официально и публично называл Швецию наследственным врагом Дании⁷. Лишь весьма медленно это положение стало меняться. Так, датская Академия наук *Videnskabernes Selskab* приняла в свои ряды нескольких шведских учёных, шаг, на который шведская академия решилась гораздо раньше. А в 1787 г. в датском правительстве уже появились планы к сближению со Швецией, хоть они и осуществились лишь в 1810 г.

⁵ *Patriotiske Tilskuer*, 1761, № 32.

⁶ *Bååt-Holmberg C.J.L.* „Frihetens sångar-ätt“ i Sverige på 1840-talet : Gustaf Lorenz Sommelius. Johan Nybom. C. W. A. Strandberg. Wilhelm v. Braun. O. P. Sturzen-Becker. Literaturhistoriska studier. Stockholm. 1889. S. 79.

⁷ *Holm E.* Danmarke politiske Stilling under den franske Revolution 1791 – 1797, særlig med hensyn til Sverige. København: Gad., 1869. S. 260.

Но уже в 1792 г. упоминавшийся Фредерик Снеedorф заявил во время посещения Норвежского общества в Лондоне о желательности объединения трёх северных держав. Поэтому вполне прав датский автор, говоря, что это было проявление идеи скандинавизма в XVIII в. Поразительно здесь и то, что Снеedorф в своём лондонском докладе упоминал о трёх северных державах, а не о двух, как было принято в период принадлежности Норвегии датскому королевству. Более того, он говорил о необходимости максимального сближения и совместного существования северных стран в лоне Скандинавии⁸. С тех пор ранее абсолютно не имевшие хождения термины Скандинавия, Скандия, скандинавы уже не исчезают из лексикона всё более широкого круга политиков, учёных и публицистов. Позднее историки обозначили это движение на его ранней стадии протоскандинавизмом – в отличие от зрелого скандинавизма XIX⁹. Утверждается также, что его вызвали к жизни экономические интересы, которые требовали расширения рынка для взаимной торговли северных стран¹⁰. Но имелись и политические причины такого сближения в условиях, когда Швеция опасалась экспансии России, а Дания – Пруссии. Такая внезапно проявившаяся взаимная приязнь была продемонстрирована в связи с датско-шведским торговым трактатом 1794 г. с целью защиты коммерческих флотов обеих стран. В Копенгагене его встретили с восторгом самые широкие круги общественности. То есть, почва к сближению уже

⁸ *Clausen J.* Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 7.

⁹ *Sørensen Ø.* Kampen om Norges Sjel. Norges idéhistorie. Bd. III. Oslo, 2001. S. 228 – 229.

¹⁰ *Thorkildsen D.* 1998: Nasjon, nasjonalisme og modernisering – noen sentrale problemer og posisjoner innenfor nasjonalismeforskningen // Kyrka och nationalism i Norden. Nationalism och skandinavism i de nordiska folkkyrkorna under 1800-talet. / Red. I. Brohed. Lund: University Press, 1998. S. 194.

имелась.

И тогда же герцог-регент (Карл XIII) в своём письме к датскому кронпринцу Фредерику выразил уверенность в том, что вместе они будут настолько сильны, что смогут дать отпор любому соседу, который попытается их разделить. Летом 1796 г. Копенгаген посетил известный шведский критик Карл Август Эренсверд, встреченный датскими писателями с таким теплом и надеждой на будущее сотрудничество, что позднее он писал о возникшем «литературном братстве»¹¹. В октябре того же года в Дании возникло Скандинавское литературное общество, причём в протоколе первого заседания было зафиксировано положение о том, что в его журнале будут печататься как датские, так и шведские авторы, причём на «обоих основных диалектах» – примечательный термин, подразумевающий не два языка, а всего лишь диалекты одного, общего. Что, конечно же, являлось известным преувеличением, но оно выражало общую волю к сближению наций. В дальнейшем Обществу пришлось пережить нападки (главным образом со стороны университетских профессоров), поскольку оно боролось за право на существование. В 1798 г. вышел первый номер запланированного журнала под названием Скандинавский музей, прекрасно оформленный и с богатым содержанием. Но, в конечном счёте, подписчиков на журнал оказалось крайне мало, он не мог себя окупить, хотя и выходил с большими трудностями до 1832 г.¹², а затем, в 1839 г. После этого общество распалось. Тем не менее, сама идея такого объединения ещё раз подтверждает вышеупомянутый вывод о зарождении скандинавизма ещё до наступления XIX в.

¹¹ *Rahbek K.L.* Erindringer af mit Liv. D. I-V. Kjöbenhavn: J.H. Schultz, 1829. D. IV. S. 474.

¹² *Skov P. Aarenes Høst* – Erindringer fra mange Lande. Kjöbenhavn, 1835. S. 57.

Идея династического объединения, мерцавшая ещё в XVIII в., обрела жизнь в 1809-1810 гг. Это были тяжкие годы для Дании. Столица была полуразрушена, опасность грозила как с севера, так и с юга. В этой ситуации возник план активных действий на востоке. Речь шла об отвоевании у шведов исконно датской провинции Сконе. Король Фредерик VI подготовил мощный десант, который и высадился на шведском берегу. В это же время произошло свержение Густава IV самими шведами, отчего у Фредерика появился уникальный шанс объединить обе державы, короновавшись в Стокгольме. Однако датский король проявил непростительную медлительность, и шведы избрали наследником престола Кристиана Августа, в результате чего путь к новой унии оказался отрезанным. А когда Кристиан Август спустя некоторое время также умер, датский король в течение нескольких недель пытался занять его место с целью объединения двух держав, но и эти усилия ушли в песок.

Таким образом, теперь речь шла не о литературном, а о династическом скандинавизме, способном объединить не писателей и поэтов, а две страны и два народа. И те, кто произносил столь красивые слова о равенстве и братских чувствах, должны были понять, что их идеалистические порывы были использованы в политической игре. Нетрудно догадаться, что после этого они уже не строили воздушные замки и надолго забыли о перспективах духовного и культурного единения. Тщетные попытки Фредерика VI взойти на шведский трон не имели, строго говоря, ничего общего со скандинавизмом. Поэтому он и не получал более поддержки у датской образованной общественности, ясно разглядевшей его эгоистические интересы.

Лишь для великого просветителя Дании, епископа Н. Грундтвига единство Севера и теперь что-то значило. Для него на первом месте стояли общенациональные

интересы, а династическая политика не играла никакой роли. Он написал немало обращений к шведскому народу, слабо представляя себе, впрочем, каким образом они станут известны массам по ту сторону Зунда. Предыдущие сторонники скандинавизма пытались создать внешне благоприятную творческую атмосферу, а для Н. Грундтвига же скандинавизм являлся глубоко внутренним чувством необходимости добровольного, органичного объединения.

Что же касается датского народа, то на этой ранней стадии развития движения к идее объединения двух корон он оставался равнодушным, о чём свидетельствуют газетные материалы тех лет. Те же настроения господствовали и в массах шведского народа, что имело в обоих случаях одно объяснение: бурные события в Европе 1810 г. гораздо более занимали население по обе стороны Зунда, чем перспективы династической унии. Что же касается образованных шведов, то среди них память об униженной Кальмарской унии, когда Стокгольм стал провинциальным городом, была ещё жива. А присутствие на шведском троне Бернадотта заставило умолкнуть даже самых активных сторонников унии. Собственно о скандинавизме и до того не могло быть и речи, скорее о датском стремлении к сближению, остававшемся в Швеции без взаимности.

Ничего в этом смысле не изменил Кильский мир 1814 г., согласно которому Норвегия перешла от Дании к Швеции. В это время внимание норвежцев сосредоточилось на переменах в их внутреннем положении, достаточно сложном и непредсказуемом. К тому же они стремились к самостоятельности под скипетром собственного, а не шведского короля, а Кильский трактат значительно ухудшил датско-шведские отношения. При этом не лучше относились датчане к норвежцам, среди которых стали популярны статьи, где перечислялись прегрешения бывшей

метрополии против них¹³. Шведы отвечали взаимностью, в течение ряда лет между соседними странами отношения практически прервались, поскольку власти перестали выдавать паспорта, и пассажирское сообщение через Зундский пролив, ранее весьма оживлённое, прекратилось¹⁴.

Лишь через несколько десятилетий скандинавизм обрёл поддержку в лице датского студенчества. На первом собрании копенгагенских студентов (1845) состоялось чествование Адама Эленшлегера как крупнейшего проводника этой идеи. Что и неудивительно: к тому времени поэт создал романтические произведения о величии Скандинавии в далёком прошлом, когда она ещё была единой. Но вкладу Эленшлегера в пробуждение интереса к прошлому Скандинавии отвечали подобные же произведения шведов Тегнера и Гейера, так что новый всплеск скандинавской идеи следует считать взаимным. Но в обоих случаях он был целиком гуманистично-культурным, не имея ничего общего с политической реальностью¹⁵.

В то же время взаимные переводы лучших шведских и датских писателей на соседние языки делались крайне редко, так что даже о великом Тегнере знали только в высоко образованных кругах Копенгагена, а имена не менее великого Эленшлегера или Грундтвига мало что говорили большинству горожан Стокгольма. Как прозаически это ни звучит, но умы даже художественной общественности были гораздо более заняты перспективами распространения паровых машин, чем литературы соседних стран. Регулярные рейсы первого датского парохода

¹³ *Clausen H.N.* Optegnelser om mit Levneds og min Tids Historie. København, 1877. S. 275.

¹⁴ *Becker-Christensen H.* Frederik Barfod og den skandinaviske bevægelse i tiden før 1845 // *Scandia*, 1978. Vol.44. № 2. S. 289.

¹⁵ *Haarder Ekman K.* Mitt hems gränser vidgades: en studie i den kulturella Skandinavismen under 1800-talet. Lund: Makadam I samarbete med Centrum för Danmsrksstudier vid Lunds universitet, 2010. S.35 – 38.

«Каледонии» в Норвегию и Швецию в начале 1830-х гг. восторженно приветствовались, но они сближали лишь береговое население, остальная Швеция этим обменом любопытствующих и благожелательно настроенных пассажиров не затрагивалась. Таким образом, установились связи между Копенгагеном и Мальмё, но не между Данией и Швецией.

Когда шведский поэт Э. Тегнер увенчал Эленшлегера в лундском кафедральном соборе лавровым венком, как лучшего скальда Севера, то это было сделано в знак признания его как литератора, но не деятеля скандинавизма – в этом случае венок заслужил бы с гораздо большим основанием Н. Грундтвиг. В датской научной литературе слова Тегнера, произнесённые на этом торжестве («Время разделения истекло») часто рассматриваются как основополагающие для идеологии и политики скандинавизма¹⁶. Однако, как мы видели, это движение имело гораздо более почтенную историю. Таким образом, контакты между двумя странами в 1830-х гг. были исключительно частного и литературного порядка, о национальном подъёме, который придал скандинавизму свой особенный характер, пока и речи не шло. Возобновился лишь литературный скандинавизм, известный в конце XVIII в., позднее заглушённый политическими событиями. Правда, в несколько модернизированном виде, но его суть оставалась прежней¹⁷. Увенчание Эленшлегера лавровым венком означало завершение чего-то старого, но отнюдь не провозвестие нового. Но уже в эти годы появляются первые ростки *политического* скандинавизма, который имел все шансы стать позже *народным*¹⁸.

¹⁶ *Tamm D.* En rejse gennem Nordens historie. København, 1994. S. 198.

¹⁷ *Galster K.* Den litterære Skandinavisme i Danmark og Sverige til ca. 1840 // *Tidsskrift för Vetenskap, Konst och Industri.* 1957. S. 73 – 83.

¹⁸ *Becker-Christensen H.* Frederik Barfod og den skandinaviske bevægelse i tiden før 1845 // *Scandia*, 1978. Vol.44. № 2. S. 291.

Впрочем, пока события ограничивались обменом студенческими делегациями, число участников которых доходило до 150 (1839), однако эти контакты касались только копенгагенского и лундского университетов. Понятно, что при этом устанавливались сугубо духовные, отнюдь не политические связи, хотя выпускавшийся датчанином Фредериком Барфодом с 1836 г. студенческий ежеквартальный журнал «Браге и Идун» помещал статьи, проникнутые идеями, близкими политическому скандинавизму, а среди его подписчиков мы видим и шведских, и норвежских студентов. И уже в первом номере выделялась статья Грундтвига «О научном объединении Севера», где он впервые излагает идею создания общескандинавского университета, способного заменить четыре давно уже существовавших «латинских» университета Дании, Швеции и Норвегии. Но при этом он подчёркивает необходимость сохранения национальных языков. Однако журнал не ограничивался узкой тематикой скандинавизма, освещая культурную жизнь и других стран. Так, в упомянутом первом номере появилась обширная статья П.Л. Мёллера о жизни и творчестве А.С. Пушкина.

Литературному и научному сотрудничеству посвящает ряд статей и датская газета *Fædrelandet* (Родина), в которой впервые высказывается вполне реальная (по сравнению с масштабными планами Н. Грундтвига) мысль о постоянном обмене студентами четырёх скандинавских университетов, причём в пример ставятся высшие школы пока ещё разделённой Германии. И в отдельных случаях такой обмен уже осуществлялся. Некоторые статьи этого журнала носили настолько радикальный характер (например, о замене трёх скандинавских корон одной), что их запрещала цензура¹⁹. Таким образом, часть программы духовного

¹⁹ *Fabritius A. Frederik Barfod og Skandinavismen // Historisk Tidsskrift. 1939 – 1941. Bd. 10. R. V. S. 494.*

скандинавизма осуществилась: через литературное сближение и последовавший за ним студенческий скандинавизм движение близилось к следующему этапу – политическому скандинавизму. Но уже на этой ранней стадии развития его идеи можно отметить отчётливую тенденцию – скандинавизм охватывал всё более широкие круги своих сторонников, продвигаясь с юга на север. При этом его колыбелью, безусловно, являлась Дания, которая в мае 1839 г. приняла крупную делегацию шведских студентов Лундского университета, проникнутых духом скандинавизма²⁰. Эта встреча, которая широко освещалась в прессе соседних стран, превратилась в настоящее торжество наконец-то состоявшегося примирения двух народов.

В самом начале 1840-х гг. стала заметна идея, которая впоследствии охарактеризовала всё это бурное десятилетие. В наиболее краткой форме её можно было назвать принципом национальности, и актуальной она стала не только для Севера, но и для всей Европы. 1848-1849 гг. означали для более, чем половины Европы борьбу за утверждение национального принципа, а скандинавизм – в том значении, в котором этот термин обычно понимается – явился особой, северно-европейской формой утверждения национальной идеи. Но возник он не ранее, чем для этого появились исторические и политические предпосылки, которые отсутствовали в прежнем десятилетии. Имеется в виду возраставшая немецкая угроза для Дании и напряжённые шведско-русские отношения, также с годами не улучшавшиеся²¹.

Сама идея «единства северных стран» имела исторические предпосылки. Единый некогда народ

²⁰ *Lund H.C.A. Studenterforeningens Historie 1820–1870. Bd. I. København, 1896. S. 420–425.*

²¹ *Hansen T.I. Et skandinavisk nasjonsbyggingsprosjekt. Skandinavisk Selskab (1864–1871). Oslo, 2008. S. 2.*

пошёл тремя различными путями, теперь они должны были снова стать общей магистралью. Скандинавизм превращается теперь в идею национального триединства. И если в конце XVIII в. идея такого единства носила печать космополитизма, предусматривая в идеале стирание национальных различий, то в 1840-х речь идёт о том, чтобы участвуя в строительстве общего национального дома, каждый из северных народов сохранил свои культурные и национальные особенности. И программой скандинавизма на следующее двадцатилетие становится единство Севера при сохранении самостоятельности каждого народа. Теперь основной проблемой становится выбор пути, по которому здесь будет осуществлена национальная идея.

В газете *Fædrelandet* в 1840 г. публицист и видный либеральный политик Орла Леман²², как упоминалось выше, ставил в пример национальную политику немецких правительств, но предостерегал от слишком тесного сближения с ними. Причиной тому была всё более напряжённая ситуация в Шлезвиге с его немецко-датским населением. Но поскольку национальные интересы королевства подвергались опасности на юге, тем логичнее было искать поддержки на севере. И для датчан, неравнодушных к национальным интересам своей страны, становится естественной надежда на укрепление Дании и её народа посредством единения с братскими странами Севера. Опасность ущерба с одной стороны могла быть компенсирована приобретениями с другой. Впрочем, у политиков Копенгагена отнюдь не было даже мыслей о какой-либо экспансии, имело место лишь стремление к

²² Датский политический лидер Орла Леман ещё в 1839 г. в личном обращении к взошедшему на престол Кристиану VIII призвал его ввести свободу печати и реформировать конституцию по примеру Норвегии (*Orla Lehmans efterladte Skrifter udgivne af Carl Ploug*. Bd. III. København, 1873. S. 110 – 114). Впрочем, это выступление осталось без последствий.

самоутверждению и самосохранению. Дания нуждалась лишь в моральной и практической поддержке соседей в своей борьбе за сохранение Шлезвига. Иногда даже говорят, что Шлезвиг стал ахиллесовой пятой скандинавизма, так как он раскалывал общность интересов трёх стран²³. Его проблема была жизненно важной для Дании – но не для Швеции и Норвегии. А настойчивые призывы датчан к помощи в шлезвигском вопросе лишь настораживали соседних скандинавистов, былая готовность которых к жертвам ради общего дела сменялась всё более заметным национальным эгоизмом.

Речь идёт, конечно, о правительствах, в том числе датском. Приход к власти Кристиана VIII жестоко разочаровал свободомыслящую молодёжь страны, ставшую в оппозицию к королю, который вводил жесткие цензурные ограничения а иногда и арестовывал или штрафовал редакторов – посредством приговоров послушного ему Верховного суда²⁴. Как и можно было ожидать, такое противостояние правительству распространилось и на национальную политику последнего. Во-первых, либералы критиковали явную зависимость короля от российского правительства, считая, что именно она – главная препона на пути к свободной конституции²⁵. Во-вторых, они откровенно игнорировали близкую королю шлезвигскую проблему, ставя во главу угла идеи скандинавизма. В единстве северных стран они видели гарантию свобод.

²³ *Clausen J.* Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 47.

²⁴ В июне 1840 г. Барфод опубликовал в *Fædrelandet* статью, где он сравнивал абсолютизм с засохшей яблоней, давно прошедшей пору плодоношения, которую не возродят ни солнце, ни дождь. За это автор крупно оштрафовали и ввели против газеты особую цензуру на двухлетний срок. *Becker-Christensen H.* Frederik Barfod og den skandinaviske bevægelse i tiden før 1845 // *Scandia*, 1978. Vol.44. № 2. S. 302.

²⁵ *Thorsøe A.* Den danske Stats Historie fra 1814 til 1848. København: C.A. Reitzel og Otto B. Wroblewski's Forlag, 1879. S. 459 – 462.

Никогда скандинавизм не приобрёл бы себе в течение немногих лет столь многочисленных сторонников, если бы он не воспринимался как символ политической свободы, стремление к которой не могло быть декларировано иным способом, то есть открыто.

В Швеции оппозиционеры не были столь активны, но и они встретили с удовлетворением смерть консервативного Карла Юхана, который недолюбливал датчан, а в своей внешней политике ориентировался на Россию, чей самодержавный режим часто становился мишенью для критики скандинавских студентов²⁶. И если сторонники скандинавизма априори становились в оппозицию к своим правительствам, то власти делали всё, чтобы убрать эту политическую помеху со своего пути.

Далее всего идеи скандинавизма продвинулись в Дании, чему способствовали шлезвигская проблема и политическая оппозиция. Консерваторы опасались ответных действий России после введения конституционализма в Дании. Барфод утверждал, что восточная угроза может быть снята лишь победой скандинавской идеи, кроме того уния сможет поставить шлагбаум перед российской реакцией, выступавшей с открытым забралом и в остальной Европе. Поэтому нет ничего удивительного, что уже к 1845 г. объединительными идеями прониклось абсолютное большинство жителей столицы. Этого не наблюдалось в Норвегии, которой не угрожали ни Россия, ни Пруссия²⁷. В Швеции скандинавизм поддерживали в основном студенты и отчасти профессора. Поэтому его очагами являлись университетские Лунд и Упсала, но не Стокгольм или Гётеборг. Шведские и норвежские студенты поддерживали датский скандинавизм прежде всего потому, что видели в нём

²⁶ *Tamm D.* En rejse gennem Nordens historie. København, 1994. S. 198.

²⁷ *Sannes J.* Patriotet, Intelligens og Skandinaver. Norske Reaksjoner på Skandinavismen før 1848. Oslo: Universitetsforlaget, 1959. S. 219 – 235.

залог политических свобод. Ис этого времени скандинавизм приобретает преобладающе национально-политическую окраску. Конечно, это поддерживало датчан на протяжении всех 1840-х гг., придавая движению поразительную мощь и творческую яркость, которых отнюдь не наблюдалось в Швеции и Норвегии. Когда в 1843 г. датский публицист К. Плууг²⁸ заявил в шведском Кальмаре о необходимости новой, народной Кальмарской унии, то значительная часть аудитории встретила его слова с недоумением²⁹.

Уже в мае 1842 г. в Копенгагене состоялись массовые студенческие демонстрации, в которых участвовали и шведы. В речах, которые произносились на этих едва ли не первых митингах, звучали призывы к расширению политических свобод, неотделимых от скандинавизма и даже тождественных ему. Уже тогда Ф. Барфод впервые призвал к равноправию скандинавских женщин – лозунг, который впоследствии будет повторяться в Европе всё чаще. А через неделю 150 датских студентов посетили Лунд, затем Упсалу, где также состоялись митинги, в которых приняли участие и шведские профессора. И здесь впервые студенты обеих стран выразили готовность расширить свою активность до государственного уровня: прозвучали слова о том, что лишь народ имеет право решать судьбу своей родины³⁰. А вскоре в газете «Родина» появилась большая статья (в трёх номерах) Орлы Лемана, в которой он впервые придал скандинавизму общеевропейское значение. Он напомнил, что Дания, пытавшаяся стать лидером на Севере, не имела к этому политических предпосылок, будучи

²⁸ Карл Плууг был лидером наиболее радикально настроенного Академического союза (Academicum), которому принадлежала ведущая роль в повороте студенческого движения 1840-х гг. к политическому скандинавизму (*Ploug H. Carl Ploug. Hans Liv og Gerning. Del I. København: Gyldendal, 1905. S. 77 – 79*).

²⁹ *Tamm D. En rejse gennem Nordens historie. København, 1994. S. 198.*

³⁰ *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 53.*

незначительной европейской страной. В будущем же эту роль может сыграть Скандинавия – для блага всей Европы – когда южная граница королевства будет незыблемо установлена вдоль Эйдера. Ибо лишь отсюда исторически начиналась Германия. Так впервые прозвучал призыв, который впоследствии повторялся столь часто, что стал основой «Эйдерской политики», для Дании однозначной с её скандинавской политикой. А в Гётеборге один журналист вообще призвал к упразднению дорогостоящей и малоэффективной монархической власти, видя будущее Севера в форме федерации республик по американскому образцу.

Более близки к реальности стали учредители датского студенческого Скандинавского общества (Skandinavisk Samfund, 1843), задачей которого стало «укрепление социальных и литературных контактов скандинавских народов». Новым стал допуск в него не только студентов, но и всех сторонников скандинавизма. Государственная канцелярия вынесла решение о его ликвидации, поддержанное королём. Общество закрылось, но через месяц возникло вновь, теперь украшенное именами ведущих профессоров университета. После чего почти аналогичное общество образовали шведские студенты-старшекурсники и профессора Упсалы. Различие состояло лишь в том, что датский скандинавизм уже стал политическим движением, тогда как шведское Общество оставалось на чисто литературных позициях. Ничего похожего не наблюдалось в Норвегии, чья общественность со временем несколько охладела к скандинавизму. Скорее всего, это объяснялось ещё свежей памятью о подчинении Датскому королевству и опасениями нового нарушения норвежской политической и культурной самостоятельности. Кроме того, все духовные силы норвежской интеллигенции уходили на возрождение, после трёх веков подчинения Дании,

собственной литературы, языка, старинных традиций, очищения национальной культуры в целом от датского «налёта». Исключение составляла группа консерваторов, видевших в скандинавизме противовес устремлениям крестьянских коммун к самоуправлению, а также основой для традиционной культурной ориентации на Данию. Они были, пожалуй, единственной зарубежной силой, поддерживавшей шлезвигскую политику Копенгагена вплоть до участия в военных действиях Дании на её южной границе.

Своей культурной кульминации скандинавизм достиг в 1845 г. в это время установилась система гостевых профессорских лекций в университетах, а датская «Родина» печатала статьи шведских публицистов без перевода. В Швеции же пропагандистом датской культуры и искусства стал молодой журналист О.П. Штурценбеккер, до конца своих дней являвшийся одним из наиболее верных и восторженных поклонников скандинавизма. Этот швед настолько любил Данию, что перебрался из Упсалы в Хельсингборг с тем, чтобы быть ближе к датским единомышленникам и оплоту скандинавизма в Копенгагене. Вскоре для своих соотечественников он стал главным источником сведений об актуальных событиях в соседней стране; его статьи нейтрализовали иногда появлявшиеся в провинциальных газетах переводы антискандинавистских статей, в основном немецких. Впрочем, эти иностранные публикации объяснялись не политической позицией редакторов, а скорее их равнодушием к содержанию печатаемой информации. Также О.П. Штурценбеккер печатался и в датской прессе³¹.

Летом 1845 года состоялся ставший уже традиционным обмен студенческими делегациями. В Швеции датчан

³¹ *Sylwan O.* Sturzen-Becker och skandinavismen // Studier tillägnade Karl Warburg. Stockholm, 1912. S. 157 – 184.

встречали с невероятной пышностью и гостеприимством. Но встреча в Копенгагене превзошла все ожидания. Главным событием стало собрание 24 июня в новом Музее Торвальдсена, на котором присутствовало 1 400 участников и 300 почётных гостей. После приветственных речей его перенесли в Рыцарский зал дворца Кристиансборг. Здесь выступления стали порой столь рискованны, что были бы немыслимы нигде в ином месте Дании эпохи Кристиана VIII. Так, Орла Леман в своей речи, вскоре ставшей знаменитой, призвал собравшихся без учёта национальности тут же принести клятву приверженности скандинавизму, верности трёх стран и их народов друг другу в счастье и горе. Более того, собравшиеся обещали быть заодно до освобождения их Родины – не места рождения, но великой скандинавской Родины, к чему призывал оратор³². Но и без этого уточнения всем было ясно, что конкретно Орла Леман имел в виду – решение Шлезвиг-Голштинской проблемы, то есть освобождения южно-датских герцогств от германского доминирования. 3 июля Верховным судом Орла Леман был привлечён к ответственности за призыв к соединению трёх корон в одну, то есть в нелояльности по отношению к королевской власти. Несмотря на это многие норвежцы и шведы поддержали идеи единства и доказали, что это не слова, выступив через три года на стороне Дании, жертвуя своими жизнями. Слушание дела О. Лемана закончилось его оправданием.

Главной же особенностью исторического международного форума 1845 г., лишь впоследствии ставшей явной – отсутствие конструктивной, позитивной программы у его участников и даже главных действующих лиц. Это были борцы, а не создатели ясной программы дальнейших действий. И ещё один нюанс – дабы избежать

³² *Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 59.*

неправильного толкования вежливой, хоть и пассивной позиции правительства, датским дипломатам за рубежом сразу после окончания торжеств был разослан циркуляр, в котором оно подчёркивало свою отстранённость от идей скандинавизма³³. Но, несмотря на всё это, следует признать, что в ту пору датчане подняли знамя скандинавизма на высоту, недоступную шведам и норвежцам, что именно они оставались ведущей силой движения, именно их заслугой стало привлечение к нему всё новых молодых соратников из северных стран. И, как прозорливо отметил Штурценбеккер, студенческий форум 1845 г. обретёт всемирно-историческое значение потому, что он вывел на мировую арену качественно новую силу – «союзы народов, воплотившие в себе действительную, полнокровную реальность, тогда как союзы монархов остаются лишь клочком бумаги, не более того». Заслуга скандинавских народов в том – добавлял Штурценбеккер – что северяне дали Европе первый образец такого народного единения. «И кто же создал всё это? Поначалу несколько юношей с присущими им сердцем и волей, горстка студентов, которым стало тесно в аудиториях! О, короли, короли, сколь многому вам ещё нужно научиться!», восклицал он³⁴. К сказанному остаётся добавить лишь то, что свои университеты Штурценбеккер прошёл в Дании, внимая Орле Леману и другим, неупомянутым здесь либеральным лидерам датского народа.

Датское студенческое движение живо интересовало шведов, что отражалось в отечественной печати. Столичная *Aftonbladet* и упсальская *Studenterbladet*, в некоторых отношениях подражавшие датской «Родине», беспристрастно информировали читателей

³³ *Lund H.C.A. Studenteforeningens Historie. København, Bd. II. S. 231.*

³⁴ Цит. по: *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 102.*

о событиях в соседней стране. В то же время шведская внешнеполитическая позиция весьма отличалась от датской. Стокгольм был заинтересован в ослаблении России, тогда как внимание Копенгагена сосредоточилось, прежде всего, на южной границе королевства. Для шведов проблема Финляндии занимала почти то же место, что для датчан впоследствии – ситуация с Шлезвигом. Это несоответствие политических предпочтений стало особенно значимым после 1848 г., когда вакантное место наследственного врага, Швеции (в меньшей степени – Англии), заняла Германия. Эти разнонаправленные векторы весьма ограничивали политическое сотрудничество двух северных держав. Имелось в этой области и ещё одно, не менее существенное различие. Для шведов утраченная Финляндия являлась источником исторической ностальгии, едва ли актуальной в реальной политике современности. Поэтому скандинавизм они связывали с надеждой на возможное ослабление господства России на Балтике – со всеми истекавшими из этого последствиями для Финляндии. Другими словами, к источникам шведского скандинавизма следует отнести неясные надежды и смутные упования на возможные метаморфозы в восточной части Балтийского мира.

В Дании же скандинавизм строился на совершенно иной основе и имел для неё гораздо большее значение. Никто здесь не сомневался в том, что немцы Шлезвига не смирятся со своим статусом подданных датского короля а, напротив, используют в будущем любую возможность для превращения своей родины в одну из множества суверенных немецких земель. И со временем неизбежность силового решения этой проблемы становилась всё более очевидной, отчего Дания видела в скандинавизме реальную опору своим национальным интересам в предстоящей схватке. Эта ситуация также в значительной мере объясняет почти повальное увлечение датчан скандинавизмом.

Напротив, в Швеции его к его сторонникам можно отнести почти исключительно романтически настроенных юношей, тогда как их отцы, пользуясь благами либеральной политики Оскара I, увлеклись внутренними реформами, направленными к подъёму государственной и частной экономики. Они участвовали в социальных преобразованиях, основывали частные банки, строили железные дороги, паровые лесопилки, интенсифицировали сельское хозяйство и т.д. Постройка Ётского канала, соединившего Балтийское море с Каттегатом в обход Зунда с его пошлиной, увеличило их участие в производстве экспортных товаров. Таким образом, у них были дела, реально более перспективные, чем воздушные замки скандинавизма.

В студенческой среде отсутствовали зрелые политики, видевшие в скандинавизме перспективы национального развития не только Швеции, но и всего Севера. Единственное исключение составлял известный писатель Карл Альмквист, для которого историческое единство северных народов являлось самоочевидным, исходя из общего происхождения и языкового сходства. Задачу правительств он видел лишь в восстановлении этого единства. Но его программа отличалась от датской, так как Альмквист считал, что прежде всего требуется приведение конституций к единой модели. И хотя в Дании либеральная конституция отсутствовала, однако имелись перспективы создания её в духе ещё больших свобод, чем имелись в Швеции, поскольку там не ощущалось того давления дворянства и клириков, с которым постоянно боролись шведские сословия – ради национального развития. Следующей задачей он ставил создание таможенного союза, а также общескандинавского законодательства. Наконец, актуальным Альмквист считал заключение наступательно-оборонительного союза с проведением учений в общих

полевых лагерях³⁵.

Однако эти и иные планы скандинавистов северных стран фактически не осуществлялись, отчего само движение приобретало некий циклический характер. Для его поступательного развития требовались реальные дела, практический опыт проведения идеи в жизнь. Такой момент наступил в 1848 г. Февральская революция во Франции эхом отозвалась в немецких землях, а затем и в Шлезвиг-Гольштейне, откуда в Копенгаген направилась делегация с требованием свободной конституции и вхождения Шлезвига в Германский союз³⁶.

Но одновременно требование такой конституции выдвинули и копенгагенцы, поддержанные крестьянами. Многотысячная демонстрация направилась к королевскому дворцу, и 22 марта Фредерик VII распустил старый кабинет, ввёл в новый национал-либералов (в том Орлу Лемана), себя же провозгласил конституционным монархом³⁷. Волнения имели место и в Стокгольме, а лундские студенты направили своим датским единомышленникам послание, в котором говорилось, что любое национальное достижение одного из северных народов приближает их всех к общей цели, а именно появлению скандинавизма в семье европейских народов как силы, чей голос придётся принимать во внимание. Вскоре подобные приветствия пришли из Упсалы и Христиании, причём в первом из них выражалась готовность принять участие в священной борьбе против варварства – понятно, что имелась в виду немецкая угроза. В Норвегии же на одном из митингов

³⁵ *Haarder Ekman K.* „Mitt hems gränser vidgades.“ En studie i den kulturella skandinavismen under 1800-talet“ Stockholm, 2010. S. 57 – 60.

³⁶ Об истории южных герцогств Дании см. в: *Geschichte Schleswig-Holsteins. Von den Anfängen bis zur Gegenwart.* / Hrsg. *U. Lange.* Neumünster: Wachholtz Verlag, 1996.

³⁷ *Bjørn C. Frygten fra 1848.* Bonde og husmandsuroen på Sjælland i foråret 1848, Odense: Landbohistorisk Selskab, 1985. 466 s.

активный скандинавист Б. Дункер признал, что Дания будет сражаться на своей южной границе за общее дело северных стран³⁸. Однако норвежцы и шведы, за исключением убеждённых скандинавистов, относились к борьбе, которая предстояла Дании, довольно равнодушно.

Между тем, Пруссия, рассчитывавшая присоединить к себе южно-датские герцогства, ввела в апреле 1848 г. свою армию, усиленную добровольцами из других немецких земель, в Голштейн и Шлезвиг. Датчане были вынуждены обороняться – так началась Пруско-датская (Первая шлезвигская) война, которая совершенно изменила ситуацию в соседних странах. Шведов и норвежцев охватило сочувствие к соседнему народу. В особенности это касалось Швеции, где идеи скандинавизма стали популярны как никогда до или после первого военного года. Скандинависты Упсалы стали первыми, кто потребовал от правительства помощи Дании, одновременно обратившись с тем же призывом ко всему народу. Но гораздо большее впечатление на шведов произвело поражение датчан 23 апреля, после чего прусские войска заняли не только Шлезвиг, но и часть собственно Дании, оккупировав Ютландский полуостров вплоть до Орхуса. Шведские газеты начали кампанию по сбору денег и оружия для Дании. Однако Стокгольм ограничивался дипломатическими нотами (как и далёкая Россия). В то же время английские политики выступали на стороне Пруссии. А Ларс Ерта, основатель и редактор самой влиятельной в стране вечёрки «Афтонбладет», занял нейтралистскую позицию, выражая настроения шведской буржуазии, руководившейся чисто экономическими резонами.

Именно в эти первые месяцы впервые столь чётко проявилось различие между датским и шведским вариантами скандинавизма. Если датчане считали,

³⁸ *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 108.*

опираясь на исторические акты, что весь Шлезвиг, вплоть до Эйдера, – исконно датская территория, которую нужно защищать любыми средствами, то шведский скандинавист Ларс Ерта, не отрицая этого бесспорного факта, полагал, что борьбу следует вести исключительно дипломатическим путём. Причём его не могли поколебать резкие и даже оскорбительные письма и статьи молодых скандинавистов Швеции, обвинявших его в том, что он выступает, прежде всего, в качестве судовладельца и крупного коммерсанта, а не редактора газеты, некогда стоявшей за единение стран Севера. Впрочем, и позже его *Афтонбладет* неустанно восхваляла мудрость правительства, ограничившегося в годы войны лишь резкими нотами в адрес Пруссии. Впрочем, это не соответствовало истине – по крайней мере, в первые недели и месяцы войны.

Уже 2 мая 1848 г. король Оскар I, поддержанный Государственным советом, созвал секретный комитет, на котором предложил отправить 15-тысячный корпус для обороны собственно Дании, не вмешиваясь при этом в ее шлезвигские проблемы. Комитет с ним согласился, отметив, что для этой экспедиции потребуется не менее 2 млн риксдалеров, на что необходимо согласие парламентских сословных представительств. Все четыре сословия риксдага такое согласие выразили. Однако, как указывают современные шведские историки, это было скорее выражением лояльности к королю, чем решением, принятом в духе скандинавизма³⁹. Тем не менее, 11 мая было подписано соглашение между Данией и Швецией-Норвегией о вспомогательном корпусе, 4-тысячный отряд которого должен был высадиться на о. Фюн, а остальные 11 000 штыков оставаться на Сконском полуострове в качестве резерва – как и небольшой норвежский корпус⁴⁰.

³⁹ Den svenska historien. Lexicon. Vol. 12. Stockholm, 1994. S. 98.

⁴⁰ Jansson A. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. III, d. 3. 1844 –

Немецкой же стороне по дипломатическим каналам сообщили, что её вторжение в собственно Данию будет рассмотрено как угроза Швеции – за чем последует переброска всего шведского корпуса на датские острова для защиты дружественной державы. Когда же немецкое наступление на п-ов Ютландию стало свершившимся фактом, то оказалось, что численность союзных войск превосходила намеченную: на Фюне высадилось 6 000, а в Сконе осталось 20 000 войск – это не считая военно-морских сил, также выдвинутых в западном направлении⁴¹. В конце мая – начале июня датчанам удалось добиться побед у Ньюбёля и Дюббёля (Южная Ютландия).

После этого в Лондоне начались мирные переговоры. Но они зашли в тупик, так Фредерик VII выразил волю большинства датчан, не согласившись на предложение английских посредников (о разделе Шлезвига надвое по языковому принципу). Тем не менее, в августе 1848 г. была достигнута договорённость о перемирии, после чего шведские войска отправились на родину. Однако в течение семи мирных месяцев выяснилось, что немцы готовят почву для оставления за ними всего Шлезвига, и 3 апреля 1849 г. датчане возобновили военные действия с целью прекращения оккупации герцогства. Но Пруссия вышла из войны (Берлинский мир 25 мая 1849 г.), а противостоять Дании шлезвиг-голлштинская армия едва ли могла – несмотря на то, что ее поддерживало несколько немецких княжеств – членов Германского союза. И после ряда кровопролитных сражений, победоносных для датчан, герцогства согласились прекратить военные действия. Их армия была распущена, но в январе 1851 г. в Голштейн вошли прусские и австрийские войска. Впрочем,

1872. Stockholm, 1961. S.35.

⁴¹ *Boox M. Svenska frivilliga till Danmark. Krigen 1848 – 1850 och 1864 // Militärhistorisk Tidskrift. Stochholm, 2004. S. 19.*

несмотря на численное превосходство, они потерпели сокрушительное поражение от датчан, которые вышли на историческую границу по Эйдеру. Начались очередные мирные переговоры, на которых посредничавшие великие державы снова отказались признать право Дании на весь Шлезвиг несмотря на то, что датско-немецкое население региона признавало Фредерика VII своим законным правителем. Мир с Пруссией, заключённый в Лондоне лишь в июле 1850 г., предусматривал возврат Дании Северного Шлезвига, а в южной части герцогства шлезвигские войска были подкреплены прусскими. В противовес этой воинской силе в Северный Шлезвиг вошел союзный корпус, состоявший из 2 668 шведских и 1 175 норвежских солдат⁴². Впрочем, через полмесяца союзники оставили Данию, и она осталась, как и ранее, в одиночестве перед лицом Германского союза. Таким образом, Лондонский мир шлезвиг-голландскую проблему не решил, хотя в трактате и подтверждалась неделимость датского королевства⁴³.

В военные годы во всех скандинавских странах наблюдался вполне естественный всплеск публицистической активности. Именно в эту пору шведский писатель Эмиль Кей убеждал своих читателей в том, что «в этой войне речь идёт о существовании Дании. Исход сражений позволит ответить, быть ей или не быть. Настало время решать, остаться ей скандинавской [державой] или нет. В одиночку Дания не может противостоять Германии, но это под силу Скандинавии. Если в войну вступят другие нации – Дания спасена. Как и величие, и будущее Скандинавии. Но для этого необходима немедленная помощь – вступление [в войну] Швеции»⁴⁴. При этом Э. Кей нашёл понимание у

⁴² *Ericson L.* “Hugo Raab” // *Svenskt Biografiskt Lexikon*. Bd. 29. Stockholm: Riksarkivet, 1997. S. 212.

⁴³ *Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie*. Bd. 11: Hvidt K. Det folkelige gennembrud. København, 1990. S. 111 – 126.

⁴⁴ *Key E.* *Om Skandinaviens framtid*. Stockholm, 1848. S. 40 – 41.

шведской молодёжи, не говоря уже о датской. Прохладнее отнеслись к его книжке норвежцы, хотя острая критика скандинавизма раздастся из Христиании несколько позже.

И всё-таки Дания ощутила какую-то помощь соседних стран, так как в рядах её армии сражались шведы и норвежцы – но это были добровольцы-офицеры и скандинависты, верные своей клятве 1845 г., а не регулярные войска, которые, находясь на датской территории, в военных действиях не участвовали. Всего в рядах датских войск сражалось на протяжении войны 253 шведских добровольца, в числе которых было 159 бывших гражданских лиц (в том числе 25 студентов) и 64 старших офицера, получивших право временно покинуть место постоянной службы. И те, и другие храбро сражались – об этом говорит тот факт, что 34 шведских офицера наградили одним из высших датских орденов – рыцарским Даннеброгом. При этом в боях погибло около 10 шведов⁴⁵.

Исход Первой шлезвигской войны, невыгодный для победоносной Дании и разочаровавший её северных сторонников, имел своим следствием и первую серьёзную критику скандинавизма в целом. Норвежский профессор П.А. Мунк в своих статьях («О скандинавизме», «О скандинавизме в его поздней форме», обе 1857 г.), сравнив идею триединства Севера с подобным же стремлением немецких земель, сделал вывод об утопичности и неисторичности обеих теорий. Национально-политическая интеграция трёх скандинавских стран невозможна уже потому, что в таком союзе доминирующую роль будет играть, как и во времена Кальмарской унии, Копенгаген, считал профессор. Датчане никогда не примирятся с равноправием норвежцев уже по той причине, что это – два чуждые по происхождению народа. Чтобы подкрепить

⁴⁵ *Boox M. Svenska frivilliga till Danmark. Krigen 1848 – 1850 och 1864 // Militärhistorisk Tidskrift. Stockholm, 2004. S. 23 – 24, 25, 27 – 28, 30.*

эту мысль, П.А. Мунк выдвигает собственную теорию скандинавского этногенеза, согласно которой жители Норвегии и большей части Швеции (севернее озёр Веннерна и Веттерна) некогда пришли на эту землю с севера, а в Данию и южную Швецию – с юга. Таким образом, вся южная часть Скандинавского полуострова имела в своё время германско-готское население, говорившее на языке, близком к немецкому, отчего современный скандинавизм не может претендовать на своё историческое обоснование. Эта идея – не старше самого понятия Северной Европы, возникшего лишь в результате возросшего интереса к исландской и древненорвежской литературе. Благодаря скандинавской поэзии Эленшлегера, продолжал профессор, древненорвежские мифы стали восприниматься как общескандинавские, отчего сложилось убеждение в первоначальной общности датского и норвежского этносов, а современная ситуация – перенесена в древность. Вот на этих-то фальшивых предпосылках и было выстроено понятие о никогда не существовавших общескандинавских культуре, мифологии и этническом единстве. А если взглянуть на идею скандинавизма с современной точки зрения, то станет очевидно, что теория единства от начала до конца измышлена датчанами, в то время, как остальные северные народы лишь пассивно её восприняли.

Таким образом, полагал П.А. Мунк, политический скандинавизм претендует на гораздо большее, чем то, на что способна сама Дания. Он является, тем не менее, инструментом данизации Севера, хотя место Дании в северной культуре довольно скромное, поскольку она всегда играла роль всего лишь передаточного звена между немецкой и чисто скандинавской культурами. И если представить себе, что Дания в будущем станет морскими воротами Германии, то датчане от этого вовсе не пострадают. Конечно, немецкие язык и культура возобладают, но дело

в том, что это уже случилось, причём давно. И народ при этом отнюдь не почувствовал себя униженным или угнетённым. Ведь за то, что оппозиционные настроения и национализм едва задели простой народ и чиновничество, распространившись лишь среди студентов, нужно благодарить именно онемечиванье. В своей культуре Дания выезжает на скандинавизме, хотя стыдно жить на подачках других северных стран. А сам скандинавизм как часть национального движения превратился в демонстрацию антигерманизма, хотя Дании следовало бы сближаться с Германией, а не расширять имеющуюся трещину. И единственным оправданием скандинавизма могла бы стать его борьба с расширением панславизма, причём идти она должна не на Эйдере, а у Торнео. Опорой же в ней может стать пангерманский, а не узко скандинавский союз наций⁴⁶.

Этногенетические и политические идеи П.А. Мунка, впервые поставившие под сомнение ценности скандинавизма, вызвали естественное раздражение у его приверженцев. В *Fædrelandet* появились статьи, обоснованно критиковавшие как его гипотезу о происхождении скандинавских народов (археолог, историк Йенс Якоб Ворсё), так и прогерманскую пропаганду норвежского профессора, у которого нашлись и сторонники. Самым авторитетным из них являлся шведский политик В.Ф. Дальман. Он подхватил и развил мысль Мунка относительно якобы имевшего место онемечиванья датчан, доведя её до абсурдных выводов. Например, он утверждал, что в датской культуре больше германских, чем скандинавских черт, а датский язык ближе к немецкому, чем норвежскому⁴⁷.

Это оживление дебатов относительно ценности идей

⁴⁶ *Munch P.A.* Om Skandinavismen i dens senere Skikkelse // Norsk månedsskrift, 1857. S. 436 – 440.

⁴⁷ *Clausen J.* Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 118 – 119.

скандинавизма имело очевидную причину – движение не выдержало испытания Прусско-датской войной. Внешне всё выглядело по-старому, организовывались митинги, устраивались студенческие торжества, на которых выступали видные скандинависты и т.д. Но по сравнению с 1840-ми гг. скандинавизм был политически обескровлен, и даже в статьях его сторонников проступало усталое равнодушие. Он оставался непобеждённым, дело обстояло гораздо хуже – он лишился видимой цели, а именно подготовки к неизбежной войне. Выступавшие говорили совершенно правильные вещи – например, о том, что трое всегда сильнее одиночки – но с ними уже никто не спорил ввиду очевидности такой истины. Любое политическое движение сильно, когда у него есть оппозиция; в отсутствие её оно лишается возможности доказывать свою правоту. Поэтому в 1850-1855 гг. в прессе чрезвычайно редко встречаются статьи, равные по глубине и силе выступлениям 1840-х. Очагом скандинавизма по-прежнему оставалась Дания, но поскольку оттуда не слышалось новых идейных призывов, движение в соседних странах постоянно находилось в состоянии, близком к протрации.

Так, в 1862 г. Карл Плууг в одном из своих выступлений пришёл к выводу, что под понятием «скандинавизм» преследуются совершенно гетерогенные цели. Одни скандинависты желают династического единения монархий, другие нет. Одни мечтают о триедином государстве с общим парламентом и даже с одним-единственным народом, говорящем на одном языке, а другие ведут себя скромнее и выступают лишь за отмену в датской и норвежской орфографии прописных букв, которые (как и до сих пор в немецком языке – *V.V.*) неотъемлемы от существительных. Взамен же требуют введения шведского å вместо датско-норвежского aa – саркастически закончил свою публичную

речь К. Плоуг⁴⁸.

Те немногие, кто остался верен идеалам скандинавизма, стремились перевести движение на практическую почву, но, как правило, им это не удавалось. Например, Н. Грунтвиг внёс в новообразованный датский парламент предложение об уравнивании в правах норвежцев и шведов, переселившихся в Данию, но ригсдаг его не поддержал, и эта первая значительная попытка сделать шаг навстречу «практическому скандинавизму» провалилась. Столь же тщетным оказалось предложение Скандинавского общества провести через парламент закон о равном хождении в Дании шведской и норвежской валюты, как и о ежедневном отправлении почты в Швецию. И если раньше участвовать в работе этого Общества считалось делом рискованным, дерзким и интересным, то в новой, конституционной Дании, где скандинавизм стал почти официальной идеологией, в Обществе воцарилась скука, а число его членов медленно, но неуклонно падало. А когда оно в 1856 г. закрылось, то его председатель признал на его прощальном заседании, что былая цель этой организации – поддержка идей скандинавизма – исчезла, так как движение уже получает высочайшую поддержку. Что же касается ежегодных встреч скандинавских студентов, то они продолжались, но в совершенно ином, не политическом, а развлекательном ключе. На них уже не произносились зажигательные речи видных оппозиционеров, более того, датский король предоставлял в их распоряжение правительственный пароход «Шлезвиг», а шведский – свой замок Оскархал⁴⁹.

То немногое, что осталось от скандинавизма в 1855-1866 гг., было почти исключительно политическим

⁴⁸ *Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 65.*

⁴⁹ *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 121.*

наследием движения. А основной носитель информации о нём, новый международный (межскандинавский) журнал *Nordisk Universitets-Tidsskrift* стремительно терял популярность: камнем преткновения для распространения этого издания стал его подчеркнута академический стиль. Впрочем, впоследствии этот недостаток устранили и журнал оставался рупором скандинавизма и в начале XX в.⁵⁰

Теперь как сторонникам, так и противникам скандинавизма стало ясно – для возрождения движения в изменившихся условиях требовалась новая, более широкая основа. На смену космополитическому, затем династическому, литературному и, наконец, национальному или студенческому (литературно-политическому) скандинавизму должен был прийти скандинавизм практический. Его смысл состоял в прагматическом переходе от малореального породнения династий с целью создания унии к живому и плодотворному сотрудничеству северных народов как самоцели⁵¹. Впрочем, трудно провести линию раздела между этими двумя течениями скандинавизма. Они взаимодействовали друг с другом, а их сторонники нередко переходили из одного в другое, принося идеологическую последовательность в жертву актуальным интересам своих стран – тому имеется немало примеров⁵².

Первый толчок к зарождению и развитию практического скандинавизма ощутился извне. Вдали от

⁵⁰ *Hemstad R.* Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 215.

⁵¹ *Hemstad R.* Nordisk samklang med politiske dissonanser. Skandinavisme og skandinavisk samarbeid på 1800-tallet // Det nya Norden efter Napoleon. / Red. M. Engman og Å. Sandstrøm: Et særtrykk av Acta Universitatis Stockholmiensis. Utgitt i forbindelse med det 25. nordiske historikermøtet i Stockholm 4 – 8 august 2004. S. 194.

⁵² *Hansen T.I.* Et skandinavisk nasjonsbyggingsprosjekt. Skandinavisk Selskab (1864 – 1871). Oslo, 2008. S. 13.

Севера, на берегах Чёрного моря, в 1856 году завершилась Крымская война. Как ни странно, эта величественная драма впервые открыла глаза Европе на скандинавизм, точнее, на его потенциал. В правительственных кругах Англии и Франции на него обратили внимание как на перспективную модель, годную к использованию в политических целях: конкретно при создании на Севере Европы форпоста против российской экспансии. В том же году в Швеции вышла крупная (более 350 стр.) работа дипломата и члена риксдага Свена Густава Лаллерстедта, поразительно быстро переведённая и изданная в Англии и Франции. После ознакомления с французским переводом автор доработал её и в том же году выпустил вторым изданием⁵³, на которое мы и будем в дальнейшем опираться.

Уже в первых строках книги С. Лаллерстедт поражался тому равнодушию, которое Европа проявляла в отношении подготовки Россией новых захватов, как это было в дунайских княжествах перед Крымской войной, но на сей раз в Скандинавии, точнее в норвежском Финмарке с его незамерзающими заливами и фьордами⁵⁴. Для России эта область представляет собой чрезвычайно заманчивую цель: во-первых, здесь, в особенности вблизи Варангер-фьорда, чрезвычайно велики запасы рыбы, ловить которую можно круглый год – в отличие от близлежащих российских прибрежных вод. Во-вторых, овладение незамерзающими природными гаванями сделает возможным для русских портовое строительство в коммерческих и военно-морских целях – как это имело место на берегах Чёрного моря и в устье Даугавы. Наконец, рыбацкое население будущих городов явится источником пополнения военного флота опытными моряками, в чём Россия испытывает постоянную

⁵³ *Lallerstedt S.G.* Skandinavien, dens farhågar och förhoppningar. Efter franska hufvudupplagan med ändringar och tillage. Stockholm, 1856.

⁵⁴ *Ibid.* S. 1 – 3, 6 – 7.

нужду⁵⁵.

Автор предлагал единственный возможный выход из создавшегося положения, который он видит в практическом осуществлении идей скандинавизма – но в новом варианте. Необходимо создать союз северных стран в форме федерации по американскому примеру, но не из трёх, а четырех держав, включая Финляндию. Естественно, при этом придётся отказаться от монархических режимов, ибо кто лучше сможет проводить плодотворную внешнюю политику, как свободно избранные президенты?⁵⁶ А о том, что у царя имеются далеко идущие планы в отношении ряда территорий северных стран и Германии, говорит даже его титул. О чём представители скандинавских стран упоминали на Парижской конференции, призывая Европу озаботиться этим свидетельством о грядущей экспансии империи в западном и северном направлениях – Россия не упустит шанса получить опорные пункты и прибрежные земли на севере взамен утраченных на юге в результате Крымской войны⁵⁷.

Эта книга, заслужившая столь пристальное внимание в Англии и Франции, стала далеко не единственным примером возрождавшегося скандинавизма. Такого рода программные произведения выходили почти одновременно в Дании и Норвегии. А во время летней поездки датских студентов в Швецию, когда их на причале приветствовал король, вновь звучали призывы к объединению трёх держав, чему Оскар I внимал с видимым одобрением. По возвращении же в Копенгаген, студенты приняли участие в многотысячном факельном шествии у королевского дворца, посвящённом приезду шведского наследного принца

⁵⁵ Ibid. S. 8 – 9.

⁵⁶ *Lallerstedt S.G. Skandinavien, dens farhågar och förhoppningar. Efter franska hufvudupplagan med ändringar och tillage. Stockholm, 1856. S. 276 – 277.*

⁵⁷ Ibid. S. 344 – 348.

Карла, до этого высказавшегося в Христиании в пользу «единства Севера». Это была демонстрация политической воли не только студенчества, но и присоединившихся к шествию жителей датской столицы. Правда, некоторые газеты утверждали, что смысл шествия заключался лишь в проявлении лояльности его участников к королевской власти. На что редактор *Fædredlandet* Карл Плоуг логично ответил: «Бессмысленно говорить о том, что правительство рассматривает факельное шествие как не связанное с политикой, поскольку не в силах членов кабинета лишить эту демонстрацию её политического значения. Идея скандинавизма имеет политические корни. Такой она была и именно такой останется навсегда. Закрывать на это глаза глупо, а отрицать её необходимость – бессмысленно. И менее всего стоит датскому “правительству” отрицать это, ибо несколько лет тому назад оно апеллировало к политическому скандинавизму: опираясь на его идею оно искало у Швеции и Норвегии поддержки против превосходящих сил немецкого противника, причём искало такую поддержку не только у правительств, но и у народов этих стран. И ему не стоило бы теперь забывать об этом»⁵⁸.

Выступление К. Плоуга вернуло датским скандинавистам пошатнувшуюся убеждённость в успешности своего дела. И в ближайшие годы они уверенно выступали под его идейным руководством за претворение программы политического скандинавизма в жизнь, пользуясь при этом поддержкой широких кругов общества. И никогда публицистика и политическая литература Дании не выступала с такой силой в пропаганде скандинавизма, как в 1857 г. Иная картина наблюдалась в Швеции и Норвегии, ограничивавшихся дружеским сочувствием своим датским соседям. Если скандинавизм практически

⁵⁸ Цит. по: *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 131.*

для всех датчан являлся жизненно важным делом, то для норвежцев и шведов, не испытывавших прямой угрозы откуда бы то ни было, скандинавизм по-прежнему не являлся единственным средством спасения. Однако и те немногочисленные враги скандинавизма в Дании обрели мощную поддержку в лице министра иностранных дел Л.Н. Шееля, который в своём стремлении искоренить это движение не брезговал рассылкой соответствующих нот и циркуляров правительствам России, Швеции, Англии и Франции. А там у него находились единомышленники, особенно в Петербурге, где помнили книгу скандинависта Лаллерстедта о русской угрозе норвежскому Финмарку⁵⁹. Однако успех по-прежнему сопутствовал скандинавистам: имели место такие важные практические шаги, как добровольная ликвидация Зундской пошлины для шведских и норвежских кораблей (1857), велись переговоры о совместном денежном курсе, интеграции в почтовом деле, либеральной таможенной службе, общей системе мер и весов.

В 1858 г. была сделана попытка расширить влияние скандинавизма на наиболее консервативную и аполитичную, но многочисленную массу крестьян Севера⁶⁰. Такая уникальная в своём роде международная встреча состоялась в шведском Хельсингборге, куда около 3 000 участников доставили на шести пароходах, предоставленных датскими кампаниями, а оттуда на поезде на место форума, в Рамлёсу. Организаторы встречи сделали всё от них зависящее, чтобы она придала скандинавизму новый, *народный* характер, но

⁵⁹ Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn, 1900. S. 139 – 141

⁶⁰ В этом стремлении многие скандинависты доходили до того, что меняли свою либеральную позицию на консервативную – ради общей идеи (*Nils Elvander* [uten år]: ”Från liberal skandinavism till konservativ nationalism i Sverige” i Uppsatser Svensk historia. [Også publicert i Scandia 1961]. (Studentlitteratur). Lund. S. 3

большого успеха добиться им не удалось. Большинство крестьян просто не понимали высокообразованных ораторов, а сконские помещики, не поддерживавшие движение по экономическим причинам и из опасения его демократических последствий, запугали своих крестьян опасностью участия во встрече, и их оказалось в Рамлесе даже меньше, чем датчан и норвежцев. Таким образом, народное собрание не удалось превратить в политическое. Не совсем своевременной оказалась и поддержка, которую датские скандинависты оказали в 1860 г. норвежским либералам в их попытке ликвидировать пост шведского королевского наместника в Христиании. Такая позиция подняла волну возмущённых статей в шведской прессе, что послужило падению популярности скандинавистских идей в довольно широких кругах Стокгольма и провинции. И это был не первый и не последний случай, когда попытки придать скандинавизму политический характер приносили больше вреда, чем пользы популярности и авторитету всего движения. Столь же мало результативным, как свидание в Рамлесе, стал копенгагенский форум 1862 г., хотя в ходе его студенты говорили с королями, а короли – со студентами. Он почти буквально повторил прошлые встречи (за исключением помпёзной экскурсионной поездки в Северную Зеландию) – какого же нового следовало от него ожидать? Совершенно по Фрейду датский композитор Отто Дюч сочинил к этому торжеству «Польку скандинавских дам», что соответствовало действительности, – в предвоенном Копенгагене царило веселье, во многом напоминавшее Венский конгресс, участников которого смогли отрезвить, как известно, лишь наполеоновские Сто дней.

Что же касается союза северных держав, то в 1862 году датская пресса и политические деятели вели речь лишь об оборонительном союзе. Но в таком альянсе абсолютно не нуждалось шведско-норвежское

королевство, заинтересованное для отвоевания у России Финляндии. После смерти Оскара I его преемник Карл XV, встретившись в 1860 г. со своим датским коллегой, обещал ему военную помощь в случае повторения конфликта с Пруссией. Однако, принимая и приветствуя политическую позицию своих соседей, датское правительство проявляло малопонятную сдержанность, игнорируя простую истину – помощь должна быть взаимной. Поэтому шведская пресса начала 1860-х гг. пестрела упрёками в адрес датчан, чья политика виделась им ограниченно-эгоистичной, несмотря на то, что шведский король Карл XV питал к скандинавизму очевидную симпатию. Более того, во время упомянутой встречи на высоком уровне (1860) шведский и датский короли, которых связывали узы личной дружбы, впервые пришли к согласию, что будущая скандинавская уния будет венчаться представителями датской династии⁶¹. Это не были просто вежливые, пустые слова. Очевидно, что шведский король пытался сделать и какие-то практические шаги на пути к северному единению и даже к признанию (или хотя бы пониманию) идеи скандинавизма в Европе. Летом 1861 г. он, взяв с собой наследного принца Оскара, предпринял поездку за рубеж, привлекая к себе всеобщее внимание. У них состоялись встречи с французским императором и английской королевой, на которых Карл XV попытался донести до своих высочайших собеседников суть и перспективы скандинавизма и добиться внешней, межгосударственной поддержки этого движения, что было крайне необходимо по многим причинам. Утверждают, что именно эта задача и являлась основной целью визитов⁶². Впрочем, решить ее не удалось, хотя европейские монархи

⁶¹ *Petersen K.* Danmarkshistoriens Hvornår skete det: fra istiden til 1960 år for år. København: Politikens forlag, 1969. S. 285.

⁶² *Boox M.* Svenska frivilliga till Danmark. Krigen 1848 – 1850 och 1864 // Militärhistorisk Tidskrift. Stockholm, 2004. S. 32.

живо интересовались скандинавскими проблемами. Но показательно здесь иное: Швеция последовательно и решительно стояла на стороне Дании, отстаивая ее интересы перед нейтральными и враждебными датчанам великими державами. И такая позиция Стокгольма позволяла Копенгагену весьма долго, до последней возможности противостоять внешним вызовам, отстаивая свою независимость и национальные интересы⁶³.

Очередная пора испытания скандинавизма на прочность наступила в 1863 г. В январе вспыхнуло восстание в Польше, в результате которого резко ухудшились отношения западных держав с Россией и Пруссией, что по понятной причине было воспринято датчанами вполне положительно. Воспользовавшись ослаблением внешнеполитической позиции Пруссии, датский король пригласил к себе Карла XV летом 1863 г. для решающих переговоров об оборонительном союзе. И такое – пока устное – соглашение удалось заключить. Шведский посол Х. Гамильтон предложил военную помощь (20 000 штыков) в случае нападения на Данию, после чего датский премьер К.Х. Халл подготовил проект договора, в котором шведская военная помощь должна быть оказана в случае оккупации Пруссией всего лишь Южного Шлезвига – Гольштейн предполагалось уступить немцам. То есть, южная граница Дании могла пройти и по Эйдеру. Уже шла речь о создании Союзного парламента северных стран. Но 15 ноября внезапно умер Фредерик VII, после чего голштинец Фридрих Аугустенбургский отказался следовать старому закону Датского королевства о престолонаследии (согласно которому король Дании является и герцогом Гольштейна), предъявив своё право на герцогство. Новый король Кристиан IX, противник либерализма и политик негибкий,

⁶³ *Jansson A. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. III, d. 3. 1844 – 1872. Stockholm, 1961. S. 154 – 155.*

заявил, что будет бороться за возрождение единого государства (то есть, включавшего и Голштейн). Этим он возбудил недовольство датской общественности и даже собственного правительства, поскольку такое требование вело напрямик к войне – напомним, Голштейн являлся полноправным членом Германского союза⁶⁴.

Схожей стала реакция и шведского кабинета, который на заседании 8 сентября 1863 г. в замке Ульриксдаль предложил Карлу XV отказаться от поддержки Дании в случае её войны с Пруссией. Король долго колебался, но заявление датского короля стало причиной преобладания антивоенных настроений и в шведском обществе. Отчего он, по-прежнему испытывая тёплые чувства к Дании, 2 декабря согласился на предложение своих министров. Об этом было заявлено датской стороне, отчего тут же рухнула идея о созыве общескандинавского Союзного парламента, хотя Шведско-Норвежское королевство могло занять в нём ведущее место⁶⁵. Таким образом, именно Ульриксдальское соглашение, а отнюдь не военно-политические события следующего года, как принято считать, означило фактический конец политического скандинавизма в целом. Этому содействовали и отношения Дании с великими державами. Против насильственного распространения действия так называемой Ноябрьской конституции⁶⁶ на оба

⁶⁴ Кристиан IX был непопулярен в Дании и по династической причине. Фредерик VII умер бездетным, с его смертью завершилась древняя Ольденбургская династия датских королей. На трон пришлось пригласить немца, сына глюксбургского герцога Фридриха-Вильгельма, (отдалённого потомка датского короля XVI в. Кристиана II), и гессен-кассельской принцессы Луизы-Каролины. Короновавшись под именем Кристиана IX, новый король стал первым представителем Глюксбургской линии на датском троне, не прервавшейся до настоящего времени.

⁶⁵ *Petersen K. Danmarkshistoriens Hvornår skete det: fra istiden til 1960 år for år. København: Politikens forlag, 1969. S. 287.*

⁶⁶ Подробнее о положениях Ноябрьской конституции 1863 г. см.:

герцогства выступили Англия и Россия, тогда как Франция заняла выжидательную позицию. Но самой острой реакцией на этот непродуманный шаг датского правительства стало национально-освободительное движение, тут же развернувшееся в Шлезвиге и Гольштейне.

В этой ситуации шведский король направил 15 декабря конфиденциальное письмо редактору стокгольмской *Aftonbladet*, в котором весьма пессимистично рассматривал возможность оккупации Шлезвига датской армией даже при помощи шведов, которых удастся в таком случае мобилизовать не более 13 000 чел., что займёт минимум 3 недели. Более того, он счёл такую помощь возможной (то есть, её может и не быть) лишь если противник, не удовлетворившись оккупацией герцогств, в очередной раз вступит на ютландскую территорию Дании⁶⁷. Но если в Швеции общее отношение к Дании было, мягко говоря, сдержанным, то в ином ключе выступили норвежские студенты. В те же декабрьские дни они направили своим единомышленникам в Упсале и Лунде призыв к всемерной помощи датчанам, поскольку проблема с герцогствами является общей для всех северных стран. Ответ шведских скандинавистов ненамного отличался от смысла упомянутого письма их короля. Они соглашались с предложением норвежцев, но лишь на том условии, что датские войска не перейдут линию Эйдера, то есть, ограничатся военными действиями на территории

Возгрин В.Е. Особый путь интеграционного консенсуса: из истории конституционного строительства в скандинавских странах // *Возгрин В.Е., Гончарова Т.Н., Пленков О.Ю., Соколов О.В.* Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время. СПб, 2014. С.135. Текст Ноябрьской конституции опубликован в: *Bojsen Schmidt J. Fra Danehof til Folketing*. København: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busk, 1963. S. 90 – 104.

⁶⁷ *Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet*. Kjøbenhavn, 1900. S. 189.

Шлезвига⁶⁸. Ещё более осторожную позицию занимали весной 1864 г. шведские министры, вообще отрицающая в письмах Карлу XV факт своего бывшего сочувствия скандинавизму⁶⁹. Ноябрьская конституция вступила в силу на территории королевства и герцогств с 1 января 1864 г., а уже 16 января Пруссия и Австрия направили в Копенгаген ультиматум, в котором требовали её отмены для Шлезвига и Гольштейна в течение двух суток. Правительство Кристиана IX игнорировало этот демарш, хотя глава кабинета Д.Г. Монрад официально заявил 21 января, что сделает всё от него зависящее, чтобы министры пересмотрели это решение. Однако время уже ушло. В ночь на 1 февраля прусские и австрийские войска в количестве 57 000 штыков перешли Эйдер и двинулись дальше на север. Началась Вторая шлезвигская война. Дания была подготовлена к ней гораздо хуже, чем в 1848 г. Её 40-тысячная армия оставила через 4 дня старинные укрепления на валу Данневирке согласно приказу отступить, сдерживая неприятеля, пока не будет создано новое, боеспособное войско. Датчане отступали организованно, сохраняя боевые порядки, в трудной обстановке, учитывая превосходящие силы противника и сильные морозы. Одновременно велись переговоры с англичанами относительно созыва новой Лондонской мирной конференции.

Но ещё до этого, 18 апреля произошло кровопролитное сражение у Дюббёля, в котором датчане потеряли убитыми и ранеными 4 700 человек, тогда как противник – лишь 1 200. После этой победы немцы смогли продвинуться по территории Ютландии до Лим-фьорда, обложив при этом датское население тяжёлой контрибуцией. Ситуация на море благоприятствовала датчанам – 9 мая их адмирал Эдуард Свенсон разгромил у Гельголанда австрийскую

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ *De Geer L. Minnen. Andra upplagan. Bd. I. Stockholm, 1906. S. 263 – 266.*

эскадру, а датский флот блокировал немецкие гавани. Но это никак не повлияло на ход Лондонской конференции, начавшейся в апреле. На ней англичане выдвинули своё старое предложение о разделе Шлезвига на герцогскую и королевскую части. Однако датская делегация его не приняла, во-первых, из-за спорного вопроса о линии раздела, а, во-вторых, Кристиан IX вновь проявил свою неуступчивость, претендуя не только на весь Шлезвиг, но и на Гольштейн.

Поэтому конференция ввиду своей бесперспективности оказалась прерванной, и 25 июня боевые действия возобновились. Через 4 дня противник захватил полуостров Альс, отчего появилась угроза десанта на густонаселённые датские острова, в том числе и на административный центр королевства, Зеландию. Столичные жители демонстрировали свою волю к немедленному прекращению военных действий. В связи с этим король сменил кабинет министров, поставив во главе его К.А. Блуме, авторитетного и гибкого политика, уже возглавлявшего правительство в 1852 г. Он сумел добиться перемирия, и 25 июля начались переговоры в Вене. 30 октября 1864 г. стороны подписали мирный договор. Согласно его условиям Дания лишалась своих герцогств, территория королевства таким образом сократилась с 58 000 кв. км. до 39 000, а население уменьшилось с 2,5 млн. до 1,7 млн. При этом под немецкой властью осталось 200 000 этнических датчан⁷⁰.

Участие Шведско-Норвежского королевства в этой драме, как и в Первой шлезвигской войне, было неоднозначным. В июне 1864 г. по приказу правительства в пролив Скагеррак с чисто демонстративной целью выдвинулась шведско-норвежская эскадра (2 линейных

⁷⁰ *Petersen K. Danmarkshistoriens Hvornår skete det: fra istiden til 1960 år for år. København: Politikens forlag, 1969. S. 285 – 286.*

корабля, 3 фрегата, 4 корвета и 6 канонерок) – и вернулась в порты приписки через месяц, когда уже предвиделись мирные переговоры⁷¹. Во Второй шлезвигской войне помощь Дании оказали скандинавские добровольцы. Из них только шведов насчитывалось 426 человек – 141 военный и 285 штатских. Из них 54 офицера, занявших штатную должность в датской армии, стали рыцарями ордена Даннеброга. Некоторые из шведских добровольцев женились на датчанках и навсегда остались в соседней стране; другие увезли датских жен в Швецию – это ли не пример «практического скандинавизма»⁷²? В этом смысле ничем не отличались от них и норвежские добровольцы, носившие ту же форму датских военнослужащих. Но в составе датской армии имелись и чисто национальные шведские и норвежские отряды, так называемые «рейдовые патрули» (*strövkår*), действовавшие, иногда даже по собственной инициативе, в близких тылах противника с целью разведки или рекогносцировки Ibid. S. 49. Причём действия их были настолько эффективны, что прусское командование считало их наиболее опасным противником, отказывая им, в случае пленения, в правах обычных военнопленных – ведь Швеция не являлась участницей Второй шлезвигской войны – и они подлежали казни как бандиты и мародеры. Спасло их лишь заступничество О. Бисмарка, в результате его переписки по этому поводу со шведским королём⁷³.

Поражение Дании в войне стало поражением идей скандинавизма, причём и в двух других северных

⁷¹ *Furtenbach B.* Sverige-Norges krigsmakt 1864. Till frågan om orsakerna till den politiska skandinavismens sammanbrott // *Aktuellt och historiskt.* Årg. 11. 1964. S. 80.

⁷² *Boox M.* Svenska frivilliga till Danmark. Kringen 1848 – 1850 och 1864 // *Militärhistorisk Tidskrift.* Stockholm, 2004. S.37, 40, 41.

⁷³ *Müllern H.* Bismarck och de svenska krigsfångarna 1864 // *Aktuellt och historiskt.* Årgang 11. 1964. S. 90 – 97.

странах. Однако прошло несколько лет после Венского мира, и сторонники движения стали поднимать голову. Национальная трагедия, как это иногда бывает, имела и свои положительные стороны. Чисто экономически утрата Гольштейна ничего, кроме пользы казне не принесла – он в последнее время являлся убыточным анклавом. Определённые выводы джелали и скандинависты, лишившиеся былых иллюзий. Они извлекли из последних событий горький урок, вынужденно признав, что движение являлось не более, чем занятой игрой для студенчества или опытным полем для зрелых политиков. И его верные приверженцы увидели единственную возможность возрождения скандинавизма в форме не университетского или столичного движения, но *всенародного* идейного и культурного достояния. Поэтому до конца 1860-х гг. ими делались усердные, но безуспешные попытки добиться этого. Причина же была проста: для изменения культурно-политической психологии масс требуется куда большее время. Для возрождения и консолидации движения в северных странах требовалась неустанная, хоть и незаметная работа, требовалось многолетнее терпение – а как раз его у скандинавистов не хватало.

Первым (не только в Дании, но и вообще на Севере) из тех, кто взял на себя неблагодарный труд возрождения скандинавизма, стал Карл Росенберг, юрист и даровитый политический публицист. Свою самую известную книгу он издал в 1864 г., сразу после поражения Дании во Второй шлезвигской войне⁷⁴. То есть, очевидно, он работал над ней если не в предчувствии грядущей национальной трагедии и послевоенной реакции, то, во всяком случае, разрабатывая новую стратегию движения, видя бесперспективность

⁷⁴ *Rosenberg C. Den politiske Skandinavisme: Hindringerne, Nødvendigheden og Muligheden for dens Gennemførelse: Med Forslag til en skandinavisk Forbundsforfatningt København, 1964.*

старой. В этой работе он подверг её критике, прежде всего за то, что она являлась преимущественно и даже односторонне *датской*, не отвечая интересам остальных народов Севера. Ошибка состояла в том, писал он, что для датчан будущий союз был отчасти романтической мечтой, а отчасти средством достижения своей цели. Отсутствовала общескандинавская точка зрения, не говоря уже о европейской. Датчане критиковали шведско-норвежскую позицию в то время, как она ничем не отличалась от их собственной. «Каждая из северных стран рассматривает скандинавизм как средство для достижения пользы для той или иной страны, а не как [общую] цель к которой нужно стремиться, ибо она – единственное спасение не для той или иной державы или народа, но для всех трёх вместе. Шведско-норвежское правительство заботилось лишь о выгодах для Швеции и Норвегии и поэтому поступило так, как поступило... Извращённое (*vantrö*) понимание скандинавизма имело следствием то, что датчане оказались последними среди братских народов. Датские эсскандинависты думали лишь о пользе для Дании и поэтому утратили веру в скандинавизм потому, что он в решающий момент оказался не в состоянии помочь Дании». А в настоящий момент братские чувства народов Севера должны смениться чувствами *общими* – «это необходимо и для [всей] Европы»⁷⁵.

Предложив объединение двух корон вначале в виде тесного союза, а затем унии, созданной матримониальным путём, что могло положить конец двоемыслию монархов, К. Росенберг не представлял себе королевской власти, не ограниченной демократической конституцией. Народ, и только народ должен влиять на принятие решений в области общественной жизни, то есть, в социальном законодательстве. Но и в других, чисто государственных

⁷⁵ Ibid. S. 85 – 105.

делах короли должны действовать в соответствии с волей народа, выраженной его представителями или конституционными органами. Под этими демократичными органами высшего уровня автор книги понимал будущий Союзный парламент и Союзное правительство, состоящее из министров, чья контрассигнация придаст решениям королей законодательную силу, и которые будут обязаны нести за неё ответственность перед парламентом. При этом избирательное право должно распространиться на все три сословия. И, как бы предвидя обвинения в идеализме и утопичности такой идеи, автор книги предложил использовать опыт уже существующего и плодотворно работающего шведско-норвежского парламента. Наконец, самым удобным местом для работы Союзного парламента Росенберг считал отнюдь не старые северные столицы, но оплот шведского скандинавизма Гётеборг. Кроме того, его выбор Гётеборга был оптимален и по географическому расположению города, срединному в будущей унии⁷⁶.

Понимая, что многие положения его книги устаревали с каждым месяцем послевоенного времени, К. Росенберг тысячами издавал летучие листки, в которых откликался на все актуальные события, осмысливая их и излагая свои заключения на языке, понятном народу, причём не только датскому. Однако на этой фазе скандинавского движения он сражался в одиночку (у него было всего 2-3 соратника), не находя, помимо того, поддержки в широких кругах, настроенных явно пессимистически, а датская, шведская и норвежская пресса этих лет вообще не поднимала тему скандинавизма. Некоторое исключение составляли лишь грунтовиgianцы и практически мыслящие политики, которым было выгодно стать под сень старых знамён.

⁷⁶ *Rosenberg C. Den politiske Skandinavisme: Hindringerne, Nødvendigheden og Muligheden for dens Gennemførelse: Med Forslag til en skandinavisk Forbundsforfatningt København, 1964. S. 113 – 115, 117.*

В это время, несколько неожиданно, на скандинавскую сцену выступает Норвегия. Впрочем, она имела к тому основания. Норвегия, за исключением далёкой Исландии, воистину самая «нордическая» из остальных северных стран, в лучшем, несмешанном виде сохранила культуру, традиции и язык Средневековья (имеется в виду основная масса населения, а не горожане). Норвегия оказалась в центре внимания культурных скандинавистов всего Севера и по иной причине – в отличие от Швеции, она поддерживала своими слабыми силами Данию в самые тяжёлые военные и послевоенные годы. Впрочем, говорить в этом смысле обо всей Норвегии было бы преувеличением. Как и раньше, оплотом скандинавизма, а значит и политики, дружественной датскому народу, оставалась Христиания. Пожалуй, лишь столичные скандинависты заботились здесь не только о благополучии соединённого королевства, но и о своей бывшей метрополии, с которыми Норвегию связывали столь многие культурные узы. Во время Лондонской конференции, призванной решить вопрос войны и мира на Севере Европы, когда ещё был неясен её исход для Дании, именно в Норвегии в 1864 г. образовалось Скандинавское общество Христиании (Skandinavisk Selskab i Christiania), основной задачей которого стало «утверждение и поддержка независимости любого из народов в их внутренних делах и содействие установлению доверительных политических связей между ними... которые придадут скандинавским народам физическую и духовную силу... ибо невозможно отрицать, что незнакомство с положением наших братских народов и, наоборот, их незнание нашей ситуации весьма велики»⁷⁷.

⁷⁷ *Hemstad R.* Det norske akademiske samarbeidet og skandinavismen // *Civilsamhällets Norden. Papers presenterade på ett seminarium om nordiskt samarbete i januari 2004 / Red. Heidi Haggren, Ruth Hemstad & Jani Marjanen.* Helsinki, 2005. S. 20.

В послевоенной обстановке возникновение этого Общества в ситуации, когда скандинавизм начал терять почву под ногами, вызывалось нуждой в конкретной разработке новой скандинавистской программы и в центре, объединяющем движение. Этой цели приносились в жертву студенческие встречи, до того бывшие почти ежегодными и игравшие неоценимую стабилизирующую и направляющую роль для всех стран Севера. Зато в Норвегии всё шире развивалась практика приглашений датских и шведских профессоров для чтения лекций в университете Христиании. И они охотно приезжали даже тогда, когда депутаты парламента (стортинга), настроенные антискандинавистски, голосовали против финансирования таких поездок⁷⁸.

В первой половине 1866 г. состоялось заседание Скандинавского общества, на котором молодой норвежский историк Ю.Э. Сарс сделал доклад «О новейшей северной политике единого государства». В нём он выразил, в противоположность Биркеланду, идею, призвать общество к изучению национальных ценностей своей родины, потому что народ может обрести самого себя лишь через национальное самосознание, а скандинавизм – явление вненациональное. Скандинавизм игнорирует многообразие сущностей, недооценивая значение национального принципа. Согласно этой позиции развивающаяся культура постепенно утратит национальные устремления, а население Европы сплавится в виде, определяемом родством, внутренними и внешними предпосылками. В ноябре 1866 г. на одной из встреч скандинавистов великий норвежский поэт Бьёрнстjerne Бьёрнсон произнес sacramентальную по тем временам фразу: «Прежде всего, мы должны быть норвежцами, а уж потом скандинавами. Каждый из северных народов должен сохранять свои

⁷⁸ Ibid. S. 73.

собственные особенности, чтобы было чем делиться с другими»⁷⁹.

Таким образом, антискандинавизм воспринимал себя более национальным, чем скандинавизм, который из-за отрыва от исторических корней, приходил к абстрактным выводам. Ю.Э. Сарс не верил в то, что уже произошло сплавление эмансипации личности и национальных чувств, а что касается трёх северных стран, то Норвегия, Дания и Швеция всегда рассматривали себя и чувствовали себя как три различных народа, и эти чувства и впредь будут живы у всех кроме тех, у кого тирания доктрин уничтожила всякий здравый смысл. Культура не стёрла границ или различий, происходящих по природе и первоначальных племенных условиях этих стран. И то, что культура не уничтожает, она развивает. Что было племенем или народом, становится национальностью, что существовало как дар или особенность природы, стало народной индивидуальностью и самосознанием, а оно с одной стороны связывает три северных народа гораздо теснее, чем прежняя более крупная общность в языке и социальном характере, но с другой стороны разделяет их гораздо глубже и необратимее, чем ненависть, предрассудки и изоляционизм древности.

Но если скандинавизм в Норвегии столь быстро угас, то это едва ли объясняется выступлениями вроде упомянутого, а, скорее, яростными схватками вокруг проблемы унии, разгоревшимися в конце 60-х и вызвавшими раскол в скандинавских кругах. Б. Бьёрнсон, в своё время ярый скандинавист, был настолько раздражён политическими событиями, что однажды заявил, что практический скандинавизм не может осуществляться таким образом.

⁷⁹ Подробнее об эволюции отношения к скандинавизму Б. Бьёрнсона в различные периоды его жизни см.: *Haarder Ekman K. Mitt hems gränser vidgades: en studie i den kulturella Skandinavismen under 1800-talet. Lund: Makadam I samarbete med Centrum för Danmarksstudier vid Lunds universitet, 2010. S. 167, 171 – 181, 200 – 205.*

Шведы и датчане игнорируют или оттирают норвежцев, в их газетах постоянно фигурирует *шведский* король. И разве не забыли они недавно пригласить норвежцев на стрелковые соревнования? Именно такие мелочи показывают что они не признают независимость Норвегии. Швеция думает лишь об утверждении своей гегемонии в унии, а Дания – лишь о возвращении Шлезвига. Но молодое норвежское демократическое национальное чувство оказалось сильнее высокопарной скандинавской мысли. Здесь в те же годы образовалось Скандинавское общество (Skandinavisk Selskab) – как и в Дании, хоть и под немного другим именем (Nordisk Samfund), но с той же целью.

В Швеции также образовалось своё Скандинавское национальное общество (Nordiska nationalföreningen). Здесь, как и в двух других странах, в создании каждого скандинавского института принимал самое решающее участие неутомимый Росенберг, ставший гроссмейстером скандинавизма и теперь постоянно проживавший в Копенгагене. В 1864 г. в Стокгольме образовалось Nordiska Nationalförening с 300 членами. И в марте 1865 г. капитан Манкель говорил в нем о общих силах обороны. Но в лундском филиале – 500-600 членов. Затем в Гётеборге. В Дании же эта деятельность пошла несколько позже, в 1865, в виде датско-норвежского объединения с немногими членами: Росенберг и сам видел, что после поражения Дании общественности стало не до провалившегося скандинавизма. Все они принадлежали не к национал-либеральной, а к национальной партии (крупные оптовики, коммерсанты, большая часть молодёжи), находясь под сильным влиянием грунвигианства. Сильное неприятие немцев – их всех нужно удалить с гражданской или военной службы, не давать аренды. Они хороши, пока внизу, но окрепнув становятся тиранами, презирая датчан. Этот яд национализма превращал скандинавизм в пародию.

Проводники – листовки *Vladene til Menigmand* – выходили анонимно, никого нельзя в этом обвинить, и менее всего Росенберга. У него был иной, не настолько brutальный стиль.

В 1865 г. образовался Союз 10-го октября – крупные помещики и прочие. Они выступали против скандинавизма, который вёл к борьбе за власть, к замене датской династии шведско-норвежской и подчинению Дании. В том случае, если он приведёт к войне с Германией, то Швеция с Норвегией не помогут. На встрече летом 1866 г. в Стокгольме представители скандинавизма трёх стран в последний раз выступали с деловыми предложениями – о политическом объединении и общей обороне. Орла Леман объяснил здесь, отчего старые скандинависты ушли в тень: не потому, что их вера пошатнулась, но по той причине, что в последнюю войну Дания не дождалась помощи. Лишь союзный парламент может ликвидировать взаимную подозрительность. Другие выступавшие снова пытались реанимировать шлезвигскую проблему – вряд ли сами на что-то рассчитывая. Воистину, они ничего не забыли и ничему не научились. В резолюцию включили предложение Росенберга о необходимости выигрыша народного мнения, представив ему все выгоды общей системы обороны, парламентского представительства и внешней политики. И впервые заявила о себе идея общей экономике, которую стал выражать журнал лундского профессора национальной экономики Густава Гамильтона *Nordisk Tidsskrift for Politik, Ekonomi og Litteratur*, сменивший старый университетский скандинавистский орган. Но и он, просуществовавший 5 лет стал необходим из-за увядания скандинавизма, сторонники которого численно уменьшались. Новый еженедельник *Uge-Blade for Menigmand* (1867-1869) стал издаваться для привлечения к идее селян, с той же целью активисты провели 25 народных собраний. Впрочем, без

особого успеха, так как они встретили противников. В 1868 г. скандинавизм стал главным предметом ярых споров между политическими партиями. Кроме октябристов против скандинавизма мощно выступала новая партия Дружья крестьян⁸⁰.

В 1872 г. Nordiska Nationalförening прекратил своё существование. Студенческие встречи 1869 и 1875 гг. также стали последними. На них произносились речи о необходимости союза, но они были куда более осторожными и пессимистическими, чем ранее. На последней из них датский редактор К.С. Билле признал, что идея политического единства трёх стран себя исчерпала, и речь в дальнейшем может идти о гораздо более важном, *внутреннем единении* северных народов. Показательно, что из употребления выходит сам термин «скандинавизм». В последний раз оно встречается на страницах газеты Fædrelandet в 1871 г.⁸¹. Не исключено, что наступившее затем длительное затишье было связано с колоссальным ростом военно-политической мощи новообразованной Германской империи, противостоять которой даже при маловероятном объединении всех трёх северных держав не представлялось возможным. Но до этого было далеко, как и в начале XIX в. В 1895 г. наступило резкое охлаждение в норвежско-шведских отношениях, причиной чему стала проблема консульств и национальных флагов. Норвежцы настаивали на праве иметь собственных (а не назначавшихся Стокгольмом) консулов в зарубежных странах, а также праве на национальный флаг для судов торгового флота. Оскар II наотрез отказывался удовлетворить это требование стортинга, вызывая понятное раздражение практически

⁸⁰ Rosenberg C. Den politiske Skandinavisme: Hindringerne, Nødvendigheden og Muligheden for dens Gennemførelse: Med Forslag til en skandinavisk Forbundsforfatningt København, 1964. S. 224

⁸¹ Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 69.

всех норвежцев.

Очередной период скандинавского сближения, 1900-1905 гг., норвежская исследовательница истории скандинавизма Рут Хемстад назвала «бабьим летом», насчитав 75 встреч, организованных северными странами за 5 лет. Причиной этому явлению стала, среди прочего, руссификаторская политика России в Финляндии⁸² и стремление Германии онемечить датское меньшинство в Шлезвиге. Наиболее значимым событием при этом стало образование в 1902 г. шведско-норвежского общества «Благо братских народов»⁸³, которое имело шведское и норвежское отделения с самостоятельными правлениями. Однако в особых случаях предполагались совместные заседания – как, например, в 1904 г. в Стокгольме. Оно насчитывало 3 500 постоянных членов (1905). Это двуединое общество располагало солидным денежным фондом, средства которого использовались в целях «достижения взаимопонимания и развития культурных отношений между шведским и норвежским народами»⁸⁴. В целом же тематика конгрессов и содержание докладов на них позволяет сделать вывод о возврате к программам периода культурного скандинавизма.

Как верно отмечает современный шведский историк, упомянутые и иные, более мелкие общества со схожими программами, имели мало общего с историческим скандинавизмом. Их цель была иной, более прагматичной – расширить основу для развития собственной, то есть северной, науки и профессиональной деятельности в различных областях экономики, культуры, духовной жизни

⁸² В 1899 г. царь распустил финский парламент.

⁸³ Лозунг «Благо братских народов» (шв. «Brödrafolkens väl», норв. «Broderfolkernes vel») был заимствованием девиза Оскара II (1872), под которым он правил до 1905 г.

⁸⁴ *Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen.* Oslo, 2008. S. 351.

стран Скандинавского полуострова и Дании⁸⁵. В то же время в докладах, представлявшихся на различных форумах, не было недостатка в упоминаниях о необходимости осуществить высокие идеалы скандинавизма ради общего блага.

Однако после распада шведско-норвежской унии (1905) наступила – по выражению той же Р. Хемстад – «северная зима». Уже существовавшие межскандинавские союзы и объединения распадались, научные и практические конференции откладывались или бойкотировались, прекратились и студенческие встречи. И даже тщательно подготовленный конгресс скандинавских историков, состоявшийся в 1905 г. в Лунде, оказался наполовину провальным, так как на него не прибыла норвежская делегация, а следующий форум историков собрался лишь в 1920 г.

В Норвегии, по сравнению с Данией или Швецией, к этому времени вообще оставалось всё меньше сторонников скандинавизма. Основная причина тому оставалась старой – боязнь возрождения былых фантазий объединения. Основной проблемой для норвежцев стали отношения со Швецией. До тех пор, пока там норвежцев считали народом второго сорта, для них уния оставалась непредставимой – неважно, со Швецией или с Данией. Прежде всего, следовало разорвать унию со Швецией. Тогда уже можно было бы заняться созданием шведско-норвежского оборонительного союза, а ещё лучше – договора о нейтралитете всей Скандинавии. При этом очевидным для всех становился скепсис Норвегии по отношению к скандинавизму в

⁸⁵ *Gustavsson H.* Förlusten av Norge gav nordisk istid // SvDKultur. 24.03.2009. Разнообразие целей и задач Нового скандинавизма (Nyskandinavisme) отразилось в его дефинициях тех лет: Педагогический скандинавизм, Экономический скандинавизм, Профессионально-квалифицированный скандинавизм и т.д.

целом⁸⁶. А одним из немногих его защитников оставался норвежский языковед и рунолог Софус Бугге, сделавший в 1903 г. на кафедре университета Христиании доклад «Северное единство», который затем вышел во всех скандинавских странах отдельным изданием и привлёк к себе всеобщее внимание. В нём С. Бугге, опираясь на своё лингвистическое понимание общих корней скандинавских языков, выступил с идеей аполитичного скандинавизма, имевшего задачей не формальное единство, но культурное объединение и лучшее взаимопонимание северных народов. Модернизированный таким образом скандинавизм получил всеобщую поддержку и в Норвегии⁸⁷.

Однако шведы предложили в декабре 1905 г. своё прочтение идей С. Бугге. Они настаивали на прекращении постоянной конкуренции между северными народами, на смену которой должно было прийти сотрудничество, а в качестве программы-максимум – создание Соединённых Штатов Европы⁸⁸. Но это произошло уже после распада шведско-норвежской унии (июнь 1905 г.), что означало и конец скандинавизма в целом. Большинство конгрессов и менее масштабных встреч отменялось. И хотя на официальном уровне отношения между этими двумя странами оставались вполне корректными, в шведском обществе отвергалось любое гражданское сотрудничество с Норвегией и даже с Данией – это была реакция на последние политические события в Скандинавии. Вместо этого всё больше сторонников получала идея внутренней, национальной консолидации шведского народа. В то же время экономическое и культурно-духовное сотрудничество

⁸⁶ *Hemstad R.* Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 111 – 112.

⁸⁷ *Solheim S.* Sophus Bugge (1833 – 1907) // *Leading Folklorists of the North.* Oslo, 1971. S. 313 – 322.

⁸⁸ *Hemstad R.* Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo, 2008. S. 311.

сохранялось: продолжали с вою работу «Союз северных судовладельцев» и «Объединения лесоторговцев Севера», и в том же 1905 г. в Швеции состоялась шведско-норвежская встреча, закончившаяся общей молитвой о мире. Однако ожесточение против норвежцев уже снова пустило корни в сердца многих шведов – не только из-за распада унии, но и фактического прекращения доверительных отношений между двумя странами, чему виной они считали Норвегию. Дошло до усиления норвежских оборонительных сооружений на границе, так как актуальной стала опасность новой войны. Датско-шведские отношения были ненамного лучше – по той причине, что датчане не скрывали своего удовлетворения упомянутым распадом унии, а также под впечатлением переговоров об избрании датского принца Карла королём Норвегии, закончившихся плебисцитом в ноябре 1905 г., в результате которого принц короновался под именем Хокона VII⁸⁹.

Шведско-норвежские отношения не улучшились и во время переговоров о признании великими державами территориальной неприкосновенности Норвегии, закончившиеся 2 марта 1907 г. подписанием Христианийского договора Россией, Германией, Францией и Англией. В Стокгольме этот документ сочли антишведским, хотя в нём о Швеции не говорилось ни слова. Дошло до разрыва отношений между тремя скандинавскими монархами, продлившегося до 1914 г., хотя они и состояли в довольно близком родстве (бывший датский принц, король Норвегии Хокон VII являлся внучатым племянником шведского короля Оскара II). Лишь после начала Первой мировой войны отношения смягчились – северным странам следовало выработать общую политику нейтралитета и расширить коммерцию,

⁸⁹ *Nilson S.S. Politisk avstand ved norske folkeavstemninger. Oslo, 1972. S. 20 – 22.*

поэтому встречи на высшем уровне стали более частыми. А после Версальского мира к северному нейтралитету официально присоединилась Финляндия, получившая независимость. Однако в межвоенный период прогресса в сближении скандинавских стран не наблюдалось. Лишь в 1939 г. на встрече глав правительств были разработаны меры по общей безопасности. Сотрудничество же ограничилось интенсификацией совместной экономической, социальной и культурной политики, а также в области законодательства.

Во время Второй мировой войны нейтральной Швеции всё же пришлось занять определённую позицию по отношению к Германии и оккупированным ею Норвегии и Дании. Однако помощь, которая оказывалась шведами датчанам и норвежцам, осуществлялась в частном порядке, официальный Стокгольм хранил нейтралитет. После того же, как германские войска потерпели поражение в Финляндии и было заключено советско-финское перемирие, а советские войска вошли на территорию Северной Норвегии, в Стокгольме приняли решение о помощи в освобождении Норвегии и Дании. Однако осуществить его по ряду причин не пришлось.

Не состоялось налажено и послевоенное сотрудничество. План скандинавского оборонительного союза в конце 1840-х гг. провалился – Дания и Норвегия вступили в НАТО, тогда как Швеция и Финляндия остались строго нейтральными.

Не получили развития и планы экономического сотрудничества НОРДЕК (включая Финляндию) и СКАНДЕК (без последней), задуманные в противовес растущей мощи Европейского экономического сообщества – в начале 1970-х гг. от них было решено отказаться. Напротив, идеи неоскандинавизма нашли своё зримое выражение в образовании Северного совета (1952), в котором сотрудничают парламенты северных держав и

автономных территорий, исторически им принадлежавших. В его рамках была уже в 1954 г. заключена паспортная конвенция, облегчившая частные и официальные контакты посредством отмены паспортного контроля для граждан этих стран (за исключением Фарёрских островов и Гренландии).

Скандинавизм XIX в. на первый взгляд не привёл к сколько-нибудь значительным политическим результатам. Он зашёл в тупик и прекратил своё существование. Тем не менее, это движение оставило по себе зримые следы, прежде всего в истории стран Северной Европы. Его сторонникам впервые удалось организовать прямое и непосредственное общескандинавское сотрудничество, едва ли не впервые за 800 лет, прошедшие после того, как норвежский король Магнус Добрый защищал датские границы от вендского вторжения в Ютландию. В отрыве от истории скандинавизма нельзя рассматривать также политические и культурные процессы той эпохи. Идеи скандинавизма фигурировали на протяжении десятилетий до и после середины XIX в. в качестве основной темы публичных и публицистических дебатов и дискуссий, развивая тем самым политическую, а также идеологическую культуру Северной Европы. Он имел многие черты, общие с национальными движениями своей эпохи – как культурными, так и политическими, и так же как последние был направлен против своих внешних противников. Однако его содержание выходило за рамки обычного политического образа мыслей. Носителями и пропагандистами этого движения являлись как либералы, так и консерваторы, зачастую менявшие свою политическую ориентацию на противоположную – если этого требовали интересы движения. то же касается внешнеполитических

претензий скандинавизма, то в этой области оптимальным виделось сотрудничество в ликвидации угрозы с востока и юга в борьбе за свободу и независимость. Но именно в попытках решения этой проблемы наиболее явственно проступала двойственность движения. С одной стороны оно предполагало отстаивание собственных интересов каждого народа, а с другой – преданность солидарности с братскими народами, готовность жертвовать ради неё собственными интересами.

Отличительной чертой для северной интеграции является, в сравнении со средне-европейской, её менее официальный, более демократический характер, большее внимание правительств к мнению обществ, народов. Такого рода политика даже получила своё имя собственное «международная» (*датс. mellemfolkelig, норв. mellomfolkelig, шв. mellanfolkelig*), где «народ» имеет значение не политического, а этнокультурного тела. Это утверждение отнюдь не исключает в истории скандинавизма других мощных факторов. Так, скандинавская национал-либеральная историография ставила во главу угла экономический, а сторонники телеологического подхода – культурный, исторический и национальный факторы. Тем самым движущая сила истории обезличивалась, против чего в последнее время выступают историки скандинавизма, которые объясняют особенности этого движения действиями политических партий и лидеров⁹⁰. Этих акторов легко идентифицировать с целью возложения ответственности именно на них, что крайне важно как в исторической науке, так и в выборе векторов политического развития в настоящем.

⁹⁰ *Stråth D. Historia som teleologi? Ett annat perspektiv på unionen Sverige-Norge // Sosiologi i dag. Årgang 35. Oslo, 2005. № 3. S. 28.*

3. Аристид Бриан и проект Европейского федеративного союза

Лучшие умы человечества издавна размышляли над проблемой объединения людей и государств. Мысль об этом лежала в основе знаменитого «Великого проекта» Генриха IV, который был составлен в 20-х – 30-х гг. XVII века премьер-министром короля герцогом Сюлли. Зерном этого проекта была идея равновесия сил в Европе, всеевропейского мира, отказа от войны как средства решения спорных проблем¹. Именно эта идея объединения европейских государств была главной и в «Проекте вечного мира», написанном в XVIII веке аббатом Сен-Пьером, и в размышлениях В. Гюго о европейской федеративной республике.

Проблема поисков путей предотвращения опасности войны становится еще актуальнее в конце XIX – начале XX вв. в связи с нарастанием напряженности, противоречий в международных отношениях, обострением борьбы за завершение раздела и передел уже поделенного мира, когда международные кризисы следуют один за другим, грозя перерасти в широкомасштабную войну. В новых условиях появляются новые идеи. В начале XX в. французский историк Анатоль Леруа-Болье ввел в оборот формулу «Соединенные Штаты Европы», а в германских политических кругах родилась идея создания «Срединной Европы». Эти две формулы были наполнены разным содержанием: первая предполагала объединение европейских стран на условиях равенства всех участников объединения; во второй угадывались отношения господства-

¹ Цит. по: *Демичева Т.М.* «Великий проект» Генриха IV как средство предотвращения войн в Европе. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени № 14. Санкт-Петербург, 2015. С. 133 – 134.

подчинения в планируемом объединении не всей Европы, а некоего конгломерата государств так или иначе связанных с Германией и зависимых от нее.

Концентрированное выражение идея Срединной Европы получила в датированном 9 сентября 1914 г. документе «Программа политики при заключении мира», автором которого был германский канцлер Т. Бетман-Гольвег². В этом документе говорилось о создании такого обширного объединения в Европе, которое должно было возникнуть в результате тотальной победы Германии в Первой мировой войне. Предполагалось обеспечить экономическое и политическое господство Германии на европейском континенте, организовать своего рода «общий рынок» Европы, включающий Австро-Венгрию, Данию, Голландию, Бельгию, Францию, возможно, скандинавские страны и Италию. «Экономическое господство Германии над Срединной Европой», по замыслу Бетман-Гольвега, следовало учредить «при внешнем равенстве» членов проектируемого союза». Канцлер далее пояснял: «Намеченное объединение неосуществимо на базе согласования обоюдных интересов; его следует добиться посредством продиктованного нами [т.е. Германией. – Н.Е.] мира». Программа, предложенная канцлером, это, по сути, программа создания «Великой Германии», насильственного объединения европейских государств под главенством Германии, при ее господстве и полном подчинении государств, вошедших в это объединение.

Развернутый план создания «Срединной Европы» был изложен в вышедшей в 1916 г. одноименной книге идеолога немецкого либерализма Фридриха Наумана. «Срединная Европа» должна была простираться с севера на юг – от Северного и Балтийского морей до Адриатического

² Weltherrschaft im Visier. Dokumente. / Hrsg. und eingeleitet von *W. Schumann* und *L. Nesler*. Berlin, 1975. S. 87 – 88.

моря и Альп, и от Вислы до Вогезских гор – с востока на запад. Ядром объединения должны были стать Германия и Австро-Венгрия. Экономические рассуждения Наумана свидетельствуют о том, что объединенные в Срединную Европу государства не будут равноправными: значение, утверждал автор, «имеют только крупные государства». Хозяйство Германии, которую он, несомненно, относил именно к числу крупных государств, нуждается в сырье и продовольствии; для удовлетворения ее потребностей необходимо присоединение аграрных областей Европы и расширение колоний. То есть в книге Наумана, как и в программе Бетман-Гольвега, речь идет о насильственном пути создания «Срединной Европы»: исходя из концепции о растущих и умирающих народах, автор утверждал, что историческая перспектива Германии зависит от ее способности к экспансии. Поражение Германии в Первой мировой войне разрушило планы экспансии, поглощения Германией европейских государств.

Послевоенная судьба Европы в значительной степени складывалась под влиянием поражения Германии, победы союзников по Антанте, постоянного стремления Берлина освободиться от оков Версальского мирного договора. Именно в это время на сцене появляется новый проект объединения Европы: в 1922 г. граф Ричард Куденгове-Калерги выступил с планом Пан-Европы. Греческая приставка «пан» в начале слова означает «всё», «вся». Пан-Европа – вся Европа виделась ему единой.

Интерес представляет сама фигура автора идеи. Куденгове были старинной знатной фамилией из бельгийской провинции Брабанд, служили Габсбургам, перебрались в Австрию. В XIX веке объединились с болгаро-греческой семьей Калерги. Один из Куденгове-Калерги натурализовался как англичанин в результате женитьбы на англичанке. Среди предков графа Ричарда можно встретить

представителей разных национальностей, в том числе и русских, его мать была японкой. В интересующие нас годы граф являлся гражданином Чехословакии. Судьба свела его со многими государственными и политическими деятелями того времени, в том числе и с А. Брианом. Дважды в 1926 и 1927 гг. его приглашали на Кэ д'Орсе³. Граф Ричард опубликовал свой проект Пан-Европы в австрийских и немецких газетах. С 1924 г. идея европейской интеграции пропагандировалась основанным Куденгове-Калерги в Вене журналом «Пан-Европа». С целью её пропаганды в 1924 – 1926 гг. он совершил вояж по столицам европейских государств. Во многих странах, где побывал граф, возникли комитеты «панъевропейского союза»⁴.

Однако как бы широко не распространялась идея Куденгове-Калерги, она все же не входила за рамки замысла. Аристид Бриан стал первым политическим деятелем, кто не просто воспринял эту идею, но и сформулировал ее в конкретный политический проект. Почему Бриан, а не кто-то другой? Чем для самого Бриана был этот проект?

Аристид Бриан (1862 – 1932 гг.) был одним из самых ярких государственных и политических деятелей Франции конца XIX – первой трети XX вв. Выходец из весьма скромной семьи, он достиг вершин в политике благодаря качествам своей личности, полученному образованию, своим способностям. Бриан приобрел известность как адвокат, деятель социалистического и синдикалистского движения, журналист, блестящий оратор. В 1902 г., в 40 лет, он стал депутатом, в 44 года – впервые занял министерский пост. С этого времени постоянно, с небольшими перерывами, Бриан возглавлял то или иное министерство или все правительство, поставив своеобразный рекорд:

³ Цит. по: *Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe.* Paris, 1987. P. 523 – 524.

⁴ См.: *Княжеский В.Б. Провал планов “объединения Европы”.* М., 1958.

25 раз занимал пост министра в различных кабинетах и 11 раз – премьер-министра. Министром иностранных дел он впервые стал в период Первой мировой войны, затем неоднократно в 1921 – 1922 и в 1925 – 1932 гг. возглавлял Кэ д'Орсе. Именно в 1920-х гг. Бриан приобрел широкую известность за пределами своей страны, став человеком Женевы и Лиги Наций.

Карьерные дипломаты считали его выскочкой и невеждой, относились к нему весьма неприязненно⁵. Однако ни один другой французский дипломат не предложил обществу столько новых идей, внешнеполитических инициатив, призванных изменить к лучшему международное положение Франции, как это сделал А. Бриан. В свое время английский политический деятель Л. Эмери писал о нем так: «Бриан был человеком безграничного обаяния и превосходным оратором. Едва он вставал, чтобы взять слово, как немедленно – даже на самом шумном заседании французской палаты – воцарялась тишина: все ждали от него чего-то интересного<...>. Бриан к тому же обладал творческим воображением, у него были конструктивные идеи»⁶.

А. Бриан был политиком, который остро ощущал все изъяны системы, сложившейся в Европе после окончания Первой мировой войны. Как страна-победительница в этой войне Франция, казалось, могла быть уверена, что ее безопасность гарантирована Версальским мирным договором. Бриан не участвовал в его разработке, не присутствовал на торжественной церемонии подписания. Иллюзорность надежд французского общества на этот документ для него стала очевидной рано, как и необходимость учитывать реалии отношений между европейскими странами. Чтобы Франция не оказалась в

⁵ См.: *Unger G. Aristide Briand: Le ferme conciliateur*. Paris, 2005. P. 18 – 20.

⁶ *Эмери Л. Моя политическая жизнь*. М., 1960. С. 143.

состоянии международной изоляции, нужно, как он полагал, поддерживать альянс с Великобританией, поскольку бывшая союзница все более обнаруживала стремление поддержать Германию, способствовать восстановлению ее экономики, сделать ее противовесом Франции, обладавшей огромным авторитетом в Европе благодаря ведущему положению в репарационной комиссии, в механизме контроля за германскими вооружениями. Целью Великобритании стало восстановление равновесия в Европе. О своем понимании сложившейся международной обстановки, необходимости изменения политики в отношении Германии А. Бриан говорил 20 января 1921 г. в Палате депутатов в правительственной декларации. Отметив необходимость точного исполнения Версальского мирного договора, он далее заявил: «У нас есть мирный договор с Германией, но у нас еще нет мира, <...> который обеспечил бы безопасность Франции». Франция, говорил Бриан, располагает силой и сможет ее «использовать для того, чтобы заставить уважать все подписанные обязательства». Для этого необходимо поддерживать альянсы, в частности, альянс с Великобританией, «тесный альянс, <...> который является основой нашей внешней политики», утверждал Бриан⁷.

Бриан сформировал идею необходимости перемен в отношениях с побежденной Германией: от политики конфронтации, диктата, требования неукоснительного выполнения условий Версальского договора нужно было переходить к политике примирения, поисков компромисса с бывшим противником. В январе 1922 г. на международной конференции в Канне Бриан согласился с предложением Великобритании о созыве международной экономической конференции с участием Германии и

⁷ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1921. Tome 1. Part.1. Paris, 1923. P. 81 – 86.

Советской России. Президент Франции А. Мильеран расценил это как первый шаг к ревизии Версальского договора. Критиковали внешнеполитический курс Бриана и политики из ультраправого лагеря. Согласие Бриана на созыв международной (будущей Генуэзской) конференции стоило ему поста премьер-министра.

Понимание необходимости изменения политики Франции в отношении Германии к значительной части французского общества придет только после Рурского кризиса 1923 г., спровоцированного политикой Р. Пуанкаре, предпринявшего оккупацию Рура в качестве санкции за невыполнение Германией репарационных обязательств. Политику Пуанкаре не поддержала Англия, отказавшаяся от совместного участия в санкциях. Франция не просто осталась один на один с Германией. Теперь Германия пользовалась надежной поддержкой не только Англии. На ее стороне оказались Соединенные Штаты Америки, американский капитал: логическим завершением Рурского кризиса стала Лондонская конференция 1924 г., где был принят репарационный план Дауэса. Участие американского капитала в урегулировании репарационной проблемы способствовало вторжению Америки в европейские дела. «Чисто экономическая» Лондонская конференция способствовала выходу Германии из состояния послевоенной международной изоляции, началу фактического признания в ней равноправного партнера. Это стало ударом по стремлению Франции к гегемонии в Европе.

Стимулов для изменения политики Франции в отношении Германии, для перемен было достаточно. Или, как пишет современный французский историк Р. Ремон, «настал час, чтобы демократическая Франция протянула руку Веймарской республике»⁸. Не Бриан был инициатором

⁸ *Rémond R. Notre siècle de 1918 à 1988 // Histoire de France. Tome 6.*

заклучения Рейнского гарантийного пакта. В апреле 1925 г. став министром иностранных дел, он включился в переговоры о пакте, в подготовку Локарнской конференции, повел упорную борьбу за подписание гарантийного пакта, за укрепление безопасности Франции в результате гарантии не только франко-германской, но и германо-бельгийской, германо-польской и германо-чехословацкой границ. Из-за отказа Германии и Англии признать стабильность восточных границ Германии, Франция была вынуждена принять паллиативное решение: заключить со своими восточно-европейскими союзницами Польшей и Чехословакией отдельные двусторонние гарантийные договоры. 16 октября 1925 г. Локарнская конференция закончилась парафированием Рейнского гарантийного пакта и связанных с ним соглашений. Окончательное их подписание состоялось в Лондоне 1 декабря того же года. В силу Локарнские соглашения вступили 8 сентября 1926 г., после приема Германии в Лигу Наций, где она стала постоянным членом Совета этой международной организации.

О том, насколько разный смысл вкладывали Париж и Берлин в Локарнские соглашения, какими различными являлись их представления об ожидаемых последствиях этих договоренностей, свидетельствовали заявления министров иностранных дел Франции и Германии – Аристиды Бриана и Густава Штреземана. «Своими подписями [под Локарнским договором. – Н.Е.] мы утверждаем, что мы хотим мира», – говорил А. Бриан 1 декабря в Лондоне⁹. Выступая в Палате депутатов при ратификации соглашений, он заявил, что гарантийный пакт «создает прочную базу политики всеобщего мира» и дает Франции «все желаемые гарантии

Paris, 1988. P. 78.

⁹ Цит. по: *Suarez G. Briand. Sa vie – son œuvre. Vol. VI. L'artisan de la paix. (1923 – 1932). Paris, 1952. P.153.*

безопасности»¹⁰. Что касается Г. Штреземана, то в публичных выступлениях он лишь осторожно намекал на возможность пересмотра послевоенного устройства с помощью Локарно. Более откровенным в оценке возможности использовать Локарнские соглашения он был, выступая 14 декабря 1925 г. перед объединением немецких землячеств¹¹ в Берлине. Отметив, что Германия взяла на себя обязательство «отказаться от всякого наступления на Западе, отклонив это обязательство для Востока», Штреземан заверял своих слушателей в том, что это обязательство означает не отказ, а только отсрочку реваншистских планов на Западе, и подчеркивал, что Локарно нельзя рассматривать как вечное установление границ на Западе, что «вступление Германии в Лигу Наций не исключает войну»¹².

Эфемерность надежд А. Бриана стала очевидной практически сразу же: Локарно открыло шлюзы для расширения требований Германии к своим бывшим противникам в тех сферах, которые особенно беспокоили Францию. Едва переступив порог Лиги Наций, Германия стала настаивать на ревизии Версальского договора по всем направлениям: она стала настаивать на досрочной эвакуации Рейнской области, или, по крайней мере, на резком сокращении численности оккупационных войск; на упразднении военного контроля над германскими вооружениями. Германия настойчиво ставила своих бывших противников перед дилеммой – либо они сокращают свои вооружения, либо позволяют Германии довооружаться.

¹⁰ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Tome 127. Session extraordinaire de 1925. Tome unique. Du 29 octobre au 31 décembre 1925. Paris, 1926. P. 340.

¹¹ Организация реваншистского толка, собравшая представителей утраченных Германией в результате Первой мировой войны областей.

¹² Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918 – 1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amts. Serie B. (1925 – 1933). Bd. 1. 1. Göttingen, 1966. S. 728, 730, 739, 740.

Было очевидно, что Франция утратила свои ведущие позиции в Европе, безопасность страны была под угрозой. При этом было ясно и то, что ее бывшие союзники – Англия и США поддерживали Германию. В Женеве в это время, отмечает французский историк Ж. Онже, «многосторонние переговоры о разоружении, коллективной безопасности и юридической дефиниции понятия «агрессор» взяли в бесконечных разглагольствованиях»¹³. Бриану нужно было найти другую возможность укрепления позиций Франции. Возник проект двустороннего соглашения с США.

Камнем преткновения в отношениях между Францией и США стала проблема военных долгов: соглашение об их погашении было подписано 29 апреля 1926 г., но Франция тянула с его ратификацией. Беспокоило Францию и активное участие американского финансового капитала в восстановлении экономики Германии. Двустороннее соглашение с США, как полагал А. Бриан, могло улучшить климат во франко-американских отношениях, привлечь США к «более активному участию в международных делах, в укреплении финансовых связей между великими державами». Это могло бы, как он считал, «гарантировать <...> стабильность в мире»¹⁴.

6 апреля 1927 г., в десятую годовщину вступления США в Первую мировую войну, Бриан обратился к американскому народу с посланием, в котором он предлагал Франции и США взять на себя взаимные обязательства «поставить войну вне закона»: отказ от войны как инструмента национальной политики, говорилось в послании, является принципом, уже известным тем, кто подписал Устав Лиги Наций и Локарнские договоры. Такие же «обязательства, взятые на себя Соединенными Штатами по отношению к

¹³ *Unger G. Aristide Briand: le ferme conciliateur. Paris, 2005. P. 532.*

¹⁴ См.: *Unger G. Aristide Briand: le ferme conciliateur. Paris, 2005. P. 532 – 533.*

другой нации, как Франция, будут способствовать в глазах всего мира расширению и укреплению основы, на которой строится международная политика мира»¹⁵.

Государственный секретарь США Ф.Б. Келлог предложил трансформировать идею Бриана из двустороннего франко-американского соглашения в многосторонний договор. Пакт Бриана – Келлога и стал таким многосторонним актом, подписанным в Париже 27 августа 1928 г. Для главы Кэ д’Орсэ было важно, что этим пактом устанавливался международно-правовой запрет агрессивных войн.

Однако едва 44 государства, подписавшие пакт Бриана – Келлога, представили ратификационные грамоты и 24 июля 1929 г. он вступил в силу, как спустя две недели, 6 августа 1929 г., открылась Гагская конференция, принявшая новый репарационный план Юнга, существенно сокративший объем германских репараций. Здесь же было принято решение о досрочном, на пять лет раньше срока, оговоренного Версальским договором, то есть не позже 30 июня 1930 г., освобождении Рейнской области от оккупационных войск. Положение Франции еще более усложнилось. Логика развития международных отношений в конце 1920-х – начале 1930-х гг. вновь поставила французского министра перед необходимостью найти такую формулу европейского мира, которая обеспечила бы его стране безопасность. Проект создания Европейской федерации, казалось, и стал такой формулой.

5 сентября 1929 г. в выступлении на X сессии Ассамблеи Лиги Наций Бриан предложил создать Европейский федеративный союз. Идею Европейской федерации сам Бриан назвал «благодетельной». «Эта идея, – говорил он, – которая родилась много лет тому назад, которая преследовала воображение философов и поэтов

¹⁵ Ibid. P. 532.

<...> эта идея проникла в умы вследствие собственной ценности <...> стала казаться отвечающей потребностям». Не преминув заметить, что проблема европейской федерации «может быть, лежит несколько вне программы Лиги Наций», он все же отметил: «Она [идея. – Н.Е.], однако, имеет к ней касательство, так как Лига никогда не переставала говорить о необходимости сближения народов и о создании союзов, ограниченных пределами известных районов, даже весьма широких»¹⁶. Затем оратор привел аргументы в пользу создания предлагаемого объединения: «Мне думалось, – говорил он, – что между народами, географически так сгруппированными, как народы Европы, должно существовать нечто в роде [так в тексте. – Н.Е.] федеральных уз. Эти народы должны иметь возможность во всякий момент вступить в контакт, обсудить свои интересы, принимать общие решения, создать между собой узы солидарности, которые позволили бы им в нужный момент противостоять серьезным обстоятельствам, если бы таковые возникли» Сферы возможного действия объединения Бриан определил так: «Очевидно, это сообщество будет действовать главным образом в области экономики. <...> Но я убежден также, что с точки зрения политической, с точки зрения социальной, федеральные узы, не затрагивая суверенитета каждой нации, которая могла бы войти в состав такого объединения, могут оказаться благотворными». И, наконец, в завершение своего выступления Бриан обращается к представителям государств – членов Лиги Наций с просьбой доложить своим правительствам о его проекте с целью его изучения, чтобы «выяснить позднее, может быть на следующем Собрании, <...> возможности

¹⁶ Международная политика в 1929 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1931. Док. № 129. Из речи Бриана на заседании X Собрания Лиги Наций от 5 сентября 1929 г. С. 202.

осуществления» этого проекта¹⁷.

9 сентября министры иностранных дел, возглавлявшие делегации 26 стран в Лиге, по приглашению А. Бриана собрались на завтрак в одном из отелей Женевы. Бриан намеревался «развить свои мысли об организации Европы» и выслушать мнения присутствующих. По результатам беседы, состоявшейся за завтраком, французская делегация на X сессии Ассамблеи Лиги опубликовала в газете «Le Temps» коммюнике, в котором говорилось, что после обмена мнениями министры единодушно приняли к сведению инициативу французского премьер-министра, «имеющего целью создать между европейскими народами узы солидарности», и обещали рассмотреть эту инициативу доброжелательно. Они обязались «представить вопрос своим правительствам и поставить его на обсуждение». Бриану было поручено составить для европейских правительств, представленных в Лиге, меморандум и приступить к общей консультации по этому вопросу. Кроме того, ему предложили подготовить документ, учитывающий мнения, которые будут высказаны правительствами. Этот доклад предлагалось обсудить в сентябре 1930 г. на очередной, XI сессии Ассамблеи Лиги Наций¹⁸.

Как обычно, выступления Бриана 5 сентября и во время завтрака 9 сентября сопровождались аплодисментами присутствующих. Но что значили эти аплодисменты? Можно предположить, что в значительной степени они относились к ораторскому таланту Бриана, чем свидетельствовали об одобрении той великой идеи единства стран и народов, которую пытался внедрить в сознание политиков французский дипломат. Был ли международный климат

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: Официальное коммюнике, изданное французской делегацией на X Собрании Лиги. Женева, 9 сентября 1929 г. // Международная политика в 1929 году. С. 203.

конца 1920-х годов благоприятен для реализации этой идеи? Французская журналистка Женевьева Табуи, современница и свидетель многих событий международной жизни, присутствовавшая на многих международных конгрессах и конференциях того времени, писала, что уже первые кулуарные переговоры о проекте Соединенных Штатов Европы были неблагоприятны, ибо малые европейские государства боялись «укрепления всемогущества великих наций»; представители стран американского континента видели в этом проекте преуменьшение роли их стран. Возражала Англия: «Франция не может одновременно участвовать в двух Лигах Наций». Главный оппонент А. Бриана, министр иностранных дел Германии Г. Штреземан, как отмечает Ж. Табуи, хранил молчание во время завтрака, а другой германский делегат граф Бернсторф говорил: «Во всяком случае, этот проект может быть осуществлен лишь после того, как Германия...»¹⁹, далее, по-видимому, должны были следовать обычные германские требования.

Но, тем не менее, в министерстве иностранных дел Франции началась интенсивная работа над текстом «Меморандума». В этой работе участвовали ближайшие сотрудники А. Бриана, среди которых наиболее заметной фигурой стал Алексис Леже, директор кабинета министра иностранных дел, известный и как поэт под именем Сен-Джон Перс. Поэт-дипломат пользовался доверием и дружбой А. Бриана. В своей автобиографии Сен-Джон Перс утверждал даже, что он был инициатором ряда дипломатических начинаний Бриана, в том числе пакта Бриана–Келлога²⁰. При работе над «Меморандумом» для консультаций по тем или иным пунктам приглашались специалисты – экономисты, политические деятели, представители деловых кругов и университетов.

¹⁹ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 97.

²⁰ Цит. по: *Unger G. Aristide Briand. Le ferme conciliateur.* Paris, 2005. P. 540.

Неблагоприятным фоном практически с самого начала упорной работы французских дипломатов над «Меморандумом» стали два события – ухудшение международной экономической ситуации в связи с начавшимся мировым экономическим кризисом и смерть 3 октября 1929 г. министра иностранных дел Германии Г. Штреземана.

Когда все европейские страны и США в полной мере ощутили влияние кризиса, Франция оставалась островком стабильности в Европе. Состояние ее экономики не только не вызывало беспокойства, напротив, поскольку пик промышленного подъема во Франции пришелся на 1930 г., появились надежды на продолжение процветания страны, возможность избежать его. Первые признаки кризиса Франция ощутила лишь в 1931 г.

Германия одной из первых была поражена экономическим кризисом. Необходимость платить репарации по новому репарационному плану Юнга, принятому в июне 1930 г., осложняла положение страны. Однако предложение президента США Гувера о годичном моратории германских репарационных платежей и взносов держав по военным долгам, принятое всеми странами (июль 1931 г.), а затем решение заинтересованных государств полностью прекратить выплаты Германией репараций, утвержденное в июле 1932 г. на Лозаннской конференции, затруднили положение Франции как раз тогда, когда страна погружалась в кризис. Вместе с тем в Германии после смерти Г. Штреземана, на фоне кризиса стал меняться внутривнутриполитический климат: осуществлялся переход к авторитарным, диктаторским формам правления, за которым вполне прогнозируемым стало изменение германской внешней политики.

1 мая 1930 года «Меморандум об организации режима европейского федерального союза» был разослан

французским правительством европейским государствам²¹. В довольно пространной преамбуле документа говорилось, что единодушное согласие представителей европейских государств изучить предложение о создании европейского федеративного союза означает «одобрение принципа европейского морального союза», осознание ими «наличия коллективной ответственности перед лицом опасности, угрожающей европейскому миру <...> с точки зрения политической, <...> экономической и социальной, в виду того состояния несогласованности, в котором продолжает находиться общая экономика Европы». Необходимость единства, говорилось далее, «вытекает на деле из самих условий безопасности и из благополучия народов, которые, в силу своего географического положения, призваны проводить в этой части света принцип солидарности фактической». Обосновывалась необходимость объединения и сугубо материальными причинами: «...распыление сил не менее тяжело отзывается в Европе на возможности расширения хозяйственных рынков, на попытках интенсификации и улучшения промышленной продукции, тем самым на всех гарантиях против кризисов на рынке труда, являющихся источником отсутствия как политического, так и социального равновесия»²².

Исключая возможность обвинения в попытках создания организации, параллельной Лиге Наций, авторы «Меморандума» подчеркивали: «Дело вовсе не идет об организации европейской группировки вне Лиги Наций, но, наоборот, о согласовании европейских интересов под контролем и в духе Лиги Наций»²³. И наконец, последнее положение, подчеркнутое авторами «Меморандума»,

²¹ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 252 – 261.

²² Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 252 – 253.

²³ Там же. С. 253.

касается проблемы соблюдения суверенитета в предполагаемом объединении: «Ни в коей мере создание предполагаемых федеральных уз между европейскими правительствами не может затронуть в чем бы то ни было ни одного из суверенных прав государств, являющихся членами подобной фактической организации. <...> было бы невозможно допустить малейшую мысль о политическом господстве в лоне организации, заведомо поставленной под контроль Лиги Наций, двумя основными принципами которой как раз является суверенность государств и их равенство в правах»²⁴.

Предваряя вторую часть «Меморандума», авторы утверждали, что «главным устремлением» планируемой «ассоциации является содействие делу коллективной мирной организации Европы», что правительства стран, вошедших в эту ассоциацию, должны «обязаться регулярно устанавливать между собою контакт на периодических или чрезвычайных собраниях для совместного рассмотрения» вопросов, интересующих «сообщество европейских народов»²⁵.

Далее в «Меморандуме» речь шла о необходимости создания механизма, обеспечивающего возможность функционирования предполагаемого союза. Таким представительным и ответственным органом должна была стать регулярная Европейская конференция, состоящая из представителей всех европейских правительств, где предлагалось установить годичное и в порядке очереди осуществляемое председательствование.

Исполнительным органом и исследовательским и оперативным инструментом союза становилась постоянная Европейская политическая комиссия, состав которой формировался из нескольких членов Европейской

²⁴ Там же. С. 255.

²⁵ Там же.

конференции. Чтобы избежать преобладания какой-либо страны, председательствование в комиссии осуществлялось в порядке очереди.

И, наконец, предусматривалось создание секретариата, которому предстояло обеспечивать административное выполнение инструкций председателя конференции или политической комиссии, связь между правительствами стран-членов союза, созыв конференции или комиссии, подготовку их повестки дня и так далее²⁶. В «Меморандуме» говорилось, что членами Европейского федеративного союза могут быть государства члены Лиги Наций, «правительства которых связаны некоторой единообразной политикой». Но вместе с тем в документе говорилось, что, поскольку комиссия может состоять из ограниченного числа европейских государств, то в этом случае за ней сохранялась возможность при необходимости приглашать в любой момент в качестве экспертов представителей других европейских стран, входящих или не входящих в состав Лиги Наций, и которые были бы заинтересованы в изучении того или иного вопроса²⁷.

Следующий раздел «Меморандума» посвящен определению общей линии деятельности европейской организации. Ещё выступая 5 сентября 1919 г. на X сессии Ассамблеи Лиги Наций с предложением о создании Европейской федерации, Бриан говорил, что планируемое сообщество будет действовать, прежде всего, в области экономики, поскольку «это – наиболее спешный вопрос». Однако известно, что экономика не была сильной стороной Бриана и не являлась сферой его интересов. Французский историк Б. Уден по этому поводу писал так: «Он [Бриан. – Н.Е.] никогда не был экономистом, пост министра

²⁶ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 255 – 256.

²⁷ Там же. С. 255, 256 – 257.

финансов был одним из тех министерских постов, который он никогда не хотел бы занять. Но он надеялся успокоить неуверенность малых наций, которые опасались, как бы Европа, основанная не на экономике, не оказалась перед доминированием великих индустриальных держав»²⁸. Ту же мысль высказывает и другой французский историк, Веркор: ссылаясь на слова самого Бриана, который объяснял, что специально акцентировал внимание на экономической стороне проекта: нужно было «избежать всякого риска гегемонии наиболее сильных наций над самыми слабыми»²⁹.

Стихией А. Бриана была политика. Проблема обеспечения безопасности стала ключевой в деятельности министра иностранных дел Франции на протяжении многих лет. Обойти ее в программе работы проектируемого союза европейских стран он не мог. «Общая подчиненность экономической программы политической» – так назван третий раздел «Меморандума». Приоритет политики обосновывался в нем тем, что «всякая возможность сделать шаги вперед по пути экономического союза непосредственно определяется вопросом безопасности»: экономика не может успешно развиваться, если не обеспечена безопасность стран, объединяющихся в федеративный союз. В рамках политической проблемы, как говорилось в «Меморандуме», должна прорабатываться экономическая политика Европы. В пункте «Понятие о европейском политическом сотрудничестве» говорится, что его целью является федерация, основанная на идее союза, а не единства: союз – достаточно гибкая форма, где уважается национальная независимость и суверенность каждого государства, которым обеспечиваются выгоды

²⁸ *Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe. Paris, 1987. P. 531 – 532.*

²⁹ *Vercors. Cent ans d'histoire de France. I. L'apogée de la République ou moi, Aristide Briand (1862 – 1932). Essai d'autoportrait. Paris, 1981. P. 307.*

коллективной солидарности для разрешения политических вопросов³⁰.

Но «была ли забыта экономика?» – спрашивает Б. Уден. И отвечает: нет, не забыта, «но ее так мало, что в “Меморандуме” мы находим лишь указание на цель сообщества в экономической сфере»³¹. В пункте об экономической организации Европы говорилось о необходимости достижения такой существенной цели, как сближение между европейскими экономиками, «осуществленное под политической ответственностью солидарных между собой правительств». В частности, речь шла о создании «общего рынка для поднятия до максимальных пределов уровня человеческого благополучия на всех без исключения территориях»; определялись сферы взаимодействия европейских государств – общая экономика, финансы, труд, народное здравоохранение, интеллектуальное сотрудничество, международные и межпарламентские сношения и т.д.³²

В заключение правительство Франции выражало желание до 15 июля получить «ответ от запрашиваемых правительств со всеми замечаниями или предложениями», которыми они сочли бы необходимым снабдить свои сообщения. Подчеркивая важность обсуждаемого проекта, авторы «Меморандума» отмечали: «Время никогда не было более благоприятным для создания в Европе коллективной организации и более настойчиво требующим этого создания. Разрешение главных проблем, материально и морально вытекающих из последней войны, скоро освободит новую Европу от того, что наиболее

³⁰ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 258.

³¹ *Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe. Paris, 1987. P. 532.*

³² Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 259.

тяжко отягощало ее психологию, равно как и экономику. <...> Объединиться для того, чтобы жить и процветать: такова жесткая необходимость, перед которой отныне находятся нации Европы»³³. Таким был «Меморандум», и ему соответствовала риторика авторов, или автора идеи создания Европейского федеративного союза.

Когда к обозначенному времени стали поступать ответы европейских правительств с «замечаниями и оговорками» (последний ответ прибыл 4 августа), А. Бриан с горечью отметил, что он чувствует, как уменьшаются его шансы на успех. Следует отметить, что ответы из всех стран, вовлеченных в обсуждение проекта европейского союза, «были составлены старательно», что являлось доказательством того, что план Бриана не трактуется ими как утопия. Однако, оговорки, содержащиеся в ответах европейских кабинетов, обнаруживали «стойкий национальный эгоизм» абсолютного большинства этих кабинетов³⁴. Несмотря на первые неблагоприятные впечатления от ответов на вопросы, поставленные в «Меморандуме», особенно в связи с тем, что, как говорил сам Бриан, главная суть предложенного им проекта – его политическая сторона – была «выброшена» из обсуждения европейскими правительствами³⁵, Бриан и дипломатический аппарат на Кэ д'Орсэ занялись анализом, систематизацией содержания ответов 26 правительств, чтобы затем подготовить доклад, который согласно договоренности следовало озвучить в Женеве на европейской конференции этих правительств в сентябре 1930 г. во время XI сессии Ассамблеи Лиги Наций.

Непременным условием доклада были анализ,

³³ Там же. С. 260 – 261.

³⁴ Цит. по Vercors. Cent ans d'histoire de France. I. L'apogée de la République ou moi, Aristide Briand (1862 – 1932). Essai d'autoportrait. Paris, 1981. P. 308.

³⁵ Цит. по: Ibid. P. 309.

систематизация, суммирование и изложение взглядов, «односторонне выраженных всеми опрошенными правительствами». Докладчик не имел права делать выводы: их предстояло сделать только в результате коллективного обсуждения всего комплекса вопросов на европейской конференции³⁶.

Прежде всего, в докладе отмечалось, что благодаря усилиям, которые европейские правительства приложили при формулировании своих ответов, все они «показали важность, которую они придают делу столь возвышенному, как материальная и моральная организация Европы и свое намерение обеспечить осуществление этой организации»³⁷.

Все правительства, участвовавшие в консультациях, признали, что объединение европейских стран отвечает реальным интересам их народов. Однако и замечаний, и мнений, отличных от прописанных в «Меморандуме», было предостаточно. Некоторые сомнения и оговорки в ответах 26 правительств касались отношений между Европейским федеративным союзом и Лигой Наций. Ясно прочитывалась мысль о том, чтобы новое образование – Европейский союз – никоим образом не повредило авторитету Лиги Наций. В ответе бельгийского правительства говорилось, что «принцип универсализма, на котором покоится Лига Наций, не составляет препятствий тому, чтобы европейские государства совместно изучали проблемы, которые особо их касаются, и постарались создать между собой более тесное сотрудничество». Немцы выразили сомнения в целесообразности создания Европейского союза, рассматривая его как начало изоляции Европы. Это, как они считали, могло способствовать созданию внутри Лиги Наций иных групп. Мнение, отличавшееся радикализмом,

³⁶ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 262, 274.

³⁷ Там же. С. 261.

было высказано правительством Австрии: Европейский союз «может быть органически включен в Лигу Наций» и Лига Наций в этом случае будет «располагать <...> новой организацией, приспособленной для чисто европейских задач Лиги Наций».

Возник и такой вопрос: как быть с двусторонними и многосторонними соглашениями, заключенными ранее участниками проектируемого союза? Не будут ли эти соглашения расторгнуты? Португальское правительство, поднявшее эту проблему, подчеркивало «необходимость не отменять двусторонних и многосторонних соглашений, существующих между государствами или группами государств», и необходимость сохранять «узы союза или дружбы, являющиеся основными и традиционными элементами международной жизни некоторых из этих государств»³⁸.

Европейские правительства затронули и вопрос о возможности расширения состава проектируемого союза за счет европейских и внеевропейских стран, не членов Лиги Наций, колоний, «не имеющих своего собственного суверенитета». Голландское правительство подчеркивало необходимость учесть «особые интересы, которые оно имеет в подобных территориях». Голландцы имели в виду конечно колонии. О том же беспокоились и португальцы, отметив, «что европейский союз не должен ослабить уз, связывающих его колонии с их метрополией, не должен ни изменить ее права, ни повлечь за собою вмешательство в вопросы, касающиеся только колоний»³⁹. Два правительства определено высказались за включение в европейский союз России и Турции. Итальянское правительство «полагает необходимым», говорилось в ответе на «Меморандум»,

³⁸ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 263 – 265.

³⁹ Там же. С. 265.

чтобы советское и турецкое правительства «были приглашены принять участие в процессе выработки проекта союза». Эту позицию поддержала и Германия. Распространить союз на Турцию предлагали «в силу своего географического положения Греция, Болгария, Венгрия». Испания, Португалия и Ирландия обозначили и такую проблему, как необходимость сохранения связей, в основе которых было единство происхождения, языка и культуры, то есть связей между членами планируемого союза и внеевропейскими странами. Норвежцы напомнили об «отношениях, вытекающих из родственности и дружбы наций, как англо-саксонских, так и романских»⁴⁰.

Ответ Великобритании на «Меморандум» стал, по сути, завуалированным отказом от участия в создании союза. Великобритания была связана тесными экономическими и политическими узами со своими доминионами, разбросанными по всем континентам. В это время решался вопрос о создании Британского содружества наций. Процесс трансформации Британской империи в содружество наций завершится летом 1932 г. на конференции в Оттаве. Это было, несомненно, важным фактором в принятии правительством Великобритании решения в отношении европейского союза. Английская ежедневная газета «Daily Express» в сентябре 1929 г., то есть практически сразу же после выступления А. Бриана с предложением о создании Европейского федеративного союза, писала: «Наш народ не имеет намерения быть фискальной, как и политической частью Европы. Мы апеллируем больше к будущему, чем к прошлому. Думая о Британской империи, мы пытаемся организовать всю ее экономику как единую»⁴¹. Эта публикация в прессе позволяла судить о том, каким

⁴⁰ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 265 – 267.

⁴¹ Цит. по: *Unger G. Aristide Briand: le ferme conciliateur*. Paris, 2005. P. 568.

будет официальный ответ английского правительства: «Будучи уже членом сообщества наций, расположенных на различных материках, оно [правительство Великобритании. – Н.Е.] должно учитывать особые соображения и убедиться в том, “что меры, принятые для укрепления европейского сотрудничества, не вызовут на ином материке ни беспокойства, ни недовольства”»⁴². Такова была позиция правительства Великобритании, которое отбрасывало «идею всякой институционализации Европы, отказывалось от создания перманентных органов, независимых от Лиги Наций, что могло бы, как оно полагало, породить смуту и может быть вызвать соперничество»⁴³.

В ответах европейских правительств, приглашенных участвовать в обсуждении вопроса о европейском союзе, выделялась группа оговорок, которая может быть объединена идеей равенства, *абсолютного* равенства прав всех участников европейского союза. Не все правительства раскрыли смысл такого стремления к «равенству», но из контекста становится понятно, что речь идет о стремлении к пересмотру мирных договоров, завершивших Первую мировую войну. Наиболее ясно эту идею сформулировало итальянское правительство: «Условия абсолютного равенства между государствами, участвующими в объединении, должны “повлечь за собой исчезновение последних различий между победившими народами и побежденными народами”»⁴⁴. Оговорка Италии касалась, прежде всего, проблемы разоружения. Как отмечает Ж. Онже, выдвигая это требование, Муссолини «метил, прежде всего, во Францию, в самую сильную на континенте

⁴² Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 265.

⁴³ Цит. по: *Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe.* Paris, 1987. P. 532.

⁴⁴ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С.267.

военную державу, что его [то есть Муссолини.- Н.Е.] очень раздражало»⁴⁵. Аналогичной была и позиция Германии. «Доктор Курциус, юрист по образованию, лишенный воображения, более сдержанный, чем его предшественник [на посту министра иностранных дел. – Н.Е.], – пишет Б. Уден, – намекал на Gleichberechtigung, равенство прав, которое должно быть признано за Германией». Кроме того, он высказывал опасение, как бы европейский союз не «заморозил» восточные границы Германии⁴⁶. Венгерское правительство отмечало, что оно «не могло бы присоединиться к организации, которая исключала бы возможность на будущее время пересмотра договоров и сделала бы неизменным существующее положение»⁴⁷. Венгрия мечтала о возвращении Трансильвании, по Сен-Жерменскому мирному договору переданной Румынии вместе с третью мадьяр, оказавшихся оторванными от родины. Литва, по выражению Веркора, «оплакивала Вильно», а Австрия, «ставшая государством-крупье, воскрешала в памяти “проблему, которую следовало разрешить в европейском духе”, то есть хотела сказать об аншлюсе, не говоря об этом»⁴⁸.

Как видно из анализа ответов европейских правительств на «Меморандум», все они, признавая или допуская возможность или необходимость создания Европейского федеративного союза, сопровождали свое условное согласие на объединение оговорками, свидетельствующими об их глубоком национальном эгоизме, который не допускал возможности ни в малейшей

⁴⁵ Unger G. Aristide Briand: le ferme conciliateur. Paris, 2005. P. 568 – 569.

⁴⁶ См.: Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe. Paris, 1987. P. 532.

⁴⁷ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 271.

⁴⁸ См.: Vergors. Cent ans d'histoire de France. I. L'apogée de la République ou moi, Aristide Briand (1862 – 1932). Essai d'autoportrait. Paris, 1981. P. 308.

степени поступиться своими собственными интересами. Настаивая на сохранении своих отношений с колониями, доминионами, договоров и соглашений, подписанных ранее, на расширении связей с европейскими и неевропейскими странами не членами Лиги Наций, правительства европейских стран, участвовавшие в консультациях по вопросу о создании союза, «размывали» суть предложения А. Бриана. Политическая сторона проблемы оказалась практически неприемлемой для правительств европейских стран.

Что касается экономической стороны проекта Европейского федеративного союза, то здесь не только не было серьезных возражений и оговорок, но даже содержались некоторые конкретные советы и суждения. Необходимо отметить, что европейские правительства занимались составлением ответов на «Меморандум» тогда, когда мировой экономический кризис достиг Европы и некоторые страны уже в середине 1930 года в полной мере ощутили его. Одной из первых его почувствовала Германия, которая, как пишет Ж. Онже, «стала первой жертвой репатриации американских капиталов»⁴⁹. Поток американских капиталов, полученных Германией в виде займов, способствовавших восстановлению германской экономики, иссяк. Экономический кризис затронул все отрасли экономики. Вот почему в ответе германского правительства на «Меморандум» читаем: «Изучение экономического кризиса должно быть взято в качестве отправной точки для изучения кризиса в сельском хозяйстве и затруднений, создающихся для промышленности в области нахождения рынков сбыта для своих изделий». Вместе с тем германское правительство отмечало, что более тесное сотрудничество в экономической области «не следовало бы делать зависимым от создания увеличившейся

⁴⁹ Unger G. Aristide Briand: le ferme conciliateur. Paris, 2005. P. 569.

безопасности. Экономическое соглашение позволит в широкой мере усилить чувство солидарности, а вследствие этого также и чувство безопасности»⁵⁰.

Ответы правительств европейских стран на проблемы, обозначенные в экономической части «Меморандума», особым разнообразием не отличались. Одни правительства считали, что «экономическое сотрудничество может быть организовано без предварительного политического сотрудничества», как говорилось в ответе румынского правительства, с которым солидаризовался швейцарский кабинет министров. Как и следовало ожидать, на приоритете экономической сферы настаивало правительство Великобритании: «Прежде всего, является срочно нужным и желательным более тесное сотрудничество между народами Европы в области экономических отношений»⁵¹.

Некоторые правительства, в частности, албанское, высказывали мнение о том, что разрешение проблем, существующих в экономической области, должно содействовать «увеличению взаимного доверия между государствами», что «сделало бы более легким подход к политическим вопросам». Правительство Швейцарии подчеркнуло, что европейский союз, если бы он приступил к изучению многочисленных препятствий, мешающих экономическому расцвету Европы, мог бы приблизить разрешение проблемы безопасности. Такой же точки зрения придерживалось и венгерское правительство, которое советовало «сначала организовать сотрудничество в экономической области», а затем в политической⁵².

Одним из препятствий в развитии экономики, как отмечалось в ответах некоторых стран, являлись

⁵⁰ Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 271, 273.

⁵¹ Там же. С. 271, 272.

⁵² Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М., 1932. Док. 86. С. 271.

таможенные границы. В «Меморандуме» также говорилось о том, что в Европе более 20 000 км таможенных барьеров. Норвежское правительство обратило внимание, что «таможенная политика европейских государств имеет тенденцию к увеличению высоты этих барьеров», что опасно для материального процветания. «Изыскивать ограничения вооружений в области таможенной политики столь же важно, как уменьшить войска и флоты. Уменьшение вооружений явится естественным последствием лучших и более откровенных отношений в области торговой политики», говорилось в ответе норвежского правительства⁵³. Такими были мнения европейских правительств по экономическим вопросам, сформулированным в «Меморандуме».

Рассматривая вопросы организационной структуры проектируемого союза, все державы формулировали разные варианты этой структуры, но в целом, они мало отличались от предложений, содержащихся в «Меморандуме».

На основе суждений европейских правительств на Кэ д'Орсе был составлен доклад. Вместе с тем, становилось ясно, что его обсуждение необходимо провести не в узком кругу представителей европейских правительств, а вынести на обсуждение Ассамблеи Лиги Наций.

Министр иностранных дел Франции А. Бриан предложил делегатам двадцати семи стран собраться частным образом 8 сентября 1930 г., чтобы рассмотреть доклад до его представления Ассамблее. В ходе дискуссии выявилось две разные точки зрения: министр иностранных дел Великобритании А. Гендерсон считал необходимым передать доклад целиком, с его противоречиями, без всяких пояснений и комментариев. Бриан же хотел предпослать докладу пояснительную записку, в благоприятном смысле интерпретирующую его содержание⁵⁴. Из-за твердости

⁵³ Там же. С. 273.

⁵⁴ *Fleury A. Le plan Briand d'Union fédérale européenne. Les dimensions*

и неуступчивости Гендерсона он считал бесполезным продолжать дискуссию о проекте Европейского союза в Лиге Наций. Компромисс был найден благодаря швейцарскому дипломату Мотта, который посоветовал прибегнуть к обычной процедуре: включить доклад в повестку дня Ассамблеи, сопроводив просьбу предложением направить доклад для изучения в комиссию. 11 сентября А. Бриан представил Ассамблее проект резолюции, в которой говорилось «о тесном сотрудничестве между европейскими правительствами»⁵⁵.

17 сентября 1930 г. после длительной дискуссии XI Ассамблея Лиги Наций приняла решение направить документ, подготовленный Брианом, в комиссию, получившую название «Комиссии по изучению проекта Европейского союза». Французский историк Б. Уден заметил, что направить проект в комиссию – это «классический метод торпедировать его»⁵⁶. А. Флери также интерпретировала этот шаг Ассамблеи в отношении плана Бриана «как желание, проявленное государствами, похоронить проект»⁵⁷.

Комиссия осуществляла свою деятельность с 23 сентября 1930 г. по 30 сентября 1932 г. Ее председателем до смерти в марте 1932 г. оставался А. Бриан. Никакого успеха в решении политических вопросов она не достигла, несмотря на отчаянные попытки Бриана обратить внимание комиссии именно на политическую сторону

diplomatiques, 1929 – 1932 // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe. 1919 – 1932. Strasbourg, 2007. P. 347.

⁵⁵ *Fleury A.* Le plan Briand d'Union fédérale européenne. Les dimensions diplomatiques, 1929 – 1932 // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe. 1919 – 1932. Strasbourg, 2007. P. 347 – 348.

⁵⁶ *Oudin B.* Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe. Paris, 1987. P. 533.

⁵⁷ *Fleury A.* Le plan Briand d'Union fédérale européenne. Les dimensions diplomatiques, 1929 – 1932 // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe. 1919 – 1932. Strasbourg, 2007. P. 354.

проекта Европейского союза. Комиссия сосредоточилась на рассмотрении экономических проблем. Справедливо замечание еще одного французского историка Ж. Шастене, что проект Бриана «был похоронен в Женеве под цветами». Комиссия тихо и спокойно закончила свою работу. Желание Бриана «создать новый политический порядок в Европе» реализовать не удалось, заключил биограф Бриана Ж. Сюарез⁵⁸. Европейские политики еще не были готовы к организационному преобразованию Европы.

Между тем, и неудачно складывавшийся ход обсуждения проекта Европейского федеративного союза и другие события, происходившие в это время, по-прежнему вызывали у А. Бриана тревогу за безопасность Франции. Особое беспокойство он проявлял в отношении рвущихся к власти в Германии реваншистов, тревожил успех национал-социалистов, получивших 107 мест в рейхстаге на выборах в сентябре 1930 г. Своим сотрудникам Бриан говорил: «Решительно трудно работать с этими людьми. Нужно поворачивать на другой путь»⁵⁹. Бриан сделал шаг на этом трудном пути, приступив к дипломатическому сближению с традиционным союзником Франции – с Россией. 20 апреля 1931 г. от имени главы Кэ д'Орсе Аристида Бриана генеральный секретарь кабинета министра иностранных дел Филипп Бертелло сделал предложение советскому полпреду В.С. Довгалевскому о заключении пакта о ненападении, консульской конвенции и торгового договора между Францией и Советским Союзом⁶⁰. Пакт о ненападении будет подписан в 1932 г. Эдуардом Эррио. Но мужественный шаг к этому пакту Бриан сделал, когда у власти во Франции

⁵⁸ *Suarez G. Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits. Vol. 6. 1923 – 1932. Paris, 1952. P. 343.*

⁵⁹ См. Вступительная статья члена Французской Академии, президента «Общества друзей Аристида Бриана» Рене Кассена к книге: Elisha A. Briand. Paris, 1965. P. 16.

⁶⁰ См.: Документы внешней политики СССР. Том XIV. М., 1968. С. 252.

стояли правые кабинеты, возглавляемые политиками иной формации – А. Тардые и П. Лавалем. Оставаясь министром иностранных дел, Бриан, отмечает Ж. Табуи, «на Кэ д’Орсе больше не был хозяином. Власть Пьера Лаваля простиралась там на все отделы»⁶¹. 9 января 1932 г. Бриан покинул министерство иностранных дел. 7 марта того же года он умер.

Рассматривая итоги деятельности А. Бриана на посту министра иностранных дел, в том числе и его попытки решить проблему безопасности своей страны, французский автор Владимир д’Ормессон в начале 1930 г. писал: «С одной стороны, вот человек, о котором, анализируя мотивы его действий и цели, которые он перед собой ставит, говорят: “Как он прав”. А, с другой стороны, – результаты его деятельности. И перед этими результатами нельзя не подумать: “Как он ошибается!”»⁶². Пройдут годы и десятилетия, и в 1987 году французский историк Б. Уден процитирует слова, сказанные еще в 1942 г. поэтом Сен-Джон Персом⁶³: «Апостол Европейского федеративного союза принадлежит не прошлому. Он принадлежит будущему»⁶⁴. Идея Европейского федеративного союза, сформулированная А. Брианом в 1929 г., в современном виде была реализована, когда страны Западной Европы 17 марта 1948 г. подписали в Брюсселе Пакт о создании Западноевропейского союза, предусматривавшего тесное экономическое, политическое и военное сотрудничество.

⁶¹ Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960. С.138.

⁶² Ormesson W. d'. Qu'est-ce qu'un Français? Essai de psychologie politique Clemanceau, Poincaré, Briand. Paris, 1934. P. 120.

⁶³ Сен-Джон Перс – литературный псевдоним видного французского дипломата, сотрудника А. Бриана, Алексиса Леже.

⁶⁴ Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe. Paris, 1987. P. 13.

ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

1. Наполеон и процессы европейского объединения

Наполеон и Европа, эта тема, о которой столь много написали европейские исследователи, осталась до сего дня не слишком популярной в российской историографии. Действительно, российские историки рассматривали и рассматривают этот сюжет и поныне почти исключительно в рамках конфликта наполеоновской Франции и России Александра I. Глобальные вопросы европейской интеграции в первые годы XIX века, проблематика внутренней жизни европейской монархии Наполеона освящаются лишь вскользь в свете внешней политики России и Франции в этот период времени.

Исключения составляют давно ставшие классическими монографии выдающегося российского и советского историка Е. В. Тарле: «Континентальная блокада» и «Экономическая жизнь королевства Италии в эпоху Наполеона». Обе эти работы увидели свет около ста лет тому назад, первая в 1913 г., вторая в 1916, но до сего времени не потеряли своего значения, так как написаны на основе богатейшего материала в результате работы в архивах и библиотеках Франции и Италии. Однако монографии Тарле рассматривают, прежде всего, экономические аспекты истории наполеоновской империи, а подход ко многим вопросам во многом устарел.

Что же касается французской и европейской историографии данного вопроса, то она напротив столь

обширна, что даже короткий историографический очерк занял бы целиком объем, отведенный для данной главы. Достаточно упомянуть такие значительные произведения на эту тему, как «Великая Империя» Жана Тюлара¹, «Франция и империя Наполеона» Жака-Оливье Будона², «Новая история Первой империи. Франция и Европа Наполеона» Тьерри Ленца³, «Наполеоновская империя» Джеффри Эллиса⁴, «Италия Наполеона от Цизальпинской республики до королевства» Карло Цаги⁵, «Германия эпохи Наполеона» Роже Дюфресса⁶, «Наполеоновская Италия» Грегори Десмонда⁷, «Европа при Наполеоне, 1800-1815» Майкла Броверса⁸, капитальное исследование, половина которого посвящена наполеоновской Европе, «Трансформация европейской политики, 1763-1848» Пауля Шредера⁹ и многие другие.

Подробный историографический обзор французской и европейской литературы на эту тему дает Роберт Алексэндр, профессор канадского университета Виктория, в главе «Наполеон и Европа, завоеватель или объединитель» в монографии «Наполеон»¹⁰.

Поэтому, отсылая читателя к историографическому обзору в данной работе, мы сразу перейдем к теме

¹ *Tulard J.* Le Grand Empire, 1804 – 1815. Paris, 1982. 365 p.

² *Boudon J.-O.* La France et l'Europe de Napoléon. Paris, 2006. 343 p.

³ *Lentz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. La France et l'Europe de Napoléon, 1804 – 1814. Paris, 835 p.

⁴ *Geoffrey E.* The Napoleonic Empire. London, New York, 2003. 184 p.

⁵ *Zaghi C.* L'Italia di Napoleone dalla Cisalpina al Regno. Torino, 1986. 813 p.

⁶ *Dufresse R.* L'Allemagne à l'époque napoléonienne. Bonn – Berlin, 1992. 575 p.

⁷ *Desmond G.* Napoleon's Italy. Fairleigh Dickinson University Press, 2001. 236 p.

⁸ *Browers M.* Europe under Napoleon, 1800 – 1815. London, 1996. 304 p.

⁹ *Schroeder P.* The transformation of European politics, 1763 – 1848. Oxford, 1994. 920 p.

¹⁰ *Alexander R. S.* Napoleon. London, New Delhi, New York, Sydney, 2001. 273 p.

исследования.

Для начала необходимо отметить, что у Наполеона не было какой-либо ясной и последовательной идеи, которой он следовал в отношении построения европейской империи. Более того, синхронные документы первых годов правления Наполеона Бонапарта в качестве консула французской республики не позволяют вообще говорить о каких-либо амбициях в отношении объединения Европы силой оружия.

Внешнеполитическую концепцию политики республики обосновал министр иностранных дел Талейран, который представил в 1800 г. главе государства пространный документ под названием «Состояние Франции в конце VIII года»¹¹. Нужно отметить, что главные линии этого документа стали основой для внешней политики Франции в 1800-1804 гг.

Талейран считал, что базисом для внешней политики Франции должна стать такая конструкция Европы, которая опирается на два сильных центра. Республика должна была заключить союз, который позволил бы остановить революционные войны и зафиксировать положение, при котором Франция играет доминирующую роль на западе Европы. В качестве единственно возможной для союза державы министр видел Россию.

«Франция, возможно единственное государство, у которого нет оснований опасаться России, - писал Талейран, - У Франции нет никакой заинтересованности желать ослабления этой страны, никакой причины, чтобы не давать развития ее благосостоянию. Конечно, хотелось бы, чтобы Россия ограничила чрезмерный рост своего влияния и не повторяла более опыта активного участия

¹¹ Конец VIII года Республики – начало 1800 г. Брошюра была написана Талейраном, но непосредственная обработка текста принадлежит д'Отриву.

в войне, которая со всех точек зрения не могла быть ей полезна. Но даже это пожелание совпадает с интересами могущества и процветания Российской империи [...] Улучшить отношения между Францией и Россией, сделать так, чтобы исчезли даже причины, даже случаи споров очень просто, и Франция не должна быть ни придиричивой, ни требовательной, все что она желает равным образом будет полезно как России, так и ей [...] Русская империя может получить великолепный союз [...] она более не будет взирать на Францию с враждебностью и получит возможность поддерживать равновесие на севере Европы, в то время как Франция будет поддерживать это равновесие на юге. Согласие этих государств обеспечит стабильность всего мира»¹².

Отсюда Талейран сделал вывод о приоритетах французской внешней политики, которые сводились к следующему: «Война до победы и блокада Великобритании дотехпор, пока последняя будет безраздельно господствовать на морях. Война с Австрией, чтобы заключить с ней мир, а потом и союз. Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции»¹³.

Эта концепция была принята Бонапартом. Выступая в Государственном Совете, он твёрдо заявил: «У Франции может быть только один союзник – это Россия». А инструкции, данные французскому временному посланнику при русском дворе Коленкуру в 1802 г. сводились практически к одной фразе: «...вы постараетесь выразить ему (*Александру*) от имени Первого консула твердое намерение французского правительства культивировать добрую гармонию и дружественные связи, которые счастливо установлены между двумя государствами»¹⁴.

¹² Цит. по: *Poniatowski M. Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986. P. 127 – 128.*

¹³ *Ibid. P. 131.*

¹⁴ Сборник РИО, Т. 70. С. 706.

ВобщемжеконцепцияполитикиПервогоконсуламожет быть резюмирована двумя основными пунктами. Прежде всего, это поддержание вокруг Франции пояса союзных и вассальных государств (Голландия, ряд германских княжеств, Швейцарская конфедерация, Итальянская республика, а позднее Итальянское королевство) - «гласиса», как по аналогии с фортификационным термином, означающим оборонительную насыпь перед крепостью, называют этот пояс французские историки. Второе - это расчет на сближение с Россией и заключение рано или поздно союза с ней с целью укрепления позиций Франции в Европе.

Кроме этого Наполеон вынашивал планы колониальной экспансии, но еще более широкие планы на этот счет строили британские политики. Что касается каких либо проектов завоеваний в Европе, а тем более химерических планов «мирового господства», в синхронных документах того времени нет и следа.

Однако война Третьей коалиции в 1805 г. изменила расстановку сил на континенте. Союзники, рассчитывавшие вступить в Париж и свергнуть «коронованного Робеспьера», были разгромлены под Ульмом и Аустерлицем, а 26-го декабря 1805 г. был подписан Пресбургский мир.

Согласно условиям этого договора Австрия, втянутая против воли в коалицию, заплатила за свое участие в войне потерей части своих земель. Самой чувствительной утратой для Габсбургов были Венецианские владения с провинциями «Терра Ферма»: Фриулем, Истрией и Далмацией, которые были присоединены к Итальянскому королевству. Одновременно австрийский император вынужден был отказаться от Тироля, который переходил во владения Баварии. Территориальные приращения за счет Австрии получал и герцог Баденский. Наконец, Вюртемберг также округлил свои владения за счет пяти городов на

Дунае, части Брейсгау и Швабии. В общем, австрийская монархия потеряла 4 млн. подданных (из 24 млн.) и 15 млн. флоринов годового дохода (из 103 млн.).

Как видно из этого перечисления, Франция непосредственно не получала никаких территориальных приращений. Однако усиливались ее союзники, и, прежде всего, Итальянское королевство, которое фактически являлось частью империи. Видно также, что Наполеон стремился создать новую Германию, привязать к своим интересам государства запада и, прежде всего, юго-запада Германии. Бавария и Вюртемберг не только приобретали значительные территории, но и получали статус королевств. Больше всего усилилась Бавария. Баварский электор был награжден за свой союз с Францией не только короной, но и 600 тысячами новых подданных, а его государство расширилось на 27000 км². Наконец, для того, чтобы окончательно скрепить франко-баварский союз, баварская принцесса Августа выходила замуж за приемного сына Наполеона, вице-короля Италии Евгения Богарне.

Если в Германии речь шла о системе союзов, то в Италии Наполеон распоряжался самостоятельно. Отныне почти весь Аппенинский полуостров оказался в руках императора французов. Оставалось только Неаполитанское королевство Бурбонов, но его дни были уже сочтены.

Неаполитанское королевство, активно участвовавшее в коалиции против Франции, было покинуто союзниками. Король и королева бежали на Сицилию. 14 февраля 1806 г. французские войска вступили в Неаполь, а на следующий день в столицу королевства под торжественные звуки оркестров, звон колоколов и грохот орудийного салюта въехал Жозеф Бонапарт. Отныне старший брат императора стал неаполитанским королем.

Наконец, летом 1806 г. завершились процессы, начавшиеся в Германии после подписания Пресбургского

мира. 12 июля Франция заключила договор с государствами запада и юго-запада Германии, следствием которого стало создание так называемого Рейнского союза. В него вошли Бавария, Вюртемберг, Баден, Берг, Гессен-Дармштадт, Франкфурт и ряд мелких княжеств^{15**}, всего 16 государств. Рейнский союз был прежде всего военным. В случае войны немецкие союзники выставляли для поддержки французских войск 63000 солдат. Со своей стороны Наполеон обязался, что в случае угрозы «немецкой независимости» он направит 200 тысяч человек для защиты государств-членов союза.

Образование Рейнского союза означало окончательную утрату Габсбургами власти и влияния в германских государствах. А это знаменовало окончательное крушение древнего, просуществовавшего почти тысячу лет, Рейха - Священной Римской Империи германской нации. Понимая бесполезность дальнейшего существования номинальной империи, 6 августа 1806 г. Франц II отказался от титула Императора Священной Римской Империи германской нации, и отныне стал «просто-напросто» императором Австрии под именем Франц I.

Все эти пертурбации резко изменили соотношение сил в Европе. Если до этого речь шла об усилении Франции, о приобретении владений, которые можно рассматривать как передовые укрепления вокруг осажденной вражескими коалициями крепости, то теперь империя Наполеона явно переросла понятие французской государственности. Все чаще среди французских элит стали раздаваться слова об Империи Карла Великого. Государство Наполеона пока еще не могло стать «империей Европы», но это уже была не Франция, а нечто другое. Баланс сил на континенте явно нарушился. Теперь, тем более врагам Наполеона,

¹⁵ Герцогства Нассау, Нассау-Узинген и Аренберг, княжества Гогенцолерн-Хехинген, Гогенцолерн-Зигмарингерн, Сальм-Сальм, Сальм-Кирбург, Изенбург-Бирштейн, Лихтенштейн и графство Лейен.

было сложно примириться с гигантским усилением его государства. Получался замкнутый круг: чтобы отразить нападение коалиций, Франция усиливалась; чем больше она усиливалась, тем больше ее опасались, и тем больше возрастала вероятность создания новой коалиции.

Вплоть до начала войны 1805 г., а тем более до начала франко-английского конфликта в 1803 г., Франция все-таки оставалась в пределах, которые могли рано или поздно принять европейские державы. Для этого требовался только долгий период мира. Война, развязанная коалицией в 1805 г., похоронила эту надежду. Наполеон не мог не потребовать компенсации, не мог отказаться от возможности получения новых гарантий и нового усиления своей империи. В результате она увеличилась настолько, что на это уже не могли спокойно взирать европейские державы.

Действительно, едва остыли пушки Аустерлица, как в 1806 г. против Франции создается 4-й коалиция. Кроме Англии и России в неё вступила Пруссия и Швеция. Финал этой новой попытки разрушить империю Наполеона оказался не менее плачевным, чем в предыдущий раз.

Еще до заключения мира под влиянием военных успехов император, принял важнейшее решение, повлиявшее на всю последующую историю его империи и оказавшее огромное влияние на всю историю Европы.

21 ноября 1806 г. Наполеон подписал знаменитый Берлинский декрет, декларирующий экономическую блокаду британских островов. Декрет начинался торжественной преамбулой, объяснявший жителям всего континента, почему было принято подобное решение:

«1. Учитывая, что Англия не уважает прав человека, которые обычно признаются цивилизованными государствами,

2. Что она рассматривает как врага всякого подданного вражеского государства и забирает в плен

не только экипажи боевых кораблей, но и экипажи торговых судов и даже просто торговцев и негодантов, путешествующих по своим делам.

3. Что она распространяет на торговые суда и собственность частных лиц право завоевания, которое применимо только к вражеским государствам.

4. Что она распространяет на города и неукреплённые торговые порты право блокады, которое цивилизованные народы применяют только к крепостям [...]

7. Что это поведение Англии достойно первых веков варварства и что это государство использует своё могущество во вред всем.

8. Что естественным правом является противопоставить врагу оружие, которым он пользуется [...]

Мы провозглашаем следующее:

1. Британские острова объявляются в состоянии блокады.

2. Всякая торговля и переписка с британскими островами запрещается. В соответствии с этим все письма и посылки, направленные в Англию либо англичанину, либо написанные на английском языке не могут быть отосланы по почте и будут конфискованы [...]

3. Всякий подданный Англии, чем бы он не занимался, обнаруженный в любой стране занятой нашими войсками будет рассматриваться как военнопленный.

4. Всякий склад, всякий товар, всякая собственность какого бы рода они не были, принадлежащие английскому подданному конфискуются...»¹⁶.

Как видно из текста декрета Наполеон взывал к общественному мнению всех европейских стран, указывая на многочисленные злоупотребления (по понятиям тех времён) английского флота и английского правительства.

¹⁶ Correspondance de Napoléon Ier publié par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. T. 13. Paris, 1858-1870. P. 555 – 557.

Император ставил задачу не только принудить, но и убедить власти и народы континентальной Европы в необходимости и справедливости экономической войны, которую он объявил Великобритании.

Надежды Наполеона основывались на идеях физиократов, философов XVIII века, считавших, что истинным богатством страны является сельское хозяйство, после него - промышленность. Торговля же, а тем более финансы являются лишь производными. Согласно этой теории богатство Англии, основанное на торговле и спекуляциях, являлось лишь колоссом на глиняных ногах. Что стоило лишить Англию возможности получать сырьё на континенте и заваливать его своими товарами, как её призрачное могущество рухнет.

Без сомнения, мысли Наполеона были далеко не абсурдными, однако император не знал, что уже в 1806 г. только 33,1% английского экспорта направлялось в Европу (24,3% в США и 42,6% в остальные страны мира)¹⁷. Таким образом, удар для которого потребовалось задействовать огромные силы, не мог быть настолько чувствительным для Великобритании, как ожидалось.

Но самое главное, что, объявив континентальную блокаду (тогда этого термина ещё не было, он появится позднее) он фактически вынужден был объявить войну до победного конца. Чтобы блокада стала эффективной, нужно было закрыть все порты европейского континента, а это значило, что все государства должны были либо стать вассальными от Франции, либо стать союзниками Наполеона. Продиктовав пункты декрета континентальной блокады, император поставил перед собой сверхзадачу, которая отныне будет диктовать ему внешнюю политику в отношении всех держав континента.

России в этой системе он отводил важнейшее место,

¹⁷ *Dufraisse R.* Blocus continental. Dictionnaire Napoléon. Paris, 1987. P. 222.

так как видел в ней потенциального союзника, с помощью которого ему удастся поставить на колени надменную Британию.

Следствием побед Наполеона стало и подписание Тильзитского мира, который казался Наполеону триумфальным венцом всех его усилий, ибо долгожданный союз с Россией стал реальностью.

За неудачу в войне заплатила Пруссия. Её территориальные потери были огромны. Из 10 млн. подданных прусский король лишился 5 млн. Из западных земель утраченных Пруссией создавалась как называемое Вестфальское королевство, королем которого стал младший брат Наполеона Жером. А из бывших польских территорий, захваченных пруссаками по второму и третьему разделу Речи Посполитой, было образовано государство под названием герцогство Варшавское. Эта новая страна имела территорию 103 тыс. кв. км и население 2,6 млн. человек. Официально герцогство находилось в вассальной зависимости от Саксонского королевства.

В этой войне Россия не понесла никаких территориальных потерь. Более того, она даже приросла небольшим приобретением - Белостокский округ. Эти земли были отрезаны от владений бывшего союзника – Пруссии.

Для Франции подобный мир стал, конечно, внешнеполитическим успехом, но той биполярной системы, которую поначалу старался создать Первый консул, а затем император, не получилось. Российские элиты были недовольны по большей части континентальной блокадой, к которой теперь была вынуждена присоединиться Россия, что вполне понятно, так как львиная доля внешней торговли Российской империи и в особенности продажа зерна российскими помещиками была связана с Англией. Большая часть дворян возмущалась возникновением эмбриона независимой Польши, а офицеры желали смыть

позор двух поражений, понесенных русской армией.

Правда отрицательная реакция российского дворянства обычно очень сильно преувеличивается историками, работающими с позднейшими свидетельствами и черпающими сведения о настроениях в обществе в 1807 г. по мемуарам, написанным после войны 1812 г., когда вся система ценностей и координат российского правящего класса принципиально изменилась. Автор этих строк нашел ряд интереснейших документов 1807 г., которые убедительно показывают, что недовольство не было абсолютно единодушным даже в среде русского генералитета и видных российских политиков. Так среди этих документов неопубликованные письма генерала Раевского, написанные прямо во время заключения Тильзитского трактата, где известный русский полководец высказывает не возмущение, а настоящий восторг по поводу заключения мира, который по его убеждению явился самым лучшим выходом в сложившейся военно-политической ситуации. Подобными же настроениями проникнуты записки известного русского дипломата П. Г. Дивова, написанные непосредственно в 1807 г. и послания известнейшего сановника и посла при австрийском, а позднее французском дворе А. Б. Куракина¹⁸.

При всех оговорках не приходится сомневаться в том, что после очередной большой войны России и Франции стало гораздо сложнее найти общий язык, чем в 1805 г.

С другой стороны, империя Наполеона явно вышла за границы того, что хоть с какой-то натяжкой можно было рассматривать как Францию. В своей речи 16 августа 1807 г., обращенной к Законодательному собранию, император

¹⁸ См.: *Соколов О. В.* Военно-политическая обстановка во время подписания Тильзитского мира и реакция на договор в свете синхронных источников // *Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 2. История*, Вып. 1, 2015. С. 35 – 46.

заявил: «Франция объединилась с народами Германии законами Рейнской конфедерации, с народами Испании, Голландии, Швейцарии и Италии нашей федеративной системой. Наши новые связи с Россией скреплены взаимным уважением этих двух великих наций»¹⁹.

Так появляются первые упоминания о федеративной системе Европы, а сравнение Наполеона с Карлом Великим становится общим местом для французской официальной печати.

При этом русский союз становился отныне всё более сомнительным, а императив необходимости борьбы с Англией и закрытия портов от английских товаров подталкивал императора французов на дальнейшее расширение сфер влияния, и, в частности, спровоцировал поход французских войск в Португалию, а затем начало испанской авантюры, которая стала роковой для наполеоновского государства.

Мощным толчком для создания Империи Европы послужила война новой 5-й коалиции против Франции в 1809 г. Разгром Австрии вызвал очередное разрастание вассальных Франции государств. А фактическое невыполнение Александром I своих союзнических обязательств в ходе кампании, привело к тому, что Наполеон все более и более становится скептиком в вопросе альянса с царем. Когда в ходе войны 1809 г. генерал-адъютант Савари вспомнил о русском союзе, Наполеон воскликнул: «Не надо мне было рассчитывать на подобных союзников.... Какую выгоду я получил от этого союза, если он даже не может обеспечить мне мир в Германии! Скорее, они все объединяться против меня, и если остатки человеческих чувств не позволили им предать тут же, нечего заблуждаться: они все назначили свидание на моём гробе, но пока ещё не

¹⁹ Archives parlementaires. Discours de Napoléon 16 août 1807.

осмеливаются там собраться»²⁰.

Тем не менее, в конце 1809 г. Наполеон попытался в последний раз попытаться сохранить русский союз, а значит и биполярную конструкцию Европы. Через своего посла в Петербурге он посватался к младшей сестре царя Анне. Но отказ Александра I выдать великую княжну за императора французов сыграл огромную роль в изменении наполеоновской концепции внешней и внутренней политики империи. Едва получив уклончивый ответ, за которым Наполеон точно угадал завуалированный отказ, он обратился к австрийскому императору, и тот сразу согласился на брак со своей дочерью Марией Луизой.

Зачастую в исторической литературе этому бракосочетанию отводится второстепенная роль. В «серьёзных» политических трудах, где очень много говорится об экономике, финансах и администрации, подобным «мелочам» посвящают лишь пару строчек. А российский историк П. В. Мультагули пренебрежительно назвал события вокруг сватовства Наполеона эпизодом «из области дамских романов». Но отказ Александра I выдать замуж свою сестру Анну и свадьба Наполеона с Марией-Луизой были не просто курьёзными событиями «малой истории». Австрийский брак стал также важнейшим этапом в становлении новой концепции государства и всего видения европейской политики императором.

Речь идет не о том, что Александр своим отказом уколол самолюбие Наполеона, а в том, что он четко дал понять – союзу не быть. Напротив готовность Австрии идти на соглашение в вопросе династического брака показала возможность франко-австрийского сближения, которая тотчас изменила политическую конфигурацию континента.

До февраля 1810 г. Наполеон, так или иначе, мыслил

²⁰ Savary A.-J.-M.-R. Mémoires du duc de Rovigo. T.4. Paris, Londres, 1828. P. 145.

всю свою внешнюю политику как действия совместно с союзником, которого он видел в Российской империи, и даже войны 1805-1807 гг. не могли изменить это видение европейской политики. Наполеон считал эти войны недоразумением, не соответствующим геополитическим интересам обоих государств. Однако многочисленные действия Александра I на внешнеполитической арене, и в особенности его поведение в ходе кампании 1809 г. вызвали сомнения по поводу принципиальной возможности союза с Александром. Отказ в династическом браке такую возможность полностью исключил.

Отныне, коль скоро огромный восточноевропейский блок Габсбургской монархии стал частью сферы влияния наполеоновского государства, произошла кристаллизация идеи возрождения Римской империи, империи Карла Великого, империи Европы.

Именно с 1810 г. можно говорить о действительном европейском объединении, которое происходило под скипетром Наполеона. Продолжительность жизни этого объединения была очень короткой. Всего примерно три года, с начала 1810 г. от брака с Марией-Луизой до того момента, когда империя обрушилась вследствие поражения в русском походе и последующих неудач наполеоновской армии в ходе осенней кампании 1813 г.

Как видно из вышеизложенного, наполеоновская Европа сложилась не по заранее намеченному плану, а скорее вопреки ему, в результате цепи событий, многие из которых предвидеть было совершенно невозможно. Так и политика Наполеона по отношению к этому объединению определялась не некой априорной идеей, которую воплощал в жизнь император, а скорее прагматическими, подчас сиюминутными соображениями. Тем не менее, в действиях Наполеона просматриваются и закономерности, которые мы и попытаемся выделить.

Для начала определим, что такое наполеоновская Европа?

Это очень сложное, мозаичное образование. Можно сказать, прежде всего, что она «четырёхслойная».

Ядро составляла, собственно, Французская империя. В 1811-1812 гг. в момент своего наибольшего расширения она протянулась от Северного моря до берегов Адриатики. Кроме Франции в границах Старого порядка сюда вошли бельгийские земли, аннексированные в эпоху революционных войн в 1795 г., германские земли левого берега Рейна, аннексированные де-факто в 1794 г. и ставшие «французскими» де-юре в 1801 г., Пьемонт, присоединенный в 1802 г., Генуя в 1805 г., Тоскана и Парма в 1808 г., Голландия в 1810 г., Папская область и ганзейские города в 1811 г.

Таким образом, Брюссель, Амстердам, Гамбург, Турин, Флоренция и Рим стали «французскими» городами. Империя в 1811 г. насчитывала 130 департаментов и 44 миллионов жителей, в то время как в 1790 г. во Франции было 83 департаментов и около 27 млн. человек населения.

В принципе, в состав империи вошла в январе 1812 г. и Каталония (4 департамента). Таким образом, формально в составе империи отныне входило 134 департамента. Однако каталонскую землю, на которой пылала война, трудно квалифицировать, как действительно вошедшую в состав Франции.

В 1809 г. к империи были присоединены Иллирийские провинции (большая часть современных Хорватии и Словении) и, хотя эти земли формально считались частью империи, они обладали особым статусом.

Вокруг Франции простирались государства, связанные с империей фамильными узами. Их можно квалифицировать, как второй слой наполеоновской европейского государства. К ним относились, прежде всего,

королевство Италия, где правил приемный сын Наполеона Евгений Богарне, Вестфалия, где был королем младший брат императора Жером, Неаполитанское королевство, где в 1808 г. воцарился Мюрат, женатый на сестре Наполеона Каролине Бонапарт, а также крошечные княжества Лукка и Пьомбино, где правила сестра Наполеона Элиза.

Третьей группой государств был пояс вассальных стран, которые были связаны союзными отношениями с империей, но где сохранились прежние династии и в большей или меньшей степени старые порядки. К этой группе относились германские государства Рейнского союза, в который вошло в конечном итоге 40 стран. К ним можно отнести Герцогство Варшавское, формально подчиняющееся саксонскому королю, а также Швейцарскую конфедерацию, «медиатором» которой Наполеон Бонапарт был провозглашен в 1803 г.

Наконец, с некоторыми оговорками можно обозначить четвертый тип государств, имеющих отношение к империи. Это Австрия, полностью сохранившая свою независимость, но вступившая в династический альянс с Наполеоном, и Пруссия, заключившая с Францией военный союз в феврале 1812 г.

Назвать это мозаичное и явно незавершенное объединение Империей Европы, было бы слишком смело. А о намерениях Наполеона на этот счет мы можем только догадываться. Как и во многих других вопросах, император был не теоретиком, а практиком. Он не создавал схоластических схем, в которые требовалось бы загнать реальность. Его системы постоянно менялись, в зависимости от изменения обстоятельств, поэтому сложно, а иногда и просто бесполезно пытаться понять этого человека по его высказываниям, которые сплошь и рядом противоречат одно другому (не говоря уж, конечно, о произведениях, созданных на св. Елене). Зато вполне можно судить о его

замыслах по его делам.

Исходя из того, что предпринималось императором в 1810-1812 гг., можно предположить, что из достаточно еще рыхлого и неопределенного образования была бы создана конфедеративная империя Европы. В этом не сомневался известный французский специалист по внешней политике наполеоновской империи Эдуард Дрио. Он писал не без доли романтического преувеличения: «Вся Европа могла бы быть организована в мире. Вот та линия, которая явно вырисовывалась. Как император Август в начале христианской эры, Наполеон закрыл бы храм Януса²¹. “Римский мир” и “Золотой век” снова вернулись бы на землю. Уже там и сям вознеслись ввысь триумфальные арки и колонны, как в древнем Риме, уже широкие императорские дороги – артерии будущей экономической жизни – пролегали по Европе. Была бы, наконец, создана единая Европа. Империя – это Европа. Недаром Ницше называл Наполеона “хорошим европейцем”. Мы скажем, скорее, архитектором Европы...»²².

Фраза об «архитекторе Европы» без сомнения гипербола, однако заявить, что страны наполеоновской Европы совсем не имели общих черт, было бы также преувеличением. Первое, что бросается в глаза, когда мы говорим о первых двух «слоях» империи, это наследие Великой французской революции. Сама Франция, равно как и страны фамильного «пакта», были отныне во многом современными государствами. Отмена всех феодальных прав, равенство перед законом вне зависимости от происхождения и религии, равенство перед налогами, свобода вероисповедания, отмена наследственных должностей стали аксиомой для указанной группы стран.

²¹ Двери храма Януса закрывались в древнем Риме в знак мира.

²² *Driaux E. Napoléon, le génie de l'Ordre // Revue des études napoléoniennes, Janvier 1930. P. 15.*

Наполеон придавал огромное значение этим, как он верно понимал, козырям своей системы.

Разумеется, прежде всего, все остатки феодальной системы исчезли на территории земель, непосредственно вошедших в состав Французской империи. Кодекс Наполеона стал основополагающим принципом для жизни этих территорий. Крупнейший отечественный специалист по истории Великой французской революции В. Г. Ревуненков, говоря об этом своде законов, написал: «Кодекс Наполеона всеми своими 2281 статьями был направлен против отжившего свой век феодализма и его правовых норм. Этот кодекс устанавливал юридические нормы нового, буржуазного общества, восходящие своими корнями к просветительской литературе XVIII века и законодательству революционных лет... “Кодекс Наполеона, - справедливо писал Маркс, - берет свое начало не от ветхого завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от французской революции”. Кодекс Наполеона закрепил такие фундаментальные принципы 1789 г. как равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, свобода совести и др.... В этом смысле первая французская революция одержала полную и окончательную победу...»²³.

Земли, вошедшие в состав империи (в «первый пояс»), были отныне организованы с точки зрения законодательной, административной, налоговой, точно так же, как и земли «старой Франции». На них распространялись законы о воинской повинности, судебные органы отныне подчинялись решениям Кассационной палаты в Париже, депутаты заседали в Законодательном Собрании, а самые значимые представители местных политических элит были введены в состав Сената империи. Когда сенаторы, представлявшие

²³ Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Ленинград, 1983. С. 278 – 279.

бывшие Ганзейские города, прибыли в 1811 г. в Париж, Наполеон в своей приветственной речи вполне серьезно пожелал им стать «добрыми французами (!)».

Тем не менее, необходимо отметить, что при этом власти империи не пытались грубо навязывать французский язык на местах. Официальные объявления составлялись на двух языках – на французском и на местном наречии. На уровне администрации городов и деревень также разрешалось использовать местный язык для протоколов, рапортов и общения с населением.

Так, декрет от 9 апреля 1809 г., касающийся итальянских земель империи, в редкой для официального документа изысканной форме гласил: «Учитывая, что население Тосканских департаментов говорит на самом совершенном итальянском языке и что для славы нашей империи и для изящной словесности важно, чтобы этот элегантный и богатый язык передавался из поколения в поколения и сохранился во всей своей чистоте... мы постановляем... Итальянский язык может быть употребляем в Тоскане равно как и французский в судах, административных и частных актах заверенных нотариусами»²⁴.

Подобные акты, разве что без ссылки на «изящную словесность», были изданы 18 октября в отношении голландского и немецкого языка на территории бывшей Голландии, 4 июля 1811 г. в отношении немецкого языка на землях «Ганзейских департаментов» и т. д.

Настоящим «стилем» наполеоновской империи стали впечатляющие общественные работы; строительство дорог, мостов, каналов. До Наполеона через западные Альпы не существовало ни одной проезжей дороги – только тропы для вьючных мулов. За время правления Наполеона были построены три большие дороги, которые пересекли горы: дороги через Симплонский перевал, через перевал Мон-

²⁴ Répertoire universel et raisonné de jurisprudence. T. 4. Paris, 1813. P. 730.

Сенис и через перевал Мон-Женьевр.

Наконец, эффективная и энергичная администрация решительно взялась за дело модернизации и рационализации управления присоединенных к империи областей. Впрочем, это не всегда приходилось по вкусу местному населению. Об этом не без юмора написал в своё время классик исторической науки Луи Мадлен, говоря о реакции римлян на французские реформы: «Возмущение, смешанное с изумлением, охватило народ, когда люди узнали, что собак теперь было положено выводить в намордниках, что экипажи должны иметь номера, а их извозчики должны брать деньги по установленному тарифу, что дворники должны иметь метлы, а башенные часы ходить правильно»²⁵.

Если же говорить серьезно, о том, как восприняли присоединение к Франции в различных землях, необходимо рассматривать историю каждого региона по отдельности. Объем данной работы не позволяет остановиться на каждой присоединенной территории, поэтому в качестве примера рассмотрим немецкие земли левого берега Рейна. Они находились под властью Франции гораздо дольше, чем, скажем, Тоскана или Голландия, и позволяют лучше оценить результаты наполеоновского правления. Официально присоединение этих земель к Франции с полным включением их в состав французского государства состоялось 9 февраля 1801 г. по Люневильскому мирному договору. Из немецких земель левого берега Рейна было образовано 4 департамента: Саар (220 тыс. жителей) с центром в г. Трир, Рур (516 тыс. жителей) с центром в Аахене, Рейн и Мозель (203 тыс. жителей) с центром в Кобленце, Мон-Тоннер (342 тыс. жителей) с центром в Майнце.

Еще до присоединения этих земель к Франции они

²⁵ *Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. 10. L'Empire de Napoléon. Paris, 1946. P. 315.*

считались одними из самых экономически развитых в Германии. Наполеоновская модернизация позволила им совершить настоящий прорыв в развитии. Так, в Аахене в 1800 г. насчитывалось 9 суконных мануфактур, к 1813 г. их стало 16. Здесь же появились первые суконнодельческие станки английского типа. В Кельне использовались бумагопрядильные машины. В 1812 г. здесь уже имелось 92 станка с ручным приводом и 21 «мюль-машина» либо с конным, либо с паровым приводом. Подобные же машины с паровым приводом появились в 1806 г. и в Бонне (департамент Рейн и Мозель).

Земли департамента Рур традиционно славились металлическим производством, в частности изготовлением иголок. Но в эпоху Наполеона это производство сделало огромный скачок вперед. Талантливый инженер-механик Лоран Джеккер изобрел станок, который производил иголки с литыми головками. В 1804 г. он основал в Аахене фабрику, на которой работал станок, позволявший производить 180 иголок в минуту²⁶. На заводе в Бурдшейде работало 6 машин, которые позволяли шлифовать 5 400 000 иголок за сутки²⁷.

Особенно следует отметить рост, произошедший в сталелитейной промышленности. С 1801 по 1812 г. производство чугуна в Сааре выросло на 90%, а стали на 30%. В Рейне и Мозеле в 1809 г. по сравнению с 1789 г. стали выпускали на 86% больше. Огромный по тем временам сталелитейный завод в Гоффонтене (Шаффбрюкене) давал 90 тонн стали в 1801 г., 125 тонн в 1808 г., 184 тонны в 1811 г. и 197,5 тонн в 1813 г.²⁸

Префект Рура, барон Ладульсет, писал не без гордости

²⁶ *Dufraisse R. L'industrialisation de la rive gauche du Rhin // Revue du Souvenir Napoléonien, №. 257, 1971. P. 31.*

²⁷ *Considération sur le département de la Roer, Aix-la-Chapelle, 1811. P. 389.*

²⁸ *Dufraisse R. L'industrialisation de la rive gauche du Rhin // Revue du Souvenir Napoléonien, №. 257, 1971. P. 32.*

в 1810 г., что он управляет самым промышленно развитым департаментом империи. И это соответствовало истине, так как в департаменте Рур существовало 2 550 промышленных предприятий, на которых было занято 65 тыс. рабочих, что по тем временам являлось верхом индустриализации²⁹.

Рост промышленности рейнских земель сопровождался большими сдвигами в сельском хозяйстве. «Наступило, кажется, время правления крестьян»³⁰, отметил в 1812 г. известный немецкий публицист Йозеф Гёррес, имея в виду огромный передел собственности, который произошел в Рейнских землях в первые годы XIX века. Действительно, с приходом наполеоновских властей была произведена секуляризация церковных земель, произошла частичная конфискация земель крупных феодалов. Изъятая собственность получила название «национального имущества» и её выставили на торги. Большая часть «национального имущества» (76,5 %) являлась конфискованными владениями церкви, 19,1% владениями дворян.

Всего в четырех департаментах на продажу пошло 126 220 гектаров, то есть 6,6% общей площади рейнских земель (1 927 914 гектаров) или 12,7% земель, находящихся в сельскохозяйственном обороте. В Руре это составляло даже 18% земель! В общем же более, чем 1/8 земель сельскохозяйственного назначения поменяли своего владельца³¹.

Автор исследования по истории национализации в рейнских землях, Вольфганг Шидлер отмечал, что в поле его зрения попало более 8 тыс. имен покупателей земель,

²⁹ *Tulard J.* Napoléon, ou le mythe du sauveur. Paris, 1977. P. 292.

³⁰ *Madelin L.* Histoire du Consulat et de l'Empire. T. 10. L'Empire de Napoléon. Paris, 1946. P. 258.

³¹ *Schieder W.* Sécularisations et médiatisations dans les quatre départements de la rive gauche du Rhin (1794 – 1814) // *Annales historiques de la Révolution française.* 1991, Volume 286, № 1. P. 490.

которые происходили из 1800 городов и деревень Рейнских департаментов³², иначе говоря, это были представители самых различных слоев населения, можно сказать всех городков и деревень. И хотя, значительную часть земель, приобрела городская буржуазия, на долю крестьянства оставалось столь много, что можно говорить о глобальной перестройке общественных структур в Рейнских департаментах. Устраивая продажу «национальных имуществ», Наполеон руководствовался прежде всего прозаическими мотивами пополнения бюджета, но стал, считает Шидлер «сам того не желая, реформатором социальных структур общества»³³.

Упразднение феодальных повинностей и церковной десятины, увеличение земельной собственности привели к значительному улучшению благосостояния крестьянства, показателем которого стал рост населения рейнских департаментов. Так, в департаменте Мон-Тоннер в период наполеоновского правления только за десять лет население выросло с 398 165 чел. до 426 668 чел., причем в большинстве своем в сельской местности.

В прокламации Первого консула от 18 июля 1801 г., которая резюмировала социальные перемены в Рейнских департаментах, говорилось: «Отжившие привилегии не стесняют более развития производства, дикие звери не истребляют более поля крестьянина и не уничтожают плоды его работ, повсюду отменена унижительная барщина, повсюду отменены все феодальные повинности. Церковная десятина отменена... внутренние таможи, которые стояли на границах областей, отменены, торговля с Францией, самым выгодным рынком в мире, свободна. На смену произволу феодальных властей пришло независимое

³² Ibid. P. 401.

³³ Ibid. P. 489.

судопроизводство и правильная администрация»³⁴.

Хотя энтузиазм прокламации официальный, нельзя не отметить, что в Рейнских землях правление Наполеона действительно вылилось в модернизацию общественных структур, значительный экономический рост и улучшение благосостояния самых широких слоев общества.

Значительно менее очевидными были результаты наполеоновского владычества на территории государств «второго слоя» империи, или государств, связанных тесными династическими узами с Францией. Ярким примером является Вестфалия, королевство, появившееся в 1807 г. в результате Тильзитского мира из отторгнутых у Пруссии западных земель и территорий ряда немецких княжеств. В общей сложности около 63,5 тыс. кв. км. (в 1810 г. когда оно имело наибольшую протяженность) и около 2,6 млн. жителей (также в 1810 г.). Королем Вестфалии стал младший брат Наполеона Жером.

Вестфальское королевство рассматривалось Наполеоном как буферная территория, прикрывавшая Францию со стороны Пруссии, и как образец для других германских государств. Прежде всего, здесь предполагалось нанести мощный удар по феодализму. Вот как описывал правовую ситуацию в Вестфалии министр финансов при молодом короле Жан-Клод Беньо, которому поручили заниматься организацией королевства: «Феодализм здесь не такой, как был во Франции в 1789 г., смягченный и почти что символический, при котором оставались разве что ряд привилегий и почетных титулов. Здесь на феодализме покоится вся социальная структура. Здесь вся собственность принадлежит князю, пахари – это его подданные»³⁵. На

³⁴ Bulletin des loix...

³⁵ Цит. по *Boudon J.-O. L'exportation du modèle français dans l'Allemagne napoléonienne: l'exemple de la Westphalie // Napoléon et l'Europe, Colloque de La Roche-sur-Yon. Rennes, 2002. P. 104.*

место этой отжившей системы должна была придти по мысли Наполеона такая конструкция государства, которая привязала бы к себе умы и сердца, совершив, как выразался император, «моральное завоевание».

«Нужно, чтобы ваш народ был счастлив, – писал Наполеон, наставляя своего брата Жерома, – это важно не только для вашей и моей славы, но и для всей европейской системы. Не слушайте тех, кто говорит вам, что ваш народ привык к рабству и поэтому будет неблагодарен за дарованную свободу. В вестфальском королевстве люди более просвещенные, чем хотят вас убедить, и ваш трон будет лишь тогда действительно надежным, если он будет опираться на доверие и любовь населения. Народы Германии жаждут, чтобы те, кто не родился дворянином, но наделен способностями и талантами, обладал теми же правами и теми же возможностями получить высокие посты, чтобы все остатки крепостного права... были полностью уничтожены... И если уж сказать все, что я думаю, до конца, я надеюсь больше на эти преобразования для укрепления вашей монархии, чем на самые большие военные победы. Нужно, чтобы ваш народ пользовался свободой и равенством, до этого неизвестными в Германии... Этот способ править будет для вас более надежной защитой, чем рубеж Эльбы, чем крепости, и даже более, чем покровительство Франции»³⁶.

В соответствии с поручениями Наполеона Вестфалию организовали полностью по французскому образцу. Причем созданием нового королевства занимались посланные из Франции государственные деятели: уже упомянутый Жан-Клод Беньо, который занялся организацией администрации и возглавил министерство финансов, а также Жан-Батист Жоливе и Жозеф-Жером

³⁶ Correspondance de Napoléon Ier publié par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. T. 16. Paris, 1858 – 1870. P. 166.

Симеон. Последний стал министром юстиции Вестфалии и одновременно председателем Государственного совета. Характерно, что все эти люди были юристами при старом порядке, сторонниками идей Века просвещения, они являлись умеренными республиканцами, депутатами Законодательной ассамблеи. Все они оказались в оппозиции в момент якобинской диктатуры. Бенью попал в тюрьму и его освободили только после переворота 9 термидора, Симеон бежал в Италию и лишь Жоливе избежал преследований. По мысли Наполеона они наиболее соответствовали духу новых учреждений приверженностью к просветительским идеям и, одновременно, отрицанием революционных эксцессов. Перестраивая вестфальское общество, им следовало действовать достаточно деликатно, оставляя то, что можно было сохранить.

Как и во Франции, в Вестфалии исполнительная власть осуществлялась монархом, который действовал через министров и Государственного министра, осуществлявшего координацию деятельности ведомств. По конституции королевства министров было всего лишь четыре. Наполеон не желал, чтобы у маленького государства распухали бюрократические структуры.

Законодательный орган при монархе был также небольшой - всего сто депутатов, заседавших в одной палате – Государственных Штатах. Как и во Франции, эти депутаты назначались из числа элит департаментов, причем 70 мест закреплялось за земельными собственниками, в Вестфалии к ним относились только представители знатных дворянских родов, 15 закреплялось за торговой и промышленной буржуазией, 15 оставлялось для ученых и других заслуженных людей.

Очевидно, что подобный состав высшего законодательного учреждения отражал необходимый консенсус со старым дворянством, без согласия с которым

невозможно было построить государство.

Старое деление на княжества, провинции, сеньории упразднилось. Отныне королевство делилось на восемь департаментов, каждый в свою очередь на округа, по 3-5 на департамент. Всего 27 округов. Во главе департаментов, как и во Франции, находились префекты, которые также обладали большими полномочиями в административной области, в вопросах налогообложения, полиции, призыва новобранцев, а также в вопросах религиозной деятельности. Во главе округов, как и во Франции, стояли супрефекты с подобными же полномочиями.

В общем, небольшое по управленческому персоналу, эффективное государство, главной задачей которого было создание нового общества, которое бы жило по законам Гражданского кодекса. Статья 10 конституции королевства гласила: «Королевство Вестфалия будет управляться по законам, которые основываются на гражданском равенстве и свободе вероисповедания».

Свободе вероисповедания придавалось особое значение. В королевстве провозглашалась равенство всех культов перед законом. Впервые в истории Германии евреи получали статус таких же граждан, как и все остальные жители королевства. Они освобождались от особых налогов, которые платили ранее.

Разумные идеи, положенные в основу построения Вестфальского государства, с трудом реализовывались на практике. Война с Англией и, следовательно, Континентальная блокада, к которой вынуждено присоединилось королевство, наносила огромный ущерб торговле, так как традиционно значительная часть княжеств, вошедших в Вестфалию, были экономически связаны с торговлей на Балтике.

Наконец, государство обязывалось поддерживать Французскую империю всеми своими силами, а отсюда

непопулярная конскрипция – воинский призыв и высокие налоги, идущие на содержание армии. Вестфалия не только содержала свою армию, но выплачивала около 10 миллионов франков в год империи, а также содержала многочисленный французский гарнизон Магдебурга. Общие расходы выросли настолько, что к началу 1813 г. королевство при годовом бюджете около 34 млн. франков имело дефицит в 220 млн.³⁷

Дело дошло до того, что в Вестфалии в 1809 г. местами вспыхнули бунты против новых властей. Впрочем, это были не столько народные восстания, сколько беспорядки, спровоцированные «старыми священниками и феодалами», борющимися с новой Европой, как выразился Беньо³⁸.

Если беспорядки 1809 г. можно списать на священников и феодалов, то события 1813 г. показали, насколько конструкция Вестфальского королевства оказалась хрупкой. При приближении союзных войск подданные короля Жерома без особых угрызений совести перешли на сторону победителей.

Схожая ситуация наблюдалась в Итальянском королевстве, хотя, как мы и увидим, с существенными отличиями. Наполеоновская администрация здесь также старалась проводить необходимые реформы и одновременно вести огромные общественные работы, прокладывая дороги и каналы, возводя величественные общественные здания и реставрируя древние монументы. Однако при этом королевство исправно поставляло новобранцев в свою армию, являющуюся де-факто частью императорской армии, оно должно было содержать эту большую армию и

³⁷ *Magescas Xavier A.* Le royaume de Westphalie, tentative d'instauration d'un "Etat-Modèle" // *Revue de Souvenir Napoléonienne*. 2004, № 2004. P. 46.

³⁸ Цит. по *Boudon J.-O.* L'exportation du modèle français dans l'Allemagne napoléonienne: l'exemple de la Westphalie // *Napoléon et l'Europe, Colloque de La Roche-sur-Yon*. Rennes, 2002. P. 111.

так же, как и Вестфалия, выплачивать деньги в имперскую казну.

В монографии Е. В. Тарле «Экономическая жизнь королевства Италии в эпоху Наполеона» очень подробно рассмотрена экономическая зависимость Итальянского королевства от Франции. Тарле показал, что Наполеон стремился развивать, прежде всего, французскую промышленность и запретительными мерами сдерживал возможную конкуренцию со стороны итальянских товаров. Континентальная блокада нанесла ущерб итальянскому шелководию и шелководству, которые ориентировались, прежде всего, на внешний рынок. Наконец, Тарле подробно остановился на выплатах, которые Итальянское королевство должно было осуществлять в казну Франции, т. е. империи, и на содержание итальянских и французских войск, расположенных на территории королевства. В результате автор делал вывод о том, что: «В королевстве Италии и купцы, и промышленники были обижены, и те, и другие чувствовали себя угнетенными, понимали, что их интересы одинаково приносятся в жертву интересам чужой нации. Больше, чем какой-либо иной слой итальянского общества, класс торгово-промышленный на вопросы: чем держится и для чего существует наполеоновское владычество в королевстве? — склонен был ответить: держится мечом, а существует для эксплуатации страны... С 1810—1811 гг. королевство окончательно попадает, таким образом, в положение французской имперской колонии — в экономическом отношении... С этих пор королевство покорно, как и прежде, переносит свою участь, но уже утрачивает последние основания дорожить наполеоновским владычеством, поскольку дело идет об экономическом развитии страны»³⁹.

³⁹ Тарле Е.В. Сочинения. Т. 4. М., 1958. (Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона). С. 311 – 312.

Всё это правильно, однако за казалось бы очень убедительными столбцами цифр стоит порой игнорирование очень важных фактов, а именно того, какая часть доходов страны тратилась на «общие» имперские нужды. Действительно ли Италия находилась на положении колонии?

Для этого необходимо оценить общие суммы доходов страны, сколько в конечном итоге вынужден был платить средний француз или итальянец в казну. И здесь ситуация оказывается весьма отличной от того, что описывает Тарле и вслед за ним повторялось в течение долгого времени во всех трудах российских ученых, хоть как-то затрагивавших эту тему.

Для сравнения возьмем общую сумму, которую собирала казна Французской империи и Итальянского королевства (для наиболее характерного примера взят 1811 г.), а далее разделим её на количество жителей империи и королевства.

Сравнение провести нетрудно, так как в Итальянском королевстве лиры были точно равны французскому франку. И то, и другое в эпоху Наполеона соответствовало 5 г. серебра. Разумеется, это грубо прикидочный расчет, ведь мы не учитываем здесь многих деталей, но он позволяет оценить порядок величин.

Совершенно очевидно, что налогоплательщик империи, а в особенности именно француз, выплачивал на нужды государства большую сумму, чем средний итальянец. Налоги, конечно, были значительными, но тоже все познается в сравнении.

Результаты можно проследить в Таблице 1 «Сравнение налоговых выплат жителей Французской империи и Итальянского королевства».

Таблица 1. Сравнение налоговых выплат жителями Французской Империи и Итальянского королевства

	Общая сумма всех доходов государства (в млн. франков)	Количество жителей (млн.)	Выплата в расчете на одного жителя (франков)
Французская Империя (Франция и присоединенные земли)	1 032	44	23,5
Только Франция	877	30	29,2
Итальянское королевство	131	6,7	19,5

Отметим, что средняя зарплата рабочего во Франции составляла примерно 3 франка в день, то есть общая сумма налогов и всех косвенных выплат французского налогоплательщика равнялась примерно 10 рабочим дням среднего рабочего. По правде говоря, заработная плата в Италии была меньше, чем во Франции, но не намного. Достаточно сказать, что жалование солдат и офицеров армии Итальянского королевства практически точно равнялась жалованью французских военнослужащих

соответствующего звания.

Таким образом, наполеоновская «эксплуатация» Италии, да впрочем, и Вестфалии, сразу ставится на свое место. Да, конечно, Наполеон стремился развивать прежде всего французскую промышленность, но уже хотя бы потому что именно Франция несла на себе основное бремя расходов по обороне империи.

Что же касается военных усилий Итальянского королевства и Французской империи, то их едва ли можно поставить на одну доску. За все время существования королевства и ранее Итальянской республики было поставлено под ружье 217 тыс. итальянцев (из 6,7 млн.)⁴⁰, за то же время 1 млн. 600 тыс. французов⁴¹, считая только жителей «старой Франции» (30 млн.) без присоединенных департаментов, которые дали около 400 тыс. человек. Таким образом, в среднем 100 новобранцев приходилось на 1875 французов, и при этом на 3087 итальянцев⁴².

Для Италии, кроме того, Наполеон был не просто далеким имперским властителем, хотя и принесшим более справедливые законы, но требовавшим за это платы кровью.

Итальянский историк Карло Цаги так описал отношение итальянцев к военной службе в рядах наполеоновских войск, а одновременно и к империи Наполеона как таковой: «Порыв, который вовлек столько молодых людей в наполеоновскую армию и сковал их верностью, редко встречающейся в истории, объясняется

⁴⁰ *Frasca F.* Les italiens dans l'armée française (1796 – 1814) recrutement et encadrement. Paris, 2010. P. 118.

⁴¹ *Соколов О. В.* Армия Наполеона. СПб, 1999. С. 56.

⁴² На самом деле математически строго было бы считать количество новобранцев по отношению к жителям страны с учетом того, что за интересующее нас время вследствие рождаемости через страну прошло значительно большее количество людей, чем жило в ней одномоментно. Но для относительного сравнения усилий вполне можно применить упрощенное сравнение.

многими причинами морального, социального и психологического порядка. С одной стороны, военная карьера рассматривалась как кратчайший путь для восхождения к вершинам социальной иерархии, а для простого солдата - в частности, как средство политического и гражданского самоутверждения. С другой стороны, это увлекательность приключений и восторженное чувство силы, которую давало присутствие в наполеоновском войске, проходившем победоносным маршем по Европе, сокрушая троны и алтари, повергая в прах старую Европу и создавая новую на иных основах... Эта уверенность солдат в том, что они сражались за правое дело, против социальной несправедливости феодального общества, это и культ императора, доблестного и справедливого воителя, вознаграждавшего все заслуги... Это гордость солдат и офицеров за то, что они принимают участие в великих делах, составивших целую эпоху в истории, и за то, что они сражались под знаменами Наполеона Великого... Наконец, у наиболее образованных - это чувство того, что они трудятся ради новой Европы ... и то, что они готовят лучшее будущее для своих детей»⁴³.

Не случайно, поэтому итальянцы сражались до последнего за свое королевство и, когда в апреле 1814 г. в Париж вступили войска коалиции, а Наполеон уже отрёкся от престола, над Миланом все ещё развевался трехцветный итальянский флаг.

На примере Итальянского королевства видно, что Наполеону удалось интегрировать его в свою империю гораздо успешнее, чем Вестфалию, что объясняется рядом причин как материального, так и психологического характера.

Теперь несколько слов о государствах «третьего

⁴³ *Zaghi C. L'Italia di Napoleone dalla Cisalpina al Regno. Torino, 1986. P. 549 – 550.*

слоя», т. е. о тех, кто был связан с Французской империей только союзными узами. Напомним, что к этим государствам относились, прежде всего, страны Рейнской конфедерации. Здесь император не распоряжался королями как своими префектами, государства этого типа сохранили свою формальную и в значительной степени реальную независимость. Так, Саксония, несмотря на теснейший военный союз с Французской империей, несмотря на настоящую преданность, который испытывал старый король Фридрих-Август I по отношению к Наполеону, не претерпела практически никаких изменений своего внутреннего устройства. От этих государств Наполеон требовал, прежде всего, неукоснительного соблюдения континентальной блокады и солдат.

В качестве примера государства «третьего слоя» мы рассмотрим Баварию.

Интересы Баварии традиционно совпадали с интересами Франции. И та и другая державы видели свою цель на внешнеполитической арене в противодействии габсбургскому владычеству в Германии. Так в войне за Испанское наследство 1701-1714 гг. баварский курфюрст Максимилиан II не только полностью принял сторону французского короля, но и сам лично сражался в рядах французских войск. Бавария выступила также на стороне Франции в войне за австрийское наследство 1740-1748 г. Со своей стороны Французское королевство поддерживала Баварию в войне за Баварское наследство 1778-1779 гг., хотя накануне в Семилетней войне Франция была в союзных отношениях с Австрией.

Правда в эпоху революционных войн Бавария примкнула, в значительной степени под давлением Австрии, к антифранцузским коалициям. С приходом к власти Бонапарта между Францией и Баварией был заключен мир, который поставил точку на участие последней в

войнах против французской революции, а в 1805 г. Бавария, атакованная австрийцами, немедленно подписала союзный трактат с Францией. Наполеона встречали 24 октября 1805 г. в Мюнхене с ликованием, как освободителя от австрийского вторжения.

Более того, в результате Прессбургского мира 1805 г. Бавария получила значительные территориальные приращения, и стала королевством. Соответственно, баварский курфюрст Максимилиан был провозглашен королем под именем Максимилиан I.

При этом необходимо добавить, что Максимилиан I воспитывался во Франции и с 1777 г. до 1789 г. состоял на службе в качестве офицера французской армии. «Я воспитывался во Франции и прошу рассматривать меня как француза» - писал Максимилиан в адрес Алькье французского представителя при дворе в Мюнхене.

Ничего удивительного в том, что для баварского королевства вступление в систему, организованную под эгидой Французской империи, было вполне естественным процессом. В январе 1806 г. сближение между странами было скреплено династическим браком - дочь Максимилиана принцесса Августа-Амалия вышла замуж за приемного сына Наполеона и вице-короля Итальянского королевства Евгения Богарне.

Несмотря на союз с Французской империей, Бавария сохранила определенную степень независимости. Так, Максимилиан отказался вводить наполеоновский кодекс на территории своего королевства. При этом под влиянием французского примера король и его министр-реформатор Максимилиан-Карл фон Монжеля провели в Баварии ряд реформ в духе Века просвещения. Владения церкви подверглись секуляризации, проводилась политика религиозной терпимости, духовенство и дворянство облагались налогом также, как и прочие сословия. В 1808 г.

благодаря деятельности Монжеля принята первая баварская конституция, которая ликвидировала все пережитки крепостного права, наконец, в 1812 г. ввели гуманный уголовный кодекс современного типа, запрещавший пытки при дознании. Тем не менее, Гражданский кодекс Наполеона так и не ввели в Баварию.

Зато в области внешнеполитической Бавария полностью оказалась в подчинении у Франции. Начиная с 1808 г., королевство должно было присоединиться к Континентальной блокаде и скоро костры из конфискованных английских товаров запылали на площадях баварских городов. Подобные аутодафе раздражали всех и баварский король справедливо заметил, что такие меры «бьют больше по друзьям Франции, чем по её врагам».

При этом, проводя такую же политику «экономического эгоизма», как и в отношении государств «второго слоя», Наполеон не дал никаких преференций для импорта баварских товаров во Французскую империю. Дело дошло до того, что в 1808 г. Бавария и Итальянское королевство готовились подписать выгодный торговый договор. Однако Наполеон, в качестве итальянского короля, вмешался и потребовал, чтобы в договор внесли статью, защищавшую продукцию французских текстильных фабрик от конкуренции со стороны баварских товаров. Тогда Максимилиан отказался подписывать подобный договор и стороны его так и не согласовали.

В целом французское господство принесло Баварии много внешнеполитических очков, во многом способствовало модернизации государства, но оказалось скорее вредным в экономической сфере. А чудовищные акты аутодафе английских товаров вызвали недовольство самых широких масс населения. В результате подданные Максимилиана без всякого сожаления последовали за своим королем, когда он ещё до поражения Наполеона под Лейпцигом вышел из

союза с Французской империей и по договору 8 октября 1813 г. вступил в ряды антинаполеоновской коалиции.

Примерно такая же судьба с теми или иными нюансами была и у остальных государств этой группы: Бадена, Вюртемберга, Саксонии, Берга, Нассау и т. д.

Наконец, прежде чем сделать обобщение, необходимо сказать два слова о Пруссии и Австрии. Австрия стала официально союзницей Французской империи лишь в марте 1812 г., однако сближение произошло сразу после объявления о браке императора Наполеона и эрцгерцогини Марии-Луизы.

Австрийские элиты восприняли известия о свадьбе Марии-Луизы и французского императора как знамение того, что австрийская монархия нашла успешный способ преодолеть свои несчастья, что опасность, тяготившая над короной Габсбургов, отныне исчезла. Французский посол в Вене докладывал о настроениях в городе в это время: «"Все поздравляли друг друга, все потеряли головы". Город принял праздничный вид; стечение публики в увеселительных и общественных местах было громадно. Венцы вспомнили старую привычку собираться в концертных и бальных залах и под звуки оркестра пирушками и тостами праздновали радостное событие...»⁴⁴.

Несмотря на эти эмоции, сближение с Французской империей было продиктовано, прежде всего, желанием сохранить Габсбургскую монархию, а дальнейшее сближение определялось возросшей вероятностью конфликта с Россией. В этой ситуации министр иностранных дел Меттерних считал, что существуют «три возможных решения: союз с Россией; настоящий союз с Францией при энергичном ей содействии; нейтралитет Австрии»⁴⁵.

⁴⁴ Цит. по: *Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier, l'alliance russe sous le premier Empire*. Т. 2. Paris, 1893 – 1896. P. 293 – 294, 297.

⁴⁵ *Metternich C.W.L., prince de. Mémoires, documents et écrits divers*. Т. 2.

По поводу перспективы союза с Россией Меттерних был абсолютно бескомпромиссен: «Первый вариант невозможно учитывать в наших расчётах. Военные силы Вашего Величества будут парализованы даже до того, как мы успеем их применить. Враг вступит в столицу империи, Галиция восстанет... Что же касается... помощи со стороны России, история предыдущих войн уже показала, чего можно ожидать от этой державы»⁴⁶.

Меттерних отбрасывал также и идею полного и откровенного союза с Наполеоном, считая, что подобное действие неприемлемо для Австрии, ибо нанесёт ущерб тому порядку вещей, который Габсбурги, по его мнению, представляют в Европе. А именно легитимную монархию - её строй и её ценности.

Наконец, Меттерних считал, что абсолютный нейтралитет также невозможен. Министр иностранных дел считал, что в будущей войне у России не будет никаких шансов. Он говорил: «По моему мнению, Польша является гарантией будущей победы Франции в войне с Россией». Ибо восстание поляков на территориях западных губерний Российской империи неизбежно и оно «разожжёт пламя, которое распространится до самых пределов старой Польши... Наполеону достаточно сказать слово, чтобы Польша возродилась как значительное и могучее государство. Чтобы это сделать, он не нуждается в нашей помощи...»⁴⁷.

Из всего этого тонкий австрийский политик сделал вывод, что оставаться в стороне от подобной ситуации просто абсурдно. Тем более, что в восстановлении Польши Меттерних не видел вреда для Австрии. Более того, он

Paris, 1880 – 1884. P. 409.

⁴⁶ *Metternich C.W.L.*, prince de. Mémoires, documents et écrits divers. T. 2. Paris, 1880 – 1884. P. 409.

⁴⁷ *Ibid.* P. 411, 413.

отмечал: «Я считаю, что у нас есть выгода в возрождении этой старой монархии»⁴⁸.

Соответственно, министр полагал, что самое правильное – это занять промежуточную позицию между безусловным союзом с Наполеоном и нейтралитетом. Принять участие в войне, но делать это, минимальными силами, а за своё участие в военной кампании попросить серьёзное вознаграждение. Прекрасно понимая, что следствием победы Наполеона будет восстановление Польши и что в этом случае для Австрии некогда отторгнутые земли Речи Посполитой станут невозможной обузой, он заранее соглашался с тем, чтобы отдать Галицию будущей возрождённой Польше. Зато в качестве компенсации собирался потребовать от Наполеона возвращение всех иллирийских провинций. «Выгоды границы, которая снова вернёт нам контакт с Италией и Тиролем... несравненны по выгодам с границей, которая соединяет нас с Россией. Мы снова займём среди европейских государств то место, которое мы потеряли в последнее время»⁴⁹.

С мнением Меттерниха вполне согласовывалось мнение большинства представителей австрийской элиты. В результате в 1812 г. Австрия оказалась в союзе с Францией и обязывалась выставить для будущей войны тридцатитысячный контингент. Договор предполагал, что австрийские войска будут действовать отдельным корпусом под командованием австрийского генерала. Интересно, что несмотря на то, что австрийские войска должны были сражаться в рядах Великой Армии, территория Австрии объявлялась нейтральной и не участвующей в боевых действиях.

Династический союз, эмоции венской публики по этому поводу и военный союз – вот, пожалуй, все, что

⁴⁸ Ibid. P. 413.

⁴⁹ Ibid. P. 412.

связывало Наполеона и Австрию. Этим конечно нельзя пренебрегать, однако до участия Габсбургской монархии в создании «Империи Европы» было далеко.

Что же касается Пруссии, она оставалась еще дальше от Французской империи, чем её южный сосед. Однако приближение русско-французского конфликта вынуждало и её сделать выбор.

О том, какие настроения господствовали в прусской армии и в Пруссии вообще, говорят многие документы. По этому поводу приведём ещё одно свидетельство, письмо, написанное 8 сентября 1811 г. и проиллюстрированное почтой, работавшей по заданию маршала Даву. Его автор, офицер прусской кавалерии, писал: «Все говорили о возможности новой войны между Россией и Францией. Теперь об этом говорят меньше, но зато уверяют, что война между Францией и Пруссией близка [...] С нашей стороны не желают выполнять его (*Наполеона*) желания и не боятся его властного тона. Король ответил, что он скорее похоронит себя под обломками трона, чем даст удовлетворение его претензиям [...] В Кольберге выгрузили 50 тыс. английских ружей и можно себе вообразить с какой энергией все готовятся к будущим событиям. Поведение России по отношению к нам доказывает, что отношения между нашими государствами таковы, какие только можно было бы пожелать [...] Ты не можешь себе вообразить энтузиазм прусской нации, которая узнала о решении короля. А вы, галлы, что вы думаете, видя Пруссию в такой мощи? Вы наверно думали, что Пруссия перестала существовать, как сила и что крылья её орла подрезаны?»⁵⁰.

Как можно судить из этого письма, посланного за границу, прусская армия была настроена по-боевому и думала о том, чтобы сразиться с французами. Мнения тех, кто был настроен положительно по отношению к

⁵⁰ Le Service historique de la Défense (Далее SHD). F. Davout I. K 1. 26.

Наполеону, а такие тоже были, тонули в атмосфере общей враждебности.

Однако, если в войсках было много горячих голов, прусский король, в отличие от автора приведенного нами письма, совершенно не рвался в бой. Более того, он очень отрицательно относился к военным приготовлениям Александра I, считая именно его инициатором конфликта. 12 мая 1811 г. в своем письме русскому царю Фридрих-Вильгельм III написал: «Я знаю из верных источников, что император французов не желает войны, и мне кажется, что только от воли Вашего Величества зависит, можно ли будет ее избежать. Я оставляю в стороне причину споров с этим монархом (*Наполеоном*), я не осмеливаюсь решать, в какой степени его действия затрагивают государственные интересы России; но мне кажется, что, применяя чуть более внимательно принципы большой континентальной системы, избегая тем самым поводов для споров, объяснившись, наконец, с императором Наполеоном по поводу того, что его так беспокоит, Ваше Величество могло бы избежать грозы, последствия которой будут неисчислимы. Не стоит ли лучше применить все способы, которые имеются в нашей власти, чтобы сохранить мир на континенте, к которому, как кажется, желает его народ, как и остальные народы Европы»⁵¹.

В конечном итоге, прусский король, который не нашел удовлетворительными предложения Александра, выбрал союз с Францией, который был скреплен договором от 24 февраля 1812 г. Согласно условиям этого трактата Пруссия обязывалась выставить вспомогательный корпус в 20 тыс. человек, причём в случае его убыли, он должен был постоянно пополняться. Кроме союзного контингента Пруссия вынуждена была открыть свою территорию для

⁵¹ *Bailleu P.* Briefwechsel König Friedrich Wilhelm's III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander. Leipzig, 1900. P. 219.

прохода французских войск и предоставить большое количество провианта для армии.

Подписание этого договора об участии прусских войск в кампании 1812 г. завершило собой, если так можно выразиться, создание наброска империи Европы.

Как видно из всего вышесказанного, это была сугубо эмпирическая конструкция, мозаичная и неоднородная. Тем не менее, она существовала.

Её существование было настолько скоротечным, что документов, выражающих её идеологию, её подлинную концепцию осталось очень мало. Мы, разумеется, не говорим о рассуждениях Наполеона на острове Святой Елены, где он пытается войти в историю, как либерал и автор процесса национального объединения европейских народов. Или о мемуарах Коленкура, где автор описывает свое путешествие с императором в декабре 1812 г. Документы, написанные апостериори, в данном случае все проникнуты либо оправданием действий Наполеона с позиций совершенно других эпох, либо порицанием его и также с позиций совершенно другого мира, плюс с точки зрения людей, знающих, что было потом...

Среди редких синхронных источников, где отражается взгляд на концепцию нового мироустройства, можно отнести речь, произнесенную в кафедральном соборе прусского города Эльбинг генеральным комиссаром Западной Пруссии де Буанем. Эта торжественная речь, текст которой сохранился в Архиве исторической службы министерства обороны Франции, была произнесена в честь дня рождения Наполеона 15 августа 1812 г. и, что интересно, была обращена и к пруссакам, и к французам. Речь Буаня резюмирует процесс, о котором мы говорили, и знаменует собой, очевидно, пик наполеоновской Европы:

«От далекой Иллирии до берегов Тибра и Сены, от берегов Тахо до Двины и Борисфена (Днепра), от

Эгейского моря до Балтики, - говорил де Буань, - во всем этом огромном пространстве, занимаемом Империей и Цивилизацией, искусствами и науками, все нации, ее составляющие, все монархи, правящие ей, объединенные одними интересами, одними чувствами, празднуют сегодня годовщину рождения Наполеона Великого, Императора французов и короля Италии... Если Император расширил так далеко пределы своей Империи силой своего оружия и своего гения, а также мудрости... он объединил также сердца всех народов, которым он вынужден был некогда нести войну.

Я хочу, прежде всего, говорить здесь о жителях Пруссии. Действительно, когда-то берега Вислы и Немана были ареной боев между Империей и этим королевством, но теперь Его Величество король Пруссии дает своим подданным пример дружбы и преданности Франции и верности своим клятвам. Прусские войска сражаются под теми же знаменами, что и войска Его Императорского величества, и соперничают с ним в отваге и славе...

...Все бывшие враги стали друзьями и верными союзниками Его Величества, сражаясь сегодня против Англии и России – единственных держав, противостоящих ему.

Эти огромные политические изменения – не только плод побед и результат доверия к монарху, целью которого является прочный мир... и прекращение войн, которые в течение стольких веков истощали Европу и не согласуются с тем состоянием цивилизации, до которого она поднялась...

Либеральные принципы легли в основу законодательств всех государств... и кодекс Наполеона, принятый во многих из них, станет, без сомнения, вскоре всеобщим...

Если мы вспомним также о единстве мер и весов... народы Европы будут в скором времени представлять

собой единую семью, хотя и под властью отдельных и независимых правительств, это и было бы высшим достижением цивилизации.

Нищенство – эта проказа общества – искоренено во всей Империи. Построены дома, где несчастные находят верное убежище, отдых, заботу и утешение...

Воображение изумляется, когда видишь, какие... преодолены, казалось бы, непреодолимые барьеры природы, чтобы прорубить дороги, ведущие из Франции в Италию через перевал Мон-Сенис и перевал Сен-Бернар; какие прорыты каналы, чтобы соединить море с внутренними областями Империи; когда смотришь на то, сколь много создано новых полезных учреждений, сколь большую поддержку получили науки, торговля, мануфактуры, как украшена или, иначе говоря, реконструирована столица, ставшая, несмотря на древность, новым городом – самым большим и самым великолепным; когда видишь Рим, словно поднятым той же рукой из руин и занявшим место, которое он когда-то занимал в дни своей славы...»⁵².

Несмотря на помпезный слог и неприкрытую лесть, этот текст заслуживает внимания, так как ясно иллюстрирует то, как виделась Империя Европы и ее будущее. Автор понимает слово «Империя» не только в узком смысле этого слова – Французская империя, хотя такое значение в тексте также встречается. «Империя» для автора речи – это, прежде всего пространство, «занимаемое цивилизацией, искусствами и науками», пространство «от Тахо до Днепра», империя, которая должна объединить все европейские народы в единой семье, создать новый мир с большей социальной справедливостью, стать империей «высшим достижением цивилизации».

⁵² SHD. 2 C 130 Correspondance de la Grande Armée, 26 août – 20 septembre 1812. Archives parlementaires (AP), discours de Napoléon devant le Corps législatif, 16 août 1807

Автор подчеркивал, что речь идет о федеративной империи: «народы Европы будут в скором времени представлять собой единую семью, хотя и под властью отдельных и независимых правительств». Основы её – либеральные принципы и кодекс Наполеона, который знаменовал создание общества, основанного на гражданском равенстве.

Насколько сам император санкционировал подобную речь и, следовательно, подписался под её идеями? Можно полагать, что чиновник высокого ранга, выступавший к тому же перед публикой, требовавшей особой ответственности, не мог говорить, что ему взбрело в голову. Речь Буаня весьма вероятно и есть некие наброски концепции построения империи Европы, империи, как она виделась в самый апогей наполеоновского государства. Ведь никому, даже искушенному Меттерниху, в эти дни не приходило в голову, что блистательно начавшийся поход за Неман завершится катастрофой.

Действительно кампания 1812 г. стала первой и последней войной наполеоновской Европы, а армия, отправившаяся сражаться против войск Александра I, была уже не французской, а поистине европейской армией.

Именно поэтому будет уместно сказать несколько слов о войсках наполеоновской Европы и их поведении в этом походе. Прежде всего, остановимся на национальном составе Великой Армии.

Обычно, когда говорят о национальном составе Великой Армии 1812 г., берут сведения из мемуаров генерал-интенданта Денние, который указывал, что на 1 июня 1812 г. армия Наполеона, расквартированная на территории Германии, насчитывала в своих рядах 678 080 человек, из которых 322 167 (т. е. 47,5%) были солдатами иностранных контингентов или иностранных полков.

Подсчёты, проведенные автором данной работы

на основании документов, которые хранятся в архиве французского министерства обороны под номерами 2С 700 и 2С 701, уточняют цифры Денние. Архивные документы под указанными шифрами являются подробнейшими боевыми расписаниями Великой Армии - «Livrets de l'Empereur», сведениями предназначенными, лично для императора.

Наиболее полным является расписание 2С 701, представляющее собой толстую рукописную книгу. Документ датирован 1 августа 1812 года, однако эта датировка не имеет почти никакого отношения к его содержанию, так как перед расписаниями большинства всех корпусов стоит дата 15 июня.

Общая численность армии по этому боевому расписанию – 644 024 человек. В рапорт не включён австрийский корпус. Если прибавить его количественный состав к числу из таблицы, то получится 674 тыс., что почти точно совпадает с результирующими данными Денние. Наконец, если мы укажем, что в расписании имеются заметки, сделанные другими чернилами, которые дают ещё несколько тысяч солдат и офицеров, идущих на соединение с армией, можно будет констатировать, что классическая цифра Денние 678 тыс. солдат и офицеров практически идеально точна.

Отметим, что 678 тысяч – это не численность войск, которые были задействованы в кампании, а общее количество всех военнослужащих, административно относящихся к Великой Армии, расквартированных на территории Германских государств и герцогства Варшавского, гарнизоны Гамбурга, Данцига, Кюстрина, Штеттина, Глогау, Штральзунда, Магдебурга, а также далекие резервные формирования, которые не выступили в поход.

Архивное боевое расписание, наглядно демонстрирует, насколько Великая Армия стала интернациональной. В ней

были представители практически всех народов Европы, а именно:

поляки – 78 820 человек,
итальянцы⁵³ – 22 072,
немцы:
саксонцы – 26 720,
вестфальцы – 29733,
баденцы – 6 521,
гессенцы – 8 447,
вюртембергцы – 13 155,
баварцы – 29 038,
бергцы – 4596,
пруссаки – 19 494,
уроженцы мелких немецких княжеств: 10 024
испанцы – 3 722,
португальцы – 5740,
швейцарцы – 9 532,
хорваты – 3 732,
далматинцы – 1 992,
иллирийцы – 2 886,
датчане – 12 610,
неаполитанцы – 7 987,
австрийцы – 30 000 (разумеется, округленно).

Итого: 326 821⁵⁴ солдат нефранцузского происхождения на 347 203 французов. На самом деле иностранцев, если говорить не юридически, а фактически, в Великой Армии было еще больше. В этот период времени 25,6% «французских» солдат были уроженцами новых департаментов, т.е. родились в Амстердаме, Турине, Гамбурге, Риме, Генуе или Брюгге; многие из них до поступления на службу даже не говорили по-французски.

⁵³ Подданные Итальянского королевства.

⁵⁴ Разумеется, все эти числа с точки зрения математики правильно было бы округлить, так как ни одно из них не является точным.

Если учитывать указанные 25,6%, получится, что еще 88 884 человека (из 347 203) были нефранцузами. В результате иностранцев в Великой Армии было практически 2/3, а именно 64,6% (415 705 из 674 024).

Казалось бы, здесь все должно было также запутаться, как при построении небезызвестной вавилонской башни. Однако этого не произошло. Не следует забывать – перед нами длинный список не союзников, а вассалов Империи. У баденских, саксонских, вестфальских контингентов не было своей политической линии и целей войны: они следовали одному принципу – служить Императору. Все они беспрекословно выполняли приказы единого командования. Отсутствовали и трудности в понимании друг друга – французский язык, ставший в XVIII в. интернациональным европейским языком, понимали практически все офицеры. Наконец, многие из них уже сражались рука об руку с французскими братьями по оружию в войнах 1806–1807 гг. в Испанской кампании и, особенно в войне 1809 г. против Австрии.

Практически все источники, относящиеся непосредственно к этому времени, единодушны – союзные контингенты и иностранные части шли на войну 1812 г. так же, как и их французские коллеги – с огромным подъемом. Если у поляков этот пыл был связан с надеждой на возрождение погибшего отечества, то для подавляющего большинства солдат и офицеров Наполеона он носил характер чисто воинского энтузиазма: надежда на награды, отличия, повышения, почести; конечно, жажда славы, но еще захватывающее и великое приключение, которое как им казалось, будет победоносным.

Вот как ярко и точно описал итальянский офицер Цезарь Ложье в своем дневнике побудительные мотивы и настроения в среде итальянских солдат накануне Русской кампании: «На этом походе царит радость и веселье

(sic!); итальянским войскам в высшей мере присуще самолюбие, рождающее чувство собственного достоинства, соревнования и храбрость. Не зная, куда их ведут, солдаты знают, что идут они в защиту справедливости; им даже неинтересно разузнавать, куда именно их отправляют... Одни своими безыскусными и грубоватыми рассказами, своим философским и воинственным видом приучают других к стоицизму, учат презирать страдания, лишения, самую смерть: они не знают другого божества, кроме своего повелителя, другого разума, кроме силы, другой страсти, кроме стремления к славе.

Другие (этих больше всего), не имея той грубости, которая не подходит к пахарю, ставшему солдатом, столь же добродушны, но поразвитее и пускают в ход патриотизм, жаждут славы. И все это уравнивает дисциплина, пассивное повиновение – первая солдатская добродетель...

Соревнование наше еще более возбуждается, когда мы узнаем о славных подвигах товарищей по оружию в Испании, и каждый из нас тревожно ожидает, когда же наступит момент и мы сравняемся с ними, а то и превзойдем их. Да и полки, которые встречаем мы по дороге, не менее электризуют нас рассказами о геройских подвигах в последних походах...»⁵⁵.

Позже, когда многие участники этой трагической войны будут писать мемуары, они расскажут о недобрых предчувствиях, которые они испытывали накануне, о том, как с недовольством они отправились в эту авантюристическую экспедицию и даже предупреждали своих товарищей, что все это добром не кончится... Как известно, все эти предчувствия пишутся задним числом.

Ничего подобного нет ни в дневниках французов, ни в дневниках их союзников. Не меньший энтузиазм, чем

⁵⁵ *Laugier C. de. La Grande Armée. Récits de Césaire de Laugier, officier de la garde du prince Eugène. Paris, P. 10.*

итальянцы, испытывали солдаты и, конечно, офицеры немецких контингентов. В отделе рукописей Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся интересные записки отставного баварского генерала фон Манлиха, сын которого принял участие в русском походе. Вот что писал старый воин о настроениях молодых баварских офицеров: «Мне казалось ужасной сама мысль о том, что я могу пожертвовать единственным сыном ради ненасытного честолюбия иностранного деспота... Что же касается моего сына и его молодых друзей, они в нетерпении не могли дожждаться момента отправления, все они пылали желанием совершить поход в Россию...»⁵⁶.

Уже в первые месяцы кампании Великая армия оставила позади себя тысячи отставших больных и просто дезертировавших солдат, в том числе и союзных. Однако в строю оставались самые преданные и малейшие успехи снова возбуждали в них жажду приключений и мечту о славе. «В результате последних военных событий (*бои под Островно и Витебском*) молодые офицеры вновь поверили в звезду Наполеона, – писал бывший капитан Вислинского легиона. – Если бы нам приказали двинуться на завоевание Луны, мы бы ответили: “Вперед!” Напрасно старики подшучивали над нашим энтузиазмом, называя нас сумасшедшими, безумцами – мы мечтали только о битвах и победах и боялись только одного – что русские слишком быстро заключат мир»⁵⁷.

И это были не только слова. Несмотря на то, что к кульминационному моменту кампании – Бородинскому сражению – союзные контингенты и иностранные полки подошли сильно ослабленными, их поведение в битве было более чем безупречным. Охваченные общим порывом

⁵⁶ Mémoires de Mr. Mannlich dont le fils a fait la campagne de Russie en 1812 dans l'armée Bavaroise // Архив Военского К. А. Ф. Оп.1 № 305.

⁵⁷ Brandt H. von. Op. cit., P. 253.

поляки, вюртембергцы, вестфальцы, португальцы, саксонцы, итальянцы, баварцы и испанцы дрались с редкой отвагой, ничуть не уступая в доблести ни французам, ни русским.

Для полков саксонской тяжелой кавалерии, входивших в 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура, Бородинская битва стала поистине звездным часом. Никогда еще саксонцы и вестфальцы не дрались с подобным героизмом. Вот как вспоминал полковник Саксонского гвардейского полка фон Лейссер о действиях своих кавалеристов в этой грандиозной битве: «Противник с твердостью и спокойствием подпустил нас на 40 – 50 шагов и дал убийственный залп, но кони были разогнаны в атаке, шпоры вонзены в бока, нас вела стальная воля, а честь и слава ждали нас внутри русских каре. Мы обрушились на них, смели и опрокинули все, что нам противостояло. В жуткой схватке некоторые пехотинцы еще продолжали стрелять и их огонь прекращался лишь тогда, когда они были опрокинуты наземь. Пушки неприятеля были захвачены и отконвоированы назад. Земля была устлана поверженными вражескими солдатами»⁵⁸.

Сражаясь с бешеной отвагой, беспрестанно атакуя или выдерживая ураганный огонь русских орудий, саксонские и польские кирасиры понесли ужасные потери. Если накануне боя бригада Тильмана насчитывала в своих рядах 1130 человек (450 кавалеристов Саксонского гвардейского полка, 400 саксонских кирасиров полка Цастрова и 180 кирасиров 14-го польского конного полка), то к концу боя в строю оставалось едва ли 500 человек: 584 всадника были убиты или ранены.

«Саксонские эскадроны сражались в этой самой кровавой битве века с лвиной отвагой и полным презрением к смерти, выполняя задачи, которые, казалось, были

⁵⁸ Цит. по: *Sauzey*. Op. cit. T. 3. Les Saxons dans nos rangs... P. 158.

невыполнимыми для конницы», – рассказывал полковник фон Экнер о действиях бригады тяжелой кавалерии Тильмана 7 сентября 1812 г.⁵⁹

В то время как саксонская и польская кавалерия совершала свои атаки между Семеновским и батареей Раевского, вюртембергская пехота, ведомая генералом Маршаном и самим маршалом Неем, героически билась на Багратионовых флешах.

«Мюрат, преследуемый кирасирами противника, укрылся, чтобы не попасть в плен, на редуте, взятом штурмом и занятым 25-й дивизией, – вспоминает офицер вюртембергских войск. – Но он нашел там не несколько рассеянных солдат, как лживо говорит Сегюр, а вюртембержцев, которые после кровавого боя овладели укреплением и защищали его до конца битвы. Это были те же вюртембержцы, что добыли для маршала Нея титул князя Москворецкого, а для своего генерала – титул графа Французской Империи»⁶⁰.

Здесь же, на флешах, устлали своими трупами валы и амбразуры солдаты 1-го и 2-го Португальских полков. 35 офицеров этих частей погибли или были серьезно ранены в Бородинском сражении. Буквально локоть к локтю с ними отважно дрались другие солдаты с далекого Пиренейского полуострова – испанцы 2-го и 3-го батальонов полка Жозефа Наполеона под командованием майора де Чуди, также понесшие тяжелые потери, а в километре от них на батарее Раевского сражались 1-й и 4-й батальоны того же полка, ведомые майором Дорейлем.

Сюда же, на клокочущий кратер батареи Раевского, уступая настоятельным просьбам офицеров, Евгений

⁵⁹ *Exner M.* Der Antheil der kgl. Sächsischen Armee am Feldzuge gegen Russland. Leipzig. 1896 // Цит. по: Sauzey. Op. cit., Т.3. Les Saxons dans nos rangs... P. 176.

⁶⁰ *Faber du Faur G. de.* Campagne de Russie 1812 d'après le journal illustré d'un témoin oculaire. Paris, 1895. P. 157 – 158.

Богарне двинул и солдат итальянской гвардии: «Все мы выпускаем радостные крики, – вспоминает очевидец об этом моменте. – Полки строятся в колонну справа повзводно. Велиты Гвардии идут впереди, за ними гренадеры, егеря и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах.

Русские заметили наше движение и тотчас направляют в нашу колонну огонь из сотни орудий. Одни только крики “Да здравствует Император!”, “Да здравствует Италия!” – раздаются в шуме падающих бомб и гранат, беспрестанного свиста железа и свинца...»⁶¹.

Никогда еще, наверное, с обеих сторон не проявлялось столько мужества и самопожертвования. Героизм русских солдат и героизм солдат империи Европы, ведомых Наполеоном, оказались достойными друг друга.

Еще недавно пассивные вестфальцы не уступали в доблести их боевым товарищам. Вот что записал в своем дневнике 7 сентября в 8 часов вечера вестфальский подполковник фон Лоссберг: «Сражение выиграно... Император поручил Жюно передать нам, что мы бились храбро. Ней оказывает нам честь и громко прославляет нас, а мы, вестфальцы, можем с уверенностью сказать, что заслужили похвалу. Даже наш командир корпуса теперь сознается, что ему никогда не приходилось командовать более храбрыми войсками. В продолжение дня мы ни одной минуты не отступали перед неприятелем... Храбрость наших войск подвергалась неоднократным испытаниям: мы несколько раз отбивали атаки русских кирасиров и останавливали пехотные линии...». На следующий день в два часа дня фон Лоссберг дополняет свои записки: «Я не могу нахвалиться, как скоро и спокойно полк сомкнулся и выстроил каре... Когда же мы изготовились против неприятельской кавалерии, я заметил на лицах всех солдат решимость и доверие к их начальникам и восхищался

⁶¹ *Laugier C. de.* Op. cit. P. 82.

вниманием, с которым исполнялись все команды»⁶².

Ценность последнего свидетельства, несмотря на его преувеличения, заключается в том, что написано оно прямо на поле сражения едва только стихли пушки и не предназначено для начальства или публики. Это мысли, нахлынувшие тотчас же по окончании горячего боя, командира, который полностью доволен своими солдатами и восторгается их поведением перед лицом опасности, и если в деталях описания боя могут быть неточности, то оно абсолютно точно отражает психологическую реальность момента – вестфальцы сражались доблестно и считали себя победителями.

«Воздадим же... справедливость союзным войскам столь разных наций, следовавших в 1812 г. за орлами Наполеона, – писал барон де Бургуэн, бывший в ту эпоху молодым офицером Гвардии. – Честь и военная дисциплина столь сильно связывали воинов своими узами, а престиж Императора действовал столь волшебным образом, что солдаты стран, даже мало разделяющих, а часто даже просто враждебных его делу, в течение многих лет соперничали в благородном соревновании – отличиться перед его взором.

В то время как мы вели отчаянную войну на Пиренейском полуострове, малопохвальную по ее мотивам и результатам, полк Жозефа Наполеона... доблестно сражался в наших рядах. Кастильская верность и отвага не подвели. То же можно сказать о всем португальском легионе, составленном из пехоты и кавалерии. Он отличился своей храбростью и порывом в битве при Валутиной горе, где понес тяжелые потери. Этот легион участвовал с нами во всех битвах кампании и прошел вместе с нами все отступление через заснеженные равнины.

⁶² Лоссберг Ф.-В. фон. Поход в Россию в 1812 году. Письма вестфальского штаб-офицера Фридриха-Вильгельма фон Лоссберга. // Приложение к Военно-историческому вестнику. Киев, 1912. С. 31, 32, 36.

Что касается прусского контингента, он покинул нас 30 декабря. Но в течение всей кампании 1812 г. он соперничал в отваге и порыве с французскими и польскими войсками, и, согласно выражению герцога Тарентского, которое он употребил в письме, лежащем передо мной, “покрыл себя славой”»⁶³.

Это, пожалуй, один из наиболее парадоксальных моментов в истории иностранных контингентов Великой Армии 1812 г., да и наполеоновской Европы. Пруссаки в ходе кампании дрались не за страх, а за совесть.

Не следует забывать, что в Пруссии, несмотря на превалирующее враждебное отношение к французской оккупации, уязвившей национальное самолюбие и нанесшей удар по материальным интересам практически всех слоев населения, существовала весьма значительная профранцузская партия, состоящая частично из образованных чиновников, частично из интеллигенции. Здесь же были и некоторые офицеры, попавшие под обаяние Наполеона и восхищавшиеся его военным гением. Эта партия особенно активизировалась с того момента, когда Пруссия стала союзницей Франции. В отставку был уволен ряд высокопоставленных лиц, имевших слишком явные националистические взгляды, в частности глава тайной полиции Юстус Грюнер. Во главе же Прусского корпуса, отправляющегося сражаться в рядах Великой Армии, был поставлен генерал фон Граверт, ярый поклонник Наполеона и сторонник профранцузской политики.

«Счастливым оказаться под предводительством великого монарха и следовать к славе вместе с героями, увитыми лаврами, – писал Граверт в ответ на свое назначение, – прусский корпус желает только получить случай, чтобы показать себя достойным быть в рядах армии,

⁶³ *Bourgoing P.-C.-A. de. Souvenirs militaires du Baron de Bourgoins (1791 – 1815). Paris, 1897. P. 244 – 245.*

подвиги которой будут вызывать изумление грядущих поколений»⁶⁴.

В августе тяжело заболевший Граверт вынужден был покинуть корпус и передать командование генералу фон Йорку, который в отличие от своего предшественника был представителем националистического прусского офицерства. Однако престиж императорской армии к тому времени был столь велик, что смена командования не внесла поначалу никаких изменений в поведение прусского вспомогательного корпуса. В первых числах сентября ряд прусских офицеров получили от Императора ордена Почетного Легиона за отличия в боях. «Позвольте поблагодарить Вас, монсеньор, – писал Йорк маршалу Макдональду, – за то, что Вы сообразовали донести до Великодушного Монарха признательность и нашу благодарность по отношению к Вам за заботу о вверенных Вам прусских войсках и за эту награду»⁶⁵.

Когда же Прусскому корпусу было объявлено о результатах Бородинского сражения, фон Йорк направил Макдональду письмо, почти что переполненное энтузиазмом: «Я спешу, Монсеньор, выразить Вам нашу единодушную радость по поводу этого важного события и я с удовольствием исполню Ваш приказ – отпраздновать со всей достойной торжественностью этот новый успех французского оружия»⁶⁶.

Нечего и говорить, что прусские части, шедшие в рядах главной армии, сражались ничуть не хуже остальных, в частности и в Бородинской битве. Но что не столь очевидно, так это то, что в глубоком тылу Пруссия притихла в ожидании вестей из России. А первые сообщения были,

⁶⁴ Цит. по: *Bonnal H. Manœuvre de Vilna. Paris, 1905. P. 30.*

⁶⁵ SHD. 2 C 130. Correspondance de la Grande Armée, 26 août – 20 septembre 1812.

⁶⁶ Ibid.

как известно, одно оптимистичней другого.

Но московский пожар поглотил в своем пекле надежду Наполеона на победу. Великая Армия начала свое печально знаменитое отступление, которое в скором времени превратилось в катастрофу для нее и для идеи европейской империи.

Интересно, что первые неудачи не заставили многонациональную армию рассыпаться. Более того, самый трагический эпизод отступления Великой Армии, сражение на берегах р. Березины, стал поистине лебединой песней наполеоновской Европы.

Воины всех наций проявили здесь редкое мужество и самопожертвование, особенно это относится к корпусу Виктора, состоявшему практически полностью из иностранных частей. Всего же из двадцати тысяч солдат наполеоновской армии, реально принявших участие в бою 28 ноября, не более пяти тысяч принадлежали к французским полкам. Если же принять во внимание, что и в рядах французских полков примерно четверть солдат была иностранного происхождения, мы получим, что примерно 80% из тех, кто заслонил своими телами переправы, были нефранцузами!

Итак, как мы видим, солдаты иностранных контингентов в целом не только героически сражались бок о бок со своими товарищами по оружию французского происхождения на первом этапе кампании, но и сохранили свой боевой дух, несмотря на сам факт отступления и первые серьезные неудачи Наполеона.

Однако окончательная катастрофа Великой Армии в России не могла не отразиться на настроениях в странах наполеоновской Европы: «Печаль, вызванная этим огромным бедствием... в Голландии, Бельгии, Швейцарии, во всей Италии от Милана до Неаполя и от Венеции до Турина, даже вплоть до Иллирийских провинций...

подготовила распадение наполеоновской Империи на мелкие части. Ведь погибшие в России были главным образом немецкие, итальянские и иные генералы, офицеры различных наций, которые верили в звезду Императора и обеспечивали ему верность своих соотечественников; ведь это были чужеземные полки, которые он закалил в бою, артиллерия, которую он организовал, солдаты, которые научились выкрикивать на всех языках Европы “Да здравствует Император!” и рисковать своей жизнью за его похвалу в Бюллетенях или за крест Почетного Легиона»⁶⁷, – справедливо писал Альфред Рамбо.

Действительно, в бескрайних русских просторах погибла не просто армия, здесь погибла наполеоновская Европа. «Ее место готовилась занять другая Европа, она заявила о своем пришествии 30 декабря 1812 г. неожиданной изменой Йорка фон Вартенбурга»⁶⁸. В этот день командующий прусским контингентом, намеренно отстав на марше от франко-польских частей Макдональда, подписал так называемую Таурогенскую конвенцию, согласно которой прусские войска объявлялись нейтральными. Хотя король Пруссии дезавуировал демарш своего генерала и формально отрешил его от командования, остановить начавшийся лавинообразный процесс было невозможно – катастрофа Великой Армии резко изменила отношение к Наполеону в Пруссии.

Начиная с января 1813 г. вся страна была охвачена националистическим подъемом, который был столь силен, что король под общим давлением и нажимом со стороны Александра I подписал 28 февраля 1813 г. договор о союзе с Россией.

Отложение Пруссии от наполеоновской системы

⁶⁷ *Lavisse E., Rambaud A. Histoire générale du IV siècle à nos jours. T. 9. Paris, 1897. P. 808.*

⁶⁸ *Ibid.*

стало фактом бóльшим, чем переход одного из государств «Империи Европы» в стан ее противников – это было начало новой Германии и, более того, начало совершенно другого взгляда на мир.

Наполеоновская империя, выросшая из последствий волны национального подъема во Франции, в эпоху революции была связана по своему духу с Европой века Просвещения сего почти полным отсутствием национализма. С расширением империи она все больше проникалась идеями «Римского мира» и европейского единства. Не случайно в официальных речах, письмах, воззваниях Наполеон почти никогда не обращался к национальным героям Франции. Зато почти всегда говорил об Александре Македонском, Цезаре, Августе, Карле Великом... Нигде и никогда Наполеон не объявлял какие-либо из народов недоразвитыми, а французов «сверхчеловеками». Да, он отдавал предпочтение материальным интересам «старых департаментов», но не из-за того, что считал Францию пупом земли, а потому, что рассматривал ее как наиболее верную лично ему часть Империи.

Выдающийся специалист в области истории наполеоновской эпохи Жан Тюлар совершенно справедливо отметил: «Вопреки тому, что часто утверждается, Наполеон вовсе не стремился разрушить местные обычаи. Он уважал язык, религию и традиции стран, оказавшихся под его скипетром, он старался привлечь к себе местные элиты. Никким образом он не трогал национальную идентичность народов, в орбите французской империи. Нигде не прослеживается и следов геноцида, ни интеллектуального империализма, ни презрения к побежденным. Одна обязанность – принятие французских институтов и законодательства, воплощенного в Гражданском кодексе»⁶⁹.

Во всех действиях Наполеона куда больше

⁶⁹ *Tulard J. Le Grand Empire, 1804 – 1815. Paris, 1982. P. 188.*

прослеживается стиль императора Траяна, чем буржуазный национализм эпохи Директории. Именно поэтому с такой легкостью, а подчас с восторгом, вставали под знамена, увенчанные бронзовыми орлами, итальянцы, поляки, немцы, швейцарцы, бельгийцы, голландцы...

«Пассионарный взрыв» (как сказал бы Лев Гумилев) который произошел в Германии в начале 1813 г., был пронизан совершенно другими идеалами. Государственные деятели, священники, писатели и поэты на все лады призывали немцев к «настоящей войне», проповедовали богоизбранность Германии и ненависть к чужаку. Впервые среди лязга оружия в унисон священникам зазвучали и голоса «ученых мужей»: «...именно в вас изо всех новых народов определенно видны задатки человеческого совершенствования, и вам вручается прогресс дальнейшего развития», – проповедовал знаменитый профессор Иоганн-Готлиб Фихте в своих «Речах к немецкому народу», произнесенных с кафедры Берлинского университета. Поистине патологической кровожадностью и слепой ненавистью переполнены строки немецких «романтических» писателей и поэтов того времени: Генриха фон Клейста, Теодора Кёрнера, Фридриха Рюккерта, Людвигу Уланда, Августа фон Платена и Максимилиана фон Шенкендорфа.

«Теперь пусть ваша возлюбленная сотрясает воздух и мечет искры, – писал Кёрнер в “Брачном гимне сабле”. – Настает свадебное утро! Да здравствует железная невеста!»

Эти настроения со всей очевидностью отразились и в военной эстетике, появившейся в 1813 г. в Германии, – черные мундиры, черные кресты, черные знамена, черепа со скрещенными костями, церемонии с факелами, – словно все мрачное, древнетевтонское вырвалось на поверхность...

Конечно, не следует преувеличивать результаты этого идейного сдвига – в обществе того времени было

еще достаточно много консерватизма и инерции, чтобы быть полностью охваченным новым влиянием. Однако идеологический выброс произошел и, хотя он найдет свое полное логическое завершение лишь гораздо позже, его последствия не замедлили сказаться и на Германии и Европе наполеоновской поры...

Подводя итог, можно еще раз сказать, что созданная поначалу из соображений эмпирической выгоды и борьбы с враждебным окружением наполеоновская империя Европы постепенно приобретала черты некой универсальной общности, империи «цивилизации, искусств и наук», которая хотя и представляла собой причудливую мозаику, тем не менее, постепенно приобретала облик возрожденного «*Rex Romana*».

С этой точки зрения кажется противоречивым и даже абсурдным отмеченный выше экономический эгоизм Франции по отношению к таким государствам, как Итальянское королевство или Вестфалия. Как новый «Римский мир» сочетался с явным экономическим неравенством между странами?

Из того, что Наполеон сделал, начиная с 1810 г., представляется, что его империя вступила в эту пору к тяготению к универсализму, иначе говоря, она неизбежно пошла бы по пути объединения всех европейских стран в едином государстве. С этой точки зрения экономические преференции «французской» части империи становятся совершенно понятными. Это не буржуазный национализм, ведь к 1811 г. Амстердам, Рим, Гамбург, Флоренция, Антверпен, Брюгге и Турин стали такими же французскими городами как Париж, Тулуза или Дижон! Следовательно, на них также распространялись все экономические выгоды. Эти преференции давались не за парижский прононс, а за принадлежность к интернациональной империи. Иначе говоря, «вступить» в империю было выгодно для торговой

и промышленной буржуазии.

Гражданский кодекс, то есть свод нового антифеодального права, стал законом на всех этих территориях. Однако наряду с идеями Века просвещения, наполеоновская империя, построенная мечом, вобрала в себя элементы рыцарского эпоса и более того, была ими пропитана настолько, что о ней нельзя говорить, как просто о буржуазном государстве.

В обществе, созданном Наполеоном, во главе угла стояли, прежде всего, воинские добродетели – отвага, самопожертвование, воинская честь. В этих добродетелях император видел нечто большее, чем необходимое качество воинов-профессионалов. В воинском, рыцарском духе император искал моральный стержень общества.

Император отвергал буржуазный социум, где ценность человека определяется только количеством денег на его банковском счету. «Нельзя, чтобы знатность происходила из богатства, - говорил он Пьеру-Луи Рёдереру, видному политическому деятелю эпохи Республики и Империи. - Кто такой богач? Скупщик национальных имуществ, поставщик, спекулянт, короче - вор. Как же основывать на богатстве знатность?»

Одновременно, уважая традиции старого дворянства, император не считал, что происхождение из знатного рода достаточно, чтобы иметь право на власть и почести. «Вы дали себе труд родиться, только и всего», мог повторить Наполеон вслед за Фигаро, обращаясь к старой аристократии. По его мнению, происхождение из древней знатной семьи было хорошей форой для молодого человека, но не более.

Кровь, пролитая на поле сражения, самопожертвование во имя общего блага, воинская честь - вот, что должно было стать по мысли императора основой для новой элиты. В обществе Старого Порядка воинская элита сформировалась

в незапамятные времена. Она стала чисто наследственной, и, признавая равенство всех людей перед Богом, средневековая знать и вельможи XVI-XVII в. образовали замкнутую касту, почти непроницаемую для простолюдинов. Наполеон дал шанс вернуться к истокам и открыл возможность для всех без исключения тяжелыми ударами меча выковать свой дворянский герб.

«Когда кто-нибудь испрашивал у императора милость, будь то на приеме или на воинском смотре, он обязательно задавал вопрос просителю, был ли тот ранен? Он считал, что каждая рана - это часть дворянского герба. Он почитал и вознаграждал подобную знатность»⁷⁰, - написал в своих мемуарах генерал Жан Рапп. Сам отважный воин мог подтвердить своим примером этот максим. Осыпанный почестями он шёл всегда первым в самое пекло боя и был ранен 23 раза!

Император старался сделать так, чтобы воинская слава затмевала все остальное. Самопожертвование людей во имя отечества и общего блага должны были восславить художники и скульпторы, композиторы и музыканты, писатели и поэты многонациональной империи.

Эти идеи распространялись там, где утверждались законы империи. Особенно были удивительными изменения в итальянском народе. Сам Наполеон сказал об этом, не без некоторого наивного преувеличения:

«...нравы итальянцев начали изменяться; ... они превратились в совсем другую нацию. Ряса, бывшая в моде у молодых людей, была заменена военным мундиром. Вместо того, чтобы проводить жизнь у ног женщины, молодые итальянцы стали часто посещать манежи, стрелковые тир, учебные плацы. Дети не играли больше в богослужение, у них появились полки оловянных

⁷⁰ *Rapp J. Mémoires écrit par lui-même et publié par sa famille. Paris, 1823. P. 4*

солдатиков и они в своих играх подражали военным действиям. В прежних театральных комедиях и в уличных фарсах итальянца всегда представляли как большого труса, хотя и остроумного, а рядом с ним всегда был некий грузный вояка, иногда француз, а всего чаще немец, очень сильный, очень смелый, очень грубый, заканчивающий сцену нанесением нескольких палочных ударов итальянцу под громкие аплодисменты зрителей. Народ больше не выносил подобных зрелищ; теперь авторы показывали на сцене, к радости зрителей, смелых итальянцев, которые, поддерживая свою честь и права, обращали в бегство иностранцев»⁷¹.

Эпизоды из поведения итальянских войск, приведенные выше, подчеркивают глубину ментальных изменений в итальянском обществе и подтверждают слова Наполеона.

Огромную роль в утверждении рыцарской идеологии играла система награждений. Мало того, что достойного воина щедро вознаграждали, эту награду стремились преподнести так, чтобы поднять человека в его собственных глазах, заставить его почувствовать ответственность и проникнуться желанием совершить еще большие подвиги.

Вручая контр-адмиралу Верюэлю награду за удачный морской бой против англичан, Наполеон сказал: «Ваши блистательные заслуги, господин контр-адмирал, вызывают восхищение всех французов. Вы отбросили вражеские эскадры как достойный преемник славы Дюге-Труэна и Рюйтера. Примите же от имени Победы лавры, которые заслужили ваша доблесть и ваше мастерство».

Последняя фраза особенно важна, ведь Наполеон подчеркнул славу старых флотоводцев не только Франции, но и Голландии. Культ доблести и самопожертвования на

⁷¹ Correspondance de Napoléon Ier publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. T. 29. Paris, 1858 – 1870. P. 284.

поле брани должен была стать идеологической скрепой, которая должна была объединить многонациональную империю. Как было видно из приведенных примеров боевых эпизодов, так оно и было.

Империя двигалась к тому, чтобы реализовать в жизни, то, что композиторы и писатели наполеоновской Франции поставили на сцене: «Триумф Траяна» - так называлась торжественная и роскошная музыкально-драматическая постановка Парижской оперы композитора Жана-Франсуа Лесюэра, прославлявшая победоносного и справедливого императора, царящего над огромной империей, внутри которой царит мир.

Поражение в войне с Россией поставило крест не только на наполеоновской империи в том виде, в котором она существовала, но и на мечте о Европейской империи Траяна и Диоклетиана, построенной на идеях Века просвещения.

На поле Битвы народов под Лейпцигом победил, несмотря на временный успех старых монархий, буржуазный национализм, который станет отличительной чертой европейских государств XIX – начала XX века...

2. Гитлеровское геополитическое планирование будущего Европы под немецкой гегемонией и его реализация

Сразу после войны в Германии была опубликована книга Людвиг Дехио «Равновесие или гегемония»¹. В этой монографии известный немецкий либеральный ученый определил нацистскую политику в Европе как самую радикальную попытку установить гегемонию Третьего рейха в Европе. Оппонент Дехио Отто Вестфаль в книге «Мировая история в новое время»², напротив, видел в гитлеровской политике попытку консолидировать Европу перед лицом надвигающейся опасности гегемонии либо со стороны СССР, либо США. Я думаю, в этой точке зрения нет большого противоречия с Дехио, поскольку одно вытекает из другого...

Разумеется, эта консолидация и близко не походила на ту, которая была достигнута благодаря Лиге Наций, к ней Гитлер относился совершенно скептически, высмеивая «идеалистов», представляющих себе Германию, «стоящую во главе союза некогда угнетаемых наций». План единения Европы Бриана Гитлер категорически отвергал³. Целью Гитлера, как он откровенно заявил в беседе с Германом Раушнинггом, является господство Германии над Европой, и господство это он мыслил не как национальное, а как расовое. Как в 1928 г. формулировал Готтфрид Федер, «необходимо объединение людей германской крови, кто бы они ни были – датчане, поляки, чехи, итальянцы,

¹ *Dehio L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld, 1948.*

² *Westfal O. Weltgeschichte der Neuzeit. Stuttgart, 1953.*

³ *Klucke P. Nationalsozialistische Europaideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955, Н. 3. S. 243.*

французы»⁴.

Главный партийный идеолог Альфред Розенберг чуть по-иному видел перспективу внешней политики Третьего рейха – он полагал, что будущее принадлежит четырем национализмам – итальянскому, французскому, британскому и немецкому. Именно они могут придать Европе необходимый толчок в будущее, находясь в органическом единстве и обмене культурными ценностями, в то время как Россия, будучи враждебной этим ориентирам, была отнесена к Азии. По Розенбергу эти четыре больших нации будут в будущем играть ведущую роль, что не значит утеснение и давление для малых и крошечных наций в Европе – им должна быть представлена возможность автономного и самобытного развития. Теоретизирования Розенберга не нужно воспринимать слишком серьезно – его и в партии считали кабинетным теоретиком, не имевшим никакого влияния на партию и Гитлера⁵.

В своих застольных беседах Гитлер ни разу не высказывался о Европе как родине семьи народов, имеющих общую историческую судьбу, преемственность, идущую от античности, средних веков в новое время. Он никогда не говорил о возможном союзе государств, которые смогут в будущем сохранить автономию и право на будущую самостоятельную государственность. Фюрер определял Европу не как географическое понятие, а понятие, которое определяется расовой принадлежностью. Гитлер считал, что истинная граница между Европой и Азией пролегает между германским и славянским миром. Славянский мир, включая западных и южных славян, по его представлениям не должен стать частью новой Европы⁶.

⁴ Ibid.

⁵ *Klucke P. Nationalsozialistische Europaideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955, Н. 3. S. 245.*

⁶ Ibid. S. 260.

В принципе гитлеровская геополитика состояла как бы из видимого и маскируемого уровней и слоев. С одной стороны, Гитлер использовал чувства национальной ущербности и позора, царившие в обществе после Первой мировой войны. Обращение победителей с Германией казалось немцам особенно унижительным и подлым по той причине, что таким образом раньше обращались только со слабо развитыми колониями Африки или Азии. Версальскую систему немцы рассматривали как серию беспрецедентных актов унижения, вызванных желанием навредить Германии. Французский правый публицист Дриё ла Рошель удачно сравнивал Германию после Версальского мира с Францией при Наполеоне III – эта Франция, спустя 35 лет, мечтала об отмене договоров 1815 г. и хотела нового Наполеона, чтобы найти в нем утешение за потерю прежнего⁷. Также и поколение Гитлера сформировалось в вильгельмовской Германии, в которой сам собой разумеющимся был имперский статус страны; по этой причине требования ревизии Версальского договора обладало мощной объединяющей силой и находило полную поддержку в рейхсвере, промышленности, партиях и общественности.

С другой стороны, для Гитлера ревизия безусловно несправедливых Версальских установлений была только маскировкой концепции «жизненного пространства». Он считал, что будущее Германии можно гарантировать, лишь военными средствами обеспечив стране «жизненное пространство» на Востоке. Это позволило бы ему расселить «излишки» населения и гарантировать желанную хозяйственную автаркию. В «Майн кампф» он писал, что-либо Германия станет мировой империей, либо вообще перестанет существовать⁸. Реализация этой цели предполагала отказ от прежних принципов и норм внешней

⁷ Дриё ла Рошель П. Фашистский социализм. СПб, 2001. С. 215.

⁸ Hitler A. Mein Kampf. München, 1987. Bd. 2. S. 742.

политики – цена риска была очень высока, поскольку Гитлер мог лишиться всякого доверия в Европе. Последнее, впрочем, нельзя слишком переоценивать: известно, что честность и приверженность принципам в политике мало значат, но и вовсе сбрасывать их со счетов, как это сделал фюрер, тоже нельзя.

Положение Гитлера в системе власти Третьего рейха было таково, что нацистскую геополитику можно считать гитлеровской, то есть его представления в этой сфере имели решающее значение. Несмотря на расплывчатость понятий, которыми оперировал Гитлер, его представления обладали внутренней целостностью и ясностью, которые с высоты современного знания легко преодолеть; но эта легкость ничего не стоит, ибо ничем не помогает нам в понимании смысла происшедшего. Гитлер считал, что при сохранении в Германии темпов роста населения однажды настанет момент, когда наличная немецкая территория не в состоянии будет это население прокормить. Этой ситуации, на его взгляд, следовало избежать во что бы то ни стало. Однажды Гитлер сказал примерно следующее: пусть лучше на Востоке в войне за землю погибнет три миллиона солдат, чем 30 млн. немцев умрут от голода. В представлениях Адольфа Гитлера история была вечной борьбой за жизненное пространство; будущее нации должны были обеспечить не столько социально-экономические преобразования и новшества, сколько завоевание жизненного пространства (это и составляло главную цель гитлеровского «социализма»). Не принимали участие в борьбе только евреи, не имевшие собственной территории. Гитлер считал, что именно по этой причине евреи препятствуют нормальному ходу истории, борясь за власть другими средствами. Достаточное количество «жизненного пространства» с сельскохозяйственными угодьями, сырьем и источниками энергии и составляло, по Гитлеру,

основное условие существования народа. В определенном жизненном пространстве проживает определенное количество людей; при нормальных условиях население растет, и на определенной стадии развития территориальная «ограниченность» жизненного пространства приходит в противоречие с ростом численности населения. С этой позиции Гитлер и воспринимал политику, которая являлась для него просто средством реализации этой борьбы; вследствие этой единственно важной цели политики разница между войной и миром, между политикой внешней и внутренней теряла у него свои традиционные различия.

Немецкая промышленность, сильно ориентированная на экспорт и международные экономические связи, меньше всего была заинтересована в войне. Следует, однако, помнить, что после 1929 г. в мировой экономической политике многое изменилось; ведущие западные страны склонялись к протекционизму, поэтому дезориентированным немецким промышленникам мнение Гитлера показались обоснованным и логичным. В этой связи следует вспомнить, что в межвоенный период международная экономическая экспансия была слабой (в отличие от времени до Первой и после Второй мировых войн). В 1924–1933 гг. программу расширения немецкого «жизненного пространства» на Восток Гитлер сделал догмой нацизма. Её утверждение требовало большой разъяснительной публицистической и устной пропагандистской работы, поскольку сначала среди сторонников Гитлера имелось больше националистов, чем собственно национал-социалистов. Первые помышляли, скорее, о мести Западу за Версальский договор. Большое значение имели вначале и левые национал-социалисты, которые мечтали о совместном (с Советской Россией) походе «наций-пролетарок» на Запад. Гитлеру, благодаря колоссальной силе убеждения и пропагандистскому дару, удалось превратить всех своих сторонников в «истинных»

национал-социалистов, без всяких фракционных оттенков и нюансов.

По мнению Гитлера, прежняя немецкая колониальная и экспансионистская политика являлась половинчатой: она лишь незначительно расширила национальную немецкую территорию. Он считал, что за всю немецкую историю наиболее успешными и значительными были следующие захваты: 1. Осуществленная преимущественно баварцами колонизация Восточной марки (нынешней территории Австрии – О.П.); 2. Присоединение и освоение районов восточней Эльбы; 3. Создание Бранденбургско-Прусского государства – центра, вокруг которого и произошла национальная консолидация Германии. Без первых двух завоеваний немецкий народ, по мнению Гитлера, вообще не смог бы сыграть никакой роли⁹. Поэтому направление экспансии сомнения не вызывало, она должна была быть направленной на Восток, поскольку на Западе все государства страдали от избытка населения и не имели географической глубины. Во «Второй книге» Гитлер писал: «Национал-социалисты сознательно отказываются от внешней политики довоенной поры. Мы продолжим с того места, где закончилась немецкая экспансия шесть веков назад, у нас нет интересов на Юге и Западе, мы обращаем свои взоры на Восток. Мы имеем в виду Россию и ее сателлитов. ...Организация русского государства не была результатом государственно-политических способностей славянства в России, а ярким примером действенности и эффективности германского элемента в среде неполноценных рас. Большевики искоренили весь германский элемент, на его место стали евреи. Русские не смогут сами сбросить ярмо еврейства, они не смогут создать своего государства. Конец господства евреев в России

⁹ См.: *Hitler A. Mein Kampf. München, 1987. Bd. 2. S. 289.*

будет концом и России как государства»¹⁰. Как видно из этих строк, даже Польша при этом не упоминалась; Гитлер рассматривал ее как промежуточную ступень при решении самого важного и существенного вопроса о «жизненном пространстве» за счет СССР.

Непоследнюю роль в процессе мотивировки восточной экспансии играли для Гитлера и морально-этические факторы: «Не следует забывать, что правители нынешней России – это запятнанные кровью подлые преступники, подонки человечества, которые, пользуясь случаем, в трагический час разрушили огромное государство, удушили миллионы ведущих интеллектуалов, элиту общества, и уже десять лет тиранически правят страной. Нельзя забывать, что правители России принадлежат к народу, который соединил в себе дикую кровожадность и непостижимое искусство вранья – к интернациональному еврейству»¹¹.

В этой связи важно уяснить, чем являлось для Гитлера «жизненное пространство» – инструментом национальной интеграции или хозяйственной, геополитической необходимостью? В «Майн кампф» и особенно во «Второй книге» содержатся указания на этот счет: они сводятся, прежде всего, к хозяйственной необходимости приобретения новых земель. Гитлер писал, что долгом каждого правительства является восстановление баланса между численностью населения и территорией его проживания¹². Приемлемым для него был только один путь – путь завоеваний. Аргументы за агрессию Гитлер неоднократно воспроизводил в своих статьях, выступлениях; отражены они и в знаменитом «протоколе Хоссбаха» – записи монолога Гитлера 5 ноября 1937 г. перед генералами вермахта. В этом монологе фюрер обосновывал необходимость войны за передел

¹⁰ *Hitler A. Mein Kampf. München, 1987. Bd. 2. S. 289, 296 – 297.*

¹¹ *Ibid. S. 303.*

¹² *Ibid. S. 54.*

мира. Завоевание «жизненного пространства» должно было способствовать ликвидации асинхронности развития сельского хозяйства и промышленности, неравенства города и деревни. Райнер Цительман подчеркивал, что из этого стремления Гитлера не следует делать вывод о том, что он хотел вообще ликвидировать города, а их обитателей переселить в деревню¹³. Напротив, гитлеровская аргументация нацеливалась на то, чтобы дискредитировать экономическую экспансию и предложить свое решение проблемы. Эта тема находилась в центре внимания геополитической теории. Хаусхофер, основательно изучив материал, утверждал, что стратегические преимущества большой территории неоспоримы; в глазах Гитлера это было решающим аргументом в пользу политики вооружений, ибо новые территории можно было получить только военным путем. Это убеждало Гитлера, что война в любом случае неизбежна. Данное обстоятельство побуждало его поставить другой, чрезвычайно болезненный для немцев в Первую мировую войну вопрос – об автаркии ввиду ограниченных природных ресурсов Германии. Для Гитлера, в отличие от аграрных романтиков Дарре, Гимmlера и Розенберга, сырьевые ресурсы были куда важнее, чем сельскохозяйственные угодья. 28 апреля 1939 г. в рейхстаге Гитлер, возражая Рузвельту, заявил, что США достаточно богаты сырьем и плодородной землей, чтобы прокормить полмиллиарда людей, а в Германии большинства ресурсов не хватает. Летом 1941 г. после первых больших побед в России Гитлер несколько раз возвращался к теме сырьевых ресурсов: по его мнению, сырье, которое немцы получили в свое распоряжение в России, должно не служить подъему российской промышленности, а использоваться в Германии (России же, по его планам суждена реаграризация). Гитлер

¹³ *Zitelmann R. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987. S. 291.*

считал, что завоевание «жизненного пространства» на Востоке обеспечит Германии столь же мощную сырьевую и аграрную базу, какая существует у США. Сверх того: последовательная расовая политика позволит европейским странам избежать американской гегемонии¹⁴. Хотя Гитлера восхищала современная техника США и он испытывал уважение к американским экономическим успехам и евгеническим законам (евгеника – учение о наследственном здоровье и умственных способностях человека и отборе лучшего материала. Первоначально перед евгеникой стояли гуманные цели, но в итоге ею стали злоупотреблять для реализации расовых доктрин. До нацистов это наиболее активно делали в некоторых штатах США). Также Гитлер одобрял строгие въездные квоты для разных национальностей, – но одновременно разделял обычный европейский снобизм по отношению к молодой американской демократии (этот снобизм и ныне широко распространен в Старом Свете).

В итоге обзора мотивации гитлеровской геополитики следует еще раз подчеркнуть, что в гитлеровском мировоззрении завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа было совершенно необходимым как с экономической, так и с расовой точки зрения. Его система взглядов на проблему «жизненного пространства» представляла собой причудливый конгломерат научных теорий, псевдонаучных представлений, расовых предрассудков, современной ему политэкономии, геополитики, теории империализма. Завоевание «жизненного пространства» являлось задачей среднесрочного планирования, долгосрочной задачей было завоевание мирового господства и глобальной гегемонии. Тезис о «жизненном пространстве» сыграл роль инструмента интеграции партии, а также значительную

¹⁴ *Hitler A. Mein Kampf. München, 1987. Bd. 2. S. 124.*

пропагандистскую роль. Собственно, гитлеровская геополитика на основе расовой доктрины была идефикс фюрера, сосредоточением всех его планов. Ее трудно оценить позитивно, ибо она игнорировала интересы и существование других наций; она свидетельствовала о целостности подхода к воображаемой проблеме, но в координатах ложных ценностей. В принципе, английский историк Х. Тревор-Роупер был прав, когда в 1960 г. писал: «При жизни Гитлера едва ли кто из историков хотел верить в его последовательный, целеустремленный подход. Возможно потому, что Запад проводил страусиную политику по отношению к нацизму. Последовательный подход Гитлера оспаривался и после 1945 г. историками, которые чувствовали отвращение к вульгарной и нечеловеческой натуре Гитлера в такой степени, что не хотели допускать в нем ничего положительного, даже остроту мышления и целеустремленность действий. И я хотел бы утверждать, что историки – среди них мои глубокоуважаемые соотечественники Льюис Неймир, Алан Буллок, А.Д.П. Тейлор – допустили ошибку, делая вывод о наличии низкого морального уровня и низкого интеллекта»¹⁵. Со словами о «моральном уровне» все же трудно согласиться, поскольку «моральная» позиция предполагает учет интересов и других людей, а не только собственных сограждан. Что касается «научной» стороны гитлеровской геополитики, то тогдашний уровень знаний не позволял предвидеть полную дискредитацию мальтузианской теории вследствие социально-экономических и демографических процессов в Европе после Второй мировой войны. По крайней мере, ни одна из развитых стран не испытывает сейчас проблем в связи с нехваткой «жизненного пространства», как это предрекал Гитлер; именно экономическая экспансия, о бесперспективности которой говорил Гитлер, оказалась

¹⁵ *Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. М., 1998. С. 450.

наиболее эффективной.

Расистская практика нацистов по отношению к соседним европейским народам заключалась в отрицательном отношении к славянам и в неоднозначном отношении к романским и германским народам. Это и понятно: главной функцией расовой идеологии (главным признаком которой стала инструментальность) должно было стать «теоретическое» обеспечение политики завоевания «жизненного пространства» в Восточной Европе, а на Западе у Гитлера цели отсутствовали, или они относились к второстепенным, либо вынужденным. По этой причине гитлеровский расизм не носил выраженного характера по отношению к неславянским народам Европы. Хотя и здесь в любой момент политика могла повернуться, как угодно: «неполноценной» могла стать любая европейская нация, поскольку никаких критериев «полноценности» не существовало. Непрозрачность гитлеровской политики в Европе вообще имела принципиальный характер. Гитлер настаивал на строгой секретности; так, на совещании 16 июля 1940 г. он сказал: «Важно, чтобы наши цели не стали известны всему миру; в этом нет никакой необходимости; главное, чтобы мы знали, чего хотим. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы ненужными декларациями воздвигать препятствия на нашем пути, такие заявления неуместны, ибо мы можем сделать все, что в нашей власти, а того, что находится вне нашей власти, мы все равно не сделаем. Мотивировка наших шагов перед лицом всего мира должна определяться тактическими соображениями. Мы должны действовать таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией. Там мы не обмолвились ни словом о наших намерениях, также мы будем действовать и впредь...»¹⁶. Эта секретность давала возможность в любом

¹⁶ Цит. по: *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 78.

конкретном случае прибегать к импровизации.

По приходу к власти Гитлер первым делом взялся за ликвидацию Версальской системы, которая к тому моменту практически уже перестала существовать – точно также как к 1933 г. умерла и Веймарская республика. И в том и в другом случае Гитлер сыграл роль стервятника, добившего нежизнеспособные и практически сходящие уже с политической сцены создания. В Версале Германию незаслуженно оскорбили, создав у немецкого общества комплекс обиды; немцы не чувствовали никаких обязательств по отношению к Версальским решениям, принятым без их участия и подписанным вынужденно. Поэтому немецкая общественность безоговорочно поддерживала все гитлеровские начинания по ликвидации Версальской системы. Разумеется, и в правительстве Гитлера в 1933 г. нашлись решительные сторонники ревизии Версальской системы, не являвшиеся нацистами, – Франц фон Папен, Константин фон Нойрат, Альфред Гугенберг, Вернер фон Бломберг. Уход с Женевской конференции по разоружению в середине октября 1933 г. стал первым симптомом начала гитлеровской политики вооружения. 16 марта 1935 г. была восстановлена всеобщая воинская обязанность; численность рейхсвера мирного времени в одностороннем порядке довели до 550 тыс. солдат. 18 июня 1935 г. англо-германский договор о флотах фактически санкционировал разрушение немцами Версальских установлений. Инициатива соглашения с Англией по размерам ВМФ исходила от Гитлера.

Незадолго до подписания морского соглашения между Англией и Германией 11–14 апреля 1935 г., на конференции в итальянском городе Стреза Англия, Франция и Италия осудили немецкие нарушения Версальского договора и обязались в будущем противодействовать им всеми возможными средствами. Практического значения этот

договор не имел по причине агрессии Италии в Абиссинии, одобренной партнерами в Стреза, а также по причине упомянутого англо-германского договора о флотах.

Грубо говоря, Версальские условия обеспечили имперской ревизионистской политике в Германии общественную поддержку и доверие. Версальские условия просто толкали Германию на путь ревизионизма, а потом и предоставили ей все необходимые для ревизии средства: со временем из гарантов Версальской системы остались только Англия и Франция, которые не в состоянии были удержать 70-миллионную Германию (во Франции население составляло около 40 млн. человек).

Когда Гитлер почувствовал, что западные страны не развяжут ему руки на Востоке, он расценил перспективу войны на западном направлении как исторический шанс; в дальнейшем он все более убеждался в необходимости военной кампании на Западе для «ликвидации Вестфальского мира» 1648 г., который, как известно, не только закрепил немецкую раздробленность, но и пресек притязания Священной Римской империи германской нации на Голландию, Бельгию, Люксембург, часть Франции и Швейцарию. Гитлер хотел воскресить эти претензии. Еще до французского триумфа вермахта летом 1940 г., Геббельс воспринимал войну на Западе как повод для огромной пропагандистской кампании, смысл которой сводился к тому, что Вестфальский мир, наконец, разрушен, и восстановлена возможность «естественного развития» рейха. 2 марта 1940 г. именно министр пропаганды организовал в Мюнстере, – где в 1648 г. был подписан один (второй – в Оснабрюке) из договоров, составлявших Вестфальский мир, – выступление перед гаулейтерами; в речи Гитлера содержалась широковещательная декларация о необходимости окончательной ревизии Вестфальского мира. По распоряжению Геббельса в немецких газетах

писали даже о необходимости ликвидации последствий Верденского раздела (843 г.)¹⁷ империи Карла Великого между его внуками Лотарем, Карлом Лысым и Людовиком Немецким, а этот договор Франсуа Гизо в XIX веке расценил как размежевание Европы по национальному признаку (на Западно-Франкское и Восточно-франкское государства). Получалось, что нацисты хотели повернуть историю вспять к моменту существования империи Карла Великого, которая охватывала территорию всей современной Европы и включала в свой состав все европейские народы, за исключением восточноевропейских.

После победы на Западе в 1940 г. Гитлер все чаще стал употреблять словосочетание «германская империя» (а не немецкая), что указывает на имевшиеся у него планы геополитических преобразований Запада. У Гитлера не было имперских захватнических планов по отношению к западным территориям; там оккупационным властям было запрещено практиковать насилие (как на Востоке), ибо речь шла о родственных «арийских» народах. Правда, первоначально победа Третьего рейха в 1940 г. над Францией означала победу над хранительницей и инициатором Версальской системы. Поэтому первоначально планировалось даже самостоятельность Бретани, Бургундии. Гиммлер планировал расселить в Бургундии тирольских немцев, а жителей *nonchalant* Бургундии переселить в Крым¹⁸. Впоследствии он передумал и в ноябре 1940 г. Гитлер заявил Петену, что немецкий мир – это не «карфагенский мир» (как Версальский мир), и Франция после войны должна занять в Европе подобающее место¹⁹. Позже в виду угрозы военного поражения Гитлер заговорил о «европейской

¹⁷ *Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970. S. 141.*

¹⁸ *Klücke P. Nationalsozialistische Europaideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955. Н. 3. S. 262.*

¹⁹ *Ibid. S. 157.*

семье народов», «старинной европейской культуре», которой угрожает большевизм, даже высказывался в том смысле, что Франция может занять подобающее место в европейской семье народов, если будет противодействовать большевизму²⁰.

Уже в разгар войны Гитлер начал исключать и романские народы из «своей Европы»: дружественная Италия, побежденная Франция и нейтральная Испания исключались из планов создания будущей Европы по Гитлеру. Особенную антипатию Гитлер испытывал к Испании, единственной стране Европы, где он не хотел побывать и никогда не был. Он даже распорядился держать 40 тыс. «красных» испанцев в лагерях для интернированных на территории Франции с тем, чтобы в случае необходимости использовать их против франкистского режима²¹.

Если до Сталинградской битвы Геббельс требовал от своих подчиненных решительно пресекать слухи о предполагаемом возникновении «новой Европы», то после гибели бармии он издал 15 февраля 1943 г. циркуляр, в котором предписывалось активно навязывать «новый, европейский облик немецкой внешней политики». На вооружение был взят лозунг «Европейцы против русского большевизма», а сам СССР изображался как главный антагонист Европы. Именно этот образ врага должен был сплотить континент под началом нацистской Германии. Министр иностранных дел фон Риббентроп 21 марта 1943 г. подготовил докладную записку, в которой речь шла о необходимости создания «Европейской федерации». По его плану в эту федерацию следовало включить Германию, Италию, Францию, Данию, Норвегию, Финляндию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Хорватию, Сербию, Грецию и Испанию. Центром федерации планировалось сделать Вену или Зальцбург. Эти

²⁰ Ibid. S. 270.

²¹ Ibid. S. 263.

планы Риббентропа практически совпадали с эсэсовским планированием²².

Характерным для нацистской практики расизма (применительно к родственным германским народам) было отношение нацистов и Гитлера к англичанам; лучше всего оно выражается немецким словом, которого нет ни в каком другом европейском языке, – «*Haßliebe*» (ненависть-любовь), то есть смесь восхищения имперскими достижениями и имперским величием Великобритании и ненависти к сопернику и стремления его обойти. 1 января 1941 г. Гитлер обронил, что «шестьдесят миллионов англичан контролируют одну шестую планеты, а девяносто миллионов немцев владеют лишь малым клочком земли»²³.

На пике могущества Гитлер добивался мира и согласия с Великобританией и даже предлагал оставить ей прежнюю сферу влияния; предложения эти не нашли поддержки и ему пришлось продолжить войну с англичанами. Когда Англия стала противником Германии, нацистская пропаганда принялась обличать британскую империю как социально реакционную. Немецкая пресса и радио стали разглагольствовать об ужасной эксплуатации английских трудящихся капиталистами-плутократами. В 1940 г. немецкие учителя входили в класс и торжественно провозглашали: «Боже, покарай Англию!», а учащиеся должны были отвечать «Он ее обязательно покарает!»²⁴. От Вернера Зомбарта нацистская пропаганда переняла тезис о том, что англичане – это еврейсредиарийских народов: именно англичане наиболее полно и последовательно осуществили коммерциализм, охвативший якобы все сферы жизни. Такой же ожесточенной критике подвергались английский

²² *Васильченко А.* «Евросоюз» Гитлера. История объединенной Европы, которую не принято вспоминать. М., 2015. С. 28, 31.

²³ *Ферро М.* Семь главных лиц войны, 1918 – 1945: Параллельная история. М., 2014. С. 92.

²⁴ *Герцштейн Р.* Война, которую Гитлер выиграл. Смоленск, 1996. С. 390.

парламентаризм и демократия. Один из предшественников нацистского расизма - по происхождению англичанин - Х. С. Чемберлен говорил, что англичане годятся разве только для того, чтобы угнетать примитивные народы, но сами при этом не отличаются героизмом или творческими способностями. В своем известном труде «Миф XIX столетия» Чемберлен доказывал, что в характере британцев преобладают лицемерие, наглость, холодная расчетливость, а идеализма, столь присущего немцам, у них нет вовсе.

Еще больше для критики Великобритании нацистские идеологи и пропагандисты почерпнули у О. Шпенглера, который в своем знаменитом памфлете «Пруссачество и социализм» увлеченно описывал богатый духовный мир немцев и отсутствие внутренней свободы у англичан, погрязших в материализме и либерализме. «Англичанин внутри своего существа есть раб, - писал Шпенглер, - будет ли он рационалистом, сенсуалистом или материалистом. В течение 200 лет он создает учения, которые уничтожают внутреннюю независимость; его последнее создание, - дарвинизм, - ставит всю совокупность духовной жизни в причинную зависимость от действия материальных факторов»²⁵. Гитлер иногда апеллировал к такого рода высказываниям, хотя нетрудно заметить, что никаких расистских суждений у Шпенглера не заметно, это – обычная ксенофобия и непонимание особенностей политической культуры.

Отношение к другим германским народам Европы у нацистов было лояльным (в рамках возможного, особенно когда началась война). Так, оккупационный немецкий режим в западноевропейских странах радикально отличался от оккупационного режима в Польше или на территории Советского Союза, - о расовой политике в собственном смысле слова там не было и речи. Так, 11 марта

²⁵ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Петербург, 1922. С. 34.

1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Фюрер разрешил офицерам браки с датчанками, голландками, норвежками и т.д. Это правильно и полезно политически»²⁶. Гиммлер предложил Гитлеру открыть в Голландии две школы НАПОЛА (национально-политические учебные заведения по подготовке будущих партийных кадров); 1/3 учеников будут голландскими детьми, а 2/3 – немецкими. После курса обучения голландцев будут направлять в немецкие НАПОЛА. Аналогичные школы Гиммлер собирался создать в Норвегии. Гитлер согласился с предложением рейхсфюрера²⁷.

Немецкий историк Ганс-Дитрих Лок писал, что Гитлер не хотел военной оккупации Норвегии, но стремился к ее интеграции в Великогерманский рейх. Гитлер не стремился изменить границы Норвегии; но он намеревался создать там условия для воспитания «нового человека»²⁸. Норвежская нация, по его мнению, содержала для этого подходящий материал. Поэтому в Норвегии оккупанты старались вести себя возможно более лояльно: там деятельность оперативных групп СС (в отличие от Польши и СССР) была запрещена, и только после назначения гаулейтером Йозефа Тербовена эсэсовцы начали «работу» по подавлению Сопротивления и розыску евреев. Та же история повторилась и в Голландии. Эсэсовцы появились в этой стране только после назначения эсэсовского офицера Артура Зейсс-Инкварта имперским комиссаром в Голландию²⁹.

Датчан признали «германским» народом, поэтому нацисты обращались с ними совершенно лояльно; Дания

²⁶ *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 245.

²⁷ *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. М., 2005. С. 178.

²⁸ *Loock H.-D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 267.

²⁹ *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992. S. 377.

стала большой «потемкинской деревней» нацистского режима. Некий генерал люфтваффе точно определил разницу в нацистской расовой практике среди германских народов Запада и на Востоке Европы следующей формулой: «датчанин – это не поляк, а германец»³⁰.

В радикальном стремлении к собиранию «лиц германской крови» по всему миру Гитлера превзошел Гиммлер, который пророчил создание великогерманского рейха до Урала; СС в нем имели бы полицейские и частично военные функции. Гиммлер считал, что за счет германских народов численность населения Германии необходимо увеличить на 30 миллионов человек. В ближайшие десятилетия «арийское» население (до 400 миллионов человек) должно будет составить ядро нового государства в Европе³¹. Этим целям служила и попытка привлечения добровольцев в части СС (с 1943 г. в САНТЪЯГО: стали брать даже валлонов и французов, не говоря уже о представителях германских народов)³². Нацистские планы не встретили энтузиазма у европейцев – из Голландии, Фландрии, Норвегии и Дании в СС вступило лишь 13 500 добровольцев.

Во Францию СС почти не допускались: только по личному распоряжению Геринга команда из 10 ээсовцев, переодетых в форму вермахта, во главе с оберштурмбанфюрером (полковником) СС Гельмутом Кнохеном смогли проехать в Париж. Кнохен устроил

³⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2000. S. 526.

³¹ *Smith B., Peterson A.* (Hg) Heirich Himmler Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen. Berlin, 1974. S. 157.

³² *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 410.

свою штаб-квартиру в парижском “*Hotel de Louvre*”; глава немецкой военной администрации в Париже генерал Отто фон Штюльпнагель и находившиеся в его подчинении 2500 солдат полевой жандармерии вермахта всячески препятствовали активности Кнохена и его людей. Иногда военные даже лишали Кнохена связи с Берлином. Глава гестапо Мюллер мрачно шутил, что во Франции Кнохен сделался приверженцем Запада³³. Лишь в 1942 г. Гейдриху удалось избавить Кнохена от зависимости от военных; по-настоящему эсэсовцы смогли развернуться в Париже только после неудачного покушения на Гитлера, одним из организаторов которого был Штюльпнагель – глава немецких оккупационных войск во Франции.

Расизм нацистов все же давал о себе знать и на Западе. Вернув в состав Германии Эльзас и Лотарингию, нацисты активно взялись за германизацию местного населения, о расовом «состоянии» которого Гитлер высказывался весьма уничижительно³⁴. В литературе часто встречается указание на то, что Гиммлер планировал создать эсэсовское государство Бургундия³⁵, которое должно было обладать определенной автономией и стать образцовой моделью расового и мировоззренческого государства³⁶. Эти планы, однако, так и остались планами.

В 1940 г. Гитлер пророчески заявил, что продолжение военных действий будет стоить Британии её империи. В книге о политике Черчилля³⁷ английский историк Дж. Чармли парадоксальным образом доказывал, что в геополитическом

³³ См.: *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Augsburg, 1992. S. 379.

³⁴ *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 181.

³⁵ Дело в том, что претензии Гимmlера основывались тем, что в средние века историческая область Бургундия (позднее она именовалась Франш-Конте) с XI века была частью Священной Римской империи немецкой нации.

³⁶ См.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1974. S. 171.

³⁷ *Churmly J.* The End of Glory. London, 1992, passim.

плане все произошло точно так, как предрекал Гитлер. На самом деле, английская колониальная империя в середине 60-х гг. исчезла; уровень жизни англичан в 60–80 гг. составлял 80 % от немецкого, а английский фунт стал слабее немецкой марки. Чармли остроумно предположил, что инопланетянин, попавший в Европу 50–80-х гг., на вопрос, кто в 1945 г. проиграл войну, наверняка дал бы неправильный ответ: если англичане вели войну за независимость Польши, то она закончилась неудачно; если войну вели для того, чтобы не дать тоталитаризму проникнуть в Европу, то она тоже закончилась неудачно; если ее вели для того, чтобы сохранить положение Великобритании как мировой державы, то она и в этом смысле закончилась поражением. Чармли считал, что сделка, которую Гитлер собирался предложить Великобритании, была великодушной: ведь своим приближенным Гитлер сказал, что хочет от нее только возвращения германских колоний, отнятых в конце Первой мировой войны, и признания гегемонии Германии в Европе. (Не желая видеть Великобританию разрушенной, фюрер, – как сторонник превосходства белой расы, – хотел сохранения Британской империи и во время войны неоднократно сожалел о ее гибели). Это, безусловно, означало бы сохранение флота Великобритании; Гитлер даже собирался предложить Англии 12 германских дивизий для заморского использования. Одним из доказательств немецкой лояльности по отношению к Великобритании было цивилизованное обращение с англичанами на оккупированных Германией и находившихся под контролем немецкой военной полевой комендатуры английских Норманнских островах (7000 жителей) в Ла Манше у полуострова Котантен.

В 1940 г. Гитлер был уверен, что британцы одумаются и запросят мира, поскольку английские гарантии имели смысл, если бы их поддержал СССР; отказ Британии спутал

его планы. Правда, за отказом этим стояла не беззаветная готовность к борьбе с коричневым чудищем (как это обыкновенно представляют в западной историографии), а отсутствие правильной информации о намерениях Гитлера. Нельзя, впрочем, упускать из виду и то, что английскую решимость подкрепляли американские военные поставки: после поражения на континенте Англия и США заключили соглашение о поставках оружия и, к примеру, половина производимых в Америке самолетов (350–400 машин ежемесячно) направлялась в Англию. 2 сентября 1940 г. Рузвельт и Черчилль заключили соглашение о передаче 15 старых американских военных кораблей Британии в обмен на английские опорные пункты в Атлантике и на Карибских островах³⁸. Когда в конце 1940 г. обнаружилось, что Англии нечем платить за оружие, Рузвельт (говоря, что если у соседа горит дом, то ему нужно дать займы шланг) начал кампанию за ленд-лиз. Рузвельт утверждал, что США должны стать «арсеналом демократии». 11 марта 1941 г. американский парламент под давлением Рузвельта принял закон о ленд-лизе, который разрешал президенту «продавать, перебрасывать, разменивать, сдавать в аренду, давать займы или предоставлять другими способами» материальные средства любой стране, оборону которой он считал жизненно важной для обороны Америки. В принципе, Рузвельт мог без оплаты отправлять в Британию вооружения и материалы, но в действительности Британия продолжала платить за значительную часть вооружений, а в обмен на соглашение она передала США практически все остатки своей экспортной торговли и (согласно Генеральному соглашению от 23 февраля 1942 г.) обязывалась после войны отменить имперские преференции, что для госсекретаря Корделла Хэлла было более важным, чем сдерживание

³⁸ *Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1994. S. 404.*

тоталитарных систем.

Интересно отметить, что СД в своих распространяемых только для высшего руководства «Вестях из рейха» передавала, что объявление войны США не вызвало каких-либо негативных эмоций – немцы полностью отдавали себе отчет в том, что на практике Америка давно уже воевала на стороне противников Германии. Только в крестьянской среде высказывалось удивление приумножением без надобности противников Германии. В целом же, немцы восприняли объявление войны США как справедливое наказание Америки за ее вмешательство в европейские дела – ведь Германия никак не ущемляла американские интересы, а американцы упорно поддерживали врагов рейха и всячески ему вредили³⁹. В донесениях СД отмечалось, что простые немцы негативно относились к «царившей» в США еврейской клике, но против американцев никто не испытывал никаких недобрых чувств, кроме ставшего традиционным чувства культурного превосходства.

В разгар войны в Германии появилась потребность в определении будущего статуса Запада в системе нацистского «нового порядка» в Европе, но четких и ясных деклараций на этот счет до окончания войны Гитлер намеренно не давал: таким образом, нацисты упустили шанс создания в будущем чувства европейской общности и использования его для текущих задач. На более низком уровне такие декларации существовали; так, 3 апреля 1943 г. немецкий юрист профессор Ганс Петер Ипсен опубликовал в «Брюссельской газете» статью о различных правовых основаниях и различных принципах управления внешними западными (находящимися за пределами старой границы рейха) областями Третьего рейха. Эти территории

³⁹ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939 – 1944.* Berlin, 1965. S. 198.

составляли по площади 2 865 000 квадратных километров со 154 млн. населения, что равнялось 30 % ненемецкой территории Европы. Ипсен должен был согласиться с тем, что никакой центральной администрации, – наподобие той, что создали японцы в сентябре 1942 г. для управления «Великой азиатской сферой благополучия и процветания» в юго-восточной Азии, – нацисты в Европе не создали; у них, в силу хаоса компетенций, существовало несколько моделей правовых статусов в оккупированных районах. Он был вынужден признать, что целостной картины управления оккупированными территориями создать невозможно. Правда, ему удалось найти правдоподобное и элегантно объяснение для фрагментарного и импровизированного характера нацистской оккупационной политики: последняя де заранее не планировалась, решения о наступлении на Западе являлись вынужденными и стали ответом на «агрессивные» действия западных держав⁴⁰. Ко всему прочему, Гитлер не придавал ни малейшего значения организации центральной администрации в оккупированных районах, полагая, что сначала нужно выиграть войну, поэтому и эта сфера оказалась в пределах противостояния различных немецких властных инстанций.

Насколько различными были условия оккупации видно из следующего описания статусов местных властей в разных западных странах.

Норвегия с ее 3 млн. жителей после бегства короля в Англию получила немецкую гражданскую администрацию во главе с Йозефом Тербовеном, которому не удалось получить серьезной поддержки со стороны местного населения. Не располагал поддержкой народа и назначенный

⁴⁰ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 404.

1 февраля 1942 г. премьер-министром коллаборационист Видкун Квислинг⁴¹, создавший чисто норвежское правительство, полностью, впрочем, зависимое от Третьего рейха⁴². Норвежская национальная интеллигенция решительно отказалась от сотрудничества с оккупантами: например, попытка назначения на должность профессора университета Осло нациста (в мае 1941 г.) привела к столь решительному протесту Союза норвежских ученых, что норвежские высшие школы вообще закрылись на весь период войны. Хотя Норвегия в будущем и стала частью «Великогерманского рейха», в политическом отношении нацисты старались с ней считаться. От норвежцев ждали, что они сдадут в аренду Германии Тронхейм – там Гитлер хотел создать крупнейшую немецкую военно-морскую базу.

Какие же, собственно, намерения лелеял Гитлер по отношению к Норвегии? Решение об оккупации Норвегии было принято спонтанно: в декабре 1939 г. адмирал Редер в разговоре с Гитлером о Скандинавии высказался за необходимость ее оккупации в тактических целях. В это время в ставке появился Квислинг и стал заверять Гитлера и Редера в реальной опасности английской оккупации Норвегии. После этого Гитлер решил, что не начнет решительное наступление на Западе до тех пор, пока фланги не будут безопасными. Одновременно он пришел к мысли о необходимости борьбы за Великогерманский рейх, включающий все германские народы на континенте.

Легче всех отделалась Дания (3,9 млн. жителей) – здесь сохранялось довоенное местное правительство до 29 августа 1943 г., а немецкие интересы в стране

⁴¹ Квислинг некоторое время работал военным атташе, был сотрудником Ф. Нансена, работал членом миссии Лиги наций в СССР. Его политические воззрения сформировались задолго до 1933 г.

⁴² *Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 314.*

представлял назначенный Гитлером полномочный «дипломатический» представитель. В начале им был Сесил фон Ренте-Финк, которого позднее сменил эсэсовский юрист, один из крупнейших нацистских интеллектуалов, доктор Вернер Бест, который вел себя по отношению к датчанам довольно лояльно. Отрадным для жителей Дании являлось и то обстоятельство, что антисемитизм не являлся определяющим пунктом мировоззрения В. Беста⁴³, несмотря на его эсэсовский чин. Подчиненным Бест постоянно повторял: «в этой стране мы должны меньше командовать» (*wenig zu regieren*)⁴⁴.

Бест за несколько дней до акции ареста датских евреев (2 октября 1943 г.) встретился с морским атташе Германии Георгом Дуквицем и проинформировал того о предстоящих облавах. При этом Бест точно знал, что Дуквиц, известный своими симпатиями к датчанам, проинформирует об этом датских политиков. В результате датская полиция организовывала перевод датских евреев в нейтральную Швецию⁴⁵.

Официально отношения с Данией регулировались через министерство иностранных дел Германии, контроль и воздействие на датские власти осуществлялись дипломатическим путем; оккупационных расходов страна не оплачивала. Командующий войсками вермахта в Дании генерал Н. фон Фалькенхорст внушал солдатам, что не следует задевать национальные чувства датчан прусским командным тоном; лучше вести себя дружелюбно и в сложных ситуациях проявлять чувство юмора, дабы не напоминать датчанам-англофилам о 1864 году (датско-

⁴³ Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II, Darmstadt, 1998. S. 19.

⁴⁴ Lebor A., Boyes R. Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 156.

⁴⁵ Рус Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2014. С. 292.

прусская война из-за Шлезвига).

Несмотря на оккупацию, фолькетинг и правительство продолжали работать (правда, в контакте с немецкими представителями из МИДа). Дания являлась единственной из оккупированных стран, которую контролировал МИД. Некоторые конфликты все же имелись: так, по требованию немецкой стороны один консервативный политик, отличавшийся открыто англофильской позицией, был уволен с поста министра торговли; расстался с портфелем и министр юстиции, который, на взгляд немцев, недостаточно энергично действовал в поисках зачинщиков безобразной драки, возникшей во время футбольного матча (играла датская сборная и венская «Адмира») между датскими болельщиками и немецкими солдатами.

Умеренная политика в Дании привела к тому, что в 1941 г. от 10 до 15 % от потребляемых в Германии продуктов питания имели датское происхождение. К тому же, 30 тыс. датчан работало в Северной Германии⁴⁶.

По норвежской модели функционировало и немецкое управление в Голландии (9 млн. населения): страна получила немецкую гражданскую администрацию во главе с имперским комиссаром Артуром Зейс-Инквартом. Последний, как и Тербовен, подчинялся лично Гитлеру. Если нацификация Норвегии провалилась, то в Голландии существовали некоторые предпосылки для ее успеха (правая партия «Нидерландский унион», которая резко отрицательно относилась к демократии и ориентировалась на фашистско-корпоративистские представления). Проблема состояла в том, что «Унион» находился во враждебных отношениях к руководимому Адрианом Муссертом «Национал-социалистическому движению». Муссерт был искренне предан нацистам,

⁴⁶ *Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2000. S. 527.*

которые злоупотребляли его доверием, а это закрывало пути для взаимовыгодного сотрудничества. К тому же, «Унион» отрицательно относился и к антисемитизму. С декабря 1941 г. Зейс-Инкварт сделал ставку на Муссерта, а «Унион» распустил. Голландии также предстояло в будущем стать частью «Великогерманского рейха»; более определенно нацистское руководство не высказывалось. По всей видимости, Голландии была уготована роль немецкой провинции, а Роттердаму (по завершении строительства системы каналов Рейн-Майн-Дунай) отводилась бы роль крупнейшего порта рейха.

Имевшая военное значение как операционная база для войны с Англией, Бельгия (8,3 млн. населения) вместе с северными французскими департаментами попала под контроль немецкой военной администрации (как и Франция) во главе с генералом бароном Александром фон Фалькенхаузенем, который вел по отношению к бельгийцам себя вполне лояльно. Лишь после покушения на Гитлера военную администрацию заменили на гражданскую, во главе с имперским комиссаром Йозефом Гроэ. Короля Леопольда III интернировали в замке Лёкен. Определенную роль в лояльном обращении с королем сыграло и то обстоятельство, что Леопольд, принадлежал к немецкой Заксен-Кобургской династии и являлся родственником итальянского короля. Области Эйпен, Мальмеди и Морено, отобранные у Германии после окончания Первой мировой войны, по распоряжению Гитлера присоединялись к Германии 18 мая 1940 г. Вместе с ними в рейх вошли еще 200 квадратных километров бельгийской территории, населенных преимущественно немцами – эти земли никогда раньше немцам не принадлежали⁴⁷. По планам нацистов, Бельгия должна была расстаться с этими территориями; им

⁴⁷ *Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 315.*

предстояло войти в состав рейхсгау Фландрия.

Люксембург с 300 тыс. населения вскоре после оккупации фактически вошел в состав рейха, сделавшись частью гау Мозель, хотя формально никаких официальных деклараций на этот счет не существовало – также как в отношении Эльзаса, Лотарингии, Нижней Штирии, Каринтии, Крайны и Белостокской области. Формально аннексированными считались только Данциг-Западная Пруссия, район Варты, юго-восточная часть Пруссии и восточная часть Верхней Силезии⁴⁸.

Францию (41,4 млн. жителей) разделили на разные зоны. Северная Франция попала под юрисдикцию немецкой военной администрации во главе с генералом Йоханнесом фон Бласковицем (до октября 1940 г.), затем ее возглавил генерал Карл-Генрих фон Штюльпнагель, казненный за участие в заговоре против Гитлера 20 июля 1944. Департаменты Нор и Па-де-Кале (3,2 млн. жителей) подчинялись военному коменданту Бельгии. Эльзас и Лотарингия (департаменты Мозель, Нижний Рейн и Верхний Рейн) в августе 1940 г. были фактически (но не формально) включены в состав рейха. В 1940 г. гауляйтер Бадена Р. Вагнер стал гауляйтером Эльзаса и перенес все свои баденские ведомства в Страсбург. Однако, на Эльзас и Лотарингию распространялась юрисдикция немецких законов. Французский язык запретили, береты (рассматриваемые как чисто французская часть туалета) носить было нежелательно, французские семьи старались онемечить. Особенно упорствующих онемечиванию помещали в концлагерь Нацвайлер⁴⁹. Сам Гитлер, впрочем, не высказывал никаких реваншистских настроений. По

⁴⁸ *Умбрайт Г.* Германская оккупационная администрация // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 569.

⁴⁹ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite II, Darmstadt, 1998. S. 264.

воспоминаниям Шпеера, Гитлер считал, что не имеет смысла заводить новую войну ради Эльзаса и Лотарингии – этой ничтожной полоски земли. Вдобавок, – будучи предметом извечного раздора двух государств и переходя из одного гражданства в другое – эльзасцы утратили национальный характер и не представляют более интереса ни для той, ни для другой стороны.

26 апреля 1942 г., после разговора с Гитлером о значении французского коллаборационизма для будущего «нового порядка» в Европе, Геббельс записал в дневнике: «Разговоры о коллаборационизме актуальны только в данный момент, а в дальнейшем, – указывал фюрер, – мы должны судить более по делам, а не по разговорам. Когда закончится война, то, по мнению фюрера, Франция должна за нее заплатить сполна, поскольку именно она её инициировала и начала. Францию следует свести к границам 1500 г., то есть Бургундия должна быть включена в рейх – таким образом, мы получим провинции, которые по красоте и богатству едва ли уступают немецким землям»⁵⁰. Гитлер не раз подчеркивал, что французская историческая область Бургундия по праву принадлежит немцам (Гиммлер даже планировал создание имперской области Бургундия с центром в Дижоне под эгидой СС⁵¹). Представление о том, что режим Виши защищал французов от оккупантов, являлось фикцией и самообманом коллаборационистов: Гитлер ни в малейшей степени не принимал во внимание их интересы. Ещё более смехотворными были рассуждения иных интеллектуалов – коллаборационистов о том, что в условиях оккупации французам суждено сыграть такую же культуртрегерскую роль для германцев, какую играли

⁵⁰ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2000. S. 485.

⁵¹ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939 – 1945. Cambridge, 1957. P. 128.

древние греки в Римской империи...

Район Ниццы и французской границы в Альпах попали под контроль итальянской военной администрации. В Дюнкерке и Булони находились немецкие военно-морские базы. Остальная территория Франции первоначально попала под контроль коллаборационистской администрации Петена, а затем итальянские и немецкие войска оккупировали эту территорию в ноябре 1942 г. Петен, впрочем, продолжал распоряжаться французскими колониальными владениями и вооруженными силами. Правительство Виши признавалось рядом государств, включая даже воюющую Великобританию.

По нацистским планам, в будущем Франции отводилась роль «увеличенной Швейцарии», небольшого атлантического государства, привлекательного для туристов и производящего модные товары и одежды. Так, журналистам Геббельс рекомендовал писать, что утверждение сильной авторитарной власти во Франции не является целью Германии, ибо «в Европе все должна решать только Германия»⁵².

В Италии (30 млн. жителей) провинции Боцен, Триент и Беллуно с сентября 1943 г. входили в прифронтовую зону «Предгорья Альп» и были подчинены гаулейтеру Францу Хоферу. Провинции Фриули, Триест, Герц, Истрия, Лайбах также считались прифронтовой зоной («Адриатическое побережье») и находились под началом гаулейтера Фридриха Райнера. В Северной Италии ограниченно распоряжалось правительство «Итальянской социальной республики» во главе с Муссолини.

Национальная центральная и местная администрация на Западе во всех случаях сохранялась, а ее полномочия регулировались отчасти прежним законодательством,

⁵² Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970. S. 140.

отчасти распоряжениями нацистских властей. По способу администрирования следует различать традиционное (как в Первую мировую войну) военное оккупационное управление – Бельгия, Франция, английские острова на Ла Манше и с другой стороны, гражданское управление – Норвегия, Голландия, итальянские прифронтовые зоны; с третьей стороны, надзор гражданских органов власти; с четвертой – простое распространение полномочий гражданской администрации Третьего рейха на присоединенные к рейху территории (Эльзас, Лотарингия, Люксембург). Имперские уполномоченные, имперские комиссары и главы немецкой гражданской администрации осуществляли различной степени влияние на местные органы власти. Что касается подчинения, то военная администрация, главы гражданской администрации (в Люксембурге – гаулейтер Густав Симон, в Эльзасе – гаулейтер Роберт Вагнер, в Лотарингии – гаулейтер Йозеф Бюркель), а также имперские комиссары Йозеф Тербовен, Артур Зейсс-Инкварт и Вальтер Гроэ подчинялись непосредственно Гитлеру. Немецкая власть в Дании осуществлялась берлинским министерством иностранных дел⁵³. Удивительно, что МИД имело своих представителей только в Дании, а также, с ограниченными полномочиями, – в Париже (Отто Абетц) и в Италии (Рудольф Ран). По всей видимости, Гитлер мало полагался на МИД; он считал, что в оккупированных районах немецкие дипломаты будут просто лишними.

Армия первоначально рассчитывала на создание собственной администрации на Западе; зимой 1939–40 гг. её руководство с одобрения Гитлера разрабатывало детальные

⁵³ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 407.

планы установления военной администрации в Голландии, Бельгии и Люксембурге. Эти страны военные хотели отобрать у партии, но после военного успеха Гитлер перестал обращать внимание на генералов. В сфере своего влияния военным удалось удержать только Францию и Бельгию. Имперские же комиссары в Голландии, Норвегии и Бельгии последовательно проводили линию на вступление указанных стран в состав рейха то ли в качестве гау, то ли на правах ассоциированных членов федерации: определенные цели ассимиляционной политики конкретно не формулировались. Характерно, что после аншлюса Австрии туда был назначен имперский комиссар с задачей скорейшей унификации «Восточной марки» (так именовали страну нацисты). Иными словами, введение должности рейхскомиссара связывалось с агрессивностью в проведении партийной линии⁵⁴. Поэтому назначение в германские («близкие по крови») страны имперских комиссаров являлось знаком их будущей унификации в составе Третьего рейха, что сами нацисты рассматривали как привилегию лишь для некоторых «расово близких» стран. Открыто декларировать свои геополитические планы в Европе Гитлер опасался, предвидя неблагоприятную реакцию внутри страны и за границей. Стремление Гитлера к созданию великодержавной империи при отказе в суверенитете средним и мелким европейским государствам прослеживается по его высказываниям с 1928 г. 8 мая 1943 г. Геббельс записал высказывание фюрера о настоятельной необходимости как можно быстрее уничтожить «мелкотравчатую» государственность в Европе. Если же мелкие народы относятся к «полноценной расе», то их следует насильственно кооптировать в великогерманский рейх, о необходимости создания которого Гитлер говорил в своей секретной речи на совещании в Зонтхофене 23 ноября

⁵⁴ Ibid. S. 408.

1937 г. 9 апреля 1940 г., накануне оккупации Норвегии и Дании, Гитлер заявил, что как в 1866 г. вследствие военных действий началось формирование бисмарковского государства, так с Норвегии и Дании должно начаться формирование «великогерманского рейха»⁵⁵.

Основополагающей идеей геополитической концепции Гитлера являлось создание большого нацистского рейха в Европе, в котором у ненемецких народов не было бы шансов для соучастия в государственном управлении. Голландскому нацистскому лидеру Антону Муссерту, выступавшему за государственную самостоятельность своей страны, Гитлер откровенно сказал, что о федеративном устройстве рейха не может быть и речи; части великогерманского рейха Норвегия, Дания, Швеция и Голландия будут унифицированы по принципу расовой принадлежности без учета пожеланий их жителей; сопротивление этой унификации через пару столетий будет преодолено⁵⁶.

Более радикальные планы обсуждались в ведомстве Гимmlера, позиции которого ещё более укрепились после того, как 12 августа 1942 г. он, по распоряжению Гитлера, получил исключительное право в переговорах и сотрудничестве с коллаборационистскими группами в оккупированных районах Западной Европы. Что касается международного права, то нацистские интеллектуалы вроде Вернера Беста его в принципе отвергали.

Вот как Бест классифицировал модели оккупационных нацистских режимов:

1. Союзническая администрация, которая является наиболее свободной для оккупируемой области формой

⁵⁵ *Loock D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 263.

⁵⁶ *Jochmann W.* (Hg) Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941 – 1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. Hamburg, 1980. S. 374.

управления.

2. Администрация надзора, которая более строго вмешивается в управление в смысле охранительном и контрольном. За этой администрацией зарезервированы главные правительственные и административные полномочия.

3. Правительственная администрация, сосредоточившая в своих руках все главные правительственные функции; незначительное местное самоуправление остается лишь на самом низком административном уровне.

4. Колониальное администрирование, в котором абсолютно все функции власти находятся в руках оккупационных властей⁵⁷.

Если примерить эту классификацию на Западную Европу, получается, что там нельзя найти ни Третьего (как в Польше – «генерал-губернаторство»), ни четвертого типа (как в оккупированных районах СССР). Доминирующим на Западе был второй тип, а первый тип нацисты использовали только в Республике Сало (Италия) и в Дании. От категории администрации зависело и количество немецкого персонала: в администрации Дании насчитывалось 89 немцев (1941 г.), в Норвегии – 239 (1940 г.), в Бельгии – 1166 (1941 г.), в Голландии – 1596 (1941 г.), во Франции – 22 000 (1941 г.), в Италии – 950 (только военные)⁵⁸.

В соответствии со статьей 49 Гаагских соглашений (о порядке ведения военных действий, от 18 октября 1907 г.), оккупационные власти имели право взимать с местного

⁵⁷ *Kwiet K.* Reichskommissariat Niederlande. Versuch und Scheitern nationalsozialistischer Neuordnung. Stuttgart, 1968, S. 70.

⁵⁸ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 412.

населения суммы для содержания армии-победительницы. Нацистские требования к побежденным превышали реальные потребности войск на постое. Подсчитано, что только на средства, взысканные с французов, можно было содержать армию в 18 (!) млн. солдат. В целом, отдельные территории заплатили Германии следующие суммы: английские острова на Ла Манше – 4,6 млн. рейхсмарок, Дания – 1,2 млрд., Бельгия – 5,57 млрд., Голландия – 14,8 млрд., Франция – 34 млрд., Италия – 174 млрд. лир. Компенсационные платежи на содержание немецких войск зачастую имели характер грабежа под благовидным предлогом⁵⁹.

Товаров в оккупированные районы рейх поставлял меньше, чем получал сам; исключение составила только Норвегия, на взаиморасчетных безналичных (клиринговых) счетах которой был положительный экспортный баланс с Германией. Поскольку финансовые компенсации предусматривались лишь после окончания войны, то и клиринговые расчеты носили характер кредита, который следовало погасить после войны. В одной только Бельгии в 1942 г. платежи в пользу Германии составляли 67% государственных расходов, при отсутствии соответствующих налоговых поступлений⁶⁰. Огромные долги рейха были и на клиринговых счетах Дании, Голландии, Франции. Впрочем, без мобилизации финансовых, промышленных и людских ресурсов оккупированных стран рейх и не смог бы вести войну до 1945 г. Сначала эта мобилизационные планы строились исходя из концепции молниеносной войны: конфисковали вещи, необходимые (непосредственно) для ведения войны. Часто из-за стремления получить краткосрочную пользу

⁵⁹ Ibid. S. 413.

⁶⁰ Nestler L. (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Belgien, Luxemburg und den Niederlanden. Berlin, 1990. S. 40.

наносили непоправимый вред экономике, то есть дойную корову забивали на мясо, не используя ее по назначению.

В августе-сентябре 1940 г., после того, как вторжение в Англию стало неактуальным, и на первый план вышло нападение на СССР, нацистское руководство начало систематическое использование ресурсов Западной Европы. За счет многочисленных поручений иностранным фирмам, немецкая экономика была значительно разгружена в производстве военных грузовиков, боеприпасов, вооружений, оптики, кораблей, инструментов и машин. До января 1944 г. французская промышленность произвела 3704 самолета и 9619 авиационных моторов для Германии. В 1942–1943 гг. французы построили для вермахта 51 954 грузовика. В Голландии в 1943 г. треть, а в 1944 г. – половина промышленного производства предназначалась рейху. Датские поставщики покрывали 10 % немецких потребностей в сливочном масле, 90 % – в рыбе и 20 % – в мясе (в 1944 г.)⁶¹.

Генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг стремился взять под контроль промышленность и источники энергии в Европе. Так, он помог ИГ-Фарбен прибрать к рукам контрольный пакет акций норвежского химического концерна *Norsk Hydro*. Также было взято под контроль норвежское производство легких металлов, нужных авиационной промышленности. Квислинг пытался противодействовать распродаже норвежской промышленности, но никакой реальной властью он не обладал. Тербовен доложил Гитлеру о недовольстве Квислинга, после чего фюрер приказал действовать в одностороннем порядке, не принимая во

⁶¹ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K., D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 415.

внимание возражения норвежских союзников⁶².

Когда в 1943 г. Шпеер получил полномочия по мобилизации военного производства, в его министерстве вооружений возникло плановое ведомство, и сотрудник этого ведомства, правительственный советник Арнольд Кестер, составил памятную записку относительно организации европейского промышленного планирования, в которой он предлагал привлекать лояльно относящиеся к немцам силы к добровольному сотрудничеству, избегая прямого давления⁶³. Самой ненавистной для европейцев оказалась депортация рабочей силы в рейх на нужды военного производства; Из европейских стран Гитлер распорядился не трогать лишь Данию и Норвегию. До 1941 г. работа в Германии была добровольным делом; проводились рекламные кампании, которые, несмотря на безработицу в Европе, давали скромные результаты. До февраля 1942 г. из Голландии приехало 227 тыс. рабочих, из Бельгии и Северной Франции – 261 тыс., из Дании (до августа 1942 г.) – 95 тыс., из Франции – 120 тыс. (французские, валлонские и итальянские военнопленные работали на военном производстве, а голландские, фламандские и норвежские военнопленные были отпущены по причине расовой политики нацистов). Эти добровольцы-рабочие, однако, не могли удовлетворить потребностей немецкой промышленности. В марте 1942 г. гаулейтер Фриц Заукель был назначен имперским уполномоченным по мобилизации трудовых ресурсов и положение резко

⁶² *Loock D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 478.

⁶³ *Neulen H. W.* Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K., D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 416.

изменилось: начались насильственные депортации рабочей силы в рейх. За год полномочий Заукеля из Голландии вывезли 163 тыс. рабочих⁶⁴. 16 июня 1942 г. премьер-министра Франции Лаваля обязали как можно быстрее мобилизовать на работы в Германии 150 тыс. рабочих-специалистов взамен на немецкие уверения в том, что 50 тыс. французских военнопленных получат отпуска. За годы деятельности Заукеля в рейх отправили 240 тыс. рабочих. Под его давлением режим Виши ввел обязательную трудовую повинность. В рамках второй и третьей кампании Заукель мобилизовал еще 410 тыс. французских рабочих. С насильственной мобилизацией нацисты явно перегнули палку, ее продолжение наталкивалось на все растущие трудности; за пойманного рабочего стали даже платить премию.

С осени 1943 г. в сферу деятельности Заукеля попала и Северная Италия, что, естественно, не вызвало ни малейшего энтузиазма у фашистского правительства, пытавшегося даже пассивно сопротивляться.

К августу 1944 г. в рейхе находилось 7,5 млн. иностранных рабочих; из них с Запада – 2 364 038: 253 648 бельгийцев (включая 50 386 военнопленных), 1 254 749 французов (599 967 военнопленных), 585 337 итальянцев (427 238 военнопленных) и 270 304 голландца. Знаменитая фраза Гитлера о том, что Тербовен должен завоевать доверие норвежцев и сделать их друзьями Германии, можно, скорее, назвать исключением, а не правилом⁶⁵.

Размах террора в отдельных странах зависел от немецких властей: администрация вермахта в Бельгии и имперский уполномоченный в Копенгагене

⁶⁴ *Hirschfeld G.* Fremdherrschaft und Kollaboration. Die Niederlande unter deutscher Besatzung 1940–1945. Stuttgart, 1984. S. 264.

⁶⁵ *Loock H.-D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970. S. 270.

целенаправленно старались свести масштабы террора к минимуму. Генерал фон Фалькенхаузен в Бельгии действовал в соответствии с традиционными правовыми нормами, но и он для того, чтобы прекратить казни членов бельгийского Сопротивления рексистов (с января 1943 г. до марта 1944 г. убито 740 рексистов), вынужден был брать заложников и наказывать их, что не предусматривалось Гаагскими соглашениями⁶⁶.

Центр постоянно подстегивал оккупационные власти на местах: так, 16 сентября 1941 г. Вильгельм Кейтель потребовал радикально пресекать акты саботажа и покушений на немецких солдат, за жизнь каждого из которых следовало, по его мнению, уничтожать от 50 до 100 коммунистов. С 7 декабря того же года указом Гитлера всякое противодействие оккупационным властям каралось смертной казнью. Этот гитлеровский указ получил кодовое название, точно соответствующее его духу «мрак и туман» (*Nebel und Nacht*). Указ действовал во всех оккупированных районах, кроме Дании.

В оккупированных районах создавали концентрационные, полицейские и пересыльные лагеря. Точное количество жертв в каждом отдельном случае определить сложно. В Бельгии расстреляли 240 заложников⁶⁷. Во Франции, по французским послевоенным данным, - 29 660. В Дании по судебным приговорам немецких военных судов казнили 102 человека⁶⁸.

⁶⁶ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 418.

⁶⁷ Weber W. Die innere Sicherheit im besetzten Belgien und Nordfrankreich 1940 – 1944. Düsseldorf, 1978. S. 86.

⁶⁸ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K..D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen

Своего пика нацистский террор достиг, однако, не в процессе борьбы против политических противников, а в ходе расовых чисток. В первую очередь это касалось евреев, которых вытесняли из общественной жизни, лишали собственности, а затем отправляли в концлагеря на территории Польши. В Голландии первая волна депортаций евреев имела место 22–23 февраля 1941 г. – после того, как в еврейском квартале Амстердама погиб один голландский нацист. Гиммлер приказал отправить 425 евреев в концлагерь Маутхаузен, где они все и погибли. Организованные депортации начались в сентябре 1942 г., а завершились 12 сентября 1944 г., когда последний поезд с голландскими евреями покинул страну. Всего из Голландии депортировали 112 000 евреев, из которых погибло 105 000. Из 25 000 депортированных бельгийских евреев остались в живых 1200⁶⁹. 20 января 1944 г. итальянский МВД запретил выдавать СС местных евреев, но в обход запрета Гиммлер распорядился осуществлять депортации; было вывезено 8300 итальянских евреев, из которых 8000 погибли⁷⁰, но 4/5 живших в Италии евреев избежали депортации и смерти.

В Норвегии и Дании нацистам также не удалось достичь своей цели: сделать эти страны «очищенными от евреев» (*jüdenfrei*). Имперский уполномоченный в Дании Вернер Бест являлся противником осуществления массовых депортаций евреев; на его взгляд, это мешало нормализации обстановки в стране. Все же в Дании нацистам удалось арестовать 477 евреев; их депортировали в Терезиенштадт, где до конца войны погиб 51 человек⁷¹.

Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 419.

⁶⁹ Ibid. S. 420.

⁷⁰ Dawidowicz L. Der Krieg gegen den Juden 1933 – 1945. München, 1979. S. 361.

⁷¹ Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa – zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K., D., Funke M., Jacobsen H.-A.

Опасаясь уменьшения своего влияния, Гитлер не стремился к созданию сильных и влиятельных пронацистских партий в Европе; он предпочитал сотрудничать с традиционными элитами. В Норвегии и Голландии сделать это не удалось, а во Франции и Дании получилось отчасти. Целью Гитлера было как можно больше скомпрометировать коллаборационистов и таким образом привязать их к Германии. Но коллаборационисты имели собственные представления о политическом устройстве своих стран и не желали быть простыми марионетками. Квислинг и Муссерт так и не оставили мыслей о федеративном европейском устройстве и о достойном месте своих стран в этой федерации. Великобургундская концепция Дегреля не вписывалась в нацистскую схему деления рейха на гау. Даже датские нацисты (Клаузен) не хотели уступать рейху Северный Шлезвиг. Поэтому германские нацисты прибегали к нехитрой тактике интриг против неугодных партийных боссов коллаборационистов, выставяя и поощряя собственных протеже: Ли в Норвегии, Фельдмейер и Рост ван Тоннинген в Голландии, ван де Виле во Фландрии. Эти люди должны были позаботиться о том, чтобы новая Европа стала увеличенной до размера континента нацистской Германией.

В контрасте с политикой гитлеровцев на Западе находилась их политика в Восточной Европе, где планировалось сохранить протекторат Богемия и Моравия и полусамостоятельную Словакию и Хорватию. Во время польской кампании вермахта словаки поддержали немцев, обещавших им за это часть Польши (по договору от 21 ноября 1939 г.). По конституции 26 октября 1939 г. Словакия формально оставалась республикой при наличии

(Hg) Deutschland 1933 – 1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 422.

однопартийной системы. Основателем националистической партии был Андрей Глинка, умерший в 1938 г. В глинковской партии с самого начала наблюдался антисемитизм; под давлением нацистов он со временем усилился. Сано Мах (*Šano Mach*), являвшийся руководителем «гвардии Глинки», сыграл значительную роль в сближении этой организации с СС и Гиммлером⁷². После Глинки, наиболее влиятельными политиками стали президент Йозеф Тисо и премьер-министр доктор Тука. Курьезно, но официально установленные хлебные rationy в союзных с Германией странах (Хорватии, Италии, Румынии, Словакии) были ниже, чем в оккупированных немцами западных европейских странах⁷³, что указывало на истинное положение этих «союзников» Германии.

Что касается Юго-Восточной Европы, то там немцы оккупировали остатки Югославии (61 тыс. кв. км с 4,2 млн. населения). Часть Словении (10 тыс. кв. км и 800 тыс. человек) также аннексировал рейх. Немцы, итальянцы и болгары оккупировали Грецию (7 млн. жителей). После капитуляции Италии, территорию ее оккупации в Греции и Албании переняли немцы, болгары, хорваты, а также словенские и черногорские автономисты. Созданное 10 апреля 1941 г. Хорватское государство находилось в зависимости от рейха. Румыния получила от рейха Северную Буковину (10 тыс. кв. км и 280 тыс. человек) и Молдавию (45 тыс. кв. км и 2,85 млн. человек), область между Бугом и Днестром (Трансистрию) с Одессой (40 тыс. кв. км и 1,85 млн. человек). Под финский суверенитет отошла, помимо отвоеванных территорий в Карелии, еще Восточная Карелия с населением 500 тыс. человек.

Совершенно по-другому, нежели на Западе вели себя

⁷² Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 222.

⁷³ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2000. S. 480.

нацисты по отношению к славянским народам Восточной Европы – особенно это заметно было первоначально по отношению к полякам. В отношении Польши прежде всего нужно отметить, что в глазах значительной части современников созданные победителями в Первой мировой войне восточноевропейские государства (Польша, Латвия, Литва, Эстония, Чехословакия и Финляндия) были «ублюдками Версальской системы» и они вообще не имели права на существование. Такое отношение являлось следствием того, что упомянутые государства возникли только по причине временного бессилия Германии и России, а не по их доброй воле и не вследствие целенаправленной и осознанной борьбы за собственную государственность, которая, по существу, была им подарена случаем. Однако в описываемое время мысль об искусственности упомянутых государственных образований имела довольно широкое распространение. Упомянутый психологический нюанс сыграл огромную роль в формировании благоприятного отношения немецкого общества к гитлеровским претензиям к Польше.

В этой связи встает еще одна важная проблема, однозначно разрешить которую довольно сложно: дело в том, что объектом экспансии Гитлера Польша стала случайно. Гитлер долгое время считал, что сможет договориться с поляками и приступить к реализации своей самой главной задачи – завоевании «жизненного пространства» в России. В первую очередь его привлекали огромные просторы России, а не скромный геополитический потенциал Польши. Иными словами, Польша попала в орбиту нацистской геополитики именно вследствие гитлеровских планов в отношении СССР, а не вместе с ней. Это вовлечение в сферу интересов нацистского планирования и политики произошло исподволь, вследствие общей логики развития политической ситуации после

подписания Версальского договора. Сначала Гитлер ясно и определенно говорил только об одном своем намерении – о преодолении еврейско-большевистской системы в СССР и о приобретении там «жизненного пространства». И современники, и последующие интерпретаторы гитлеровской внешней политики недооценивали значимость концепции «жизненного пространства», принимая первоначальную внешнюю политику Гитлера за обычный великодержавный курс. Подлинную картину нацистской политики маскировал и конкордат 20 июля 1933 г., и пакт о ненападении с Польшей от 26 января 1934 г., и позднейший договор 1939 г. с СССР – все это можно отнести к обманным маневрам Гитлера. Договору с Польшей должен предстояло разрушить французский «санитарный кордон», помочь Германии справиться с изоляцией после выхода из Лиги Наций, а также стать первым камнем в фундамент будущих двухсторонних (а не многосторонних) отношений в Европе. Коротко говоря, все эти договоры носили служебный, тактический, временный характер, а не являлись отражением стратегической линии гитлеровской геополитики.

В этой связи следует еще раз подчеркнуть, что первоначально Польша для Гитлера не являлась планируемым объектом экспансии и, несмотря на свои расистские представления, по отношению к полякам Гитлер не испытывал никакой ненависти или враждебности, а «начальник Польского государства» Пилсудский восхищал его своим образом действий. Маршал Пилсудский в принципе был прав, когда в 1933 г. сказал, что Гитлер австриец (католик), а не пруссак (протестант), и поэтому у него нет традиционной антипольской позиции прежних немецких лидеров⁷⁴. На самом деле, Польша

⁷⁴ Ср.: *Roos H. Polen und Europa. Studien zur polnischen Außenpolitik.* Tübingen, 1957. S. 101.

с её авторитарной формой правления, с твердыми антикоммунистическими, антирусскими и антисемитскими настроениями могла стать самым подходящим союзником Германии в завоевании «жизненного пространства» на Востоке. Польское руководство долгое время поддерживало с немцами самые хорошие отношения: так, в 1938 г. заместитель польского министра иностранных дел Юзефа Бека Ян Шембек говорил, что Германия в своей польской политике руководствуется тем, что в будущем германо-русском конфликте Польша – наравне с Италией и Японией – будет ее естественным союзником. В конце 1938 г. II отдел польского Генштаба подготовил доклад, в котором указывалось, что в основе политики Польши на Востоке лежит стремление к расчленению СССР и для Польши вопрос состоит в том, будет ли она участвовать в этом разделе. «Польша не должна оставаться пассивной в этот знаменательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России»⁷⁵.

В свое время Пилсудский, обеспокоенный антипольскими выходками в дни «национальной революции» СА, призвал Францию к превентивной войне против Германии – французы, впрочем, к этому не были готовы. Между тем, ситуация благоприятствовала Пилсудскому, ибо польская армия в этот момент в два раза превышала по численности немецкую. 6 марта 1933 г., в нарушение статуса Данцига, Пилсудский увеличил численность ограниченного польского воинского контингента в гарнизоне на Вестерплатте (полуостров при входе в гавань Данцига). На Гитлера же все эти польские военные приготовления не произвели ни малейшего впечатления. По предложению англичан Лига Наций осудила польскую

⁷⁵ *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 201.

провокацию на Вестерплатте, и поляки вынуждены были вывести свои войска⁷⁶. Гитлеру провокационный образ действий Пилсудского даже понравился – он узрел в польском диктаторе родственную душу. «Польше здорово повезло, – сказал Гитлер польскому послу, – что ею правит такой выдающийся человек, как маршал Пилсудский»⁷⁷. После смерти Пилсудского поляки не оставили свои территориальные притязания: район полуострова Вестерплатте оставался предметом спора между Данцигом и Польшей.

Упорное стремление польского руководства ориентироваться на западные державы, в конце концов, вывело Гитлера из себя. Дело осложнялось еще и тем, что одно из основных гитлеровских требований к Польше – Данциг – польская сторона не могла выполнить, так как Данциг находился под юрисдикцией Лиги Наций. Поэтому отказ от выполнения требований Гитлера означал, скорее, конфликт с западными державами, которые гарантировали Версальские установления. Именно для того, чтобы избежать войны на два фронта, Гитлер, – хотя он не очень верил в возможность нападения Англии и Франции на Германию, – пошел на подписание договора с советской стороной. Это не значит, что гитлеровцы собирались оставить Польшу в покое – нет, но в случае соглашения с польской стороной по поводу «польского коридора» и Данцига события развивались бы иначе: вытеснение поляков, германизация польских земель откладывалась на более позднее время и, наверное, протекала бы в другой форме. Не следует упускать из виду и вызывающее поведение польского военного руководства, его чрезмерно преувеличенные представления о собственном военном

⁷⁶ Ср.: *Broszat M.* 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963. S. 185.

⁷⁷ Die polnisch-deutschen und polnisch-sowjetrussischen Beziehungen 1933 – 1939. Dokumente und Urkunden zum Kriegsausbruch. Basel, 1940. S. 22.

могуществе; все это раздражало Гитлера и в конечном счете побудило его (после провокации в Глейвице) начать войну с Польшей.

В Веймарскую республику правительство пыталось проводить последовательную национальную линию в политике внутренней колонизации Восточной Пруссии, вытесняя поляков-поденщиков, а также стремилось поддерживать (преимущественно морально) многочисленную немецкую колонию на территории Польши. В этих действиях, однако, трудно найти удовлетворительное объяснение немецкой ненависти к полякам: бесспорно, до войны у немцев имелась некоторая антипатия к полякам, но, придя к власти, нацисты долгое время (1934–1938 гг.) проводили политику сотрудничества с Польшей. Сначала Гитлер делал ставку на союз с Польшей, о чем свидетельствуют его предложения от 24 октября 1938 г. Сами немцы считали их «великодушными», поскольку Гитлер гарантировал полякам их западную границу, претендуя только на Данциг и на экстерриториальную автостраду до Восточной Пруссии. Более того, эти предварительные соглашения рассматривались как подготовительные к союзу, поэтому Польше предлагалось не только продление пакта о ненападении, но и его дополнение – вступление Польши в Антикоминтерновский пакт. По всей видимости, Гитлер и Риббентроп хотели урегулировать отношения с Польшей таким же образом, как с Италией в 1936–1937 гг., при этом, правда, оставался открытым вопрос, против кого будет направлен этот союз с Польшей – против Запада или против СССР. 19 ноября 1938 г. поляки ответили отказом. Если учесть, что сами поляки никогда не считали Данциг польским городом, то легко понять, почему немцы не поверили в то, что их предприятие окончательно провалилось, и начали осуществлять давление. В этой связи 5 декабря 1938 г. в немецкой прессе был ослаблен прежний

запрет на обсуждение проблемы фольксдойч в Польше⁷⁸. Может быть, упомянутая немецкая ненависть к полякам стала результатом умело организованной антипольской пропагандистской кампании? Это можно допустить, но нужно учесть еще и роковой характер развития событий. Имеется в виду создание протектората Богемия и Моравия. В указе Гитлера о создании «протектората», что «чешско-моравские земли тысячелетиями принадлежали к жизненному пространству немецкого народа», и «теперь прежнее положение восстановлено»⁷⁹.

После присоединения Богемии и Моравии к рейху Риббентроп повторил немецкие предложения Польше от 24 октября, но польское правительство не поддавалось давлению. Польская решительность произвела на англичан большое впечатление, и 31 марта 1939 г. Невилл Чемберлен объявил об английской готовности помочь Польше, его поддержал французский премьер-министр Эдуард Даладье. 6 апреля английские гарантии превратились в польско-английские взаимные обязательства, за которыми должно было последовать подписание договора. Чуть позже Англия и Франция дали подобные гарантии Румынии и Греции, а в мае – Турции. Для британской дипломатии такие шаги стали настоящей революцией – до этого, за исключением Бельгии, они подобного рода обещаний никому не давали.

Таким образом, судьба Великобритании оказалась в руках польских правителей, политика которых имела весьма непостоянный характер. Кабинет министров Англии одобрил эти гарантии, даже не ознакомившись с докладом Генерального штаба, где говорилось о невозможности оказания активной помощи Польше.

В этой ситуации единственным государством, которое

⁷⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 219.

⁷⁹ *Ibid.* S. 221.

могло реально помочь Польше, стал Советский Союз, но поляки понимали, что Сталин сам не прочь вернуть Западную Украину и Западную Белоруссию. Это и побудило Германию пойти на соглашения с СССР 23 августа 1939 г.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 г. в Германии восприняли либо как гениальный ход, либо как отменную шутку⁸⁰. Для партийных ветеранов он стал как моральным унижением. Так, спустя месяц после его подписания А. Розенберг отмечал в своем дневнике: «У меня такое ощущение, что этот московский договор когда-нибудь отомстит нам. Этот шаг не был связан со свободным волеизъявлением, он представлял собой прошение главы одной революции у руководителя другой революции. Это прошение унизило и релятивировало результаты и идеалы двадцатилетней борьбы нашего национал-социалистического движения. Отныне мы уже не в состоянии говорить о спасении и организации Европы по-новому: ведь мы обратились за помощью именно к главному разрушителю и врагу Европы, облагодетельствовать которую мы и стремились»⁸¹.

Немецкую общественность Гитлер успокаивал указанием на то, что Германия и Россия, хотя и воевали друг против друга, но при этом стали главными потерпевшими сторонами в годы Первой мировой войны, и нет никакой необходимости повторять этот неудачный опыт во второй раз. Что касалось собственно целей Гитлера в начавшейся войне, то их он формулировал следующим образом: «Я хочу, во-первых, решить вопрос Данцига; во-вторых, вопрос «польского коридора»; в-третьих, обеспечить поворот к лучшему в развитии германо-польских отношений и нашего

⁸⁰ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933 – 1941. Berlin, 1996. S. 483.

⁸¹ *Seraphim H.-G.* (Hg) Das politische Tagebuch Alfred Rosenberg aus den Jahren 1934 – 1935 und 1939 – 1940. München, 1964. S. 92.

мирного сосуществования с Польшей»⁸².

После военной победы над Польшей масштабы геополитических переделов Гитлера в Польше казались чудовищными: 2/3 польской территории с 10 млн. населения (в целом в Польше было 22 млн. население) перешли под немецкий контроль и были аннексированы⁸³. Между тем, немецкое меньшинство в Польше (не считая Данцига) насчитывало в 1931 г. не более 744 тыс. человек, что составляло 2,3 % населения Польши⁸⁴. Мазовия и Познань вошли в рейх (Гитлер отнял у Польши в два раза больше, чем Германия уступила в 1919 г.⁸⁵). Территория генерал-губернаторства оставалась зависимой от Берлина. Ей предстояло оставаться резервуаром дешевой рабочей силы и местом «окончательного решения» еврейского вопроса (2,5 млн. переселяемых в Польшу евреев Гиммлер планировал использовать для строительства Восточного вала в Польше на границе с СССР; распоряжение о строительстве состоялось 22 ноября 1939 г.). Галиция (воеводства Львов, Тернополь и Станислав), в которой из 4,5 миллионов населения проживало полмиллиона евреев, с 1 августа 1941 г. административно присоединялась к генерал-губернаторству.

Ганс Франк стал неограниченным властителем генерал-губернаторства со столицей в краковском королевском замке Вавель. В Третьем рейхе ходила шутка, что генерал-губернаторство будет переименовано в «*Frank-Reich*» (по аналогии с немецким названием

⁸² См.: Maser W. Das Regime. München, 1998. S. 208.

⁸³ Ср.: Koehl R.L. RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939 – 1945. Cambridge, 1957. P. 54.

⁸⁴ Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 131.

⁸⁵ Ср.: Векбреккер А. Ополчение в «идеологической войне». Самозащита лиц немецкой национальности в Польше // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 382.

Франции – *Frankreich*). После гитлеровского нападения на СССР генерал-губернаторство приняло окончательные очертания; в него вошли следующие дистрикты: Краков, Варшава, Люблин, Радом и Галиция. Округ Белосток подчинялся восточно-прусскому гаулейтеру Эриху Коху. Во главе гау, присоединенных после ограбления Польши, были поставлены наиболее бескомпромиссные нацисты – Артур Грайзер и Альберт Форстер, к тому же 7 октября Гиммлер получил титул «имперского комиссара по укреплению немецкой народности» и стал ответственным за проведение этнических чисток в Польше. 7 сентября 1939 г. группенфюрер Гейдрих отдал приказ об «обезвреживании всей польской верхушки»⁸⁶. Нацисты систематически разрушали культурное наследие Польши и уничтожали цвет польской культуры: предвестником последующих акций стал арест профессоров университета Кракова и отправление их в Заксенхаузен. При участии местных украинских националистов во Львове были убиты профессора университета этого города. Всего в Польше нацисты создали более 2000 лагерей различного предназначения, в том числе и для изоляции от польского общества его старой элиты.

Аннексированные у Польши земли стали заселять этническими немцами (фольксдойч) – из полумиллиона фольксдойч собственно в Германию попало только 50 тыс.⁸⁷ Забота об устройстве фольксдойч на новом месте жительства легла на РКФДВ (*RKF DV* – имперский комиссариат по укреплению немецкой народности), который отвечал за здоровье переселенцев, их морально-политическое состояние, обеспечение их работой и жильем.

⁸⁶ *Röhr W.* (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Polen (1939 – 1945). Berlin, 1989. S. 113.

⁸⁷ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939 – 1945. Cambridge, 1957. P. 100.

С 1939 г. по 1945 г. комиссариат переселил 1,25 млн. этнических немцев. Ответственность за перевозку и размещение фольксдойч несли посреднические бюро фольксдойч – ВОМИ (*Vomi – Volksdeutsche Mittelstelle*), которые создавали временные лагеря и обеспечивали переселенцев транспортом⁸⁸.

До 26 октября 1939 г. остатки польской территории находились в ведении вермахта, затем, по приказу Гитлера, военные уступили власть рейхсминистру без портфеля Гансу Франку, ставшему главой генерал-губернаторства. При Франке начала осуществляться программа экономического порабощения страны; в народе считают, что Гитлер якобы приказал Франку превратить Польшу в «ад на земле». В Польше, как всегда при нацистах, власть строилась на борьбе влияния и компетенции во всех сферах. Кроме вермахта и СС, значительным фактором влияния было ведомство четырехлетнего плана и его «генеральный уполномоченный» Геринг. Последний еще 19 октября заявил, что его ведомство конфискует все имущество евреев и поляков на аннексированной территории. Для управления этими имуществами создавалось специальное «главное ведомство по опеке Ост» (*Haupttreuhandstelle Ost*)⁸⁹, с помощью которого Геринг стремился к полному контролю над польской экономикой.

С 1942 г. генерал-губернаторство Польша во все большей степени стало подпадать под суверенитет СС; особенно активны были: глава СС в Польше Вильгельм Крюгер и руководитель СС в Люблине Одило Глобочник, который постоянно провоцировал конфликты компетенций. Он отличался необыкновенно жестоким отношением к полякам, поэтому его действия соответствовали представлениям Гимmlера о правилах обращения с местным

⁸⁸ Ibid. P. 102.

⁸⁹ Ibid. P. 59.

населением. Гиммлер не сомневался в верности Глобочника и 17 июля 1941 г. назначил его «уполномоченным по созданию опорных пунктов СС и полиции безопасности в новых восточных районах». Глобочник планировал создание немецких поселений в Польше и СССР; эти поселения крестьян-воинов (*Wehrbauer*) должны были оставаться под эгидой СС не только в военном, но и в хозяйственном отношении. В июле 1941 г. Глобочник предложил создать в Люблине и Замостье кольцо немецких поселений с опорными пунктами в Прибалтике и в Семиградье; это кольцо опоясывало бы остатки польского крестьянского населения. В перспективе и этих поляков Глобочник собирался вытеснить или ассимилировать⁹⁰. С согласия Гиммлера, между ноябрем 1942 г. и мартом 1943 г. Глобочник организовал принудительное переселение 110 тыс. поляков и украинцев из 300 польских деревень. Это переселение было плохо организовано, вызвало хаос и привело к многочисленным нападениям бежавших в леса польских крестьян на немецких поселенцев, что повлекло жестокие репрессии властей по отношению к оставшимся полякам. Жестокость и неэффективность в переселенческой политике в Польше привела к отставке Глобочника в сентябре 1943 г.⁹¹ Гиммлер, впрочем, обещал, что на «освободившиеся» в Польше земли немцев не будут переселять до окончания войны, поскольку земли эти предназначены для ветеранов войны⁹². Такая призывная система стала актуальной: с осени 1939 г. начали формироваться первые части Ваффен СС, которым Гиммлер предрекал решающий вклад в победу, обещая в награду землю.

В совершенном противоречии с немецкой (особенно

⁹⁰ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) *Die braune Elite II*, Darmstadt, 1998. S. 109.

⁹¹ *Ibid.* S. 110.

⁹² *Koehl R.L.* *RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939 – 1945.* Cambridge, 1957. P. 74.

прусской) склонностью к порядку, строгой организации и административной стройности, нацистская оккупационная власть в генерал-губернаторстве отличалась поразительной аморфностью, там царил беспрецедентный для строгой немецкой административной юрисдикции хаос компетенций и анархия властей. Различия в подходах и споры о польских делах особенно часто возникали между рейхсфюрером СС Гиммлером и генерал-губернатором Франком. Гиммлер не желал допустить дальнейшего расширения администрации в генерал-губернаторстве; он стремился к порабощению, давлению, репрессиям, к уничтожению всякого Сопротивления и к полному контролю. Франк, напротив, представлял более «мягкую» линию, полагая, что таким путем можно добиться лучших результатов в процессе организации поставок продуктов питания, сырья и рабочей силы в рейх. Это соперничество со временем (1942–1943 гг.) вылилось в своего рода двоевластие. К «параллельности» властей добавилось еще и соперничество между гаулейтерами и СС; например, между гаулейтером Западной Пруссии Альбертом Форстером и Гиммлером⁹³.

«Адекватных» в расовом отношении поляков оккупанты стали включать в так называемые «немецкие народные списки» (*Deutsche Volksliste*) и эти люди пользовались большими правами, чем остальные поляки. В «немецкие народные списки» занесли свыше 2 миллионов человек, большей частью в Силезии и Померании⁹⁴. Очевидно, однако, было совершенно противоположное – главной целью нацистских оккупантов являлось искоренение поляков, физическое уничтожение

⁹³ См.: *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen, in der UdSSR und in den Ländern Südeuropas. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992. S. 428.

⁹⁴ Ibid. S. 430.

ведущих представителей польской нации.

Число людских потерь Польши с точностью определить невозможно, но по польским оценкам нацисты уничтожили 4 145 000 поляков, а общие польские потери оцениваются в 6 090 000 человек⁹⁵. Насильное переселение коснулось 1,2 млн. поляков. Из восставшей Варшавы изгнали около 500 000 человек. 2,5 млн. поляков насильно (добровольцев было мало) угнали на работы в рейх⁹⁶.

Нацисты пытались использовать национальные различия и противоречия даже внутри польской нации: дело в том, что в состав польского народа входили различные этнические группы - кашубы, мазуры, гуралы (всего около 1,5 миллионов человек), которые отличались друг от друга не более, чем рязанцы от курян или ярославцев. Нацисты пытались использовать эти особенности в собственных интересах: весной 1940 г. по отношению к кашубам, мазурам и силезцам ввели понятие «промежуточный слой»; их перестали признавать поляками, но не признавали и немцами. Например, в районе Быдгоща проживало около 200 тысяч кашубов. Распоряжением гаулейтера Данцига и Западной Пруссии Форстера их признали народностью «немецкого происхождения». Чтобы вытравить сознание принадлежности кашубов к польской нации, немецкие власти искусственно возрождали их диалект, называя его самостоятельным языком⁹⁷. В конце концов, нацисты объявили не-поляками кашубов, мазуров, горалов и лемков (руснаков)⁹⁸. В процессе национального размежевания большое значение имело занесение разных групп поляков

⁹⁵ *Piotrowski T.* Poland's Holocaust. Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918 – 1947. Jefferson – N.C., 1998. P. 305.

⁹⁶ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen, S. 430.

⁹⁷ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 326.

⁹⁸ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. S. 429.

в упомянутые «немецкие народные списки», от внесения в которых зависели некоторые поблажки и привилегии.

В принципе уже с начала войны, существо нацистской расистской практики и будущая судьба славян в рейхе стали понятны по тому, как Гитлер обошелся с побежденной Польшей: такого в европейской политической традиции и истории еще не было. Большую европейскую страну низвели до положения парии на том основании, что в начале 1930-х гг. из 31 миллиона населения Польши украинцы составляли 6 миллионов, белорусы – 2,5 млн., евреи – 3 млн., немцы – 1,5 млн., литовцы – 100 тысяч; то есть к началу гитлеровской экспансии нацменьшинства в Польше насчитывали 13 млн. человек (40%)⁹⁹. Было ясно, что произошел пятый раздел Польши; четверть польской территории была включена в состав рейха¹⁰⁰; польское общество попало под полный контроль оккупационных властей. В присоединенных к Германии польских районах были изменены все польские названия улиц и другие топонимы, закрыты все польские библиотеки, книжные магазины; нацисты уничтожали или перевозили в рейх польские памятники культуры. Если в отдельных случаях польские библиотеки и открывали, то изымали все книги по географии, истории, карты, все книги на иностранных языках, всю польскую художественную литературу и все словари. Нацисты безжалостно разрушали архитектурные памятники; Варшаву, к концу 1939 г. разрушенную на 10%, Гитлер приказал не восстанавливать; политический

⁹⁹ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 45.

¹⁰⁰ Речь идет о 90 тысячах квадратных километров территории и 10 миллионах населения, из которых 80% были поляками. В «генерал-губернаторстве» осталось 12 миллионов поляков и евреев. Польша потеряла все свои промышленные районы и превратилась в аграрную страну. См.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 282.

центр генерал-губернаторства перенесли в Краков. В самой Варшаве все замки и дворцы, за исключением Бельведерского дворца и Лазенков, предназначавшихся для немцев, собирались уничтожить. Культурную жизнь в Варшаве и других городах «генерал-губернаторства» пытались свести к самому примитивному уровню – опера и польский театр были закрыты, работало только варьете. В концертных залах «для поляков» классическая музыка не исполнялась, а произведения Фредерика Шопена попали под категорический запрет¹⁰¹. Немецкая же культурная жизнь в Варшаве, напротив, всячески поощрялась: большие средства выделялись на немецкие театры и школы, на филармонию, на художественные выставки и кинотеатры; был создан даже собственный театр СС и полиции.

После окончания войны с Польшей Геббельс писал в дневнике, что «суждения фюрера о поляках – презрительные. Скорее животные, чем люди; совершенно тупы и аморфны. А наряду с этим – сословие шляхтичей,- по меньшей мере, продукт низших классов вперемешку с арийским слоем господ. Мерзость поляков даже и представить себе нельзя. Их способность судить о чем-либо равна нулю. Польский посол Липский считал, что после восьми дней войны с Польшей у нас наступит нервный кризис. Жалкий сумасброд! Фюрер не желает никакой ассимиляции немцев с поляками. Их нужно затолкать в уменьшившееся государство и полностью предоставить самим себе. Если бы Генрих Лев (1129-1195) завоевал Восток, результатом была бы сильно ослявянившаяся смешанная раса. Так что пусть все будет так, как оно есть. Теперь мы, во всяком случае, знаем расовые законы и можем направлять свою жизнь согласно им»¹⁰².

¹⁰¹ *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. Reinbek bei Hamburg, 1963. S. 138.

¹⁰² Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего

После оккупации немцами Польши впервые в истории Европы осуществлялась попытка ввергнуть польскую нацию в состояние рабства и зависимости от завоевателей, планировавших полную ассимиляцию народа, обладавшего мощной культурной традицией и развитым национальным самосознанием. После окончания военных действий в 1939 г. началось уничтожение польской интеллигенции; письменного распоряжения Гитлера на этот счет не существовало, имелось лишь устное указание. В генерал-губернаторстве допускалось только начальное и профессиональное образование; преподавание истории, иностранных языков, географии и физкультуры запрещалось. Летом 1940 г. по заготовленным спискам ээсовцы арестовали и расстреляли как заложников 3500 представителей польской интеллигенции. Гиммлер говорил о необходимости полной децивилизации Польши: помимо евреев, в 1939-45 гг. в стране погибло 2,5 миллиона христиан¹⁰³. Генерал-губернатор Польши Ганс Франк в 1940 г. сказал, что если бы он захотел вывешивать объявление по поводу смерти каждого убитого поляка, то в Польше не хватило бы лесов для изготовления такого количества бумаги¹⁰⁴. Нещадно эксплуатировалась Польша и в экономическом смысле: в 1942-43 гг. генерал-губернаторство поставило в рейх 630 тысяч тонн зерна, 520 тысяч тонн картофеля, 28,6 тонн сахара, 55 тысяч тонн мяса и 7,5 тысяч тонн масла. В середине 1943 г. 1,3 миллиона польских рабочих находилась на работах в рейхе¹⁰⁵.

рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 170.

¹⁰³ *Graml H.* Rassismus und Lebensraum. Völkermord im Zweiten Weltkrieg // *Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933 – 1945. S. 451.

¹⁰⁴ См.: *Nolte E.* Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den NS. Berlin, 1993. S. 75.

¹⁰⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945.

29 сентября 1939 г. после визита в Польшу Гитлер сказал Розенбергу, что поляки - это тонкий германский слой сверху и жуткий материал внизу. Евреи там – самые ужасающие, каких только можно себе представить. Города до предела грязны. По словам фюрера, за этот визит он многому научился. Прежде всего, если бы Польша еще несколько десятилетий господствовала над старыми частями рейха, все оказалось бы завшивевшим и запущенным; теперь здесь может господствовать только твердая рука господина. Гитлер сказал также, что хочет разделить Польшу на три части: 1. Между Вислой и Бугом; сюда из рейха отправят всех евреев, а также другие ненадежные элементы, и воздвигнут на Висле непреодолимый вал - еще более сильный, чем на Западе. 2. На старой границе – широкий пояс германизации и колонизации. Здесь огромная задача для всего народа: создать германскую житницу, сильное крестьянство, переселить сюда немцев со всего мира. 3. Между ними – польская «государственность». Розенберг говорил, что Гитлер мечтал о расширении германского пояса расселения на Восток¹⁰⁶.

В 1942 г. в комментариях к «плану Ост» Гиммлер писал: «Совершенно ясно, что польский вопрос нельзя решать путем ликвидации поляков, как это делается с евреями. Такое решение польского вопроса обременило бы на вечные времена совесть немецкого народа и лишило бы его общей симпатии. Соседние с нами народы начали бы опасаться, что в одно прекрасное время их постигнет та же участь. По моему мнению, разрешить польский вопрос надо так, чтобы до минимума свести всякие политические сомнения»¹⁰⁷.

Frankfurt am Main, 1996. S. 292.

¹⁰⁶ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 43.

¹⁰⁷ Цит. по: *Безымянский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман

И в аннексированных районах и в «генерал-губернаторстве» с поляками обращались, как с «недочеловеками»; их бесцеремонно отправляли на работы в рейх или выселяли в генерал-губернаторство; с 1942 г. некоторых из них подвергали «германизации». Хуже всего приходилось полякам в области Варты, где гауляйтер Артур Грайзер давил даже на католическую церковь. При Грайзере область Варты была превращена в «образцовое» гау; он играл ведущую роль в проведении антиеврейских мероприятий в этом районе. В области Варты находился один из самых жутких концлагерей – Хелмно¹⁰⁸. Грайзер являлся сторонником жесткой политики депортаций поляков: до 1943 г. из его гау изгнали около 0,5 миллиона поляков, и на их место поселили 350 тысяч фольксдойч. В то время как в Западной Пруссии или Верхней Силезии поляков ускоренно «онемечивали», внося в «немецкие народные списки» в группу 3 (статус «немецкого гражданина впредь до отмены»), - Грайзер держался за строгое отделение поляков от немцев. В 1944 г. только 1,5% из 4,4 миллиона польского населения области Варты были включены в эту третью группу (в Верхней Силезии - 36% населения, в Данциге - 44% польского населения)¹⁰⁹. Более сносно было положение поляков в Верхней Силезии при гауляйтере Фрице Брахте (Брахт был заместителем Й. Вагнера – оберпрезидента Силезии с резиденцией в Бреслау, а в 1941 г. сам стал оберпрезидентом самостоятельного округа Верхняя Силезия).

Одно из самых страшных преступлений против человечности эсэсовцы совершили при подавлении Варшавского восстания 1944 г. Когда началось восстание,

и его дневник. М., 1999. С. 85.

¹⁰⁸ Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II, Darmstadt, 1998. S. 116.

¹⁰⁹ Ibid. S. 122.

Гиммлер обрадовался шансу избавиться от «польской проблемы» и приказал специалисту по борьбе с партизанами Бах-Зелевскому набрать соответствующую команду. В этом отряде убийц, помимо подразделений СС и полиции, были остатки «бригады Каминского», а также батальон Дирлевангера (в Белоруссии батальон уничтожал население целых деревень и разминировал поля, прогоняя по ним женщин и детей). Жестокость команды Дирлевангера вызывала даже протесты гауляйтера Кубе (впрочем, бесполезные), а Гудериан лично просил Гитлера удалить этих убийц с Восточного фронта¹¹⁰.

Внешнее кольцо обороны Варшавы против Советской армии удерживали части вермахта. Войнство Бах-Зелевского состояло из всякого рода отребья. Даже выдавшие виды ээсовцы, - которые сами использовали женщин и детей в качестве живого щита против противника, - с удивлением наблюдали за тем, с каким ожесточением люди Дирлевангера штурмовали жилые кварталы в Варшаве; варшавян, попадавших им в руки, они выбрасывали из окон; раненых и женский медперсонал безжалостно уничтожали. В живых из батальона Дирлевангера (860 человек первоначальной численности плюс 1200 человек пополнения) осталось 648 человек. Дирлевангер приказом разрешил грабежи; он сам принимал в них участие и даже застрелил одного из своих подчиненных при дележе драгоценностей. Повстанцы узнавали бандитов Дирлевангера по петлицам с двумя перекрещенными карабинами и гранатой под ними¹¹¹. Батальон применял самые разнообразные орудия убийства: газ, огнеметы, роботы с дистанционным управлением «Голиаф» для доставки взрывчатки в те здания, где засели повстанцы, даже гигантскую стопятидесятитонную

¹¹⁰ *Auerbach H.* Die Einheit Dirlwanger // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1962. Н. 3. S. 263.

¹¹¹ *Ibid.* S. 253.

мортиру «Карл», которая метала тяжелые гранаты за 6 км – от разрыва одной такой гранаты обваливались многоэтажные здания. В первые пять дней восстания в Варшаве было убито 40 тысяч гражданских лиц, а всего погибло четверть миллиона человек. Оставшихся в живых жителей вывезли за пределы города; немецкие саперы систематически, квартал за кварталом, взрывали польскую столицу. Огромный город практически стерли с лица земли.

То, что нацисты вытворяли в Польше нельзя сравнить с их политикой по отношению к чехам, которых считали наиболее ассимилированными к немецкой культуре. Так, после оккупации Чехии (7 апреля 1939 г.) вся власть передавалась имперскому протектору барону Константину фон Нейрату, слышшему мягким и либерально мыслящим человеком. Национальное собрание Чехии распускалось, а его место заняло образование из представителей прежних партий (так называемое Национальное единство); протекторат не располагал правами внешних сношений. Руководителем Национального единства провозглашался глава протектората, а 100 членов его совета не избирались, а назначались Эмилем Гахой, ставшим президентом Чехии 30 октября 1938 г., после того как Эдуард Бенеш подал в отставку¹¹². Формально Национальное единство наделялось правом контроля над деятельностью правительства, главой которого с 29 апреля стал генерал Алоис Элиаш. Разумеется, в массе своей чехи негативно восприняли оккупацию своей страны Германией. В одном из донесений СД передавала: в ноябре 1939 г. в Чехии прошел слух, что всех чешских детей во время обязательной ежегодной кампании прививок против дифтерии собираются то ли заразить этой болезнью, то ли просто отравить, и 18 ноября матери с утра забрали своих детей из школы, занятия были сорваны. Призывы и

¹¹² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 241.

увещевания чешской полиции остались без внимания¹¹³.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что обращение с чехами было несравненно более мягким, чем с поляками или русскими; это может объясняться в том числе и тем, что гитлеровцы считали чехов отчасти ассимилированными многовековым немецким влиянием; в Германии чехов иногда называли «пруссаки среди славян». Характер нацистской политики по отношению к Чехии стал еще более ясным после того, как штатгальтером стал руководитель РСХА Рейнхольд Гейдрих (27 сентября 1941 г.). После его вступления в должность ввели чрезвычайное положение, впрочем, вскоре отмененное. За период действия чрезвычайного положения СС казнили 404 человека: 169 из них повесили за экономические преступления (спекуляция и укрывательство товаров), которые вели к ухудшению продовольственного снабжения местного населения. Гейдрих обратился к населению с просьбой указывать на злоупотребления любых служб, пусть даже и немецких; в его канцелярию посыпался поток заявлений и жалоб. Особое впечатление на чехов произвело то обстоятельство, что Гейдрих не щадил никого; террор был направлен не только против чехов и евреев, но и против тех немцев, которые, по словам Гейдриха, «помышляли только о собственной наживе, нанося вред рейху»¹¹⁴. 4 ноября 1941 г. по приказу Гейдриха за экономический саботаж повесили немецких фабрикантов братьев Вальтера и Гельмута Адамов, являвшимися активными и убежденными нацистами; 30 сентября за связи с подпольщиками казнили немецкого химика; 18 октября - немецкого мясника за посредническую торговлю и спекуляцию. Продукты,

¹¹³ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939 – 1944.* Berlin, 1965. S. 496.

¹¹⁴ Цит. по: *Deschner G.* *Rainhard Heydrich.* Esslingen am Neckar, 1977. S. 231.

отобранные у спекулянтов, Гейдрих распределял между заводскими столовыми для чехов. По указанию Гейдриха в протекторате создавалась сеть заводских столовых, где рабочим давали обеды без продовольственных карточек; эта мера имела большой успех и принесла Гейдриху популярность. Через месяц после прибытия в Прагу Гейдрих принял в Градчанах чешскую рабочую делегацию; в начале 1942 г. по распоряжению Гейдриха в протекторате ввели обязательное страхование по безработице. В мае 1942 г. Гейдрих объявил, что превращает отель-люкс в пригороде Праги в санаторий для рабочих-чехов¹¹⁵. С другой стороны, в январе 1942 г. Гейдрих произвел реорганизацию правительства протектората, фактически ликвидировав его как коллективный орган. Заседания Совета министров более не проводились. Разрешались лишь совещания главы правительства (после казни Алоиса Элиаша им стал Янош Крейчи) с отдельными министрами, которые не имели права принимать какие-либо решения¹¹⁶. Другим важным элементом реформы Гейдриха стало слияние всех министерств, связанных с экономикой, в одно Министерство экономики и труда во главе с немцем Вильгельмом Берчем; вследствие этого чешская экономика стала интенсивно использоваться немцами в интересах войны. Гейдрих погиб от гранаты Кубиса и Габчика (диверсантов, присланных из Лондона) 4 июля 1942 г. После смерти Гейдриха его линию продолжил генерал СС Курт Далюге, который последовательно стремился подчинить все чешские органы власти немцам; чешская полиция получала приказы непосредственно от немецкого руководства, а чешские правительственные войска стали выполнять обычные полицейские функции. Чехов не сделали гражданами рейха;

¹¹⁵ *Deschner G. Rainhard Heydrich. Esslingen am Neckar, 1977. S. 239.*

¹¹⁶ *Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 243.*

для них решили ввести понятие «гражданин протектората», которое было гораздо уже понятия «гражданин рейха». В ноябре 1940 г. Борман подписал распоряжение партийной канцелярии о том, что для браков между членами партии и чешками, поляками и венгерками требуется особое разрешение гауляйтера¹¹⁷. Чехи не могли служить в вермахте, им запрещалось вступать в браки с немцами (по данным германской статистики в протекторате проживало 270 тысяч немцев)¹¹⁸. Представить себе аналогичное поведение оккупантов в Польше или Советском Союзе невозможно – там шла настоящая расовая война, и противостояние имело гораздо более ожесточенный характер. Германизация Польши распространялась даже на почтовые марки, для сравнения – в Чехии надписи на марках делались на двух языках: немецком и чешском¹¹⁹.

Столь же жесткую (как в СССР) расовую политику нацистские оккупационные власти проводили на территории Югославии, с тем отличием, что в этой стране с 16-миллионным населением в качестве инструмента оккупационной политики они более активно использовали внутренние национальные проблемы и разногласия. К тому же, Югославия была единственной в Европе страной, оккупированной одновременно четырьмя государствами – Германией, Италией, Венгрией и Болгарией¹²⁰; это наложило отпечаток на расистскую практику нацистов. Нацисты использовали противоречия между сербами и

¹¹⁷ *Longerich P.* Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparates durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann. München, 1992. S. 208.

¹¹⁸ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 703.

¹¹⁹ *Ферро М.* Семь главных лиц войны, 1918 – 1945: Параллельная история. М., 2014. С. 133.

¹²⁰ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 329.

хорватами, мусульманами и православными, католиками и протестантами, сербо-болгаро-греческие споры о Македонии и другие проблемы.

Наверное, самой необычной была участь словенцев: в июне 1941 г. руководитель РКФДВ Ульрих Грайфельт получил приказ о подготовке к присоединению Словении к рейху и созданию новых провинций Южная Каринтия и Нижняя Штирия на территории Словении. Облеченный специальными полномочиями от Гитлера, Грайфельт самостоятельно распоряжался переселением немцев из районов Тироля, отошедших Италии (по договору 31 августа 1941 г.), в район Любляны. Гиммлер настоял на расовой проверке словенцев, подлежащих выселению с родины; к ноябрю 1941 г. из 54 тысяч словенцев 38 тысяч отправили в рейх с последующим расселением в Бадене и Вюртемберге, а остальных депортировали в Хорватию и Сербию¹²¹. Удивительно, но из полумиллиона этнических немцев только 50 тысяч допустили в рейх, а почти 70% немцев – словенцев переселили в Германию! Расово-переселенческая комиссия признала словенцев «германизуемыми». Также для «германизации» отобрали 20 тысяч поляков (преимущественно детей), 10 тысяч эльзасцев и лотарингцев, имевших немецкие фамилии, но не говоривших по-немецки¹²². В конце концов, из 250 тысяч детей, отправленных в Германию из Восточной Европы для «аризации», в свои семьи вернулось после войны только 25 тысяч¹²³. Остальные же остались в Германии.

Следует, однако, оговориться, что не эти странности определяли обыденную практику нацистского расизма в Восточной Европе, но убийства, жестокость и унижения.

¹²¹ *Koehl R.L.* RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939 – 1945. Cambridge, 1957. P. 129.

¹²² *Ibid.* P. 218.

¹²³ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 82.

Ненависть и презрение к славянам в нацистской расистской практике культивировалась настолько сильно, что Гитлер распорядился, чтобы немецкие войска вообще не входили в уцелевшие (после победы нацистов) советские города, – «пусть они и дальше влачат жалкое существование в собственной грязи». Именно по этой причине 10 сентября 1941 г. Гитлер запретил вступление немецких войск в Ленинград, мотивируя это угрозой начала уличных боев и больших потерь для вермахта. Гитлер вообще уничижительно отзывался о русских и об украинцах, которые, на его взгляд, привыкли реагировать только на удар кнута; они не имеют представления о трудовой морали и долге; под свободой украинцы понимают разрешение мыться один раз в день, а не два раза, как прежде¹²⁴. Не менее презрительно отзывался о славянах и Гиммлер; в мае 1940 г. он говорил, что «для ненемецкого населения Востока не нужно никакой высшей школы, достаточно четырех классов начальной школы. Целью школы является обучению счету до 500, написанию имени, послушанию немцам, честности и прилежности. Чтению, я полагаю, обучать не нужно»¹²⁵.

Нацистское отношение к славянам имело долгую предысторию и было продолжением и безмерным расширением прежней традиционной немецкой «*Ostpolitik*» (восточной политики) кайзеровского рейха и Пруссии. В 1914 г. канцлер Теобальд Бетман-Гольвег заявил об агрессии славянства против германцев (*Germanentum*); это противостояние продолжилось и во Вторую мировую войну. И в Первую, и во Вторую мировые войны германская враждебность к России нарушала традицию Бисмарка (дружественной и союзнической линии в отношениях с

¹²⁴ Фогт М. Откровения в ожидании победы. (Застольные беседы Гитлера осенью 1941 г.) // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 504 – 505.

¹²⁵ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 433.

Россией). В Первую мировую войну нарушение данной традиции произошло из-за вторжения германо-австрийского союза в сферу российских интересов на Балканах; во Вторую мировую войну препятствием стал нацистский расизм. Дело в том, что Гитлер полагал, что Бисмарк пошел на союз с Россией потому, что в последней господствующее положение занимала неславянская (германская) элита, а хозяевами СССР являются евреи¹²⁶. Собственно, еврейство и большевизм были для Гитлера идентичны. Фюрер повторял, что каждый большевик – это еврей. В «марафонской» по продолжительности речи (13 августа 1920 г.) он заявил, что во время Октябрьской революции погибло 300 000 русских, но ни одного еврея (это, конечно, ложь), несмотря на то, что большевистская верхушка на 90% состояла из евреев. 28 июля 1922 г. Гитлер заявил, что в России 30 миллионов человек замучено до смерти, казнено в застенках или умерло от голода. После упоминания об этих жертвах Гитлер переходил к разрушению еврейскими культурами Древнего Египта, Древней Греции и Римской империи. Эти жертвы, говорил Гитлер, не последние: если начнется большевизация Германии, то гибель немецкой культуры и государства неизбежны; лучшее доказательство этому, по его мнению, - судьба России¹²⁷.

Хотя широта гитлеровских обобщений и реминисценций почти всегда находилась в обратной пропорции с его знанием предмета, - они все равно интересны, так как влияние фюрера на политику Третьего рейха было очень велико. Гитлер считал русских легковесным, поверхностным, женственным народом - в отличие от мужественных, последовательных и логичных немцев. Гитлер утверждал, что у русских нет представления

¹²⁶ См.: Das Deutsche Reich und den Zweite Weltkrieg. Bd. 1, Hrsg. vom Militärpolitischen Forschungsamt. Stuttgart, 1979. S. 543.

¹²⁷ Steinert M. Hitler. München, 1994. S. 207.

об организации и порядке; что после революции 1917 г. в России бесспорными хозяевами стали евреи. «До большевистской революции,- говорил Гитлер,- Россия была поразительным примером государственно-творческой активности германского элемента в гуще низшей расы»¹²⁸. Такие суждения не были оригинальными; в либеральном XIX веке многие немцы верили, что их народ выше славян. Не только либералы, но даже и социалисты (Маркс и Энгельс) часто огульно осуждали русских как реакционную, ригидную нацию; естественно, это делалось в полемическом запале и на обобщения не претендовало, но дыма без огня не бывает... В Первую мировую войну немецкие военные рассчитывали включить всю восточную Прибалтику в состав рейха и утвердили в ней в период оккупации военную сатрапию, которую так живо и красочно описал Арнольд Цвейг в романе «Спор об унтере Грише» (1927 г.). Гитлер и Розенберг взяли на вооружение эти расхожие в либеральный XIX век суждения о русских и о Восточной Европе в целом. Находясь во власти стереотипов, Гитлер совершенно не представлял себе объектов своей расовой ненависти: в Полтаве он был поражен и смущен тем, сколько там белокурых и голубоглазых детей и женщин¹²⁹. Дело в том, что нацистские расовые теоретики связывали определенные физические признаки людей с их моральными качествами: блондин - сильный, голубоглазый – верный и так далее¹³⁰. Правда, требуемым расовым качествам (высокий рост, голубые глаза, длинный череп, узкое лицо, светлые волосы, розово-бледная кожа) ни один из нацистских руководителей (кроме Гейдриха) не отвечал. Вероятно, поэтому Гитлер столь ревностно подходил к

¹²⁸ Цит. по: *Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 192.

¹²⁹ *Пукер Г.* Застольные разговоры Гитлера. М., 2005. С. 338.

¹³⁰ См.: *Grebing H.* Nationalsozialismus. Ursprung und Wesen. Wien, 1964. S. 64.

этому вопросу.

Вместе с тем, нельзя проводить линию преемственности между старым «обыденным» или «эмпирическим» расизмом и расизмом Гитлера и Розенберга: расизм последних имел инструментальный и поэтому зловещий характер. Он выражался в возведении в абсолют довольно безобидных (если к ним подходить с юмором) национальных стереотипов. Гитлеровцы совершенно серьезно пытались привязать свои расовые представления к политике. Так, пользуясь поддержкой Гитлера, гаулейтер Восточной Пруссии Кох, находясь на посту рейхскомиссара Украины, постоянно конфликтовал с рейхсминистром министром оккупированных восточных территорий Розенбергом; одним из камней преткновения было нежелание Коха предоставить Украине особый автономный статус¹³¹. Гитлер поддерживал Коха, считая, что украинцы и русские не способны к государственности: они ленивы, неорганизованны и склонны к анархии. Гитлер иногда хвалил Сталина, который насильно создал из «славянского сброда» государство¹³². На Востоке Европы, особенно в Польше, нацисты, используя старинные конфликты и вражду (например, украинцев и поляков, евреев и украинцев), натравливали одну нацию на другие. Аналогичную политику нацисты проводили и на северо-востоке Польши в Белостокском округе, где наряду с поляками проживало много белорусов. С первых же дней оккупации немецкие власти, игнорируя интересы польского населения, демонстративно отдавали предпочтение

¹³¹ На Украине главным принципом расовой политики нацистов было: «разделяй и властвуй», эти методы прекрасно описаны в монографии Барина И. Направление - Украина. Опыт изучения нацистской оккупационной политики М., 2014. С. 168 – 169, 193 – 198 и далее.

¹³² См.: *Фогт М.* Откровения в ожидании победы. (Застольные беседы Гитлера осенью 1941 г.) // Вторая мировая война. Дискуссион. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 504.

предателям из белорусов. Вскоре разрешили открыть начальные школы с преподаванием на белорусском языке и национальные культурные организации. В Белостоке возник так называемый Белорусский комитет из белорусских эмигрантов; он предназначался для управления не столько Белостокским округом, сколько всей Белоруссией. Впрочем, не считая белорусов самостоятельной нацией, нацисты вскоре прекратили этот флирт¹³³.

Сходные цели стояли перед нацистами и в России, хотя мысль превращения ее в колонию кажется особенно нелепой на фоне гордой российской имперской традиции, которую подсознательно воспроизвели большевики в теории мировой пролетарской революции. Представляя себе первозданную мощь и силу России, нацисты, тем не менее, всерьез собирались низвести эту европейскую державу до положения парии. Немецкая политика в отношении русских соответствовала их политике в Польше: в обеих странах немцы собирались ликвидировать господствующий слой (хотя в СССР он был коммунистическим, а в Польше – консервативно-католическим), но в преступлениях против СССР вольно или невольно принимал участие вермахт. От 30 до 40 миллионов жителей территорий СССР, которые нацисты собирались колонизировать, подлежало вытеснению или искоренению. Эти действия Гитлер связывал с расовым крестовым походом против евреев. Поэтому на Восточном фронте за войсками вермахта следовали специальные подразделения СС, имевшие целью уничтожение евреев; под видом ликвидации преступной советской власти уничтожалось и местное население. Дело в том, что первоначальные представления Гитлера о слабой заселенности Восточной Европы не соответствовали действительности – она, наоборот, страдала от аграрного

¹³³ *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 325.

перенаселения: идеология и действительность вошли в противоречие. Не нужно быть опытным аналитиком, чтобы понять, что это противоречие может разрешиться: за счет выселения или смерти местного населения. Нацисты всячески маскировали свои «восточные» планы; так, 16 июля 1941 г. Мартин Борман записал следующие слова Гитлера на секретном совещании по оккупационной политике в России: «важнее всего - не выдать нашу цель всему миру!». Борман отмечал также, что «фюрер сказал, что важнее всего представить дело так, будто война против СССР – это война всей Европы. Мы будем снова и снова подчеркивать, что вынуждены были захватить ту или иную область, чтобы навести там порядок и обеспечить нашу безопасность. Мол, в интересах населения этой страны мы должны позаботиться о спокойствии, продовольственном снабжении, транспорте и т.д. Ни в коем случае нельзя показывать, что это сделано навсегда»¹³⁴.

Представления о гитлеровских планах на Востоке дает «Генеральный план Ост», датированный 24 июня 1941 г. и предполагавший переселение 31 миллиона человек в течение 30 лет. 14 миллионов славян предполагалось оставить в немецком районе расселения в России; их следовало поставить под контроль переселенных туда 4,5 миллионов немцев. Литовцев, эстонцев и латышей собирались подвергнуть расовому обновлению (*Umvolkung*) в соответствии с критериями «нордического типа». Немецкое население в России в течение 30 лет намечалось увеличить до 10 миллионов человек¹³⁵. Немцев хотели расселять в Белоруссии и в части Украины. План предусматривал переселение на Восток за пределы

¹³⁴ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 248.

¹³⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 378.

колонизуемых немцами территорий 5-6 миллионов евреев, которых Гиммлер сначала собирался использовать для строительства Восточного вала в Польше на границе с СССР¹³⁶.

Для организации переселенческой политики создавалось специальное ведомство – РКФДВ (имперский комиссариат по укреплению немецкого народа), секретный указ о создании которого фюрер подписал 7 октября 1939 г. О существовании РКФДВ никогда не объявлялось официально, и по замыслу Гиммлера в его задачу входило возвращение из-за пределов рейха всех немцев, чтобы исключить «вредоносное» влияние на них расово чужеродных элементов¹³⁷. Этот указ предусматривал наделение Гиммлера полномочиями по пресечению вредоносных расовых влияний на немецкую нацию со стороны других народов; также устно Гитлер уполномочил Гиммлера выселять поляков и евреев из тех районов, которые предназначались для поселения немцев. Возникла новая центральная имперская инстанция СС во главе с бригадефюрером СС Ульрихом Грайфельтом. Это отдельная властная инстанция, сосуществовала с органами гражданской администрации и конкурировала с ними. В качестве шефа РКФДФ Гиммлер получил возможность давать указания органам гражданской администрации. В оккупированных районах Европы РКФДФ предстояло выполнить самую грязную работу по осуществлению геноцида по расовому признаку. Именно в этом комиссариате под руководством бригадефюрера СС У. Грайфельта готовился «Генеральный план Ост». Грайфельт писал, что германского жизненного пространства должно хватить не

¹³⁶ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 20.

¹³⁷ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 240.

только на нынешнее, но и на грядущие поколения немцев, а «если и этого места не хватит, тогда снова придется браться за оружие»¹³⁸.

Германия в Первую мировую войну смогла вывести из войны Россию, но эту победу в итоге у нее отняли, поэтому планы Гитлера начинались там, где кончался Брест-Литовский мир. В этом отношении интересно отметить, что гитлеровские геополитические устремления французский дипломат А. Франсуа-Понсе объяснял не расовой доктриной, а стремлением к преемственности кайзеровской внешней политике и её достижениям, до которых Гитлер хотел сначала добраться, а потом и превзойти¹³⁹. Мысль о том, что Россия навязала бы Германии куда более тяжелые условия (так и произошло в 1945 г.), не приходила в голову немцам, поскольку царская Россия была уничтожена именно при помощи германского оружия! Почему же тогда целые германские общины на Востоке Германия должна отдавать под власть варваров? Именно эти потери и вызвали у немцев сильную горечь и негодование, им казалось естественным жить под славянским игом, под игом людей, которые пришли к европейской цивилизации во многом благодаря немцам¹⁴⁰ ...

Гитлер и находился в плену этого видения: для него война с Советским Союзом стала осуществлением обширной территориальной экспансии немецкого народа с целью обеспечения его долгосрочной экономической безопасности и одновременно реализацией возможности постоянного расового обновления. В войне на Востоке речь шла не о таких банальных вещах, как изоляция

¹³⁸ Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919–1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970. S. 136.

¹³⁹ См.: *Messemer A. André François-Ponce und Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1991. Н. 4. S. 528.

¹⁴⁰ См.: *Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые* годы. М., 1995. Т. 1. С. 126.

Британии или обеспечением Германии жидким топливом. Общая картина гитлеровского видения перспектив войны на Востоке претерпевала во время войны некоторые изменения, под влиянием актуальной политики и реалий происходили переносы акцентов, но главный принцип сохранялся, – он заключался в обеспечении Германии «жизненного пространства». Еще в 1919 г. Гитлер риторически вопрошал, справедливо ли, что в России земли на человека приходится в 18 раз больше, чем в Германии; поэтому не удивительно, что, став канцлером, Гитлер сразу объявил о своих намерениях и не забывал о них никогда.

Гитлер рассчитывал на то, что вследствие большевистской революции Россия будет ослаблена и какие-либо позитивные достижения стали для нее невозможны. Из гитлеровской логики видно, что причиной нацистского экспансионизма нельзя считать оборонительную реакцию буржуазной Европы против большевистской опасности: глубоко укорененный в нацизме антикоммунизм и нацистский экспансионизм существовали каждый сам по себе. Первый был просто удобным предлогом для экспансии. Интересно отметить, что сначала Гитлер считал, что сумеет договориться с Польшей; когда этого сделать не удалось и Германия напала на Польшу, Гитлер просто распространил концепцию «жизненного пространства» (прежде относящуюся исключительно к России) и на Польшу. В этой связи интересно отметить, что цель польской кампании 22 августа 1939 г. Гитлер определял как «уничтожение Польши», «уничтожение ее жизненных сил, а не выход на определенную линию». Даже Данциг для него не являлся важной целью – это был всего лишь поводом к дальнейшему расширению или «округлению жизненного пространства»¹⁴¹. Напротив, в отношении

¹⁴¹ См.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 279.

Советского Союза захватнические цели были заранее определены и зафиксированы. Эту фиксацию, бесспорно, привнес в геополитику сам Гитлер, но диалектика развития его позиции в отношении СССР имела довольно сложную природу: дело в том, что еще в 1914 г. правящие круги Германии оказались в своей геополитике в Восточной Европе во власти логики, последовательно опровергнуть или ревизовать которую довольно сложно. Центральное (срединное) положение Германии в системе держав в Европе всегда было чревато всевозможными осложнениями, и находившаяся на подъеме кайзеровская Германия хотела разорвать этот замкнутый круг проблем путем утверждения европейской континентальной гегемонии. Этот германский гегемонизм и империализм нельзя считать специфически немецким: французские или английские имперские доктрины ни в чем не уступали сопернику. После Первой мировой войны, однако, эта первоначально безобидная или, по крайней мере, трезвая немецкая геополитическая логика стала носить зловещий характер, поскольку Советская Россия могла осуществить желанную мировую революцию только через Берлин, а Запад мог защитить демократию и собственную интегральность только на Рейне. Гитлер, обладая необыкновенно развитым политическим инстинктом, использовал эту новую ситуацию для решения старой проблемы срединного (центрального), следовательно, не имеющего резервов развития, положения Германии путем экспансии на Восток, путем завоевания там «жизненного пространства». Однако, это последнее являлось настолько отвлеченным понятием, что не имело никакого исторического смысла (может быть, только футуристическое)¹⁴². Столь же нелепым выглядит и его стремление представить старую европейскую державу – Россию, имевшую вековые имперские традиции

¹⁴² Ср.: *Haffner S. Anmerkungen zu Hitler. München, 1978. S. 48.*

и долгое время являвшуюся самым существенным континентальным имперским центром силы, – объектом колонизации. Вместе с тем, в случае неудачи этой авантюры сами немцы могли оказаться отброшенными далеко назад.

В августе 1936 г. в «Памятной записке» к четырехлетнему плану Гитлер ставил задачу через 4 года быть готовым к войне на Востоке; эта война, по его мнению, должна дать сырьевую и продовольственную базу для немецкого народа. На совещании 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил: «Участие в мировом хозяйственном процессе: перед нами возведены границы, которые мы не в состоянии устранить... И в особенности следует основательно задуматься над тем, что с момента окончания мировой войны происходит индустриализация как раз тех стран, которые ранее были экспортерами продовольственных товаров». А поскольку автаркия в Германии может быть реализована только в отдельных отраслях, то Гитлер делал вывод: «Единственный и, вероятно, кажущийся несбыточным, способ устранить наши трудности лежит в завоевании более обширного жизненного пространства, то есть в том, что во все времена было причиной основания государств и народных движений»¹⁴³. 9 января 1941 г. Гитлер говорил, что «русская территория таит в себе неизмеримые богатства. Германия должна установить над ней экономическое и политическое господство, но не присоединять ее к себе. Тем самым создадутся все возможности для будущей борьбы с континентом, и тогда уж Германию разгромить не удастся никому». Отто Вегенеру, руководителю экономико-политического отдела НСДАП, концепцию завоевания «жизненного пространства» в России Гитлер разъяснял таким образом: «Европе, чтобы выстоять в решительной

¹⁴³ Цит. по: *Цительманн Р.* К обоснованию мотива «жизненного пространства» // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 437.

борьбе с Америкой, потребуется зерно, мясо, древесина, уголь, железо и нефть России».

В октябре 1941 г. Гитлер говорил, что захваченное в России «жизненное пространство», по-видимому, обеспечит автаркию для Европы: «Где еще мы найдем область, имеющую железо столь высокого качества как украинское? Где еще столько никеля, угля, марганца, молибдена? Это же те самые марганцевые рудники, из которых получает руду Америка. К тому же есть возможность разведения каучуконосных растений! Если их посевную площадь довести до 40 тыс. га, то мы покроем все наши потребности в резине». Особенно «проникновенно» о советских богатствах Гитлер говорил в беседе с голландским нацистом Муссертом: «В распоряжении Востока, по-видимому, находятся гигантские запасы сырья, будь то в сельском хозяйстве или в отношении рудных залежей. Россия, безусловно, самая богатая страна на земле. Вспомним хотя бы о железорудных месторождения Керчи, о запасах нефти, о редких металлах и так далее. Кроме того, в распоряжении России есть, вероятно, важнейшее сырье – человек»¹⁴⁴. Представление о том, что этим «сырьем» в СССР распоряжаются плохо и не те люди, в Германии было распространено не только среди нацистов; так, государственный секретарь Вейцекер, довольно далекий от нацистов, описывал свое впечатление от визита советской делегации в Берлин в 1940 г.: «Свита Молотова состояла из типичных уголовных типов, как будто специально подобранных для съемки кинофильма. Мне стало даже не по себе, что огромный 130-миллионный народ представлен подобной делегацией»¹⁴⁵.

Таким образом, ясно, что именно геополитические, а не идеологические задачи предопределили для Гитлера главное направление экспансии – Советский Союз;

¹⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 439 – 441.

¹⁴⁵ *Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933 – 1945. S. 344.*

следовательно, не «еврейско-большевистский» характер Советского Союза являлся подлинной причиной принятия Гитлером программно-целевой установки на войну против России. Решение о начале этой войны принималось независимо от этого, хотя, конечно, Гитлеру удалось использовать антибольшевистскую пропаганду в качестве дополнительного обоснования завоевательных целей на Востоке. Этот же предлог был основным и в оправдании «разрыва» с бисмарковской традицией союза с Россией: в России во времена Бисмарка господствующее положение занимала германская элита, а в СССР настоящими хозяевами являются евреи¹⁴⁶. По этому поводу Гитлер однажды заявил: «Нордическая раса имеет право доминировать во всем мире – вот краеугольный принцип нашей внешней политики. Поэтому никакой союз с Россией, славяно-татарским государством, которым управляют евреи, невозможен. Знал я этих славян в своей собственной стране! Когда над ними доминируют немцы, Германия может объединиться с ними для достижения общих целей, как это было во времена Бисмарка. Сегодня же такое поведение было бы преступлением»¹⁴⁷. Собственно, господство евреев и большевизм были для Гитлера идентичны.

К концу 1941 г. вермахт захватил в СССР 1 миллион квадратных километров территории с населением в 60–70 млн. человек. К осени 1942 г. площадь завоеванной территории удвоилась. До войны на этой земле проживало 85 млн. человек, после эвакуации осталось около 70 млн. Под гражданским управлением в рейхскомиссариате Украина и Остланд проживало 50 млн. человек¹⁴⁸. Под германскую оккупацию попало 47 % сельскохозяйственного

¹⁴⁶ См.: *Deist W.* et al. (Hg). *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. I, Stuttgart, 1979. S. 543.

¹⁴⁷ Цит. по: *Штраппер О.* Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999. С. 147.

¹⁴⁸ *Madajczyk C.* *Deutsche Besatzungspolitik in Polen.* S. 426.

производства СССР, треть промышленного производства.

Нацистское руководством постановило, что непосредственно прифронтовая полоса будет составлять 15–25 км, за ней следует в 50 км шириной «войсковой тыл» (*rückwärtige Heeresgebiet*), затем шириной в 100 км «армейский тыл» (*rückwärtige Armeegebiet*). На гигантской оккупированной немцами территории установили новый порядок в лице военной и гражданской администрации. Какой будет эта администрация, зависело от многих факторов, и в разных районах Восточного фронта она была разная. В тылу группы армий Центр во главе военной администрации находились участники заговора против Гитлера офицеры Шлябрендорф, Тресков, Герсторф. Они распорядились вновь открыть школы и училища, а на Кавказе, по указанию Штауффенберга, восстанавливалась свобода вероисповедания для мусульман, православных и буддистов, началось преобразование колхозов в кооперативы¹⁴⁹.

За полосами военной администрации в ведении гражданской находились два комиссариата, которые номинально подчинялись созданному 17 июля 1941 г. и утвержденному в ноябре¹⁵⁰ «Восточному министерству» (*Ostministerium*) во главе с Розенбергом; его заместителем и постоянным представителем на оккупированной территории являлся Альфред Майер¹⁵¹. Это министерство в шутку немцы именовали «министерство хаоса», поскольку Розенберг почти не имел возможностей влиять на номинально подчиненные ему рейхскомиссариаты «Остланд» (во главе с Генрихом Лозе, гаулейтером Шлезвига и Гольштейна) и «Украина» (во главе с гаулейтером

¹⁴⁹ *Milligan T.* The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union 1942 – 1943. New York, 1988. P. 126.

¹⁵⁰ *Madajczyk C.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. S. 432.

¹⁵¹ *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 30.

Восточной Пруссии Эрихом Кохом)¹⁵². Крым планировали сделать частью рейхскомиссариата «Украина». В СССР наивысший административный пост, доступный местным, была должность бургомистра или (редко) окружного начальника. Впрочем, в Польше местным жителям и эти административные должности были не доступны. И Кох, и Лозе имели прямой выход на Гитлера и, разумеется, следовали его распоряжениям, а не приказам Розенберга. Конкурентами фиктивной власти Розенберга были Геринг с полномочиями экономического диктатора; министерство вооружений Шпеера, обладавшего особой властью; ведомство Заукеля, ведавшее рекрутированием рабочей силы, а также многочисленные эсэсовские начальники¹⁵³.

Сначала немецкая оккупационная политика исходила из необходимости создания на территории СССР нескольких вассальных государств. Эта концепция Розенберга представлялась оптимальной, ибо готовность к сотрудничеству в западных районах СССР проявлялась довольно явственно. Гитлер и сам указывал, что идеология не является прочным связующим элементом советской системы, и стоит только убрать функционеров, поддерживающих ее, как государство рухнет¹⁵⁴. Если в момент нападения на Польшу характер войны на уничтожение нельзя считать очевидным, то в войне против СССР он стал явственным. Гитлер неоднократно повторял, что это война на уничтожение, и ни о каких

¹⁵² Чтобы препятствовать распространению иллюзии о возможности создания украинского национального государства, Эрих Кох сделал центром Украины город Ровно, а не Киев. Также поступил и Франк, избрав центром генерал-губернаторства не Варшаву, а Краков.

¹⁵³ *Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2000. S. 618.*

¹⁵⁴ *Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion 1940/41. Berlin, 1970. S. 291.*

послаблениях врагу не может быть и речи. Гитлеровские планы предусматривали оккупацию СССР до Урала; на этой линии нацисты собирались удерживать противника точно так же, как на своих границах Римская империя удерживала варваров.

Советские немцы и некоторые национальные группы (латыши, эстонцы) в СССР признавались «достойными германизации»; другие нации рассматривались как резервуар дешевой рабочей силы.

Единственным осуществленным на Украине проектом по колонизации было поселение Хегевальд; для него силой очистили от украинцев несколько сел, и заселили их немцами с Волыни¹⁵⁵. Вообще, ожидания аграрных романтиков Гиммлера и Розенберга в отношении бурной немецкой колонизации Востока оказались полной чепухой; хотя во время войны на Восток переместилось около полумиллиона немцев, но это были не крепкие крестьяне-фермеры, а горожане: чиновники и предприниматели, приехавшие в надежде получить синекуры или чем-нибудь поживиться.

Промышленный потенциал оккупированных советских территорий не очень эксплуатировался нацистами: в их распоряжении находилось промышленное производство всей Европы; на Востоке они занимались, в основном, грабежами. В будущем, однако, планировалась «европеизация» и «модернизация» некультурного, с точки зрения нацистов, Востока – всепространство до Черного моря они собирались покрыть сетью автобанов. При этом Гитлер принципиально отклонял возможность сотрудничества с местным населением, что не без успеха делали японцы при оккупации Юго-Восточной Азии. Берлин отклонил также предложение Муссолини декларировать европейскую хартию, которая дала бы народам оккупированной Европы

¹⁵⁵ Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 474.

какую-нибудь надежду на самостоятельность в будущей Европе.

Европейскую территорию СССР Гитлер планировал поделить на четыре провинции – рейхскомиссариаты: рейхскомиссариат Остланд с центром в Риге должен был охватывать государства Балтии и Белоруссию; его нацисты хотели населить немцами Поволжья, датчанами, норвежцами, англичанами; рейхскомиссариат Украину со столицей в Ровно, как будущую немецкую житницу, планировалось быстро заселить 20 млн. немцев; рейхскомиссариат Кавказ со столицей в Тбилиси становился нефтяным придатком Третьего рейха; самая крупная провинция – Московия – простиралась от Балтики до Уфы. По детальному плану ДАФ, после войны Россия должна была попасть под экономический контроль немцев, как и польские территории. Планировалось в течение 100 лет постепенно заселить немцами территорию до Урала¹⁵⁶. Германскую «Ривьеру» собирались устроить в Крыму (переименованном в Готенланд); сюда хотели переселить немцев из Южного Тироля. Ключом к колонизации оккупированных на Востоке земель должна была стать система автобанов, которые, по словам Гитлера, сотрут границы старой Европы: Ф. Порше утверждал, что по хорошей дороге от Одессы до Берлина можно будет добраться за 30 часов. Сама колонизация должна была выглядеть, как американская колонизация Дикого Запада – каждое немецкое семейство колонистов будет обрабатывать свой даровой участок земли, а на ночь укрываться в укрепленной деревне. Россию Гитлер рассматривал как немецкую Индию; для понимания психологии «туземцев» он даже рекомендовал немецким офицерам на Восточном фронте читать Карла Мая – автора

¹⁵⁶ Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 101.

романов о Чингачкуке и Виннету.

Первый вариант плана освоения восточных территорий, составленный профессором Конрадом Майером-Херлингом после совещания у Гитлера 15 июля 1941 г., признали негодным. Разрушая эсэсовские планы, Гитлер приказал включить большие куски советской территории непосредственно в состав рейха: Прибалтику и Крым¹⁵⁷. Новый вариант «генерального плана Ost» появился в конце мая 1942 г. и был рассчитан (при двух подготовительных годах) на пять пятилеток, в течение которых планировалось «онемечить» так называемую «Ингерманландию» (Ленинград, Псков, Новгород), «Готенгау» (Крым и район Херсона), район Мемеля и Нарвы (Западная Литва и Белосток). Колоссальные проекты поселений можно было осуществить только при помощи привлечения больших контингентов рабочей силы. Гиммлер в речи 9 июля 1942 г. сказал: «Третьей большой проблемой в мирные дни станут поселения на Востоке. Война не имела бы смысла, если бы после нее мы не стали заселять немцами Богемию и Моравию, юго-восточные районы Пруссии, Западную Пруссию, Район Варты, Верхнюю Силезию, генерал-губернаторство, Крым, Ингерманландию – все нужно будет сделать за 20 лет. Но сделать это не удастся, если на Востоке мы не наладим производства кирпича и черепицы, если мы не соберем в концлагеря достаточное количество рабов для работ по строительству дорог, вокзалов, городов и деревень для немцев, первые поколения которых должны уже в ближайшее время начать осваиваться на Востоке»¹⁵⁸.

В марте 1941 г. Гитлер постановил, что на оккупированных в России территориях армейские

¹⁵⁷ *Schulte J. E.* Vom Arbeits- zum Vernichtungslager. Die Entstehungsgeschichte von Auschwitz-Birkenau. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2002, 1. S. 42.

¹⁵⁸ *Smith B., Peterson A.* (Hg) Heinrich Himmler. Geheimreden 1933 – 1945. Frankfurt am Main, 1974. S. 158.

функции будет осуществлять вермахт, СС будет исполнять полицейские функции, общими вопросами администрирования будет заниматься имперское министерство оккупированных районов Востока во главе с А. Розенбергом, а экономические вопросы будут находиться в юрисдикции ведомства четырехлетнего плана¹⁵⁹. Вопреки гитлеровским постановлениям, до практического экономического освоения восточных земель дело не дошло; можно сказать, что оккупанты ограничились грабежом. Дело в том, что одним из приоритетных направлений гитлеровской политики было сохранение в Германии стандартов питания (за счет вывоза продовольствия с оккупированных советских территорий). Немецкий «продовольственный диктатор» Герберт Баке планировал изъятие продовольствия в СССР, допуская при этом смерть от голода около 10 млн. человек. В брошюре «Двенадцать заповедей для немецких сельскохозяйственных экспертов в России» Баке указывал, что нищета и голод – это непереносимые спутники жизни русских людей уже много веков, поэтому к ним не может быть никакого снисхождения и сочувствия¹⁶⁰. Впрочем, политика голодной смерти была частью более широких гитлеровских планов в отношении будущего СССР.

В этой связи весьма характерен ход колонизации восточных территорий, ради которой, собственно, и велась война. Можно определенно сказать, что нацисты переоценили переселенческие и колонизационные возможности Германии, а в реализации планов колонизации ээсовцы провалились. Насколько большого успеха Гиммлер

¹⁵⁹ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 41.

¹⁶⁰ *Enzyklopädie des Holocaust.* Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. I. Hrsg. von E. Jäckel, P. Longerich, J. Schoeps. Berlin, 1990. S. 149.

добился в создании Ваффен СС, насколько эффективный полицейский аппарат был создан в Германии, насколько жесткую систему концлагерей организовала СС, настолько же провальной и неудачной оказалась поселенческая и колонизационная политика СС. На этом «поприще» Гимmlера ожидала и масса проблем объективного свойства и организационных провалов, являвшихся следствием интриг соперничающих с СС инстанций.

Розенберг, один из конкурентов Гимmlера на Востоке, прекрасно видел перспективу своей административной власти перед лицом конкуренции с СС: «Наша задача будет состоять в том, чтобы возможно быстрее принудить согнанных в резервации славян к эмиграции или вымиранию. Все позитивные задачи возьмет на себя СС». В борьбе за влияние Розенберг имел хорошую поддержку в лице ответственного за продовольствие и сельскохозяйственное производство в «экономическом штабе Ост» Йоахима Рике, который до 1939 г. руководил имперским ведомством по переселению, вытесненным в борьбе компетенций СС; теперь, при поддержке вермахта и Геринга, Рике стремился взять под контроль продовольственные поступления с Востока. Под его началом находилось более 10 тыс. сельскохозяйственных функционеров, руководивших колхозами и другими предприятиями.

Сохранение старой системы землепользования летом 1941 г. объяснялось немцами тем, что массовое перераспределение земли может привести к голоду, как привели к голоду колхозы. 27 августа 1941 г. было утверждено нацистское «Положение об общем дворе». В нем было заявлено, что «немцы признают исключительно частное имущество, а колхозы придуманы коммунистами, чтобы погубить русское крестьянство», но из него, все же, следовало что колхозы (общие дворы) сохраняются. Объём сданной сельхозпродукции устанавливался оккупантами

не ниже прошлогоднего. Право на собственное хозяйство следовало доказать своей работой¹⁶¹. В целом, руководство общими дворами обычно возлагалось на немцев, на советских граждан, обиженных властью, иногда на прежних председателей или агрономов при условии, что они гарантируют предотвращение падения производства. Имелись случаи назначения управляющими даже бывших помещиков, если они являлись немцами. Так, в Лужском районе Ленинградской области управляющими стали бароны Бильдерлинг и фон Розен. Набрать нужное количество управляющих не удавалось, и на одного руководителя приходилось порой по несколько тысяч га земли. В некоторых местах руководство сельскохозяйственными делами осуществлялось непосредственно воинскими частями и комендатурами¹⁶².

Интересно, что военные относились к нацистскому планированию весьма скептически. Так генерал-фельдмаршал Федор фон Бок летом 1941 г. принял в Борисове министра по делам оккупированных территорий Розенберга и его помощника и выслушал их концепцию о будущем СССР. Присутствовавший при этом зондерфюрер В.К. Штрик-Штрикфельд отметил реакцию фельдмаршала на услышанное: «То, что высокие гости наговорили фон Боку за обедом, настолько потрясло его, что он усомнился в психическом состоянии их и их начальства. Он сказал им это совершенно открыто»¹⁶³.

В оккупированных районах СССР порядок землепользования, размеры полевых и приусадебных участков и распределение урожая отличались большой пестротой. Поскольку единой гражданской администрации

¹⁶¹ Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 185.

¹⁶² Там же. С. 187.

¹⁶³ Ермолов И. Три года без Сталина. М., 2010. С. 23 – 24.

не существовало, каждая местная комендатура вводила свои порядки. В оккупированных районах Ленинградской области вводились индивидуальные формы землепользования, но в одних районах земля нарезалась по числу едоков (Сланцевский район), а в других (Гдовский район) – всем поровну. Незначительная часть колхозного инвентаря и скота в этих районах раздавалась крестьянам, но большая часть реквизировалась воинскими частями. На Северном Кавказе немцы создавали так называемые «десятидворки» для совместной обработки земли. На каждую «десятидворку» они оставляли одну – две лошади, на каждую семью – по пуду муки и зерна, а весь остальной скот и продовольствие конфисковывали. В Курской области общинное хозяйство именовали «экономией», в которой крестьяне обязывались работать три дня в неделю, а остальное время могли использовать для обработки своих наделов¹⁶⁴.

Иногда сельскохозяйственные функционеры оккупантов чувствовали себя будущими хозяевами крестьян и, к неудовольствию Розенберга, стремились сохранить колхозы и препятствовать передаче земли крестьянам на местах¹⁶⁵. Летом 1942 г. сельскохозяйственные вожди на Востоке решили создать сеть опорных пунктов для надзора над так называемыми «товариществами по обработке земли» (*Landbaugenossenschaften*), созданными на колхозной основе; землю этих товариществ (в них попала 1/10 земли всех колхозов) Розенберг планировал со временем передать в собственность крестьянам, чтобы повысить продуктивность их хозяйств¹⁶⁶. Местные

¹⁶⁴ Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 201.

¹⁶⁵ Mueller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 99.

¹⁶⁶ Corni G., Gies H. Blut und Boden. Rassenideologie und Agrarpolitik im

нацистские функционеры, напротив, предполагали, что со временем эти опорные пункты станут их собственностью. Поэтому они не были заинтересованы в реприватизации земли местными крестьянами – этим и объясняется феномен сохранения нацистами колхозной организации на оккупированной территории СССР. Статс-секретарь имперского министерства продовольствия Герберт Баке даже заявил: «если бы колхозы и совхозы не были бы созданы большевиками, их должны были создать мы»¹⁶⁷. Сельскохозяйственный статус 1942 г. только переименовал колхоз в «общинное хозяйство», которое становилось переходной формой к будущему частному крестьянскому хозяйству. Совхозы же, в отличие от колхозов, находились под прямым руководством нацистских экспертов, которых на нацистском жаргоне именовали «сельскохозяйственными руководителями» (*Landwirtschaftsführern*); их местное население боялось и ненавидело.

Политика оккупантов в сфере финансов, налогов и заработной платы также свидетельствовала о том, что они не собирались создавать какой-либо прочной системы, а ограничивались грабежом. Платежным средством на оккупированной территории были объявлены банкноты германских кредитных касс (*Reichskreditkassenschein*). Они имели вид денежных знаков, но по существу являлись денежным суррогатом, не имевшем никакого обеспечения. Расчеты же в рейхсмарках, имевших золотое обеспечение, на оккупированной советской территории категорически запрещались – это делалось для того, чтобы избежать их накопления в руках местных жителей. Даже жалование солдатам выплачивали оккупационными марками. Когда начались валютные спекуляции, – власти распорядились

Staate Hitler. Idstein, 1994. S. 64.

¹⁶⁷ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 2000. S. 626.

обменивать советские рубли на оккупационные марки при курсе 1:10. На юге России и на Украине имел хождение «карбованец», который также имел 1/10 стоимости марки¹⁶⁸.

Что касается налогов, то основным налогом в сельской местности стал фиксированный подушный налог: его сумма составляла 120 руб. с человека в год, и его собирали в конце года. Этот налог был довольно тяжелым: бургомистр из «новой русской администрации», например, получал самую большую зарплату – 1500 руб., мелкие служащие – от 300 до 700 руб. Для простых же людей выплата налогов стала непосильным бременем, поскольку даже при выполнении различных работ на оккупантов оплата не предусматривалась, а практиковалась выдача продовольственных пайков в форме производственного питания. Более того – за невыполнение заданий людей лишали продовольствия. Согласно официальной установке немецких властей, заработная плата на производстве и рыночные цены должны были сохраняться на дооккупационном уровне. Исходя из этого, оплата квалифицированного рабочего в оккупированных районах РСФСР составила 1,70 руб. в час, неквалифицированных – 1 руб. в час. В итоге, зарплата квалифицированного рабочего составляла в месяц 300 руб., а неквалифицированного – 150 руб.¹⁶⁹

Постепенно немцы стали переходить на натуральные сборы: деньги обесценивались. Осенью 1942 г. в одном из партизанских донесений говорилось о следующих налогах для русского населения Смоленщины: поставки хлеба – по 3 центнера с га, молока – по 360 литров с коровы, яиц – по 30 яиц с одной курицы, шерсти – 475 граммов шерсти с овцы, налог на собак – 200 руб. В ряде случаев

¹⁶⁸ Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 213.

¹⁶⁹ Там же. С. 228.

оккупационные власти взимали даже особые налоги за окна, двери, «излишнюю» мебель¹⁷⁰. В некоторых районах устанавливались налоги по сдаче «даров леса». Так, в Смоленской области оккупанты требовали от каждого крестьянского хозяйства по килограмму сушеных грибов, земляники и малины; кроме того, сельские жители обязаны были сдавать бруснику, липовый цвет, пр.

В завершение обзора гитлеровской геополитики следует сказать об её итогах: после Второй мировой войны миллионы немцев были изгнаны со своей исторической родины; границы, устроенные Бисмарком, рухнули, а немецкие пределы были перенесены далеко на Запад. Гитлеровская геополитика означала завершение немецкой колониационной и, в некотором роде, культуртрегерской роли в Европе, особенно на востоке континента. Большинство из 18 млн. немцев на Востоке после 1945 г. было охвачено бегством; 1,71 млн. при переселении погибли, из 12,45 млн. немецких беженцев 7,9 млн. осели в ФРГ, 4,065 млн. в ГДР, 370 тыс. в Австрии, 115 тыс. в других странах¹⁷¹. Немцам понадобилось более четверти века для того, чтобы найти в себе силы и примириться в канцлерство Вилли Брандта с территориальными потерями на Востоке. В итоге то, что Гитлер планировал для других народов, обернулось против самих немцев: почти все немецкое население Восточной Европы было выселено; это стало самым крупным переселением за обозримую человеческую историю.

Гитлеровская геополитика исходила из реалий

¹⁷⁰ Там же. С. 219.

¹⁷¹ *Reichling G.* Die Heimatvertriebenen im Spiegel der Statistik. Berlin, 1958. S. 15.

того времени. Если до Первой мировой войны Германия постоянно испытывала сильный дефицит в сельскохозяйственном производстве: 28 % составляла нехватка белка, около 20 % – нехватка по калориям; кризисы снабжения продуктами питания продолжались и в 30-е гг., превратившись для Гитлера в настоящий кошмар¹⁷². Немецкие современники Гитлера, глядя так же, как он, на географическую карту, думали, что их страна слишком мала для тогдашнего населения Германии.

При этом абсурдность геополитического планирования была ясна даже Гиммлеру. Так, в 1942 г. предполагали в течение 25 лет создать «поселенческие марки», которые находились бы под полным контролем РКФДВ (Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности), а Розенбергу осталось бы только управление славянскими резерватами. По этому плану должны были возникнуть три марки – в Крыму, в районе Ленинграда и в Белоруссии. Для поселения и размещения 5 млн. немцев предполагалось потратить 66 миллиардов марок. Гиммлеру задуманное, в целом, понравилось, но он потребовал включения в план колонизации и «германизации» района Западной Пруссии и Данцига, района Варты, юго-восточной Пруссии, Верхней Силезии, Богемии и Моравии, Эльзаса и Лотарингии, Верхней Крайны и южного Штайермарка. Кроме того, в планировании «тотального онемечивания» Гиммлер потребовал учесть генерал-губернаторство Польшу, Латвию, Эстонию (их мыслили заселить в течение 20 лет), хотя рейхсфюрер «отдавал себе отчет, насколько трудна эта задача»¹⁷³. Слово «трудна» в этой цитате – это эвфемизм, так как указанная задача относилась

¹⁷² Corni G., Gies H. Blut und Boden, 1994. S. 45.

¹⁷³ Mueller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 105.

к невыполнимым или являлась делом чрезвычайно отдаленного будущего. Наиболее ответственные немецкие администраторы прекрасно это понимали. Так, сотрудник Розенберга министриальдиректор в Прибалтике Петер Кляйст в резких выражениях критиковал колонизационную политику Гиммлера: «Нам, немцам, нужна земля не для колыбелей, а для могил погибшим воинам. Если через 100 лет у нас будет избыток населения, то его можно расселять в Эстонии, Латвии, Литве, но только после того как немецкими городами и районами станут не являющиеся таковыми до сих пор Познань, Лицманнштадт (Лодзь), Прага, Краков и множество других мест, нужно будет эвакуировать тамошнее население. Сейчас гораздо важнее выиграть войну, а не пропагандировать утопии, которые мешают победить»¹⁷⁴.

Гитлер сделал немцев жертвой изобретенного им же мифа – мифа борьбы за жизненное пространство. Он исходил из того, что благосостояние и мощь государства зависят от размера его территории, упуская из виду гораздо более важный фактор: промышленную революцию, давно уже ставшую реальностью. С другой стороны, промышленный рост был причиной устойчивого и живучего страха европейцев перед бесчеловечным, безжалостным и унифицирующим миром современного производства. Гитлер собирался избежать такого будущего, реализуя утопические геополитические идеи, но его утопия оказалась исторически реакционной и завела Германию в такой тупик, из которого ей казалось ни за что не выбраться.

¹⁷⁴ *Mueller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 109.

3. Финансово-экономическое объединение Запада в условиях локальной поддержки Финляндии в «зимней войне»

В условиях кануна и начала Второй мировой войны практические интеграционные процессы, объединяющие различные государства как в Европе, так и в мире в целом, несомненно, усилились. Они носили характер как региональных, так и уже мировых объединений. Причем сами эти образования имели форму, прежде всего, военно-политических союзов, направленных друг против друга и призванных решать конкретные для отдельных государств внешнеполитические задачи, совпадающие по своим стратегическим целям с общими целями других стран, входящих в созданную ими группировку. Безусловно, что их образование диктовалось подготовкой, а затем и началом мировой войны. Данные союзные объединения подобные таким как – Ось Берлин-Рим-Токио, Тройственный союз, Антикоминтерновский пакт, Антигитлеровская коалиция оказались, однако, недолговечными, поскольку имели характер лишь ярко выраженного союзного объединения. Тем не менее, именно через их образование и дальнейшую эволюцию можно уже проследить определенные тенденции будущих интеграционных объединений в Западной Европе.

В процессе возникшей в то время на практической основе западной консолидации, очевидно, просматривалась, в частности, будущая направленность к образованию сначала Западноевропейского союза, а затем еще более широкого объединения - Североатлантического военно-политического блока (НАТО). Их оформление, однако, произошло уже в другую историческую эпоху, периода начала «холодной войны».

Тем не менее, очевидно, что еще в 1930-е гг. самизачатки подобных западноевропейских интеграционных процессов, имеющие ярко выраженный внешнеполитический характер, уже ясно просматривались. Причем также как накануне, так и в начальный период Второй мировой войны подобное объединение четко ориентировалась на борьбу с внешнеполитическим противником, которым, прежде всего, представлялся тогда Советский Союз. В этом отношении со стоны таких государств «западной демократии» как Великобритания или Франция явно наблюдалось общее стремление развивать европейское сотрудничество, преследующее цель не допустить возникновения разрушительных столкновений в рамках общей «западной цивилизации», к которой, безусловно, относили тогда и наиболее агрессивное государство Европы - нацистскую Германию. Основным же способом решения данной проблемы представлялось мирное соглашение между ведущими западными европейскими державами за счет малых государств, а при удачном раскладе сил – перевода конфликта в русло войны Запада с Востоком, включающего в себя Южную, а также Восточную Европу и в конечном итоге с СССР.

В результате, эта весьма примечательная тенденция четко начала выразиться не только в так называемой «политике умиротворения» Германии. Она затем проявилась в очень своеобразной помощи, которая стала оказываться «демократическими странами» Запада гибнувшей в сентябре 1939 г. Польше, а также в ведении с сентября 1939 г. по май 1940 г. достаточно «странной войны» против Третьего рейха. Весьма примечательным оказалось в это время еще и стремление «коллективным образом» стать на сторону Финляндии в момент «зимней войны» 1939-1940 гг. В сложившейся обстановке, как это не выглядит парадоксально, в Лондоне, например, «кабинет

Чемберлена значительно больше интересовала поддержка финнов против коммунизма, чем предоставление помощи полякам против Гитлера»¹. В этом отношении чрезвычайно примечательным стало и наблюдение финского посланника в Великобритании Г. Грипенберга, который отметил, что интерес к вооруженному столкновению Финляндии и Советского Союза в 1939-1940 гг. «возрос так, что они [страны Запада – В.Б.] забыли о своей собственной» войне². В результате возникло достаточно локальное по времени и широкое по своему масштабу западное единение, которое до сих пор в исследовательской литературе не изучалось, но требует, к себе внимательного отношения.

Безусловно, что возникшая в 1939 г. на Западе политическая линия начала, прежде всего, проявляться в желании в противовес СССР предоставить Финляндии самую разнообразную поддержку. Формы этой поддержки оказались достаточно различными. Они включали политические, экономические, идеологические и военные виды сотрудничества. В этом плане не вызывает сомнения, что подобное единение Запада являлось своего рода уникальным и явно затем уже после окончания Второй мировой войны будет иметь соответствующее продолжение, став характерной уже чертой военно-политической консолидацией западных стран в эпоху, относящуюся к периоду т.н. «холодной войны». При этом особенностью складывающегося в конце 1939 г. единения являлось то, что оно осуществлялась вне рамок какой-либо союзной договоренности. Единственным отчасти соединяющим здесь решением оказалась лишь резолюция Ассамблеи Лиги наций принятой в декабре 1939 г. В ней содержался четкий призыв оказывать всемерную поддержку Финляндии. Однако, значительное число стран, которые

¹ *Colder A.* The Peoples War: Britain 1939 – 1945. N.Y., 1969. P. 75.

² *Gripeberg G.A.* Lontoo-Vatikaani-Tukholma. Hels., 1960. S. 89.

затем стали предоставлять Финляндии помощь не являлись тогда членами Лиги наций, что делало значение этой резолюции недостаточным для возникшего тогда широкого фронта общего, хотя и достаточно локального единения. Поэтому общая консолидация происходила лишь на базе двухсторонних отношений Финляндии с конкретными государствами. Но в целом эти, объединяющие Запад контакты, строились исключительно на практической основе, превращая начавшуюся советско-финляндскую войну лишь в повод для такого единения.

В итоге, возникшая тогда общая консолидация усилий западных стран оказалась весьма необычной. Ее масштаб накануне «зимней войны» в Москве ни коем образом даже не смогли предвидеть. Более того, показательно, что тогда в Советском Союзе просто не замечали особых перспектив в возможной интернациональной поддержке Финляндии. Об этом можно судить из оценки международной ситуации, которую тогда давали советскому руководству по линии политической разведки³. Такого же мнения придерживались и советские дипломаты. В служебном дневнике весьма авторитетный полпред СССР в Лондоне И. М. Майский 29 ноября 1939 г. записал: «Не могут же не понимать финны, что в случае беды они не могут ниоткуда ждать помощи. Кто им поможет? Шведы? Англичане? Американцы? Черта с два!»⁴. Эти эмоциональные слова, в принципе, отражали те взгляды, которые тогда господствовали в СССР. Тем не менее, именно существующие определенные политически неверные представления советского руководства о международной ситуации осенью 1939 г. на Западе сыграли не последнюю роль в принятии Москвой окончательного

³ См.: Зимняя война 1939 – 1940 гг., Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М., 2009. С. 165 – 167, 170.

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 350.

решения, связанного с немедленным началом совершенно до этого не подготовленной войны против соседнего государства.

Поскольку единение оказалось весьма необычным для конкретного хода исторических событий Второй мировой войны, то, вероятно, важно рассмотреть, как оно объективно начало складываться и в чем наиболее отчетливо проявилось, поскольку ход дальнейшего развития событий рубежа 1939-1940 гг. ясно показал, что для внешней политики СССР возникли весьма большие по своим масштабам международные проблемы. Тем не менее, показательно, что сами эти проблемы стали появляться уже на стадии обострения советско-финляндских отношений (осенью 1939 г.), но несоизмеримо усилились, когда война уже началась и стала продолжаться без особых вначале успехов для Советского Союза. В результате, несомненно, процесс западной консолидации четко зависел от тех событий, которые тогда происходили на советско-финляндском фронте.

Любопытно, что на Западе, заняв изначально сторону поддержки Финляндии, вначале не надеялись на способность финской армии эффективно противостоять мощи Советского Союза. Тогда в большинстве лондонских газет, например, расценивали сложившуюся обстановку как лишь катастрофу для официальных финских властей, а министерство иностранных дел Великобритании сочло, что Финляндия уже практически утрачена для западного мира⁵. Все это, естественно, не создавало условий для будущего единения. Однако по мере нарастания сопротивления

⁵ См.: *Nevakivi. J. Apu jota ei pyydetty.* Hels., 1972. S. 68 – 69. Документы внешней политики. Т. XXII, кн. 2. М., 1992. С. 363 – 364, 418, 423, 444; Полпреды сообщают... // Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990. С. 187-188, 206, 208; От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Таллинн, 1990. С.213 – 214.

финских войск и в условиях, когда Красная армия начала терпеть одну неудачу за другой, у западных стран начала нарастать явная внешнеполитическая активность, которая четко была уже направлена на то, чтобы консолидированным фронтом оказать соответствующую помощь Финляндии.

В целом результаты этой общей поддержки Запада достаточно хорошо известны. На открытую конфронтацию с Советским Союзом по «финляндскому вопросу» Запад пойти так и не рискнул. Объединенные войска англо-французской коалиции в Финляндии так и не появились. В Лондоне и Париже дело закончилось лишь только отработкой и согласованиями оперативных планов высадки своих войск на Севере Европы⁶. Но, тем не менее, в годы «зимней войны» на территории Финляндии оказались более 11 тыс. добровольцев из Великобритании, США, скандинавских государств и некоторых других стран,⁷ что явно указывало на существующие на практической основе тенденции уже и в военном плане странам Запада вмешаться в эту войну.

Первый шаг в данном направлении был сделан, когда Швеция разрешила выезд в Финляндию в качестве добровольцев своих военнослужащих. Сохраняя видимость нейтралитета, в Стокгольме лишь требовали соблюдать формальность – военнослужащим необходимо было уволиться из шведской армии⁸. Весьма заметная активность в наборе добровольцев для помощи финской армии наблюдалась и в далекой от Европы и Финляндии

⁶ *Nevakivi. J.* Apu jota ei pyydetty. S. 238 – 263; *Барышников В.Н.* План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 116 – 129.

⁷ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 108.

⁸ *Кан А.С.* Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С. 60.

изоляционистской Америке. В определенной мере этому способствовала позиция, которую занимал президент Ф. Д. Рузвельт. Из советского полпредства в Соединенных Штатах докладывали в Москву: «Рузвельт позвал к себе республиканских и демократических лидеров сената и палаты представителей и предложил им в несколько необычном порядке своего рода “межпартийное перемирие” по вопросу о помощи Финляндии и выступлении против СССР»⁹. При этом речь шла о разнообразной поддержке - политической, экономической и военной. Что касается участия в боевых действиях на финском фронте американских добровольцев, то наибольшее число их составляли, однако лишь финские переселенцы в США. В зарубежной печати сообщалось, что их первая партия прибыла на пароходе в Швецию 21 декабря¹⁰.

Устремившийся с Запада в Финляндию поток добровольцев, естественно, начал совпадать с общим стремлением к международной изоляции СССР. Наряду с исключением Советского Союза из числа членов Лиги наций, которое произошло 14 декабря 1939 г.¹¹, начался явно демонстративный отъезд из Москвы дипломатических представителей европейских государств. Показательным в этом случае являлось то, что из СССР уезжали даже послы тех государств, которые тогда не входили в Лигу наций. В частности, во второй половине декабря покинул СССР, отправившись «в отпуск», посол Италии.

Не менее сложными становились отношения СССР с Францией и Англией. Как докладывал 22 декабря советский полпред в Париже Я. З. Суриц, «финляндская операция в своем теперешнем виде не является, как это

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 233. Донесение полпреда К. Уманского В.М. Молотову, 13.12.1939 г.

¹⁰ Frankfurter Zeitung. 1939. 23. Dez.

¹¹ См.: *Baryšnikov V. Kansainliitto ja talvisota // Ulkopoliitikka. 2005. Vol. 2.*

можно было первоначально предполагать, операцией «местного порядка» и «вводит фактически СССР в круг воюющей против Антанты коалиции». Советский дипломат подчеркивал, что возможен уже разрыв дипломатических отношений¹². Суриц сообщал о намерении Франции оказать Финляндии самую широкую поддержку, включая военные поставки и помощь в разработке направленных против СССР военных операций. Рассматривался даже такой вариант, как вовлечение в антисоветский блок под эгидой Франции ряда стран, в том числе Италии, балканских государств и Турции¹³.

Довольно тревожные сообщения шли в Наркомат иностранных дел и из Лондона. 23 декабря Майский телеграфировал в Москву, что правительство Великобритании «находится в поисках новой ориентации» по «русскому вопросу» и также не исключался разрыв дипломатических отношений с СССР. По мнению Майского, «состояние англо-советских отношений в настоящее время таково, что... нельзя исключить перспективы острых конфликтов и даже открытого разрыва между обеими странами»¹⁴. В итоге, таким образом, для Советского Союза вырисовывалась явно неблагоприятная внешнеполитическая ситуация. Однако, тем не менее, до прямой конфронтации Запада с СССР, как известно, дело так и не дошло.

Объективно, несмотря на возникшее тогда единение западного мира в поддержке Финляндии в ее войне против СССР главным для финского населения оставался лишь очевидный моральный фактор открытой зарубежной помощи. В результате, в финской историографии вообще существует устойчивое представление, что Финляндия, все

¹² Документы внешней политики. Т. XXII, кн. 2. М., 1992. С. 438.

¹³ Там же. С. 439 – 440, 455.

¹⁴ Там же. С. 395 – 396; 436.

же самостоятельно смогла противостоять СССР и именно ее личной заслугой является то, что она не допустила захвата страны войсками Красной армии¹⁵.

Однако эти представления лишь отчасти соответствуют действительности. На самом деле, реальная поддержка Финляндии все же со стороны Запада была оказана и она имела весьма эффективный характер. Именно эта поддержка является тем самым проявлением неформального единения различных западных государств, которая наиболее четко указывает на их определенную консолидацию, несмотря на отсутствие при этом каких либо межгосударственных многосторонних соглашений. В этом плане, очевидно здесь решались реальные стратегические задачи, адресованные ко всем странам Запада. Неслучайно, поэтому уже в конце «зимней войны», по словам финского министра иностранных дел В. Таннера, ему иностранные дипломаты со всей категоричностью заявляли, что «Финляндии суждено сыграть роль важной шахматной фигуры в стратегических планах западных держав» и финны должны понять, что «помощь предложена» им «не за голубые глаза»¹⁶.

Причем здесь наиболее реальная поддержка Финляндии стала выражаться не в прямом военном содействии в продолжении финской армией войны, а в широкой международной финансово-экономической помощи, которая была развернута в Западной Европе и Америке. Именно она сыграла свою далеко не последнюю роль в успешных действиях финских войск в ходе этой войны.

Эффективность в реальных результатах организованной странами Запада консолидированной экономической помощи Финляндии не вызывает сомнения,

¹⁵ См.: Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Jyväskylä, 1997.

¹⁶ *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1951. S. 311.

хотя о ней до сих пор особо не принято вспоминать. В финской исторической литературе существует лишь констатация, что военная экономика страны в целом справилась с возникшей серьезной нагрузкой, которая обрушилась на Финляндию в 1939-1940 гг.¹⁷. Более того, в историю устойчиво внедряется достаточно противоречивое положение, касающееся той роли, которую сыграла в годы войны международная финансово-экономическая поддержка, оказанная Финляндии из-за рубежа. Как в данном случае отметил известный финский историк, профессор Т. Вихавайнен, страна «сама оснащала свою армию». При этом он также подчеркивает, что это утверждение «никак не принижает значение поставок из-за границы». Далее, поясняя свою мысль, Т. Вихавайнен отмечает, что зарубежные «военные поставки хотя и имели важное значение, но в ряде случаев использовать их было затруднительно или вовсе невозможно»¹⁸. В результате в истории явно формируется достаточно неконкретная картина реального значения зарубежной финансово-экономической помощи Финляндии.

Более того, показательно, что и в российской историографии данный вопрос до сих пор специально не исследовался. Лишь иногда на рубеже начала XXI века появлялись отдельные, весьма легковесные работы, где просто копировались финляндские историографические традиции. Наиболее ярким примером в этом плане может служить произведения петрозаводского исследователя Ю. М. Килина, который, особо не задумываясь, весьма

¹⁷ См.: *Seppinen I.* Talvisodan talous – ensimmäinen askel rauhasta sotaan // *Kansakunta sodassa. I osa.* Hels., 1989; *Seppinen I.* Sodan talous // *Talvisodan. Pikkujättiläinen.* Hels., 2002; *Вихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени // *Зимняя война 1939 – 1940.* Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 204 и др.

¹⁸ *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // *Зимняя война 1939 – 1940.* Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 192.

поверхностно вслед за определенными финскими историками, повторял заученный тезис о том, что «за несколькими исключениями, военная техника и снаряжение были куплены правительством Финляндии на обычной коммерческой основе»¹⁹. Естественно, что те оценки значения международной помощи, оказанной Финляндии в ходе «зимней войны», которые давало ранее советское руководство, также подверглись весьма жесткой критике²⁰.

В итоге, чтобы понять значение консолидированной финансово-экономической помощи странами Запада Финляндии, очевидно, следует рассмотреть общее состояние финской экономики накануне начала войны, а также проследить ее дальнейшее развитие в ходе уже самой «зимней войны». Именно это позволит дать объективную оценку результативности и масштабу оказанной странами Запада помощи Финляндии.

И первое, что, вероятно, следует особо учитывать, стал очевидный факт, что, действительно национальная финская экономика добилась с точки зрения ее эффективности весьма позитивного результата. Она в весьма сложной ситуации войны с СССР ни коем образом не развалилась. Это обстоятельство, скорее всего, и явилось главной причиной, почему об оказанной в годы «зимней войны» западной поддержке особо не принято вспоминать или ее значение просто преуменьшается. К тому же последующий ход Второй мировой войны серьезно изменил расстановку сил и ряд тех государств, которые экономически наиболее серьезно поддержали Хельсинки в 1939-1940 гг., затем оказались в одном внешнеполитическом лагере с СССР, разорвав или даже объявив войну Финляндии, что тоже

¹⁹ *Килли Ю. М.* Западная помощь Финляндии в ходе зимней войны в отечественной и зарубежной литературе (планы и реальные результаты) // Политическая история и историография. Петрозаводск, 1994. С. 124–125.

²⁰ *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 192.

следует учитывать, чтобы понять отсутствие большого желания вспоминать о той западной помощи, которая потекла в Финляндию в годы «зимней войны».

Стартовая же позиция в экономическом плане, действительно, в начале Второй мировой войны давала Финляндии мало шансов надеяться на ее способность выдержать серьезные экономические испытания. Так, по крайней мере, оценивали данную ситуацию накануне начала боевых действий советские эксперты. В частности, временный поверенный в делах СССР в Финляндии Е. Т. Синицын 12 ноября 1939 г. писал в наркомат иностранных дел: «Мне кажется, что их петушиной позы (речь идет о срыве советско-финляндских приговоров в Москве – В. Б.) хватит очень ненадолго. Известно, что финны сейчас тратят на армию в день 60 мил. финск. марок. При их бюджете этого одного факта достаточно, чтобы вызвать банкротство страны²¹. Подобную же информацию тогда докладывали И. В. Сталину²² и, очевидно, в Москве тоже учитывали это обстоятельство, когда принимали осенью 1939 г. решение о необходимости немедленно начать войну против Финляндии.

В целом, действительно в преддверии «зимней войны» экономическая ситуация в стране была далеко не блестящей. Как заметил финский исследователь И. Сеппинен, «с началом мировой войны международные условия торговли ухудшились: быстро и резко»²³. Прежде всего, ее начало, несомненно, оказало воздействие на общий торговый оборот Финляндии. Он уже в сентябре серьезно сократился. Это было вызвано очевидными сложностями, связанными с невозможностью сохранения прежних

²¹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 1. Л. 22. Из письма поверенного в делах Елисеева (Синицына – В.Б.) заместителю наркома Деканозову, 12 ноября 1939 г.

²² См.: Синицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 37.

²³ *Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Helsingi, 1983. S. 33.*

торговых связей с теми государствами, которые в это время уже вступили в войну. При этом страны, изначально принявшие участие во Второй мировой войне, являлись еще для Финляндии главными внешнеторговыми партнерами. Так, в частности, финский экспорт в Германию и Англию составлял в 1939 г. более чем 40 процентов. Более половины всего импорта также шло в Финляндию именно из этих стран²⁴. Однако, как известно, с началом войны «вопрос заключался не только в торговле, но и в политической ориентации противоборствующих сторон»²⁵. 3 сентября 1939 г. Великобритания объявила блокаду Германии, что начало сказываться на надежности внешнеторговых операций рейха. В Берлине со своей стороны тоже стремились перекрыть торговые коммуникации Англии, что выразилось, в частности, в активном морском минировании северных морей²⁶. В результате осенью 1939 г. пострадало 8 финских кораблей и погибло 24 моряка²⁷. Это были первые финские жертвы Второй мировой войны и Финляндия, естественно, не могла теперь в прежнем объеме сохранять свою внешнюю торговлю.

Кроме того финское правительство само искусственно начало сворачивать свой экспорт. 2 сентября в Хельсинки принимается решение, по которому, с целью экономии ресурсов, запрещался вывоз из страны всех необходимых для нее товаров²⁸. Таким образом стал свертываться экспорт, который упал в 1939 г. на 14 процентов²⁹.

²⁴ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 216.

²⁵ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 33.

²⁶ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 26.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.* S. 20 – 21; *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 213; *Seppinen I.* Sodan talous // *Talvisodan. Pikkujättiläinen.* Hels., 2002. S. 704.

²⁹ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 214.

Вслед за этим последовало естественное сокращение объемов производства продукции всех внешнеторговых предприятий Финляндии. В итоге выпуск экспортных видов товаров уже в конце октября 1939 г. сократился вдвое³⁰. Это, соответственно, привело к стремительному снижению притока в страну иностранной валюты³¹.

Также весьма серьезной проблемой, которая тоже оказалась во многом следствием начала Второй мировой войны, стал возникший тогда дефицит в энергоносителях. Прежде всего, это касалось запасов каменного угля и жидкого топлива. Их в Финляндии накануне войны было весьма немного. Причем начать срочные закупки этого сырья за границей, в новых условиях, стало довольно сложной проблемой³². В результате, считалось, что осенью 1939 г. запасов, в частности, бензина необходимого для авиационных двигателей оставалось лишь только на один месяц³³. Требовалось срочно наладить его жесткую экономию. Причем все эти мероприятия осуществлялись в соответствии с принятым еще весной 1939 г. законом, который уже тогда предполагал начать формирование резервных государственных запасов на случай вступления страны в период военного времени³⁴.

Не менее серьезной проблемой, с которой столкнулась тогда Финляндия, была необходимость устойчивого

³⁰ Ibid. S. 216.

³¹ *Seppinen I.* Talvisodan talous – ensimmäinen askel rauhasta sotaan // Kansakunta sodassa. I osa. Hels., 1989. S. 173; *Вихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 204.

³² *Seppinen I.* Talvisodan talous – ensimmäinen askel rauhasta sotaan // Kansakunta sodassa. I osa. Hels., 1989. S. 174; *Seppinen I.* Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 705.

³³ Kansallisarkisto (KA). Mannerheimin G. Kokoelma. 125. Taloudelliset puolustus valmistelut ennen talvisotaa

³⁴ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Hels.-Porvoo, 1951. S. 41.

обеспечения населения страны продуктами питания. В частности, достаточно сложным оказалось положение с запасами хлеба³⁵. Срочно требовалось создание дополнительного резервного фонда. Однако, не смотря на то, что летом 1939 г. было издано ряд законов об организации складов с «неприкосновенным запасом», к масштабному заполнению специально создаваемых еще с конца 1920-х гг. зернохранилищ смогли приступить только к началу осени³⁶. При этом урожай зерна в 1939 г. оказался значительно ниже, чем в предшествующий период³⁷. В результате, стало очевидно, что «продовольственных резервов страны могло хватить только на полгода, т.е. до весны 1940 г.»³⁸. Поэтому с осени стали предпринимать энергичные меры по организации непрерывных закупок хлебного зерна за границей³⁹. Но и здесь возникли серьезные трудности, поскольку возможность пополнения запасов за рубежом, в условиях войны в Европе, становилась достаточно непростой задачей. К тому же покупка импортного зерна требовала серьезных валютных вложений, которые усугублялись еще транспортными проблемами, вызванными все той же войной⁴⁰. Вследствие этого в Финляндии опять начали изыскивать сугубо внутренние ресурсы, что привело к попытке регламентации потребления продуктов питания и организации карточной системы⁴¹. Причем нормированное

³⁵ *Seppinen I.* Talvisodan talous – ensimmäinen askel rauhasta sotaan // Kansakunta sodassa. I osa. Hels., 1989. S. 174.

³⁶ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 63, 51.

³⁷ См.: *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919-1950. Porvoo-Hels., 1967. S. 208.

³⁸ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 51.

³⁹ *Seppinen I.* Talvisodan talous – ensimmäinen askel rauhasta sotaan // Kansakunta sodassa. I osa. Hels., 1989. S. 174.; *Seppinen I.* Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 705-706.

⁴⁰ См.: *Leppänen S.* Kuljetuslaitos 1919 – 1950 // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950. S. 134.

⁴¹ *Mitä, missä, milloin 1952.* Hels., 1951. S. 121; Финляндский капитализм.

распределение товаров могло коснуться практически всех важнейших видов продуктов питания⁴², а их распределение по карточкам стало в последующее время колебаться от 20 до 60 процентов⁴³. Эти экстренные и сверх обычные действия, естественно, стали давать соответствующие результаты, создавая определенную перспективу удовлетворить текущие потребности населения в продуктах питания вплоть до получения в 1940 г. нового урожая.

Но самым важным тогда оставалось решение вопросов, связанных с обеспечением армии необходимым ей вооружением. Как заметил военный министр Ю. Ниукканен, «когда стало ясно», что Финляндия «находится на пороге большой войны», его министерство начало работать «с высочайшим напряжением»⁴⁴. По предложению экономического совета обороны была одобрена новая дополнительная программа широких закупок за рубежом новейших видов вооружения. Особенно этот процесс набрал силу с осени 1939 г., после создания специального совета по вооружению, который возглавил генерал-майор Р. Вальден. Именно тогда уже начались самые масштабные закупки нового вооружения за рубежом, а в Финляндии стремительно стали увеличиваться все военные расходы. Только в октябре они возросли на 50 мил. фин. марок⁴⁵.

М., 1983. С. 38.

⁴² См.: *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 51.

⁴³ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 232.

⁴⁴ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Hels.-Porvoo, 1951. S. 45.

⁴⁵ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Hels.-Porvoo, 1951. S. 214. Именно это, вероятно, имел ввиду советский представитель в Хельсинки Е. Т. Сеницын, когда докладывал в СССР о суммах финансовых вложений, которые «финны сейчас тратят на армию» (См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 1. Письмо поверенного в делах Елисеева /Сеницына – Авт./ заместителю наркома Деканозову, 12 ноября 1939 г. Л. 22).

В это время были достигнуты важные договоренности о поставках в Финляндию боевой авиации из Италии. Кроме того в Швеции и Венгрии начали производить срочные закупки недостающих для финской армии типов артиллерийских орудий, а из Югославии стали поступать новые партии стрелкового вооружения⁴⁶. Весьма оптимистическим, в это время, оказался результат переговоров о поставках вооружения из Соединенных Штатов Америки⁴⁷. Таким образом, в данный момент стала складываться широкая коалиция государств, которая выразила готовность налаживать разнообразные военные поставки в Финляндию.

Даже Германия, связанная договором с СССР, тоже «с полным пониманием» отнеслась к военно-экономической ситуации в Финляндии⁴⁸ и также оказалась готова провести переговоры о продаже ей большой партии вооружения. Речь шла о возможной закупке в рейхе 240 артиллерийских орудий, а также ряда кораблей и торпед⁴⁹. Эти поставки Берлин однако в полном объеме осуществить так и не смог, поскольку немцы стремились «избежать впечатления, что они занимаются вооружением Финляндии... против Советского Союза»⁵⁰. Поэтому до начала войны Финляндия из рейха получила лишь 40 орудий.⁵¹ Тем не менее, как отмечают исследователи, «за исключением экспорта меди и покрытых глубокой тайной поставок вооружения, финляндско-германская торговля продолжалась “без сучка

⁴⁶ *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 193.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 37.

⁴⁹ *Ibid.* S. 35.

⁵⁰ *Ibid.* S. 36.

⁵¹ *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 193.

и задоринки»⁵².

Но и это до конца не устраивало военные круги Финляндии. Накануне войны, 27 ноября 1939 г., К. Г. Маннергейм в своем послании президенту страны К. Каллио отметил, что руководству страны явно не следовало продолжать «полагаться на совершенно ограниченные возможности отечественного производства». В своем послании он, в частности, настаивал на еще больших и срочных закупках «всего необходимого для укрепления обороны». С этой целью Маннергейм уже от президента потребовал «дать максимальную свободу действий военному ведомству»⁵³. При всем том, как отмечают отдельные финские исследователи, у руководства страны действительно «не было согласованного плана или предварительно продуманной политики» в отношении военных закупок⁵⁴. Но предлагаемые маршалом Финляндии экстренные меры действительно стали осуществляться и «внешнеторговая политика с началом Второй мировой войны была существенно изменена»⁵⁵, что, несомненно, позволило все же начать наращивание поставок вооружения из-за рубежа.

В итоге предпринятых экстренных мер, к моменту возникновения «зимней войны» экономически Финляндия подошла к ней весьма организованно. И хотя маршал К. Г. Маннергейм в своих мемуарах все же критиковал изначальную неспособность финской военной экономики обеспечить войска всем необходимым и даже горестно заметил, что «мы вынуждены были довольствоваться заранее неподготовленной и слабо организованной военной экономикой, которая, несмотря на свою военную

⁵² *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 36 – 37.

⁵³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 131 – 133.

⁵⁴ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 231.

⁵⁵ *Ibid.* S. 232.

профилизацию, оказалась недостаточно эффективной»⁵⁶, тем не менее, общий экономический результат, как показала уже сама война, оказался весьма позитивным. Критическое же мнение Маннергейма в отношении организации финской военной экономики, возможно, было вызвано тем, что в 1930-е гг. правительство не всегда поддерживало большинство выдвигаемых маршалом инициатив, связанных с увеличением военного финансирования и расширением иностранных военных закупок⁵⁷. Более того, у маршала возникли тогда серьезные противоречия, связанные с «экономической политикой» военного министра Ю. Нюкканен. Маннергейм считал, что военное ведомство действует недостаточно эффективно, в результате чего «у армии отсутствует должная оснащенность»⁵⁸. Это, прежде всего, относилось к предлагаемым им масштабным закупкам вооружения за границей.

Тем не менее, «внешнеторговая политика с началом Второй мировой войны была существенно изменена»⁵⁹, а меры, которые приняло правительство осенью 1939 г., позволили все же начать наращивание зарубежных поставок вооружения. В результате это ясно указывало на то, что еще до начала «зимней войны» Финляндия четко стремилась опереться на иностранную военную поддержку и, более того, постепенно уже начала складываться коалиция государств, придерживавшихся различной политической ориентации, но готовых оказать Финляндии в противовес СССР военно-экономическую поддержку. И, несмотря на недовольство Маннергейма в неэффективности действий правительства в направлении усиления оснащения армии вооружением, все же обозначились явно перспективные тенденции к

⁵⁶ *Mannerheim G. Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 150 – 151.*

⁵⁷ *Ibid. S. 129 – 133.*

⁵⁸ *Sélen K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931 – 1939. Keuruu, 1980. S. 333.*

⁵⁹ *Ibid. S. 232.*

решению поставленных маршалом задач, которые могли в будущем дать явный позитивный результат. Благодаря заранее принятым мерам, в стране за короткий срок осени 1939 г. удалось приступить к широким закупкам для нужд армии отсутствующего у нее иностранного вооружения.

В итоге, с имеющимся у Финляндии экономическим потенциалом, страна достигла, как представляется, оптимального результата, а сами боевые действия финской армии против СССР, по мнению историка И. Сеппинена, стали для Финляндии примером осуществления ярко выраженной «тотальной войны»⁶⁰. Более того, парадокс складывающейся тогда ситуации заключался еще и в том, что предварительные приготовления оказались настолько удачными, что начавшаяся 30 ноября война серьезно даже не повлияла на экономическую обстановку в стране. В Финляндии нечего экономически не изменилось, поскольку к этому времени уже сложилась весьма стройная система государственного регулирования. Начавшаяся война даже не отразилась, как это предсказывали советские эксперты, на финансовом положении. Накануне начала войны в Финляндском банке были произведены соответствующие валютные ограничения, которые позволили существующие золотовалютные запасы государства продолжать сохранять, перераспределяя лишь их определенные потоки⁶¹.

Тем не менее, война потребовала колоссальных финансовых расходов, которые, прежде всего, вызвались необходимостью безусловного расширения военного производства и переходу уже к весьма масштабным закупкам вооружения и боевой техники за рубежом. И вот именно в этом плане разворачивающаяся на Западе поддержка сыграла такую роль, которую можно считать определяющей. Именно благодаря начавшейся тогда

⁶⁰ *Seppinen I. Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 697.*

⁶¹ *Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 232.*

помощи Финляндия смогла в экономическом, а затем и в военном плане выдержать обрушившийся на нее удар.

Прежде всего, стало очевидно, что ряд ведущих государств Запада, в условиях начавшейся «зимней войны», изъявили готовность предоставить финскому руководству соответствующие кредиты, демонстрируя в этом очевидную солидарность. В частности, в Финляндии кредиты стали получать от банков США, Великобритании и Швеции.

С целью предоставления кредитов 5 декабря 1939 г. в Соединенных Штатах была образована Финско-американская торговая корпорация, через которую в Финляндию из США предполагалось перевести 10 мил. долларов. 11 декабря американская печать сообщала, что эти деньги переводились для того, чтобы финны смогли приобрести продукты питания и товары гражданского производства «исключительно из Соединенных Штатов»⁶². Благодаря стараниям этой корпорации, 15 декабря в Финляндию действительно поступил значительный денежный транш, на сумму 1 мил. 700 тыс. долларов. Однако он выделялся уже не для покупки «гражданской» продукции, а для приобретения, прежде всего необходимой финской армии боевой техники, а также вооружений⁶³. Более того, как только финские войска сумели выдержать первый удар Советского Союза и остановить наступление Красной армии, Финско-американская торговая корпорация, используя складывающуюся ситуацию на фронте, добилась ускорения процесса новых финансовых поступлений. В январе 1940 г. денежный транш чуть ли не

⁶² Foreign relations of the United States. Diplomatic papers. 1939. Vol. I. General. Washington: U.S. Government Printing Office, 1956. P. 1026.

⁶³ *Seppinen I.* Sodan talous // *Talvisodan. Pikkujättiläinen.* Hels., 2002. S. 707; Foreign relations of the United States. Diplomatic papers. 1939. Vol. I. General. Washington: U.S. Government Printing Office, 1956. P. 1030 – 1031.

в десять раз превзошел уже первоначальный план⁶⁴.

Нельзя, конечно, сказать, что кредитные поступления ни чем Финляндию не ограничивали. Они, безусловно, влекли за собой рост государственного долга, который в 1939 г. по сравнению с 1938 г. подскочил вдвое, а в 1940 г. в целом составил 528 процентов довоенного⁶⁵. Более того, Финляндии пришлось начать активную распродажу золотовалютных резервов. Она продала золота на сумму около 600 миллионов марок в 1940 г.⁶⁶. Это составляло почти 60 процентов золотого запаса страны. В итоге валютные и золотые резервы в стране резко сократились⁶⁷. Но для Хельсинки, конечно, являлось самым важным, что крупная финансовая поддержка со стороны Запада все же начала осуществляться. Для воюющей страны она представлялась крайне востребованной, поскольку поступающие в Финляндию деньги были остро необходимы именно для вооруженных сил страны.

Действительно, получаемые Финляндией из-за рубежа средства шли, прежде всего, на обеспечение военных расходов. На армию работала практически вся финская экономика. Таким образом, начавшиеся масштабные расходы, которые, как заметил И. Сеппинен, стали «беспощадно обстреливать» государственный бюджет⁶⁸, приобрели просто гигантские размеры⁶⁹. Все это создавало реальный финансовый дефицит⁷⁰, который мог быть погашен только поступающими средствами из-

⁶⁴ *Seppinen I.* Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 707.

⁶⁵ *Pihkala E.* Sotatalous 1939 – 44 // Suomen taloushistoria. Os. 2. Hels., 1982. S. 325.

⁶⁶ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 37.

⁶⁷ *Ibid.* S. 37, 233.

⁶⁸ *Seppinen I.* Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 708.

⁶⁹ *Pihkala E.* Sotatalous 1939 – 44 // Suomen taloushistoria. Os. 2. Hels., 1982. S. 325.

⁷⁰ *Seppinen I.* Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002. S. 709.

за границы. Более того, направляемые от стран Запада в Финляндию деньги оказались достаточно эффективно использованы. Финское военное производство непросто выдержало возникшее в результате начавшихся боевых действий напряжение, но и добилось серьезных позитивных результатов. Более того, в итоге войны армия оказалась даже значительно лучше оснащена, чем это было до начала боевых действий. Это являлось несомненным показателем достигнутого тогда позитивного результата. Предприятия, работавшие на военные заказы, по сравнению с 1938 г., увеличили объем выпускаемой продукции в 1939 г. на 96 процентов, а в последующий 1940 г. в целом сразу на 313 процентов⁷¹.

В целом, экономические успехи, достигнутые в годы «зимней войны», позволяли надеяться на хороший результат для финской военной экономики и в дальнейшем⁷². Многие в руководстве страны рассчитывали, что Финляндия после окончания «зимней войны» даже окажется в состоянии взять реванш у СССР. Неслучайно поэтому современные финские историки указывают на то, что Финляндия показала способность «успешно преодолевать трудности зимней войны в значительной мере за счет внутренних резервов»⁷³. Обращая внимание на этот фактор, исследователи все же упускают главное. На самом деле, результаты, которые удалось достигнуть в оснащении финской армии вооружением, во многом, были связаны не с потенциальными возможностями финской экономики, а, прежде всего, с масштабной помощью, предоставленной Финляндии из-за рубежа. Именно благодаря общей консолидации стран Запада, Финляндия,

⁷¹ *Lehtinen A. Pototalous 1939 – 1945 // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950. Porvoo-Hels., 1967. S. 212.*

⁷² *Ibid. S. 200.*

⁷³ *Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 206.*

очевидно, добилась для себя наиболее благоприятного экономического результата.

Анализ общих показателей оснащенности финской армии вооружением свидетельствует, что важные его составляющие поступали в Финляндию из-за границы. В частности, в годы войны Финляндия получила приблизительно столько же артиллерийских орудий (1132), сколько у нее имелось до ее начала (1134)⁷⁴. Это означало, что за время войны совершилась замена или удвоение в этом отношении артиллерийского арсенала финской армии. Произошло также перевооружение финских военно-воздушных сил. Если в начале «зимней войны» финская армия имела всего 114 действующих самолетов⁷⁵, которые к тому же были достаточно низкого качества⁷⁶, то за три с половиной месяца войны, благодаря массированным зарубежным поставкам, их стало уже 397⁷⁷. В результате, как считает военный историк М. Пелтонен, ситуация после окончания войны «стала лучше, чем, когда война началась». При этом исследователь подчеркивает, что здесь происходил не только количественный рост числа финских боевых самолетов, но в лучшую сторону изменялся и «их качественный уровень»⁷⁸.

Военные поставки в Финляндию шли, естественно, по различным видам вооружения. Причем география этих поставок оказалась достаточно разнообразной. Это

⁷⁴ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Hels.-Porvoo, 1951. S. 168 – 172.

⁷⁵ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 80; *Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 197.

⁷⁶ *Peltonen M.* Ilmasota talvisodassa // Talvisodan. Pikkujättiläinen. S. 608 – 609, 616 – 617.

⁷⁷ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Hels.-Porvoo, 1951. S. 194 – 195.

⁷⁸ *Peltonen M.* Ilmasota talvisodassa // Talvisodan. Pikkujättiläinen. S. 619.

видно из Таблицы 1, которая была составлена на основе данных, приведенных в воспоминаниях финского военного министра Ю. Ниюкканена⁷⁹, чье ведомство решением этих вопросов, собственно, и занималось.

Примечательно, что сведения, содержащиеся у Ю. Ниюкканена, фактически, совпадают с рядом показателей поставок Финляндии вооружения в период советско-финляндской войны, на которые указал В. М. Молотов, когда 29 марта 1940 г. выступил на VI-й сессии Верховного совета СССР. Конкретно, в докладе отмечается, что Финляндия получила из-за рубежа 350 самолетов, 1500 орудий, 600 тыс. гранат⁸⁰.

С другой стороны, профессор Т. Вихавайнен в своем исследовании, оспаривая приводимые Молотовым сведения, обращает внимание еще и на другой аспект данных поставок. Он замечает, что в самих военных поставках из-за рубежа «вопрос стоял не о “помощи”, а о торговой сделке» и, аргументируя эту мысль, указал, что «собственно помощью можно считать поставки, не предусматривавшие какой-либо компенсации». При этом Т. Вихавайнен прямо утверждает, что без «компенсации» в Финляндию поставлялась «лишь незначительная часть от всех заказов» и «зимняя война не финансировалась за границей бесплатно»⁸¹.

Данная констатация известного финского исследователя, однако, может считаться справедливой лишь только отчасти. Действительно, Финляндия, практически не имевшая до войны внешнего долга, превратилась за время «зимней войны» в финансовом отношении в серьезно-зависимое от Запада государство. Ярким показателем в

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Правда. 1940. 30 марта.

⁸¹ Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 192, 198.

Таблица 1. Сводная таблица военных поставок в Финляндию

страна	орудий	снаряд. (тыс.)	гранат (тыс.)	патронов (млн.)	тягачей, танков	торпед	мин	тор. катер.	самолетов
Франция	210 *	346	20	11	-	-	-	-	156
Англия	121	211	40	20	28	20	450	4	99
США	232	350	150	68	-	-	-	5	44
Швеция	200 **	225	-	17	-	-	-	-	38
Норвегия	12	7	-	-	-	-	-	-	-
Дания	178	-	-	-	-	-	-	-	-
Венгрия	40	11	300	-	-	-	-	-	-
Италия	60	408	-	-	-	35	150	5	35
Германия	30	-	-	100	-	-	-	-	-
Бельгия	13	300	-	-	-	-	-	-	-

страна	орудий	снаряд. (тыс.)	гранат (тыс.)	патронов (млн.)	тягачей, танков	торпед	мин	тор. катер.	самолетов
Испания	36	36	-	-	-	-	-	-	-
ЮАР	-	-	-	-	-	-	-	-	25****
<i>ИТОГО</i>	1132****	1 млн. 993 тыс.	510	216 млн. 100 тыс.	28	55	600	14	397*****

*Следует учитывать, что в исторической литературе существуют различные сведения об оказании французской помощи Финляндии. Так, известный финский историк, профессор Ю. Невакиви указывает, что Франция в годы войны поставила Финляндии 352 артиллерийских орудия (Nevakivi J. Ranska Suomelle talvisodan 1939-40 aikana tarjoamasta sotilasavustus // Taide ja ase. 1976, № 34. S. 104-105). Петрозаводский же исследователь вообще этот показатель снизил до 76 орудий (Килян Ю. М. Западная помощь Финляндии в ходе зимней войны в отечественной и зарубежной литературе /планы и реальные результаты. С. 125).

** Профессор Т. Вихавайнен отмечает помощь Швеции лишь в 101 артиллерийском орудии (Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 196).

*** Южноафриканский Союз, являясь доминионом Великобритании, передал Финляндии бесплатно 25 истребителей английского производства «Глостер Гладиатор».

**** Исследователь Т. Вихавайнена указывает только 595 артиллерийских орудий (Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 196).

***** Многие поступавшие в Финляндию в годы войны военные самолеты передавались финской армии без всякой денежной компенсации, в виде дара (см. Peltonen M. Ilmasota talvisodassa // Talvisodan. Pikkujättiläinen. S. 619). Однако число полученных самолетов у разных историков различается. Так исследователь М. Пелтонен указывает на 194 переданных в годы войны Финляндии самолета (Peltonen M. Ilmasota talvisodassa // Talvisodan. Pikkujättiläinen. S. 619), у профессора Т. Вихавайнена их количество еще меньше – 134 (Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 197).

этом отношении стало то, что более половины всех финских внешних займов, которые страна получала за весь период Второй мировой войны (1939-1945 гг.), приходилось на время именно «зимней войны» (1939-1940 гг.)⁸².

Однако следует учитывать и другое. На самом деле, ситуация с поставками в Финляндию была несколько иной, чем это вытекает из исследования Т. Вихавайнена. Далеко не за все товары, поступающие с Запада, Финляндия «вынуждена была платить». Это сейчас открыто признают вполне авторитетные финские исследователи⁸³. Как замечает по данному поводу историк И. Сеппинен, который специально занимался вопросами финской внешней торговли в годы Второй мировой войны, все же, тогда эти «пожертвования, - как он их назвал, - играли важную роль»⁸⁴. Объективно, по его данным, значительная часть иностранных военных поставок, на сумму около 2 млрд. фин. марок, поступала в Финляндию, прежде всего, в виде простого «дарения»⁸⁵. Это означало, что страна получала «пожертвования» от стран Запада лишь немногим меньше половины всех прибывающих в государство в годы войны товаров, поскольку общее международное снабжение Финляндии за три с половиной месяца боевых действий достигло в денежном эквиваленте рекордной цифры - 4,6 млрд. фин. марок. В итоге, реально в Финляндию прибывал колоссальный поток импортных товаров, который за 101 день войны по своему объему сравним лишь с целым

⁸² *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 228.

⁸³ См.: *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 37; *Nummela I.* Inter arma silent revisores rationum. Toisen maailmansodan aiheuttama taloudellinen raskaus Suomessa vuosina 1939 – 1952. Jyväskylä, 1993. S. 67; *Peltonen M.* Ilmasota talvisodassa // *Talvisodan. Pikkujättiläinen.* S. 619.

⁸⁴ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 37.

⁸⁵ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939 – 1944. Hels., 1983. S. 37.

семилетним периодом во внешнеторговом обороте Финляндии накануне «зимней войны»⁸⁶.

Причем весьма значительная часть западных поставок представляла собой именно форму «пожертвований». В этом отношении больше всех товаров в пересчете на деньги направлялось из соседней Швеции⁸⁷ и собственно от нее, что также не скрывает и Т. Вихавайнен, поступили Финляндии наибольшие «добровольные пожертвования», которые составили 500 млн. марок⁸⁸. Характерным, однако, является то, что «подарки» приходили не только от близкого во всех отношениях к Финляндии государства. Помощь, в денежном выражении, поступающую на военные цели, Финляндия получала от самых различных государств. Начиная от нейтральных и заканчивая теми, кто, как это не парадоксально, в то момент воевал между собой. Конкретно Швеция оказала Финляндии помощь в общей сумме 1 470 мил. марок, Италия – 790 мил. марок, Франция – 600 мил. марок, Англия – 500 мил. марок, Бельгия – 500 мил. марок, США – 270 мил. марок, Венгрия – 100 мил. марок, Норвегия – 80 мил. марок, Дания – 70 мил. марок, Испания – 55 мил. марок, Германия – 35 мил. марок, Швейцария – 35 мил. марок⁸⁹.

Таким образом, складывалась весьма необычная по своей сути ситуация, где весь западный мир «бескорыстно» принялся поддерживать Финляндию. Это единение даже не потребовало какого-либо специального

⁸⁶ Häikiö M. Suomi jäi yksi talvisodassa – vai jäikö? // Kanava. 1989, № 6. S. 339.

⁸⁷ Ibid; Nummela I. Inter arma silent revisores rationum. Toisen maailmansodan aiheuttama taloudellinen rasitus Suomessa vuosina 1939 – 1952. Jyväskylä, 1993. S. 67 – 68.

⁸⁸ Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939 – 1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 198.

⁸⁹ Nummela I. Inter arma silent revisores rationum. Toisen maailmansodan aiheuttama taloudellinen rasitus Suomessa vuosina 1939 – 1952. Jyväskylä, 1993. S. 339.

межгосударственного многостороннего соглашения. Причем возникшая «бескорыстность» имела достаточно явную политическую направленность, которая обуславливалась единением стран Запада против общего противника – СССР. Эффективность же этой западной поддержки Финляндии, очевидно, все же трудно переоценить.

В результате оказанной тогда Финляндии международной финансово-экономической помощи страна, несомненно, справилась с потребностями ведения масштабной войны. Это позволило известному финскому историку-экономисту профессору Э. Пихкела, даже прямо заметить, что Финляндией «из-за отсутствия экономических проблем зимняя война велась непринужденно»⁹⁰. Безусловно, предоставляемая западная помощь сыграла, по своей сути, крайне важную, стабилизирующую роль и позволила добиться преодоления проявлений кризисных явлений в области экономики, которые, несомненно, должны были возникнуть у небольшого государства в условиях начавшейся войны.

Но финансово-экономическая помощь Запада имела для Финляндии и свои отрицательные последствия. Она явно деформировала и искажала реальную картину экономического состояния страны. Благоприятные экономические результаты, достигнутые с помощью импортных поставок и мобилизации внутренних ресурсов, не могли гарантировать стабильное поступательное развитие в дальнейшем. Более того, путь максимального регулирования экономическими процессами и широкомасштабная попытка расширения военного производства за счет гражданских отраслей не позволяли рассчитывать на то, что в случае дальнейшего продолжения войны, финская экономика сможет без массивной

⁹⁰ *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestettiin taloudellisesti // *Jatkosodan kujanjuoksu.* Porvoo-Hels.,-Juva, 1982. S. 89.

помощи извне избежать своего полного краха.

В целом, цифры общего объема производства в 1940 г. говорили о том, что экономический кризис в Финляндии уже на самом деле наступил. Объективно, объем выпуска промышленных товаров в стране быстро сократился. По основным показателям его падение в 1940 г. было стремительным и самым мощным за все годы Второй мировой войны⁹¹. Предприятия, которые в предшествующий период являлись ключевыми и базовыми в финской промышленности, давая ранее до 67,86 процентов всего объема промышленного производства (бумажная, пищевая, машиностроительная, деревообрабатывающая, химическая, энергетическая), теперь резко уменьшили выпуск своей продукции. Так производство продукции лесной отрасли, которая традиционно работала на экспорт, составила лишь 45 процентов довоенного (1938 г.)⁹². Особенно стремительное происходило сокращение выпуска товаров всех видов гражданских отраслей. Их показатели упали сразу и даже вместе с предприятиями, обеспечивающими военное производство, сократились на 27 процентов от довоенного уровня⁹³. Также в кризисном положении оказался транспорт. Он работал на 88 процентов своей прежней мощности. В целом национальный доход страны в 1940 г. сократился на 14 процентов. Это был самый низкий показатель за весь период Второй мировой войны⁹⁴. Таким образом, как отметили финские историки,

⁹¹ См.: *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 212.

⁹² *Pihkala E.* Sotatalous 1939 – 44 // *Suomen taloushistoria.* Os. 2. Hels., 1982. S. 321.

⁹³ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 212.

⁹⁴ См.: *Pihkala E.* Sotatalous 1939 – 44 // *Suomen taloushistoria.* Os. 2. Hels., 1982. S. 321.

«зимняя война оставила тяжелое бремя»⁹⁵, которое не могло не оказывать влияние на последующий характер экономического развития страны.

Вся эта тяжелая экономическая ситуация усугублялась стремительно ухудшающимся финансовым положением. Стремление государства с начала войны в интересах обороны и потребностей национального обеспечения, а также для общей стабилизации всей экономической жизни в условиях военного времени начать обеспечивать регламентацию в осуществлении валютных сделок банковских учреждений, не дало масштабного эффекта. За годы «зимней войны» стала быстро развиваться инфляция, которая составила 22 процента⁹⁶.

В целом, экономический аспект участия Финляндии в боевых действиях против СССР в 1939-1940 гг. стал ярким примером уникальности советско-финляндской войны. Действительно, небольшое государство смогло выдержать мощный удар своего соседа. Финская армия не была разгромлена и смогла отстоять государственную независимость. Безусловно, это стало следствием героических усилий всего населения страны. Экономические же показатели военного времени также являлись хорошей иллюстрацией произошедшего «чуда». Однако, очевидно, что именно в экономике очень хорошо заметно и другое. Финляндия здесь не осталась в одиночестве перед мощью великой державы. Она получала достаточно эффективную поддержку из-за рубежа и эта поддержка сыграла несомненную роль в тех достижениях, которые конкретно коснулись экономических усилий государства в способности продолжать войну.

⁹⁵ *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestettiin taloudellisesti // *Jatkosodan kujanjuoksu.* Porvoo-Hels.,-Juva, 1982. S. 89.

⁹⁶ *Seppinen I.* Sodan talous // *Talvisodan. Pikkujättiläinen.* Hels., 2002. S. 708; См. также: *Lehtinen A.* Sotatalous 1939 – 1945 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919 – 1950.* Porvoo-Hels., 1967. S. 229.

Сама же интеграция стран западного мира, в остром стремлении оказать Финляндии помощь в ее борьбе с Советским Союзом, являлось лишь эпизодом или только временной моделью объединения. Моделью, которая не была полностью воплощена в жизнь в виду краткосрочности хода советско-финляндской войны. Однако проявившееся тогда тенденция, направленная на определенное единение стран Запада против СССР, указывало на то, что она во многом была в состоянии перерасти из весьма локальной поддержки одному из воюющих государств в масштабное противодействие Советскому Союзу. Это, очевидно, смогло бы даже поменять сам характер Второй мировой войны.

Тем не менее, обозначившееся в годы советско-финляндской войны 1939-1940 гг. модель западного единения все же затем смогла оформиться. Но она возникла в иных условиях во второй половине XX-го века, связанных уже с возникновением ярко выраженного биполярного строения международных отношений, а также в результате начала уже не «зимней», а «холодной войны».

ГЛАВА III.
ЕДИНАЯ ЕВРОПА
СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.
И ПРОБЛЕМЫ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

**1. Германия в европейском интеграционном процессе
во второй половине XX – начале XXI вв.**

Несмотря на то, что Германия потеряла после Второй мировой войны около 100 тыс. квадратных км территории, ныне она является локомотивом европейской экономики, наиболее динамичной и устойчивой в политическом отношении, а также, безусловно, стержнем европейской интеграции. Ведущая роль ФРГ во всех европейских делах предполагает высокую степень влияния и ставит Европу в зависимое от этой страны положение. Можно сказать, что демократическая Германия стала доминирующей страной в Европе, к чему в свое время стремился безобразными и негодными средствами Гитлер. Нынешняя ФРГ добилась всего совершенно лояльным по отношению ко всему миру путем, сделав ставку на развитие демократической политической культуры при отказе от всякого национализма, ориентируясь исключительно на либеральные ценности, правовое государство и социальную рыночную экономику.

Именно вследствие этого современное состояние европейской интеграции не было возможно без радикальных перемен и политического и морального плана в Германии с конца 1960-х гг. Эти перемены связаны с преодолением нацистского прошлого. ГДР и ФРГ создавались на развалинах Третьего Рейха, они сопряжены с его

преодолением, поэтому непрекращающийся в Германии интерес и внимание к интерпретациям нацизма является отнюдь не только историческим, а самым что ни на есть актуальным.

Именно по этой причине настоящей доминантой внешней политики Германии остается вопрос об отношении к тоталитарному нацистскому прошлому страны – парадоксально, но чем больше проходит времени, тем большее внимание, больший интерес вызывает наследие Гитлера. Этот нараставший волнами интерес и был основным условием того, что, по существу, современная немецкая политическая культура построена на отрицании нацистского прошлого. Если для Франции ключевое значение для политической культуры имеет Великая революция 1789 г., для США – война за независимость и Гражданская война, для Великобритании – Славная революция, то для Германии – нацизм. Иными словами, если нации с демократической традицией могут опираться на свои успешные революции, то немцы, если они стремятся к демократии, должны прежде обращаться к катастрофическим последствиям неудачи их революции против демократии в 1933-45 гг. – так национал-социализм предстает как аргумент от противного за демократию.

С момента денацификации интерес к нацизму рос волнами, каждая из последующих волн была грандиозней предыдущей. Нет более интенсивно изученного отрезка времени немецкой истории, чем эти двенадцать лет нацистской диктатуры. Это внимание вкупе с нарастающей дистанцией к тоталитарному прошлому к нацизму привело к тому, что нацистский режим в глазах немецкой общественности является абсолютно себя дискредитировавшим. Реабилитация Третьего Рейха невозможна, хотя эмоциональные дебаты о прошлом принимают порой грандиозные масштабы в Германии.

При этом немецкое покаяние за нацизм и его преступления (немцы до крайности перепугались своего прошлого) и сознательный отказ от притязаний на ведущую политическую роль в Европе и в процессе ее интеграции, и во всем остальном, стало, с одной стороны, условием упомянутой интеграции, а, с другой, значительно исказило историческую перспективу относительно недавнего прошлого в угоду политическим целям, которые немецкая общественность, политики и социальные науки последовательно реализуют. Исторический опыт говорит, что этого нельзя делать – «учебник истории, написанный только для евреев (или для афроамериканцев, греков, женщин, пролетариев, гомосексуалистов и пр.) никогда не будет хорошим, даже если он может утешить тех, кто ему верит», отмечал французский публицист Паскаль Брюкнер¹. Он же писал, что такое ощущение, что Третий рейх буквально проглотил один за другим все те столетия, что предшествовали его появлению на свет, становясь ключом к насилию и жестокости, творившимся за сотни лет до него. Но нельзя так искажать историю, манипулируя ею в угоду тому или иному меньшинству. Все деспоты и тираны Европы несводимы к Гитлеру, поскольку даже в ужасном есть своя градация и своё разнообразие.

Несмотря на рост дистанции времени, прошедшего со времени Третьего рейха, он не стал для немцев «нормальным» предметом исторического анализа, как прочие исторические эпохи новейшей истории. Всякие исторические объяснения национал-социализма в Германии полностью политизированы, не возможно набрать никакую дистанцию к объекту анализа.

Какжеполучилось, что историческая действительность и ее адекватное истолкование вошли в противоречие с политическими потребностями немецкого общества, то

¹ Брюкнер П. Тирания покаяния. СПб., 2009. С. 131.

есть тем, как оно себе их представляет?

Дело в том, что история Германии в новейшей истории занимает исключительное место по той причине, что это единственная страна в истории современности, которая пережила тотальное поражение в войне, то есть такое поражение, за которым первоначально даже не просматривалась возможность возрождения национального государства. Как думали тогда многие немцы «настал час ноль». Не случайно понятие «*Zeitgeschichte*» (новейшая история) появилось в Германии после 1945 года – в Англии давно уже было понятие «*modern history*», а во Франции «*histoire contemporaine*». По отношению к немцам особенно справедливы слова геттингенского историка Херманна Хаймпеля, что «любая современность начинается с последней по времени катастрофы»². Это обстоятельство сильно влияло и влияет на парадигму развития Германии, а также Европы в целом – уже потому, что ФРГ – это самая значительная (в экономическом и политическом отношении) часть Европейского союза.

В чем же конкретно состоял этот разрыв с прошлым, который обусловил особое отношение немцев к своему прошлому? Немецкий историк Герхард Риттер таким образом определял этот разрыв.

Во-первых, утеря восточных провинций создала более гомогенную страну, чем Германия до 1945 г. Прусское государство, ранее доминировавшее в Германии утеряла экономические и политические позиции, что сильно ослабило немецкий консерватизм.

Во-вторых, поражение привело к демилитаризации страны – в отличие от армий Великобритании, Франции Бундесвер был полностью интегрирован в НАТО, в немецкой армии нет Генштаба и у нее нет специфической

² Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1987. S. 9.

немецкой стратегии. Милитаризм исчез практически бесследно.

В-третьих, в ФРГ покончили с разделением по конфессиональному признаку, прежде весьма ощутимому и важному. Смешанные браки между протестантами и католиками выросли с 10% в 1913 г. до 30% в 1970 г.

В-четвертых, разрушение Пруссии, занимавшей ранее 3/5 территории Германии, создало совершенно новую ситуацию – центр тяжести ФРГ переместился на запад.

В-пятых безоговорочная интеграция ФРГ в западном мире была абсолютно теоретически неожиданной и полной³. Особенно большое значение имела упомянутая интеграция Германии, на чем особенно настаивал первый западногерманский канцлер Конрад Аденауэр, которого не случайно называли хорошим европейцем, но плохим немцем.

Это «покаянное» немецкое восприятие истории со временем, с последней четверти прошлого века, постепенно переместилось на подобное восприятие европейцами своей истории – истории континента, отмеченного печатью Каина, согбенной под тяжестью непреодоленной мерзости. В этом смысле Германия – это метафора современной Европы⁴. Такая точка зрения искажает историю, но, по всей видимости, без нее невозможна была нынешняя европейская интеграция, сплочение Запада вокруг ценностей терпимости, толерантности, плюрализма, отказа от насилия, христианского прощения как средства политики. Этот парадоксальный дуализм исторической действительности и исторической политики является важной составляющей современной европейской политики и ее политической культуры.

Следует обратиться к тому, какова была логика

³ Ritter G. Über Deutschland. München, 1998. S. 19 – 24.

⁴ Брюкнер П. Тирания покаяния. СПб., 2009. С. 121.

возникновения этой парадоксальной ситуации.

В процессе этого развития можно выделить три периода: первый период – это послевоенные годы, когда немцы должны были подчиниться воле победителей в процессе денацификации и делали это по принуждению. Второй период – это «революция 1968 года», которая предъявила по-настоящему жесткий расчет поколению отцов за их участие в нацистских преступлениях. Третий период – после объединения Германии в 1990 г., которое выставило в совершенно новом свете всю немецкую историю в XX веке – немцы оказались единственной нацией, которая последовательно должна была преодолевать нацистский, а затем коммунистический тоталитаризм.

Обратимся к рассмотрению этих трех этапов. Первым периодом эволюции немецкого общественного самосознания стали 1945-1968 гг. Как ни парадоксально, «холодная война» способствовала консолидации Запада перед лицом реальной или мнимой советской угрозы. Именно поэтому европейские демократии, в межвоенный период не находившие согласия, теперь под давлением этой угрозы смогли довольно быстро столкнуться о принципах взаимоотношений. Огромную роль в этой стабилизации сыграла быстрая и полная интеграция побежденных в войне Германии, Италии и Японии в новый международный порядок. Неожиданно быстро произошла демократизация этих двух европейских стран, и они включились в европейский концерт, как будто фашизма и нацизма вовсе и не было. Восточная часть Германии осталась под советским контролем и оставалась сателлитом СССР до 1990 г., а ФРГ под руководством канцлера Конрада Аденауэра, отказавшись от самостоятельной политической линии, целиком подчинялась общей политике Запада, возглавляемого США.

Особенно важным явлением европейской истории

рассматриваемого периода было франко-германское примирение и обращение к открытости, доверию друг другу. Это важно, поскольку обе страны противостояли друг другу в обе мировые войны. Принято считать, что немцы и французы враждовали всегда, но это не совсем так. Французский политический деятель и ученый Жан Пьер Шевенман резонно уточнял, что с 843 г., когда был подписан Верденский договор, разделивший империю Карла Великого, и вплоть до Французской революции два народа жили бок о бок скорее мирно. Оттон Великий в 962 г. возложил на себя корону императора Священной римской империи германской нации, но эта империя была слишком обширна и лишила германцев государственного единства на девять веков. Франция же территориально сплотилась вокруг королевской власти. Вплоть до разорения Людовиком XIV Пфальца каких-либо страстей в народе антинемецких или антифранцузских не было. Лишь при Наполеоне отношения немцев и французов пошли по нисходящей. 1813-1945 гг.: сто тридцать два года (ровно столько продлилась оккупация Алжира Францией) между «освободительной войной» против наполеоновской империи и разгромом нацистской Германии. За этот короткий период разразилось четыре франко-пруссских или франко-германских войны. Но что в масштабе истории сто тридцать два года?⁵

Но и наследие этого небольшого в масштабах истории срока нужно было преодолеть, что потребовало немалых усилий. В этом французам и немцам помогло создание нового морального климата, отказ от старых взаимных претензий и ненависти, обращение к христианскому прощению, в чем большую роль сыграло Движение Морального Перевооружения (МПВ). Инициатором создания в 1938 г. МПВ был американец Френсис Букман

⁵ Шевенман Ж.-П. 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 272.

(1878-1961), который наряду с сочувствующими движению Конрадом Аденауэром и министром иностранных дел Франции Морисом Шуманом является одной из ключевых фигур послевоенного развития Европы: этим людям Европа обязана диалогу и сотрудничеству в решающие послевоенные годы. МПВ было первой попыткой создать мировое сообщество. Конференции МПВ устраивались в швейцарской деревушке Ко (*Saix*) на протяжении многих лет в гостинице, которую называли «Горный дом» над Женевским озером. Только с 1946 г. по 1950 г. в «Горном доме» побывало 3113 немцев, среди них 85 парламентариев, 400 профсоюзных деятелей и журналистов.

На конференцию в 1947 г. приехала генеральный секретарь французской «Организации женщин-социалисток» Ирен Лор. Она являлась активной участницей Сопротивления, ее сын был замучен гестапо, неудивительно, что она жгуче ненавидела немцев... После знакомства с Клареттой фон Тротт (вдовой участника Сопротивления Адама фон Тротта) Лор заявила на конференции, наилучшим образом выразив суть МПВ: «Я так ненавидела Германию, что желала, чтобы она была стерта с лица земли, но я убедилась, что была не права в своей слепой ненависти. Я хочу просить прощения у всех присутствующих здесь немцев». Этот эпизод весьма характерен для духа примирения и прощения распространяемый МПВ в мире.

Аденауэр посетил Ко в 1948 г., а в конце этого же года 260 активистов МПВ отправились в Германию для восстановления отношений с немцами – такие обмены практиковались со временем все больше, особенно студентами и школьниками. Такое непосредственное межличностное общение было частью политики МПВ. В 1951 г. Аденауэр писал Букману: «В последние месяцы в результате трудных переговоров мы пришли к очень важному международному соглашению. МПВ сыграло

незаметную, но действенную роль в сглаживании разницы в позициях сторон»⁶.

История МПВ – это множество историй людей, изменивших свое мировоззрение. Принцип диалога в узком смысле слова и диалогичность культур была основой мировоззрения МПВ. В центре внимания МПВ – тема сближения наций при сохранении своеобразия и забота об их моральном здоровье. Нельзя говорить о моральном здоровье нации, если она лишилась естественного умения прощать, если чувство обиды и мести становится движущей силой политики. Необходимо прощение тех, кто страдал и покаяние тех, кто переносил страдание – исключая, разумеется, преступления нацистов против человечества. Понятно, что логика прощения и примирения вызывала яростное сопротивление у коммунистов, поскольку не было ничего более чуждого МПВ, чем логика классово-борьбы. В этой связи интересно, что в ГДР нацистское прошлое относили исключительно к наследию капитализма и восприимчивой этого прошлого считали ФРГ.

В рамках МПВ начали широко практиковать всевозможные программы обмена – школьниками, студентами, что также способствовало росту взаимопонимания и имело большое политическое значение. Так, программы обмена школьниками имели довольно большие масштабы и способствовали распространению знаний об американской школе, американской политике, а также формировали политическую элиту в Германии – из 16 министров правительства Гельмута Шмидта в 1974 г. 7 министров, будучи школьниками, принимали участие в таких программах⁷.

МПВ также в силу ясной моральной позиции снизила

⁶ Хэмлин Б. Моральное перевооружение и прощение в отношениях между народами // Дружба народов, 1991, № 9.

⁷ Ritter G. Über Deutschland. München, 1998. S. 34.

требования к Германии. Так, де Голль первоначально предложил немцам примирение, но лишь при условии, что они станут младшим партнером и расстанутся не только с Сааром, но и с Рейнской и Рурской областями, которые превратятся в «отдельное» европейское государство. Это противоречило не только духу МПВ, но и намерениям Англии и США, которые хотели видеть в Германии мощного союзника против СССР. Союзникам еще предстояло заручиться поддержкой западных немцев, а потому следовало отказаться от дальнейших ампутаций немецкой территории. Когда США и Англия приступили к созданию Западной Германии, Франция могла оказаться в изоляции. Кроме того, ей приходилось полагаться на американскую помощь⁸.

Помимо МПВ в европейском примирении большую роль сыграла и церковь – при Иоанне XXIII в 1958-63 гг. Ватикан вступил на путь всесторонних реформ. Папская энциклика *Pacem in terris* была обращена вопреки обычаю, ко всем верующим без различия веры. В энциклике *Mater et Magistra* папа выразил заботу о социальном благе для всех людей.

II Ватиканский собор, четыре сессии которого проходили с октября 1962 г. по декабрь 1965 г. назвали «концом Контрреформации». Евреи были освобождены от обвинений в Богоубийстве (религиозная составляющая антисемитизма, таким образом, была формально ликвидирована), латинская месса отменена в пользу мессы на родном языке, экуменизм получил официальное одобрение. Но самое важное то, что появилась новая атмосфера открытости и гибкости⁹. Эта атмосфера значительно дополнила все те позитивные начинания, которые были в политике в рассматриваемый период.

⁸ Гренвилл Д. История XX века. Люди, события, факты. М., 1999. С. 355.

⁹ Дэвис Н. История Европы. М., 2006. С. 802.

Если в других побежденных странах – в Италии и Японии преемственность государственной власти сохранялась благодаря монархии, то ФРГ десять лет находилась под контролем союзников – полную самостоятельность страна получила в 1955 г. Поэтому будущее для немцев долгое время оставалось неопределенным.

Это будущее, однако, превзошло самые осторожные ожидания – в ФРГ буквально сразу после основания государства в 1949 г. начался беспрецедентный подъем экономики, а на этом фундаменте утвердилась политическая система, которая внешне производила впечатление (обманчивое) авторитарной по степени стабильности власти, ее эффективности.

Немецкий историк и социолог Ральф Дарендорф отмечал, что ему гораздо позже (к концу века) стало ясно, «что после 1945 года произошло нечто совершенно примечательное: внешне казалось, что имеет место реставрация, поскольку много прежних фигур оставалось на своих местах и вроде бы каких-либо существенных перемен не происходило. Между тем, подспудно происходили огромные подвижки. Я не связываю эти перемены с именем Людвиг Эрхарда, который был совершенно глух к спорам о прошлом и его преодолении. Он шел своим путем и создал в Германии новые социально-экономические структуры. Это вызвало глубинные перемены, которые попросту исключали какие-либо реставрационные схемы или пути. Со временем они стали совершенно неактуальными»¹⁰. По сути, сознание было реставративно, а бытие изменилось и изменило всё. Неонацисты с их реставрационными идеями стали со временем просто ненужным хламом. Структурные перемены в обществе оказались более действенными, чем

¹⁰ «Als die Gestapo mich abholte» Spiegel-Gespräch mit Lord Ralf Dahrendorf // Der Spiegel. 2001, N 23. S. 80.

политическое противодействие нацизму. В Европе это отчетливо почувствовали, что открыло дополнительные возможности для интеграции Германии, хотя недоверие к немцам еще долго было актуально.

И понятно почему – в конце войны около 6,5 млн. немцев были членами партии, если учесть членов их семей, получается 25% населения Германии. Еще 4 млн. были членами примыкавших к НСДАП организаций. Наверняка нигде в мире не ввали так много и с такой богатой фантазией, как в Германии послевоенного времени, чтобы отгородиться от того, что почти все немцы выступали в той или иной форме на стороне национал-социализма в годы войны¹¹. В самом деле, даже такие признанные авторитеты в ФРГ как Аденауэр и Хойс в рейхстаге голосовали за кабинет Гитлера в 1933 г.

Но как бы ни была велика вовлеченность немцев в нацизм, нужно было жить дальше. Ойген Когон, автор знаменитой книги о системе эсэсовских концлагерей, о бывших нацистах вполне справедливо писал: «можно всех их убить или привлечь на свою сторону»¹². Поскольку первый путь был неосуществим, то следовало обратиться к интеграции, что Аденауэр настойчиво и осуществлял. Даже и критики Аденауэра признавали, что интеграция 8,5 млн. членов НСДПГ и примыкающих организаций является важнейшей предпосылкой умиротворения страны¹³. Немецкие левые моралисты, в частности Карл Ясперс, критикуя большое количество «бывших» в администрации Аденауэра, не учитывал, по словам статс-секретаря МИД Хальштейна, «разницу между бывшими партайгеноссе и убежденными нацистами»¹⁴.

¹¹ Гюнтер Г.Ф.К. Мои впечатления об Адольфе Гитлере. М., 2013. С. 215.

¹² *Kilmansegg P.* Lange Schatten. Vom Umgang der Deutschen mit der nationalsozialistische Vergangenheit. Berlin, 1999. S. 15 – 16.

¹³ *Wiegrefe K.* Blühende Landschaften // *Der Spiegel.* 2005, № 48. S. 61.

¹⁴ *Kittel M.* Die Legende von der „Zweiten Schuld“. Vergangenheitsbewältigung

Немецкий философ Герман Люббе справедливо отмечал, что «первые сдержанные попытки тематизации индивидуального или институционального нацистского прошлого, определившие развитие в первые годы существования ФРГ, были нацелены не на преодоление или критику нацистского прошлого, а на то, чтобы интегрировать бывших нацистов в новое общество»¹⁵.

Следует признать, что и сама обстановка «холодной войны» способствовала быстрому снятию вины за нацизм. В этой ситуации «антифашизм» для западногерманской общественности часто был просто пропагандистским трюком восточногерманских коммунистов, которые, в самом деле, злоупотребляли в пропаганде акцентами на идентичность капитализма и нацизма.

Денацификация воспринималась немцами как жестокая и несправедливая акция, поскольку миллионы должны были предстать перед денацификационными трибуналами. Если в этом восприятии узреть жестокость и равнодушие немцев к жертвам нацизма, то в таком случае логично обратиться к знаменитому тексту Ойгена Когона: «народ, который каждый день мог лицезреть в разрушенных и сожженных городах обугленные трупы своих жён и детей, не мог впечатлиться показом гор нагих обезображенных трупов, которых им показывали в концлагерях»¹⁶.

Нужно было, чтобы прошло время, возникла дистанция к прошлому, расставлены акценты в его интерпретации. А сразу после войны и ужасного кровопролития, принесенного ей, различие между страданиями людей по ту и другую линию фронта мало кто делал. Это заметил Карл Ясперс, который осенью 1946 г. писал Ханне Арендт:

in der Ära Adenauer. Frankfurt am Main, 1993. S. 170.

¹⁵ *Kilmansegg P.* Lange Schatten. Vom Umgang der Deutschen mit der nationalsozialistische Vergangenheit. Berlin, 1999. S. 17.

¹⁶ *Nolte E.* Die Deutschen und ihre Vergangenheiten. Berlin, 1995. S. 86.

«мне трудно читать лекции, когда я вижу перед собой враждебные лица. Только после 1937 г. я ощущал такое настроение в аудитории, как сегодня». «Пренебрежение и недоверие» немецкой публики вынудило его перебраться в Швейцарию из Гейдельберга, где он проработал 42 года. В январе 1946 г. в университете Эрлангена студенты выкриками, топотом выразили возмущение следующими словами пастора Мартина Нимеллера: «В Германии немало причитают по поводу нашей нищеты и нашего голода, но я не слышал, чтобы кто-нибудь говорил – в церкви или других аудиториях – об ужасных страданиях, которые мы, немцы, причинили другим народам, о том, что происходило в Польше, об уничтожении населения России, о 5,6 млн. убитых евреев»¹⁷.

Упомянутый выше Ойген Когон писал в 1947 г. «Миллионы и миллионы в этой стране руин и невыносимого для многих душевного и физического страдания пытаются понять смысл происходящего. Но большая часть нации ничего не хочет знать об истинной взаимосвязи и глубоком смысле событий. Многие немцы делают свои обычные дела, сердитые на всё и вся или отчаявшиеся, громко жалуясь и ворча, сваливают вину за случившееся частично на «ошибки, допущенные национал-социализмом», а в основном на союзников, которые победили и держат теперь страну в оккупации. Все их аргументы поверхностны, черпаются лишь из очевидных фактов: жертвы войны с воздуха (конечно, против Германии, позабыв при этом немецкие террористические налеты на Польшу, на Роттердам, на Белград, на Ковентри и все другие города с мирными жителями, которые надлежало «стереть с лица земли», все это было давно и не важно ...но Дрезден, и Гамбург, и...!). Жертвы воздушных налетов

¹⁷ *Борозняк А.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и XXI веков. М., 2013. С. 24 – 25.

отождествляются со всеми ужасами концлагерей; истязание и частичное уничтожение других народов немцами – «если это действительно правда!» – противопоставляется насильственному выселению 12 миллионов немцев с Востока; выкачанные национал-социализмом ресурсы Европы приравниваются к демонтажу экономики Германии оккупационными властями; если другие годами голодали, то это было жестокой необходимостью военного времени, а нас заставляют умирать от голода в мирное время. [...] Эта часть нации почти ничего не желает признавать. И на деле это выглядит так, будто это есть большая часть немецкого народа. И день ото дня она все растёт»¹⁸.

Понятно, что для полного осознания происшедшего нужно было время. Это видно из следующих данных. На вопрос о самом великом немецком государственном деятеле в 1950 г. 35% были за Бисмарка, 10% за Гитлера. В 1967 г. – 60% за Аденауэра, 17% за Бисмарка и 2% за Гитлера. В мае 1992 г. в старых землях ФРГ доминировал Аденауэр с 34%, Ханс Дитрих Геншер 11%, Вилли Брандт – 9%, Бисмарк – 8% и Гельмут Коль 6%. В новых федеральных землях у Геншера было 22%, Коля – 13%, Аденауэра – 9%, Бисмарка 7%. Гитлер и в старых и в новых землях получил 1% голосов¹⁹.

Ясную картину изменения парадигмы общественного мнения дает и другой опрос Алленсбахского института опросов общественного мнения.

В 1951 г. на опросе общественного мнения – немцам дали три варианта мнений о немецкой ответственности за нацизм.

Господин Мюллер сказал: «все немцы так или иначе

¹⁸ Цит. по: *Лёзина Е.* Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. 2011, № 3. С. 21.

¹⁹ *Ritter G.* Über Deutschland. München, 1998. S. 122 – 123.

ответственны за происшедшее в нацистские времена».

Господин Шмидт сказал: «не каждый немец должен чувствовать себя виновным, но он должен чувствовать некоторую долю ответственности и возможно более полно способствовать возмещению материального и морального ущерба, нанесенных нацистами».

Господин Шульц сказал: «у немцев решительно нет никаких оснований чувствовать себя виновными, лишь те, кто был активен в 1933-45 гг. должны нести ответственность».

В 1951 г. в Западной Германии были получены при опросе следующие данные: за мнение Мюллера – 4%, за мнение Шмидта – 21%, за мнение Шульца – 63%, без мнения – 12%²⁰.

По данным американской военной администрации 1945-49 гг. среди немцев оставалось 15-18% убежденных нацистов. В среднем по опросам между ноябрем 1945 и декабрем 1946 гг. 47% немцев полагали, что национал-социализм в целом содержал хорошие идеи, но их не правильно реализовали²¹.

Проблема денацификации содержала трудно разрешимую проблему – американские юристы, возглавлявшие денацификационные трибуналы, не жили в условиях тоталитарной системы, и они судили людей, которые при ней жили. На самом деле историческая действительность «не прозрачна», не видима людям в ней живущим и ее осуждение задним числом не выглядело и не являлось справедливым.

Да и сама организация процесса оставляла желать лучшего. Денацификационная анкета начиналась сведениями о личности и завершалась 131 пунктом, осведомлявшемся о знании иностранных языков. Среди

²⁰ *Reichel P.* Politische Kultur der BRD. Stuttgart, 1981. S. 117.

²¹ *Ritter G.* Über Deutschland. München, 1998. S. 122.

вопросов имелись такие, как о наличии родинки, о цвете волос и глаз. Особенно абсурдным был вопрос о том, за кого ты голосовал в 1933 г., он нарушал старинное демократическое право о тайне выбора. В американской зоне насчитывалось 545 трибуналов с 22 тыс. служащих. Из 13 млн. розданных в американской зоне оккупации анкет только 3 миллиона сумели обработать²².

Все же денацификация после окончания войны не была совершенно провальной – иные генеральный директор или оберландесгерихтспрезидент тяжело пережили арест и тюремное заключение как жесткую социальную и политическую деградацию. Вследствие чего большинство из них после этого отошли от дел. Немецкий историк Ханс Ульрих Велер справедливо отмечал, что союзники между 1945 и 1949 г. довольно эффективно нейтрализовали нацистскую элиту²³.

Незадолго до окончания войны лидер немецкого Сопротивления Карл Герделер в одном из меморандумов движения предупреждал, что осуждение нацистских преступлений должно произойти по инициативе самих немцев и ими самими. Суд над нацизмом какой-либо третьей стороны или международный трибунал не будет иметь никакого эффекта – или даже обратный²⁴. Предсказанные опасения Герделера полностью оправдались летом 1945 года. Немцы восприняли процесс как месть победителей. Важно отметить для понимания негативной реакции немецкой общественности, что тема холокоста, которая стала заглавной позднее при осуждении нацизма и которая для немцев сняла все вопросы о природе режима, вообще

²² *Glaser H.* Kleine deutsche Kulturgeschichte. Frankfurt am Main, 2004. S. 125.

²³ *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 5. München, 2008. S. 288.

²⁴ *Kittel M.* Die Legende von der „Zweiten Schuld“. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Frankfurt am Main, 1993. S. 28.

первоначально не поднималась, и евреев не выделяли в отдельную группу жертв нацизма. Ныне же холокост воспринимается иначе – действительно в войну людей убивали, чтобы добиться победы, а в холокост убивали, чтобы убивать – огромная разница²⁵...

Союзники во время Нюрнбергского трибунала отбросили принцип «*nulla poena sine lege*» (то, что законно тогда, не может быть незаконно сегодня). Интересно, что Конституция ГДР 1949 г. ловко обходила этот запрет: ст. 135, п. 3 позволяла не принимать во внимание запрет обратного действия, если это необходимо для борьбы против нацизма, фашизма, милитаризма²⁶.

Социал-демократ Густав Радбрух в работе 1946 г. «Законная несправедливость и незаконное право» изобрел формулу, оправдывающую наказание задним числом, тем более, что нацисты его использовали всю: «Конфликт между справедливостью и правопорядком может быть разрешен таким образом, что позитивное, гарантированное законодательством и властью право имеет преимущество, даже когда оно по своему содержанию несправедливо и нецелесообразно, до тех пор, пока противоречие позитивного закона справедливости не достигает такой невыносимой степени, что закон как «несправедливое право» должен уступить справедливости»²⁷.

Кроме нарушения принципа «*nulla poena sine lege*» суд над другим государством не имел прецедентов и представлял собой юридический нонсенс. Тем более, что во время войны преступления совершали все участники, но судили только побежденных. Главный американский обвинитель Роберт Джексон так и сказал, что «война

²⁵ *Darnstädt T.* Das Weltgericht // Der Spiegel. 2006, № 42. S. 80.

²⁶ Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012. С. 63.

²⁷ Там же. С. 67.

– это преступление», надо так понимать, что любая война. А как же бомбежки немецких городов без всякой военной необходимости, атомные бомбежки японских городов? Ясно, что мотивация трибунала являлась исключительно эмоциональной – массовое общество диктовало свои правила и политики (юристы) вынуждены были подчиниться. Джексон цитировал своего военного министра Симпсона: «центральной моральной проблемой является война, а не ее методы». Если победители формулируют так, что война – это преступление, то в этом случае война как средство решения конфликтов исключена для использования другими странами, даже в миролюбивых целях. Французы на конференции решительно заявили, что не согласны с таким ограничением государственного суверенитета. Советский главный обвинитель Иона Тимофеевич Никитченко согласился с французами – ясно почему: Гитлер со Сталиным планировали нападение на Польшу... «*Enola Gay*» была уже в пути, когда в Лондоне оживленно обсуждали тезис главного обвинителя от США Джексона что «война – это преступление».

В принципе, в 1918 г. также возникла подобная ситуация – в конце войны была сделана попытка составить список из 4900 военных преступников, включавший кайзера, Гинденбурга, Людендорфа, Бетмана Гольвега и других, но голландцы отказались выдать кайзера. В Лейпциге, впрочем, немцы сами провели 9 судебных процессов, по которым проходило 901 человек, из которых 888 было оправдано. Только в 13 случаях вину удалось доказать, но сроки были относительно небольшими. Двое подсудимых было приговорено к 4 годам за участие в потоплении госпитального судна «Ландоверн Касл» и за расстрел людей, пытавшихся спастись в шлюпках.

Что касается международного трибунала, то специальная комиссия из представителей держав-

победительниц 25 января 1919 г. выступила против такового для расследования военных преступлений немцев, поскольку для его работы не было прецедента²⁸.

Во Вторую мировую войну масштабы насилия были еще более велики – жертвы просто вопиили об отмщении... Вероятно под влиянием эмоций Сталин в 1943 г. предлагал просто расстрелять в качестве возмездия 50 тыс. немецких офицеров. Одним из эмоциональных апогеев процесса стал вещдок номер 254, представленный американцем Томасом Доддом, коллегой Джексона из Сан Франциско. В белом пакете оказалась засушенная голова поляка, обезглавленного в Бухенвальде и служившая коменданту лагеря Карлу Коху в качестве пресс-папье. Шокировать публику и обвиняемых удалось в полной мере²⁹.

Именно под давлением эмоций в Лондоне союзники договорились, что в статус международного трибунала, который был согласован и подписан 8 августа 1945 г., будут включены три самых главных пункта:

1. Планирование и проведение агрессивной войны.
2. Нарушение законов войны и обычаев войны – то есть военные преступления.
3. Преступления против человечности в той мере, в которой эти нарушения находятся в связи с военными преступлениями.

Эти три принципа стали базисом современного международного права. Казалось, Джексон смог настоять на своем, но его победа превратилась в Пиррову. На самом деле никогда после Нюрнберга преступление, связанное с ведением агрессивной войны, не признавалось в международном праве. Упущение, связанное с правовой оценкой террора правительства против собственного народа, исправили лишь 50 лет спустя перед началом

²⁸ Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 5 – 7.

²⁹ Darnstädt T. Das Weltgericht // Der Spiegel. 2006, № 42. S. 166.

работы международного трибунала по Югославии в Гааге. С тех пор правоведа говорят о «втором Нюрнберге»³⁰.

По причине упомянутых упущений в организации трибунала нацистские главари довольно успешно защищались на процессе. На вопрос о военных преступлениях Геринг резонно ответил, что «всегда вспоминал и цитировал самого важного, сильного и величайшего врага Германии – Черчилля, который сказал, что когда речь идет о жизни и смерти, легальность не принимается во внимание». Помощники обвинителя стали звонить в Лондон и выяснять, в самом ли деле Черчилль сказал такое. Оказалось, что он действительно так высказался в одной из речей 1940 г.

На обвинение в том, что Геринг подписывал некоторые документы, связанные с окончательным решением еврейского вопроса, он ответил, что находит это выражение некорректным – «ради общего решения, а не для окончательного решения» (*für eine Gesamtlösung. Nicht für Endlösung!*)³¹.

На заседании британского кабинета докладывал в июле 1942 г. Энтони Иден и он сказал, что преследования евреев и инакомыслящих в нацистской Германии не может быть предметом разбирательства международного трибунала – об этом нет ничего в международном праве. В международном праве царило убеждение, что суверенные государства имеют все права как угодно распоряжаться жизнью и достоянием своих подданных. Геринг на допросе сразу подметил это несоответствие: «Все, что произошло в нашей стране, ни в малейшей степени вас не касается. Если было убито пять миллионов немцев, то эту проблему должны урегулировать сами немцы. Наша государственная политика – это наши внутренние дела».

³⁰ Ibid. S. 80.

³¹ Ibid. S. 166.

Ханс Франк выразился еще точнее: «как можно осуждать на правовом основании гитлеризм, если Гитлер сам себя поставил вне всякого правового регулирования?»³²

Генерал Йодль, раздраженный несправедливыми нападками штатских, весьма резонно заявил на процессе, что решения о начале войны принимаются политиками, а не солдатами, «солдаты не ведут агрессивных войн, это политическое понятие». Принцип «*nulla poena sine lege*» Джексон обошел весьма ловко, ему помог всемирно известный и признанный авторитет австрийский ученый правовед Херманн Келзен, который в американской эмиграции обосновывал мнение, что в международном праве этот принцип не действует³³. Поэтому Йодль должен был умереть на виселице, но 1953 г. он судом в ФРГ был оправдан посмертно.

Интересно, что Уинстон Черчилль, чувствуя искусственный характер обвинений против немецких военных, выступил против судебного преследования фельдмаршала Эриха фон Манштейна, на адвокатскую защиту которого он даже пожертвовал из собственных денег 25 фунтов стерлингов³⁴.

Спектр суждений германских современников о целях, характере и ходе Нюрнбергского процесса был парадоксален. Это ясно показывает публикация в 2006 г. большой подборки личных писем, адресованных немецкими гражданами главному обвинителю от США Роберту Джексону. Журналист Генри Бернхард обнаружил эти документы в фонде Джексона в Библиотеке конгресса в Вашингтоне и опубликовал их со своими комментариями. Главной в этих письмах была тема неведения о преступлениях, которые творил нацистский режим в концлагерях с заключенными

³² *Darnstädt T.* Das Weltgericht // *Der Spiegel*. 2006. № 42. S. 70.

³³ *Ibid.* S. 170.

³⁴ *Habbe Chr.* Im Visier der Nazi-Jäger // *Der Spiegel*. 2001. № 36. S. 167.

там людьми. Многие корреспонденты убеждали Джексона, что пора прекратить «оскорблять и клеветать на немцев». Корреспонденты явно стремились обелить нацистский режим, говорили о том, что «решение еврейской проблемы было внутренним делом Германии». В письмах даже содержалось требование вернуть отобранные у Германии территории, вернуть ей место под солнцем. Были даже угрозы: «Германия еще проснется», «национал-социализм невозможно ни искоренить, ни уничтожить»³⁵.

Нюрнбергский трибунал являлся типично американским начинанием, поскольку американцы, как указывал американский политолог Сэмюэль Хантингтон, всегда склонялись к тому, чтобы переносить принципы своей внутренней политики на внешнюю политику во всем мире³⁶. Хотя в Нюрнберге прошло после основного процесса еще 12, но они в строгом смысле не были международными, ибо присутствовали только американские судьи³⁷.

К тому же демонизация Гитлера повлекла за собой демонизацию двадцати двух обвиняемых на Нюрнбергском процессе. В результате с германского общества снималась ответственность за совершенные им во время войны преступления³⁸.

В последовавших главному трибуналу процессах было казнено 500 обвиняемых.

После Нюрнбергского трибунала прошло 12 последующих процессов:

1. По делу врачей (9.12.46-20.8.47).
2. Процесс по делу фельдмаршала Эрхарда Мильха (2.1.47-14.4.47).

³⁵ *Борозняк А.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и XXI веков. М., 2013. С. 18, 20.

³⁶ *Darnstädt T.* Das Weltgericht // *Der Spiegel.* 2006, № 42. S. 170.

³⁷ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 9.

³⁸ *Ферро М.* Семь главных лиц войны, 1918 – 1945: Параллельная история. М., 2014. С. 7.

3. По делу юристов (17.2.47-4.12.47).
4. По делу экономического ведомства СС (13.1.47-3.11.47).
5. По делу Флика (18.4.47-22.12.47).
6. По делу концерна ИГ Фарбен (14.8.47-30.7.48).
7. По делу немецких генералов на юго-востоке Европы (15.7.47-19.2.48).
8. По делу расового и переселенческого ведомства СС (1.7.47-10.3.48).
9. По делу опер-групп СД (15.9.47-10.4.48).
10. По делу концерна Круппа (8.12.47-31.7.48).
11. По делу Вильгельмштрассе (дипломаты) (4.11.47-14.4.49).
12. По делу ОКВ (30.12.47-27.10.48).

По этим двенадцати процессам было осуждено из пяти групп: врачи и юристы (39 обвиняемых), СС и полиция (56), промышленники и банкиры (42), военные (26), министры и государственные чиновники (22), 24 к смертной казни, 20 на пожизненное заключение, 98 к тюремному заключению между 15 месяцами и 25 годами, в 35 случаях был вынесен оправдательный приговор³⁹.

В итоге в Нюрнберге похоронили основные принципы Вестфальского мира 1648 г., в соответствии с которыми суверенным правом государства является отправлять на войну своих граждан, когда оно сочтет нужным, а также вести войну против другого суверенного государства, если имеет достаточно сил для этого. В Нюрнберге войну объявили преступлением, а правителей – ее инициаторов осудили за преступления против человечности. Но если следовать этому принципу, то как должен вести себя президент США, если он будет привязан к этому принципу недопустимости преступлений против человечности? Чем отличается преступная война от войны из гуманистических

³⁹ *Darnstädt T. Das Weltgericht // Der Spiegel. 2006, № 42. S. 75.*

соображений? Кто должен уполномочить на войну против властителя, который уничтожает собственный народ, проводит этнические чистки или даже новый холокост, исходя из внутренней целесообразности? Как относиться к происходившему в Иране, Ираке, Ливане, Северной Корее, Конго, Пакистане, Косово⁴⁰?

Совершенно справедливо высказался Карл Ясперс о процессах над нацистскими преступниками: «Утверждали не право, а неверие в право. Растерянность в виду масштабов преступлений была полная»⁴¹. Это так, но вместе с тем, нельзя не видеть и позитивных сдвигов – ведущие нацисты исчезли с политической сцены, преступный характер режима также никто не оспаривал.

Вскоре в ФРГ последовали и позитивные перемены, идущие изнутри (в отличие от внешних импульсов, данных Нюрнбергскими судами). Правда, произошло это не сразу и не непосредственно, а косвенно. Иными словами, немцы смогли подвести первоначальную черту под прошлым благодаря тому, что ранее на многое первоначально закрывали глаза. Немецкий философ Германн Люббе сформулировал принцип ассиметричной скромности: взаимодействующие стороны (вчерашние нацисты и их жертвы) знают о друг друге больше, чем говорят, и существует негласное соглашение, что антифашисты не пользуются своими знаниями о поведении бывших нацистов в прошлом, а бывшие нацисты проявляют политическую сдержанность на публике. По всей видимости, это был единственный путь добиться стабилизации и торжества демократии в ФРГ вопреки большинству населения⁴². Уже в 1952 г. Аденауэр объявил в бундестаге, что «с

⁴⁰ *Darnstädt T.* Das Weltgericht // *Der Spiegel*. 2006, № 42. S. 69.

⁴¹ *Kittel M.* Die Legende von der „Zweiten Schuld“. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Frankfurt am Main, 1993. S. 29.

⁴² *Кёниг Х.* Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012. С. 24.

маниакальным поиском нацистских преступников» надо покончить⁴³. Аденауэр с 1949 г. изначально сделал ставку на максимально широкие слои общества. По его словам лучше было иметь несколько бывших нацистов в партии, чем вне нее. В первом случае они будут под контролем, а во втором – займутся оппозиционной деятельностью. К тому же, если у СДПГ были традиционные выборщики, то у ХДС их не было, а от выборов в силу естественной послевоенной апатии уклонились миллионы немцев⁴⁴. Поэтому никакой «охоты на ведьм» Аденауэр намеренно не допускал, потому что тогда некому было бы возродить страну. Христианские демократы победили на выборах канцлера в бундестаге в августе 1949 г. с минимальным отрывом в один голос, при этом сам Аденауэр принимал участие в выборах. Аденауэр проявил четкий политический инстинкт, продемонстрировав терпимость к бывшим нацистам, зато жестко выступил против формирования правительства большой коалиции (у ХДС первоначально почти не было запаса прочности в бундестаге), что создало бы в будущем для немецкой парламентской демократии непреодолимые проблемы. Наличие полноценной оппозиции собственно и формирует в глазах общественности политическую борьбу, противостояние.

Эта настойчивость Аденауэра вскоре дала плоды – последовало изменение программы главной оппозиционной партии в Годесберге в 1959 г. и смена внешнеполитического курса СДПГ, декларированная Гербертом Венером 30 июня 1960 г. Признание важности НАТО и западной ориентации ФРГ составляли разные стороны одной и той же медали – это было признание социал-демократами жизнеспособности Боннской демократии и отсутствие необходимости ее

⁴³ *Habbe Chr.* Im Visier der Nazi-Jäger // *Der Spiegel*. 2001, № 36. S. 166.

⁴⁴ *Гренвилл Д.* История XX века. Люди, события, факты. М., 1999. С. 507.

радикально реформировать⁴⁵.

На словах Аденауэр выступал за объединение Германии, чего желали все немцы, но в действительности он хотел оставить ее разделенной, поскольку было понятно, что советская цена объединения будет слишком большой. В результате Аденауэру удалось настолько прочно, крепко и надолго связать ФРГ с Западом экономически, культурно, в военном отношении, насколько это вообще возможно при человеческой изобретательности. Он был первым германским политическим деятелем, который поставил интересы Европы и/или Америки выше германских интересов. Может быть справедливо то, что писал о нем один из его критиков: «Аденауэр – хороший европеец, но плохой немец»⁴⁶. Аденауэр считал, что объединение Германии не является возможным при той цене, которую Германия и Запад могут за нее заплатить. В отличие от этого интеграция с Западом являлась возможной, только нужно было договориться с Францией.

Аденауэр сотрудничал во Франции с министром иностранных дел Робером Шуманом, который был во многих отношениях похож на него и на итальянского премьер-министра Алчидо де Гаспери: с немцем его сближало то, что он происходил из Лотарингии, его родным языком был немецкий, до 1919 г. он даже не имел французского подданства, а в 1914-18 гг. служил в германской армии унтер-офицером.

Поскольку ФРГ была своей конституцией прикована к пацифистской позиции и не стремилась обрести активную международную роль, европейская «шестерка» обрекалась стать «Большой Францией» с Комиссией в

⁴⁵ *Winkler H.A.* Der lange Weg nach Westen. Zweiter Band. Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. München, 2002. S. 201.

⁴⁶ *Augstein R.* Konrad Adenauer. London, 1964. P. 94.

Брюсселе в качестве фактического придатка французского правительства. В 1967 г. Франция отклонила британскую заявку и сохранила ЕЭС в составе «пяти кур и одного петуха».

Для панически напуганных своим прошлым немцев привлекательность ЕЭС состояла в том, что оно прочно связало их страну с либеральной демократией и рыночным капитализмом, а также дало ей законные средства влиять на развитие Европы, не составляя для нее никакой угрозы. Их готовность поставить общеевропейские интересы выше собственных была столь велика, что ФРГ согласилась платить за инициированную французами ОСП (общую сельскохозяйственную политику), тем самым взяв на себя обязательство гарантировать процветание французского сельского хозяйства; и эта позиция выдерживалась в течение 40 лет⁴⁷.

Работоспособность системы европейского экономического сотрудничества зависела, прежде всего, от взаимных уступок, особенно со стороны Франции и Германии. Чтобы уцелеть на общем рынке Франции следовало не только быстро индустриализоваться, но и на $\frac{3}{4}$ сократить свой неэффективный сельский сектор, поскольку в начале 50-х гг. во Франции на одного промышленного рабочего приходился один крестьянин (в Англии 9 к 1). Чтобы добровольная революция в сельском хозяйстве стала возможной и выгодной, требовалось найти средства для инвестиций в сельское хозяйство. По расчетам французов эти деньги дала бы Германия в виде трансфертных платежей или внутренних налогов в рамках единой системы «Общей сельскохозяйственной политики» (ОСП). Взамен эффективная немецкая промышленность получала выход на французский рынок. Римский договор, таким образом, стал системой взаимовыгодных сбалансированных уступок.

⁴⁷ Хаттон У. Мир, в котором мы живем. М., 2004. С. 369.

Французскую сельскохозяйственную модернизацию надлежало провести в сжатые сроки с тем, чтобы оправдать существование ОСП. Французской промышленности также предстояло пройти быструю модернизацию, чтобы не дать возможность Германии превратить Францию в экономическую колонию. Оба процесса требовали сильного уверенного в себе правительства, какого Четвертая республика не могла обеспечить, но которое в 1958 г. создал Де Голль.

Даже центристы и правые во Франции нападали на экономический союз с Германией с обвинениями в том, что он ведет к Европе под германской гегемонией. Старый центристский лидер Даладьё говорил о сторонниках Европы: «когда они говорят об Европе, они подразумевают Германию, а когда – о Германии, то подразумевают Великую Германию». Глава ассоциации мелких и средних предприятий, самой характерной институции старой Франции, Леон Женжамбр описывал ЕЭС как «Европу трестов, международного бизнеса и крупного капитала». А одни реакционный французский историк писал об идее «воскрешения Священной римской империи», что «прошлое не умерло, а уцелело в германском культурном мире Аденауэра, Шумана и де Гасперии».

В Германии положение оказалось не лучше, там также имелись мощные ксенофобские группы: Шумахер называл Парижский договор «пан французской концепцией», делом рук «канцлера союзников» Аденауэра. Все изменилось с возвращением де Голля к власти в 1958 г., он смог взять бразды в свои руки и оттеснить оппозицию.

Помимо достижения удивительного единства взглядов с французами по многим проблемам, Аденауэр смог добиться соглашения с Израилем, что первоначально казалось очень сложным делом – евреи были очень радикально настроены против Германии. 10 сентября

1952 г. Аденауэр и израильский министр иностранных дел Мозес Шарет подписали договор о возмещении ущерба – ФРГ обязалась в течение 12 лет выплатить 3 миллиарда марок Израилю для размещения 500 тысяч беженцев. Дипломатические отношения с Израилем установились только в 1965 году⁴⁸.

Визит Аденауэра в Москву состоялся с 9 по 13 сентября 1955 г. Молотов обрушил на него гору упреков, обвиняя в фашизме, империализме, реваншизме. Аденауэр спокойно его прервал фразой: «Разрешите вам задать один вопрос: кто подписал договор с Гитлером о сотрудничестве – вы или я?» «Аденауэровская амнистия», которую в Германии рассматривали как личную победу канцлера, стала причиной единственной (пока) в истории ФРГ абсолютной победы ХДС на выборах 1957 г.⁴⁹

В целом роль Аденауэра в осознании немцами происшедшего довольно велика. Он был тем политиком, у которого хватило энергии и влияния внушить немцам исключительно западную ориентацию страны. Как уже говорилось выше, он являлся хорошим европейцем, но плохим немцем. Аденауэр стал первым государственным лидером Германии, кто смог преодолеть скрытую тенденцию своих соотечественников воспринимать всерьез лишь тех лидеров, которые облачены в униформу. Его политический стиль – прямой и патриархальный – убедил многих немцев в том, что авторитет, к которому они стремились, можно обрести и в лице демократического правительства под его руководством, и они ни разу не поколебались в своей уверенности вплоть до отставки. Голо Манн метко характеризовал Аденауэра как лукавого идеалиста потому, что хотя долголетняя политическая жизнь

⁴⁸ Schöllgen, G. Geschichte der Weltpolitik von Hitler bis Gorbatschow 1941 – 1991. München, 1996. S. 79.

⁴⁹ Ibid. S. 111.

оставила ему почти циничную уверенность в нравственной неустойчивости людей и наделила его всеми приемами убеждения, притворства и настойчивости, полезными при манипуляции людьми, он использовал это умение для достижения целей, которые не были ни эгоистичны, ни узконациональны⁵⁰.

Аденауэра нельзя назвать наивным человеком и он не был склонен к попустительству по отношению к преследованиям нацистских преступников, но он ориентировался на политику возможного. Сам он так говорил о своем отказе от сотрудничества с нацистами: «если бы люди моего калибра действовали точно также как я, то нацистам не с кем было бы работать. А поскольку они так не сделали, то несут ответственность за случившееся». Вместе с тем, при восстановлении «бывших» в важных должностях он аргументировал необходимостью ответственного и профессионального государственного строительства, в котором без помощи специалистов-управленцев было не обойтись. В принципе, позицию Аденауэра можно подвергнуть моральной критике, но нельзя не признать, что старый канцлер и его сторонники понимали, что делают⁵¹. Важно также отметить, что ни один из канцлеров не располагал такими полномочиями как Аденауэр. Он одновременно занимал должность министра иностранных дел до 1955 г. в целях поддержания тесных контактов с союзниками. Аденауэр определял компетенции и назначал министров по своему усмотрению. Ни партия, ни фракция не смели противоречить ему.

Аденауэр не был образцовым демократическим политиком, как показал Петер Граф Кильманзегг в своей

⁵⁰ Крейг Г. Немцы. М., 1999. С. 44.

⁵¹ Brechtken M. Mehr als Historikergeplänkel. Die Debatte um „Das Amt und Vergangenheit“ // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2015, № 1. S. 66.

книге⁵². Он бесцеремонно запугивал, командовал и контролировал министров, презирал парламент, пытался поставить под собственный контроль СМИ. Все же многое говорит в пользу того, что авторитарный руководящий стиль не препятствовал демократии реализовываться. Аденауэру удалось совместить демократию и авторитет, что его земляки, исходя из опыта с Гитлером, Бисмарком и кайзером, считали невозможным⁵³.

Последние годы правления Аденауэра были отмечены падением его личного авторитета, отчасти вызванного неспособностью жестко отреагировать на возведение Берлинской стены, отчасти его нежеланием посторониться и дать дорогу молодым. Положение не исправилось и после назначения канцлером Эрхарда, которому явно не хватало харизматических черт и политического чутья своих предшественников. Вскоре он был втянут во внутрипартийные дразги, одновременно подвергся критике слева за отсутствие должного внимания к основным социальным реформам. На выборах 1965 г. Эрхард добился внушительного успеха, но временный экономический спад и расхождение по вопросам налогообложения заставили СвДП отозвать своих министров и кабинет рухнул.

В 1966 г. СДПГ вступила в коалицию с ХДС/ХСС и канцлером стал член НСДАП с 1933 по 1945 гг., глава правительства Бадена-Вюртемберга Курт Кизингер. Это вызвало протест Гюнтера Грасса, направившего письмо Брандту⁵⁴. Участие социал-демократов в правительстве предоставило им благоприятную возможность начать позитивную деятельность – особенно преуспели в своих сферах МИД Вилли Брандт и министр экономики Карл Шиллер. Эффект, произведенный на немцев, был

⁵² *Kilmansegg P.* “Nach der Katastrophe”. Berlin, 2005. 736 s.

⁵³ *Wiegrefe K.* Blühende Landschaften // *Der Spiegel*. 2005, № 48. S. 60.

⁵⁴ *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 56.

благоприятным и, благодаря преодолению экономического спада, СДПГ получила так много мест на парламентских выборах и смогла сформировать коалиционное с СвДП правительство. Вилли Брандт стал канцлером, до этого он являлся правящим мэром Берлина в 1958-1961 гг. Именно Брандт совершил коренной перелом во всей внешней политике ФРГ.

Определенным рубежом в немецком восприятии прошлого стал удивительный успех в ФРГ в 1957-58 гг. дневников Анны Франк. Вероятно, причина этого коренилась в том, что немецкая молодежь впервые глазами сверстницы (14-летней девочки) увидела действительность нацизма, а не глазами родителей или родственников. Анна Франк описывала «ужасных немцев», по отношению к которым и молодые немцы стремились набрать дистанцию⁵⁵. Дневники Анны Франк впервые вышли в Амстердаме сразу после войны, а в 1950 г. их перевели на немецкий язык. Поначалу незамеченные, они стали популярными после постановки в Нью-Йорке Френсисом и Уолтером Хакеттами пьесы по мотивам мемуаров. В 1957 г. в Германии продали уже 200 тыс., а в 1958 – 700 тыс. экземпляров. Книга, пьесы, кинопостановки вызвали в ФРГ огромный резонанс по причине того, что личная трагедия всегда действует на людей больше, чем просто статистика преступлений.

В 1958 году состоялся Ульмский процесс над участниками опергрупп полиции безопасности и СД. Ничего нового по сравнению с процессом над Эрихом Олендорфом (командиром одной из опергрупп полиции безопасности и СД) он не дал, но немецкая общественность гораздо более заинтересованно за ним наблюдала.

Важным последствием этого процесса стало создание «*Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung NS Verbrechen*» (центральное бюро земельных юридических

⁵⁵ Ritter G. Über Deutschland. München, 1998. S. 5.

ведомств по раскрытию преступлений нацизма) в Людвигсбурге, которое начало работу 1 декабря 1958 г. Его руководителем назначили государственного прокурора Эрвина Шюле (*Schüle*). Ведомство собирало свидетельские показания и выступило инициатором около 900 процессов против нацистов. Тем самым, перед немецким народом впервые по-настоящему открылась пропасть нацистских преступлений, в которые был вовлечен немецкий народ⁵⁶.

В конце февраля 1957 г. тысячи молодых людей со всей ФРГ собрались в Берген-Бельзене, чтобы возложить цветы на братские могилы бывшего концлагеря. В прессе эту акцию называли «детский крестовый поход против собственного прошлого». Английская газета «*Daily Mail*», подчеркнуто критически относившаяся к немцам, написала: «невиновные взяли на себя покаяние за убийц»⁵⁷

Датская газета «*Informationen*» писала, что покаянное паломничество в Берген-Бельзен – это самое прекрасное известие из Германии после 1945 г. Эти дети, писала газета, имеют мужество помнить. В той же степени как немецкие дети помнят прошлое, мы его забываем. По словам одного журналиста это паломничество 2000 молодых людей вызвало к Германии больше доверия, чем все факты материального возрождения. То, что немцы дельный и трудолюбивый народ, что они отличные солдаты – знает весь мир. Но что у них есть гражданская совесть – об этом мы раньше не слышали,- писал один американский журналист⁵⁸.

С середины 1960-х годов многие места бывших концентрационных лагерей были превращены в **места памяти** и обучения, на их территориях создавались

⁵⁶ Ritter G. Über Deutschland. München, 1998. S. 106.

⁵⁷ Kittel M. Die Legende von der „Zweiten Schuld“. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Frankfurt am Main, 1993. S. 276, 279.

⁵⁸ Ibid. S. 280.

мемориальные комплексы и документальные центры (*Dokumentenhaus*). Так, в 1965 году постоянная экспозиция появилась на месте концлагеря Дахау (*KZ-Gedenkstätte Dachau*); в том же 1965 году расширили мемориальный комплекс, открытый в 1953 году на месте бывшего концентрационного лагеря в Нойенгамме (*KZ-Gedenkstätte Neuengamme*). В 1966 году документальный центр открыли в мемориальном комплексе Берген-Белзен (*KZ-Gedenkstätte Bergen-Belsen*), частью которого стала выставка, напоминающая о прошлом этого концентрационного лагеря.

Впервые после окончания войны в немецких газетах публиковались отчеты о судах над нацистскими преступниками, обвиненными в массовых убийствах (после мая 1960 года, когда израильяне захватили Эйхманна, рассматривались только дела об убийствах первой степени, по всем остальным преступлениям срок давности истек, а срок давности по убийствам составляет двадцать лет). Однако нежелание местных судов заниматься этими вопросами выразилось в фантастически мягких приговорах.

Так, например, доктор Отто Брандфис из опергруппы СД и полиции безопасности – эсэсовского мобильного подразделения смерти, действовавшего на Востоке, – за убийство пятнадцати тысяч евреев был приговорен к десяти годам исправительных работ; доктор Отто Хунте, юридический советник Эйхманна, лично ответственный за депортацию тысячи двухсот венгерских евреев, из которых шестьсот человек были уничтожены, получил пять лет исправительных работ; Йозеф Лехталер, который ликвидировал евреев в Слуцке и Смолевичах в России, получил три с половиной года.

Были выданы ордера на арест крупных нацистских чинов, многих из которых немецкие суды уже денацифицировали. Одним из них стал генерал СС Карл

Вольф, бывший шеф личного штата Гимmlера, который, согласно представленным в 1946 году в Нюрнберге документам, «с особой радостью» встретил сообщение о том, «что вот уже в течение двух недель поезд каждый день доставляет по пять тысяч представителей народа-избранника» из Варшавы в Треблинку, лагерь смерти на Востоке. Арестовали Вильгельма Коппе, который первым применил в Хелмно газовые камеры, а потом сменил в Польше Фридриха Вильгельма Крюгера. Коппе, один из крупнейших чинов СС, в чью задачу входило сделать Польшу *judenrein* – свободной от евреев, – стал в послевоенной Германии директором шоколадной фабрики.

Другим значимым событием, получившим широкий общественный резонанс, стал Франкфуртский процесс над двадцатью двумя бывшими офицерами СС, сотрудниками администрации и охраны концлагеря Освенцим. Данный процесс состоялся благодаря усилиям и настойчивости генерального прокурора земли Гессен Фрица Бауэра (ранее также содействовавшего израильским спецслужбам в установлении местонахождения Адольфа Эйхманна), который не только подготовил процесс, но и выступил на нём в качестве государственного обвинителя. К участию в процессе, проходившему во Франкфурте-на-Майне с 20 декабря 1963 по 10 августа 1965 года, привлекли около 360 свидетелей из 19 стран (из них 210 являлись бывшими узниками Освенцима). В ходе процесса историки Гельмут Краусник, Ганс-Адольф Якобсен, Ханс Буххайм и Мартин Брошат, сотрудничавшие с основанным в 1949 году Мюнхенским Институтом современной истории и Центром по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге, готовили экспертные заключения для судов, выступая в качестве свидетелей-экспертов для стороны обвинения. На базе собранной в рамках этой работы информации в 1965 году вышло в свет одно из наиболее

тщательных исследований Третьего рейха «Анатомия государства СС» (*Anatomie des SS-Staates*). Открытые судебные разбирательства Франкфуртского процесса также вдохновили немецкого драматурга Петера Вайса на создание пьесы «Дознание» (*Die Ermittlung*, 1965), в основу которой легли свидетельские показания, представленные в ходе судебных заседаний.

Не будет преувеличением утверждать, что судебные процессы первой половины 1960-х годов существенно изменили ситуацию в западногерманских судах. Так, до конца 1950-х годов, большинство антинацистских судебных процессов в ФРГ (43%) имели дело с преступлениями, совершенными в Германии против немецких граждан в последние месяцы войны (так называемые «преступления финального этапа», *Endphaseverbrechen*), а также с преступлениями, не касавшимися нацистской программы уничтожения (за исключением преступлений, совершенных в рамках программы «эвтаназии»). Однако со второй половины 1960-х годов 60% всех уголовных преследований нацистов стали составлять преступления, имеющие отношения к массовому уничтожению людей. В тот же период изменился этнический состав жертв нацистских преступлений: если до 1966 года 62% пострадавших составляли немцы, то в последующий период число представителей других этнических групп возросло до 86% (в частности, с 29% до 76% возросло количество судебных преследований по преступлениям, совершенным против евреев). Аналогичный сдвиг произошел в территориальном фокусе судебных разбирательств: если до 1966 года 72% составляли преступления, совершенные в Германии, то после 1966 года география рассматриваемых в суде преступлений расширилась. Теперь 83% судебных преследований имели отношение к местам, находившимся за пределами страны (в основном в Польше – 41%, и

в Советском Союзе – 31%). Претерпели изменения и категории обвиняемых преступников: с 2% до почти 11% возросло количество судебных разбирательств над членами «эскадронов смерти», с 20% до 31% – над охранниками трудовых лагерей и лагерей смерти, с 27% до 44% – над чинами полиции⁵⁹.

То, что западногерманская юстиция нашла в себе силы, несмотря на все проблемы, провести эти процессы (особенно Освенцим, 1965-66), отличает ее в лучшую сторону от Австрии и ГДР, которые с радостью передвинули всю вину на ФРГ, как будто они были совершенно не при чем...

Зато власти в ГДР прилагали немалые усилия к тому, чтобы обвинить влиятельных людей в ФРГ. Так, президента Любке восточнонемецкие власти обвинили в том, что он, будучи архитектором, принимал участие в проектировании концлагерей. Это утверждение оказалось ложным⁶⁰. По существу, его следует отнести к артефактам продолжающейся «холодной войны».

Леваки в ФРГ тоже действовали в том же направлении, так, листовка в 1967 г. призывала студентов: «Давайте сделаем то, что было упущено в 1945 г. – проведем настоящую денацификацию». Затем следовало перечисление тех, кто должен быть на прицеле: «*Nazi-Richter, Nazi-Staatsanwälte, Nazi-Gesetzgeber aller Couleur, Nazi-Polizisten, Nazi-Beamte, Nazi-Verfassungsschutzer, Nazi-Lehrer, Nazi-Professoren, Nazi-Pfarrer, Nazi-Journalisten, Nazi-Propagandisten, Nazi-Bundeskanzler, Nazi-Kriegsgewinnler, Nazi-Fabrikanten, Nazi-Finanziers*». (нацистские судьи, прокуроры, законодатели всех мастей, полицейские, чиновники, защитники

⁵⁹ Лёзина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. 2011, № 3. С. 30 – 31.

⁶⁰ Großkopff R. Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007. S. 122.

нацистского законодательства, учителя, профессора, священники, журналисты, нацистский бундесканцлер⁶¹, те, кто поживился на войне, фабриканты, финансисты). В конце листовки автор призывал к организованному неповиновению поколению нацистов⁶². Эти лозунги и материализовались в «революцию 1968 года». Каким образом она повлияла на развитие интеграционного процесса в Европе?

Политолог Клаус Шенбаум указывал, что между 1956 и 1965 гг. в ФРГ дал о себе знать целый комплекс импульсов к изменениям. Бундесканцлер Людвиг Эрхард оказался настоящим провидцем, когда в одном из правительственных заявлений 1965 г. сформулировал такую мысль: «*Die Nachkriegszeit ist zu Ende*» (послевоенное время закончилось). В самом деле, социологи вскоре заговорили о десятилетии «трансформации»⁶³. Оно началось после 14 лет канцлерства Аденауэра. Пятидесятые годы прошли под знаком борьбы за материальное благополучие, а шестидесятые – под знаком идеологического прорыва. Вследствие разрыва между старым консервативным мышлением и стремлением к обновлению получилась драма, сделавшая 1960-е гг. самым драматическим и беспокойным десятилетием немецкой послевоенной истории⁶⁴. Особый драматизм этим событиям придал конфликт поколений, что, впрочем, не являлось специфически немецкой особенностью. В самом деле, изменение исторического сознания во многом обуславливалось изменениями исторической политики после студенческой революции 1968 г. Молодежь обвинила

⁶¹ Имелся в виду канцлер Курт Кизингер, бывший членом нацистской партии.

⁶² *Großkopff R.* Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007. S. 124.

⁶³ *Ibid.* S. 13.

⁶⁴ *Großkopff R.* Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007. S. 17.

поколение своих родителей в соучастии в преступлениях нацистов и в его сокрытии этого соучастия в послевоенной Западной Германии, захваченной «тупым материализмом». Под влиянием молодежи стал изменяться официальный дискурс в отношении нацистского прошлого. Теперь в ФРГ стали преподавать историю нацизма в школе, развивать в национальном самосознании компонент раскаяния, что резко отличалось от забвения 1950-х гг. Правительство Брандта много сделало в этом отношении: во внешней политике – новая «восточная политика», во внутренней политике – расширение демократии, в исторической политике – раскаяние в преступлениях нацистов⁶⁵.

При всей масштабности перемен ФРГ, в отличие от Франции, не была втянута вследствие активности студентов в политический кризис. На пике беспорядков 29 мая генерал де Голль уехал в 5-ю французскую армию генерала Массю в Баден-Баден и подумывал об отставке. Лишь перевыборы в Национальное собрание и «*apell au peuple*» 30 мая канализировал протест в парламентские рамки. В ФРГ же правительство «большой коалиции» имело возможность сохранять контроль над развитием событий.

До 1968 г., невзирая на политическую интеграцию ФРГ в западную систему политики и союзов, в её бытовой культуре царил множество антисовременных и антизападных предубеждений. Западные немцы согласились с ориентацией на США также тяжело, как и восточные – с ориентацией на СССР. Немецкая специфика «революции 1968 года» сказалась, прежде всего, в американизации молодежной и протестной культуры, эта американизация, несомненно, имела отношение к нацистскому прошлому. Дело в том, что в модном, раскованном, женоподобном,

⁶⁵ Бергер С. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии 1949 – 82 гг. // Историческая политика в XX веке. М., 2012. С. 41.

эротическом мужчине как Элвис Пресли, который стал кумиром молодежи, легко увидеть антипода идеалу солдата, ещё широко распространенного среди поколения отцов. В 1960-е гг. противостояние вылилось в нарочито нездоровый, неспортивный, недисциплинированный образ жизни поколения 1968 г.⁶⁶ Еще более ясно это видно на примере популярности движения хиппи, демонстративно отказывавшихся от прежних строгих нравов, от культа успеха и проповедовавших расслабленный и хаотичный образ жизни и поведения.

Война, которую вели США во Вьетнаме и для немецких «революционеров» 1968 г. стала поводом для консолидации «международного интернационала молодых», как итальянские, немецкие, французские студенты себя называли во время антиамериканских демонстраций, и скандировали при этом «USA-SA-SS»⁶⁷. И это при том, что именно США вместе с союзниками освободили от фашизма Италию, Францию, половину Германии.

Интересно, что несмотря на то, что студенты протестовали против «американских империалистов», но формы протеста «*sit-in*», «*go-in*» они переняли как раз у американцев, американизируя, таким образом собственную страну. Студенты стремились преодолеть плюрализм как ширму капиталистического классового господства, но при этом способствовали тому, что ФРГ после них стала гораздо более плюралистической. Они нападали на парламентаризм и требовали заменить его Советами, но при этом на практике доказали, что их модель как раз и сводится к манипулированию «непросвещенным» большинством «продвинутым» меньшинством. Они требовали пересмотра «фашистского наследия», но при

⁶⁶ Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012. С. 23.

⁶⁷ Коелен G. Und in den Herzen Asche // Der Spiegel. 2001, № 35. S. 160.

этом настолько выхолостили само понятие «фашизма», что оно стало бессодержательным: «фашистским» был и Третий рейх, и «позднекапиталистическая» ФРГ. Теоретики студенты выказывали настолько догматический марксистский образ мысли, что превратили его в очевидно плоскую пошлую и вульгарную модель мышления. Вместе с тем, они дали существенный толчок к критическому переосмыслению марксизма как такового. Молодежь бесило то, что послевоенное немецкое общество считало себя демократией, но не желало по-настоящему расставаться с прошлым⁶⁸.

Немецкая молодежь в 1968 г. использовала упрощенные схемы для объяснения прошлого – наподобие той, что ФРГ – это простое продолжение Третьего рейха (как и в тогдашней советской историографии). С точки зрения студентов нацистское прошлое и в 1968 г. являлось ужасающе актуальным, молодежь воспринимала Боннскую демократию как фашистскую республику. Это была поразительная абберация действительности⁶⁹. Вместе с тем, «революционеры» 1968 г. дали существенный толчок к критическому переосмыслению действительности. Как ни парадоксально, но этот буйный и спонтанный протест способствовал развитию реформ и привел к большей гибкости демократии⁷⁰. Выпавшая на канцлерство Вилли Брандта «революция» молодежи способствовала тому, что страна очень сильно изменилась, гораздо больше, чем при его предшественниках Кизингере и Эрхарде. Немецкий историк Манфред Гертемахер писал даже об основании республики заново после 1968 года⁷¹.

⁶⁸ *Kilmansegg P.* “Nach der Katastrophe”. Berlin, 2005. S. 76.

⁶⁹ *Koenen G.* Und in den Herzen Asche // *Der Spiegel*. 2001, № 35. S. 156.

⁷⁰ *Novick P.* Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord. Stuttgart, 2001. S. 252.

⁷¹ *Novick P.* Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord. Stuttgart, 2001. S. 323.

Стереотипный образ немца, который непрерывно извинялся за войну, возник именно вследствие «революции 1968 года». До этого немцы скорее отрицали свою личную и коллективную ответственность. Большинство считало себя жертвами, а не преступниками – жертвами нацизма, неспособности своих вождей выиграть войну, жертвами бомбардировок, мести союзников, послевоенных лишений и т.д. Вина легко перекладывалась на чужие плечи⁷². После 1968 г. ситуация радикально поменялась – взоры обратились к собственной вине немцев в происшедшем. Понятно, что государственные преступления тоталитарных диктатур – это не «природные катастрофы», а следствие целой цепочки поступков и действий отдельных людей, людей, которые, в конечном счете, должны за это отвечать. Между тем, в 1969 г. 76% опрошенных немцев считали необходимым подвести черту под преследованиями нацистских преступников, а 22% выступали за продолжение преследований. Десять лет спустя картина парадоксальным образом поменялась – 46% против, а за 40%⁷³.

Какие мнения преобладают ныне в оценках воздействия «революции 1968 года» на ФРГ? Суждения могут быть самыми разными, но преобладает признание некоего морального позитива, принесенного этими событиями.

Крупный немецкий историк Ханс-Ульрих Велер весьма скептически высказывался о «революции 1968 года», по его мнению, она точно не была «вторым часом ноль» для Германии. Студенческие волнения охватили и немецких учащихся – протестное движение 1968 года стимулировало ощущение причастности к каким-то небывало масштабным изменениям в мире. Но самым главным следствием

⁷² Лоу К. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М., 2013. С. 212.

⁷³ Kilmansegg P. “Nach der Katasrtrophe”. Berlin, 2005. S. 54.

революции 1968 г. стало резкое политическое полевение ФРГ. Оно проявилось в том, что 1 декабря 1966 г. – впервые с 27 марта 1930 г. СДПГ приняла участие в формировании правительства Германии. К 1969 г. влияние СДПГ сильно выросло – члены этой партии руководили 40 из 56 крупными городами ФРГ⁷⁴.

21 октября 1969 г. с преимуществом в 12 голосов Вилли Брандта избрали канцлером. Ему принадлежат легендарные слова: «*Wir stehen nicht am Ende unserer Demokratie, wir fangen erst richtig an*»⁷⁵.

Не без оснований ФРГ эры Аденауэра и Эрхарда характеризовали как государство ХДС и критиковали за это, скептически оценивая перспективы такого государства. Напротив, 1960-е гг. находились под знаком значительных перемен. Это нашло отражение в многочисленных публикациях. Во внешней политике перемены отразились, прежде всего, в новой «*Ostpolitik*». В конце 1960-х гг. с формированием социал-либеральной коалиции «прощание с авторитарной демократией» показалось возможным и необходимым. Во внутренней политике и формировании новой политической культуры на повестке дня стоял вопрос, сформулированный Брандтом «отважиться на большую демократию».

Восточная политика ФРГ в 1960-е гг. вызывала в немецкой общественности споры вследствие своей ригидности и министр иностранных дел Генрих фон Брентано в октябре 1961 г. подал в отставку. Его сменил бывший министр внутренних дел Герхард Шредер. Вместе со статс-секретарем Карлом Карстенсом он развил новые инициативы в восточной политике. Эти инициативы и

⁷⁴ *Großkopff R.* Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007. S. 68.

⁷⁵ «Мы находимся не на завершенной фазе демократии, а в начале процесса демократизации». *Großkopff R.* Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007. S. 68.

позволили перейти во внешней политики от эры Аденауэра к эре «Большой коалиции», что и открыло дорогу смелым планам Брандта.

7 марта 1963 г. между ФРГ и Польшей состоялось подписание договора о торговле и развитии судоходства по Балтике и принято решение о создании немецкого торгового представительства в Варшаве, которое и открылось 18 октября 1964 г.

17 октября 1963 г. достигнуто соглашение об обмене торговыми представительствами с Румынией, а 9 ноября с Венгрией. Таким образом, немецкий МИД приступил к постепенному демонтажу «доктрины Хальштейна».

15 июля 1963 г. доверенное лицо бургомистра Берлина Брандта Эгон Бар выступил со знаменитой речью в Тутциге. Среди прочего он сказал, что «зона» (то есть ГДР) должна трансформироваться с согласия Советов, этим мы сделаем большой шаг к объединению. Стена – это признак слабости, следствие инстинкта самосохранения коммунистов. Для ФРГ вопрос стоит в том, как добиться смягчения режима «зоны» насколько это возможно⁷⁶.

Понятно, что решение о признании утери «восточных территорий» было очень тяжелым. Брандт высказался в том смысле, что восточные договора – это венок на могилу Пруссии, но сама могила существует с 1947 г. Сказать, что решение о переносе польской границы после войны являлось сомнительным, значит сильно преуменьшить проблему. Линия Керзона отсекала от Восточной Польши территорию, по площади равную трем прибалтийским государствам (Латвии, Литве и Эстонии). Согласиться на такую границу сразу, значило бы одобрить советское вторжение в Польшу в 1939 г. Даже англичане под впечатлением Ялты признавали чрезмерную жесткость решений о немецких границах.

⁷⁶ Schöllgen, G. Geschichte der Weltpolitik von Hitler bis Gorbatschow 1941 – 1991. München, 1996. S. 174.

Так, член нижней палаты от Лейбористской партии Джон Рис Дэвис с горечью констатировал в парламентской речи: «мы начали эту войну, руководствуясь вескими причинами и высокими идеалами. Мы опубликовали Атлантическую хартию, а затем наплевали на нее, растоптали и потом сожгли на костре – и теперь от нее ничего не осталось»⁷⁷.

В Германии, разумеется, также считали, что решения о немецких границах на востоке являются «карфагенскими», поэтому политику, который бы поднял вопрос о необходимости признания существующего положения вещей, понадобилось бы очень много мужества, если не сказать отчаяния. Исходя из трудности такого рода ревизии прежней политики, открытость по отношению к Востоку и сближение с ним, которые начали Вилли Брандт и Эгон Бар, первоначально раскололи общество⁷⁸. Но после подписания «восточных договоров» СДПГ добилась 19 ноября 1972 г. на выборах наивысшего успеха: 45,8% немцев проголосовали за неё⁷⁹. Вероятней всего, эту победу следует связывать с общим полевением Запада в целом.

Заслуги Брандта и его помощников были очень велики, без них воссоединение страны в 1990 г. вряд ли бы состоялось. Объединение Германии Брандт предпочитал называть «*Neuvereinigung*» (объединение вновь)⁸⁰.

Особенно тяжелым стал процесс примирения с Польшей по понятным причинам – в процентном отношении к общему числу населения Польша понесла наибольшие потери во Вторую мировую войну.

⁷⁷ Лой К. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М., 2013. С. 285.

⁷⁸ *Großkopf R.* Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007. S. 70.

⁷⁹ *Winkler H.A.* Der lange Weg nach Westen. Zweiter Band. Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. München, 2002. S. 309.

⁸⁰ *Noack H.-J.* Der ewige Fremdling // Der Spiegel. 2004. S. 50.

Немалую роль в нем сыграла католическая церковь. В 1965 г. польские епископы предложили Германии примириться и простить друг друга. В 1970 г. подписан договор о границах. Миллионам поляков разрешили посетить своего ближайшего соседа. Для пересмотра учебников истории, исправления неточной статистики и недопущении открытой манипуляции историческими эпизодами по политическим соображениям учредилась польско-немецкая комиссия. События прошлого не забыли, а поставили в должный контекст. В настоящее время немцы и поляки считаются дружественными нациями. Оставшаяся ненависть – удел небольших групп аутсайдеров⁸¹.

В ФРГ весьма болезненным был вопрос об отношении к изгнанию из восточных земель 12-14 млн. немцев. Различные землячества изгнанных рассматривались в Восточной Европе как реваншистские и ревизионистские организации. Всеобщее согласие партий в вопросах относительно изгнанных немцев и объединения Германии нашло свое выражение в создании в 1954 г. куратория «Неделимая Германия – комитет по вопросам объединения». Его первым председателем в 1954-67 гг. являлся социал-демократ Пауль Лёбе, бывший председатель Рейхстага. Наследником Лёбе на посту председателя куратория в 1967-72 гг. стал Вильгельм Шютц, жестко критиковавший политику Аденауэра, ориентированную исключительно на Запад. Позже Шютц стал сторонником новой восточной политики Вилли Брандта.

С новой восточной политикой Брандта связана переориентация «Союза изгнанных» на ХДС вместо СДПГ, которая долго время преобладала в среде изгнанных. После Брандта тема изгнанных, тесно связанная с правами человека, ушла из общественных дискуссий и стала трактоваться в

⁸¹ Лоу К. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М., 2013. С. 473.

правоконсервативном и даже правозэкстремистском ключе.

Образцовым по отношению к проблеме изгнанных и лишенных родины было поведение и образ мысли известной в Германии журналистки графини Марион Дёнхофф (1909-2002). Аристократическая уроженка Восточной Пруссии смогла примириться с потерей родовых владений и никогда не задумывалась об их возвращении. Дёнхофф считала своим долгом способствовать восстановлению политических и культурных связей ФРГ и восточноевропейских стран. В 1988 г. она учредила собственный фонд с целью «содействовать развитию дружественных отношений между немцами и гражданами Восточной Европы». В том числе, и она способствовала популяризации «туризма на родину», который перестал рассматриваться как политически опасное явление и даже стал приветствоваться как чисто по-человечески, так и из экономических соображений⁸².

В этой связи тему патриотизма и любви к родине в ФРГ всячески стремились деполитизировать или избегать. Социал-демократу, одно время министру юстиции Густаву Хайнеману принадлежат бессмертные слова, что он любит не родину, а свою жену. Избрание Хайнемана в 1969 г. президентом стало первым признаком перемен в истории ФРГ.

Отставка Брандта из-за скандала со шпионами из ГДР, за что он взял на себя ответственность, не привела ни к каким переменам в его курсе на сближение с восточноевропейскими странами. Несмотря на то, что Гельмут Шмидт (канцлер в 1974-81 гг.) скептически относился к взглядам Вилли Брандта на СССР, он продолжил его *Ostpolitik* и во многом способствовал утверждению новой западногерманской политики памяти. Интересно, что Шмидт был первым

⁸² Ян, Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М., 2014. С. 74 – 75.

немецким канцлером, произнесшим официальную речь в Освенциме 27 ноября 1977 г.⁸³ Тем самым он на самом высоком уровне утвердил немецкую линию поведения на покаяние за преступления нацистов.

Главной приметой исторической политики после объединения Германии стало нарастающее морализаторство в отношении нацистского прошлого и стремление во что бы то ни стало не допустить хотя бы малейшей его релятивации или историзации. Преступления нацистов постоянно и последовательно инструментализируют. Даже небольшие отклонения от этой линии совершенно нежелательны. Отказ от каких-либо проявлений патриотизма и утверждение «особой вины» немцев за холокост стали в ФРГ чем-то вроде базового консенсуса. К этому консенсусу относится также осуждение геноцида евреев и политики насилия в целом, это центральные элементы политической идентичности граждан ФРГ.

Это проявилось даже в том, что падение Берлинской стены пришлось на 9 ноября – как и антиеврейский погром 1938 г. в «*Reichskristallnacht*», но немецкое правительство не решилось объявить этот день праздником, поставив его на другую, ничего не значащую дату.

Левая общественность старой ФРГ вообще была против объединения, так как считала его наказанием нации за уничтожение евреев. По мнению Гюнтера Грасса, Германии следовало оставаться раздробленной в качестве наказания за Освенцим. Также странным выглядело его утверждение, что немецкие поставки оружия в 1991 г. в Ирак – это продолжение той линии, которую немецкая политика начала на конференции в Ванзее в 1942 г. По всем признакам Грасс склонялся к тому, чтобы подавать себя как самого главного морального ментора Федеративной

⁸³ Herf J. *Divided Memory. The Nazi Past in the Two Germanies*. Cambridge, 1997. P. 347.

республики Германия⁸⁴.

Известная берлинская журналистка Соня Марголина была совершенно права в том, что один из парадоксов осмысления истории (в том числе и Третьего рейха) состоит в том, что оно, несмотря на серьезный и заслуживающий внимание и уважения труд, тысячекратное сознательное усилие понимания и морального очищения, проходит фазы, напоминающие эволюцию религиозных движений. Энтузиазм и взлет парадигмы сменяется догматизацией, ведущей к оскудению мысли и конформизму. Сложность сменяется мифом, сомнения просто пресекаются⁸⁵. Именно такую эволюцию проделало немецкое осознание вины за нацизм, поэтому немецкие публицисты по сути ведут охоту, главной жертвой которой стало не наследие Третьего рейха, а рассудок, простой здравый смысл, справедливость, а также и действительность истории.

Одним из таких примеров однобокого подхода к истории является вопрос о немецких жертвах войны, которые ввиду немецкой ответственности за войну просто замалчивались. В 2000 г. один из фондов «Союза изгнанных» предложил учредить в Берлине «Центр против изгнаний». Это вызывало многочисленные дебаты, поскольку существовали опасения, что память о немцах, ставших жертвами в заключительной стадии войны, приведет к релятивации вины Германии за нацизм и войну.

В итоге дебатов в 2008 г. родился совместный проект СДПГ и христианских демократов по созданию фонда «Бегство, изгнание, примирение», а также соответствующего информационного центра в Берлине. Этот центр «Зримый знак» должен был сохранять память о

⁸⁴ *Kurbjuwelt D.*, et al. Fehlbar und verstrickt // *Der Spiegel*. 2006, № 34. S. 49.

⁸⁵ *Марголина С.* Конец прекрасной эпохи // *Неприкосновенный запас*. 2002, № 2. С. 44.

60-80 млн. европейцев, подвергшихся изгнаниям в первой половине XX века. Но из-за сдержанного отношения к этому проекту поляков, а также из-за боязни упомянутой релятивации его признали нуждающимся в новом обсуждении. В декабре 2008 г. Бундестаг принял решение об основании фонда «Бегство, изгнание, примирение» как отдела Немецкого исторического музея⁸⁶. Однако поляков не удовлетворило и это решение. Особенно их раздражала фигура председателя «Союза изгнанных» Эрики Штайнбах. Владислав Бартошевский, уполномоченный правительства Дональда Туска по взаимоотношениям с Германией заявил, что это назначение было бы таким же ошибочным, как «если бы Ватикан назначил отрицающего Холокост Уильямсона уполномоченным по отношениям с Израилем». В ходе одного из проведенных в Польше опроса общественного мнения Эрику Штайнбах назвали в числе личностей в политике, вызывающих наибольшие опасения, второй после президента Путина, опередив даже президента Махмуда Ахмадинежада.

На торжественном заседании Бундестага Бартошевский в речи, посвященной 60-летней годовщине освобождения узников Освенцима, упомянул также изгнание немцев с бывших восточногерманских территорий. Он сказал: «Будучи народом, который в особой степени пострадал от войны, мы знакомы с традицией принудительных переселений, а также со связанными с ними насилиями и преступлениями. Мы помним о том, что это затронуло и значительную часть немецкого населения, и то, что Польша тоже несет вину. Я хочу открыто заявить: мы сожалеем о судьбе и страданиях ни в чем не повинных немцев, затронутых последствиями войны и вынужденными покинуть свою родину». Далее

⁸⁶ Ян, Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М., 2014. С. 67.

он процитировал слова Яна Юзефа Липски, известного польского диссидента и интеллектуала, произнесенные в 1981 г.: «Мы причастны к тому, что миллионы людей были лишены своей родины, из которых одни были виновны в том, поддерживали Гитлера, другие в том, что позволяли совершать преступления, третьи в том, что не нашли в себе героизма бороться против государственной машины, и это в то время, когда их государство вело войну. Даже великое зло, причиненное нашему народу, не является и не может быть оправданием тому злу, которое мы сами причинили другим; изгнание людей с их родины в лучшем случае может быть небольшим злом, но, ни в коем случае, не хорошим поступком... Выбор в пользу небольшого зла не должен делать нас нечувствительными к моральным проблемам. Зло – это зло, а не добро, даже если оно мало и неизбежно»⁸⁷.

Также долгое время замалчивали тему массового насилия над женщинами в войну – РККА вела себя в Германии так, как никто себя не вел в Европе со времен Тридцатилетней войны. Понятно, что это было спровоцировано нацистским варварством, но отвечать преступлением на преступления не правильно. Так любопытно, что история об изнасилования Марты Хиллерс (книга называлась «*Anonima – eine Frau in Berlin*») была издана в 1961 г., но её дружно замолчали по понятным причинам. 90-130 тысяч жительниц Берлина были изнасилованы советскими солдатами. В 2003 г. эта книга стала бестселлером, а в 2008 г. по ней сняли фильм. Хиллерс описала, почему посторонние люди почти не испытывали сочувствия немецким женщинам, подвергшимся страданиям и почему многие немцы считали, что, возможно, некий мстительный бог послал наказание в

⁸⁷ Ян, Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М., 2014. С. 65, 70.

виде насилия над женщинами за их недостойные поступки⁸⁸.

Также скорее негативной была реакция на тему немецких жертв в мемориальном дискурсе. Тему бомбовой войны подняли заново Винфрид Зебальд и Йорг Фридрих. В 1999 г. вышла книга Зебальда «*Luftkrieg und Literatur*» (Война в воздухе и литература). Зебальд, хотя и родился в Швабии, но учился в Швейцарии, затем стал доцентом университета Норвича в Восточной Англии. Зебальд в своей книге указывал, что в отличие от немцев, у которых преобладает пассивная реакция на оценки злодейских бомбежек немецких городов в годы Второй мировой войны, в Великобритании имели место острые общественные дебаты – не только лорд Солсбери, Джордж Белл (епископ Честерский) в палате лордов, а также общественностью подавался голос протеста против этих бомбежек⁸⁹.

Стратегию так называемых «*area bombing*» (бомбежек по площадям) иные историки оправдывают тем, что Великобритания находилась в экстремально тяжелом положении перед лицом успешной экспансии Гитлера к 1941 г. Черчилль писал лорду Бивербруку, что у страны единственное средство противостоять нацистам – использовать тяжелые бомбардировщики в качестве оружия возмездия⁹⁰.

Гитлер, со своей стороны, также предусматривал такой способ ведения войны. Шпеер передавал в своих мемуарах, что Гитлер в 1940 г. в застольной беседе сказал, что Лондон настолько плотно застроен, что несколько очагов пожара будут достаточными для возникновения огненного смерча, который уничтожит столицу Великобритании. У Геринга просто не оказалось технических возможностей

⁸⁸ Кемп Ф. Кеннеди, Хрушев и самое опасное место на Земле. М., 2013. С. 35, 37.

⁸⁹ Sebald W.G. Luftkrieg und Literatur. München, 1999, S. 23.

⁹⁰ Ibid. S. 24.

для реализации этого плана⁹¹.

Другой автор на ту же тему, генерал пожарной службы Йорг Фридрих, в книге «Пожар. Германия в бомбовой войне 1940-1945» представляет бомбовую войну союзников как «войну на уничтожение» гражданского населения, немецкой культуры, памятников архитектуры, произведений искусства⁹². Когда Фридрих повествует в своей книге об «огненном смерче» в немецких городах, говорит о «цивилизационном разломе», называет соединения бомбардировщиков «опергруппами», горящие бомбоубежища «газовыми камерами» или крематориями, то он пользуется лексиконом холокоста. Такой подход не совсем адекватен – речь нужно вести не о том, насколько Треблинка и Освенцим превосходили по своим масштабам Дрезден и Гамбург, или наоборот, а о том, чтобы помнить о Гамбурге, Дрездене, Освенциме и Треблинке⁹³. Немецкий историк Ханс Ульрих Велер полагал, что язык Йорга Фридриха не очень дисциплинирован – особенно сравнения с холокостом неуместны.

Еще одна волна интереса к нацистскому прошлому началась с книги Гюнтера Грасса «Рак пятится назад». Одновременно в 2002 г. вышла книга Райнер Рёля «Запрещено скорбеть». Рёль, как и Грасс, родом из Данцига, но его мать, купив билет на «Густлов», из-за боязни морской болезни, поехала с ребенком на поезде. Рёль предпослал своей книге следующий эпиграф: «Спустя 57 лет после окончания войны мы почти каждую неделю и почти в каждом немецком городе оплакиваем жертвы нацизма. Страдания многомиллионных невинных жертв не должны быть забыты. Это правильно. Но эта публичная скорбь – неполная. Ведь миллионы невинных немцев также стали

⁹¹ Ibid. S. 119.

⁹² Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014. С. 202.

⁹³ Там же. С. 204.

жертвами войны против гитлеровского режима. Их убивали, изгоняли с родных мест, большинство из них пострадало от сталинского режима. Эти миллионы немецких жертв не удостоиваются траурных церемоний, торжественного поминовения, создания национального мемориала даже не планируется. Это плохо»⁹⁴.

По словам Ганса Ульриха Велера в его интервью журналу «*Der Spiegel*», табуизированными эти темы не были, но они связаны с настолько значительной травмой национальной памяти, что только со временем об этом стало возможно говорить⁹⁵. Велер полагал, что у историков был настоящий страх братья за такие темы – очень большой риск ошибиться в цифрах, моральных оценках. Он сказал: «я считаю, что для обсуждения подобных тем должно пройти хотя бы одно поколение. Учитывая все опасности, связанные с щекотливыми темами, всё же я уверен, что политическая культура, сложившаяся в Германии за последние 50 лет, не создает для обсуждения таких вопросов проблем».

Велер, как большинство немецких историков, отдавал себе отчет в том, что Гитлер инициировал тотальную войну, он приказал разнести в прах Варшаву, Роттердам, 2/3 английских городов. А потом такой подход аукнулся массовыми бомбежками немецких городов⁹⁶.

Все же, по словам Велера, уничтожение Дрездена по всяким мыслимым военным и политическим расчетам – бойня в чистом виде. Он привел цитату из беседы Черчилля с военными, который сказал однажды, рассматривая снимки разрушенных немецких городов: «мы ведем себя как настоящие бестии, правильно ли это?». Все же нужно отдать должное англичанам – Гитлер подобного никогда не говорил, американцы и англичане не убивали

⁹⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014. С. 200.

⁹⁵ Spiegel-Interview mit H.-U. Wehler // *Der Spiegel*. 2003, № 2. S. 51.

⁹⁶ *Ibid.* S. 52.

военнопленных, как это делали немцы в Арденнах в 1945 г.

Велер справедливо отмечал, что если «тяжелыми» темами не злоупотреблять, а воспринимать их с должной серьезностью и ощущением страшной трагедии, то дебаты будут очищать общественную атмосферу. Альтернативой такому подходу был бы культ жертв, который бы стигматизировал немецкий народ. Но сама ФРГ возникла на базе культуры открытого и критического переосмысления своего прошлого, воспитывая такое отношение к этому прошлому, которое открывает новые возможности в будущем и позволит создать позитивные отношения с соседями в Европе и в мире⁹⁷.

Продолжением тематики покаяния стала фотовыставка (с 1995 г.) о преступлениях Вермахта. Она концентрировалась на трех сюжетах: партизанская война в Сербии, оккупационная политика нацистов в Белоруссии и наступление 6-й армии на юге. До 1999 г. фотовыставку посетило около 800 тыс. человек, ей было посвящено около 10 тыс. статей в прессе.

При открытии выставки в Мюнхене в 1997 г. обербургомистр Кристиан Уде сказал, что лучше бы Реемтсмаа (куратор выставки, родственник известного фабриканта, сделавшего состояние на сигаретах) создал выставку, посвященную жертвам табакокурения, чем позорить храбрых солдат⁹⁸. Но эта реакция была скорее исключением, впечатление на немецкую общественность было произведено огромное, несмотря на то, что в 1999 г. польский историк Богдан Музиал и венгерский его коллега Кристиан Унгвари установили, что иные фото с выставки (почти четверть) – это фотодокументы, относящиеся к убийствам на Восточном фронте, вина за которые лежит на

⁹⁷ Spiegel-Interview mit H.-U. Wehler // Der Spiegel. 2003, № 2. S. 52.

⁹⁸ *Große Kracht K.* Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen, 2005. S. 157.

советской стороне. В частности, было представлено много фотографий с изображениями жертв расстрелов НКВД во Львове. Унгвари даже счел возможным утверждать, что только 10% снимков адекватны подписям по ним⁹⁹.

Еще одной демонстрацией немецкой политкорректности стала общественная реакция на речь председателя Бундестага Филиппа Йенингера, произнесенную 10 ноября 2011 г. в годовщину «хрустальной ночи». Он использовал в своем выступлении несколько неудачных формулировок и его обвинили в использовании нацистской терминологии и изложении точки зрения преступников. При этом Йенингер не оправдывал ни погромы, ни нацистское прошлое в целом¹⁰⁰.

«*Hühnerfutter-Rede*» (речь о корме курам) Филиппа Йенингера. Это выражение означает совершенное отсутствие политкорректности и происходит от фразы неблагодарного немецкого земельного политика, произнесенной в 1947 г. и обращенной американцам с такой оценкой щедрой помощи продовольствием: «*Sie haben uns die Hühnerfutter und Mais geschickt, und wir bezahlen es zu teuer*» (вы посылаете нам корм для кур и кукурузу, а мы за них слишком много платим).

Эти примеры из разных сфер политики и искусства демонстрируют открытую и согласительную позицию немецкой стороны и свидетельствуют о высокой степени немецкой политкорректности. Впрочем, спекуляции и политизация темы нацистского прошлого в кино, публицистике, в политике памяти привела к реакции, хотя и слабой, в немецком обществе на эти нелепицы.

Немецкий драматург и публицист Бото Штраусс

⁹⁹ Ibid. S. 158.

¹⁰⁰ Бергер С. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии 1949 – 82 гг. // Историческая политика в XX веке. М., 2012. С. 33.

указывал в своем эссе «Нарастающий трагический зов», опубликованном в журнале «Der Spiegel», что немецкая послевоенная интеллигенция (после Гитлера) сконцентрировалась исключительно на критике реально существующих общественных порядков и нравов, проповедуя прямо с религиозным пылом доброе и иное в форме светской эсхатологии. Эта последняя рухнула с таким же треском как и обещания иных сект о скором конце света. Либералы ныне выступают не как сторонники либерализма как такового, а как решительные противники антилиберализма, насаждая исключительно свои представления.

Между тем, следует проверить, что в этой толерантности подлинно и само собой разумеется, а что происходит из зацикленной немецкой самоненависти, которую и эксплуатируют чужаки, старательно разоблачающие «фашистоидные» свойства немецкого общественного и государственного устройства. Интеллектуалы благожелательно относятся к чужакам не ради них самих, а потому, что негативно относятся ко всему, что связано с Германией¹⁰¹. Нельзя отказать этим словам Штраусса в справедливости.

Ту же тему ранее развивал немецкий консервативный мыслитель Арним Молер. В одном из своих недавних сочинений он писал, что либерализма в Англии, Франции, США вовсе нет, есть лишь его видимость, поскольку общество во всех случаях глубоко консервативно. А либерализм держат лишь для прикрытия, для вывески и чтобы обмануть противника. Иностранцы всего этого не видят, если посещают Оксфорд или Вашингтон. Но те, кто долго жил в США, Англии и Франции знают, что в массе люди надежно защищены прочным государственным

¹⁰¹ *Strauß B. Anschwellender Bocksgesang // Der Spiegel. 1993, № 6. S. 203.*

сознанием и традициями от либеральных экспериментов¹⁰². Не то, чтобы Молер вовсе против демократии, просто она на его взгляд стратегически бесплодна. «В риторике такие общие понятия как свобода, равенство, братство в Англии, США, Франции ценят и используют. Однако при этом сохраняется главное – пространство для принятия политических решений. А в ФРГ политики боятся именно политики, то есть столкновения с врагом во имя высшей цели. В особенности, опасно ставить перед правовым государством морально-правовые условия, исходящие из принципа «не повторить того, что было при Гитлере».

Политическая философия тем и отличается от текущей политики, что ориентируется на общие стратегические цели, а не на сегодняшние задачи. Молер и критикует власти ФРГ за боязнь выйти за рамки существующего.

Молер цитирует Людвиг Херманна: «Гитлера, мы, может быть, преодолели. Однако мы не преодолели преодоления Гитлера, приведшего к студенческим мятежам 1968 г. и фундаментальной переоценке ценностей в последующий период. Поворот, который нам нужен, состоит не в том, чтобы снова в который раз переваривать 1933 или 1945 гг., а в том, чтобы преодолеть вредное непонимание по отношению к Гитлеру. Мы допустили историческое отчуждение от самих себя, а теперь нужно снять его»¹⁰³.

Молер считал, что, во-первых, осуждение нацизма вообще должно быть прекращено, так как на Западе оно давно уже превратилось в лицемерие, ибо к жертвам нацизма Запад безразличен. Во-вторых, оно приводит к нелепой попытке судить о внешней политике с позиции морали на уровне межличностных и семейных отношений. Но поскольку США и Англия отбросили моральные нормы

¹⁰² *Mohler A. Im Dickicht der Vergangenheitsbewältigung // Handbuch zur Deutsche Nation. Bd. 2. Tübingen, 1987. S. 64.*

¹⁰³ *Ibid. S. 73.*

в своей внешней политике, то и политика ФРГ должна быть свободна от моральных ограничений. Осуждение нацизма порождает излишний морализм. В-третьих, оно препятствует пониманию истории, то есть погружению в реальность национал-социализма¹⁰⁴.

Эти здравые суждения однако воспринимаются немецкой политкорректной публикой почти как провокация. Такую позицию осуждают как однозначно правую, если не как крайне правую. Между тем, в Германии правые практически совсем не заметны – если в 1980-х гг. популизм был представлен только австрийцем Йоргом Хайдером, то к 2005 г. правые популисты плодились как грибы после дождя – в Швейцарии Кристофер Блохер, в Италии – Умберто Босси и Сильвио Берлускони, во Франции – Жан-Мари Ле Пен. В Германии правых фигур похожих по влиянию в политике на этих персонажей, нет.

Впрочем, единственное исключение составляет утвердившийся в своей нише в начале 1990-х гг. правый еженедельник «*Junge Freiheit*». Одна из главных тем – роль национал-социализма в модернизации Германии. Один из его лидеров – Ральф Цительманн. Тема модернизации, принесенная тоталитарными режимами – фашистским, большевистским, нацистским кажется вполне достойной внимания и анализа, а не огульных обвинений в правом радикализме. У нас в стране также чуть не на правительственном уровне поднимался вопрос о модернизации, принесенной сталинизмом, и никто это не считает правым радикализмом.

Вследствие такого морального напряжения в немецком обществе во внешнеполитической сфере ФРГ придерживается крайне осторожного курса. Так, немецкий министр иностранных дел Гвидо Вестервелле в 2011 г. проголосовал в Совете безопасности ООН против

¹⁰⁴ Ibid. S. 105.

резолюции № 1973, разрешающей использование военно-воздушных сил, чтобы защитить население Ливии. Министр объяснял это тем, чтобы не навредить отношениям с Китаем, Россией, Индией и Бразилией.

Немцы вновь продемонстрировали осторожность в 2013 г., когда обсуждались военные удары по Сирии. Эта осторожность распространилась даже на военные операции, которые отвечают духу и букве международного права, как операция в Мали. В результате Франции пришлось одной проводить операцию, чтобы крупное государство в сердце Сахеля не превратилось в прибежище джихадистов. И здесь немцы явно уклонялись от ответственности.

Пацифизм немцев не может не раздражать других европейцев, но учитывая их историю, его истоки вполне понятны. Как иронично заметил один французский публицист, что «сказали бы те, кто сейчас возмущается пацифизмом немцев, если бы Германия активно наращивала свои вооруженные силы, проводила военные операции по всему свету и начинала боевые действия без каких-либо предварительных обсуждений, по одному решению канцлера? Мир почувствовал бы себя спокойнее?»¹⁰⁵.

К этому напряженному отношению немцев со своей историей в начале 2010 гг. добавилась еще одна проблема, связанная с трагической асимметрией в экономике ЕС, которая также имеет политическое происхождение.

После объединения Германии возникла проблема экономической «асимметрии» Европы – немецкая экономика абсолютно перевешивала все другие. Евро, вместо того, чтобы уравнивать шансы всех в Европе, лишь усилило гетерогенность национальных экономик, которые образуют еврозону. Получилось так, что немецкая экономика лучше работает при сильной валюте, однако

¹⁰⁵ *Шевенман Ж.-П.* 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 284.

другие страны обречены при этом на неполную занятость вследствие недостаточной эффективности собственной экономики по сравнению с немецкой. Поэтому богатство и благополучие скапливаются на одном полюсе, а отставание и дефициты на другом. В масштабе Европы, писал Жан-Пьер Шевенман, воспроизводится ситуация, сложившаяся в Италии, когда после объединения там была введена лира: существовавший всегда разрыв между севером (*Padania*) и югом (*Mezzogiorno*) лишь увеличился¹⁰⁶.

Немецкий профицит торгового баланса за два десятилетия после объединения сильно вырос – Германия является крупнейшей «мастерской» мира в том, что касается различного сложного оборудования и дорогих автомобилей, обгоняя Японию и США, и тем более Китай. Характерно, что второй после Китая по объему поставок для немцев является экономика Франции, где налицо немецкий перевес. К примеру, в течение года (2012-13) Франция импортировала из Германии товаров на 89,2 млрд. евро (17,3% ее импорта) и экспортировала на 72 млрд. (16,6% общего объема экспорта). Столь значительный дефицит (17 млрд. в 2012 г.) в торговле с Германией образовался давно. Немцы, конечно, не несут ответственности за дефицит французской внешней торговли: в сфере информатики - 7,4 млрд., телефонии - 4,3 млрд., бытовой электроники - 3,6 млрд., автомобильной промышленности - 6,8 млрд. в 2012 г. (против +10 млрд. в 2006 г.)¹⁰⁷. Разумеется, что ни о каком равенстве при таком дефиците речи не может быть. Французский государственный деятель Жан-Пьер Шевенман предостерегал в 2012 г., что «потеряв свою производственную базу из-за переоценки евро, Франция рискует превратиться в парк аттракционов на окраине

¹⁰⁶ Шевенман Ж.-П. 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 304.

¹⁰⁷ Там же. С. 268.

Евразии».

Как случилось так, что после краха 1945 г. судьба Германии и ее место в Европе так радикально переменялись? Второй американский президент Джон Адамс когда-то писал: «Есть два пути покорить и поработить нацию. Первый – с помощью оружия, второй – с помощью долгов». Именно к этому парадоксальным способом привела единая валюта; она не только позволила немецкой промышленности окончательно захватить европейский рынок и создать Германии колоссальный торговый профицит по отношению ко всей еврозоне (за строго бухгалтерским исключением Голландии), но и способствовала тому, что из-за чрезвычайно низкой в начале процентной ставки, государства, фирмы и граждане оказались по уши в долгах¹⁰⁸.

Одно время после объединения Германии казалось, что сумасшедшие расходы на объединение, на которые пошла ФРГ, замедлят обороты немецкой экономики, но, несмотря на упомянутые расходы, немцы оказались в выигрыше по той причине, что, как указывал Шевенман, ГДР явилась на свадьбу не с пустыми руками. Она была самой развитой страной СЭВ, русский язык там преподавали как обязательный, в том числе и поэтому у восточных немцев были тесные связи с Россией и странами Восточной Европы.

Восточные немцы сначала восприняли с энтузиазмом обмен валюты 1 к 1, но затем оказались из-за этого в положении иждивенцев, а предприятия в Восточной Германии приватизировали и подвергли жесточайшей реорганизации. Это «объединение-поглощение» оставило отпечаток в сознании восточных немцев и объясняет популярность левой партии на востоке. В нынешней Германии сосуществуют два исторических опыта и все еще сохраняется глубокий социальный и демографический

¹⁰⁸ Там же. С. 254.

разрыв: уровень безработицы в восточных землях заметно выше и они значительно сильнее страдают от депопуляции. Немцы обычно драматизируют эту разницу, но часто это делают вопреки очевидным достижениям – восточные земли были модернизированы и обустроены по западным стандартам. Чудесным образом преобразился Берлин, ставший настоящим европейским городом. Отреставрированы Лейпциг и Дрезден. Сколь бы ни был велик разрыв в доходах между различными землями (если в среднем в ФРГ принять эти доходы за 100, то на Востоке 80, в Гамбурге 123, на Рейне – 97,5), такая разница не выше, чем в других крупных странах Европы¹⁰⁹.

Самым важным было то, что присоединение восточных земель открыло новые возможности для немецкой экономики – после падения Берлинской стены Германия развернулась на Восток. Перед Европой вновь замаячил призрак старой геополитической проблемы – слишком сильная Германия. Чтобы минимализировать эту опасность, Франсуа Миттеран решил привязать Германию к Европе с помощью двух стратегий: создав Европейскую конфедерацию, куда вошла бы и Россия, и введя единую валюту. Он хотел проложить путь для «европейской Германии», дабы избежать опасности «немецкой Европы»¹¹⁰. Как известно, первая идея не воплотилась в реальность из-за негативной реакции стран ЦВЕ. Осуществился только план введения единой валюты в 1999 г. Он то и принес проблемы, все более растущие в масштабах со временем.

При введении евро думали, что единая валюта, подкрепленная мощью и престижем поглощенной ей немецкой марки, должна стать волшебным напитком, эликсиром жизни, который призван был создать, наконец,

¹⁰⁹ *Шевенман Ж.-П.* 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 239.

¹¹⁰ Там же. С. 237.

экономическое равенство и устранить постоянную, воспринимаемую как неприятную и как упрек разницу между зоной немецкой марки и остальной Европой. До введения общей валюты только немцы (или голландцы, австрийцы, датчане) были в экономическом плане приблизительно одинаково сильными. Немецкий экономист и государственный чиновник Тило Саррацин остроумно отмечал, что напрашивается аналогия с комиксом об Астериксе – как только Миракуликс приготовил волшебный напиток (общую валюту), все стали такими же сильными как Обеликс. Тем более, что немецкого Обеликса мучила совесть из-за его силы и ему хотелось разделить ее с другими и тем самым избавиться от чувства вины, которая мучила его после окончания Второй мировой войны¹¹¹.

Но полная реализация этой «уравнительной» функции новой валюты была возможна только в европейском федеративном государстве, об этом в Бундестаге 6 ноября 1991 г. предупреждал канцлер Гельмут Коль: «Политический союз является неотделимой составной частью экономического и валютного союза. Новейшая история учит нас, что представления о том, что экономический и валютный союз можно сохранить на длительный срок без политического союза, является ошибочным». Но вопреки этому справедливому суждению, ради воссоединения Германии Коль решил не портить отношения с Францией, поскольку Миттеран считал единую валюту панацеей.

При этом не было учтено, что самая значительная ущербность единой валюты, как писал Саррацин, в том, что бедные регионы не могут больше рассчитывать на то, что время от времени девальвация национальной валюты будет приводить к улучшению конкурентоспособности и тем самым элегантно компенсировать прошлые заблуждения

¹¹¹ Саррацин Т. Европе не нужен евро. М., 2015. С. 12.

относительно заработной платы¹¹².

Политики просто отодвинули экономические и финансовые соображения, о которых в голос твердили эксперты, в сторону – Гельмута Коля, а затем и его наследницу Ангелу Меркель больше беспокоило будущее единой Европы, чем государственные финансы ФРГ. Гельмут Шмидт 4 декабря 2011 г. в своей речи на съезде СДПГ также считал это приоритетом. Он очень много говорил на тему немецкой вины за холокост, о европейском завещании Робера Шумана и Конрада Аденауэра, об общей валюте и о необходимости солидарной немецкой ответственности за долги стран-партнеров в европейском пространстве. Эта речь выразила суть дилеммы Германии: постоянное пребывание в состоянии вины послевоенного времени. Шмидт показал моральную силу, проявленную Германией, которая и дальше будет выигрывать, принимая на себя эту вину¹¹³. То есть он показал, что решения нужно принимать не на основании экономической рациональности и тщательного анализа интересов сторон, а на сознании вины Германии. В этом духе Йошка Фишер предостерегал: «Ангела Меркель не должна оказаться в роли третьего за этот век немца, подобно Вильгельму II и Гитлеру, который разрушит Европу»¹¹⁴.

Свою роль сыграло и то, что обстоятельство, на которое указывал Гельмут Шмидт, говоря о колоссальной иллюзии развития – огромный профицит торгового баланса Германии – 5% от ВВП. Такой же, как у Китая: «наши либералы должны осознать тот факт, что для нас профицит, для других дефицит. Наши кредиты – это их долги. Подобная ситуация вряд ли совместима с идеалом

¹¹² Там же. С. 14.

¹¹³ Там же. С. 18.

¹¹⁴ *Шевенман Ж.-П.* 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 264.

равновесия, который мы некогда проповедовали. Если мы, немцы, позволим себе претендовать на роль европейского лидера, Германия окажется в изоляции».

Далее Шмидт вписал это объективное противоречие в широкий исторический контекст: «Эти шестьдесят лет, когда мы, немцы, ценой таких усилий возродили страну, мы никогда не были одиноки. Ее возрождение было бы невозможно без помощи западных победителей, без поддержки ЕС и НАТО, без содействия наших соседей, без падения Восточного блока и краха коммунистической диктатуры. Нам, немцам, есть за что быть благодарными, отвечая солидарностью на солидарность, проявленную по отношению к нам. В поисках рецептов преодоления нынешнего кризиса мы не должны выставлять свой экономический и социальный уклад, нашу федеративную систему, нашу концепцию бюджета и ведения финансов как модель или пример для подражания, а лишь как один из возможных путей»¹¹⁵.

Но вина виной, а экономическая целесообразность всё же дала о себе знать – так немецкий экономист Хенрик Эндерляйн отмечал, что «после введения евро у нас не было выбора, кроме как стать конкурентоспособными. Но нелепо считать, будто Германия сделала это во вред другим странам». Эндерляйн справедливо указывал, что Германия не стремилась специально к своему нынешнему положению, и что произошло это из-за структуры зоны евро. Он также считает, что отчасти в этом виноват ЕЦБ, потому что после введения в 1999 году евро базисные процентные ставки в еврозоне удерживались на уровне между тремя и четырьмя процентами. Для южноевропейских стран это была слишком низкая ставка, приведшая к быстрому подъему, стремительному росту зарплат и цен. Для Германии же эти ставки были слишком высоки, и работодатели были

¹¹⁵ Там же. С. 260-261.

вынуждены сдерживать рост зарплат, чтобы их продукция была доступна по цене. На первый взгляд, такая политика не кажется агрессивной, однако южноевропейские страны жаловались, что Германия виновна в «демпинге зарплат» и в их искусственном занижении внутри страны. Такое сопротивление увеличению зарплат привело к экономическому росту в Германии, повысило ее уверенность в себе, а в результате укрепило ее влияние¹¹⁶.

Вообще то первоначально Миттеран надеялся, что введение общей валюты отнимет у Германии ее «атомную бомбу» – доминирующую немецкую марку, предполагалось, что евро разрушит экономическое господство Германии, но все произошло с точностью до наоборот. Общая валюта связала воедино судьбы стран-членов еврозоны и дала Германии власть над остальными. Вот почему «немецкий вопрос» вернулся. Новая Германия опять оказалась слишком велика и сильна для Европы, но слишком мала, чтобы полностью доминировать. «Доминировать» в данном контексте означает оплачивать долги других, и именно в таком свете смотрели на ситуацию греки в 2015 г. Греки хотели, чтобы Меркель создала нечто вроде плана Маршалла, как когда-то поступили США, чтобы поднять послевоенную Европу из разрухи. Вопрос только в том, как объяснить немцам, в чем смысл их жертв? Почему они должны раскошелиться?

Германия и так была главным спонсором пакетов помощи Греции. По сути, греки хотят немецких денег, но не немецких правил, в соответствии с которыми долги нужно возвращать. Тило Саррацин в этой связи справедливо отмечал, что невозможно централизованно принудить государства-должники к благоразумному поведению. Во-первых, трудно определить, что является благоразумным,

¹¹⁶ *Ertel M., Kunz K., Mayer W.* „Das Vierte Reich“ // *Der Spiegel*. 2015, № 13. S. 23.

разница в культуре не позволяет ввести шкалу понятий «верно» и «неверно». Во-вторых, действенный контроль в случае задолженностей либо лишает государство его суверенного характера, либо неэффективен¹¹⁷.

В итоге получается, что Германия – это крупнейший кредитор в Европе, а кредиторы обладают властью над должниками: они рассчитывают на благодарность, и зачастую у них есть четкое представление о том, что должны делать должники, дабы вернуть когда-нибудь взятые займы деньги. И кредиторов обычно не любят. Кредиторы хотят обладать властью над должниками, потому что они боятся. Боятся, что не увидят своих денег. Поэтому представляется, что на самом деле, Германия недостаточно велика, чтобы решать проблемы всех прочих стран посредством денег и без ущерба для себя. Отсюда и падение интереса к единой Европе – так в 2006 г. на вопрос «есть ли будущее у Европы?» положительно ответили 62% немцев, в 2012 г. – лишь 41%. Напротив, доля отрицательных ответов с 2007 по 2012 гг. выросла с 10 до 34%¹¹⁸.

Опросы же европейцев показывают, что за рубежом немцев уважают. Но в сегодняшней Европе люди все равно сразу начинают кричать о нацизме, как только политика Германии становится для них некомфортной. У обвинений в адрес немецкого правительства странная диалектика. Люди говорят, что Германия доминирует, но не ведет за собой. Она — гегемон, но гегемон слабый. Министр иностранных дел Польши 29 ноября 2011 года на Берлинском форуме по внешней политике сказал: «Я требую от Германии, чтобы она ради нашей и вашей общей пользы, помогла выжить еврозоне. Вы знаете, что никто другой не сможет этого сделать. Наверное, я буду первым

¹¹⁷ Саррацин Т. Европе не нужен евро, с. 24.

¹¹⁸ Шевенман Ж.-П. 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 249.

в истории министром иностранных дел Польши, который это скажет. Я начинаю меньше бояться немецкой мощи, чем немецкого бездействия». Но механизмы воздействия, направленные на спасение еврозоны, крайне ограничены.

Германию обвиняют в том, что она «не хочет делиться своей кредитной картой». Но что в этом странного? Для ФРГ важно сохранить ресурсы, чтобы финансировать все возрастающие пенсионные расходы. Если вспомнить о ее демографической ситуации, этот подход более чем оправдан. По сути, интересы Германии в завышенном курсе евро, а также в полностью открытом для международной конкуренции внутреннем рынке и введении в действие планов бюджетной экономии ведут к тому, что ее европейские партнеры обречены на равновесие неполной занятости, которое в долгосрочной перспективе окажется нестерпимым. Так по сути все и складывается: в 2012 г. в Германии уровень безработицы составляет 7%, в среднем в еврозоне – 12%, а в Испании и Греции – 27%. В результате ФРГ сталкивается с объективно противоречащими друг другу требованиями. Ангела Меркель не без оснований отказывается платить по счетам стран, которые неблагоразумно залезли в долги. Однако эти страны оказались в плачевной ситуации в том числе от того, что единая валюта обрекла их на структурную безработицу¹¹⁹.

Летом 2012 г. авторитетный немецкий экономист Ханс-Вернер Зинн писал, что существует всего лишь две возможности восстановления конкурентоспособности стран Юга (не спровоцировав всплеска инфляции в основных государствах еврозоны): они либо выходят из валютного союза и девальвируют свои новые валюты, либо остаются в еврозоне и соглашаются встать на долгий и тернистый путь снижения цен. Оба решения будут весьма болезненными,

¹¹⁹ *Шевенман Ж.-П.* 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 252.

но второй опасней из-за сильного снижения зарплат, политической нестабильности. Зинн считал, что самым оптимальным является выход из еврозоны¹²⁰. Наверное, так оно и есть, поскольку парадокс в том, что жертвы, которые требуют от стран Юга, не только пока не принесли никаких плодов, но и обрекли всю Европу на долговременную стагнацию¹²¹. Ханс-Вернер Зинн в итоге призывает вывести из еврозоны страны, которые больше всего погрязли в долгах. Этот призыв близок к проекту 1994 г., выдвинутому министром финансов ФРГ Вольфгангом Шойбле. Последний призвал ограничить еврозону Германией и Бенилюксом, к которым из политических соображений добавили Францию. Это последнее предложение о Франции не отвечает никакой экономической логике – с начала 2000-х гг. конкурентоспособность французской экономики резко снизилась, дефицит торгового баланса составил 70 млрд. евро. Но без Франции еврозона напоминала бы просто большую Германию¹²². Не случайно, Генри Киссинджер иронически спрашивал по какому телефону звонить в Европу? Теперь ясно – по телефону Меркель.

Дочь основателя «Национального фронта Франции» Марин Ле Пен указывала, что распад ЕС приведет к процветанию Европы. В одном интервью она сказала: «ЕС, как и СССР не подлежит ремонту. Я хочу вернуть Европу к союзу суверенных государств». На ее взгляд, единственная страна, которой совершенно подходит ЕС – это Германия. Она постоянно выигрывает в экономическом отношении от ЕС¹²³. Последнее утверждение совершенно резонно, только никакой вины Германии в этом нет.

¹²⁰ Там же. С. 250.

¹²¹ *Шевенман Ж.-П.* 1914 – 2014. Европа выходит из истории? М., 2015. С. 264.

¹²² Там же. С. 253.

¹²³ *Васильченко А.* «Евросоюзу» Гитлера. История объединенной Европы, которую не принято вспоминать. М., 2015. С. 7.

Немецкое покаяние за нацизм и его преступления (немцы до крайности перепугались своего прошлого) и сознательный отказ от притязаний на ведущую политическую роль в Европе и в процессе ее интеграции, и во всем остальном, стало, с одной стороны, условием успешной европейской интеграции, а, с другой, значительно исказило историческую перспективу относительно недавнего прошлого в угоду политическим целям, которые немецкая общественность, политики и социальные науки последовательно реализуют. Советский опыт говорит, что этого нельзя делать – «учебник истории, написанный только для евреев (или для афроамериканцев, греков, женщин, пролетариев, гомосексуалистов и пр.) никогда не будет хорошим, даже если он может утешить тех, кто ему верит», отмечал французский писатель Паскаль Брюкнер¹²⁴. Он же писал, что такое ощущение, будто Третий рейх буквально проглотил один за другим все те столетия, что предшествовали его появлению на свет, становясь ключом к насилию и жестокости, творившимся за сотни лет до него. Но нельзя так исказить историю, манипулируя ею в угоду тому или иному меньшинству. Все деспоты и тираны Европы несводимы к Гитлеру, поскольку даже в ужасном есть своя градация и своё разнообразие¹²⁵.

Несмотря на рост дистанции времени, прошедшего со времени Третьего рейха, он не стал для немцев «нормальным» предметом исторического анализа, как прочие исторические эпохи новейшей истории. Всякие исторические объяснения национал-социализма в Германии полностью политизированы, невозможно набрать никакую

¹²⁴ Брюкнер П. Тирания покаяния. СПб., 2009. С. 131

¹²⁵ Там же. С. 145.

дистанцию к объекту анализа.

Как же получилось, что историческая действительность и ее адекватное истолкование вошли в противоречие с политическими потребностями немецкого общества, то есть тем, как оно себе их представляет?

В скандинавских странах на домах часто можно видеть развевающийся национальный флаг – картина совершенно непредставимая в Германии. В Германии национализм был со временем заменен вымученным морализмом, который вновь и вновь возвращает немцев к теме вины и покаяния. У немцев целый словарь для обозначения темы преодоления нацистского прошлого: *Geschichtspolitik* (историческая политика), *Vergangenheitspolitik* (политика в отношении прошлого), *Identitätspolitik* (политика в отношении идентичности), *Erinnerungspolitik* (политика в отношении воспоминаний), а также: *Erinnerungskultur* (культура воспоминаний), *Geschichtsbewusstsein* (сознание истории), *Vergangenheitsbewältigung* (преодоление прошлого). Последнее слово употребляется во французском и английском языках без перевода, но только по отношению к Третьему рейху¹²⁶. Все эти термины так или иначе связаны с морализацией, с извлечением нужных уроков из уродливого нацистского прошлого. Это морализаторство, однако, не всегда искренне, последовательно и не всегда соответствует исторической действительности, часто производит впечатление и является искусственным.

Немецкий публицист Хаймо Швильк указывал, что морализаторство в политике – это не немецкое изобретение, немцы это качество импортировали из Америки. Американский экономический и торговый экспансионизм очень удобно прятать за ширмой прав человека, также как и немецкую национальную катастрофу

¹²⁶ Шерер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Историческая политика в XX веке. М., 2012. С. 474.

нацизма за ширмой моральной подавленности, отчаяния. Этот морализм потребен и для стыдливой маскировки немецкого фетишизма успеха и процветания. Вслед за Энценсбергером Швилк писал, что немцы никогда не были так хороши и у них никогда не были дела лучше, чем ныне (речь идет о 1980-х гг., да и ныне положение не сильно изменилось). Никогда немцы не были более миролюбивы, так хорошо социально организованы, а немецкое общество так солидарно. Между тем, Фрейд в свое время напоминал, что с развитием человеческой цивилизации насилие никуда не исчезает, оно только видоизменяется. Это проявляется, в своего рода, хитрости насилия (*List der Gewalt*), когда оно уползает из политики в поведение на дороге автомобилистов, в наркоманию, убийства нерожденных (аборты), где и проявляет свою сущность¹²⁷.

В этом смысле насилие и вина за него неискоренимы. Поэтому до сих пор в Германии общепринятым является, что никто не свободен от необходимости определить свое отношение к происшедшему. Как в пьесе Жана-Поля Сартра «Грязными руками» нет ни одного персонажа, который смог бы в тех обстоятельствах сохранить свою репутацию, оставшись незапятнанным. Диктатура, которая отнимает у людей возможность самостоятельно принимать решения, коррумпирует таким образом всех, всех делает ответственными. Ответственность отдельного человека не растворяется в коллективной вине.

Западные немцы постоянно драматизируют всякую обычную негативную тенденцию развития общества, на которую в других европейских странах и внимания бы никто не обратил. Марк Блок, похоже, был прав, когда подметил, что «немцы интенсивнее переживают свои коллективные воспоминания, нежели французы, которые

¹²⁷ *Schwilk H. Wendezeit – Zeitenwende. Beiträge zur Literatur der achtziger Jahre. Bonn, Berlin, 1991. S. 26.*

издавна склонны руководствоваться здравым смыслом»¹²⁸.

Это немецкое качество осмысленно описал итальянский посол граф Феррарис: «ФРГ – это необычайно успешное государство, имеющее очень стабильное общественное устройство, у него более, чем у всей остальной Европы достаточно оснований для удовлетворения. Но не тут то было – любая мелочь, которую следует воспринимать философски, в Германии вызывает настоящую общественную истерию огромных масштабов. Может даже сложиться убеждение, что у немцев мания всякую простую вещь усложнять до неузнаваемости, видеть в любом малозначительном событии моральные обязательства (почти категорический императив) немедленно действовать. Мне, как послу Италии, очень трудно бывало объяснить собственному правительству, что накал общественной атмосферы в Германии, который граничил порой с истерией по поводу каких-либо третьестепенных земельных выборов, совершенно не соответствует значимости этого события. На деле эти выборы почти ничего не значили, а в немецких газетах они представляли как знамение кардинального поворота политики и развития страны, ее судьбы, смены мировоззренческих ориентиров и т.п. Италия – это, в хорошем и плохом смысле слова, большая и пестрая театральная сцена, на которой с разным успехом идут саркастические трагедии или полные юмора комедии. В Германии же, напротив, оценка любого события моментально радикализируется в драму или даже в психодраму, в которой истерические реакции доминируют»¹²⁹.

Это весьма тонкое наблюдение итальянца

¹²⁸ *Шереп Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // Историческая политика в XX веке. М., 2012. С. 503.

¹²⁹ *Krockow Chr. Graf von.* Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890 – 1990. Reinbeck bei Hamburg, 1992. S. 318.

подтверждает немецкий историк Ханс-Петер, который отмечал немецкую склонность бросаться в крайности – от «*Machtbesessenheit zur Machtvergessenheit*»¹³⁰. Бесспорно, это немецкое свойство, благоприобретенное с нацизмом, – в прежние времена таких нервных реакций в Германии никогда не было. Есть страны, как Италия, которые живут в постоянном кризисе, свыкшись с ним. Немцы же воспринимают жизнь как кризис. Немецкая история читается как хроника пропущенных возможностей, национальной катастрофы и «поворотных пунктов»: 1815-1848-1870-1890-1918-1933-1945-1968-1982-1989 гг. Характерным для немцев Марион Денхоф назвала «*Wechsel von apokalyptischem Fall und phönixhaftem Aufstieg*»(смена апокалипсического падения и подобно Фениксу возрождение к жизни) Основанием для этого является страсть немцев к «безусловному» и спекулятивное пренебрежение повседневным¹³¹. Немцы более склонны к мифам – итальянский публицист Анджело Болаффи писал в 1995 г. «без мифов и идолов, конечно, жить тяжелее, но думать, несомненно, проще»¹³². Это относится и к сегодняшним немцам.

Как бы то ни было, но главным следствием этого немецкого покаяния за нацизм у немцев ослабилось стремление отстаивать достоинство немецкой культуры и относиться более-менее безразлично к влияниям извне. По сравнению с Францией это сразу бросается в глаза. Понятно, почему Германия стала самой американизированной из стран Европы¹³³.

¹³⁰ Ibid. S. 323.

¹³¹ Mitscherlich A. und M. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. München, 1998. S. 96.

¹³² Винклер Х. А. Расставание с особыми путями: итоги и перспективы // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. М., 2012. С. 179.

¹³³ Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // Бергер П.,

Во Франции никому в голову не придет запрещать Национальный фронт Жана-Мари Ле Пена. Без осознания масштабов травмы прошлого не понять, почему в Германии так упорно стремились запретить НПД. Партия Ле Пена набирала на президентских выборах до 18% голосов. Бельгийцы, голландцы, итальянцы, скандинавы никогда не боролись против правых при помощи запретов на партию. Немецкую политическую культуру отличает отсутствие членораздельной дихотомии правых и левых. В немецкой политической культуре преобладает общее национальное устремление к социальному консенсусу и гармонии¹³⁴.

После объединения страны актуальной стала тема и преодоления другой разновидности тоталитаризма – коммунизма. При этом имела место некоторая педагогическая односторонность в подходах к оценке нацистского и коммунистического прошлого. Понятно, что «черного кобеля не отмоешь до белого», но судить о Третьем рейхе более объективно и справедливо – необходимо. Разве не были большевистские убийства по классовому признаку логической и фактической предпосылкой для нацистских убийств по расовому признаку. Уникальный характер убийств евреев является ложным – по формальным (классовым) признакам убивали и чекисты – важны были не враждебные действия конкретных людей, а их классовое происхождение. В обоих случаях не было возможности оправдаться и стать невиновным, поскольку речь шла не о виновности или невиновности, а о принадлежности к классу (в другом случае – к расе). Более того – сталинские убийства носили не менее механистический, административный, бюрократический характер, чем нацистские. Конечно, смерть в концлагере была ужасна, но разве есть основания

Хантингтон С. (ред.) Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 18.

¹³⁴ Мертез М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М., 2001. С. 138.

утверждать, что убийства в Гулаге чем-то лучше? Возможно, в описании сталинских зверств, чисток по национальному признаку, преследований есть какие-то преувеличения, но, в принципе, сами по себе эти преступления вполне достоверно известны¹³⁵.

Противники таких аналогий указывали на то, что коммунизм, даже большевизм, восходят к великой гуманистической европейской традиции. Нацизм не имеет такой традиции – это так. Но, памятуя о «гуманизме» коммунистов, нужно помнить, что большевики замыслили не только физическое уничтожение противника, но и его общественное и историческое искоренение. Если Ленин призывал уничтожить всех классовых врагов, или Зиновьев говорил о необходимости устранить 10 миллионов буржуев из 110 миллионов населения (полагая, вероятно, что это относительно немного), то это были не метафоры. Конечно, эта аналогия не снимает вопрос о разнице идеологий, но если убрать этот идеологический фон и обещание рая на земле, что остается от коммунизма? Ничего. Видный немецкий юрист Рудольф Вассерман доказывал даже, что более жесткий подход к декоммунизации, чем к денацификации оправдан, поскольку коммунизм был хуже. Коммунистический режим был просто нелегитимным и народ силой принуждали к коммунизму, а нацистский режим базировался на широкой поддержке большинства населения¹³⁶. Кажется, что это весьма резонное суждение. Подобные мнения, впрочем, редкость в современной Германии. Там продолжается процесс культивирования вины и ответственности. Правильно ли это – ведь в старину, напротив, самым важным считалось не стремление беречь старые раны, а амнистия, забвение считалось настоящим

¹³⁵ *Nolte E.* Die Deutschen und ihre Vergangenheit. Berlin, 1995. S. 120.

¹³⁶ *Proske R.* Vom Marsch durch die Institutionen. Zum Krieg gegen die Wehrmacht. Mainz, 1997. S. 119.

лекарством от боли прошлого. Для немцев, впрочем, такой путь, по-видимому, заказан. Можно положить конец вине, но не воспоминаниям, поэтому все продолжают открытые общественные дебаты о нацизме и извинения за него. Кажется, это ложный путь – государство ведь не церковь, оно должно отвечать за настоящее и будущее, а не покаянно бить себя в грудь¹³⁷.

Но с другой стороны, без этих искажений, возможно, не было бы и сегодняшнего благополучия Германии...

Ведущие немецкие интеллектуалы практически без изъятия поддерживают эту тенденцию к непрерывному морализаторству, поскольку считают, что на этом основывается немецкая демократия. Юрген Хабермас, Гюнтер Грасс, Мартин Вальзер, Ханс Магнус Энценсбергер принадлежали к родившемуся в 1920-е годы поколению интеллектуалов, которые до настоящего времени во многом интеллектуально воздействуют на немецкое общество в процессе переоценки прошлого, преодоления нацизма и пр. У каждого из них была своя роль – Грасс – социал-демократ, Хабермас – мудрый философ, Вальзер – яростный и острый на язык аутсайдер, роль Энценсбергера трудно определить¹³⁸.

Так, Юрген Хабермас уверен, что «безграничная открытость ФРГ по отношению к политической культуре Запада является самым крупным интеллектуальным достижением нашей послевоенной истории». Следствием этой открытости (идентификации) было то, что историки будто язык проглотили после свершившегося объединения Германии. Единственная форма патриотизма, которая не отдаляет немцев от Запада – это конституционный патриотизм. О том же еще в 1970-е гг. писал и Дольф Штернберг: «национальное самосознание ранено, мы

¹³⁷ Брюкнер П. Тирания покаяния. СПб., 2009. С. 127.

¹³⁸ Der Spiegel, 2014, № 41. S. 132.

живем в разделенной стране. Но мы живем при действующей конституции, в цельном конституционном сообществе, а это тоже разновидность отечества»¹³⁹.

По всей видимости, Боннская республика стала такой успешной демократией по той причине, что она все больше воспринимала себя как «постнациональное», ориентированное на универсальные ценности сообщество, патриотичное по отношению к своей конституции¹⁴⁰.

В этом отношении немецкое преодоление прошлого – это своеобразный процесс рационализации и эмансипации общества, как показал немецкий историк Магнус Брехткен¹⁴¹. В противоположность национальному апологетическому дискурсу о причинах Первой мировой войны после 1918 г., после 1945 г. произошло новое переосмысление прошлого, сформировалась открытая в высшей степени активная культура *klärende Diskurse* (разъясняющего дискурса). Со временем она стала устойчивой и стабильной. Она помогла использовать все шансы рациональной модернизации. Другими словами, тот, кто способен открыто и самокритично обращаться с собственной историей для укоренения гражданского общества и демократии, тот в состоянии поставить под сомнение иррациональные догмы и «истины», вводящие в заблуждение.

Тот, кто полностью внутренне принял эту культуру, то может плодотворно использовать ее во всех сферах деятельности: как историк, политик, инженер, предприниматель, творческий человек, как преподаватель. Это и есть эмансипационный эффект открытого общества, которое, находясь в постоянной рефлексии, благодаря этому

¹³⁹ *Große Kracht K.* Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen, 2005. S. 117.

¹⁴⁰ *Винклер Г.* Веймар 1918 – 1933. История первой немецкой демократии. М., 2013. С. 11.

¹⁴¹ *Brechtken M.* Mehr als Historikergeplänkel. Die Debatte um „Das Amt und Vergangenheit“ // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2015. № 1. S. 60.

и развивается. Именно в силу такого дискурса по отношению к преодолению прошлого возникло стабильное, обращенное в будущее общество. Это можно считать оптимистическим итогом многолетних занятий нацистским прошлым. Некогда Теодор Моммзен жаловался, что Германия не дала ему возможности почувствовать себя гражданином. Только в ФРГ немцы имели возможность испытать это чувство.

Культура самокритичного преодоления прошлого способствует утверждению рациональных образцов мышления и поведения в экономике, политике и обществе. Этот итог эмансипационного успеха одновременно указывает на то, что требование «подвести черту», покончить с преодолением прошлого или просто свести историю к попытке фиксации национальной идентичности имеет потенциальный антипросвещенческий эффект, который может нанести ущерб как индивидуумам, так и обществу¹⁴².

Утверждение, что каждое новое поколение само должно осмыслить прошлое по-своему и внятно его сформулировать, банально. Тем не менее, важно время от времени ревизовать исторические нарративы. В ФРГ этот процесс интенсивен как нигде в мире. Тон был задан тезисами Фишера в 1960-е гг., благодаря им историки освободились от необходимости ориентироваться на национальное оправдание, или даже на апологетику. В 1970-е гг. споры между интенционалистами и функционалистами (структуралистами) открыли глаза общественности на динамическую сложность нацистского господства и покончил с самоуспокаивающими рассказами о том, что Третий рейх был дихотомической диктатурой с дюжиной немногих активистов у власти и массой ни к чему не причастных немцев¹⁴³. Такой подход, разумеется, искажает

¹⁴² Ibid. S. 61.

¹⁴³ *Brechtken M.* Mehr als Historikergeplänkel. Die Debatte um

историю, но, по всей видимости, без него невозможна была нынешняя европейская интеграция, сплочение Запада вокруг ценностей терпимости, толерантности, плюрализма, отказа от насилия, христианского прощения как средства политики. Как известно, у каждой вещи есть лицевая и изнаночная сторона.

2. Франция и ее роль в объединении Европы во второй половине XX – начале XXI в.

Не будет преувеличением сказать, что с начала европейского строительства, Франция более остальных государств инвестировала себя в продвижение идеи Европы от теорий к практической реализации. Как метко заметил министр иностранных дел Четвертой республики Жорж Бидо, понятие объединенной Европы для Франции – «международная идея глубоко национальная»¹. Однако пути к реализации этой идеи проходили, в том числе, и через войны.

Престиж Франции во всех областях человеческой цивилизации, будь то политика, экономика или культура, на протяжении столетий подпитывал ее гегемонистские устремления в Европе, которые в последней трети XIX века стали наталкиваться на противодействие Германии. С 1870 по 1945 г. три войны, из них две мировые, имели в своей подоплке ярко выраженную конфронтацию между двумя великими державами.

При этом в проектах объединения Европы на принципах пацифизма не ощущалось недостатка. Среди них наибольшее значение для формирования европейского самосознания имел проект Пан-Европы 1920-х гг., не нашедший, однако, поддержки среди европейских стран. В основе проекта лежала идея франко-германского сближения путем мирного урегулирования имеющихся разногласий.

Победа антигитлеровской коалиции в мае 1945 г., положив конец попыткам нацистов объединить Европу под

¹ Речь Ж. Бидо от 13 февраля 1948 воспроизведена в Journal officiel de la République française, Assemblée Nationale, Débats, 2e séance du 13 février 1948. P. 741 – 747.

эгидой Третьего рейха, дала новый импульс к развитию европейской идеи при разработке планов послевоенного переустройства. В вызванном ею к жизни процессе интеграции на долю Франции выпала решающая роль. Выдающиеся личности Четвертой и Пятой республики – Жорж Бидо, Жан Монне, Шарль де Голль, Жак Делор – многое сделали для определения лица единой Европы, несмотря на то, что у каждого из них было свое видение процесса и конечного результата европейского строительства. Каждый из них взял на себя смелость на определенном этапе выступить с судьбоносными и далеко идущими инициативами, анализ которых и предлагается в настоящем разделе.

По выходе из Второй мировой войны Западная Европа столкнулась с двумя «угрозами», первая из которых заключалась в потенциальном возрождении германского милитаризма, вторая – в коммунистической идеологии, насаждаемой в Восточной Европе по мере продвижения Красной армии. Объединенная Европа должна была, по мысли ее основателей, стать ответом на эти вызовы, а для этого следовало решить две задачи. Во-первых, интегрировать Германию, чтобы предотвратить повторение конфликтных ситуаций в будущем, во-вторых, создать условия для экономической стабильности и процветания, чтобы заглушить социальное недовольство и тем самым лишить СССР рычагов воздействия на умы.

Генерал де Голль с самого начала своего руководства патриотическим движением за освобождение Франции был вынужден отстаивать французские национальные интересы в постоянном конфликте с Вашингтоном и Лондоном, полагавшими, что капитуляция 1940 г. лишила страну статуса великой державы. В этих условиях единственным возможным выходом для Франции стал поиск поддержки у СССР. Визит де Голля в Москву, его встреча со Сталиным

и заключение франко-советского договора о союзе и взаимной помощи (10 декабря 1944) обеспечили Франции место в числе великих держав-победительниц наряду со странами «Большой тройки».

Председатель Временного правительства Французской республики с июня 1944 г., генерал де Голль представлял себе послевоенную систему международной безопасности на базе политики строгости по отношению к поверженной Германии и равновесия между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. Пост министра иностранных дел во Временном правительстве де Голля занимал Жорж Бидо. Историк по образованию, журналист, в годы нацистской оккупации он стал вторым после смерти Жана Мулена руководителем Национального Совета Сопротивления. В этом качестве Ж. Бидо принял участие в параде в честь освобождения Парижа (26 августа 1944). На одной из фотографий парада он запечатлен шагающим рядом с де Голлем по Елисейским полям от Триумфальной арки в направлении площади Согласия. Небольшого роста худощавый человек на фоне статного генерала. Партия Народно-республиканское движение (MRP²), одна из ведущих политических сил Четвертой республики³, была обязана своим появлением, в том числе, и Жоржу Бидо.

Внешняя политика стала излюбленной сферой деятельности де Голля, который стремился держать под личным контролем все вопросы, имеющие отношение к международным делам. В связи с этим Ж. Бидо на посту главы внешнеполитического ведомства приходилось учитывать эту особенность председателя правительства⁴. К тому же,

² Mouvement républicain populaire (MRP). Учредительный съезд MRP состоялся 25 – 26 ноября 1944 г.

³ Четвертая республика (1946 – 1958).

⁴ После отставки Де Голля в январе 1946 г. сатирическая газета приписала Ж. Бидо фразу: «Знаете ли: теперь, когда генерал ушел, я смогу наконец-то стать министром иностранных дел». *Le Canard enchaîné*, 23 janvier

по свидетельствам современников, де Голль испытывал к нему личную неприязнь⁵, причины которой хотя и не лежат на поверхности, но вполне угадываемы. Во-первых, генерал видел в Бидо потенциального соперника, ввиду его руководящей позиции во внутреннем Сопротивлении. Во-вторых, «выйдя из подвалов Сопротивления»⁶, Бидо, несмотря на то, что являлся новичком в международных делах, осмеливался перечить генералу. Тем не менее, по основным направлениям внешней политики он придерживался позиции Ш. де Голля.

После неожиданного ухода де Голля с поста главы Временного правительства в начале 1946 г., Ж. Бидо продолжил свою деятельность в качестве министра иностранных дел в правительстве Ф. Гуэна⁷ и затем почти без перерывов до 25 июля 1948 г.⁸ Кроме того, в период с 1946 по 1950 г. он дважды возглавлял правительство. Таким образом, не приходится сомневаться, что Бидо играл значительную политическую роль во Временном правительстве и при Четвертой республике. Тем не менее, его имя оказалось практически предано забвению при Пятой республике, а его силуэт стерт с фотографий триумфального парада на Елисейских полях⁹. Причиной тому – решительная оппозиция Бидо по отношению к алжирской политике де Голля, проводившейся начиная с 1960 г. Не сумев принять отход генерала от прежних непримиримых позиций в

1946. В действительности все было не так однозначно.

⁵ *Moch J.* Une si longue vie. Paris, 1976. P. 206 – 207.

⁶ *Chauvel J.* Commentaire. T. 2: D'Alger à Berne (1944 – 1952). Paris, 1972. P. 61.

⁷ 26 января – 24 июня 1946 г.

⁸ В течение месяца, с 16 декабря 1946 г. по 22 января 1947 г., портфель руководителя внешней политики находился в руках Леона Блюма.

⁹ *Ferro M.* Instrumentalisation – Cinéma d'histoire et manipulation // Dictionnaire mondial des images. Sous la dir. de Laurent Gervereau. Paris, 2006. P. 547 – 550.

сторону признания права алжирцев на самоопределение, Ж. Бидо принял активное участие в деятельности Секретной вооруженной организации (OAS¹⁰), став гражданским символом этого военного объединения, на счету которого теракты и покушения на жизнь де Голля. В июле 1962 г., после провозглашения независимости Алжира, лишенный депутатской неприкосновенности, он бежал в Бразилию, где скрывался от правосудия до 1968 г., когда была объявлена амнистия. Тем не менее, и после возвращения Бидо во Францию, его имя оставалось синонимом политической неблагонадежности.

Ведя разговор о деятельности Ж. Бидо на посту министра иностранных дел Четвертой республики, следует отметить, что до весны 1947 г. его внешняя политика следовала курсу, определенному при де Голле. Сущность этой политики – в лавировании между двумя лагерями, на которые, по образному выражению У. Черчилля, оказалась расколота «железным занавесом» послевоенная Европа, а также непреклонность в германском вопросе. По окончании войны во Франции, как и в других странах антигитлеровской коалиции, вопрос о будущем поверженной Германии был наиболее дебатиремым. Рассматривались два варианта. Первый – ликвидация промышленной мощи Германии. Приверженцы второй линии, менее радикальной, призывали к снисходительности и предлагали программу «перевоспитания» Германии, которая пользовалась поддержкой официальных кругов Великобритании и США. Франция поначалу, хотя и не призывала превратить Германию в прерию, оставалась на позициях необходимости ее расчленения. Показательно, что после того, как 1 января 1947 г. произошло слияние американской и английской оккупационных зон в Западной Германии в одну, так называемую Бизонию, Бидо отказался присоединить к

¹⁰ Organisation de l'armée secrète (OAS).

ней французскую зону. Франция занимала также довольно жесткую позицию по Саару, наделив этот промышленный район Германии статусом своего протектората (1947).

Французский настрой на беспощадность в германском вопросе беспокоил американских и британских политиков. Однако к весне 1948 г., в контексте ужесточившейся «Холодной войны», Ж. Бидо осуществил коренной пересмотр своей концепции европейской безопасности, сблизившись с англо-американскими позициями. Коммунистический переворот февраля 1948 г. в Чехословакии немало этому поспособствовал. Неделью спустя после этих событий Бидо предложил открыть франко-англо-американские переговоры в целях укрепления обороны европейского континента¹¹. Однако на тот момент не была еще принята «резолюция Ванденберга» (11 июня 1948), разрешившая США присоединяться к военно-политическим блокам за пределами Западного полушария в мирное время. Американцы выразили, тем не менее, готовность опекать Европу при условии, что европейцы начнут с создания собственного оборонительного союза.

17 марта 1948 г. Ж. Бидо поставил свою подпись под Брюссельским пактом, имевшим целью установление «коллективной самообороны» на случай военной агрессии. Брюссельский пакт дал рождение Западному союзу¹², в который вошли Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Кроме совместной обороны, договор предусматривал сотрудничество в сферах экономики, культуры и социальной защиты на межгосударственном уровне. Следующим шагом в

¹¹ *Bézias J.-R.* Prélude au Conseil de l'Europe: la déclaration de Georges Bidault à La Haye (19 juillet 1948) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2005/4 (n° 220). P. 117.

¹² Парижское соглашение от 24 октября 1954 г. внесло изменение в Брюссельский пакт, создав на его основе Западноевропейский союз, в который вошли Западная Германия и Италия.

укреплении европейской безопасности стало учреждение Североатлантического альянса (НАТО) при участии США и Канады (4 апреля 1949), государств Брюссельского пакта, а также Дании, Италии, Исландии, Норвегии и Португалии. Таким образом, к 1949 г. сложился военно-политический блок, нацеленный на обеспечение общей защиты Европы от внешних опасностей, в первую очередь от попыток советского экспансионизма.

Однако недостаточно было обезопасить Европу с военной точки зрения. Послевоенные политики прекрасно понимали, что в противостоянии коммунизму сильная экономика играет не менее важную роль, чем американский «зонтик ядерной безопасности». По выходе из войны лежавшая в руинах Европа нуждалась в финансовой поддержке заокеанского союзника для восстановления своих промышленных мощностей, сельского хозяйства, транспортной инфраструктуры. Центральным звеном доктрины Трумэна (12 марта 1947), провозгласившей стратегию сдерживания коммунизма (*containment*), стал план Маршалла, вступивший в действие в апреле 1948 г. и гарантировавший западноевропейским странам поступление денежных средств, товаров и продуктов из США. Кроме экономического возрождения западноевропейских стран, план Маршалла преследовал цель содействия их объединению с целью лучшей консолидации в противостоянии коммунистической идеологии.

Жорж Бидо неоднократно в своих речах призывал воспользоваться планом Маршалла для того, чтобы осуществить древнюю мечту европейского единства, в сфере экономики, прежде всего. Так, уже в 1947 г., 12 июля, на открытии конференции стран-участниц плана Маршалла руководитель Кэ д'Орсэ торжественно заявил: «Пришло

время создавать Европу»¹³. Та же мысль прозвучала в его речи, обращенной к Национальной ассамблее 13 февраля 1948 г. Вдохновленный примером «Бенилюкса», таможенного союза Бельгии, Голландии и Люксембурга¹⁴, Ж. Бидо попытался создать «Франситап», подписав в марте 1948 г. в Турине франко-итальянский таможенный союз, который, однако, не имел практических результатов.

Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), учрежденная в апреле 1948 г. в рамках плана Маршалла и имевшая целью распределение кредитов по программе восстановления Европы, стала первым реальным опытом европейской координации в сфере экономики и финансов. «Whatever the weather we must move together» («Какой бы ни была погода, мы должны двигаться вместе»), – гласил плакат той эпохи с изображением флагов 17-ти европейских государств-участников плана.

Экономическое объединение рассматривалось многими послевоенными политиками как трамплин к политическому. К моменту окончания войны в Европе существовали разные организации, вышедшие из Сопротивления, которые оспаривали незыблемость национальных суверенитетов и ставили перед собой задачу создания федерации¹⁵. Однако эти проекты оставались в тени до тех пор, пока Уинстон Черчилль не произнес 19 сентября 1946 г. свою ставшую знаменитой речь в Цюрихе.

Сетую о трагедии Европы, которая «извергла из себя серию страшных националистических распрей», Черчилль реанимировал идеи Р. Куденхове-Калерги и А. Бриана об объединении народов Европы на принципах мира, свободы, демократии, экономического процветания

¹³ Le Monde, 13 – 14 juillet 1947.

¹⁴ Вступил в силу 1 января 1948 г.

¹⁵ Европейское федералистское движение, сформированное сразу после падения Муссолини в Милане (август 1943), Французский комитет за Европейскую федерацию, основанный в Лионе (июнь 1944) и др.

и культуры. Предложив создать «своего рода Соединенные Штаты Европы, какое бы название они в действительности ни получили», британский политик заявил о ведущей роли, которую должны взять на себя Франция и Германия в выполнении этой задачи. «Первым шагом в сторону создания европейской семьи должно стать партнерство между Францией и Германией. Только таким путем может Франция достичь морального лидерства в Европе. Не может быть возрождения Европы без духовно великой Франции и духовно великой Германии»¹⁶. В качестве практической меры к преодолению разобщенности европейских народов Черчилль предложил создать Совет Европы без уточнения деталей относительно его состава и функционирования.

Авторитет и ораторское мастерство Черчилля, безусловно, дали импульс европейскому строительству. Идея объединения Европы нашла отклик среди широкой общественности. Ассоциации, взявшие на вооружение лозунг Соединенных Штатов Европы, росли как грибы и были так многочисленны, что потребовалось создание Международного координационного комитета (1947). По инициативе этого комитета с 7 по 10 мая 1948 г. в Гааге состоялся конгресс, на котором около 800 представителей политики, экономики, церкви, промышленности, синдикатов, университетов из стран Западной Европы обсуждали возможные пути объединения.

Французская делегация являлась самой многочисленной – 130 человек, среди которых такие признанные политические лидеры как Поль Рамадье, Эдуар Даладье, Леон Блюм, Поль Рейно, а также делающий тогда первые шаги в политике Франсуа Миттеран. Во главе

¹⁶ Discours de Winston Churchill (Zurich, 19 septembre 1946) en (VO). URL: http://www.cvce.eu/obj/discours_de_winston_churchill_zurich_19_septembre_1946-fr-5da812de-3a20-4e2a-9cc1-7e0f90c8f97b.html (Date of access 12.09.2015). См. также: *Бойцов М. А., Хромова И. А.* Послевоенное десятилетие: 1945 – 1955. М., 1998. С. 43.

британской делегации стоял Черчилль, исполнявший роль почетного председателя. По свидетельству нидерландского публициста Хендрика Брюгманса, на конгрессе царил атмосфера энтузиазма и всеобщего оживления: «Говорят о новой эре, о “клятве в зале для игры в мяч”, о “Варфоломеевской ночи национального суверенитета”». Никогда в будущем европейское движение не даст доказательство такой мощи, такого стремления достичь результатов»¹⁷. «Послание европейцам», зачитанное на конгрессе, содержало среди других пунктов призыв к свободе торговли, к созданию европейской ассамблеи, к интеграции Германии.

Основанное на конгрессе в качестве постоянно действующей неправительственной организации «Европейское движение» создало Международный комитет по объединению Европы, который представил решения форума европейским правительствам. Как отмечает исследовательница вопросов интеграции Е. А. Панарина: «Так началась правительственная фаза образования Совета Европы; ни общественное мнение, ни отдельные парламентарии не могли объединить Европу, это была задача правительств»¹⁸. Жорж Бидо – первый из французских политиков послевоенного времени, кто публично заявил о поддержке идеи строительства единой Европы с интеграцией в нее Германии.

Выступая перед Национальной ассамблеей 11 июня 1948 г., руководитель Кэ д’Орсэ заявил, что невозможно, говоря об объединении Европы, «оставить посреди нее черную дыру, в которой пребывают руины бывшего Рейха <...>». Необходимо созидать Европу, – подчеркнул он, – и

¹⁷ *Brugmans H. L'idée européenne 1920 – 1970. Bruges, 1970. P. 134.*

¹⁸ *Панарина Е. А. Планы и реализация объединения континента (Европы) после войны. Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=5371 (Дата обращения 16.02.2015).*

найти для Германии в ней место, которое ей причитается...»¹⁹. Таким образом, французская дипломатия демонстрировала сближение с англичанами и американцами в подходах к германскому вопросу. В обмен на поставки немецкого угля из Рурского бассейна, в котором Франция испытывала большую потребность, Бидо согласился присоединить французскую зону оккупации к Бизонии, образовалась Тризония (3 июня 1948), на базе которой будет учреждена Федеративная республика Германии²⁰ (ФРГ).

Заметим, что начатая советскими оккупационными властями 21 июня 1948 г. блокада Западного Берлина, продлившись около года²¹, способствовала тому, что немцы, оказавшиеся в роли жертвы, стали вызывать больше симпатий на Западе. По остроумному замечанию французского германиста и политолога Альфреда Гроссера, Сталин, декретировав блокаду Западного Берлина, оказал услугу немцам, сблизив с ними европейцев. Оказав тем самым нечаянный вклад в объединение Европы, он должен был бы удостоиться престижной награды – Аахенской премии им. Карла Великого²². Как и большинство его современников, Жорж Бидо, без сомнения, пребывал под впечатлением от осадного положения, в котором очутился Западный Берлин, когда выступил 19 июля 1948 г. с декларацией в Гааге.

Декларация Бидо, прозвучав на Консультативном совете Брюссельского пакта, посвященного в первую очередь вопросам обороны, оказалась неожиданной, нарушив заранее утвержденную повестку дня. Бидо заявил,

¹⁹ *Vaisse M. Georges Bidault // Politique étrangère. 1986. № 1. 51e année. P. 79.*

²⁰ 7 октября 1949 г.

²¹ Блокада была снята 11 мая 1949 г.

²² *Table ronde avec Alfred Grosser. Que faire de l'Allemagne? Pierre Grappin et les germanistes français face au problème allemand (1945 – 49). Maison Heine. Paris. 10 décembre 2015.*

что «наступил момент, быть может, единственный в истории, когда возможно создать Европу»²³ и сформулировал два предложения, реализация которых должна была выпасть на долю пяти стран, входивших в Брюссельский пакт. Первое из них состояло в том, чтобы создать между ними экономический и таможенный союз, открытый для всех европейских наций, имеющих желание к нему присоединиться. Второе предложение предусматривало создание Европейской ассамблеи, в которой кроме парламентов пяти стран, будут представлены и парламенты «других государств, выразивших желание принять участие в этом великом и благородном предприятии»²⁴.

Если первое предложение расценивалось как попытка реактивации соглашения об экономическом сотрудничестве, включенного в Брюссельский пакт, то второе явило собой новость. Жан-Реми Безьяс, автор исследования о Бидо, допускает, что депутат и бывший глава правительства Поль Рамадье в какой-то мере внушил министру идею создания ассамблеи²⁵. Учитывая то обстоятельство, что Рамадье возглавлял политическую комиссию Гаагского конгресса, вотировавшую резолюцию о Европейском парламенте, такое предположение представляется вполне вероятным. Однако оно несколько не умаляет значения декларации Бидо, которая получила высокую оценку историков международных отношений. Жан-Батист Дюрозель, в частности, увидел в ней «решающее событие», настоящий «поворот европейской истории или если предпочтительно, отправную точку» в том смысле, что «впервые правительство представило официально проект, ставящий

²³ *Duroselle J.-B.* Histoire de l'Europe. Paris, 1991. P. 384 – 385.

²⁴ *Ibid.* P. 385.

²⁵ См.: *Bézias J.-R.* Prélude au Conseil de l'Europe: La déclaration de Georges Bidault à La Haye (19 juillet 1948) // *Guerres mondiales et conflits contemporains.* 2005/4 (n° 220). P. 120 – 122.

целью строительство Европы»²⁶.

Есть все основания полагать, что Бидо не согласовал свое выступление с кабинетом министров. Это была его личная инициатива, к которой его, по всей вероятности, подтолкнула близящаяся отставка правительства Робера Шумана. Декларация Бидо стала последней его речью перед отставкой, в которой политик подвел итог четырем годам своего пребывания в качестве руководителя Кэ д'Орсэ. Но кроме соображений личного характера, существовала и конъюнктурная составляющая, об одном из аспектов которой Ж. Бидо упомянул в своей речи, а именно – необходимость дать США гарантии европейского объединения, без которого не было надежды на продолжение американской помощи. Второй аспект имел отношение к внутренней политике: доказать де Голлю и созданной им партии Объединение французского народа (RPF²⁷) необоснованность критики правительств Третьей силы²⁸ за недостаток смелости в продвижении европейской идеи. И, наконец, третий аспект заключался в том, чтобы созданием Европейской ассамблеи сформировать необходимые условия для германской интеграции в Европу.

Речь Ж. Бидо встретила положительный резонанс среди французских парламентариев и нового правительства, сформированного 26 июля 1948 г., спустя неделю после отставки предыдущего. Р. Шуман, которому в правительстве А. Мари достался портфель министра иностранных дел, с энтузиазмом занялся продвижением европейского проекта своего предшественника.

Разница в подходах французов и англичан к вопросу о полномочиях парламента, которая дала о себе знать на Гаагском конгрессе, выявилась и в

²⁶ *Duroselle J.-B. Histoire de l'Europe. Paris, 1991. P. 384 – 385.*

²⁷ *Rassemblement du peuple français.*

²⁸ Социалисты, Народно-республиканское движение (MRP), радикалы.

подготовительном комитете по созданию Европейской ассамблеи. Британцы, будучи сторонниками сохранения национальных суверенитетов, настаивали на создании Комитета министров с тем, чтобы сбалансировать влияние европейского парламента, расценивавшееся ими как опасное, в то время как французы, приверженцы федерации, считали необходимым даровать ассамблее расширенные полномочия. В конечном счете, визит Р. Шумана в Лондон в феврале 1949 г. позволил сторонам достичь компромисса, принесшего удовлетворение главным образом британской точке зрения, о чем свидетельствовало и название новой организации – Совет Европы.

Договор, в соответствии с которым произошло создание Совета Европы, подписанный 5 мая 1949 г. странами Брюссельского пакта, а также Италией, Ирландией, Данией, Норвегией, Швецией, предусматривал два рабочих органа – Комитет министров и Консультативную ассамблею. Комитет министров был уполномочен принимать решения, на деле являющиеся рекомендациями стран-членов. Ассамблея состояла из депутатов, назначаемых странами, и имела ограниченную компетенцию, подчиняясь Совету министров. Таким образом, полномочия Ассамблеи, первая сессия которой состоялась в Страсбурге 10 августа 1949 г., оказались очень сильно ограниченными.

В конечном итоге, из двух предложений Ж. Бидо только второе получило конкретную реализацию созданием Совета Европы. Однако, утвердившись в качестве международного форума, в котором дискутируются вопросы культуры и права, Совет Европы не стал действенной политической организацией, каковой его желал видеть Ж. Бидо. Что же до первого предложения – проекта экономического и таможенного союза, он так и не был реализован. Начало экономической интеграции Европы произошло позднее – в 1951 г. с созданием Европейского объединения угля и стали

(ЕОУС²⁹).

Учрежденные во второй половине 1940-х гг. общеевропейские организации курировали вопросы экономики – Европейская организация экономического сотрудничества (ЕОЭС), обороны – Брюссельский пакт, политики – Совет Европы. Все они были учреждены на межгосударственной основе. Европейское объединение угля и стали стало первой организацией, воплотившей в себе наднациональное начало.

ЕОУС, стоящее у основания современного Европейского Союза, ассоциируется с именем Робера Шумана, который 9 мая 1950 г. огласил план его создания, вошедший в историю как «план Шумана», а дата его оглашения как «День Европы». Министр иностранных дел с 1948 по 1952 гг., Р. Шуман, как и в случае с Советом Европы, стал энергичным исполнителем чужой инициативы. В данном случае – проекта Жана Монне, который заключался в том, чтобы поместить угледобывающее и сталелитейное производство Германии под наблюдение Высшего руководящего органа, независимого от национальных правительств, в целях недопущения тайного перевооружения этой страны.

Жан Монне был почти неизвестен французам до тех пор, пока Франсуа Миттеран не предложил перенести его прах в Пантеон, что и было осуществлено 9 ноября 1988 г., в день столетнего юбилея со дня его рождения. По случаю церемонии Миттеран произнес проникновенную речь, в которой очертил основные вехи биографии Ж. Монне, не столько политика или государственного деятеля, сколько бизнесмена и финансиста международного уровня, высокопоставленного чиновника, преданного идее европейской федерации. Родом из Коньяка, города, специализирующегося на изготовлении одноименного

²⁹ Communauté européenne du charbon et de l'acier (CECA).

крепкого напитка, Ж. Монне приобрел первые связи в деловых кругах Англии и Америки в качестве эмиссара семейного коньячного бизнеса. Приобретая авторитет во время Первой мировой войны, благодаря своим усилиям по координации действий союзников в вопросах снабжения и логистики, Монне с 1919 по 1923 гг. исполнял обязанности заместителя Генерального секретаря Лиги Наций. Впоследствии он много путешествовал, работал в сфере мировых финансов и бизнеса. В начале Второй мировой войны Монне отправился в Лондон, где возглавил франко-британский координационный комитет по закупке вооружения.

В июне 1940 г., когда Вермахт наступал во Франции, Монне выступил с инициативой слияния Франции и Англии в единое государство. Черчилль поддержал идею, и 16 июня кабинет министров Великобритании выступил с предложением создать единое франко-британское правительство, единую нацию, единую армию, единый парламент. Изложенное в документе «Anglo-French Unity» («Англо-французское единство»), британское предложение было передано через де Голля, находившегося тогда с миссией в Лондоне³⁰, председателю французского Совета П. Рейно. Сам де Голль позитивно воспринял проект слияния, рассматривая его как временное явление, совершенно необходимое в условиях, когда только идея, рассчитанная на грандиозный эффект, могла склонить сторонников капитуляции к продолжению сопротивления³¹. Однако идея Монне не получила развития, так как вечером

³⁰ Шарль Де Голль занимал с 6 июня 1940 г. пост заместителя министра национальной обороны в правительстве Поля Рейно и прибыл в Лондон 15 июня для того, чтобы договориться с британским правительством о помощи в транспортировке войск через Средиземное море в Северную Африку для продолжения борьбы.

³¹ См.: *Де Голль III*. Военные мемуары: Призыв 1940–1942 / Пер. с фр. М., 2003. С. 94 – 97.

16 июня Рейно подал в отставку, а заменивший его во главе правительства маршал Петен незамедлительно начал переговоры с нацистской Германией, приведшие к подписанию перемирия 22 июня.

Отправившись в США по поручению британского правительства, Монне содействовал там запуску «Победной программы» по производству самолетов, танков и военных кораблей. В 1943 г. в качестве эмиссара Рузвельта Монне прибыл в Алжир, где его пути вновь пересеклись с де Голлем. Задача, которую американцы поставили перед Монне, заключалась в оказании поддержки генералу А. Жиро, сопернику де Голля в деле руководства французскими союзными силами в Северной Африке. Стала известна секретная нота, которую Монне адресовал в 1943 г. доверенному лицу и советнику Рузвельта Генри Хопкинсу, в ней он писал, в частности: «Надо иметь решимость заключить, что соглашение с ним (с де Голлем – *Т. Г.*) невозможно; что он враг французского народа и его свобод; что он противник европейского строительства и что, следовательно, он должен быть уничтожен (*sic*) в интересах французов»³². Надо полагать, что Монне не имел в виду физическую расправу над де Голлем, но считал необходимым ликвидировать его в политическом плане, слишком уж разнились их представления о послевоенном будущем Европы.

Проведя длительное время в США, Монне в полной мере воспринял американские идеи о необходимости уничтожения таможенных пошлин и ограничений на пути свободного перемещения товаров в Европе, тем более что они соответствовали его собственным убеждениям. Уже

³² Цит. по: *Jean Monnet*: Wikipedia. Режим доступа: https://fr.wikipedia.org/wiki/Jean_Monnet (Дата обращения: 05.03.2015). См. также: *Chevènement J.-P. La Faute de M. Monnet*. Paris, 2006; *Garaud M.-F. Impostures politiques*. Paris, 2011.

тогда, в 1943 г., у Монне вызревал проект федерации и общего рынка. Однако европейские реалии военного времени были намного сложнее, нежели это могло показаться из Америки. Разговоры Монне с де Голлем относительно будущего Европы продемонстрировали, что идея европейской федерации, неожиданная в военном контексте, не нашла в генерале сторонника. Де Голль придерживался мнения о необходимости сохранения национальных суверенитетов, что же до общего рынка, то генералу понадобится много времени для того, чтобы осознать его пользу. Тем не менее, эта констатация совсем не делает из Монне провидца, а из де Голля – политика устарелых взглядов и представлений. Просто из моря идей, которые постоянно циркулируют в обществе, реализуется лишь малая часть, они-то и становятся пророческими. Так получилось, что идеи федерации и общего рынка, которые выдвигались и ранее³³, не найдя себе применения, оказались востребованными в середине XX века.

Де Голль оказался твердым орешком, сведя на нет планы Монне по его устранению, и после периода совместного с Жиро руководства Французским комитетом национального освобождения, в ноябре 1943 г. уверенно взял бразды правления в свои руки. Монне вновь отправился в США уже в качестве комиссара по вопросам снабжения ФКНО. После освобождения Франции, де Голль поручил ему разработать программу экономического возрождения страны, поставив Монне в декабре 1945 г. во главе генеральной комиссии по вопросам планирования и модернизации экономики.

Продвигавшееся семимильными шагами

³³ См.: *Васильева Н. Ю.* «Европейская идея» от Античности до середины XIX в. М., 2008. С. 74 – 79, 92 – 96 (Э. Крюсе. «Новый Киней. Монархам и суверенным правителям Европы». Париж, 1623; *И. Кант* «К вечному миру». Кенигсберг, 1795).

восстановление германского промышленного потенциала порождало во Франции страхи, что побежденные захотят реванша, и подтолкнуло Монне к решительным шагам в исполнении замысла, сформировавшегося еще в Алжире. В конце апреля 1950 г. Монне подготовил проект создания международной организации – Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), каковой и был представлен министру иностранных дел Р. Шуману. Изложенный в правительственном заявлении, с которым Шуман выступил 9 мая 1950 г. в зале Часов на Кэ д’Орсэ, проект ЕОУС имел своей главной мотивацией стремление к поддержанию мира и содержал принцип постепенности строительства единой Европы. Объединение должно начинаться не с умозрительных конструкций, но с конкретных достижений, которые будут служить созданию солидарности *de facto* между народами. Франция и Германия, чьи отношения отмечены вековым противостоянием, более остальных нуждаются в объединении на основе общих интересов. «Французское правительство предлагает поместить весь комплекс франко-германского производства угля и стали под управление общего Высшего руководящего органа ...»³⁴.

Уголь и сталь, основные отрасли экономики послевоенной Европы, служили для производства вооружений. В связи с этим подчеркивалось, что совместное управление угольной и сталелитейной промышленностью «станет гарантией того, что какая-либо война между Францией и Германией не только немыслима, но и материально невозможна»³⁵, ибо Германия будет лишена возможности тайно использовать свои угольные и металлургические ресурсы для военных целей.

³⁴ Robert Schuman. Déclaration du 9 mai 1950. Fondation Robert Schuman: Le Centre de recherches et d'études sur l'Europe. URL: <http://www.robert-schuman.eu/fr/declaration-du-9-mai-1950> (Date of access 15.09.2015).

³⁵ Ibid.

Основной акцент делался на Франции и Германии, при этом ЕОУС оставался открытым для других стран Европы. Экономическое развитие рассматривалось как первый шаг к созданию европейской федерации. Предполагалось, что объединение производства и расширение рынка приведет к снижению цен и возрастанию уровня жизни населения.

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр поддержал проект ЕОУС, усмотрев в нем средство скорейшей реабилитации побежденной Германии как морально, так и политически и экономически. Подписанный в Париже 18 апреля 1951 г., договор об учреждении ЕОУС сроком на 50 лет в составе шести государств (Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург), вступил в силу в 1952 г.³⁶ Первым председателем Высшего руководящего органа в Люксембурге стал Жан Монне, что явилось несомненным признанием его заслуг.

В добавление к Высшему руководящему органу для управления объединением были созданы Общая ассамблея, Совет министров и Суд для разрешения конфликтов. Высший руководящий орган играл ключевую роль, формировался из представителей государств-членов, независимых от своих правительств, что обеспечивало наднациональный элемент в работе ЕОУС. Общая ассамблея, состоявшая из депутатов, избранных населением «Шестерки», осуществляла контроль над деятельностью Верховного органа и наделялась правом ветоума недоверия. Совет министров из членов правительств обеспечивал учет национальных интересов и был уполномочен утверждать решения, принимаемые Высшим руководящим органом по целому ряду важных вопросов. Схема основных институтов ЕОУС, совмещавшая в себе принцип интеграции и национальности, будет впоследствии воссоздана Европейским экономическим сообществом

³⁶ ЕОУС, задав тон экономической интеграции, прекратило свое существование в 2002 г.

(ЕЭС) и Евросоюзом.

Идея объединения каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности не вызвала однозначного одобрения среди общественности Франции и Германии. Немецкие социал-демократы высказывали опасения, что результатом станет Европа «картелей, клерикалов и консерваторов». Во Франции громче всего прозвучала критика де Голля, который денонсировал так называемое «мели-мело угля и стали & типично англосаксонское “коммерческое” видение Европы»³⁷. Выступая в пале д’Орсэ на пресс-конференции 21 декабря 1951 г., де Голль сетовал: «За этим стоят планы создания наднациональной власти, формируемой кооптацией, лишённой демократических корней и какой-либо ответственности. Получится что-то вроде синархии»³⁸.

Де Голлю случалось не раз и впоследствии, говоря о ЕОУС и о последующих проектах Монне, ассоциировать их с распространёнными в ту эпоху слухами о синархии³⁹, под которой подразумевался международный заговор англосаксов с целью заполучить в свои руки управление миром. Вероятно, значительную роль в оппозиции де Голля играла и его личная неприязнь к тому, кого он называл «маленьким финансистом на жалованье у американцев»⁴⁰. Думается, что Монне, действительно, был американским агентом, но агентом влияния, представителем американских интересов во Франции. Разделяя американскую позицию

³⁷ *Aloys Rigaut*, «De Gaulle & Jean Monnet face à l’Europe». P. 12. URL: alloys.rigaut.free.fr/pdf/dgjm.PDF (Date of access 10.02.2015).

³⁸ *Аллен Дуглас*, «Европейский Союз – проект Британской империи». URL: <http://rachel-douglas.livejournal.com/54975.html> (Date of access 20.02.2015).

³⁹ Синархия – слово греческого происхождения, которое означает совместное управление.

⁴⁰ *Michal B.* Les Grandes énigmes de la Résistance. 3 vol. Paris, 1968. Vol. 3. P. 185.

по проблемам европейского объединения, он использовал свое влияние для ее продвижения, делая это совершенно искренне, по убеждению, а не за деньги, полагая, что действует во благо Франции.

Европейское объединение угля и стали являлось больше европейской, нежели американской инициативой, хотя Жан Монне и работал в окружении советников из-за океана. В то же время импульс в создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), хотя и исходил от европейцев, но проходил под давлением Вашингтона, требовавшего перевооружения Германии и воссоздания немецкой армии. Такие предложения выдвигались американцами с 1948 г., но стали особенно настоятельными после того, как в июне 1950 г. вспыхнула война в Корее. Опасаясь возможности советской агрессии, США хотели также вступления Германии в НАТО для того, чтобы усилить организацию Североатлантического пакта в условиях обострившейся «Холодной войны». Без участия Германии с ее выгодным со стратегической точки зрения положением в центре Европы не могло быть результативного союза.

Надо отметить, что американская инициатива по воссозданию немецкой армии по вполне понятным причинам не нашла восторженного приема во Франции. В 1950 г. прошло всего пять лет с момента окончания самой жестокой и кровопролитной войны, в ходе которой территория Франции подверглась оккупации. Тем не менее, под американским давлением французское правительство согласилось на перевооружение Германии, хотя и с некоторыми оговорками, суть которых заключалась в том, что немецкая армия будет воссоздана не на национальной основе, а станет составной частью европейской армии. У истоков этой позиции стоял Жан Монне, изложивший в сентябрьских письмах к Рене Плевену, председателю Совета, «расширенный план Шумана», вобравший в себя

вопросы обороны.

Подготовленный Монне проект создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), был изложен Рене Плевеном 24 октября 1950 г. в выступлении перед Национальной ассамблеей и получил название «план Плевена». Американцы не возражали против создания единой европейской армии, в которой предполагалось утопить немецкие батальоны, лишь бы заставить Францию проглотить пиллюлю германского перевооружения. По замыслу Монне, «план Плевена» вписывался в перспективы создания будущего европейского государства, основанного на принципах федерации – Соединенных Штатов Европы. Проект ЕОС, таким образом, повлек за собой проект создания Европейского политического союза, что нашло отражение в ст. 38 подписанного 27 мая 1952 г. Парижского договора стран «Шестерки». Договор содержал положение о том, что объединенные контингенты европейской армии будут находиться под командованием НАТО в Европе. Что же до принципов политического союза, то они широко обсуждались на заседаниях шести министров иностранных дел в Страсбурге. Жорж Бидо, возглавлявший внешнеполитическое ведомство в 1953 г., занял в ходе дискуссий осторожную позицию, которая заключалась в том, чтобы «создать Европу не навредив Франции...и не навредив Французскому Союзу»⁴¹. Иначе говоря, Франция, оставив свои федералистские позиции, в разгар колониальной войны в Индокитае помышляла, в первую очередь, о сохранении национального величия.

Вопрос о ратификации Парижского договора вызвал много споров во французском обществе, расколов его на два лагеря, сторонников и противников ЕОС. Де Голль выразил полное неприятие ЕОС, которое «переворужает

⁴¹ Цит. по: *Bossuat G. Histoire de l'Union européenne. Fondations, élargissements, avenir.* Paris, 2009. P. 180.

Германию и разоружает Францию» и вступил в решительную борьбу против «смещения лиц без отечества», каковым представлялась ему европейская армия. Ему принадлежит заявление о том, что ЕОС это плод интриг «синархистов, мечтающих о наднациональной империи...»⁴². Не приходится сомневаться, что говоря это, он имел в виду, в первую очередь, Жана Монне, которого и тогда и впоследствии считала патридом. Объединение французского народа (RPF), не мыслившееся своим основателем иначе как в оппозиции к существующему режиму, исполняло роль орудия в развернутой де Голлем кампании против ЕОС. К голлистам присоединились коммунисты, выступавшие категорически против ратификации договора. Французские христианские демократы (MRP) почти единодушно высказывались в поддержку проекта ЕОС, радикалы и социалисты не имели единого мнения по этому вопросу. «Я вспоминаю об ужинах в городе, – писал Робер Маржолен, друг и соратник Ж. Монне, – где, как только разговор нечаянно заходил о ЕОС, гармония тотчас же исчезала и гости, после бурной дискуссии, расходились, даже не попрощавшись друг с другом»⁴³.

30 августа 1954 г., когда правительство радикала П. Мендес Франса вынесло вопрос о ратификации Парижского договора на голосование в Национальной ассамблее, четыре из шести подписавших документ стран уже ратифицировали его⁴⁴. Попытки Монне убедить

⁴² Цит. по: *Аллен Дуглас*, «Европейский Союз – проект Британской империи». Глава «Европейское объединение угля и стали: зародыш “Соединенных Штатов Европы”». URL: <http://rachel-douglas.livejournal.com/54975.html> (Date of access 20.02.2015).

⁴³ *Robert Marjolin*. Le travail d'une vie. Mémoires, 1986. Цит. по: URL: <http://www.traitederome.fr/fr/histoire-du-traite-de-rome/les-premiers-pas-de-la-construction-europeenne/de-la-ceca-a-l-echec-de-la-ced.html> (Date of access 10.10.2015).

⁴⁴ Кроме Франции и Италии.

Мендес Франса в необходимости отстаивать ЕОС перед настроенными враждебно депутатами провалились. Как и Бидо, Мендес Франс был настроен решительно в пользу французского величия. Голосование в Национальной ассамблее оказалось провальным: против ратификации высказалось 319 депутатов, за – 264. В глазах Монне и Народно-республиканского движения (MRP) провальное голосование голлистов и коммунистов получило название «преступления 30 августа».

Раздраженный провалом ЕОС, Вашингтон все же сумел добиться своего заключением 23 октября 1954 г. Парижских соглашений, которые предусматривали вхождение ФРГ в НАТО и воссоздание немецкой армии. На этот раз французский парламент с небольшим перевесом в 27 голосов ратифицировал соглашения, которые вступили в действие в 1955 г. К слову сказать, прозвучавшая тогда критика непоследовательности Франции представляется вполне уместной⁴⁵: в рамках плана Плевена германская армия контролировалась лучше, нежели будучи воссоздана как самостоятельная единица.

Провал голосования по ЕОС стал первым европейским кризисом. Не желая сносить оскорбление, которое, по его словам, Франция нанесла идее федеральной Европы, Жан Монне немедленно ушел в отставку с поста председателя Высшего руководящего органа ЕОУС. В мемуарах, опубликованных в 1976 г., Монне вспоминал: «Провал ЕОС создал пустоту <...>, необходимость строительства Европы оставалась. Но большинство людей, обладавших способностью принимать решения, застыли в недоверии. Поскольку нам казалось тогда благоразумным оставаться в рамках ЕОУС <...> и, во всяком случае, не слишком отдаляться от этой модели, которая дала доказательства

⁴⁵ См.: *Judt T. Après-guerre: Une histoire de l'Europe depuis 1945. Grand Pluriel, 2005. P. 296.*

своей эффективности, сферы расширения вырисовывались сами собой»⁴⁶.

Монне принял решение оставить в стороне военные вопросы и вернуться к экономической тематике, где, как показал пример ЕОУС, успех был возможен. Внутри ЕОУС в 1950-е гг. отменили таможенные пошлины на продукцию угледобывающей и металлургической промышленности, ввели единые транспортные тарифы и ликвидировали количественные ограничения в торговле. Комитет борьбы за Соединенные Штаты Европы, основанный 67-летним Ж. Монне в 1955 г., стал движущей силой создания Общего рынка и Евратома, ведя работу параллельно с официальными структурами и агитируя за углубление единства.

Мессинская резолюция 1955 г. декларировала готовность «Шестерки» к дальнейшей экономической интеграции, что привело по истечении двух лет к подписанию Римских договоров от 25 марта 1957 г., учреждающих Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Договоры вступили в силу с 1 января 1958 г. В основу ЕЭС легли принципы постепенной отмены таможенных пошлин и количественных ограничений в торговле, создания общего рынка, выработки единой политики в области сельского хозяйства, транспорта и, в перспективе, оформление политического союза. Обеспечить исполнение наложенных Римскими договорами на Францию обязательств выпало де Голлю, который вернулся во власть 1 июня 1958 г. на волне алжирского мятежа генералов колониальной армии.

В мае 1958 г. Франция в лице председателя Совета министров П. Пфлимлена⁴⁷ предупредила пять партнеров

⁴⁶ Цит. по: *Monnet J. Mémoires*. Paris, 1976. Цит. по: Jean Monnet se souvient. URL: http://www.la-croix.com/Archives/1997-03-24/Jean-Monnet-se-souvient-_NP_-1997-03-24-424852 (Date of access 01.10.2015).

⁴⁷ Пьер Пфлимлен возглавлял французское правительство с 14 мая по 1 июня 1958 г.

по Брюсселю, что в силу тяжелой экономической и финансовой ситуации (дефицитный бюджет, внушительный внешний долг, замедление темпов роста производства), не в состоянии выполнить взятые на себя по Римскому договору обязательства. Это означало, что Франция не сможет к 1 января 1959 г. ввести таможенные послабления и, как следствие, не сможет войти в Общий рынок. Поэтому французские официальные лица обратились с просьбой к остальным странам «Шестерки» отложить вступление Римского договора в действие *sine die*, то есть на неопределенный срок. Действительно, правительство Пфлимлена, в принципе положительно настроенного к идее европейского объединения, пребывало в тяжелой ситуации. Не в состоянии подавить алжирский мятеж генералов и выправить экономическую ситуацию, оно оставило за собой право сохранить на границах протекционистский режим.

Ален Перфитт, тогда молодой дипломат, а впоследствии видный министр Пятой республики, был свидетелем отправки в Брюссель вышеупомянутого «драматического анонса». Возвращение де Голля на пост главы правительства стало не меньшим шоком для европейцев. Вот что А. Перфитт писал по этому поводу в своем дневнике, который, к слову сказать, представляет собой очень ценный исторический источник, поскольку записи в нем делались изо дня в день и передают свежий взгляд на события: «Когда наши партнеры увидели, что де Голль пришел на смену Пфлимлену, они не сомневались более, что все их предприятие будет не только отложено в долгий ящик, но и окончательно приговорено. Если французские руководители, ярые пропагандисты европейской идеи, вынуждены были отступить, то можно ли надеяться, что де Голль, упорный противник наднациональности, не воспользуется случаем, чтобы окончательно свернуть шею

этому мертворожденному договору?»⁴⁸.

Действительно, весной, летом и даже осенью 1958 г. многие политики придерживались мнения, что на посту главы правительства де Голль положит конец процессу европейского объединения. Надо сказать, что критика де Голлем европейских проектов, выработанных при Четвертой республике, будь то ЕОУС или ЕОС, давала повод к мрачным мыслям. В этих проектах, идейным вдохновителем которых был Жан Монне, де Голль видел конкретизацию идеи наднациональности и угрозу независимости Франции. После роспуска в 1955 г. Объединения французского народа (RPF) для де Голля и его сподвижников начался тяжелый период политического бездействия, названный «переходом через пустыню» (*«la traversée du désert»*). Генерал удалился в свое имение Коломбэ-ле-Дёз-Эглиз и хранил молчание, избегая выступать публично. Поэтому о его тогдашних настроениях можно узнать только из переписки или из выступлений его соратников. В 1956 г. генерал сетовал в письме М. Андре-Жиллуа⁴⁹: «Мы “созданы” для того, чтобы быть великим народом даже тогда, когда отрекаемся сами от себя. Разочарование большого количества французов по отношению к слабой и посредственной Франции заставляет их от нее отвернуться. (Коммунисты, Шатобриан, Бразильяк, сторонники “Европы шести”)⁵⁰». Тот факт, что де Голль ставил на одну планку сторонников Европы шести

⁴⁸ 1958 – 1970. *La Ve République: De Gaulle et l'Europe*. Alain Peyrefitte: Un singulier paradoxe. Espoir n°116, 1998. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/temoignages/alain-peyrefitte-un-singulier-paradoxe.php> (Date of access 16.02.2015).

⁴⁹ Официальный представитель генерала Де Голля в Лондоне.

⁵⁰ 1958 – 1970. *La Ve République: De Gaulle et l'Europe*. Alfred Grosser. *La politique européenne du général De Gaulle*, Espoir n° 62, 1988. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/analyses/la-politique-europeenne-du-general-de-gaulle.php> (Date of access 16.02.2015).

с Бразильяком – писателем, активно сотрудничавшем с германскими властями во время оккупации 1940–1944 гг., свидетельствовало о его нелестном о них мнении. Для него они те же предатели.

Что же до Римских договоров, то хотя генерал и не раскритиковал их публично, об этом позаботился его близкий сподвижник Мишель Дебре в эмоциональной речи от 19 июля 1957 г., которую закончил восклицанием: «Вам предлагают не что иное, как исчезновение Нации»⁵¹. В июне 1958 г. М. Дебре получил назначение на один из ключевых постов, став министром юстиции в кабинете генерала де Голля.

В то время как лидеры континентальной «Шестерки» испытывали обеспокоенность, Великобритания, оставшись в стороне от Римских договоренностей, потирала с удовлетворением руки. Британские политики не захотели ввести свою страну в ЕЭС из-за того, что слишком дорожили имперскими преференциями – системой льготных тарифных условий в торговле с государствами Содружества. Поэтому британское правительство, возглавляемое с января 1957 г. консерватором Г. Макмилланом, не могло не испытывать некоторого удовлетворения от того, что общеевропейское здание готово обрушиться и собиралось уже извлечь для себя выгоду из французской несостоятельности, чтобы навязать свою концепцию «свободного обмена».

Между тем де Голль хранил молчание. Обосновавшись в Матиньонском дворце, резиденции главы французского правительства на улице Варенн, генерал посвятил себя конституционной реформе и поиску путей решения алжирского конфликта. Казалось, Европа не является приоритетным направлением в его политике. Как

⁵¹ *Laurent de Boissieu*. Une certaine idée de l'Europe. В. L'Europe des intérêts nationaux: 1958 – 1969. URL: <http://www.gaullisme.net/traité-de-rome.html> (Date of access 17.02.2015).

свидетельствовал А. Перфитт: «Генерал предоставил надеждам, расчетам и беспокойствам “вариться в собственном соку”, по его выражению. Он не подтвердил и не опровергнул сообщение, которое президент Пфлимлен и его министр по европейским делам передали нашим партнерам. Но молчание, навязанное им нашей дипломатии, было естественно истолковано как доказательство его согласия с линией своих предшественников»⁵².

Летом 1958 г. де Голль принимал визиты политических лидеров Европы и США, поочередно прибывавших в Париж: генерального секретаря НАТО бельгийца П.-А. Спаака, премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана, госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса, главу итальянского правительства А. Фанфани. Все эти политики к своему удивлению нашли генерала не таким несговорчивым, как о том гласила молва. В разговорах с ними де Голль заявил о своей приверженности принципам коллективной безопасности НАТО и об отсутствии какого-либо предубеждения против европейского строительства. Однако, было очевидно, что де Голль не разделяет надежд Спаака и Фанфани на наднациональную Европу и расширение ее за счет Великобритании. Желая заручиться поддержкой ФРГ, он принял у себя в Коломбэ-ле-Дёз-Эглиз 82-летнего канцлера К. Аденауэра (14 и 15 сентября).

Отметим, что германское общественное мнение отреагировало отрицательно на возвращение де Голля к делам. И это можно понять, поскольку его имя связывалось с поражением 1945 г., генералу приписывали германофобию, недоверие к Европе и антиамериканизм. Де Голль воспринимался в Германии как исторический и

⁵² 1958 – 1970. La Ve République: De Gaulle et l'Europe. Alain Peyrefitte: Un singulier paradoxe. Espoir n° 116, 1998. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/temoignages/alain-peyrefitte-un-singulier-paradoxe.php> (Date of access 16.02.2015).

идеологический противник еще и потому, что в 1944 г. он подписал договор о дружбе с Москвой. Неудивительно, что канцлер прибыл озабоченным, но отбыл в полной мере успокоенным, найдя генерала вовсе не таким вирулентным националистом, как о том писали в средствах массовой информации. Более того, между политиками установилось взаимопонимание и согласие, которое продлилось пять лет.

15 декабря 1958 г., за 15 дней до истечения срока исполнения первого этапа Римского договора, шесть стран Общего рынка вместе с Великобританией собрались на заседания в замке Ла Мюэт в Париже на окраине Булонского леса. Участники обсуждений ожидали, что Франция прервет, наконец, молчание и сделает заявление. Однако глава французской дипломатии Морис Кув де Мюрвиль не имел таких полномочий. Между тем молчание де Голля было лишь ширмой. В тени генерала, в глубоком секрете, с 30 сентября 1958 г. рабочая группа во главе с экономистом либерального направления Жаком Рюэфф подготавливала план восстановления французской экономики. Все ожидали простой девальвации франка, однако план, который получил впоследствии название плана Пине⁵³-Рюэфф, включал в себя целый комплекс мер по оздоровлению экономики, в том числе создание зоны свободного обмена. Таким образом, требуемый Римским договором отказ от значительной доли протекционистских мер и таможенных пошлин оказался интегрированным в план.

Врученный де Голлю 8 декабря, план Пине-Рюэфф был принят им в своей целостности и изложен в радиообращении к французам 28 декабря 1958 г., после избрания его президентом Пятой республики⁵⁴. Как отмечал де Голль в мемуарах, отказ Франции от протекционизма,

⁵³ Антуан Пине – министр экономики и финансов с 23 июля 1958 по 13 января 1960 г.

⁵⁴ Избрание состоялось 21 декабря 1958 г., инаугурация – 8 января 1959 г.

впервые за сто лет его применения, «вот это революция!»⁵⁵. «За границей не скрывали своего удивления по поводу того, что я в столь полной мере выполнил предыдущие договоренности»⁵⁶. К большому удовлетворению европейских партнеров Франция оказалась в состоянии применить, начиная с 1 января 1959 г., первые меры, имеющие целью создание таможенного союза (снижение таможенных пошлин на 10%). К 1960 г. либерализации подверглись около 90% сделок с европейскими странами, а также 50% сделок в зоне доллара. Благодаря реформе Пине-Рюэфф, Общий рынок получил начало своей реализации.

Итак, на уровне экономики генерал де Голль принял европейский проект. Конечно, он мог и не проводить экономической реформы, к слову трудоемкой и не слишком популярной⁵⁷, и, воспользовавшись предложением англичан, ввести Францию в зону свободного обмена без опоры на какие-либо институты. И здесь можно задаться вопросом: почему де Голль, известный как гонитель европейских инициатив, ввел в действие Римский договор, тогда как Четвертая республика отказалась от его применения? Потому ли что его видение Европы претерпело некоторую эволюцию? Как истолковать поворот к Европе, совершенный генералом в 1958 г.?

Нам приходится только строить предположения, так как сам де Голль не оставил никаких объяснений на этот счет. В «Мемуарах надежды», написанных в 1960-е гг., нет ни

⁵⁵ *De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir. T. 1: Le renouveau 1958 – 1962. Paris, 1970. P. 151.*

⁵⁶ *Ibid. P. 155.*

⁵⁷ Действительно, реформа предусматривала целый ряд жестких мер, таких как урезание государственного бюджета, уменьшение субсидий, повышение налогов, акцизов на алкоголь и табак, общее повышение тарифов на газ, электричество, транспорт, замораживание индексаций заработных плат и даже временное прекращение выплат пособий ветеранам войны.

строчки пояснений относительно того, что подвигло спасти Общий рынок, есть лишь рассказы о встречах с лидерами европейских государств. В результате, капитальный выбор, каковым стал поворот генерала де Голля к Европе шести в 1958 г., остался окутанным ореолом недосказанного. Разные авторы, как современники, так и историки, предлагали свои объяснения.

Ален Перфитт, отрывки из дневника которого уже приводились, объяснял поступок Де Голля следующим образом: «Присоединиться к английской концепции означало заниматься торговым либерализмом, но без всякой политической выгоды. В некотором роде это означало открыть двери Европы Соединенным Штатам, тогда как, если европейское строительство имело смысл, то только в движении к независимости. <...> Общий рынок, который он спасал, это было “континентальное” сообщество, то есть, в его глазах, противоположное атлантическому сообществу; начало переориентирования Европы к центру, на саму себя». Продолжая размышлять о причинах, которые подвигли де Голля спасти Общий рынок, А. Перфитт добавляет: «Я полагаю также, что генерал прекрасно отдавал себе отчет в том, что Общий рынок помогал ему освободить французов от навязчивой идеи об Алжире и убедить их в том, что их будущее не заключается в колониальном прошлом»⁵⁸.

По мнению дипломата и эссеиста Жана-Марка Боегнера: «Генерал очень быстро убедился, что надо продолжать. Прежде всего, с экономической точки зрения, открытие Франции международной конкуренции, европейской для начала, было чем-то очень полезным и даже необходимым, с другой стороны, он уже был настроен на то,

⁵⁸ 1958 – 1970. La Ve République: De Gaulle et l'Europe. Alain Peyrefitte: Un singulier paradoxe. Espoir n° 116, 1998. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/temoignages/alain-peyrefitte-un-singulier-paradoxe.php> (Date of access 16.02.2015).

чтобы культивировать и углублять сближение с Германией; и потом можно думать, что имея уже перед собой огромные затруднения, как Алжир, выработка новой Конституции, экономическое, финансовое и валютное восстановление Франции, было бы совершенно несвоевременным усложнять себе жизнь крупным дипломатическим кризисом, который без сомнения повлек бы за собой отказ продолжать политику в направлении, очерченном Римским договором»⁵⁹.

Журналист и историк, автор трехтомной биографии де Голля, Жан Лакутюр полагает, что генерал присоединился к Общему рынку в пику Великобритании, и что подтолкнул его к этому шагу визит британского премьер-министра Г. Макмиллана 29 июня 1958 г. в Матиньонский дворец. Вот как описывал де Голль в «Мемуарах надежды» свой разговор с Макмилланом: «Посредине наших дружеских бесед на самые разные темы, он внезапно мне заявляет, очень взволнованный: “Общий рынок это континентальная блокада! Англия против него. Очень Вас прошу, откажитесь от участия в этом предприятии! Иначе мы вступим в войну, которая, без сомнения, будет экономической лишь поначалу, но рискует распространиться впоследствии на другие сферы”»⁶⁰. Де Голль попытался урезонить Макмиллана, напомнив, что континентальные страны имеют полное право устанавливать между собой режим преференций в торговле, существующий в рамках Британского Содружества, но затаил недовольство.

⁵⁹ 1958 – 1970. *La Ve République: De Gaulle et l'Europe*. Jean-Marc Voegner. 1958, le général De Gaulle et l'acceptation du traité de Rome. *Espoir* n° 87. 1992. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/temoignages/1958-le-general-de-gaulle-et-lrsquoacceptation-du-traite-de-rome.php> (Date of access 16.02.2015).

⁶⁰ *De Gaulle Ch. Mémoires d'espoir*. T. 1: Le Renouveau 1958 – 1962. Paris, 1970. P. 199.

«Принцип противоречия объясняет многое в его решениях, – пишет Жан Лакутюр. – Не представляется чрезмерным предположение, что эта попытка давления Лондона, и многочисленные попытки, сделанные с тех пор британцами для того, чтобы утопить Сообщество шести в Ассоциации свободной торговли (AELE⁶¹), вдохновленной Реджинальдом Модлингом, сыграли большую роль в примирении де Голля с Европой Общего рынка: высшая степень тревоги его английских соседей свидетельствовала лишь о том, что предприятие действительно выгодно для континента...»⁶². А если это так, то Макмиллан, сам того не желая, оказал делу европейского объединения большую услугу и, как Сталин за блокаду Западного Берлина, вполне заслуживал бы быть удостоенным международной премии им. Карла Великого.

Есть основания думать, что объяснение, которое Ж. Лакутюр дает повороту де Голля к Европе в 1958 г., как нельзя более справедливо. Здравый смысл диктует, что каждый раз, когда англичане предлагают что-либо сделать, следует поступать прямо противоположным образом. История полна примерами, когда Великобритания втягивала Францию в невыгодную для нее авантюру, как Крымская война 1853 г. или Суэцкая война 1956 г. и т.д.⁶³ Недаром де Голль имел обыкновение говорить, что «Великобритания это троянский конь Америки в Европе», а Черчилль заявлял, что «между Европой и Англией пролегает океан»,

⁶¹ Association européenne de libre-échange. Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) была основана Стокгольмской конвенцией от 4 января 1960 г., первоначально в нее вошли семь государств: Великобритания, Дания, Норвегия, Швеция, Австрия, Швейцария и Португалия.

⁶² *Lacouture J. De Gaulle. T. 2. Le politique 1944 – 1959. Paris, 1985. P. 630.*

⁶³ Самый яркий тому пример – относительно недавние события 2003 г., когда Европа во главе с Францией и Германией при поддержке России противилась развязыванию войны в Ираке, в то время как Великобритания и США выступали «за».

подразумевая тем самым тесное партнерство англичан с американцами. Де Голль, без сомнения, имел все основания не доверять Великобритании.

Итак, ответ на вопрос, почему де Голль ввел Францию в Общий рынок в 1958 г., на наш взгляд, кроется в двух вещах. Он поступил так, во-первых, из прагматизма, а во-вторых, в интересах Франции. Действительно, де Голль – прагматик, а не идеолог вроде Жана Монне. За Общим рынком стояли идеологи. Де Голль не слишком жаловал этих адептов европейского движения, рожденного после выступления Черчилля в Цюрихе в 1946 г., называл их визионерами, фантазерами. Однако он учитывал реалии времени и места и в том случае, если полагал, что обстоятельства изменились, был способен изменить свой взгляд на вещи. «Политика это искусство реальностей», – любил он повторять⁶⁴. В принципе де Голль разделял желание идеологов построить единую Европу, но вкладывал в нее другой смысл.

У него имелось свое видение Европы, которое шло вразрез с чаяниями многих европейских политиков 1950–1960-х гг. Де Голль приобрел репутацию убежденного противника слияния стран в некое наднациональное объединение – федерацию. По его мнению, европейское строительство должно основываться на реалиях, то есть на государствах и только на них. В одном из частных разговоров он сказал: «Каждый народ отличен от других, несравним, неизменен, вечен. Если вы хотите, чтобы нации объединились, не пытайтесь их интегрировать так, как интегрируют каштаны в пюре из каштанов»⁶⁵. На пресс-конференциях де Голлю не раз доводилось рассуждать

⁶⁴ См.: 1958 – 1970, *La Ve République: De Gaulle et l'Europe*. Alain Peyrefitte. Un singulier paradoxe. Espoir n° 116, 1998. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/temoignages/alain-peyrefitte-un-singulier-paradoxe.php> (Date of access 16.02.2015).

⁶⁵ Ibid.

на тему, какой должна быть объединенная Европа. Он представлял ее в виде конфедерации, «то есть общего организма, которому разные государства, не утрачивая своего тела, своей души, своего лица, делегируют часть своего суверенитета в стратегической, экономической, культурной сфере»⁶⁶. Причем принимать решение об организации конфедерации должны сами народы посредством обширного референдума, организованного одновременно в разных европейских странах.

Нет сомнений в том, что де Голль хотел воспользоваться Европой для своей политики национального величия. В планы государственного деятеля входила, если можно так выразиться, «французская Европа» или «большая Франция». Он желал оформления политического союза, основанного на франко-немецком партнерстве. Де Голлю приписывают следующие слова по этому поводу: «Европа? Это Франция и Германия; все остальное овощи!»⁶⁷. За присущим генералу юмором скрывался желаемый им политический расклад. Экономическая мощь Германии плюс моральная мощь Франции – вместе большая сила. Лидерство в объединенной Европе должно было, безусловно, принадлежать Франции как ядерной державе. План французского дипломата Фуше, разработанный в 1961 и 1962 гг. межгосударственным Комитетом, в определении контуров политической кооперации руководствовался идеями де Голля, результатом чего стало неприятие его

⁶⁶ 1958 – 1970. La Ve République. De Gaulle et l'Europe. Citations du general De Gaulle sur l'Europe (II). URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/documents/citations-du-general-de-gaulle-sur-l-europe-ii.php> (Date of access 19.02.2015).

⁶⁷ *Giesbert F.-O.* Quand l'Allemagne devient une île. Le Point. 02/06/2011. URL: http://www.lepoint.fr/editos-du-point/franz-olivier-giesbert/quand-l-allemande-devient-une-ile-02-06-2011-1337657_70.php (Date of access 25.02.2015).

остальными членами ЕЭС. Елисейский договор между Францией и Германией от 23 января 1963 г., воспроизведя основные положения плана Фуше, ограничил их рамками двух стран – демарш полностью противоположный Европе в том виде, в каком она задумывалась Монне.

Однако поправки, внесенные в текст Елисейского договора 5 февраля при его ратификации в бундестаге, полностью исказили его сущность. Немцы не захотели поддержать проект «европейской Европы», предпочтя остаться под американским «зонтиком ядерной безопасности». Приверженностью «европейской Европе» объясняется и оппозиция генерала вхождению Великобритании в Общий рынок. Великобритания находилась в слишком сильной политической зависимости от США, рискуя стать проводником американского влияния, что грозило бы растворением европейского сообщества в атлантическом. Де Голль дважды, в 1963 и 1967 гг., накладывал вето на принятие Великобританией в ЕЭС. Отказ Франции от участия в создании в рамках НАТО многосторонних ядерных сил с участием США и Великобритании стало еще одним проявлением независимой позиции де Голля, который, комментируя углубляющийся антагонизм с американцами, в шутку заявил, что «угроза для нас исходит не столько от водки, сколько от виски!»⁶⁸. Действительно, после провала плана Фуше, искажения Елисейского договора и обострения отношений с США, де Голль определил географию европейской Европы «от Атлантики до Урала», вне искусственных границ, ставших результатом Ялтинского раздела мира.

Объединенная Европа представлялась де Голлю не иначе как в виде «Европы отечеств». Европа

⁶⁸ Une certaine idée de l'Europe – Laurent de Boissieu. 2. L'Europe de l'Atlantique à l'Oural. URL: <http://www.gaullisme.net/europe-de-l-atlantique-a-l-oural.html> (Date of access 25.02.2015).

начнется «с сотрудничества, быть может потом, по мере совместного общежития, она станет конфедерацией». Отсюда важное значение, которое, как подчеркнул де Голль в телевизионном выступлении 14 декабря 1965 г., имеет Общий рынок, ибо только так можно «установить реальную солидарность между европейскими странами». Однако остальные пять членов «Шестерки» выступали за наднациональный вариант интеграции при углублении взаимодействия с НАТО в военно-политической области. Противоречия в позициях Франции и остальных государств достигли кризисного уровня в 1965 г., когда французское правительство бойкотировало заседания рабочих органов ЕЭС. В разгар кризиса, выступая по телевидению, де Голль подтрунивал над теми, кто громче всего высказывался в пользу наднациональной Европы: «Следует принимать все так, как есть, поскольку политику делают не иначе как с опорой на реальности. Конечно, можно прыгать на своем стуле подобно козе, повторяя “Европа!” “Европа!” “Европа!”, но это ни к чему не приведет...»⁶⁹.

В 1967 г. произошло углубление европейской интеграции: был завершен начатый двумя годами ранее процесс слияния рабочих органов трех сообществ, ЕОУС, ЕЭС и ЕВРАТОМ, в единую Европейскую комиссию, единый Европейский парламент, единый Совет министров. За совокупностью трех формально независимых международных организаций закрепилось наименование Европейских сообществ.

После отставки де Голля 28 апреля 1969 г. пребывание на президентском посту его преемников ознаменовалось дальнейшим развитием европейских

⁶⁹ 1958 – 1970. La Ve République. De Gaulle et l’Europe. Citations du général De Gaulle sur l’Europe (II). De Gaulle a déclaré, Espoir n° 26, 1979. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-lrsquoeeurope/documents/citations-du-general-de-gaulle-sur-l-europe-ii.php> (Date of access 20.02.2015).

структур. С именем Жоржа Помпиду связано первое расширение «Европы шести» до девяти государств-членов, включая Великобританию (1973), чем был дан новый стимул интеграционным процессам. Валери Жискар д'Эстен преуспел в создании Европейского совета (1974), Европейской валютной системы (1978), благодаря его действенной поддержке в 1979 г. состоялись первые выборы Европейского парламента прямым всеобщим голосованием.

После провала плана Фуше мысль о политическом объединении не оставляла европейских политиков. В 1983 г. была принята «Торжественная декларация о Европейском союзе». Однако от декларации намерений до практического воплощения идеи в жизнь пришлось ждать еще десять лет. Новый проект политической Европы, инициированный Францией при поддержке Германии, имел следствием Маастрихтский договор и носил компромиссный характер.

Европейский союз – детище Жака Делора, а самого его называют архитектором этого крупнейшего политико-экономического альянса. Именно он в качестве главы Европейской комиссии стоял у истоков Маастрихтского договора, который вступив в силу 1 ноября 1993 г., заложил основы Евросоюза.

1925 года рождения, Жак Делор начал свою трудовую деятельность в Центральном банке Франции, в 1950-е гг. проявил себя активным синдикалистом, был членом Экономического и социального совета, затем в 1960-е гг. работал в генеральном комиссариате планирования. Первая известность к нему пришла после его участия в разработке концепции «нового общества», предложенной премьер-министром Ж. Шабан-Дельмасом и заключавшейся в расширении гражданских прав и увеличении социальной помощи малоимущим. После отставки Шабан-Дельмаса в 1972 г., разочаровавшись в способности правых реформировать общество, Делор

вступил в Социалистическую партию (1974). Сблизившись с первым секретарем социалистов Миттераном в персональном плане, идейно Делор стоял ближе к реформистскому крылу партии, так называемой «второй левой», противопоставлявшей себя марксистам. После победы Миттерана на президентских выборах 1981 г., Ж. Делор стал одним из наиболее влиятельных его советников на всем протяжении исполнения им полномочий главы государства, до 1995 г.⁷⁰

Социальные реформы правительства Пьера Моруа, в котором Делор занимал пост министра экономики и финансов с 1981 по 1984 гг., были направлены на реализацию предвыборной программы левых сил, но вызвали существенное увеличение дефицита государственных средств и инфляцию. Продолжение политики расширения социальных гарантий грозило Франции дальнейшим ослаблением франка и выходом из Европейской валютной системы (SME⁷¹). Чтобы не допустить такого развития событий, Делор стал одним из инициаторов «поворота в сторону жесткости», решение о котором было принято в марте 1983 г., несмотря на волну критики со стороны части левого электората, разочарованного сближением социалистов с либералами. Мэр Клиши с 1983 по 1984 г., Делор к моменту своего избрания на пост председателя Комиссии сообществ, впоследствии известной как Европейская комиссия, имел некоторый опыт работы в европейских институтах. Избранный евродепутатом в 1979 г., он возглавил финансово-экономическую комиссию, но через два года подал в отставку, предпочтя работу в министерстве.

Председатель Европейской комиссии в Брюсселе в

⁷⁰ Будучи переизбран в 1988 г., Ф. Миттеран возглавлял Пятую республику два президентских срока по семь лет.

⁷¹ *Système monétaire européen* (SME).

течение десяти лет, с января 1985 г. по декабрь 1994 г.⁷², Делор оставил неизгладимый след в истории европейской интеграции, создав себе репутацию «Месье Европа», как до него называли только Монне. Для убежденного европеиста Делора Монне был иконой, человеком, сделавшим невозможным повторение войн в Европе. Став во главе Комиссии сообществ, он приложил все усилия, чтобы стать продолжателем его дела. Речь Делора в бельгийском городе Брюгге от 17 октября 1989 г. лучше всего определила его концепцию единой Европы: «Я хочу не только объединить народы, как желал это сделать Жан Монне, но также объединить нации»⁷³. Европейский Союз – без всякого сомнения, главное детище Делора, но не единственное.

Энергичный и харизматичный политик, Делор явился инициатором целого ряда нововведений, сумев вывести процесс интеграции из ступора, в котором он пребывал с конца 1970-х гг. по причине «нефтяных шоков», бюджетно-аграрного конфликта премьер-министра Великобритании М. Тэтчер со структурами ЕЭС, отсутствия консенсуса по вопросу о принятии Испании и Португалии в Общий рынок. Первые шаги по разблокированию ситуации были предприняты в 1984 г. во время французского председательства в Сообществах. Один из них – решение о вхождении Испании и Португалии в ЕЭС с 1 января 1986 г. На заседаниях Европейского совета в Фонтенбло (25 и 26 июня 1984) получили решение бюджетные проблемы, было достигнуто соглашение с Великобританией о компенсации ей денежного дисбаланса⁷⁴, появились комитеты по

⁷² Делор возглавлял Европейскую комиссию в течение трех мандатов: первый с 1985 по 1988 гг., второй – с 1988 по 1992 гг., третий – с 1992 по 1994 гг.

⁷³ *Bossuat G. Histoire de l'Union européenne. Fondations, élargissements, avenir. Paris, 2009. P. 272.*

⁷⁴ Отчисления Великобритании в единый бюджет превосходили те суммы, которые она получала на свой относительно небольшой

подготовке реформ. Вступив в должность председателя Европейской комиссии, Делор поддержал реформаторские начинания, сумев придать необходимый динамизм процессу европейской интеграции.

Однако Делор не смог бы добиться успехов в своих проектах, не найди он неизменную поддержку в президенте Ф. Миттеране и германском федеральном канцлере Г. Коле, которая оказалась тем более эффективной, что между двумя политиками сложились чрезвычайно доверительные отношения. Запечатленное на фотоснимках от 22 сентября 1984 г. знаменитое рукопожатие между социалистом Миттераном и христианским демократом Коле на поле битвы при Вердене стало символом примирения французов и немцев. Трио Делор – Миттеран – Коль сумело продвинуть интеграционный процесс в сторону дальнейшего его развития и углубления, при этом Миттеран и Коль вынуждены были идти друг другу на уступки с учетом взаимных интересов.

Первой целью, которую поставил перед европейцами Делор после консультаций с правительствами, руководителями предприятий, синдикалистами, стало завершение создания внутреннего единого рынка предусмотренного Римским договором 1957 г. Действительно, несмотря на уничтожение таможенных сборов в 1968 г., единый рынок не функционировал из-за большого количества барьеров другого рода – разных фискальных и санитарных формальностей. Четыре свободы, подразумеваемые Общим рынком, – перемещения товаров, услуг, лиц и капиталов, не удалось достигнуть. В январском выступлении 1985 г. перед Европейским парламентом Делор анонсировал дату, к которой ставилась задача ликвидировать

аграрный сектор, отсюда слова, произнесенные М. Тэтчер во время саммита Европейских сообществ в Дублине в 1979 г.: «I want my money back» («Верните мне мои деньги»).

все внутренние границы в Сообществах, – 31 декабря 1992 года. «Белая книга о завершении внутреннего рынка», представленная на Европейском совете в Милане 28 и 29 июня 1985 г., содержала 300 предложений, как за семь лет достигнуть поставленной цели, и была одобрена главами государств и правительств. На Эйфелевой башне зажглась надпись с отсчетом времени, оставшегося до «магической» даты. Единый европейский рынок при наличии 320-ти миллионов потребителей обещал стать самым мощным в мире торговым блоком. Белая книга имела следствием подписание 17 февраля в Люксембурге и 28 февраля в Гааге 1986 г. Единого европейского акта, который Делор называл «своим излюбленным соглашением».

Единый европейский акт явил собой первый пересмотр Римских договоров, существенно дополнив их целым рядом положений, которые открыли дорогу для реализации единого рынка. В разделе III предусматривались механизмы сближения внешнеполитических курсов стран Сообществ. Акт повлек за собой множество директив и регламентов из Брюсселя и привел, в конечном счете, к Маастрихтскому договору 1992 г.

В 1987 г. Делор запустил действующую и поныне программу обмена и мобильности в сфере высшего образования «Эразмус» с целью содействия диалогу и взаимопониманию между культурами. Проект Экономического и валютного союза как важная составляющая Маастрихтского договора был разработан под руководством Делора, горячего его поборника. Впервые идея создания комплекса программ, направленных на сближение экономик государств-членов Сообществ выдвигалась и обсуждалась еще в 1970-е гг. Ганноверский саммит 1988 г. дал ей новую жизнь, поручив Делору во главе специально созданного комитета подготовить проект создания Экономического и валютного союза. В апреле 1989

г. комитет Делора опубликовал доклад, предусматривавший три этапа на пути либерализации движения капиталов, сокращения колебания валютных курсов и создания единой валюты – евро. Введение евро должно было стать содержанием третьего этапа, начало которого намечалось на 1 января 1999 г. Европейский совет, заседавший 26 и 27 июня 1989 г. в Мадриде, принял план Делора в качестве базы для продолжения работы.

Давая интервью популярному французскому журналу «Le Nouvel Observateur», Миттеран заявил летом 1989 г.: «Экономический и валютный союз является необходимым переходом к политической Европе»⁷⁵. И хотя президент не представлял себе европейский политический союз иначе как делом отдаленного будущего, стремительные изменения в Европе вынудили Францию отвечать на новые вызовы. Процесс реформирования тоталитарной системы в СССР, иначе говоря «перестройка», вырвавшись из-под контроля М. С. Горбачева, привел к краху народных демократий в Восточной Европе, к распаду социалистического лагеря, падению Берлинской стены (9 ноября 1989), воссоединению Германии (3 октября 1990), дезинтеграции «Советской империи» (26 декабря 1991).

Миттерана беспокоили падение Берлинской стены и перспектива воссоединения Германии. Велик был риск, что европейское равновесие, которым так дорожила Франция, будет нарушено возрождением в центре Европы сверхмощной и потенциально опасной Германии. С целью не допустить этого, Миттеран разработал особую политическую тактику, названную дипломатическим советником президента Ю. Ведрином

⁷⁵ Le Nouvel Observateur, 27 juillet 1989. Цит. по: *Обичкина Е. О.* Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М., 2003. С. 89.

«политикой сопровождения»⁷⁶. Её суть заключалась в ряде условий, которыми обставлялось французское согласие на поглощение ГДР Федеративной республикой. Среди них – присоединение к проекту Экономического и валютного союза Делора. На саммите в Страсбурге 8 и 9 декабря 1989 г. канцлер Г. Коль дал согласие пожертвовать чрезвычайно сильной немецкой национальной валютой, маркой, в пользу евро – сделка в логике той, что способствовала учреждению Европейского объединения угля и стали. Со своей стороны, Миттеран, стоявший скорее на конфедеративных позициях, пошел на уступки Коль, который выступал за ускорение политической интеграции. По сценарию, опробованному при Четвертой республике, Миттеран рассчитывал обезвредить Германию путем наибольшего вовлечения ее в интеграционные процессы. Делор активно способствовал позитивному развитию дебатов, выдвинув проект федерации «Двенадцати»⁷⁷. Совместная инициатива Франции и Германии, поддержанная бельгийским меморандумом, имела следствием решение о создании Европейского союза, принятое 28 апреля 1990 г. на саммите в Дублине.

После года работы межправительственных комитетов, выявивших несогласие их участников по самым разным вопросам, 7 февраля 1992 г. в Маастрихте состоялось подписание договора о Европейском союзе. Маастрихтский договор – пространный документ, включающий в себя 300 статей, 17 протоколов и 33 декларации, существенно дополнил предыдущие соглашения новыми положениями. В прессе тех лет и в последующие годы Европейский союз фигурально называют неким подобием храма, фронтон которого – Европейский совет, а три «колонны»,

⁷⁶ Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М., 2003. С. 75.

⁷⁷ К 1990 г. в Европейских сообществах насчитывалось 12 государств-членов: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Великобритания, Дания, Ирландия, Греция, Испания, Португалия.

поддерживающие «здание», – Европейское сообщество, как стали именовать ЕЭС в силу расширения его компетенций, единая внешняя и оборонная политика, правосудие и внутренние дела. В основу деятельности Европейского сообщества положен принцип квалифицированного большинства, две остальные «колонны» принимают решения единогласно. В добавление к единому рынку, экономическому и валютному союзу, появились новые сферы компетенции Европейского сообщества: образование, культура, здравоохранение, защита потребителей, окружающей среды, социальная политика. Определены пять критериев для государств, желающих войти в зону единой валюты: дефицит государственного бюджета не выше 3% ВВП; государственный долг не выше 60% ВВП; уровень инфляции не более 1,5% от среднего уровня; процентная ставка, превышающая средние показатели не более чем на 2%; стабильность обменных курсов валют. Созданный в добавление к существующим, специальный структурный фонд был нацелен на то, чтобы путем денежных вливаний, исходящих от богатых стран-доноров, подтянуть уровни развития отстающих стран, на тот момент это Испания, Португалия, Греция и Ирландия. Центральные банки, а также будущий Центральный европейский банк во Франкфурте на Майне получили независимость от правительств. Были расширены полномочия Европейского парламента. Зафиксировав понятие «европейской политики в сфере обороны и безопасности», Маастрихтский договор отвел Западноевропейскому союзу ключевую роль в ее обеспечении в тесном взаимодействии с НАТО⁷⁸. Наконец,

⁷⁸ Согласно подписанному в Амстердаме соглашению (1996), Западноевропейский союз (ЗЕС) стал частью Европейского союза, получив оперативные полномочия в сфере обороны. ЗЕС, в частности, принимал участие в урегулировании кризисной ситуации на Балканах в 1990-е гг. Но, начиная с 2000 г., функции ЗЕС в области обеспечения совместной политики безопасности перешли к сфере

важным новшеством стало введение единого европейского гражданства как дополняющего, но не заменяющего национальное.

Перспективы федеральной и франко-германской Европы устраивали общественность далеко не всех стран. Делор стал мишенью нападок британской желтой прессы. По результатам датского референдума от 2 июня 1992 г. по ратификации договора о Европейском союзе: 50,7% участников проголосовали «против»⁷⁹. Предшествовавшие референдуму во Франции дебаты явственно продемонстрировали раскол в обществе относительно нововведений, предусмотренных текстом. Опираясь на поддержку социалистов, Миттерану пришлось со всей энергией отстаивать текст договора. Недовольство правой оппозиции, прежде всего голлистов, более всего выразил Филипп Сеген, раскритиковав 5 мая перед Национальной ассамблеей Европу, которая «хоронит концепцию национального суверенитета и великие принципы, унаследованные от Революции»⁸⁰, в то время как часть левых выступала за пересмотр условий договора⁸¹. Личная вовлеченность президента в дебаты, особенно в недели, предшествующие референдуму, оказалась решающей для успеха сторонников Маастрихта на референдуме, который состоялся 20 сентября 1992 г., имев результатом «маленькое

межправительственных инициатив, а в 2011 г. ЗЕС прекратил свое существование. США сохранили лидерство в деле обеспечения европейской безопасности.

⁷⁹ Второй референдум (1993), после принятия Эдинбургских соглашений, определивших ряд исключений для Дании, в конечном счете, дал положительный результат.

⁸⁰ Référendum français sur le traité de Maastricht. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/R%C3%A9f%C3%A9rendum_fran%C3%A7ais_sur_le_trait%C3%A9_de_Maastricht (Date of access 25.09.2015).

⁸¹ См. статью эколога *Алена Липица* «Против Маастрихта, потому что за Европу». *Alain Lipietz. Contre Maastricht parce que pour l'Europe // Silence*. Septembre 1992. № 157. P. 7 – 8.

да»: лишь 51,01% французов высказались за ратификацию договора.

Справедливо именуемый творением Миттерана, Коля и Делора, Маастрихтский договор учел, как и следовало ожидать, далеко не все пожелания французской стороны. Уделяя значительное внимание социальному направлению интеграции⁸², Миттеран и Делор предложили в 1991 г. включить в текст Маастрихтского договора главу о социальной политике, в которой ставились задачи содействия занятости, улучшения условий жизни и труда, борьбы против бедности, активизации диалога патроната с трудящимися, но натолкнулись на решительное противодействие британского правительства консерваторов. В результате, положения о социальной Европе (протокол № 14) не вошли в основной текст, что несколько снизило их значимость⁸³. Ввиду систематического неодобрения Великобританией интеграционных инициатив, а также дарованных ей исключений (*opting out*), позволявших не выполнять некоторые положения договора, в частности не вводить единую валюту, Маастрихт открыл дорогу Европе «двух скоростей».

Прежде чем покинуть Европейскую комиссию в декабре 1994 г. Жак Делор оставил нечто вроде политического завещания в виде двух Белых книг, в которых писал о необходимости приложить много усилий во имя будущего Европы. В 1993 г., размышляя о перспективах политической интеграции, политик впервые употребил выражение «федерация государств-наций», в котором

⁸² Европейская хартия об основных социальных правах трудящихся, предложенная Миттераном и Делором, была принята на саммите в Страсбурге 9 декабря 1989 г. одиннадцатью странами за исключением Великобритании.

⁸³ Впоследствии при принятии Амстердамского договора 1997 г. британский премьер-министр Тони Блэр дал согласие на включение в него социального протокола и социальной Хартии.

некоторые из непримиримых федералистов усмотрели стилистическую ошибку оксюморон⁸⁴. Как впоследствии сам Делор объяснял в одном из телевизионных интервью, его концепция единой Европы «основана на двух простых идеях: первая, не пришедшаяся по вкусу непримиримым федералистам, заключается в том, что нации не исчезнут, и, во-вторых, федерация, потому что единственная приемлемая форма правительства, действенная для Европы, состоит в том, чтобы иметь федеративные структуры наверху»⁸⁵.

Маастрихтский договор имел большое значение для дальнейшего развития Европы, которая с открытием границ и введением единой валюты стала ощутимой реальностью для населения. Амстердамский договор от 2 октября 1997 г. внес в него существенные изменения в целях укрепления европейских институтов ввиду готовившегося расширения ЕС, включив в него между прочим Шенгенские соглашения⁸⁶ об отмене паспортного контроля на внутренних границах. Конституция Евросоюза, призванная заменить собой все принятые ранее учредительные акты, но не выдержавшая испытания французским референдумом 2005 г., также являлась французской инициативой. Идея ее создания была впервые озвучена в речи Ж. Ширака в бундестаге 27 июня 2000 г., а текст разрабатывался под руководством

⁸⁴ Оксюморон (в пер. с др. греч. остроумно-глупое) – сочетание слов с противоположным значением.

⁸⁵ Interview de Jacques Delors – Partie 1 – Les conceptions européennes de Jacques Delors à la lumière du traité de Lisbonne (Paris, 16 décembre 2009). Режим доступа: http://www.cvce.eu/obj/interview_de_jacques_delors_partie_1_les_conceptions_europeennes_de_jacques_delors_a_la_lumiere_du_traite_de_lisbonne_paris_16_decembre_2009_duree_00_30_44-fr-5b44f4d8-eab9-4a0f-abe3-d7d818e373a1.html (Дата обращения 01.10.2015).

⁸⁶ Шенгенское соглашение было подписано 14 июня 1985 г. Францией, ФРГ, Бельгией, Люксембургом и Нидерландами, однако пришлось ждать десять лет до его вступления в силу. Между тем 19 июня 1990 г. была подписана Шенгенская конвенция о введении в действие и применении одноименного соглашения, но заработала она только в 1995 г.

В. Жискар д'Эстена. Возникший в результате отклонения Конституции институциональный кризис нашел свое разрешение в разработке и ратификации нового текста, каковым стал Лиссабонский договор (13 декабря 2007). Этот международный договор о реформе, вобрав в себя основные положения отвергнутой Конституции, имел целью серьезно упростить структуру и принципы работы коллективных органов ЕС. В 2008 г. президент Франции Н. Саркози предпочел ратифицировать договор парламентским путем, продемонстрировав тем самым явное пренебрежение общественным мнением. Лиссабонский договор вступил в силу 1 декабря 2009 г.

Не будет преувеличением сказать, что современная Европа вышла из Маастрихта. Однако Маастрихтский договор неоднозначно встретили как во Франции, так и в других европейских странах. Противоречивые оценки и критика направлены против евро и отсутствия контроля на внешних границах. По результатам опроса, проведенного Французским институтом общественного мнения (IFOP⁸⁷) для газеты «Le Figaro», 64% французов проголосовали бы «против» будь вопрос о Маастрихтском договоре вынесен на референдум в 2012 г.⁸⁸ Многие из тех, кто голосовал «за» ратификацию договора спустя двадцать лет сказали бы «нет». Причиной тому многочисленные сложности и разногласия, возникшие в процессе реализации положений договора о Европейском союзе.

С момента принятия Лиссабонского договора европейское строительство не продвигается вперед. Европа пребывает в кризисе, отсутствует стремление к дальнейшей интеграции, между государствами-членами

⁸⁷ Institut français d'opinion publique.

⁸⁸ L'OBS Le Plus. URL: <http://leplus.nouvelobs.com/contribution/627312-traite-europeen-64-des-francais-regrettent-maastricht-et-vous.html> (Date of access 20.09.2015).

ощущается определенная напряженность в отношениях, институты ЕС более не совершенствуются. Задача, стоящая перед правительствами европейских стран сегодня, – не столько углублять интеграцию, сколько уберечь единую Европу от развала. Президент Франции Ф. Олланд, духовный сын Жака Делора, сделал своим лозунгом «Надо больше Европы». Однако выясняется, что на данный момент народы не хотят «больше Европы». Европейский Союз сегодня объединяет слишком много государств – 28 после вступления в него 1 июля 2013 г. Хорватии⁸⁹. Отсюда неповоротливость и нерасторопность, как у мастодонта. Европа воспринимается гражданами как нечто абстрактное, концептуальное, технократическое, а спускаемые сверху европейские директивы как оторванные от реальности происки брюссельской бюрократии и чиновников, ее эпигонов.

В обстоятельствах растущего скептицизма среди населения стран ЕС, сегодня, как и в прошлом, Франция и Германия – это мотор Европы, константа европейской политики. Осенью 2015 г. Европу захлестнула волна мигрантов, бегущих от войны с Ближнего Востока и Северной Африки. Символично, что 7 октября 2015 г., в условиях двойного экономического и миграционного кризиса, Ф. Олланд и канцлер Германии А. Меркель сочли необходимым выступить перед Европейским парламентом, как это сделали их предшественники Ф. Миттеран и Г. Коль 26-ю годами ранее, после падения Берлинской стены. Вместе они пришли призвать к солидарности в условиях, когда Венгрия, Чехия, Польша, Финляндия выступили против квот на размещение беженцев на фоне заявлений

⁸⁹ К 12-ти государствам-членам ЕС, подписавшим Маастрихтский договор, присоединились следующие государства: в 1995 г. – Швеция, Финляндия и Австрия, в 2004 г. – Чехия, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Словакия, Словения, Мальта и Кипр, в 2007 г. – Болгария и Румыния, в 2013 г. – Хорватия.

канцлера Меркель о готовности Германии принять на своей территории всех вынужденных переселенцев.

Известная своей еврофобией и жесткой позицией в отношении мигрантов Марин Ле Пен, лидер «Национального фронта» и депутат Европарламента, в речи, обращенной к Ф. Олланду и А. Меркель, назвала президента Французской республики «вице-канцлером мадам Меркель, управляющим провинцией Франция». В ответ на провокационный выпад Ф. Олланд произнес эмоциональную речь, в которой напомнил о вкладе французов и немцев в создание объединенной Европы. Он также процитировал слова Ф. Миттерана, сказанные в Европарламенте в 1995 г., что «национализм - это война» и заявил, что «суверенизм - это конец Европы», у которой есть только один путь – углубление интеграции. Проблема в том, что ни Ф. Олланд, ни А. Меркель на данный момент не имеют представления о дальнейших путях развития интеграции, в то время как Великобритания собирается провести референдум по вопросу о выходе из Евросоюза.

Франция всегда рассматривала Европу как важный ареал своей политики. С особенной силой это проявилось после Второй мировой войны, когда французские инициативы положили начало европейскому объединению. Декларация Ж. Бидо, давшая рождение Совету Европы, деятельность Ж. Монне по созданию Европейского объединения угля и стали, а также Общего рынка имели решающее значение на начальном этапе интеграции. Единая Европа свершилась усилиями, главным образом, центристов, каковыми были Ж. Монне, именуемый не иначе как «отец Европы» и Ж. Бидо, назвавший себя в мемуарах «дядей Европы». Во Франции – это представители Народно-

республиканского движения (MRP). Тем не менее, и Ш. де Голль, и социалисты в лице Ж. Делора и Ф. Миттерана внесли свою лепту в европейское строительство. Де Голль, сторонник «Европы отечеств», спас Общий рынок в 1958 г., Ж. Делор, приверженец «федерации государств-наций», стоял у истоков концепции Европейского союза в 1992 г.

На протяжении 65-тилетней истории европейской интеграции мир постоянно менялся, менялась и концепция единой Европы. В целом, французские политики, даже такие приверженцы федерации, как Ж. Монне и Р. Шуман, выступали за постепенную интеграцию, ставя на первое место экономический союз. Проект Европейского политического союза, разработанный в 1953 г., в случае его осуществления дал бы в итоге настоящую европейскую федерацию с правительством, ассамблеей, общей внешней политикой. Более смелый по замыслам, нежели Европейский союз, проект этот не реализовался вследствие провала в 1954 г. плана оборонительного сообщества, с которым он был неразрывно связан. Де Голль предложил в 1960 г. проект политического объединения, план Фуше, однако надежды генерала на возвеличивание Франции за счет своих европейских партнеров не могли устроить последних.

Можно утверждать, во всяком случае, что политического единства в Европе нет до сих пор. Нет европейского правительства, как не существует европейской дипломатии, европейской обороны, европейского образования. Европейский союз сегодня – объединение, в котором сочетаются элементы конфедерации, федерации и межправительственных организаций. Сегодня среди политиков мало кто верит в мечту о федеративной Европе и даже среди наиболее убежденных европеистов, будь то центристы или социалисты, никто не решается сделать эту тему своим политическим коньком. Ф. Олланд,

последователь Ж. Делора, выступает за федерацию при сохранении национальной идентичности, в то время как растёт число евроскептиков, приверженцев суверенитета, выступающих за «Европу наций».

Ж. Бидо, Ж. Монне, Ш. де Голль и Ж. Делор в тесном сотрудничестве с германскими государственными деятелями сделали возможным движение вперед по пути объединения Европы, в ходе которого было пройдено немало новых этапов. Со временем, как известно, проблем у Европы не стало меньше. Соотношение сил между Францией и Германией сегодня отличается от того, которое существовало в начале европейского строительства. Современная Германия все более осознает свою силу и роль в Европе, в то время как Франция пребывает в кризисе. И все же, несмотря на несхожие интересы в экономике, во внешней политике и довольно частые разногласия, Франции и Германии до сегодняшнего дня удавалось находить компромиссы и, надо надеяться, будет удаваться в будущем, иначе Европе грозит коллапс.

3. Наднациональная европейская идентичность в условиях регионального сепаратизма

Начиная со второй половины XX века, история становления национальных государств находится в достаточно противоречивой фазе. С одной стороны, мы наблюдаем процесс формирования единого интеграционного пространства на европейском континенте, а с другой, появление или требование к созданию новых государств. Отцы-основатели Единой Европы возлагали на этот проект надежды о появлении европейского сообщества, осознающего свою общность и единство, что означало бы окончание государственных и этнических разногласий. Однако, институты Европейского Союза, стремясь к углублению политико-экономических связей, оказываются перед лицом все возрастающей активности регионалистских и сепаратистских движений в границах ЕС. Интеграционный процесс сталкивается со своей обратной стороной – регионализацией, порой артикулирующей сепаратистские идеи и требования.

Формирование общего рынка и политических институтов, их сохранение и развитие в текущей кризисной для Евросоюза ситуации¹ делает задачу формирования наднациональной европейской идентичности все более актуальной. Очевидно, что преодолеть текущие противоречия ЕС в состоянии только при широкомасштабной поддержке европейцев. Региональные силы, прежде всего сепаратистские, опираются и

¹ Экономические показатели и угроза выхода Греции из зоны евро, волна иммигрантов и институциональные проблемы активизируют позиции евроскептиков и позволяют поднять вопрос о перспективах дальнейших форм существования интеграционного объединения.

активно формируют чувство региональной общности. Примечательно, что в определенном смысле возможность существования регионов с особой идентичностью, требующих отделения от национальных государств, создана в своей современной форме наднациональной структурой ЕС². В системе координат «ЕС - государства-члены – регионы» существуют очевидные противоречия между интересами наднациональных институтов, сепаратистских движений и национальных государств, противоречия между разными уровнями идентичностей - региональной, национальной и наднациональной. Учитывая, что формирование общеевропейской идентичности является насущной задачей, возникает вопрос о перспективах и потенциале существования наднациональной идентичности в условиях все большей фрагментации объединенной Европы и роста сепаратистских настроений.

В Европе практически нет стран, где не существовало бы национальных меньшинств³, многие из которых выступают не только за расширение своих прав, но и за выход из состава национальных государств. Сепаратизм на европейском континенте реализуется в политической, экономической, социальной и культурно-языковой сферах. Он имеет различные корни и проявления, но чаще всего находит воплощение в форме регионально-сепаратистского движения, подпитываемого тем или иным вариантом сепаратистской идеологии.

Осуществляя типологизацию европейского сепаратизма, исследователи используют разнообразные критерии: институциональные формы, характер

² *Jolly S.K.* A Europe of Region? Regional integration, Sub-National Mobilization and the Optimal Size of States. Duke University. 2006. P. 2.

³ *Плевако Н.С.* Шведская народная партия в Финляндии. // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике. М, 2006. С. 137.

требований, историю возникновения и т.д. Так, французских политолог П. Ланглуа, опираясь на характер требований, выделяет федералистский (Бельгия, Каталония) и анти-централистский (Страна Басков, Франция) типы западно-европейского сепаратизма⁴. При этом П. Ланглуа отмечает ряд структурных отличий сепаратистских движений в Восточной Европе. Отечественный исследователь К.С. Пузырев предлагает классификацию, основанную на институциональной форме сепаратистских движений: экономический и культурный регионализм как особая форма самоопределения (Каталония); «движение элиты» за политическое и государственное самоопределение (Шотландия); массовое движение за политическое и государственное самоопределение (Страна Басков); «латентное сопротивление», региональный изоляционизм и терроризм (Корсика)⁵. Немецкая исследовательница А. Бетичер и чешский политолог М. Марес разделяют традиционный и, так называемый, новый сепаратизм. Под традиционным сепаратизмом они понимают исторически укоренённое территориальное, национальное, этническое или религиозное сепаратистское движение, организованное на европейской территории группами, давно проживающими в данном месте. Примечательно, что основные проявления данного вида сепаратизма авторы усматривают в Восточной Европе. Второй тип сепаратизма они связывают с новыми требованиями традиционных сообществ, возникающих в связи с изменением европейских границ, а так же с требованиями сообществ, сформированных мигрантами,

⁴ *Langlois P.* Typologie du separatism en Europe // Taurillon. 2008. 5 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taurillon.org/Typologie-du-separatisme-en-Europe> (дата обращения: 1.06.2015).

⁵ *Пузырев К.С.* Проблемы типологизации и оценки потенциала различных типов регионального сепаратизма в странах Западной Европы // Вестник КемГУ, 2011. № 4 (48). С. 123.

и ответной реакцией сепаратизма «белых европейцев»⁶. Бетичер и Марес опираются на исторические условия возникновения сепаратистских групп и связывают их с характером политических требований.

Методологически их подход близок попыткам понятийной дифференциации Р. Брубейкера, который, отмечая этническую разнородность европейской карты, рассматривает возможные варианты социальной организации и политического выражения этничности. Американский социолог выделяет две формы: «иммигрантская этничность» и «территориальная национальность». Не касаясь непосредственно проблемы сепаратизма, Р. Брубейкер отмечает, что первая форма возникает в результате миграции и этнические группы оказываются рассредоточены. Существовая преимущественно в Западной Европе, эта форма организации этничности политически требует «мягкого» мультикультурализма, включения и антидискриминации. Вторая же форма в типологии Брубейкера является результатом перемещения государственных границ через территории расселения этнических групп, когда возникает этническое меньшинство, ассоциирующее себя с отдельной от их сограждан нацией. В рамках такой самоидентификации, характерной для Восточной и Центральной Европы, политическое выражение этничности находит в требованиях сецессии⁷. Категоризация Р. Брубейкера не абсолютна, как он сам отмечает «с обеих сторон есть важные исключения из этой схемы»⁸. Однако, этот социологический подход обращает внимание на, казалось бы, очевидную, но часто

⁶ *Bötticher A., Mares M. Conceptualizing New Forms of Separatism in Europe.* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/3dc79fac-fb1c-4576-8dc6-2c3758362768.pdf> (дата обращения: 7.06.2015).

⁷ *Брубейкер Р. Этничность без групп.* М., 2012. С. 267 – 269.

⁸ Там же. С. 270.

опускаемую в исследованиях сепаратизма связь между социальной организацией этничности, историческими обстоятельствами ее формирования, гражданским и этническим национализмами (как формами политического выражения этнической идентичности)⁹ и собственно сепаратистскими движениями. Эти комплексные связи существуют во всех регионах мира, а в рамках интеграционного пространства они представляют собой контекст формирования как региональных, так и наднациональной идентичностей.

По сути, при всем многообразии типологий сепаратизма¹⁰, сложно не согласится с Э. Хобсбаумом в том,

⁹ В социальных науках устоялось разделение на этнический и гражданский виды национализма. При всей многогранности понятий нация и национализм, они часто рассматриваются в категориях этничности или согражданства. Соответственно, это различие используют для разграничения гражданского национализма (характеризуемого как либеральный, инклюзивный и волонтаристский, т.е. более демократичный и приемлемый) и этнического национализма (характеризуемого как нелиберальный, партикуляристский и исключающий). Мы можем увидеть такой подход в классических работах Х. Кона (*Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in its Origin and Background. Transaction Publishers. 1961*), Э. Геллнера (Нации и национализм – М.: Прогресс. 1991), Э. Смита (*Smith A.D. The Ethnic Origin of Nations. Wiley-Blackwell. Reprinted ed. 1991*) и т.д. Это деление сегодня используется не только как научные категории, но и как политические концепты. Политические течения апеллируют к легитимному гражданскому национализму, чтобы отделить его от нелегитимного этнического национализма своих конкурентов. Однако, в условиях глобализации и интеграционных процессов открытость гражданского национализма подвергается сомнению: при открытых границах статусы гражданина и не-гражданина превращаются в основание для исключений; а сторонники мультикультурализма отмечают, что именно осознание общих партикуляристских связей позволяет поддерживать гражданство, тем самым отрицая нелиберальную природу этнического национализма.

¹⁰ Каждый из существующих подходов к типологизации обладает своими ограничениями в анализе этого сложного явления, но и своими достоинствами в рамках конкретных исследовательских задач. Как и

что «Всякое сепаратистское движение в Европе, которое только может прийти в голову, опирается на принцип «этнической принадлежности» в языковой или какой-либо иной форме, то есть на предположение о том, что «мы» - баски, каталонцы, шотландцы, хорваты или грузины – представляем собой народ, отличный от испанцев, англичан, сербов или русских, и поэтому не должны жить с ними в одном государстве»¹¹. Сознание этнической самости играет роль катализатора сепаратистских настроений и, действительно, ярко выражена в риторике европейских сепаратистов. Этничность всегда была удобным инструментом политики. Но у сепаратистских течений в Европейском Союзе есть еще одна отличительная черта, помимо актуализированной и фреймированной этнической идентичности. Сепаратизм в ЕС развивается последние несколько десятилетий в условиях политической и экономической интеграции, что не может не оказывать значительного влияния на его формы.

Складывание общего рынка не могло не трансформировать не только экономическую, но и этно-политическую карту Европы. А. Алезина и Э. Сполораэ отмечают, что политический сепаратизм должен идти рука об руку с экономической интеграцией¹². Размеры государства и степень его однородности находятся в глубокой взаимосвязи,

любая классификация, классификация сепаратизма призвана быть аналитическим инструментом, который эффективен в конкретных исследовательских условиях.

¹¹ *Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 332 – 346. [Электронный ресурс]. URL: http://travellingscience.blogspot.ru/2013/11/blog-post_19.html (дата обращения: 11.08.2015).

¹² *Alesina A., Spolaore E.* On the Number and Size of Nations // *The Quarterly Journal of Economics,* Vol. 212, № 4, 1997. P. 1027 – 1056. [Электронный ресурс]. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic107502.files/Alesina_and_Spolaore.On_the_Number_and_Size_of_Nations.pdf (дата обращения: 11.08.2015).

поскольку объемы государства и его рынка определяют его благосостояние. Стоимость неконкурентных товаров на душу населения обратно пропорциональна количеству людей их оплачивающих, такая же взаимосвязь существует между численностью населения и стоимостью некоторых других товаров, т.е. чем больше людей, тем доступнее эти блага. Размеры государства, его политическая юрисдикция также находятся в благоприятной взаимосвязи с объемами внутреннего рынка – чем больше рынок, тем более развиты политические демократические институты. В равной степени социальные взрывы обходятся гораздо дороже именно маленьким странам. Регионы крупного государства, испытывающие негативные процессы, делят их последствия с другими частями страны¹³. То есть экономически и политически регионам выгодно вхождение в состав более крупного политического института. Однако по мере развития интеграционных процессов – складывания единого экономического пространства - эта выгода компенсируется новыми возможностями, а необходимость сохранения статуса региона внутри государства ослабевает.

Экономическая обусловленность активизации сепаратизма в Европейском Союзе подтверждается тем фактом, что наиболее активные сторонники сецессии принадлежат экономически благополучным регионам. Несмотря на наличие этно-региональных партий практически во всех государствах членах ЕС, о перспективе отделения в последние годы можно было говорить только в Испании (Каталония и Страна Басков), Соединенном королевстве (Шотландия) и Бельгии (Фландрия)¹⁴. Данные регионы

¹³ *Alesina A., Spolaore E.* On the Number and Size of Nations // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 212, № 4, 1997. P. 1027 – 1056. [Электронный ресурс]. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic107502.files/Alesina_and_Spolaore.On_the_Number_and_Size_of_Nations.pdf (дата обращения: 11.08.2015).

¹⁴ В Бельгии в 2007 – 2011 гг. разразился политический кризис, в

отличают достаточно высокие показатели экономического развития по отношению к другим административным единицам их национальных государств, причем эта динамика достаточно устойчивая (Таблица 1). Если соотнести средние показатели ВВП государств (Бельгии, Великобритании и Испании) со средними показателями регионов, стремящихся к отделению (Фландрии, Шотландии, Страны Басков и Каталонии) за 2000-2013 гг. то мы увидим достаточно скромные показатели у всех сепаратистов за исключением Фландрии (66 % ВВП) (рис. 1). Однако, если мы также сопоставим долю территории и населения¹⁵ этих регионов в общегосударственной территории и численности населения с их экономическим

основе которого лежали давние франко-фламандские противоречия, обостренные ухудшением экономической конъюнктуры. Фландрия начала тяготиться содержанием Валлонии и Брюсселя. Смена правительств и активная поддержка сепаратистских партий во Фландрии поставили вопрос о целостности страны. В Каталонии должны были провести референдум о ее независимости, но его подготовка была заморожена Конституционным Судом Испании. В назначенную дату отмененного референдума – 9 ноября 2014 г. -был проведен Опрос о политическом будущем Каталонии, на котором более 80% населения региона высказались за создание независимого государства. Данный опрос не имел юридической силы, но перспектива сецессии сохраняется – 27 сентября 2015 г. на выборах в региональный парламент победили сторонники за независимость, заявляющие о стремлении добиться выхода из состава Испании к 2017 г. Менее драматично, но все же показательно, поднимался вопрос о независимости Шотландии. 18 сентября 2014 г. при согласии Лондона прошел референдум по вопросу выхода Шотландии из Великобритании. При явке 84,6 % против высказались 55 % жителей Шотландии, поддержали идею независимости 44,7 %. Но перспектива выхода Великобритании из ЕС и абсолютная победа Шотландской национальной партии на последних региональных парламентских выборах (56 мандатов из 59) позволяет ШНП вопрос о новом референдуме.

¹⁵ Используются средние показатели численности населения за 2000-2013 гг. Eurostat “Population by age, sex and NUTS 2 region”. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/regions/data/database> (дата обращения: 11.09.2015).

вкладом в развитие государства, то результаты будут совсем другими. Фландрия, занимая 44 % территории и составляя в среднем 57,7 % населения, дает 66 % ВВП Бельгии. Не менее впечатляющие показатели у Страны Басков – 6 % ВВП при доли населения в 4,9 %, а территории в 1,4% от общегосударственных показателей. В Каталонии эти показатели – 18,8 % при 15,8 % и 6,4 % соответственно. Исключение составляет Шотландия, дающая в среднем только 7,8 % ВВП Великобритании, занимая 32,3% площади и обладая 8,5 % населения. Но сопоставление ВВП Шотландии с экономическими данными Уэльса и Северной Ирландии (см. Таблица 1), подтверждает, что Шотландия является более благополучным регионом, нежели другие части Соединенного королевства¹⁶. Будучи не только отличными в языковом, культурном или иных аспектах, но и будучи экономически более богатыми регионами, нежели другие части страны, и зачастую выплачивая значительные налоговые отчисления в пользу центра¹⁷, Фландрия, Шотландия, Страна Басков и Каталония вполне ожидаемо стремятся расширить свою самостоятельность. Участие же в Общем рынке смягчает возможные риски для небольших государств, на что и рассчитывают сторонники отделения.

Не только экономические аспекты интеграционного процесса, но и политика Брюсселя способствует актуализации региональных идентичностей и

¹⁶ ВВП Англии значительно превышает ВВП Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, но формирование Великобритании осуществлялось под эгидой Англии, и, соответственно, никакой исторической обусловленности сепаратистских настроений в ней не могло быть.

¹⁷ См., например, Spanish income tax rates 2015 by region (comunidad). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advoco.es/hot-topics/109-spanish-income-tax-rates-2015-by-region-comunidad.html> (дата обращения: 07.07.2015); Tax revenue in England, Scotland, Wales and Northern Ireland. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifs.org.uk/publications/6881> (дата обращения: 07.07.2015).

сепаратистских течений соответственно. Основы региональной политики в рамках интеграционного процесса были заложены еще в период формирования Европейского Сообщества. В 1969 г. Комиссия ЕС опубликовала документ «Региональная политика Сообщества», призванный стимулировать обсуждение этого направления¹⁸. Первым ее институциональным инструментом стал Европейский фонд регионального развития (1972 г.), действующий в основном в рамках системы точечных инвестиций. Подписание Единого европейского акта, содержащего главу «Социально-экономическое сплочение», определило компетенцию Сообщества в сфере регулирования регионального развития. Основной задачей региональной политики было сократить разрыв в экономическом развитии между регионами с целью складывания экономической и социальной общности Сообщества. В целом, дальнейшее развитие этого направления интеграционной политики не изменило этой сверхзадачи, хотя институциональные реформы проходили достаточно интенсивно¹⁹. Как отмечает Н. Кондратьева региональное направление европейской политики стало наглядной иллюстрацией теории многоуровневого управления, авторы которой Г. Маркс, Л. Хут и А. Сбраджа отстаивали необходимость формирования партнерских отношений между наднациональными региональными уровнями управления²⁰. Значимым событием в этой сфере стало создание в 1994 г. Комитета Регионов, призванного стимулировать сплочение административных единиц государств-членов.

¹⁸ Regional policy for the Community. Commission of the European Communities. COM (69) 950. 1969. [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/5325/1/5325.pdf> (дата обращения: 08.07.2015).

¹⁹ Региональная политика стран ЕС. М., 2009. С. 17 – 29.

²⁰ Кондратьева Н. Региональная политика на перепутье. // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. М., 2012. С. 179.

Создание этой организации имело важное символическое значение и способствовало еще большей диверсификации региональной политики. В уставном документе этой организации отмечено, что «Мы (Комитет Регионов –Г.К.) хотим видеть Европу единой в многообразии глобализованного мира, извлекать максимальную пользу из ее территориального, культурного и лингвистического разнообразия, поскольку это источник ее силы и гарантия идентичности ее народов. Мы играем нашу роль в продвижении европейской демократии, гражданства и их ценностей, и вносим свой вклад в закрепление фундаментальных прав и защиту меньшинств. <...> Мы требуем автономии для региональных и местных властей и отстаиваем их право на сохранение определенных финансовых ресурсов, позволяющих выполнять свои обязанности. Поэтому мы продвигаем принципы и механизмы надлежащего управления и поддерживаем процесс децентрализации»²¹.

Комитет Регионов в формулировании своей миссии опирался на концепцию «Европы регионов». По сути, ЕС способствует институционализации регионов, используя их в качестве бюрократического механизма интеграции. В равной степени создаются и возможности для лоббирования интересов регионов на наднациональном уровне – прежде всего, Европарламент и, например, площадки Комитета Регионов – «Дни открытых дверей»²²

²¹ Mission Statement. Committee of the Regions. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://cor.europa.eu/en/about/Documents/Mission%20statement/EN.pdf> (дата обращения: 08.07.2015).

²² Это ежегодное мероприятие (с 2005 г.), проводимое с целью привлечения государственных и частных инвестиций в региональные проекты и обсуждения проблем регионального развития. Committee of the Regions. Open days. См.: [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/opendays/od2015/about_od.cfm (дата обращения 28.09.2015)

и «Форумы»²³.

ЕС задает довольно благоприятное для малых народов и других меньшинств правовое поле, хотя и передает вопросы, связанные с меньшинствами в основном на национальный уровень. Право Европейского Союза утверждает недопустимость дискриминации по любым параметрам, включая расовые, этнические и языковые²⁴, также как и уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие²⁵. Два знаковых документа в сфере равенства меньшинств и языковой политики – Рамочная конвенция о защите прав меньшинств и Европейская хартия региональных и миноритарных языков Совета Европы подписаны и ратифицированы большей частью государств-членов ЕС. Хотя есть и значительные исключения, так Франция категорически отказывается подписывать эти документы, поскольку они противоречат тезису о единстве французской нации. Ряд государств, подписав Хартию и Конвенцию, заморозили процесс ратификации.²⁶ Безусловно,

²³ Разнообразные электронные форумы, проводимые на электронном портале Комитета. Например, текущий проект – «Будущее политики сплочения», предполагает обсуждение данного вопроса онлайн. Committee of the Regions. The Future of Cohesion. См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://cor.europa.eu/en/takepart/Pages/cohesion-project.aspx> (дата обращения 28.09.2015)

²⁴ Данное положение содержится в ст. 19 Договора о функционировании Европейского Союза, а также ст. 21 Хартии Европейского Союза об основных правах // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М., 2008. С. 221, 560.

²⁵ Данное положение содержится в § 1 и 4 ст. 167 Договора о функционировании Европейского Союза, а также ст. 22 Хартии Европейского Союза об основных правах. // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М., 2008. С. 298, 560.

²⁶ См. Monitoring Table FCNM. [Электронный ресурс]. <http://www.coe.int/en/web/minorities/home> (дата обращения: 08.07.2015); Monitoring Table ECRML. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=148&CM=8&DF=&CL=ENG>

эти правовые нормы не являются всеобъемлющими, но у этнических, религиозных и других меньшинств есть признаваемый ими правовой механизм для отстаивания своих интересов.

Сепаратизм в регионах ЕС – это институционализованный «сепаратизм богатых» с достаточно успешно организованной формой этнического самосознания. И в определенном смысле европейский интеграционный процесс легитимизовал сепаратизм в пределах ЕС, сделав его потенциально возможным в политико-экономическом и приемлемым в этно-символическом смысле.

В Европейском Союзе насчитывается около 50 национальных меньшинств, имеющих собственные партии. Особенно это касается «старых» членов Европейского Союза. Такая высокая степень организации, очевидно, связана с общеевропейской политикой по отношению к национальным меньшинствам и определенной либерализацией национальных правительств в этом вопросе.

Как и сепаратизм, региональные партии отличаются многообразием, а исследователи так же предлагают разнообразные подходы к типологизации политических объединений. Так, например, М. Стрмиска дает довольно обширную классификацию, основываясь на истории возникновения партий. Однако он не всегда приводит конкретные примеры для выделенных типов²⁷. Географическое расположение тоже может стать критерием для классификации региональных партий. Д.-Л. Селер выделяет три географических

(дата обращения: 08.07.2015).

²⁷ *Strmiska M.* Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=167> (дата обращения: 10.09.2015).

пояса расположения периферийных партий: восточная периферия Европы, морская периферия и территория от Южной Англии до Северной Италии²⁸. Хотя эта типология и локализует области партийного сепаратизма, но не выявляет особенности многочисленных движений. Политические методы и средства в качестве критерия рассмотрения сепаратизма предлагает Де Винтер, беря в качестве крайних точек мирный (демократический) и насильственный (вплоть до террористического). Он же обращает внимание на уровень электорального успеха: этно-региональные партии-гегемоны, крупные партии, средние и малые партии²⁹. А Ф. Мюллер-Роммель отмечает то, в каких выборах партии принимают участие – европейские, национальные или региональные³⁰. Р. Дандой отталкивается от идеологических и политических требований и выделяет протекционистов, децентралистов и сецессионистов³¹. С конца 1990-х гг. мы можем наблюдать всё возрастающий интерес к проблеме региональных партий. И это обилие работ лишь подтверждает значительное многообразие региональных партий.

Одной из наиболее удачных является типология этно-региональных партий государств Европейского

²⁸ *Seiler D.-L.* Défendre la périphérie. // *Les partis régionalistes en Europe. Des acteurs en développement?* Bruxelles. 2005. P. 21 – 50. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/2615125/Les_partis_régionalistes_en_Europe_Des_acteurs_en_développement (дата обращения: 10.09.2015).

²⁹ *De Winter L.* Conclusion. A comparative analysis of the electoral, office and policy success of ethnoregionalist parties. // *Regionalist parties in Western Europe.* Routledge, London and New York, 1998. P. 204 – 247.

³⁰ *Müller-Rommel F.* Ethnoregionalist parties in Western Europe. Theoretical considerations and framework of analysis // *Regionalist parties in Western Europe.* Routledge, London and New York, 1998. P. 17 – 27.

³¹ *Dandoy R.* Ethno-regionalist parties in Europe: a typology // *Perspectives on Federalism.* Vol. 2. Issue 2. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://on-federalism.eu/attachments/074_download.pdf (дата обращения: 10.09.2015).

Союза, предложенная В.Я. Швейцером в обобщающей статье коллективной монографии Института Европы РАН «Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике», поскольку она опирается как на особенности происхождения и требования, так и на политический функции и тип политического участия. В качестве идентификационных признаков для выделения этно-региональных партий В.Я. Швейцер относит: 1. национальный (этнический); 2. региональный (территориальный); 3. лингвистический; 4. конфессиональный. Данные признаки используются как конструкторский набор, поскольку большинство европейских региональных партий обладают смешанным происхождением. Например, Шин Фей – этно-конфессиональная партия, а Лига Севера – регионально-лингвистическая и т.д. По типам политического участия авторы выделили: этно-региональные партии, выступающие партнерами в правительственных коалициях (Шведская народная партия, баварский ХСС); оппозиционная парламентская деятельность (оппозиционные депутаты в парламентах Великобритании, Литвы, Испании, Бельгии); участие в местных органах власти (региональных парламентах, коммунах и т.п.)³². Третий тип является наиболее распространенным, тем не менее мы можем констатировать, что сепаратистские настроения в Единой Европе получают выход в легальных институтах разного уровня.

Рассматривая этно-региональные партии в ЕС необходимо учитывать как их происхождение, так и тип политического участия, так как только в совокупности эти критерии позволяют оценить характер

³² Европейские партии этнорегионального толка: проблемы и перспективы (Вместо заключения) // Между сепаратизмом и автономией. Указ. соч. С. 188 – 194.

их взаимодействия с наднациональными институтами и самой идеей Объединенной Европы. В основном европейские сепаратистские партии описываются как проинтеграционные³³. Общие аргументы заключаются в том, что интеграционный процесс ослабляет национальные государства и создает механизмы для представительства этнорегиональных партий на наднациональном уровне, а общий рынок снижает риски. Однако, в последнее время исследователи отмечают, что западноевропейские региональные партии демонстрируют более сложную позицию по отношению к ЕС, чем полагали ранее³⁴. Если проект «Европа Регионов» снискал огромную популярность среди региональных партий, то конституционное строительство в ЕС вновь выдвинуло на первый план национальные государства. Дискуссия о еврофильских и евроскептических координатах региональных партий остается открытой, но на данный момент можно согласиться с выводами Э. Сцёксик о проинтеграционной позиции региональных партий, хотя они и не всегда выказывают

³³ См.: *Jolly S.* The Europhile Fringe in Retreat? Evolving Regionalist Support for European Integration. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-porto/virtualpaperroom/102.pdf> (дата обращения: 13.07.2015); *Marks, G., Wilson, C. J., Ray, L.* National Political Parties and European Integration // *American Journal of Political Science.* 2002. 46(3). P. 585 – 94. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unc.edu/~gwm/arkmarks/assets/doc/Marks.Wilson.Ray.political%20parties%20and%20european%20integration.pdf> (дата обращения: 13.07.2015).

³⁴ *Elias A.* From euro-enthusiasm to euro-scepticism? A re-evaluation of minority nationalist party attitudes towards European integration // *Regional and Federal Studies.* 2008. 18(5). P. 557-581. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13597560802351598> (дата обращения: 13.07.2015); *Massetti E., Schakel A. H.* Ideology matters: why decentralization has a differentiated effect on regionalist parties' fortunes in Western democracies // *European Journal of Political Research*, first published online, February 27, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unc.edu/~gwm/arkmarks/assets/doc/Marks.Wilson.Ray.political%20parties%20and%20european%20integration.pdf> (дата обращения: 13.07.2015). (дата обращения: 13.07.2015).

большую поддержку ЕС, чем другие партийные группы. Автор также отмечает, что существуют только слабые подтверждения снижения уровня поддержки ЕС со стороны этнорегиональных партий³⁵.

Действительно, если обратиться к данным экспертного совета Chapel Hill³⁶, занимающегося исследованием идеологических позиций и отношения к интеграции европейских партий, то мы увидим, что большая часть партий сепаратистского толка, представленная в исследовании, демонстрирует про-европейские отношения (см. Таблицу 2). Причем про-европейские настроения достаточно устойчивы для наиболее сильных сепаратистских партий ЕС (см. Рис. 2).

За исключением Лиги Севера и Фламандского интереса рассмотренные сепаратистские партии неизменно демонстрируют поддержку идеи евроинтеграции. Спад можно увидеть в 2006 г., что, очевидно, связано с разработкой и провалом Конституции ЕС. Разброс позиций в отношении к интеграционному процессу между партиями во многом объясняется их идеологической принадлежностью. И Фламандский интерес, и Лига Севера принадлежат к консервативному блоку, тогда как остальные партии являются либеральными или демократическими (см. Таблицу 2). То есть мы можем с определенной долей уверенности констатировать устойчивую про-европейскую

³⁵ Szöcsik E. Minority nationalist parties and European integration: Europeanists par excellence? //Presented at the EUSA, Baltimore, 9 – 11 May. [Электронный ресурс]. URL: http://euce.org/eusa/2013/papers/4d_szoecsik.pdf (дата обращения: 13.07.2015).

³⁶ О методологии исследования CHES и соотношении с данными European election survey см. Bakker R., Edwards E., Hooghe L., Jolly S., Marks G., Polk J., Rovny J., Steenbergen M., Vachudova M. Measuring Party Positions in Europe: The Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999 – 2010. // Party Politics. 2015 21.1. P. 143 – 152. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chesdata.eu/Papers/PP_2015.pdf (дата обращения: 13.07.2015).

позицию у сепаратистских партий либерально-демократического толка.

Европейский сепаратизм в достаточной степени институционализирован, это сепаратизм, имеющий не только этнические, но и экономические основания. При этом политическая организация европейского сепаратизма – этнорегиональные партии – выказывает в основном поддержку интеграционному процессу. Особую важность это приобретает в контексте анализа роли данных партий в рамках Европейского Парламента.

Наиболее оформленным, как объединение этно-региональных партий, является Европейский свободный альянс (EFA)³⁷, объединяющий различные региональные партии, выступающие за полную независимость или различные формы деволюции их регионов. Взаимодействие между этно-региональными партиями в Европарламенте проходило различные стадии³⁸. После выборов 1979 г. члены EFA сформировали техническую группу с крайне-левыми партиями. В рамках следующего созыва группа пополнилась представителями «зеленых» - группой Rainbow. По сути, гомогенная этно-региональная парламентская группа была сформирована только в Парламенте 1989-1994 гг. В 1994 г. регионалисты потеряли много голосов, а ряд

³⁷ Европейский свободный альянс является официальной партией Европейского Союза, объединяющей 40 прогрессивно-националистических, регионалистских и автономистских партий государств-членов. Эти партии представляют негосударственные этнические группы, регионы и традиционные меньшинства на карте ЕС. ЕСА выступает за самоопределение народов, права человека, многоуровневое управление, деволюцию власти, культурно-лингвистическое разнообразие, а также за национализм, регионализм, автономию и независимость. Подробнее о структуре, составе и деятельности партии см.: <http://www.e-f-a.org/home/>

³⁸ *De Winter L.* The Impact Of European Integration on Ethnoregionalist parties. // WP núm. 195. Institut de Ciències Polítiques i Socials. Barcelona. 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.icps.cat/archivos/WorkingPapers/WP_I_195.pdf (дата обращения: 27.07.2015).

значимых участников Альянса, в частности, Лига Севера, покинули группу. В пятом Европейском парламенте (1999), Европейский свободный альянс объединяется с Европейской партией зеленых, под названием Greens/EFA. В 2004 г. группа, ставшая, наконец, официальной партией ЕС, получает 5,56 %, т.е. 40 мест из 732 ³⁹, в 2009 г. на 17 мест больше (57 из 766 мандатов), получив 7,4 %⁴⁰. Во время последних выборов Greens/EFA набрали 6,66 %, потеряв 7 мандатов (50 из 751)⁴¹. Говоря о представленности этно-региональных партий в Европарламенте, необходимо учитывать независимых парламентариев, входящих в партии Альянса. В целом, этнорегионалисты представляют меньшинство в группах, к которым они присоединяются. Тем не менее, этно-региональные партии не только имеют устойчивое представительство в Европарламенте, но и часто выступают более успешно именно на общеевропейских выборах, чем на национальных⁴².

Региональные партии в основном охотно участвуют в наднациональном политическом процессе, рассматривая его как способ накопления политического капитала и гаранта снижения экономических издержек малых объемов регион. При этом, выдвигая требования о независимости, европейские сепаратистские партии настаивают на своем праве оставаться членами ЕС без дополнительных процедур. По мнению сепаратистов, сецессия, осуществленная

³⁹ European elections 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/elections2004/ep-election/sites/en/results1306/graphical.html> (дата обращения: 03.08.2015).

⁴⁰ European elections 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/20150201PVL00021/In-the-past> (дата обращения: 03.08.2015).

⁴¹ European elections 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/20150201PVL00021/In-the-past> (дата обращения: 03.08.2015).

⁴² См.: *Lynch P. Minority Nationalism and European Integration*. Cardiff, University of Wales Press, 1996.

согласно конституционным и демократическим принципам, находится в зоне юрисдикции ст. 2 Договора о Европейском Союзе, которая утверждает приверженность ЕС демократии, равенства и прав меньшинств. В равной степени сторонники независимости регионов подчеркивают их экономическую значимость и тот факт, что они уже находятся в Евроне и сфере правоприменения законов Евросоюза. При этом отклоняя обвинения в этническом национализме, многие сепаратисты (например, ШНП) указывают на свою открытость и приверженность принципам гражданского самосознания (но в рамках этнорегиональных границ). Примечательно, что регионы, стремящиеся к независимости, хотят оставаться в пределах ЕС, хотя это очевидно поставит их языки и культурные особенности в разряд слабо представленных на европейской арене.

Однако, в источниках права Европейского Союза нет конкретных положений, определяющих статус только отделившихся регионов. Согласно Еврокомиссии, созданные государства возможно должны будут подавать заявку на членство в соответствии со ст. 48 или 49 Договора о ЕС⁴³. Учитывая, что многие государства-члены могут отклонить такую заявку, дабы не создавать прецедент для собственных сепаратистских регионов, такая позиция Еврокомиссии, очевидно, затрудняет процедуру и демонстрирует негативное отношение Брюсселя к перспективам сецессий.

То есть несмотря на то, что европейские сепаратистские движения относятся к лагерю Еврооптимистов, дают весомый вклад в экономическое развитие как своих стран, так и ЕС в целом, и активно отстаивают свою приверженность гражданскому, а не этническому

⁴³ *Dayton R.* Separatism, Globalization, and the European Union. Miami-Florida European Union Center of Excellence. Vol. 15 No. 1 February 2015. P. 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.as.miami.edu/media/Dayton_SeparatismGlobalizationEU.pdf (дата обращения: 06.08.2015).

национализму, Европейский Союз не стремится поддержать их требования. Возможно, ЕС опасается затруднений при складывании единой европейской общности, необходимой для выхода из текущего кризиса, т.е. позиция по отношению к региональным сепаратизмам является осознанной частью политики формирования наднациональной идентичности.

Понятие европейской наднациональной идентичности довольно расплывчато и находится в сложной взаимосвязи с региональными и национальными идентичностями. Очевидно, что наднациональная самость не может быть этнической, она должна быть неэтнической. В противном случае ее формирование маловероятно, поскольку до недавнего времени Европа не была ни политической, ни экономической, ни культурной общностью. Именно интеграционный процесс второй половины XX в. позволил говорить о европейском единстве в политической и экономической сферах. Но культурная, прежде всего языковая общность, остается расплывчатой. Этничность и этническая идентичность предполагает хотя бы относительную культурно-языковую гомогенность

В целом, насущная задача формирования наднациональной европейской идентичности распадается для институтов ЕС и его граждан на две: политическую и культурную. Под политической или гражданской идентичностью мы понимаем осознание общности на основе принадлежности политическим и экономическим институтам, доступа к гражданским и политическим правам. В рамках Европейского Союза фактором идентификации может быть правовое поле ЕС и институт единого европейского гражданства. Культурная идентичность предполагает наличие общих мест памяти, культурных ценностей и т.п. Политическая идентичность является не только первостепенной для дальнейшего развития ЕС, но и вполне достижимой в краткосрочный период. Тогда как

формирование культурной идентичности имеет на своем пути ряд структурных препятствий: конфликты интересов и формировании общей памяти; языковая дифференциация и стремление к сохранению культурного многообразия. Это не означает провальность проекта культурной европейской идентичности, но это длительный процесс (особенно в условиях активизации сепаратистских настроений и современных миграционных потоков), требующий больших усилий как со стороны институтов ЕС, так и со стороны граждан.

Наднациональные институты Европейского Союза предпринимают немало усилий в направлении наднациональной идентичности, как культурной, так и политической. В рамках права ЕС существует достаточно обширный комплекс документов и программ, нацеленных на создание европейской общности. Одним из первых документов, работающих в этом направлении была Копенгагенская декларация, сформулировавшая общеевропейские ценности еще в 1973 г. Определяя идентичность Европы в дихотомии «свой-чужой», авторы этого документа обосновывают исключительность Европы через приверженность к ряду ценностей: в политической сфере – демократии и правам человека; экономической – рыночной экономике и свободе предпринимательства; и в области социальных отношений – принципам социальной солидарности и сплоченности. Данные ценности до сих пор составляют основу интеллектуального пространства европейской интеграции. Действительно, как справедливо отмечает Б. Страт, Европейская идентичность была очерчена именно на Копенгагенском саммите в декабре 1973 г.⁴⁴ Хартия Европейского Союза об основных правах

⁴⁴ *Strath B. A European Identity: To the Historical Limits of a Concept // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. P. 387 – 401. [Электронный ресурс]. URL: http://www.researchgate.net/publication/254091325_A_*

является еще одним системообразующим документом, формулирующим общеевропейские гражданские ценности. Хартия конкретизирует ценностное поле ЕС и европейской идентичности. Определение круга ценностей Евросоюза способствует, но как следует признать лишь относительно, формированию у граждан ощущения общности. Прежде всего, Хартия и изменение ее статуса благодаря Лиссабонскому договору направлены на развитие у европейцев гражданской идентичности – осознания принадлежности европейскому гражданству. Важно, что ст. 11 Лиссабонского договора законодательно закрепила право на гражданскую инициативу, направленное на усиление прямой демократии. Успехи на этом направлении могут трактоваться по-разному: в среднем только около 20 % граждан ЕС ощущают себя таковыми, однако около 40 % населения ощущают себя гражданами до определенной степени⁴⁵. Что в совокупности дает 60 %. Если посмотреть на динамику соотношения чувства национального и европейского гражданства, то мы увидим также неоднозначные результаты. (см. Рис 4а и 4б).

Как мы видим, и без того небольшое количество граждан, ассоциирующих себя исключительно с гражданством ЕС падает после 2007 г. составляя всего 2 % в 2014-2015 гг. Ту же тенденцию мы видим и у категории граждан, рассматривающий себя прежде всего как граждан ЕС, а уже затем национальных государств. Однако, наблюдается снижение количества населения, определяющего себя исключительно через принадлежность к национальному государству. Это снижение идет за счет увеличения доли тех, кто считает себя гражданином

European_Identity (дата обращения: 26.08.2015).

⁴⁵ Eurobarometer Standard 81. Spring 2014. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_first_en.pdf (дата обращения: 25.09.2015).

национального уровня, а затем наднационального. Можно утверждать некоторое движение в сторону формирования европейской гражданской идентичности, но пока оно остается крайне медленным и неравномерным.

В рамках формирования культурной идентичности ЕС также предпринимает активные шаги. Культурная политика ЕС представляет собой яркий пример таких действий. Первая официальная фаза культурных мероприятий Союза началась в 1994 г. В 1998 г. было решено заменить имеющиеся программы на единую программу «Культура 2000», целью которой было поддержание культурного разнообразия в странах Евросоюза и мобильность культуры в пределах ЕС. Программа «Культурная столица Европы» является удачным примером формирования условий для межкультурного диалога, равно как и серия конференций, посвященная общему культурному пространству (например, «Душа Европы» 2004 г.). Культурный обмен, безусловно, способствует если не единению, то сближению европейцев. Как отмечает М. Сассателли, недавние культурные и так называемые символические инициативы европейских наднациональных организаций, какими бы поверхностными они не казались, должны быть рассмотрены как способы стимулирования сложного процесса формирования культурной идентичности⁴⁶.

Важное значение в расширении личных границ идентичности играют образовательные программы, как, например, ERASMUS, стимулирующие мобильность граждан ЕС и знакомство с культурами государств-членов. Под эгидой Еврокомиссии работает организация CiCe (Детская идентичность и гражданство в Европе), являющаяся ассоциированным филиалом академической сети ERASMUS. Культурные и образовательные

⁴⁶ *Sassatelli M. Becoming Europeans. Cultural Identity and Cultural Policies. Palgrave Macmillan. 2009. P. 4.*

программы призваны обеспечить Европу общим прошлым и общезначимыми местами памяти, помимо Античности, христианства и Просвещения. Процесс конструирования общего прошлого в исторической ретроспективе европейских конфликтов представляется непростым. Тем не менее, вслед за К. Боттичи и Б. Шалланом можно подчеркнуть, что хотя единая Европа существует относительно недавно, идея Единой Европы несколько старше⁴⁷. И именно она и сформированные на ее основе мифы позволяют и дальше рассуждать об общих корнях европейской культуры. В рамках таких попыток было создано несколько проектов учебников истории. В 2007 г. Германия, председательствующая в ЕС, продвинула проект создания единого учебника истории для средних школ на территории Евросоюза. EUROCLIO, организация, созданная при содействии Совета Европы, поддержала эту инициативу ЕС по созданию общеевропейского учебника истории⁴⁸. На данный момент проект все еще не реализован. Был создан германо-французский учебник истории⁴⁹, но официальных данных по широте его применения нет. Так же стоит отметить шквал исследований, посвященных проблемам идентичности. Они также играют немалую роль в складывании наднациональной общности и формировании общих мифов и образов. Недаром Европейская Комиссия уделяет особое внимание таким исследовательским проектам.

Важным инструментом формирования наднациональной идентичности в ее культурном аспекте

⁴⁷ Bottici C., Challand B. *Imagining Europe. Myth, Memory, and Identity*. Cambridge University Press. 2013. P. 167.

⁴⁸ Leeuw Roord van der J. *A common textbook for Europe? Utopia or a Crucial Challenge?* [Электронный ресурс] URL: http://www.culturalhistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf (дата обращения: 20.07.2015).

⁴⁹ См. на сайте издательства URL: <http://enseignants.nathan.fr/collection/manuel-franco-allemand> проект «Histoire/Geschichte»

является языковая политика ЕС. Существует целый ряд международных документов, защищающих языковое и культурное многообразие: Всемирная декларация лингвистических прав, Всеобщая декларация о культурном разнообразии, Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств. Далеко не все они ратифицированы государствами-членами ЕС. Но в 1995 г. ЕС принял решение по языковому разнообразию и языковому плюрализму, подтвердив свою приверженность разнообразию и правам меньшинств. Статус региональных языков и языков меньшинств касается не только правового положения граждан ЕС, но и представительства этнорегиональных партий на наднациональном уровне. Как отмечает М.А. Марисенко, «Европейский союз является прообразом многоязычия, которое он навязывает формируемым на национальном уровне образовательным системам государств-членов»⁵⁰, но «de facto в его органах сложилась языковая иерархия на основе свободных рыночных отношений или сиюминутных прагматических решений»⁵¹. Языковой плюрализм – очень дорогое удовольствие, а дрейф к моноязычию можно расценивать и как утрату национальных особенностей, так и как жесткое конструирование языковой общности с единой идентичностью. Для сепаратистских партий двойственность языковой политики ЕС означает, с одной стороны, защиту их языков в случае сохранения их регионального статуса, а, с другой, снижение их статуса в случае выхода на наднациональный уровень в качестве самостоятельных государств.

Что же составляет суть Евроидентичности в представлении граждан ЕС? Евробарометр регулярно

⁵⁰ *Марисенко М. А.* Языковая политика Европейского Союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб, 2014. С. 21.

⁵¹ Там же. С. 31

проводит исследования на эту тему. Согласно данным опросов за 2009 и 2012 гг., посвященных структуре европейской идентичности, набор элементов в нее входящих несколько изменился (см. Рис. 5). Появились новые категории, связанные с символической репрезентацией ЕС (флаг, гимн, девиз), а также категория евро. Были выведены из опроса такие элементы, как религиозное наследие и социальное обеспечение. Несмотря на эти трансформации, можно отметить устойчивое положение демократических ценностей и их существенный приоритет по сравнению с общностью культуры и истории. Тот факт, что европейцы в качестве системообразующих элементов наднациональной идентичности демократические ценности и единую валюту, а уже затем культуру и историю, подтверждает более широкие возможности для формирования именно политической идентичности. В результатах этих опросов можно увидеть развитие идей, сформулированных на Копенгагенском саммите 1973 г. Права граждан ЕС, представительные структуры властвования в рамках Европарламента и возможности прямого участия через механизм гражданской инициативы вполне могут стать достаточно прочным базовым основанием для наднациональной идентичности.

Европейский Союз быстрее движется к формированию политической идентичности, хотя и сталкивается с определенными функциональными противоречиями. На первый взгляд кажется, что формирование такой формы наднациональной идентичности (в границах гражданства ЕС) не имеет очевидных противоречий с требованиями и деятельностью сепаратистских регионов. Сепаратисты, безусловно, ограничены этничностью, даже, если апеллируют к гражданскому национализму. Это свойство региональных движений действительно затрудняет конструирование общих мест памяти и политико-культурных мифов. То есть дополнительная дробность региональных

идентичностей усложняет и без того чрезвычайно нагруженный конструкт культурной наднациональной идентичности, не готовой отказаться от концепции единства в многообразии. У каждого из регионов общая история с национальными государствами, но она разная. И примирить их, выстроив непротиворечивое историко-культурное повествование, представляется затруднительным. Хотя даже в этом контексте можно представить себе каталонца или шотландца считающего себя европейцем. В рамках политической идентичности мы видим скорее сближающие моменты – отсылка к демократическим ценностям и общности экономического пространства. Конечно, наднациональные институты и региональные сепаратистские силы акцентируют внимание на разных правах и демократических ценностях. ЕС скорее говорит о равенстве и недискриминации, тогда как регионалисты о правах меньшинств и праве на самоопределение, но каждая из сторон не отрицает эти права. Получается парадоксальная ситуация – ЕС стимулирует сепаратистов, но не дает им возможности реализовать свои сецессионные устремления. При том, что их поддержка вполне согласовалась бы с сутью формируемой наднациональной общности – демократическими ценностями.

Мы получаем задачу с несколькими переменными: интеграционный процесс (ЕС) – национальные государства – демократия (элемент наднациональной идентичности и аргумент сепаратистов). Если представить, что данная система переменных является частным случаем более общей проблемы: глобализация – демократия – национальные государства. Такое допущение позволяет опереться на предложенное американским экономистом Д. Родриком решение. «Экономическая глобализация, демократия и существование национальных государств не совместимы, одновременно могут существовать только два пункта

из трех.⁵² Он называет это «политической трилеммой мировой экономики» и полагает, что демократический режим прекрасно уживается с национальным государством, если исключить глобализацию, но, если мы хотим углубить глобализационный процесс, то вынуждены будем поступиться или частью демократии, или частью национального суверенитета⁵³.

Европейский Союз заинтересован в дальнейшей экономической интеграции, о чем свидетельствует стратегия «Европа 2020»⁵⁴.

Как заметил в своем программном⁵⁵ выступлении Ж.М. Баррозу «Если мы действуем вместе, тогда мы можем сражаться и выйти из кризиса более сильными». Осознание единства необходимо для сохранения и приумножения экономического потенциала (единое валютное пространство и общий рынок делают это замечание не просто поэтическими словами, но насущной необходимостью). Очевидно, что опора наднациональной идентичности – это не государства, но граждане ЕС и их объединения (в том

⁵² *Rodrik D.* Политическая интеграция в Европе отстала от экономической. // Ведомости. – 2010. 25 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/05/25/politicheskaya-integraciya-v-evrope-otstala-ot-jekonomicheskoy> (дата обращения: 19.05.2015).

⁵³ *Rodrik, D.* The inescapable trilemma of the world economy. [Электронный ресурс]. URL: http://rodrik.typepad.com/dani_rodriks_weblog/2007/06/the-inescapable.html (дата обращения: 19.05.2015).

⁵⁴ «Европа 2020» устанавливает три основных фактора укрепления экономики: Разумный рост: развитие экономики, основанное на знаниях и инновациях; Устойчивый рост: создание экономики, основанной на целесообразном использовании ресурсов, экологии и конкуренции; Всеобъемлющий рост: способствование повышению уровня занятости населения, достижение социального и территориального согласия. // Europe 2020. A European Strategy for smart, sustainable and inclusive growth. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLETE%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%2020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 19.05.2015).

⁵⁵ *Ibid.*

числе и этнорегиональные). Как мы видели, от широты автономии часто зависит и уровень поддержки европейской политики, поскольку в условиях усложнения и укрупнения социально-экономических и политических связей принцип субсидиарности оказывается чрезвычайно эффективен.

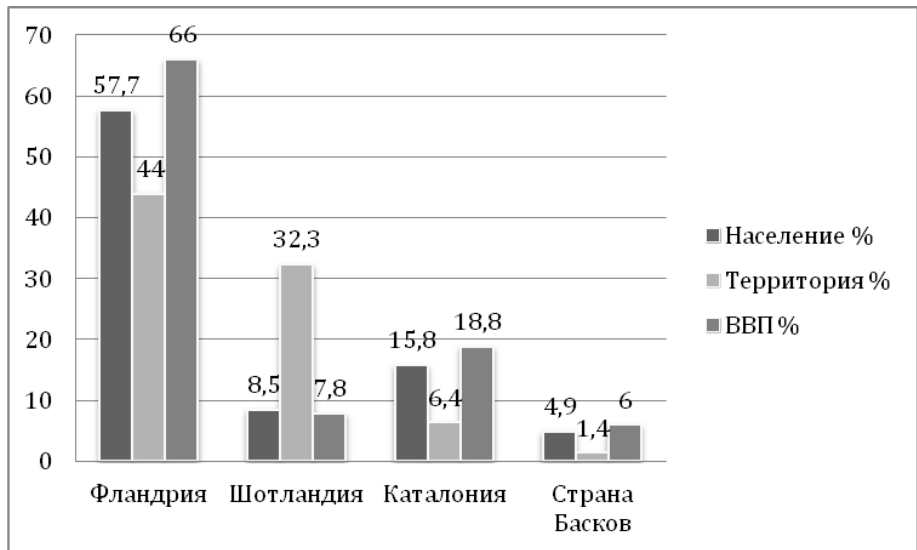
Сепаратисты в основном поддерживают ЕС и не желают выходить из его состава, но требуют независимости от национальных государств. При этом они опираются на статьи европейского законодательства, утверждающие основные демократические ценности ЕС. Негативное отношение наднациональных институтов к этим требованиям вполне объяснимо, учитывая, что в них представлены преимущественно центральные власти национальных государств. Последние не заинтересованы терять территории, тем более территории, дающие значительные налоговые отчисления. Сепаратизм в ЕС – это «сепаратизм богатых».

Евросоюз оказывается перед выбором: либо учесть мнение своих граждан и соблюсти предусмотренное Уставом ООН право на самоопределение народов, либо поддержать территориальное единство государств-членов. В первом случае это усложнит бюрократическую машину ЕС, но может способствовать развитию политической наднациональной идентичности. Во втором же случае это не будет способствовать поддержанию основных элементов евроидентичности, но сохранит стабильность в наднациональных органах. Какой бы вариант не предпочел Брюссель, ЕС окажется в правовой и символической трясине. Но как мы видим, в рамках обозначенной трилеммы ЕС делает выбор в пользу национальных государств, а не демократического механизма и политической идентичности.

Конечно, выбор не в пользу сепаратизма политически предсказуем, но он не гарантирует сохранения и развития ЕС. Многие мыслители, в частности Ю. Хабермас, настаивают

на том, что преодоление кризиса интеграционного процесса невозможно без расширения вовлеченности граждан в процесс принятия решений⁵⁶. А это осуществимо только, если граждане ЕС будут ощущать себя европейцами, по крайней мере, не в меньшей степени, чем французами, каталонцами, итальянцами или шотландцами. Региональная и национальная идентичности, в целом, не противоречат европейской идентичности, но сближение региональной и наднациональной идентичностей гарантирует ЕС большую устойчивость.

⁵⁶ *Habermas J.* The crisis of the European Union. A response. Cambridge, 2012.

**Рис. 1 Доля регионов-сепаратистов
в экономическом развитии государств***

* Расчеты ВВП произведены на основе данных, представленных в Таблице 1. Статистические данные Евростата за 2000-2013 гг. о ВВП и численности населения позволили рассчитать средние показатели для определения общих тенденций участия регионов-сепаратистов в общем объеме государственных экономик.

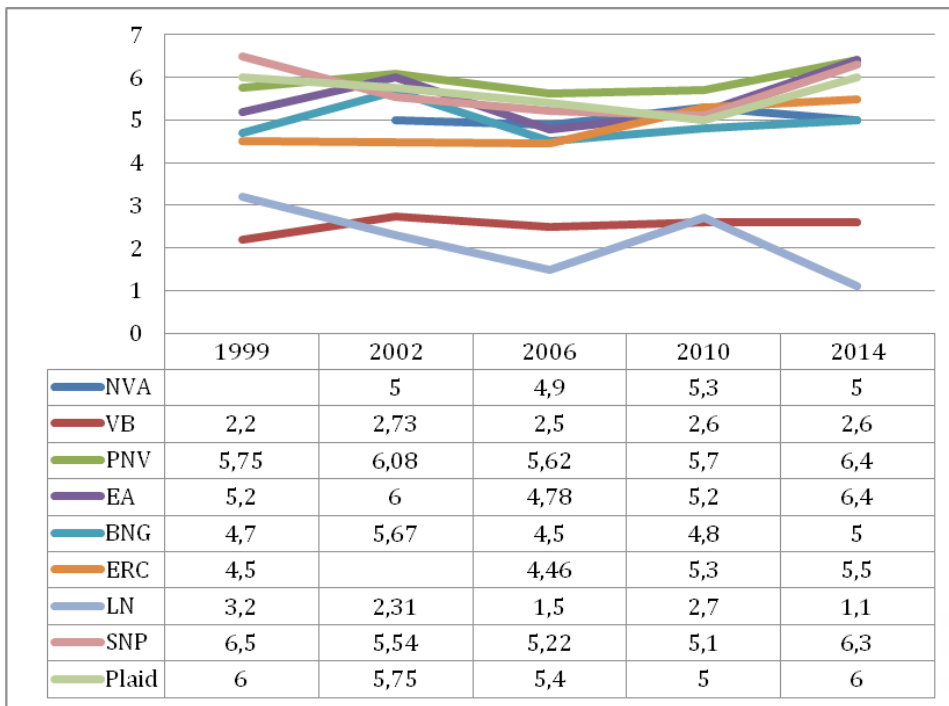

Рис. 2 Отношение сепаратистских партий к интеграции*

* График и таблица составлены на основе данных CHES. Расшифровка показателей и аббревиатур см. далее.

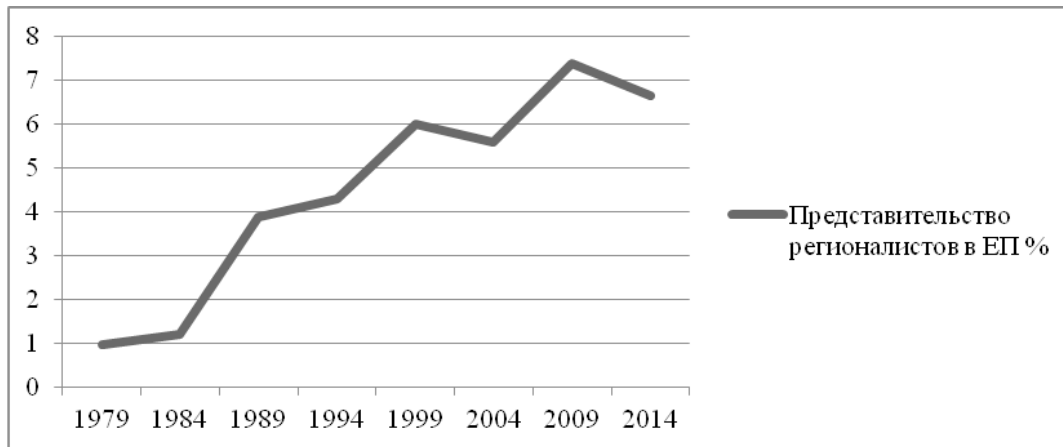

Рис. 3. Представительство региональных партий в Европарламенте (1979-2014 гг.) *

* График составлен по данным Review. Les Élections Europeenes et nationales en chiffres. Edition spéciale – Novembre 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/pdf/elections_results/review.pdf (дата обращения: 03.08.2015).

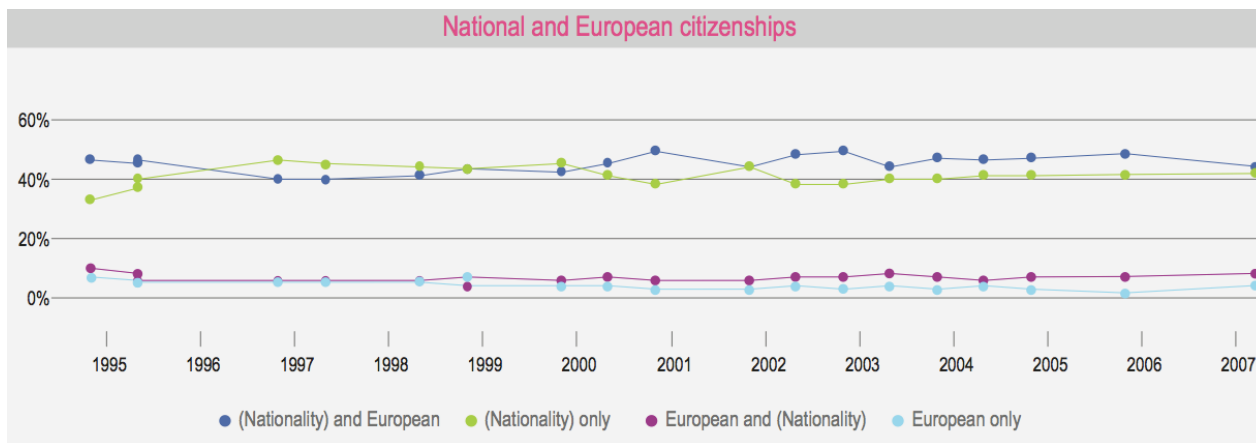

Рис. 4а Национальное и европейское гражданство (1995-2007 гг.)*

* График взят из 35 years of Eurobarometer. European integration seen by public opinion in the Member States of the European Union. 1973-2008. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/docs/35_years_en.pdf (дата обращения: 20.09.2015).

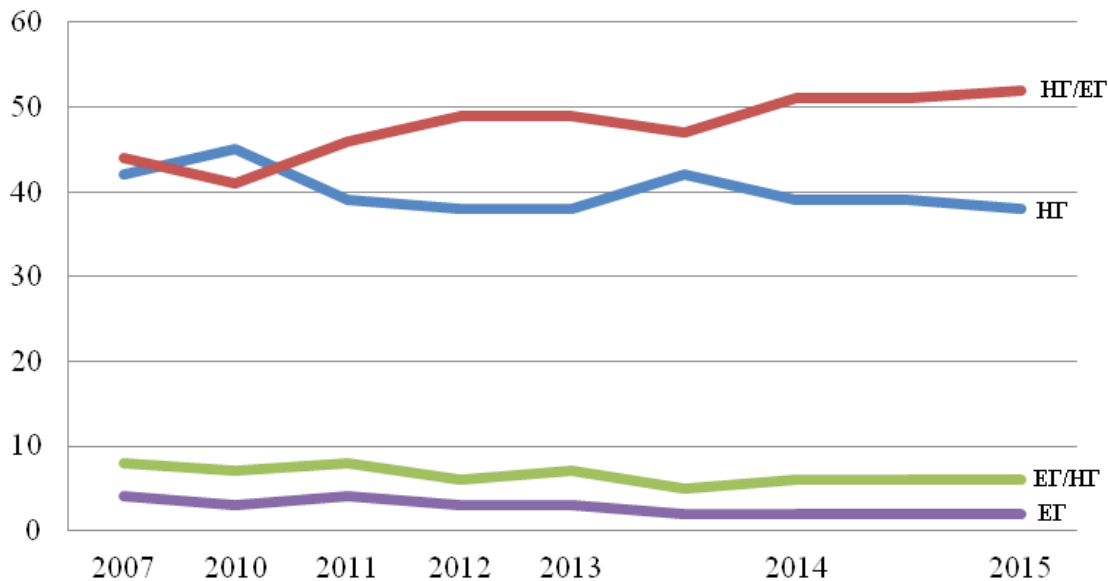

Рис. 4b Национальное и европейское гражданство (2007 -2015 гг.)*

* График составлен на основе отчетов Евробарометра за 2007-2015 гг. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/ (дата обращения: 20.09.2015). NI – национальное гражданство; EU –гражданство ЕС..

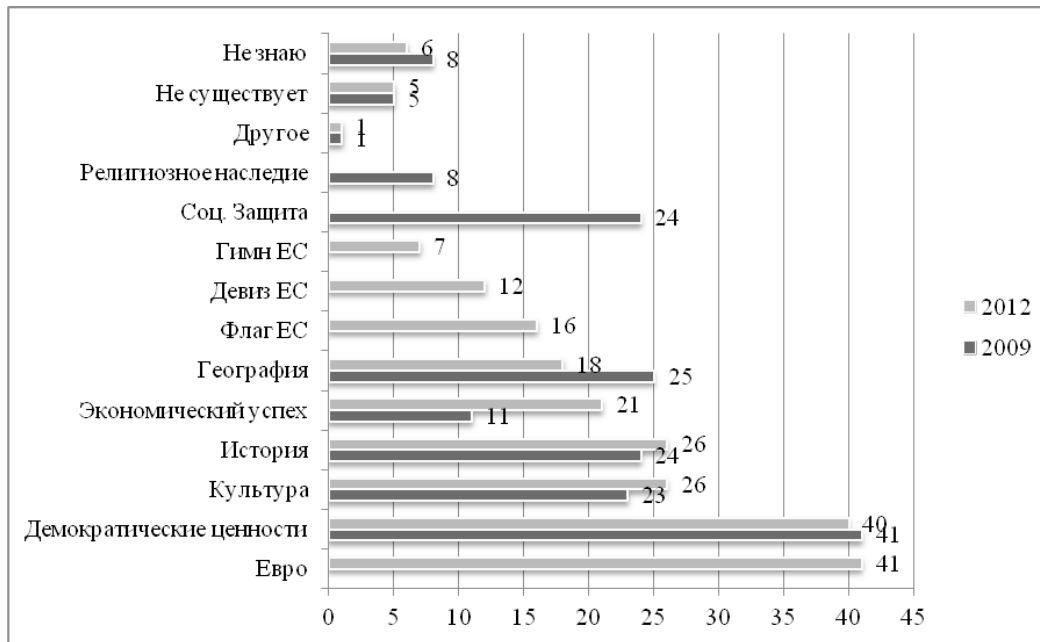

Рис. 5 Элементы европейской идентичности*

* График составлен по данным отчетов Евробарометра 2009 и 2012 гг. Standart Eurobarometer 71. Spring 2009. Future of Europe. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения: 22.07.2015); Standart Eurobarometer 77. Spring 2012. European Citezenship. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf (дата обращения: 22.07.2015).

Таблица 1. Динамика ВВП (в текущих рыночных ценах; млн. евро)*

2000-2006 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
ЕС	9552215	9946838	10315032	10489822	11015562	11502133	12168082
Бельгия	257605	265292	274565	282256	298357	311150	327368
Брюссель							
Фламандский регион							
Валлонский регион							
Испания	646250	699528	749288	803472	861420	930566	1007974
Северо-Запад (Ис)	55603	59961	63965	68200	73076	79251	85846
Северо-Восток (Ис)	76802	82280	87853	93548	99804	107609	116581
Страна Басков	40711	43591	46167	48880	52131	56212	60938
Мадрид	114203	124398	133559	143196	153815	166139	181318
Центр (Ис)	68105	73038	78039	83686	89347	96568	103813
Восток (Ис)	201081	218425	233477	249612	267596	288170	312665

* Таблица составлена по данным Eurostat “Gross domestic product (GDP) at current market prices by NUTS 2 regions” // [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/regions/data/database> (дата обращения: 11.09.2015).

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Каталония	122057	132311	141450	151677	162716	175032	189854
Юг (Ис)	103948	112585	121592	132381	142871	155393	167727
Соединенное королевство	1679320	1708174	1776587	1720437	1849514	1940129	2059064
Англия	1453451	1477123	1537339	1486763	1596312	1675259	1775281
Лондон	334998	336422	346802	336211	362874	390123	409365
Уэльс	58850	58634	61417	60164	65902	68916	73269
Шотландия	128517	133816	138606	133700	144963	151510	162802
Северная Ирландия	38502	38601	39225	39810	42337	44444	47712

2007-2013 гг.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ЕС	12900957	12986408	12245901	122789849	13173526	13424391	13518112
Бельгия	345069	355066	349703	365747	379991	388254	395262
Брюссель			64697	67746	70366	70387	71744
Фламандский регион			201095	209668	219052	225893	229770
Валлонский регион			83718	88090	90321	91703	93467
Испания	1080807	1116207	1079034	1080913	1075147	1055158	1049181
Северо-Запад (Ис)	92319	95852	92273	92720	91442	88853	88227
Северо-Восток (Ис)	125242	130327	125228	126357	125872	122812	122015

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Страна Басков	65092	67698	64935	65681	65468	64262	63615
Мадрид	194533	202035	199531	197948	199085	198652	196010
Центр (Ис)	112021	115636	112446	112815	112158	109318	108732
Восток (Ис)	334740	344706	330963	331848	328354	322541	321476
Каталония	203403	209005	202028	203324	200936	198272	197320
Юг (Ис)	179517	184259	177084	177121	175824	171559	171122
Соединенное королевство	2164065	1907212	1663573	1816615	1863941	2041491	2017194
Англия	1868896	1648251	1433513	1573662	1614188	1769703	1750016
Лондон	445154	398934	348906	383453	407164	450379	447629
Уэльс	76290	64841	57537	61654	64215	69481	68862
Шотландия	167896	150673	134392	140518	144213	157431	154884
Северная Ирландия	50983	43447	38131	40781	41325	44876	43432

Таблица 2. Отношение европейских сепаратистских партий к ЕС (2014 г.)*

Страна	Партия	Членство в партии ЕП	Отношение к ЕС	Значение интеграции
Бельгия	NVA / Новый Фламандский Альянс / Nieuw-Vlaamse Alliantie	ЕСА	5	3,3
	VB / Фламандский интерес / Vlaams Belang	ЕНС	2,6	4,6
Испания	PNV / Баскская националистическая партия / Euzko Alderdi Jeltzalea/ Partido Nacionalista Vasco	ЕДП	6,4	6,7
	EA / Баскская солидарность / Eusko Alkartasuna	ЕСА	6,4	6,8
	BNG / Галисийский националистический блок /Bloque Nacionalista Galego	ЕСА	5	6
	ERC / Левая республиканская партия Каталонии /Esquerra Republicana de Catalunya	ЕСА	5,5	6,5

Страна	Партия	Членство в партии ЕП	Отношение к ЕС	Значение интеграции
Италия	LN / Лига Севера / Lega Nord	ЕНС	1,1	8,8
	VdA /Союз Валле д'Аосты / Vallee d'Aoste	ЕСА	5,3	4
	SVP / Южнотирольская народная партия / Südtiroler Volkspartei	ЕСА	5,7	3,25
Велико-британия	SNP / Шотландская Национальная партия / Scottish National Party	ЕСА	6,3	5,6
	Plaid / Партия Уэльса / Plaid Cymru	ЕСА	6	5
Румыния	UDMR / Демократиче-ский союз венгров Румынии / Uniunea Democrată Maghiară din România	ЕНП	6,3	5,7
Хорватия	IDS / Истрийская демократическая асамблея / Istarski Demokratski Sabo	АЛДЕ	6,8	8,7

* Таблица составлена на основе данных CHES за 2014 г.

В основу отбора партий были положены:

1. Сепаратистская позиция; 2. Наличие данных.

Показатели отношения к ЕС:

- 1 – глубоко против Европейской интеграции
- 2 – против Европейской интеграции
- 3 – до некоторой степени против Европейской интеграции
- 4 – нейтральное отношение к Европейской интеграции
- 5 – до некоторой степени поддерживают Европейскую интеграцию
- 6 – поддерживают Европейскую интеграцию
- 7 – глубоко поддерживают Европейскую интеграцию

Показатели оценки значения ЕС:

- 0 – не имеет значения
- 10 – определяющее значение

Аббревиатуры:

- ЕСА – Европейский свободный альянс
- ЕДП – Европейская демократическая партия
- ЕНС – Европа наций и свобод
- ЕНП - Европейская народная партия
- АЛДЕ – Альянс либералов и демократов за Европу

4. Проблемные аспекты вхождения малых стран в Единую Европу

Несмотря на исторически сложившееся общее цивилизационное единство Европы, в гуманитарных науках принято делить Европейский субконтинент на отдельные территориальные комплексы, в целом связанные с единым европейским пространством, но при этом имеющие характерные местные особенности. Так наравне с французским, немецким, английским, иберийским и другими большими цивилизационными мирами в науке прочно закрепилась категория малых стран Европы¹. Не играя ведущей роли в глобальных процессах в Старом Свете, малые страны часто являются эталонами усредненного европейского государства и лидерами интеграционного процесса, ставшего основой эволюции Европейского субконтинента в последние десятилетия. Несмотря на наличие разносторонних подходов к определению малых стран Европы, в рамках этой категории мы будем рассматривать только две группы государств, небольших по показателям территории, населения и абсолютного социальноэкономического потенциала. Это Бельгия, Нидерланды и Люксембург, объединяемые термином «Бенилюкс», расположенные на западе субконтинента, а также Австрия, Швейцария и Лихтенштейн, известные как «страны Альпийского региона» в его срединной части. Резко уступающие соседям

¹ Не стоит путать понятие «малых стран Европы» с термином «карликовые государства», или «государства-малютки». К последним относят Андорру, Ватикан, Лихтенштейн, Мальту, Монако и Сан-Марино. Они представляют уникальную категорию европейских государств и не рассматриваются в этой главе, за исключением Лихтенштейна.

по территории и численности населения Люксембург и Лихтенштейн не только географически соседствуют (первый, соответственно, с Бельгией и Нидерландами, а второй — со Швейцарией и Австрией), но и исторически родственные этим региональным парам, из-за чего они и не были отнесены к «карликовым государствам» Европы. Развитые экономические связи внутри этих «троек» являются еще одним значимым аргументом для отнесения их к некоей общности². Таким образом, предметом нашего рассмотрения являются шесть европейских стран, которыми, однако, не ограничивается современный список малых государств Европы. В главу сознательно не были включены Ирландия, Греция, Португалия, Финляндия, Норвегия, Дания, Исландия и некоторые другие, относящиеся в отечественной историографической традиции к малым странам. Причиной этого шага послужило то обстоятельство, что именно страны Бенилюкса и Альпийского региона стали образцовыми примерами двух основных моделей европейской интеграции. Находясь в непосредственной близости от главных локомотивов единой Европы — Франции и Германии — они продемонстрировали два разных пути реализации европейской идеи, которые и будут анализироваться в данной главе.

Рассматривая проблему вхождения малых стран в единую Европу, необходимо исходить как из собственных исторических особенностей каждой из них, так и из характерных генетических свойств, присущих лишь этим типам государственных образований. Малые страны Европы как таковые привлекают внимание тем, что при ограниченных природно-географических параметрах их конкурентоспособность, высокие темпы экономического роста и качество жизни сопоставимы со средними и

² Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 47.

ведущими державами Западной Европы. Проблема конкурентоспособности разных отраслей экономики в системе мирового хозяйства и международного разделения труда имеет для малых стран Европы принципиальное значение, а совокупность внешних условий сделали неизбежной острой необходимость поддерживать высокий уровень национальной интеграции и социальной мобилизованности³.

В период перехода от старой Европы к Европе, стремящейся создать единое рыночное пространство и демократические структуры, все меньшее значение имеет территориальная величина государств и численность населения каждого из них. Все более значимым фактором становится их степень интегрированности в общеевропейское экономическое, политическое и социальное пространство, способность найти «национальную нишу» в усложнившейся системе международных экономических отношений⁴ в эпоху глобализации. Таким образом, успешность самого развития малых государств напрямую зависит от способности их интеграции в глобальные структуры.

Истоки успеха малых стран заключаются, прежде всего, в наличии специализированной экономики как способе выживания в окружении больших экономик. Они нашли ниши, завоевав прочные позиции на мировом рынке в своих уникальных производствах с высокой долей наукоемкости. Узкий внутренний рынок диктовал малым странам необходимость открытой экономики с опорой на внешние рынки. Безусловно, импульс для экспортной

³ Романова Л. Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал *Обозреватель – Observer*. 2014. № 7 (294). С. 63.

⁴ Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 46.

ориентации дало создание общего рынка, а снижение таможенных барьеров открыло малым странам рынок всей Западной Европы⁵. Сложившаяся экспортная ориентация предопределила структурные сдвиги в промышленности малых стран, где получили преимущественное развитие отрасли, определяющие уровень научно-технического прогресса. К ним, прежде всего, относятся машиностроение и химическая промышленность⁶. Учитывая экспортную ориентированность экономик малых стран Европы, важную роль для них играет государственное регулирование, направленное на создание условий для развития специализированных экспортных отраслей, обеспечение конкурентоспособности своей продукции через стимулирование НИОКР, поддержание платежного баланса, устойчивости валют⁷.

Благодаря этому малые страны, как правило, имеют превышающий их ВВП оборот внешней торговли. В постоянно меняющихся условиях они вынуждены искать способы сохранения своих конкурентных позиций через совершенствование промышленной специализации. Ведь именно обеспечение стратегических задач экспортной направленности позволило им эффективно интегрироваться в европейскую и мировую экономику. Для высокоразвитых малых стран на протяжении последних

⁵ Романова Л. Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 7 (294). С. 64.

⁶ Дикович А. С., Колесников С. Д., Матяс А. А. Роль внешней торговли в экономическом развитии малых стран Западной Европы // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2013. № 2 (42). С. 32.

⁷ Матяс А. А., Колесников С. Д., Дикович А. С. Особенности государственного регулирования экономик малых стран Западной Европы // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2015. № 1 (45). С. 39.

десятилетий отмечалась тенденция роста доли экспорта и импорта по отношению к ВВП, с заметным превышением этого показателя в сравнении с крупными европейскими державами⁸. В целом же население малых государств живет в высокотехнологичном обществе, развитие которого основывается, прежде всего, на информационных и научных ресурсах. Долговременность сохранения передовых позиций есть закономерный итог реализации ими социально-экономической модели, включающей в себя сильную инновационную компоненту, которой они придерживаются уже много лет⁹, в том числе и в рамках евроинтеграционных процессов.

Таким образом, в силу особенностей экономического развития, малые страны Европы неизбежно должны стремиться к открытости и более тесному сотрудничеству со своими соседями по субконтиненту, что предопределило их статус как важных участников процесса европейской интеграции. С другой стороны, сами интеграционные процессы в Старом Свете настолько сложны и многогранны, что рассматриваемые нами страны в силу разных причин оказались привержены разным моделям интеграции как в экономическом, так и политическом пространстве.

По мнению известного отечественного специалиста В. Я. Швейцера, можно выделить два параллельных модельных ряда движения малых стран к европейской интеграции. Первый ряд включает две внешнеполитические модельные системы. Это альпийская, базирующаяся на нейтральном статусе Австрии, Швейцарии, а также

⁸ Дикович А. С., Колесников С. Д., Матяс А. А. Роль внешней торговли в экономическом развитии малых стран Западной Европы // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2013. № 2 (42). С. 26 – 28.

⁹ Романова Л. Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 7 (294). С. 69.

неформально его придерживающегося Лихтенштейна. И бенилюксовская, определяемая многими специалистами как умеренный евроатлантизм. При этом швейцарско-лихтенштейнский вариант «альпийской» модели базируется на традиционном неприятии любой блоковой политики, в то время как австрийский подвид подразумевает возможность приспособления своего нейтрального статуса к наличию в перспективе параллельной НАТО военно-политической структуры в рамках ЕС. В свою очередь умеренный евроатлантизм стран Бенилюкса ориентируется, хотя в меньшей степени, чем австрийский вариант, на перенос центра тяжести военно-политического сотрудничества в сугубо европейские структуры¹⁰. Особые малоевропейские модели можно обозначить и в экономических интеграционных перспективах Старого Света. Вырисовываются три варианта в позициях государств. Первый, швейцарско-лихтенштейнский, предполагает весьма непростой путь интеграции в европейские структуры, посредством достаточно сложных переговоров при постоянной оглядке на национальное общественное мнение и традиции. Второй вариант, австрийский, подразумевает болезненный процесс притирки страны-новичка к уже сложившимся институтам и принципам Евросоюза. Наконец, третий, бенилюксовский, вариант характерен значительным ростом удельного веса соответствующих государств и роли их лидеров на новом этапе евростроительства¹¹.

Рассмотрение отдельных моделей евроинтеграции имеет смысл начать с Бенилюкса, региона, где предпосылки к объединению имелись еще задолго до появления самой идеи европейской интеграции в современном понимании. Страны Бенилюкс, они же Исторические Нидерланды,

¹⁰ Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 49.

¹¹ Там же. С. 49.

географически расположились между Францией и Германией, огромными цивилизационными мирами, что неизбежно толкало регион к активным экономическим и политическим связям с соседями, бурному развитию посреднической торговли и транзитных путей сообщения, привлекательности страны для соседей. Исторические Нидерланды еще со Средневековья демонстрировали открытость миру, но при этом упорно защищая свои провинциальные права и привилегии. При наличии явной провинциальной идентичности, в регионе долгое время отсутствовала национальная идея, что облегчало внешним правителям присоединение провинций к своим государственным образованиям, при условии сохранения местных привилегий. Не случайно, появление независимой Бельгии и Люксембурга относится только к XIX веку, а ранняя независимость Северных Нидерландов во многом стала лишь следствием недальновидного отношения испанцев к своим владениям, а не столько движением голландцев к суверенитету. Но даже получив независимость, эти три страны вынуждены были оставаться тесно интегрированными в европейскую экономическую систему, в то же время сохраняя ориентацию на нейтралитет во внешней политике.

Имеет смысл выделить ранние примеры оформления интенсивных региональных связей. В 1921 г. возник бельгийско-люксембургский экономический союз, ставший первым опытом долгосрочного экономического объединения стран региона. Он носил характер таможенного объединения, но был более глубоким по замыслу, нежели аналогичное соглашение Бельгии с Францией. Развитие стран Бенилюкса на этом этапе основывалось, прежде всего, на использовании выгод экономико-географического положения, внутренних и внешних ресурсов (колонии) с определенной внутренней специализацией

(промышленность в Бельгии, металлургия в Люксембурге, электроника и химия в Нидерландах)¹². Впрочем, полностью реализовать потенциал этих связей тогда не удалось: почти постоянное внешнеполитическое давление со стороны крупных соседей, мировой экономической кризис, две мировые войны не способствовали объединительным процессам как в регионе, так и Европе.

Реальным началом европейского строительства для стран региона стало окончание Второй мировой войны. Первоначально в структуре экономики Бельгии, Люксембурга и Нидерландов сохранялись трудоемкие отрасли добывающей промышленности и машиностроения, оставшиеся с начала индустриализации. Но сокращающиеся ресурсы сырья для промышленности и высокие затраты на производство вынудили сначала диверсифицировать эти отрасли, а затем искать новую специализацию. Старые производства стали закрываться, и постепенно основным локомотивом экономического подъема стали финансовый сектор и инновации¹³. Эти процессы шли на фоне все более усилившегося европейского вектора развития этих государств, без которого провести модернизацию оказалось бы невозможно.

Бельгия, Люксембург и Нидерланды пришли к осознанию необходимости интеграции ранее своих крупных соседей. 24 мая 1946 г. вступило в силу валютное соглашение между ними, а 1 января 1948 г. между тремя странами начал действовать Таможенный союз. Были учреждены Административный таможенный совет, Совет экономического союза, Совет торговых отношений и

¹² *Костюченко А. С.* Социально-экономическое развитие стран Бенилюкс на разных этапах западноевропейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2007. № 1. С. 57.

¹³ *Романова Л.* Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 7 (294). С. 63.

Генеральный секретариат. 15 октября 1949 г. эти страны подписали Договор о предварительном экономическом союзе, который помимо мер либерализации торговли между ними предусматривал координацию торговой и валютной политики. Уже после заключения договора о создании ЕОУС (Европейского объединения угля и стали), Бельгия, Люксембург и Нидерланды 24 июля 1953 г. подписали в Гааге Протокол об ускорении процесса координации не только экономической, но и социальной политики. С 1956 г. Генеральный секретариат экономического союза стал заключать торговые договоры с третьими странами. Задолго до появления ЕЭС (Европейского экономического сообщества) они договорились о свободном движении капиталов (8 июля 1954 г.), о свободном передвижении рабочей силы и единой социальной политике (июнь 1956 г.), а также о постепенном урегулировании сельскохозяйственной политики (май 1955 г.). Иными словами, интеграционные процессы между ними были запущены до подписания Римских договоров и создания ЕЭС¹⁴.

Образование союза Бенилюкс как первого примера межгосударственного интеграционного объединения в Западной Европе стало следствием комплекса разных факторов: исторических, экономических, политико-географических. Данный союз обеспечивал входящим в него странам сохранение государственности и национальной идентичности, стимулировал их социально-экономическое развитие и повышение их роли в мирохозяйственной системе. Именно Бенилюкс стал своеобразным историческим ядром западноевропейской интеграции, образцом для будущих общеевропейских процессов¹⁵.

¹⁴ *Воронков Л. С.* О многообразии интеграционных процессов в Европе // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 4 (31). С. 100.

¹⁵ *Лескова И. В.* Экономическая система межгосударственных объединений (на примере Бенилюкса, СНГ и ЕС) // Вісник Дніпропетровського університету. 2013. Т. 20. Вип. 23(3). С. 114.

При подписании договора о создании ЕЭС Бельгия, Нидерланды и Люксембург оговорили возможность сохранения их регионального союза. Три страны стремились сохранить достижения их интеграционных усилий, объединиться для получения более значительных результатов во взаимной интеграции, чем это было возможно в условиях ЕЭС, и обеспечения более выгодных условий для их совместной интеграции в сообщество. Углубляя интеграционные связи между собой, они стремились одновременно укрепить свое положение внутри ЕЭС, не «растворяясь» полностью в этой более широкой интеграционной группировке. 3 февраля 1958 г. в Гааге три страны подписали новый Договор об экономическом союзе и Соглашение о переходном периоде с целью проведения скоординированной политики в экономической, финансовой, социальной сферах и общей внешнеторговой политики. 17 июня 2008 г. в Гааге был подписан новый договор между правительствами Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, учредивший Союз Бенилюкс, сотрудничество внутри которого охватывает, помимо экономики, многие сферы их внутренней и международной жизни. На сегодняшний день наряду с участием в институтах ЕС, государства Бенилюкс сохраняют собственную институциональную структуру¹⁶.

¹⁶ Высшим органом Бенилюкса является Комитет министров иностранных дел, решения которого принимаются единогласно и обязательны для исполнения. Ему подчиняется Совет союза из представителей министерств и ведомств трех государств. Административные функции союза возложены на Генеральный секретариат, возглавляемый коллегией секретарей. В Межпарламентском консультативном совете Бенилюкса работают 49 депутатов парламентов трех государств. Судебная палата союза вырабатывает единое толкование совместно принятых правовых норм, консультирует в правовой сфере государственных чиновников. Для решения спорных вопросов между членами Бенилюкс в связи с выполнением договоров или конвенций, создана Арбитражная коллегия. Воронков Л. С. О многообразии интеграционных процессов в Европе... С. 100 – 101.

Рассмотрение особенностей евроинтеграционных процессов в отдельных странах Бенилюкс имеет смысл начать с Нидерландов, ведущей державы региона. Итоги Второй мировой войны, после которой стало очевидно, что маленькой стране не избежать участия в противоборстве сверхдержав, а также начало Холодной войны толкали Нидерланды к переосмыслению своего нейтралитета. Активная помощь США по плану Маршалла и начало интеграции в рамках Бенилюкса привели страну к осознанию необходимости вступления в европейские оборонительные организации, важнейшей из которых стало НАТО¹⁷. Но говоря о внешней политике Нидерландов после войны, ей нельзя дать однозначную оценку. По мнению Й. Ворхува, можно выделить такие ее традиционные черты, как меркантилизм, нейтралистский абстенционизм, интернационалистский идеализм. Обладая хорошим географическим расположением, Нидерланды играли определенную роль в морской торговле, которая на долгое время стала одним из главных факторов определения внешних экономических связей. Однако после последней мировой войны традиция нейтралистского абстенционизма утратила свое значение: Нидерланды присоединяются к НАТО и следуют принципам *Rex Americana*, расставшись с приверженностью *Rex Britannica*. В то же время исследователи говорят о так называемой «отстраненности в зависимости», имея в виду, что Нидерландам, участвующим в западном блоке, разрешено поддерживать «свой традиционный нейтралитет» в новых условиях, когда нет необходимости развивать свою «амбициозную внешнюю политику». Теперь во внешней политике начинают четко прослеживаться три ключевые константы: 1) соблюдение трансатлантических интересов в рамках внешней политики

¹⁷ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 447 – 448.

и вопросов безопасности; 2) ставка на надгосударственные структуры в рамках европейской интеграции; 3) приоритет экономики над политикой¹⁸.

Экономическая интеграция в Европе оказалась привлекательной для Нидерландов в силу несколько иных причин, нежели политическая. Прежде всего, власти страны заботились о повышении благосостояния граждан, чего было невозможно достичь ни самостоятельно, ни даже в рамках Бенилюкса. К тому же, дорогостоящая война в Индонезии и потеря этой важнейшей колонии ставили вопросы о сбыте голландской продукции. Только в составе более крупного экономического объединения можно было реализовать транспортный и экспортно-импортный потенциал страны. Поэтому национальные элиты быстро пришли к консенсусу по вопросу евроинтеграции, а ее положительные результаты не заставили себя долго ждать¹⁹. При этом некоторое время сохранялись определенные противоречия между двумя параллелями интеграции. Интересно отметить, что в первое время Нидерланды, являясь «американским доверенным лицом», даже возражали против европейских политических планов. Но вскоре от «чистой поддержки» своего «старшего американского брата» Нидерланды постепенно перешли в ранг «негласного союзника» США в рамках НАТО. В 1970-е – начале 1980-х гг. происходит незначительный отход от атлантических подходов во внешней политике, и Нидерланды приобретают статус «вынужденного союзника»²⁰. Экономика одерживает верх

¹⁸ *Смоленчук О. Ю.* Эволюция внешней политики королевства Нидерланды в рамках европеизма и атлантизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 123.

¹⁹ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 456.

²⁰ *Смоленчук О. Ю.* Эволюция внешней политики королевства Нидерланды в рамках европеизма и атлантизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 123.

над политикой, однако последняя для Нидерландов играла традиционно более значимую роль среди всех остальных стран региона.

Таким образом, на примере Нидерландов можно утверждать, что в эпоху холодной войны страны Бенилюкса отказались от традиционного нейтралитета, доверившись атлантическому военно-политическому сотрудничеству. Оценивая этот разворот необходимо помнить, что у малых стран Европы, по объективным причинам, было меньше возможностей для свободного маневра, чем у их могучих соседей, например Франции, которая при Шарле де Голле начала самостоятельный дрейф в атлантическом лагере, или Германии, оказавшейся при Вилли Брандте способной к новой «восточной политике»²¹.

В целом же для Нидерландов атлантическое направление оставалось и остается доминирующим. С начала 1980-х гг. отмечается некий крен среди местной элиты в сторону атлантических настроений. При этом правительство дало устное обещание следовать идее усиления Европейской идентичности и продвижения европейского сотрудничества в сфере обороны ради установления европейской основы в Западном альянсе. В первую очередь это касалось несогласия с доминированием «больших» держав» (например Франции и Германии), также подчеркивалась важность атлантического сотрудничества в рамках общей внешней политики и безопасности. Эти стремления отразились в предложении Нидерландов усилить надгосударственные органы Европейского сообщества. В начале 1960-х гг. еще одним камнем преткновения стал план Фуше, по которому надгосударственный элемент в Европейских сообществах должен быть ослаблен, а организация, которая встанет во

²¹ Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 48.

главе ЕС, должна носить статус межгосударственной. Для Нидерландов, как малой страны, это означало усиление роли «больших государств» — Германии и Франции — что противоречило атлантическим интересам, а также угрожало внутренним политическим и экономическим институтам Нидерландов²². Таким образом, Нидерланды с одной стороны готовы к максимально продвинутой степени евроинтеграции с развитием мощных наднациональных институтов, но при этом сильно опасаются усиления влияния крупных европейских стран, что заставляет делать ставку на атлантистский вектор как некий противовес и гарантию от произвола крупных соседей.

Неудивительно, что Нидерланды стали одной из стран, которые в 2005 г. нанесли серьезный удар по единому экономическому пространству, прежде всего в политико-правовой сфере, когда на проведенном 1 июня референдуме 61,5% пришедших к урнам для голосования высказался против принятия конституции ЕС. Стоит отметить и нерешительность руководства страны по проталкиванию этой идеи в массах — премьер-министр Балкененде не стал увязывать свою отставку с результатами голосования, как это сделал его коллега Ж.-К. Юнкер в соседнем Люксембурге, и в итоге проиграл плебисцит. Причины таких результатов лежали на поверхности: население испугалось, что правительства и европейские бюрократы слишком быстро толкают их в общий европейский дом, ломая вековые чувства верности национальному суверенитету и собственной идентичности. К тому же, к этому времени в стране широко обсуждали проблему мигрантов и результаты такого же волеизъявления во Франции, что сыграло на руку

²² Смоленчук О. Ю. Эволюция внешней политики королевства Нидерланды в рамках европеизма и атлантизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 123 – 124.

евроскептикам²³.

Интересное развитие претерпел и Люксембург. Без преувеличения, это государство можно назвать одной из самых приспособленных стран для европейской интеграции. В 1815–1866 гг. герцогство входило в Таможенный союз, с 1842 по 1918 гг. действовало таможенное соглашение с Германией, а с 1921 г. началось сотрудничество с Бельгией в составе экономического союза, плавно переросшее в союз Бенилюкс. При этом страна всегда положительно реагировала на все инициативы углубления интеграционных процессов. Таким образом, Люксембург изначально принимал самое активное участие в западноевропейской интеграции, будучи всегда глубоко заинтересованным в ее развитии вглубь и вширь. В начале второй половины XX века Люксембург оставался преимущественно индустриальной страной, специализировавшейся на добыче и экспорте железной руды, производстве продукции черной металлургии, тяжелого машиностроения, химии. С 1952 г. из-за разногласий соседей-гигантов — Германии, Франции, Нидерландов — столица Великого герцогства стала штаб-квартирой ЕОУС²⁴.

Однако в условиях постиндустриальной эры не современные отрасли промышленности стали основой процветания маленького герцогства. Несмотря на вложения в промышленность, недостаток ресурсов и узость внутреннего рынка (даже после создания экономических союзов Бенилюкс и ЕЭС), а также относительно высокие затраты на рабочую силу ограничивали виды производств, доступные для развития в Люксембурге. Возможности же для финансовых операций были безграничны.

²³ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 468 – 469.

²⁴ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 491 – 492.

Западная Европа, а позднее и развивающиеся страны нуждались в свободном капитале, обычно прятавшемся в налоговых убежищах. Если традиционно убежищем иностранного капитала была Швейцария, то в 1960-х гг. на этот путь вступили другие европейские страны. Одной из самых привлекательных из них стал Люксембург, где льготы по налогам были предоставлены по всем видам финансовых операций иностранных компаний, что привело к финансовому процветанию страны. В короткий срок в герцогстве возникли десятки люксембургских и иностранных банков и страховых компаний. Свободный капитал стекался в Люксембург, где, уплатив налоги по минимальным ставкам, включался в международный оборот. В условиях свободы перемещения капитала внутри Европейского Союза средства можно легко перевести на счет в банк Великого герцогства. Крупным преимуществом Люксембурга как налоговой зоны являлось удобное расположение благодаря близости экономически развитых районов Франции и Германии²⁵.

Люксембург стал классическим образцом международного финансового центра новой экономики. Хотя по объему финансовых операций и структуре он не может соперничать с большими странами Европы, город-государство является признанным крупнейшим в мире рынком долгосрочных кредитов, а его международный рынок фондовых ценностей относится к числу крупнейших в мире. Через его биржу проходит свыше 60% всех выпускаемых еврооблигаций. Всему этому способствовала близость финансовых структур Люксембурга к штаб-квартире концернов, и он по праву стал называться финансовой столицей ЕС. Здесь был размещен Европейский

²⁵ *Ходов Л. Г.* Экономическое состояние и проблемы великого герцогства Люксембург // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2006. № 6. С. 19, 21.

инвестиционный банк, Европейский фонд валютного сотрудничества и другие аналогичные европейские организации²⁶.

Как правило, чем более развита страна и чем меньше она, тем более интенсивно она участвует во внешнеэкономических связях. Внешнеторговый оборот Люксембурга превышает 20 миллиардов долларов, при этом более 85% экспорта и импорта приходится на страны-партнеры по ЕС. Торговый баланс дефицитен, но платежный баланс сводится с положительным сальдо за счет поступления иностранного капитала, доходов от инвестиций за рубежом, туризма²⁷.

Однако безграничное процветание за счет европейских соседей длилось недолго. Страны–участницы единой Европы сопротивлялись обязательной передаче информации о вкладах и ценных бумагах иностранцев и доходов по ним на их территории налоговым органам других государств Европейского Союза, в первую очередь Люксембург, Бельгия и Австрия, под давлением ФРГ, Великобритании, Франции и Италии вынуждены были пойти на компромисс. Европейские налоговые оазисы согласились взимать с процентов и дивидендов на капиталы иностранных лиц из государств Европейского Союза с начала 2004 г. налог в 15%. С 1 января 2007 г. он повысился до 20%, а с 2010 г. — до 35%. Четверть собранных сумм достается налоговым органам страны размещения иностранного капитала, остальная часть — переводится в бюджет родины-владельца капитала²⁸. Впрочем, эти

²⁶ Романова Л. Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал *Обозреватель – Observer*. 2014. № 7 (294). С. 65.

²⁷ Ходов Л. Г. Экономическое состояние и проблемы великого герцогства Люксембург // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 6. С. 20.

²⁸ Там же. С. 21 – 22.

ограничения хотя и замедлили развитие Люксембурга, однако оставили его в списке лидеров подушевого дохода в мире.

Сохранение относительно благоприятных экономических показателей, невозможность изолированного развития, а также благодаря нажиму властей, и особенно энергичным действиям и призывам Ж.-К. Юнкера, в решающем для ЕС 2005 г. люксембуржцы проголосовали на референдуме за европейскую конституцию (свыше 56 %), что заметно повысило очки еврооптимистов как в самом Великом герцогстве, так и в Европе²⁹. Не испугал люксембуржцев и актуальный для многих членов ЕС миграционный вопрос, который в этой маленькой стране не носит столь критического значения, как у соседей по региону.

Независимо от устремлений каждого государства, немалую лепту в усиление миграционных потоков внесла провозглашенная в 1968 г. свобода перемещения граждан ЕЭС внутри Общего рынка. Больше всего она повлияла на развитие сезонных трудовых перемещений³⁰. Герцогство является одним из европейских центров притяжения иностранного самодеятельного населения. В стране в 2005 г. проживало около 180 тыс. иностранцев или почти 40% населения. В отличие от Франции, Германии, Швейцарии структура занятости иностранцев здесь принципиально иная. Среди них необычно высока доля служащих в банках, фирмах, международных организаций и относительно низка доля неквалифицированных рабочих. Массовый приток иностранцев на работу в Люксембург объясняется тремя причинами: высоким уровнем жизни, низким уровнем

²⁹ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 510.

³⁰ *Костюченко А. С.* Бенилюкс в путях миграции // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 63.

безработицы (в 2004 г. ее доля в герцогстве составляла 4,2% — в 2–2,5 раза ниже, чем в соседних Германии, Франции, Бельгии), отсутствием языковых барьеров в связи с тем, что граждане соседних стран могут найти работу на родном языке. Именно они и приезжают в значительной степени на заработки. Можно напомнить, что в стране находится много международных некоммерческих организаций, штаб-квартир и представительств иностранных корпораций и банков. Образованные и высокооплачиваемые иностранцы находятся в Люксембурге в долгосрочных командировках или проживают постоянно, обеспечивая на внутреннем рынке платежеспособный спрос на товары, услуги, жильё³¹. Таким образом, по всем показателям Люксембург можно признать самой интегрированной европейской страной.

Для Бельгии первым опытом европейской интеграции стал двусторонний Бельгийско-люксембургский экономический союз 1921 г., к которому в 1932 г. присоединились Нидерланды с подписанием трехстороннего оглашения о постепенном уменьшении экономических и таможенных барьеров между странами. Во время Второй мировой войны в 1943 г. внутри тройки было подписано валютное соглашение. Притом на раннем этапе именно Бельгия выступала лидером объединения, кредитуя Нидерланды³². Однако в период интенсивных интеграционных процессов в Европе Бельгия как-то потерялась: здесь не было острых споров о политической позиции страны, царил тишина и по экономическим вопросам. Став фактической столицей Европы, Бельгия достаточно ровно плыла в фарватере европейской интеграции, являясь даже некоторым бюрократическим

³¹ *Ходов Л. Г.* Экономическое состояние и проблемы великого герцогства Люксембург // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2006. № 6. С. 17.

³² *Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе /* Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 353.

символом новой объединенной Европы.

Во многом благодаря этому в кризисный для единой Европы 2005 г. бельгийцы чувствовали себя более оптимистичными в отношении европейской конституции. Правительство страны не стало выносить вопрос на референдум, а провело ратификацию посредством законодательных, хотя и довольно сложных процедур, потому что для победы требовалось согласие не только центрального бельгийского парламента, но и региональных законодательных органов, с чем те благополучно справились. Бельгия стала четырнадцатой страной, утвердившей евроконституцию³³ и продолжает оставаться эталоном европейского движения к единству.

Обобщая особенности вхождения стран Бенилюкса в единую Европу, необходимо отметить, что их современное социально-экономическое развитие базируется на режиме открытой экономики с высокой вовлеченностью в мирохозяйственные связи, определяющей ролью внешней торговли в местной экономике. На начало XXI в. Бельгия и Нидерланды по своему ВВП (300 и 460 млрд. соотв.) входят в группу первой двадцатки, по совокупной величине в 785 млрд. в 2004 г. сам Бенилюкс уступает только 14 странам³⁴. Следует также отметить позиции Нидерландов. Среди 500 крупнейших западноевропейских компаний 14 являются нидерландскими. Банковско-кредитная система — одна из самых старых и консервативных, но и одновременно самых стабильных в Европе (последнее банкротство голландского банка было 200 лет назад)³⁵. Таким образом, без интеграции

³³ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 363.

³⁴ *Костюченко А. С.* Бенилюкс в путях миграции // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 61.

³⁵ *Романова Л.* Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 7 (294). С. 65.

в Европу Бенилюкс не смог бы достичь тех успехов, которые его страны демонстрируют на мировой арене.

Однако за благоденствие тоже нужно платить свою цену. В отличие от стран Альпийского региона, в странах Бенилюкс в большей степени заметны миграционные проблемы, характерные для всей единой Европы. К началу XXI в. ситуация в отношении иностранцев в населении Бенилюкса изменилась коренным образом, особенно с 1970 по 2005 гг. Это наглядно показывают значения доли иностранцев в общем населении на 2005 г.: 8,3%, 19,2%, 39,0% для Бельгии, Нидерландов и Люксембурга соответственно. Удельный вес иностранцев за указанный период в Нидерландах и Люксембурге увеличился вдвое. В Бельгии, где это изменение не сказалось столь сильно количественно, оно, как и в соседних Нидерландах, острее выразилось в качественном отношении, прежде всего в том, что иностранцы-неевропейцы повсеместно принесли свои культурные ценности и традиции, во многом отличные от европейских. Но отказаться от мигрантов уже нельзя, ибо всем очевиден связанный с ними демографический эффект: мигранты обеспечивают прирост населения, предотвращают его старение, повышают удельный вес лиц трудоспособного возраста. Важна и экономическая сфера. В Люксембурге удельный вес иностранцев в экономически активном населении составляет 43%, в Нидерландах — 20,1%, в Бельгии — 8%. Это означает, что в Люксембурге ими произведено две пятых совокупного ВВП, или 10,7 млрд. долл., в Бельгии — 8%, или 24,9 млрд. долл. и в Нидерландах — пятая часть ВВП, или 95 млрд. долл. Таким образом, цифры говорят сами за себя: экономический эффект от трудовой деятельности иностранцев весомый³⁶. Поэтому открытая экономика делает местное общество

³⁶ Костюченко А. С. Бенилюкс в путях миграции // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 64 – 66.

более склонным к европейской интеграции.

Анализ проблем европейских интеграционных процессов в Альпийском регионе имеет смысл начать с Австрии (бывшей историческим центром империи Габсбургов в Центральной и Восточной Европе). Предпосылки интеграционных планов на равноправной основе для маленькой республики открылись после распада Австро-Венгрии. Тогда появился план создания Дунайской конфедерации из старых австро-венгерских регионов. В первую очередь он был ориентирован на восстановление системы взаимозависимых торгово-хозяйственных отношений земель некогда единого государства. Однако его отвергли державы-победительницы, не желавшие возрождения конкурентоспособного соседа. Другой проект предполагал присоединение обновленной Австрии к Германии (Аншлюс), однако для стран Антанты он также являлся неприемлемым³⁷. Хотя по чисто экономическим причинам межвоенная Австрия нуждалась в экономическом сближении с другими странами, политические факторы перевешивали все материальные выгоды.

Реальное движение Австрии на пути европейской интеграции, по мнению многих специалистов, началось с «Плана Маршалла». Австрия стала участником первой конференции шестнадцати европейских государств в июне 1947 г., на которой произошло учреждение Комитета Европейского экономического сотрудничества, разрабатывавшего принципы сотрудничества всех европейских участников американского плана. Австрия была одной из первых стран, подписавших 16 апреля 1948 г. соглашение об учреждении ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества). Также Австрия положительно восприняла идею создания

³⁷ *Васильев В. И.* Австрийская идентичность и европейская интеграция // *Обозреватель – Observer.* 2013. № 12. С. 99.

многонациональной платежной системы, приняв участие в созданном в 1950 г. Европейском платежном союзе (ЕПС). Правительство Австрии неоднократно заявляло о своем негативном отношении к проявлениям протекционизма в международной торговле и о готовности участвовать в процессе ее либерализации. В 1951 г. Австрия присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ)³⁸.

Однако Австрия не могла вступить в Европейское объединение угля и стали, поскольку в то время не был окончательно определен ее международный статус, и на ее территории находились оккупационные войска. А главное — в ЕОУС ключевые позиции занимала ФРГ. В свою очередь, союзники запретили Австрии «всякие совместные действия», могущие привести эту страну «под контроль ФРГ». После восстановления суверенитета в 1955 г. путь в ЕЭС Австрии по-прежнему был закрыт: она не могла отойти от обязательств, вытекавших из ее статуса нейтралитета, а также из Государственного договора, накладывавшего запрет на любую форму союза с Германией. Положение Московского меморандума, где говорилось об обязательстве «придерживаться нейтралитета такого рода, которого придерживается Швейцария», доставляло большие трудности Австрии при решении интеграционных проблем, ведь швейцарская концепция требовала соблюдать хозяйственный и политический нейтралитет в мирное время. Была строгой и позиция СССР: он, исходя из посылки, что ЕЭС является «частью» или «продолжением» НАТО», считал, что членство Австрии в этой организации является нарушением Закона о постоянном нейтралитете и Государственного договора, и с самого начала однозначно

³⁸ Макаренков М. В. Австрия и европейская экономическая интеграция (1945 – 1960 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 64.

высказывался против вступления Австрии в «Общий рынок»³⁹.

Но Австрия была не одинока. На рубеже 1950–1960-х гг. в Европе сразу несколько стран по совершенно разным причинам не могли присоединиться к интеграции шестерки. Поэтому Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швеция и Швейцария создали собственную экономическую интеграционную структуру — Европейскую ассоциацию свободной торговли. Конвенция об учреждении ЕАСТ была подписана 4 января 1960 г. в Стокгольме и вступила в силу спустя несколько месяцев после ее ратификации всеми участниками. В процессе подготовки Стокгольмского договора об учреждении ЕАСТ Швейцарии и Австрии отводилась роль ведомых. Инициатива исходила от Великобритании и, в меньшей мере от Скандинавских стран⁴⁰.

Создание ЕАСТ, по мысли британского премьера Г. Макмиллана, должно было служить наглядным примером действенности и эффективности предлагаемой Лондоном модели интеграции. Однако функционирование ЕАСТ продемонстрировало, вопреки британским ожиданиям, экономическую слабость и политическую аморфность организации стран Семерки. Поэтому уже в 1961 г. британцы стали зондировать почву на предмет вступления в ЕЭС, оставляя ЕАСТ роль страховки. В начале августа 1961 г. британское правительство созрело до официальной заявки на вступление в европейское сообщество. Показательно, что с аналогичными заявлениями на вступление обратились Ирландия, Дания и Норвегия. Швеция, Австрия и Швейцария желали стать ассоциированными членами

³⁹ Там же. С. 65 – 66.

⁴⁰ *Дмитриева Д. В.* ЕАСТ в общеевропейском интеграционном процессе и позиция Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 159.

организации⁴¹. Если бы не упрямая позиция де Голля, из-за своих принципов держащего англичан на расстоянии, уже через несколько лет ЕАСТ бы потерял своего главного инициатора, заставив страны Альпийского региона искать новые формы интеграции.

Совет министров Австрийской Республики принял официальное решение о вступлении в ЕАСТ 23 марта 1960 г. В Австрии эту организацию стали называть вторым после ЕЭС «столпом европейской интеграции», во многом вынужденно из-за неблагоприятных внешних обстоятельств. В отличие от ЕЭС, ЕАСТ представляла менее развитую форму интеграции, ее функции ограничивались внешнеторговыми рамками и направлялись на создание зоны свободной торговли. В конвенции предусматривалась отмена ограничений во взаимной торговле лишь промышленными товарами, страны ЕАСТ не вводили единого тарифа по отношению к третьим странам, сохраняя национальные таможенные пошлины. В круг полномочий ЕАСТ не включалась возможность формирования наднациональных учреждений или возможность уступок суверенных прав членами организации. Но даже в таком ее виде ассоциация осуществляла огромный шаг вперед, сократив количество крупных европейских рынков. Но при этом для стран-участниц ЕАСТ, и особенно для Австрии, преобладающая часть внешней торговли приходилась на входящие в ЕЭС государства. Поэтому фактически с самого учреждения ЕАСТ отдельные ее члены стремились к заключению соглашений с ЕЭС, или в виде полного членства (Великобритания, Дания, Норвегия, Ирландия), или в формах сотрудничества, учитывающих особый статус

⁴¹ *Хахалкина Е. В.* Участие Великобритании в Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и оформление британским правительством Г. Макмиллана первой заявки на вступление в Европейские сообщества (1960 – август 1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2(3). С. 67.

нейтралитета (Австрия)⁴². Однако деятельность ЕАСТ показала, что эта организация не могла успешно разрешить экономические проблемы участвующих в ней государств. С одной стороны, экономика ряда стран, прежде всего Австрии и Дании, была тесно связана с Общим рынком, а с другой — ЕАСТ уделяла мало внимания решению проблем стран-участниц в такой важной отрасли, как сельское хозяйство. В результате возникали ситуации, когда страны-участницы не соблюдали положения Конвенции⁴³.

При этом в отличие от Австрии, позиция Швейцарии в ЕАСТ усиливалась тем, что Женева сразу стала штаб-квартирой важнейших органов организации: Совета, комитетов и секретариата. Также Швейцария долгое время представляла в организации интересы Княжества Лихтенштейн. Поскольку с 1923 г. Лихтенштейн находился в таможенном союзе со Швейцарией, то было решено, что он будет ассоциированным членом ЕАСТ до тех пор, пока существует данный таможенный союз или пока Швейцария входит в ЕАСТ. Таким образом, в соответствии со специальным протоколом от 4 января 1960 г., Лихтенштейн стал ассоциированным членом ЕАСТ (полноправное членство княжества в организации будет оформлено только в 1991 г.) Большинство стран-участниц ЕАСТ во главе с Великобританией рассматривало Ассоциацию как временную организацию, которая усиливала их позиции в переговорах о вступлении в ЕЭС⁴⁴. Австрия, разделяя

⁴² Макаренков М. В. Австрия и европейская экономическая интеграция (1945 – 1960 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 68.

⁴³ Зорина А. Е. История развития Европейской ассоциации свободной торговли как альтернативного проекта европейской интеграции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 – 5(60). С. 69.

⁴⁴ Дмитриева Д. В. ЕАСТ в общеевропейском интеграционном процессе и позиция Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 160.

мнение британцев, имела меньше свободы маневров во взаимоотношениях с ЕЭС из-за статуса нейтралитета.

Однако в целом 1960-е гг. стали важным периодом для ЕАСТ. Во-первых, Ассоциация доказала, что она способна действовать активно. Во-вторых, в это время произошло значительное усиление внутреннего рынка ЕАСТ, благодаря чему организация стала действительно важной для ряда ее участников в экономическом плане. Это нашло отражение в Венской декларации, где целью организации называлось не просто достижение соглашения со странами Шестерки, но построение Единого Европейского рынка таким способом, чтобы защитить достижения стран-участниц ЕАСТ⁴⁵. К 1 января 1967 г. ликвидировались все таможенные пошлины и количественные ограничения в торговле промышленными товарами между странами-участницами (кроме Португалии). Через год были отменены таможенные пошлины между ЕАСТ и Финляндией. К началу 1970-х гг. в ЕАСТ завершился процесс создания зоны свободной торговли. Она стала наиболее известной и значимой из всех уже построенных ассоциаций свободной торговли. Наметились тенденции к перерастанию этой организации в более развитые формы интеграции (в частности в экономический союз), но их не удалось реализовать. Перед Великобританией и другими странами ЕАСТ встала дилемма: или укреплять ЕАСТ, или добиваться присоединения к ЕЭС. Выход Великобритании и Дании из ЕАСТ в 1972 г. заметно ослабил эту организацию и вынудил оставшихся участников искать пути урегулирования экономических отношений с ЕЭС, являющимся основным торговым партнером стран-членов Ассоциации. Генеральный секретарь, швед Бенгт

⁴⁵ Зорина А. Е. История развития Европейской ассоциации свободной торговли как альтернативного проекта европейской интеграции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 – 5(60). С. 70.

Рабеус, возглавлявший ЕАСТ в 1972–1975 гг., вел сложные переговоры с руководством ЕЭС. В результате все члены ЕАСТ (а также Финляндия) заключили с ЕЭС соглашения о свободной торговле промышленными товарами, которые вступили в силу в 1973 г. На их основе осуществлялось взаимное снижение таможенных пошлин. Возглавлявший ЕАСТ в 1976–1981 гг. представитель Швейцарии Шарль Мюллер добился их полной отмены между ЕАСТ и ЕЭС с 1 июля 1977 г. В результате в Западной Европе образовалась большая зона свободной торговли. Георг Райш, представитель Австрии, был генеральным секретарем ЕАСТ в 1988–1994 гг. Однако его родная Австрия (вместе со Швецией и Финляндией, ставшей полноправным членом ЕАСТ только в 1986 г.) покинула организацию в 1994 году. Выбор снова был сделан в пользу ЕС⁴⁶.

Движение Австрии в европейские интеграционные структуры, начатое в 1950-е гг., в силу его своеобразия получило название «австрийский путь». Австрийские сторонники членства в ЕС пытались убедить своих сограждан в том, что участие страны в европейском интеграционном процессе — это объективная экономическая и политическая данность, реальное понимание экономического и политического развития Европы в целом и альпийской республики в частности. Противники интеграции Австрии в Общий рынок (а таких в стране было немало) указывали, в основном, на возможные угрозы политике постоянного нейтралитета страны, негативные последствия передачи своих, пусть даже немногих, национальных политических и экономических полномочий некоему «европейскому центру». Во второй половине 1980-х гг. в австрийской экономике особо болезненно проявились последствия

⁴⁶ *Дмитриева Д. В.* ЕАСТ в общеевропейском интеграционном процессе и позиция Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 161.

изолированности от европейского интеграционного процесса. Представители бизнеса, ведущих политических партий говорили об экономических потерях, доказывали необходимость скорейшего присоединения Австрии к Общему рынку⁴⁷.

Движение Австрии к ЕЭС началось в 1987 г., когда правительство республики создало специальную «Рабочую группу по европейской интеграции». Её задача состояла в выработке алгоритмов безболезненного сближения Австрии и ЕЭС. За два года работы группы правительство предложило обществу концепцию интеграционного процесса, подразумевавшую на сей раз прямое вхождение в европейские структуры⁴⁸. В июле 1989 г. оно подало заявку о вступлении в Европейское Экономическое Сообщество, в которой содержалось заверение в традиционной приверженности принципам нейтралитета страны и после ее вхождения в ЕЭС. МИД Австрии в докладе, опубликованном 21 ноября 1988 г., считал возможным членство страны в ЕЭС на данных условиях, хотя и признавал, что это совмещение, видимо, будет проходить непросто. С объединением Германии в 1990 г. Австрия стала отходить от строгого следования политике постоянного нейтралитета: были внесены некоторые поправки к Государственному договору. В это время происходит, по выражению российского исследователя В. А. Кружкова, «коррекция внешнеполитической линии Вены»: снижается активность Австрии «в плане подчеркивания нейтралитета и самостоятельности в оценке событий» и усиливается

⁴⁷ *Жирыков И. Г., Макаренков М. В.* Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 92.

⁴⁸ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 73.

«европоцентризм»⁴⁹. Из-за подготовки Маастрихтского договора ответ последовал лишь спустя два года. Несмотря на задержку, он был положительным.

Однако политическая элита страны не была единой. Против вхождения Австрии в Европейский Союз выступала Австрийская партия свободы. Ее лидер Йорг Хайдер постоянно напоминал, что, войдя в ЕС, Австрия потеряет самостоятельность и национальную идентичность. Он сравнивал Евросоюз с «супер-СССР», где, по его мнению, любой даже незначительный вопрос мог быть решен только с согласия центра в лице «брюссельских бюрократов». Хайдер указывал и на неизбежность серьезных проблем, связанных с увеличением потока беженцев и эмигрантов. Партия «зеленых» тоже оказалась в лагере противников евроинтеграции из-за опасений распада отлаженной национальной системы охраны окружающей среды. Против вхождения страны в Евросоюз выступала и Коммунистическая партия Австрии. Противники интеграции также опасались «германизации всей Европы» из-за очевидного лидерства Германии. Австрия же в середине 1990-х гг. прочно входила как раз в число наиболее успешных стран Европы. И многие австрийцы в этой связи опасались перемен «от добра к неизвестности». Австрийских «евроскептиков» тревожили вопросы чрезмерной централизации в Евросоюзе. Вступление в ЕС означало для участника передачу единому наднациональному центру части своих национальных полномочий в решении пусть некоторых, но важнейших направлений экономического, политического и социального развития⁵⁰.

Особое беспокойство при обсуждении вопроса о

⁴⁹ *Жиряков И. Г., Макаренко М. В.* Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 93.

⁵⁰ Там же. С. 94 – 96.

членстве страны в Евросоюзе вызывал аграрный сектор. Было очевидно, что после присоединения страны к ЕС у австрийских крестьян возникнут проблемы из-за снижения цен на многие сельскохозяйственные продукты (поскольку цены на продукцию сельского хозяйства в странах ЕС были ниже) и обострения конкуренции на внутреннем рынке. В результате удалось согласовать меры переходного периода, установленного для Австрии сроком на пять лет. Другим важным вопросом в переговорах с ЕС стала проблема трансальпийского транзита. Переговоры о транзитных перевозках заняли несколько лет. Австрия стремилась ограничить свободный транспортный поток через свою территорию из-за опасений роста «нагрузки на человека и окружающую среду», в то время как Евросоюз настаивал на беспрепятственном транзите через австрийскую территорию⁵¹.

Имелись и сугубо психологические проблемы. После вступления Австрии в Евросоюз вопрос австрийской идентичности приобретал другое звучание — как сохранить завоеванную государственную самостоятельность и австрийское самосознание в условиях постепенного делегирования ряда властных и законодательных полномочий страны бюрократическим структурам Евросоюза, не раствориться в общеевропейском пространстве⁵². Вопрос нетривиальный, учитывая, что во многом статус нейтралитета позволил австрийцам осознать обособленность от Германии.

Среди же сторонников вступления Австрии в ЕС находились крупные компании и фирмы, надеявшиеся на достойное и значимое место для своей продукции

⁵¹ Чарушина О. Б. Экономические последствия членства Австрии в Европейском союзе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 1. С. 141 – 142.

⁵² Васильев В. И. Австрийская идентичность и европейская интеграция // Обозреватель – Observer. 2013. № 12. С. 109.

на объединенном европейском рынке. Еще не будучи членом Евросоюза, Австрия успешно развивала на основе двусторонних договоров и соглашений внешнюю торговлю с другими странами, при этом около 60 % австрийского внешнеторгового оборота приходилось на ЕС⁵³. В целом именно экономические аргументы стали наиболее весомыми доводами за.

В итоге решение Австрии о вхождении в Европейский Союз было принято по совокупности факторов. Во-первых, из-за изменения внешнеполитической ситуации в Европе после падения «железного занавеса». Во-вторых, на принятие положительного решения повлияло понимание позитивной интеграционной динамики внутри ЕС. В-третьих, экономическая ситуация внутри страны подталкивала Австрию в Евросоюз. Переговоры Австрийской Республики с институтами ЕЭС начались лишь спустя пять лет после подачи заявки и завершились успешно. В начале мая 1994 г. депутаты Европарламента приняли решение о расширении Европейского Союза и рассмотрели вопрос о членстве Австрии. Голосование прошло довольно сложно: из 517 депутатов 374 высказались за полноправное участие Австрийской Республики с 1 января 1995 года⁵⁴.

Утверждение столь важного шага в самой Австрии правительство решило закрепить на референдуме, проведенном 12 июня 1994 г. К урнам для голосования пришло 82,3 % австрийцев, имевших право голоса. Из них

⁵³ *Жириков И. Г., Макаренко М. В.* Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 94.

⁵⁴ *Жириков И. Г., Макаренко М. В.* Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (16). С. 96.

66,6 % высказались за вхождение страны в ЕС, руководство которого накануне референдума «не скупилось на обещания льгот и субсидий». После референдума некоторые австрийские СМИ считали, что соотечественников, скорее всего, «не убедили», а буквально «уговорили» голосовать за вступление в Евросоюз⁵⁵. Альпийская страна подтвердила свою приверженность единой Европе.

Членство Австрии в ЕС с января 1995 г. по настоящее время принесло ожидаемые дивиденды. Интеграция способствовала дополнительному ежегодному приросту ВВП на 1%. Экспорт увеличился более чем вдвое. 70% молодых австрийцев уверены, что для молодежи ЕС предоставляет большие возможности и перспективы. 70% экспортной продукции Австрии приходится на страны ЕС. По подсчетам экспертов, в случае выхода Австрии из Евросоюза она потеряет более 100 тыс. рабочих мест⁵⁶. Таким образом, вступление Австрии в Евросоюз в целом имело позитивные последствия для австрийской экономики. На протяжении 1995–2005 гг. наблюдался ее рост, во многом за счет положительного баланса в торговле с восточноевропейскими странами — экспорт в страны ЦВЕ утроился, а экспорт в соседние Венгрию, Чехию, Словакию увеличился в 4,5 раза. Возросла привлекательность Австрии для иностранных инвесторов, что связано с налоговой политикой правительства и мерами по либерализации экономики. Страна располагает производственной инфраструктурой и высококвалифицированными кадрами, поэтому не случайно, что в течение 1995–2005 гг. основные макроэкономические показатели — уровень инфляции и безработицы — были существенно лучше общеевропейских (например, уровень безработицы в два раза ниже, чем в

⁵⁵ Там же. С. 97.

⁵⁶ Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. М., 2013. С. 144.

целом по ЕС). Кроме того, отмена пограничных таможенных формальностей способствовала сокращению издержек в среднем до 5% от стоимости товаров⁵⁷.

В условиях нынешнего европейского кризиса большой интерес представляют оценки политическим классом и населением страны роли евро. Фракция социал-демократов в Национальном совете указывает на благотворное влияние европейской валюты на развитие страны. Без евро Австрия как малая страна ориентированной на экспорт экономикой на международных рынках была бы «беззащитной». Евро как единая европейская денежная единица обеспечивает стабильность и позволяет Австрии проявлять в глобальной конкуренции свои сильные стороны. В условиях экономического и финансового кризиса сомнения относительно сохранения еврозоны могут привести к неконтролируемой цепной реакции и последствиям, сопоставимым с масштабом экономического кризиса 30-х годов прошлого столетия⁵⁸.

В вопросе военно-политического нейтралитета Австрия в целом сохраняет прежние идеи. Несмотря на присоединение в 1995 г. к программе НАТО «Партнерство ради мира» (с известным запозданием и оглядкой на Россию), к самому альянсу Австрия так и не присоединилась, хотя определенное внутреннее давление имелось, например, от партии народников, считавшей, что общая оборона позволит заметно рационализировать бюджет страны⁵⁹. Однако нейтралитет по-прежнему довлеет в умах населения.

Интересно рассмотреть и историю взаимоотношений карликового государства Лихтенштейн и структур

⁵⁷ Чарушина О. Б. Экономические последствия членства Австрии в Европейском союзе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 1. С. 142.

⁵⁸ Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. М., 2013. С. 149.

⁵⁹ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 116.

европейской интеграции, в которые маленькое герцогство так и не вошло. Эта страна не имела производственных факторов, которые могли бы обеспечить экономический подъем — природных ресурсов, емкого рынка, притока дешевой и квалифицированной рабочей силы, а горнолыжный и познавательный туризм был ограниченным источником дохода. Показательно, что почти полтора столетия бюджет Лихтенштейна поддерживался столь экзотичным способом как выпуск почтовых марок. При этом во время Второй мировой войны Лихтенштейн, как и Швейцария, смог сохранить свой нейтралитет. В годы послевоенного восстановления Европы и возникновения в ней противоборствующих военно-политических блоков внешняя политика страны продолжала оставаться изоляционистской, за что Лихтенштейн иногда называли «музеем феодальной Европы»⁶⁰.

Казалось, потенциал для бурного роста у Лихтенштейна отсутствует, но в герцогстве решили воспользоваться экономическим ростом соседей и пойти по пути предоставления иностранному капиталу налоговых льгот. После введения новой налоговой системы, по которой зарегистрированные иностранные компании обязаны были платить кроме однократного регистрационного сбора ежегодно 0,1% от своих активов (но не меньше 1000 шв. фр.), в княжестве наступило время длительного процветания. Одновременно правительство стало проводить либеральную внешнеэкономическую политику, стремясь получить выгоды от развивавшейся европейской интеграции. Княжество стало активно участвовать в сотрудничестве прирейнских государств. Вместе со Швейцарией оно вошло в европейское экономическое пространство, объединившее страны-участницы ЕС и ЕАСТ, в основе

⁶⁰ Ходов Л. Г. Лихтенштейн: секреты процветания // Современная Европа. 2005. № 4 (24). С. 99 – 100.

которого лежит реализация четырех экономических свобод, а также сотрудничество в других областях — научных исследованиях, развитии образования, охране окружающей среды и социальной политики. Кроме того, Швейцария и Лихтенштейн заключили с ЕС секторальные соглашения в области транзита товаров, воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта, взаимного участия фирм в торгах на государственные закупки и подряды, научно-технического сотрудничества и передвижения граждан. Но при этом Лихтенштейн не участвует в деятельности интеграционных организаций и фондов, строго регулирует приток рабочей силы из-за рубежа, в том числе и из соседних стран. Ни одно государство в Европе (кроме Ватикана) не платит в международные организации так мало членских взносов на тысячу зарегистрированных граждан, как Лихтенштейн. При этом экономика княжества, с точки зрения свободы передвижения товаров, услуг и капиталов — одна из самых либерализованных в мире⁶¹.

По мнению наследного принца Лихтенштейна Алоиса, причины экономического успеха княжества заключались в таких факторах как: нейтралитет страны в период Второй мировой войны и тесные связи со Швейцарией, что обеспечило хорошую стартовую позицию после войны; глобализация; устойчивая политическая система; высококвалифицированная рабочая сила; разумная экономическая политика (низкие налоги, быстрое принятие решений, доброжелательное отношение к бизнесу со стороны власти); вступление в Европейскую экономическую зону, что оказало экономике дополнительную поддержку, поскольку Лихтенштейн пользуется теперь преимуществами двух экономических зон: европейского Общего рынка и Таможенного союза

⁶¹ *Ходов Л. Г.* Лихтенштейн: секреты процветания // Современная Европа. 2005. № 4 (24). С. 101 – 102.

со Швейцарией⁶². Лихтенштейн имеет тесные связи со Швейцарией и Австрией, притом их основу составляют контакты с соседними регионами двух стран — кантонами Швейцарии и землей Форарльберг в Австрии. Граница фактически открыта⁶³.

Однако долго подобное процветание продолжаться не могло: европейские чиновники не могли допустить сохранения упущенных налоговых выгод для стран еврозоны. По инициативе министра финансов ФРГ в рамках еврозоны шли переговоры по вопросам налогообложения доходов иностранных капиталов и принято решение о том, что с начала 2004 года доходы с капитала, в какой бы из стран ЕС он ни размещался, будут известны налоговым органам государств, резидентами которых являются собственники капитала. Был введен всеобщий контроль и налоговое принуждение на капиталы резидентов ЕС на всей территории интеграционного объединения. Настала очередь стран-убежищ, не входящих в ЕС — Швейцарии и Лихтенштейна. Министры финансов стран Евросоюза начали с ними переговоры с общих позиций. Альпийским государствам предложили выбор из двух моделей: 1) Обязать свои банки передавать информацию о помещенных в них капиталах, зарегистрированных фирмах, принадлежащих резидентам ЕС, и их доходах налоговым органам стран происхождения капитала. 2) Ничего не сообщать о капиталах и доходах юридических и физических лиц объединенной Европы, но взимать с их доходов налог, который будет постепенно повышаться и достигнет 35%. Лихтенштейн и Швейцария, чтобы сохранить тайну вкладов, являющуюся важной составной частью правовой системы этих стран, приняли

⁶² Алоис. Лихтенштейн в глобализующемся мире // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 6.

⁶³ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 235.

вторую модель. Новый порядок налогообложения больно ударил по экономике Лихтенштейна. Если у Швейцарии помимо банковских операций всегда имелось еще несколько опор в национальной экономике, то маленькое княжество их не имело. Впрочем, новые налоговые правила распространялись только на капитал резидентов стран ЕС; а в княжестве есть компании и депозиты, происходящие из США, Латинской Америки, нефтяных монархий Персидского залива и России⁶⁴.

Уменьшающиеся возможности получения доходов от финансового сектора привели к ускорению развития промышленности. Если в соседних странах материальное производство все более теряет свои позиции в пользу услуг, то в Лихтенштейне наблюдается обратная тенденция. С 1992 по 2002 гг. численность занятых в промышленности здесь возросла почти на 15%, еще быстрее она увеличивалась в 2002-2005 гг. — примерно на 7% при постоянном росте производительности труда. Промышленность, долгое время находившаяся в тени финансовых услуг, стала играть ведущую роль в экономике страны. Более 42% ВВП в 2004 г. было создано в промышленности, менее 30% в сфере финансов и немногим менее 25% в торговле и сфере нефинансовых услуг. Интересно отметить, что на небольшой территории княжества 5% ВВП произведено в сельском и лесном хозяйстве, причем занято в нем всего 1,3% самодеятельного населения⁶⁵.

Во внешнеполитических вопросах с 1990-х гг. Лихтенштейн стал более склоняться к нейтралитету по австрийскому образцу. Еще в 1975 г. он стал членом ОБСЕ, с 1978 г. — Совета Европы, в 1990 г. граждане

⁶⁴ *Ходов Л. Г.* Лихтенштейн: секреты процветания // Современная Европа. 2005. № 4 (24). С. 104 – 105.

⁶⁵ *Ходов Л. Г.* Лихтенштейн: секреты процветания // Современная Европа. 2005. № 4 (24). С. 107.

страны проголосовали за вступление в ООН, а в 1993 г. во многом благодаря инициативе князя Ханса-Адама II плебисцит (55,7% голосов за) дал зеленый свет для присоединения Лихтенштейна к Европейскому экономическому пространству (ЕЭП), отвергнутому швейцарцами годом ранее⁶⁶. Оставаясь юридически вне Европейского Союза, Лихтенштейн участвует в европейских интеграционных процессах и мировой глобализации, что стало единственным способом сохранить конкурентоспособность. Как отмечает наследный принц Лихтенштейна Алоис «Для такой небольшой страны, как Лихтенштейн, глобализация является благом. Уменьшение торговых барьеров и надежные мировые связи являются необходимыми условиями, чтобы экономика малой страны могла конкурировать на равных и быть успешной. Снижение торговых барьеров жизненно необходимо для нас. Наш промышленный сектор не смог бы расти без возможности свободного экспорта. Промышленные компании страны немедленно закрылись бы, если бы единственным рынком для них был Лихтенштейн»⁶⁷. Таким образом, Лихтенштейн, оставаясь в плену своих изоляционистских традиций, на практике активно участвует в сближении с единой Европой, не забывая о своих интересах.

Положение Швейцарии после Второй мировой войны заметно отличалось от ситуации в других странах Европы: швейцарский нейтралитет себя полностью оправдал, экономика почти не пострадала от войны, а поэтому заинтересованности в сближении с соседями не наблюдалось. Несмотря на заметный товарооборот со странами Шестерки, Швейцария так и осталась в стороне

⁶⁶ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 235.

⁶⁷ Алоис. Лихтенштейн в глобализующемся мире // Современная Европа. 2006. № 4 (28). С. 7.

от общеевропейского процесса интеграции, стремясь договариваться с сохранением своей изолированной идентичности, решившись только на вступление в ничего не обязывающую ассоциацию свободной торговли. Впрочем, раскол Европы на ЕЭС и ЕАСТ выглядел ненормальным, и Швейцария, безусловно, участвовала в переговорах по налаживанию взаимодействия между группами стран. Переговоры прошли в два этапа — в 1970-х и 1980-х гг., по итогам которых родилась идея создания Европейского экономического пространства и планы ее реализации⁶⁸.

В 1984 г. в Люксембурге прошла встреча министров стран ЕАСТ и ЕЭС, целью которой являлась окончательная ликвидация экономических ограничений. Было принято решение строить дальнейшее сотрудничество между ЕАСТ и ЕЭС на основе многосторонних диалогов. Этот процесс получил название Люксембургского процесса, а в ходе его реализации впервые появилась концепция Европейского экономического пространства (ЕЭП). С 1989 г. начались переговоры о создании ЕЭП, которые успешно завершились в 1992 г. подписанием соответствующего соглашения в городе Порто (Португалия). Данное соглашение позволило распространить на европейские государства, не являющиеся членами Европейского союза, правовой режим Общего рынка. Помимо сотрудничества с западноевропейскими странами ЕАСТ как альтернативный интеграционный проект развивала торговые отношения со странами Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и Африки⁶⁹.

Власти Швейцарии, очевидно, осознавали выгоду

⁶⁸ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 186 – 187.

⁶⁹ Зорина А. Е. История развития Европейской ассоциации свободной торговли как альтернативного проекта европейской интеграции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 – 5(60). С. 71.

сближения с Общим рынком и в мае 1992 г. подписали с руководством ЕС документ о вхождении страны в ЕЭП. С 1991 г. также действовала заявка на переговоры с ЕС. Однако в соответствии с местными политическими традициями, это решение следовало подтвердить на национальном референдуме, который состоялся 6 декабря 1992 г. и принес победу противникам сближения с незначительным перевесом в 0,6% голосов при крайне высокой явке. Показательно, что результаты референдума совпали с этнолингвистической картой страны, когда «за» голосовали все франкоязычные кантоны, а «против» — большинство немецкоязычных, не видевших серьезных преимуществ от дальнейшего сближения с ЕС. Во многом на результаты голосования повлияло и отсутствие прецедента таких же голосований в других нейтральных странах. Однако переговоры были продолжены. Власти страны и ЕС изменили подход к консервативному населению, предлагая дальнейшую интеграцию дозировано и выверено. В результате к началу 2000-х гг. мнение населения изменилось и уже 2/3 голосовавших на референдуме одобрили меры в рамках т.н. первого пакета соглашений. Следующее голосование по внедрению шенгенских норм в Швейцарию в 2005 г. также принесло успех местным еврооптимистам, хотя и подтвердило протестные настроения значительной части немецкоязычной Германии и сельской местности⁷⁰. Несмотря на сохранение сильных изоляционистских традиций, можно констатировать, что консервативные швейцарцы все же движутся по долгому и тернистому пути в единую Европу.

В заключение имеет смысл рассказать о дальнейшей судьбе ЕАСТ, остающейся главной евроинтеграционной организацией для Швейцарии и Лихтенштейна. Оставшиеся

⁷⁰ Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М., 2009. С. 189 – 190, 200.

к началу 1990-х гг. три страны ЕАСТ стали частью рынка Европейского союза через Соглашение о Европейском экономическом пространстве, которое было подписано в 1992 г. и вступило в силу в 1994 г. В Соглашении о ЕЭП предусматривались: свободное движение товаров, услуг, капитала и людей; сотрудничество в области науки, образования, экологической и социальной политики; создание правовой системы, обеспечивающей реализацию общих правил и норм. Соглашение дополняют двусторонние договоры между государствами ЕАСТ и Европейским Союзом об импорте некоторых сельскохозяйственных продуктов, а также двусторонние договоры между ЕС и Норвегией, ЕС и Исландией о свободной торговле рыбой⁷¹.

Второй этап развития соглашений о свободной торговле начался в 1995 г. и стал ответом на так называемый Барселонский процесс. ЕАСТ подписала Декларацию о сотрудничестве с Египтом, Марокко и Тунисом, Организацией освобождения Палестины (ООП), Ливаном. Начало третьему этапу положило соглашение о свободной торговле с Канадой, заключенное в 1998 г. За ним последовало соглашение с МЕРКОСУР, куда входят Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай. Все соглашения с третьими странами касаются торговли промышленными товарами, продукции рыболовства и сельского хозяйства. Все тарифы на промышленные товары упраздняются, как только соглашение вступает в силу, хотя для отдельных стран могут быть сделаны небольшие исключения. Также начинают действовать специальные правила, касающиеся справедливой конкуренции, защиты прав интеллектуальной собственности, платежей, инвестирования⁷². Таким образом,

⁷¹ Камышевский В. И. Европейская ассоциация свободной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 6. С. 11.

⁷² Зорина А. Е. История развития Европейской ассоциации свободной торговли как альтернативного проекта европейской интеграции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 – 5(60). С. 71–72.

доминирующая в ЕАСТ Швейцария и ее немногочисленные партнеры проделали огромную работу по расширению географических связей организации, чутко улавливая такие же тенденции в Европейском Союзе.

Соглашение о ЕЭП привело и к внутренней реорганизации ЕАСТ, в которой появились еще две структуры: Наблюдательный орган ЕАСТ и Суд ЕАСТ. Штаб-квартира Наблюдательного органа ЕАСТ находится в Брюсселе (так же как и штаб-квартира Европейской комиссии), в то время как Суд ЕАСТ размещен в Люксембурге (как и Европейский суд).

Однако Швейцария решила пойти своим путем и заключить двусторонние соглашения с ЕС. В результате она не принимает участия в деятельности новых органов ЕАСТ. Таким образом, Швейцария избрала особый путь развития: отклонила присоединение к ЕЭП в 1992 г., а в 2001 г. отказалась вступать в ЕС. 21 июня 2001 г. на Конференции представителей стран ЕАСТ в Вадуце Стокгольмская конвенция об учреждении ЕАСТ была пересмотрена и адаптирована к современным условиям деятельности организации. Вадуцкие изменения скорректировали задачи Ассоциации, расширили рамки интеграции в сфере торговли и передвижения лиц, услуг, инвестиций, капиталов и платежей, защиты интеллектуальной собственности, государственных поставок. Усилилась координация в отношении введения защитных мер внутри ЕАСТ.

Современный вариант Конвенции об учреждении ЕАСТ в своих формулировках зачастую напоминает соответствующие положения Договора о Европейском экономическом сообществе 1957 г. и Соглашения о Европейском экономическом пространстве 1992 г. Вадуцкие изменения были призваны оживить деятельность организации, предоставить новые возможности для более

глубокой интеграции в торговой и экономической сферах⁷³.
Сложное и извилистое движение Швейцарии в единую Европу продолжается.

⁷³ *Дмитриева Д. В.* ЕАСТ в общеевропейском интеграционном процессе и позиция Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 162.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европейская интеграция – это сложный и неоднозначный процесс. На своём пути она прошла, различные этапы в своём развитии и будет ли он завершён и когда вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос. Европейские интеллектуалы, начиная с эпохи Просвещения, высказывали идеи о создании единой Европы. Однако на каждом новом этапе исторического развития она наполнялась новым содержанием, а вот конкретные условия европейские мыслители учитывали далеко, не всегда, принимая желаемое за действительное. Следует отметить, что интеграционный потенциал Европы опирался на солидную базу исторического и культурного единства европейских государств. Вместе с тем, на различных этапах истории стремление к европейскому объединению возникало, являлось реакцией на внешнюю опасность. Об этом свидетельствуют как идеи скандинавизма, так и, план А. Бриана, а также интеграция стран Запада во время советско-финской войны 1939-1940 гг.

Новый этап объединения, начавшийся после Второй мировой войны, во многом строился на противостоянии коммунизму в развернувшейся «холодной войне». Однако по-настоящему эффективную интеграционную модель удалось создать только тогда, когда заработали механизмы экономической интеграции, способствовавшие постепенному выравниванию уровней жизни, хозяйственного развития, преодолению экономических противоречий, долгое время остававшихся непреодолимыми препятствиями на пути европейского объединения. Экономическая интеграция оказалась более плодотворной, чем любые попытки объединения на основе политического противостояния. Сегодняшний этап

интеграции Европы имеет по-преимуществу политический характер, о чём свидетельствует, стремительное вступление в ЕС республик бывшего СССР и стран Восточной Европы и противостоянии дезинтеграционным процессам внутри ЕС. Насколько продуктивно объединение на основе противостояния покажет время.

Модели объединения Европы, предложенные Наполеоном и А. Гитлером, основанные на подчинении в той или иной степени других народов окончились полным провалом. При этом невероятные страдания испытали сами немцы, за ту авантюру, в которую их ввергли нацисты. Преодоление этого прошлого позволило Германии включиться в европейский интеграционный процесс и занять ведущее место в ЕС.

Родоначалница Евросоюза – Франция прошла путь от идеи объединения к её воплощению. Однако на этой дороге ещё достаточно много препятствий. И если экономические противоречия удаётся решать, идя на уступки, друг другу, то с политическим единством дело обстоит не так гладко.

На фоне идущей европейской интеграции даёт себя знать и региональный сепаратизм. В связи с этим перед странами ЕС встаёт трудно разрешимый вопрос о приоритетах. Главенствует ли право наций на самоопределение, над территориальной целостью государства или нет. Сами сепаратисты не хотят выходить из ЕС, но требуют независимости от национальных государств. От решения этой проблемы во многом зависит будущее ЕС.

Извилистым и тернистым является и вхождение в Единое европейское экономическое пространство и так называемых малых стран Европы (Австрии, Нидерландов, Швейцарии, Люксембурга и Лихтенштейна). Поиск этими государствами своей ниши в Единой Европе дело непростое и требующее времени.

Те трудности, которые встают перед странами ЕС могут быть разрешены в том случае если в процессе объединения не будет ненужной торопливости и политиканства. Подлинное единство, может дать только объединение, основанное на полном доверии, а не на конфронтации. Если такое будет возможно, то это вдохнёт новый импульс в движении к Единой Европе.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА I. ИДЕИ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ

1. Идеи Соединенных Штатов Европы и их обсуждение в XVIII – начале XX века

1. Андреева И.С. Проблема мира в западноевропейской философии. М.: Мысль. 1975.
2. Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть / Перевод с нем. В. В. и М. М. Альтман, с комментариями В. В. Альтмана. Вступ. статья В. П. Волгина. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1962.
3. Интернационал и Мировая Война. Документы по истории социализма и рабочего движения. Автор-составитель Карл Грюнберг. Пг. 1919.
4. История Европы. Т. 5. От французской революции XVIII века до первой мировой войны. М.: Наука, 2000.
5. Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия. Кн. 1. А - Л / отв. ред. Е.Ф. Губский и др.; Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
6. Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия. Кн. 2. М - Я / отв. ред. Е.Ф. Губский и др.; Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
7. Ленин В.И. О лозунге Соединенные Штаты Европы. Полн.собр.соч. Т. 26.
8. Ленин В.И. Тетрадь «γ». Полн.собр.соч. М.: Политическая литература. Т. 28.

9. Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. М.: Эксмо. 2013.
10. Международное бюро мира. — URL: <http://nobeliat.ru/laureat.php?id=120>
11. Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М.: Госполитиздат. 1955.
12. Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998.
13. Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. Петрозаводск. 1987.
14. Роттердамский Э. Философские сочинения. М.: Наука. 1986.
15. Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. Перевод с французского под редакцией и с комментариями Л.С. Цетлина. Вступительная статья В.П. Волгина. М.- Л.: Изд-во АН СССР. 1948.
16. Спадолини Дж. Европейская идея в период между Просвещением и Романтизмом. Перевод с итальянского / Д. Спадолини; отв. ред. В. П. Любин. СПб.: Петербург - XXI век: Данте Алигьери, 1993
17. Трактаты о вечном мире. Предисл. Ф.В. Константинова. Вводная статья в прим. И.С. Андреевой. Сост. сб. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. М.: Соцэргиз, 1963.
18. Чубарьян А.О. Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. М.: Международные отношения. 1987.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. //Электронная библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/>
20. Der Bund der Kommunisten. Dokumenten und Materialien. Band 1 - 1836 – 1849. Berlin: Ditz Verlag. 1970.
21. Streeruwitz Marlene. Über Bertha von Suttner. Wien. Mandelbaum Verlag. 2014.
22. Weitling W. Der Hilferuf der junge Generation. Paris. 1837.

**2. Истоки и идеи интеграции
и ее первое возникновение в Северной Европе**

1. Возгрин В.Е., Гончарова Т.Н., Пленков О.Ю., Соколов О.В. Из истории конституционного строительства в Западной Европе в Новое и новейшее время / Ред. А.В. Смолин. СПб.: Изд-во РХГА, 2014.
2. Becker-Christensen H. Frederik Barfod og den skandinaviske bevægelse i tiden før 1845 // Scandia. 1978. Vol.44. № 2.
3. Bjørn C. Frygten fra 1848. Bonde og husmandsuroen på Sjælland i foråret 1848, Odense: Landbohistorisk Selskab, 1985.
4. Bojsen Schmidt J. Fra Danehof til Folketing. København: Nyt Nordisk Forlag Arnold Busk, 1963.
5. Boox M. Svenska frivilliga till Danmark. Kriget 1848-1850 och 1864 // Militärhistorisk Tidskrift. Stockholm: Försvarshögskolan, 2004.
6. Bååt-Holmberg C.J.L. ”Frihetens sångar-ätt” i Sverige på 1840-talet : Gustaf Lorenz Sommelius. Johan Nybom. C. W. A. Strandberg. Wilhelm v. Braun. O. P. Sturzen-Becker. Literaturhistoriska studier. Stockholm: ALB. Bonniers Förlag. 1889.
7. Clausen H.N. Optegnelser om mit Levned og min Tids Historie. København: G.E.C. Gad, 1877.
8. Clausen J. Skandinavismen historisk fremstillet. Kjøbenhavn: Det nordiske forlag, 1900.
9. De Geer L. Minnen. Andra upplagan. Bd. I. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners Förlag, 1906.
10. Elvander N. ”Från liberal skandinavism till konservativ nationalism i Sverige” i Uppsatser Svensk historia. (Studentlitteratur). Lund. [Også publicert i Scandia 1961].
11. Ericson L. “Hugo Raab” // Svenskt Biografiskt Lexikon.

- Bd. 29. Stockholm: Riksarkivet, 1997.
12. Fabritius A. Frederik Barfod og Skandinavismen // Historisk Tidsskrift. 1939-1941. Bd. 10. R. V.
13. Furtenbach B. Sverige-Norges krigsmakt 1864. Till frågan om orsakerna till den politiska skandinavismens sammanbrott // Aktuellt och historiskt. Årg. 11. 1964.
14. Galster K. Den litterære Skandinavisme i Danmark og Sverige til ca. 1840 // Tidsskrift för Vetenskap, Konst och Industri. 1957.
15. Geschichte Schleswig-Holsteins. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. / Hrsg. U. Lange. Neumünster: Wachholtz Verlag, 1996.
16. Gustavsson H. Förlusten av Norge gav nordisk istid // SvD Kultur. 24. 03. 2009.
17. Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie. Bd. 11: Hvidt K. Det folkelige gennembrud. København: Gyldendal & Politiken, 1990.
18. Haarder Ekman K. Mitt hems gränser vidgades: en studie i den kulturella Skandinavismen under 1800-talet. Lund: Makadam i samarbete med Centrum för Danmarksstudier vid Lunds universitet, 2010.
19. Hansen T.I. Et skandinavisk nasjonsbyggingsprojekt. Skandinavisk Selskab (1864-1871). Oslo: Universitetsforlaget, 2008.
20. Hemstad R. Nordisk samklang med politiske dissonanser. Skandinavisme og skandinavisk samarbeid på 1800-tallet // Det nya Norden efter Napoleon. / Red. M. Engman og Å. Sandstrøm: Et særtrykk av Acta Universitatis Stockholmiensis. Utgitt i förbindelse med det 25. nordiske historikermötet i Stockholm 4.- 8. august 2004.
21. Hemstad R. Fra Indian Summer til nordisk vinter. Skandinavisme, skandinavisk samarbeid og unionsoppløsningen. Oslo: Akademisk publisering, 2008.

22. Hemstad R. Det norske akademiske samarbeidet og skandinavismen // *Civilsamhällets Norden. Papers presenterade på ett seminarium om nordiskt samarbete i januari 2004* / Red. Heidi Haggrén, Ruth Hemstad & Jani Marjanen. Helsinki: Centrum för Norden-studier vid Renvall-institutet i Helsingfors universitet, 2005.
23. Holm E. Danmarke politiske Stilling under den franske Revolution 1791-1797, særlig med hensyn til Sverige. København: Gad., 1869.
24. Jansson A. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. III, d. 3. 1844-1872. Stockholm: Norstedt, 1961.
25. Key E. Om Skandinaviens framtid. Stockholm: Bonnier, 1848.
26. Lallerstedt G. Skandinavien, dens farhågar och förhoppningar. Efter franska hufvudupplagan med ändringar och tillage. Stockholm: Anton Bonnier, 1856.
27. Lund H.C.A. Studenterforeningens Historie 1820-1870. Bd. I. København: Gyldendal, 1896.
28. Munch P.A. Om Skandinavismen i dens senere Skikkelse // *Norsk månedsskrift*, 1857.
29. Müllern H. Bismarck och de svenska krigsfångarna 1864 // *Aktuellt och historiskt*. Årgang 11. 1964.
30. Nilson S.S. Politisk afstand ved norske folkeavstemninger. Oslo: Gyldendal, 1972.
31. Orla Lehmans efterladte Skrifter udgivne af Carl Ploug. Bd. III. København: Gyldendal, 1873.
32. Petersen K. Danmarkshistoriens Hvornår skete det: fra istiden til 1960 år for år. København: Politikens forlag, 1969.
33. Ploug H. Carl Ploug. Hans Liv og Gerning. Del I. København: Gyldendal, 1905.
34. Rahbek K.L. Erindringer af mit Liv. D. I-V. Kjöbenhavn: J.H. Schultz, 1829.
35. Rosenberg C. Den politiske Skandinavisme: Hindringerne,

Nødvendigheden og Muligheden for dens Gennemførelse: Med Forslag til en skandinavisk Forbundsforfatningt København: Gyldendalske Boghandel, 1964.

36. Sannes J. Patrioter, Intelligens og Skandinaver. Norske Reaksjoner på Skandinavismen før 1848. Oslo: Universitetsforlaget, 1959.

37. Skov P. Aarenes Høst - Erindringer fra mange Lande. Kjöbenhavn: Munksgaard, 1835.

38. Solheim S. Sophus Bugge (1833–1907) // Leading Folklorists of the North / Red. Dag Strömbäck. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.

39. Stråth D. Historia som teleologi? Ett annat perspektiv på unionen Sverige-Norge // Sosiologi i dag. Årgang 35. Oslo: Novus Forlag. 2005. № 3.

40. Den svenska historien. Lexicon. Vol. 12. Stockholm: Bonnier, 1994.

41. Sylwan O. Sturzen-Becker och skandinavismen // Studier tillägnade Karl Warburg. Stockholm: Norstedts, 1912.

42. Sørensen Ø. Kampen om Norges Sjel. Norges idéhistorie. Bd. III. Oslo: Aschenhoug, 2001.

43. Tamm D. En rejse gennem Nordens historie. København: G.E.C. Gad, 1994.

44. Thorkildsen D. 1998: Nasjon, nasjonalisme og modernisering – noen sentrale problemer og posisjoner innenfor nasjonalismeforskningen // Kyrka och nationalism i Norden. Nationalism och skandinavism i de nordiska folkkyrkorna under 1800-talet. / Red. I. Brohed. Lund: University Press, 1998.

45. Thorsøe A. Den danske Stats Historie fra 1814 til 1848. København: C.A. Reitzel og Otto B. Wroblewski's Forlag, 1879.

3. Аристид Бриан и проект Европейского федеративного союза

1. Демичева Т.М. «Великий проект» Генриха IV как средство предотвращения войн в Европе //Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2015. № 14.
2. Документы внешней политики СССР. Том XIV. М., 1968.
3. Княжинский В.Б. Провал планов “объединения Европы”. М., 1958.
4. Международная политика в 1929 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М.: Изд-во Наркоминдел, 1931.
5. Международная политика в 1930 году: Договоры, декларации и дипломатическая переписка. М.: Изд. Наркоминдела, 1932.
6. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы /Перевод с франц. М., 1960.
7. Эмери Л. Моя политическая жизнь /Перевод с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
8. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918 – 1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amts. Serie B. (1925 – 1933). Bd. 1. 1. Göttingen, 1966.
9. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1921. Tome 1. Part.1. Paris, 1923.
10. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Tome 127. Session extraordinaire de 1925. Tome unique. Du 29 octobre au 31 décembre 1925. Paris, 1926.
11. Fleury A. Le plan Briand d’Union fédérale européenne. Les dimensions diplomatiques, 1929 – 1932 // Aristide Briand,

la Société des Nations et l'Europe. 1919 – 1932. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2007.

12. Kassen R. Preface du member d'Académie des Science de France, Président de “La Société des amis d'Aristide Briand” // Elisha A. Aristide Briand. Discours et écrits de la politique étrangère. Paris, 1965.

13. Ormesson W. d'. Qu'est-ce qu'un Français? Essai de psychologie politique Clemanceau, Poincaré, Briand. Paris, 1934.

14. Oudin B. Aristide Briand. La paix: une idée neuve en Europe. Paris, 1987.

15. Rémond R. Notre siècle de 1918 à 1988. // Histoire de France. Tome 6. Paris: Fayard, 1988.

16. Suarez G. Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits... Vol. VI. L'artisan de la paix. (1923 – 1932). Paris, 1952.

17. Unger G. Aristide Briand: Le ferme conciliateur. Paris: Fayard, 2005.

18. Vercors. Cent ans d'histoire de France.1. L'apogée de la République ou moi, Aristide Briand (1862 – 1932). Essai d'autoportrait . Paris: Plon, 1981.

19. Weltherrschaft im Visier. Dokumente. /Hrsg. und eingeleitet von W. Schumann und L. Nesler. Berlin, 1975.

ГЛАВА II. ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

1. Наполеон и процессы европейского объединения

1. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт, М.: Мысль, 1971.
2. Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой

французской революции. Якобинская республика и ее крушение. Ленинград, 1983.

3. Сборник РИО. Т. 70, СПб, 1890.

4. Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб, 1999.

5. Тарле Е. В. Континентальная блокада. Т.3. М., 1958.

6. Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона. Т.4. М., 1958.

7. Alexander R. S. Napoleon. London, New Delhi, New York, Sydney, 2001.

8. Archives parlementaires, Deuxième série, 1800 à 1860. Tome I-XI: recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises / imprimé par ordre du Corps législatif; sous la direction de J. Mavidal et E. Laurent. Paris, 1865-1867.

9. Bailleu P., Briefwechsel König Friedrich Wilhelm's III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander. Leipzig, 1900.

10. Boudon J.-O. L'exportation du modèle français dans l'Allemagne napoléonienne: l'exemple de la Westphalie // Napoléon et l'Europe, Colloque de La Roche-sur-Yon Rennes, 2002.

11. Boudon J.-O. La France et l'Europe de Napoléon. Paris, 2006.

12. Bourgoing P.-C.-A. de. Souvenirs militaires du Baron de Bourgoins (1791-1815). Paris, 1897.

13. Browsers M. Europe under Napoleon, 1800-1815. London, 1996.

14. Considération sur le département de la Roer. Aix-la-Chapelle, 1811.

15. Correspondance de Napoléon Ier publié par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris, 1858-1870. 32 vol.

16. Desmond G. Napoleon's Italy. Fairleigh Dickinson University Press, 2001.

17. Driau E. Napoléon, le génie de l'Ordre //Revue des études napoléoniennes. Janvier 1930.

18. Dufraisse R. Blocus continental. Dictionnaire Napoléon. Paris, 1987.
19. Dufraisse R. L'industrialisation de la rive gauche du Rhin // Revue du Souvenir Napoléonien. 1971. №. 257.
20. Dufresse R. L'Allemagne à l'époque napoléonienne. Bonn-Berlin, 1992.
21. Faber du Faur G. de. Campagne de Russie 1812 d'après le journal illustré d'un témoin oculaire. Paris, 1895.
22. Frasca F. Les italiens dans l'armée française (1796-1814) recrutement et encadrement. Paris, 2010.
23. Geoffrey E. The Napoleonic Empire. London, New York, 2003.
24. Laugier C. de. La Grande Armée. Récits de Césaire de Laugier, officier de la garde du prince Eugène. Paris.
25. Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. La France et l'Europe de Napoléon, 1804-1814. Paris, Fayard, 2007.
26. Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. 10. L'Empire de Napoléon. Paris, 1946.
27. Magescas Xavier A. Le royaume de Westphalie, tentative d'instauration d'un "Etat-Modèle" // Revue de Souvenir Napoléonienne. 2004. № 2004.
28. Metternich C.W.L., prince de. Mémoires, documents et écrits divers. T.2. Paris, 1880-1884.
29. Poniatowski M., Talleyrand et le Consulat. Paris, Librairie Académique Perrin, 1986.
30. Rapp J. Mémoires écrit par lui-même et publié par sa famille. Paris, 1823.
31. Répertoire universel et raisonné de jurisprudence. T.4. Paris, 1813.
32. Savary A.-J.-M.-R. Mémoires du duc de Rovigo. 8 vol. Paris, Londres, 1828.
33. Schieder W. Sécularisations et médiatisations dans les quatre départements de la rive gauche du Rhin (1794-1814) //

Annales historiques de la Révolution française. 1991. Volume 286. № 1.

34. Schroeder P. The transformation of European politics, 1763-1848. Oxford University Press, 1994.

35. Tulard J. Le Grand Empire, 1804-1815. Paris: Fayard, 1982.

36. Tulard J. Napoléon, ou le mythe du sauveur. Paris: Fayard, 1977.

37. Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier, l'alliance russe sous le premier Empire. 3 vol. Paris, 1893-1896.

38. Zaghi C. L'Italia di Napoleone dalla Cisalpina al Regno. Torino, 1986.

2. Гитлеровское геополитическое планирование будущего Европы под немецкой гегемонией и его реализация

1. Баринов И. Направление - Украина. Опыт изучения нацистской оккупационной политики М., 2014.

2. Безыменский Л. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999.

3. Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994.

4. Васильченко А. «Евросоюз» Гитлера. История объединенной Европы, которую не принято вспоминать М., 2015.

5. Герцштейн Р. Война, которую Гитлер выиграл. Смоленск, 1996.

6. Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики. Казань, 2001.

7. Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995.

8. Дриё ла Рошель П. Фашистский социализм. СПб., 2001.

9. Ермолов И. Три года без Сталина. М., 2010.

10. Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001.

11. Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991.
12. Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. М., 1998.
13. Откровения и признания. Нацист. верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996.
14. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. М., 2005.
15. Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994.
16. Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2014.
17. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
18. Умбрайт Г. Германская оккупационная администрация // Вторая мировая война. Дискусии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997.
19. Ферро М. Семь главных лиц войны, 1918-1945: Параллельная история. М., 2014.
20. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997.
21. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Петербург, 1922.
22. Штрассер О. Гитлер и я. Ростов-на-Дону, 1999.
23. Auerbach H. Die Einheit Dirlwanger. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1962, H. 3.
24. Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965.
25. Brenner H. Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. Reinbek bei Hamburg, 1963.
26. Broszat M. 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963.
27. Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. Frankfurt

- am Main, 2000.
28. Churmly J. The End of Glory. London, 1992.
 29. Corni G., Gies H. Blut und Boden. Rassenideologie und Agrarpolitik im Staate Hitler. Idstein, 1994.
 30. Dawidowicz L. Der Krieg gegen den Juden 1933–1945. München, 1979.
 31. Dehio L. Gleichgewicht oder Hegemonie. Krefeld, 1948.
 32. Das Deutsche Reich und den Zweite Weltkrieg. Bd. 1, Hrsg. vom Militärpolitischen Forschungsamt. Stuttgart, 1979.
 33. Deschner G. Rainhard Heydrich. Esslingen am Neckar, 1977.
 34. Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bd. I. Hrsg. von E. Jäckel, P. Longerich, J. Schoeps. Berlin, 1990.
 35. Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion 1940/41. Berlin, 1970.
 36. Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1974.
 37. Grebing H. Nationalsozialismus. Ursprung und Wesen. Wien, 1964.
 38. Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958.
 39. Haffner S. Anmerkungen zu Hitler. München, 1978.
 40. Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. Frankfurt am Main, 1994.
 41. Hirschfeld G. Fremdherrschaft und Kollaboration. Die Niederlande unter deutscher Besatzung 1940–1945. Stuttgart, 1984.
 42. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1-2. München, 1987.
 43. Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Augsburg, 1992.
 44. Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1998.
 45. Jochmann W. (Hg) Adolf Hitler. Monologe im

- Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. Hamburg, 1980.
46. Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996.
47. Klucke P. Nationalsozialistische Europaideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1955, H. 3.
48. Koehl R.L. RKFDV. German Resettlement and Population policy 1939–1945. Cambridge, 1957.
49. Kwiet K. Reichskommissariat Niederlande. Versuch und Scheitern nationalsozialistischer Neuordnung. Stuttgart, 1968.
50. Lebor A., Boyes R. Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002.
51. Longerich P. Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparates durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann. München, 1992.
52. Looock H.-D. Quisling, Rosenberg und Terboven. Zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen. Stuttgart, 1970.
53. Madajczyk C. Deutsche Besatzungspolitik in Polen, in der UdSSR und in den Ländern Südeuropas. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23, Düsseldorf, 1992.
54. Maser W. Das Regime. München, 1998.
55. Messemer A. André François-Ponce und Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. H. 4. 1991.
56. Milligan T. The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union 1942–1943. New York, 1988.
57. Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919-1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970.
58. Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht,

- Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991.
59. Nestler L. (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Belgien, Luxemburg und den Niederlanden. Berlin, 1990.
60. Neulen H. W. Deutsche Besatzungspolitik in Westeuropa– zwischen Unterdrückung und Kollaboration. // Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992.
61. Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.
62. Nolte E. Streitpunkte. Heutige und künftige Kontroversen um den NS. Berlin, 1993.
63. Piotrowski T. Poland's Holocaust. Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918–1947. Jefferson/N.C., 1998.
64. Die polnisch-deutschen und polnisch-sowjetrussischen Beziehungen 1933–1939. Dokumente und Urkunden zum Kriegsausbruch. Basel, 1940.
65. Reichling G. Die Heimatvertriebenen im Spiegel der Statistik. Berlin, 1958.
66. Roos H. Polen und Europa. Studien zur polnischen Außenpolitik. Tübingen, 1957.
67. Röhr W. (Hg) Die faschistische Okkupationspolitik in Polen (1939–1945). Berlin, 1989.
68. Schulte J. E. Vom Arbeits- zum Vernichtungslager. Die Entstehungsgeschichte von Auschwitz-Birkenau // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2002, 1.
69. Seraphim H.-G. (Hg) Das politische Tagebuch Alfred Rosenberg aus den Jahren 1934–1935 und 1939–1940. München, 1964.
70. Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (Hg) Die braune Elite II, Darmstadt, 1998.
71. Smith B., Peterson A. (Hg) Heirich Himmler Geheimreden

1933 bis 1945 und andere Ansprachen. Berlin, 1974.

72. Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970.

73. Steinert M. Hitler. München, 1994.

74. Weber W. Die innere Sicherheit im besetzten Belgien und Nordfrankreich 1940-1944. Düsseldorf, 1978.

75. Westfal O. Weltgeschichte der Neuzeit. Stuttgart, 1953.

76. Zitelmann R. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Hamburg, 1987.

3. Финансово-экономическое объединение Запада в условиях локальной поддержки Финляндии в «зимней войне»

1. Барышников В.Н. План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива министерства иностранных дел Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009.

2. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

3. Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999.

4. Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999.

5. Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1, 2. М., 1992.

6. Зимняя война 1939-1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М., 2009.

7. Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран в

годы Второй мировой войны. М., 1967.

8. Baryšnikov V. Kansainliitto ja talvisota // Ulkopoliitiikka. 2005. Vo2. № 2.

9. Colder A. The Peoples War: Britain 1939-1945. N.Y., 1969.

10. Gripeberg G.A. Lontoo-Vatikaani-Tukholma. Hels., 1960.

11. Häikiö M. Suomi jäi yksi talvisodassa – vai jäikö? // Kanava. 1989. № 6.

12. Lehtinen A. Sotatalous 1939— 1945 // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919—1950. Porvoo-Hels., 1967.

13. Mannerheim G. Muistelmat. Os. II. Hels., 1952.

14. Nevakivi J. Ranska Suomelle talvisodan 1939-40 aikana tarjoamasta sotilasavustus // Taide ja ase. 1976. № 34.

15. Nevakivi. J. Apujota ei pyydetty. Hels., 1972.

16. Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. Hels.-Porvoo, 1951.

17. Pihkala E. Kuinka jatkosota kesti taloudellisesti // Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo-Hels.,-Juva, 1982.

18. Pihkala E. Sotatalous 1939-44 // Suomen taloushistoria. Os. 2. Hels., 1982.

19. Seppinen I. Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002.

20. Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939-1944. Hels., 1983.

21. Seppinen I. Talvisodan talous – ensimmäinen askel rauhasta sotaan // Kansakunta sodassa. I osa. Hels., 1989.

22. Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1951.

23. Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Jyväskylä, 1997.

**ГЛАВА III.
ЕДИНАЯ ЕВРОПА
СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.
И ПРОБЛЕМЫ В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ**

**1. Германия в европейском интеграционном процессе
во второй половине XX – начале XXI вв.**

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.
3. Бергер Питер Л. Культурная динамика глобализации // Бергер П., Хантингтон С. (ред.) Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.
4. Бергер С. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии 1949-82 гг. // Историческая политика в XX веке. М., 2012.
5. Борозняк А. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и XXI веков. М., 2013.
6. Брюкнер П. Тирания покаяния. СПб, 2009.
7. Васильченко А. «Евросоюз» Гитлера. М., 2015.
8. Винклер Г. Веймар 1918-1933. История первой немецкой демократии. М., 2013.
9. Винклер Х. А. Расставание с особыми путями: итоги и перспективы // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. М., 2012.
10. Гренвилл Д. История XX века. Люди, события, факты. М., 1999.
11. Гюнтер Г.Ф.К. Мои впечатления об Адольфе Гитлере. М., 2013.

12. Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001.
13. Дэвис Н. История Европы. М., 2006.
14. Кемп Ф. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на Земле. М., 2013.
15. Кёниг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М., 2012.
16. Крейг Г. Немцы. М., 1999.
17. Лёзина Е. Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ) // Вестник общественного мнения. 2011. № 3.
18. Лоу К. Жестокий континент. Европа после Второй мировой войны. М., 2013.
19. Марголина С. Конец прекрасной эпохи // Неприкосновенный запас. 2002. № 2.
20. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М., 2001.
21. Саррацин Т. Европе не нужен евро. М., 2015.
22. Ферро М. Семь главных лиц войны, 1918-1945: Параллельная история. М., 2014.
23. Хаттон У. Мир, в котором мы живем. М., 2004.
24. Шевенман Ж.-П. 1914-2014. Европа выходит из истории? М., 2015.
25. Шерер Ю. Германии и Франция: проработка прошлого // Историческая политика в XX веке. М., 2012.
26. Ян, Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М., 2014.
27. Augstein R. Konrad Adenauer. London, 1964.
28. Brechtken M. Mehr als Historikergeplänkel. Die Debatte um „Das Amt und Vergangenheit“ // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2015. № 1.
29. Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1987.
30. Ertel M., Kunz K., Mayer W. „Das Vierte Reich“ // Der

Spiegel. 2015. № 13.

31. Glaser H. Kleine deutsche Kulturgeschichte. Frankfurt am Main, 2004.

32. Große Kracht K. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen, 2005.

33. Großkopff R. Unsere 60er Jahre. Wie wir wurden, was wir sind. Frankfurt am Main, 2007.

34. Herf J. Divided Memory. The Nazi Past in the Two Germanies. Cambridge, 1997.

35. Kilmansegg P. Lange Schatten. Vom Umgang der Deutschen mit der nationalsozialistische Vergangenheit. Berlin, 1999.

36. Kilmansegg P. "Nach der Katsartrrophe". Berlin, 2005.

37. Kittel M. Die Legende von der „Zweiten Schuld“. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Frankfurt am Main, 1993.

38. Krockow Chr. Graf von, Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890-1990. Reinbeck bei Hamburg, 1992.

39. Mitscherlich A. und M. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. München, 1998.

40. Mohler A. Im Dickicht der Vergangenheitsbewältigung- In: Handbuch zur Deutsche Nation. Bd. 2. Tübingen, 1987.

41. Nolte E. Die Deutschen und ihre Vergangenheiten. Berlin, 1995.

42. Proske R. Vom Marsch durch die Institutionen. Zum Krieg gegen die Wehrmacht. Mainz, 1997.

43. Reichel P. Politische Kultur der BRD. Stuttgart, 1981.

44. Ritter G. Über Deutschland. München, 1998.

45. Schöllgen, G. Geschichte der Weltpolitik von Hitler bis Gorbatschow 1941-1991. München, 1996.

46. Schwilk H. Wendezeit – Zeitenwende. Beiträge zur Literatur der achtziger Jahre. Bonn, Berlin: Bouvier, 1991.

47. Sebald W.G. Luftkrieg und Literatur. München, 1999.

48. Strauß B. Anschwellender Bocksgesang // Der Spiegel.

1993. № 6.

49. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 5, München, 2008.

50. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Zweiter Band. Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. München, 2002.

2. Франция и ее роль в объединении Европы во второй половине XX – начале XXI в.

1. Акимов Ю. Г., Костюк Р. В., Чернов И. В. Франция в мировом порядке начала XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.

2. Антюхина-Московченко В. И. Шарль Де Голль и Советский Союз. М.: Книга, 1990.

3. Арзаканян М. Ц. Политическая история Франции XX века. М.: «Высшая школа», 2003.

4. Борко Ю. А. От европейской идеи – к единой Европе. М.: Изд. дом «Деловая литература», 2003.

5. Костюк Р. В. Левые силы Франции и европейское строительство: 1980–1990-е годы / Научн. ред. К. К. Худолей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

6. Обичкина Е. О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М.: МГИМО, 2004.

7. Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции от Де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012.

8. Осипов Е. А. Европейские идеи Жоржа Помпиду // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 33.

9. Осипов Е. А. Внешняя политика Франции в период президентства Жоржа Помпиду (1969–1974). М.: ИВИ РАН, 2013.

10. Праг А. Франция в Европе. М.: Воскресенье, 1996.

11. Ратиани Г. М. Франция: судьба двух республик. М.: «Мысль», 1980.
12. Рубинский Ю. И. Национальная идея в политической культуре Франции. М.: Огни, 2004.
13. Рубинский Ю. И. Франция. Время Саркози. М.: «Международные отношения», 2011.
14. Ферро М. История Франции. М.: Изд-во «Весь мир», 2015.
15. Франция в поисках новых путей. М.: Изд-во «Весь мир», 2007.
16. Чубарьян А. О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М.: «Международные отношения», 1987.
17. Bézias J.-R. Georges Bidault et la politique étrangère de la France: Europe, États-Unis, Proche-Orient, 1944–1948. Paris: L'Harmattan, 2006.
18. Bézias J.-R. Prélude au Conseil de l'Europe: la déclaration de Georges Bidault à La Haye // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2005/4 (n° 220).
19. Bossuat G. Histoire de l'Union européenne. Fondations, élargissement, avenir. Paris: Éditions Belin, 2009.
20. Bossuat G. Faire l'Europe sans défaire la France: 60 ans de politique d'unité européenne des gouvernements et des présidents de la République française (1943–2003). Paris: Édit. Peter Lang, 2005.
21. Cousté P.-B., Visine F. Pompidou et l'Europe. Paris: Litec, 1974.
22. Duroselle J.-B. Histoire de l'Europe. Paris: France Loisirs, 1991.
23. Lacouture J. De Gaulle: En 3 tomes. T. 1: Le rebelle (1890–1944). T. 2: Le politique (1944–1959). T. 3: Le souverain (1959–1970). Paris: Éditions du Seuil, 1985.
24. Poidevin R. (dir.). Les débuts de la construction européenne. Bruxelles: Bruylant, 1986.

25. Soutou G. H. Georges Bidault et la construction européenne // Revue d'histoire diplomatique. 1991. Vol. 3–4.
26. Soutou G.-H. L'Europe de 1815 à nos jours. 3e edition. Paris: PUF, 2007.
27. Vaïsse M. Georges Bidault // Politique étrangère. 1986. № 1. 51e année.
28. Vaïsse M., Woimant M. Georges Pompidou et l'Europe. Paris: Complexe, 1995.

3. Наднациональная европейская идентичность в условиях регионального сепаратизма

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ. 2012.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.
3. Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М.: ИНФРА-М. 2008.
4. Кондратьева Н. Региональная политика на перепутье // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. Под ред. О.Ю. Потемкиной. М.: Весь мир. 2012.
5. Марусенко М.А. Языковая политика Европейского Союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та. 2014.
6. Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике. М.: Огни ТД, 2006.
7. Пузырев К.С. Проблемы типологизации и оценки потенциала различных типов регионального сепаратизма в странах Западной Европы // Вестник КемГУ. 2011. № 4 (48).
8. Региональная политика стран ЕС. / отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН. 2009.

9. Родрик Д. Политическая интеграция в Европе отстала от экономической. // Ведомости. – 2010. – 25 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/05/25/politicheskaya-integraciya-v-evrope-otstala-ot-jekonomicheskoy> (дата обращения: 19.05.2015).
10. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. / под ред. Г. Балакришнана. М.: Праксис. 2002.
11. 35 years of Eurobarometer. European integration seen by public opinion in the Member States of the European Union. 1973-2008. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/docs/35_years_en.pdf (дата обращения: 20.09.2015).
12. Alesina A., Spolaore E. On the Number and Size of Nations. // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 212, № 4, 1997. P. 1027-1056. [Электронный ресурс]. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic107502.files/Alesina_and_Spolaore_On_the_Number_and_Size_of_Nations.pdf (дата обращения: 11.08.2015).
13. Bakker R., Edwards E., Hooghe L., Jolly S., Marks G., Polk J., Rovny J., Steenbergen M., Vachudova M. Measuring Party Positions in Europe: The Chapel Hill Expert Survey Trend File, 1999-2010. // Party Politics. 2015 21.1. P. 143-152. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chesdata.eu/Papers/PP_2015.pdf (дата обращения: 13.07.2015).
14. Bottici C., Challand B. Imagining Europe. Myth, Memory, and Identity. Cambridge University Press. 2013.
15. Bötticher A., Mares M. Conceptualizing New Forms of Separatism in Europe. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/3dc79fac-fb1c-4576-8dc6-2c3758362768.pdf> (дата обращения: 7.06.2015).
16. Committee of the Regions. The Future of Cohesion.

- [Электронный ресурс]. URL: <http://cor.europa.eu/en/takepart/Pages/cohesion-project.aspx> (дата обращения 28.09.2015)
17. Committee of the Regions. Open days. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/opendays/od2015/about_od.cfm (дата обращения 28.09.2015)
18. Dandoy R. Ethno-regionalist parties in Europe: a typology. // Perspectives on Federalism, Vol. 2, Issue 2, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://on-federalism.eu/attachments/074_download.pdf (дата обращения: 10.09.2015).
19. Dayton R. Separatism, Globalization, and the European Union. Miami-Florida European Union Center of Excellence. Vol. 15 No. 1 February 2015. P. 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.as.miami.edu/media/Dayton_SeparatismGlobalizationEU.pdf (дата обращения: 06.08.2015).
20. De Winter L. The Impact Of European Integration on Ethnoregionalist parties. // WP núm. 195. Institut de Ciències Polítiques i Socials. Barcelona. 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www.icps.cat/archivos/WorkingPapers/WP_I_195.pdf (дата обращения: 27.07.2015).
21. Elias A. From euro-enthusiasm to euro-scepticism? A re-evaluation of minority nationalist party attitudes towards European integration. // Regional and Federal Studies. 2008. 18(5). P. 557-581. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13597560802351598> (дата обращения: 13.07.2015).
22. Eurobarometer Standart 71. Spring 2009. Future of Europe. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения: 22.07.2015).
23. Eurobarometer Standart 77. Spring 2012. European Citezenship. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf (дата обращения: 22.07.2015).

24. Eurobarometer Standard 81. Spring 2014. [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_first_en.pdf (дата обращения: 25.09.2015).
25. Europe 2020. A European Strategy for smart, sustainable and inclusive growth. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 19.05.2015).
26. European elections 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/elections2004/ep-election/sites/en/results1306/graphical.html> (дата обращения: 03.08.2015).
27. European elections 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/20150201PVL00021/In-the-past> (дата обращения: 03.08.2015).
28. European elections 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/aboutparliament/en/20150201PVL00021/In-the-past> (дата обращения: 03.08.2015).
29. Eurostat “Gross domestic product (GDP) at current market prices by NUTS 2 regions” // [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/regions/data/database> (дата обращения: 11.09.2015).
30. Eurostat “Population on 1 January by age, sex and NUTS 2 region”. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/regions/data/database> (дата обращения: 11.09.2015).
31. Habermas J. The crisis of the European Union. A response. Cambridge.: Polity. 2012.
32. Jolly S.K. A Europe of Region? Regional integration, Sub-National Mobilization and the Optimal Size of States. Duke University. 2006.
33. Jolly S. The Europhile Fringe in Retreat? Evolving Regionalist

- Support for European Integration. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jhubc.it/ecpr-porto/virtualpaperroom/102.pdf> (дата обращения: 13.07.2015).
34. Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in its Origin and Background. Transaction Publishers. 1961.
35. Langlois P. Typologie du separatism en Europe. // Taurillon. – 2008. – 5 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taurillon.org/Typologie-du-separatisme-en-Europe> (дата обращения: 1.06.2015).
36. Leeuw Roord van der J. A common textbook for Europe? Utopia or a Crucial Challenge? [Электронный ресурс] URL: http://www.culturahistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf (дата обращения: 20.07.2015).
37. Lynch P. Minority Nationalism and European Integration. Cardiff, University of Wales Press, 1996.
38. Marks, G., Wilson, C. J., Ray, L. National Political Parties and European Integration. // American Journal of Political Science. 2002. 46(3). P. 585-94. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unc.edu/~gwm/~/assets/doc/Marks.Wilson.Ray.political%20parties%20and%20european%20integration.pdf> (дата обращения: 13.07.2015).
39. Massetti E, Schakel A. H. Ideology matters: why decentralization has a differentiated effect on regionalist parties' fortunes in Western democracies // European Journal of Political Research, first published online, February 27, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unc.edu/~gwm/~/assets/doc/Marks.Wilson.Ray.political%20parties%20and%20european%20integration.pdf> (дата обращения: 13.07.2015).
40. Mission Statement. Committee of the Regions. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://cor.europa.eu/en/about/Documents/Mission%20statement/EN.pdf>(дата обращения: 08.07.2015).
41. Monitoring Table FCNM. [Электронный ресурс]. <http://>

www.coe.int/en/web/minorities/home (дата обращения: 08.07.2015).

42. Monitoring Table ECRML. [Электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=148&CM=8&DF=&CL=ENG> (дата обращения: 08.07.2015).

43. Regional policy for the Community. Commission of the European Communities. COM (69) 950. 1969. [Электронный ресурс]. URL: <http://aei.pitt.edu/5325/1/5325.pdf> (дата обращения: 08.07.2015).

44. Regionalist parties in Western Europe. De Winter L., Tursan H. (eds.). Routledge, London and New York. 1998.

45. Review. Les Élections Europeenes et nationales en chiffres. Edition spéciale – Novembre 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/pdf/elections_results/review.pdf (дата обращения: 03.08.2015).

46. Rodrik, D. The inescapable trilemma of the world economy. [Электронный ресурс]. URL: http://rodrik.typepad.com/dani_rodriks_weblog/2007/06/the-inescapable.html (дата обращения: 19.05.2015).

47. Sassatelli M. Becoming Europeans. Cultural Identity and Cultural Policies. Palgrave Macmillan. 2009.

48. Seiler D.-L. Défendre la périphérie. // Les partis régionalistes en Europe. Des acteurs en développement? Delwit P. (ed.), Editions de l'Université de Bruxelles, Bruxelles. 2005. P. 21-50. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/2615125/Les_partis_régionalistes_en_Europe_Des_acteurs_en_développement (дата обращения: 10.09.2015).

49. Smith A.D. The Ethnic Origin of Nations. Wiley-Blackwell. Reprinted ed. 1991.

50. Spanish income tax rates 2015 by region (comunidad). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advoco.es/hot-topics/109-spanish-income-tax-rates-2015-by-region->

comunidad.html (дата обращения: 07.07.2015).

51. Strath V. A European Identity: To the Historical Limits of a Concept. // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. pp. 387-401. [Электронный ресурс]. URL: http://www.researchgate.net/publication/254091325_A_European_Identity (дата обращения: 26.08.2015).

52. Strmiska M. Conceptualization and typology of European regional parties: a note on methodology. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=167> (дата обращения: 10.09.2015).

53. Szöcsik E. Minority nationalist parties and European integration: Europeanists par excellence? // Presented at the EUSA, Baltimore, 9-11 May. [Электронный ресурс]. URL: http://euce.org/eusa/2013/papers/4d_szoecsik.pdf (дата обращения: 13.07.2015).

54. Tax revenue in England, Scotland, Wales and Northern Ireland. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifs.org.uk/publications/6881> (дата обращения: 07.07.2015).

4. Проблемные аспекты вхождения малых стран в Единую Европу

1. Алоис. Лихтенштейн в глобализующемся мире // Современная Европа. 2006. № 4 (28).

2. Васильев В. И. Австрийская идентичность и европейская интеграция // Обозреватель—Observer. 2013. № 12.

3. Воронков Л. С. О многообразии интеграционных процессов в Европе // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 4 (31).

4. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. В. Я. Швейцера. М.: Издательство «Весь Мир», 2009.

5. Дикович А. С., Колесников С. Д., Матяс А. А. Роль внешней торговли в экономическом развитии малых стран Западной Европы // *Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права.* 2013. № 2 (42).
6. Дмитриева Д. В. ЕАСТ в общеевропейском интеграционном процессе и позиция Швейцарии // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2008. № 4.
7. Жиряков И. Г., Макаренков М. В. Завершение «австрийского пути» в ЕС; сторонники и противники евроинтеграции // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки.* 2014. № 4 (16).
8. Зорина А. Е. История развития Европейской ассоциации свободной торговли как альтернативного проекта европейской интеграции // *Известия Алтайского государственного университета.* 2008. № 4–5(60).
9. Камышевский В. И. Европейская ассоциация свободной торговли // *Российский внешнеэкономический вестник.* 2008. № 6.
10. Костюченко А. С. Бенилюкс в путях миграции // *Современная Европа.* 2006. № 4 (28).
11. Костюченко А. С. Социально-экономическое развитие стран Бенилюкс на разных этапах западноевропейской интеграции // *Вестник Московского университета. Серия 5: География.* 2007. № 1.
12. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
13. Лескова И. В. Экономическая система межгосударственных объединений (на примере Бенилюкса, СНГ и ЕС) // *Вісник Дніпропетровського університету.*

2013. Т. 20. Вип. 23(3).

14. Макаренков М. В. Австрия и европейская экономическая интеграция (1945–1960 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5.

15. Матяс А. А., Колесников С. Д., Дикович А. С. Особенности государственного регулирования экономик малых стран Западной Европы // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2015. № 1 (45).

16. Романова Л. Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 7 (294). С. 61–69.

17. Смоленчук О. Ю. Эволюция внешней политики королевства Нидерланды в рамках европеизма и атлантизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1.

18. Хахалкина Е. В. Участие Великобритании в Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) и оформление британским правительством Г. Макмиллана первой заявки на вступление в Европейские сообщества (1960–август 1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2(3).

19. Ходов Л. Г. Лихтенштейн: секреты процветания // Современная Европа. 2005. № 4 (24). С. 99–109.

20. Ходов Л. Г. Экономическое состояние и проблемы великого герцогства Люксембург // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 6.

21. Чарушина О. Б. Экономические последствия членства Австрии в Европейском союзе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 1.

22. Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 4 (36).

Именной указатель

- Абетц О. 248
Август 168, 210
Августа-Амалия 156, 186
Адам В. 280
Адам Г. 280
Адамс Дж. 406
Аденауэр К. 348, 349, 351, 355, 358, 369, 370, 372- 375, 382, 387, 388, 390, 409, 445
Алезина А. 486
Александр I 25, 151, 154, 163-165, 192, 196, 209
Андреева И. С. 18, 571, 572
Антюхина-Московченко В. И. 591
Алексэндр Р. 152
Аллен У. 34
Алоис [Филипп Мария Лихтенштейнский] 560, 562, 559, 599
Алькье 186
Альмквист К. 79
Альтман В.В. 571
Альтман М. М. 571
Андре-Жиллуа М. 453
Андреева И. С. 45
Анна, вел. княжна 164
Арбатова Н. К. 556, 557, 600
Арендт Х. 356
Арзаканян М. Ц. 591
Ассман А. 397, 398, 588
Астерикс 408
Ахмадинежад М. 394
Байер Ф. 48
Баке Г. 302, 306
Балкенеде Я. П. 537
Барни Ж. 42
Бакунин М. А. 43, 45
Бар Э. 388, 389
Баринов И. 287, 581
Баррозу Ж. М. 509
Барфод Ф. 68, 71, 72, 73
Барышников В. Н. 2, 7, 316, 334, 586, 620
Барышников Н. И. 316, 334, 586
Бауэр Ф. 379
Бах-Зелевский Э. 278
Беернарт О. 52
Безьяс Ж.-Р. 437
Безымянский Л. 276
Бек Ю. 262
Белл Дж. 396
Бенеш Э. 279
Беньо Ж.-К. 175-177, 179
Бергер П. Л. 419, 588
Бергер С. 383, 400, 588
Берлускони С. 403
Бернадотт 65
Бернсторф 132

- Бернхард Г. 365
Бертело Ф. 149
Бест В. 242, 250, 257
Бетичер А. 483, 484
Бетман-Гольвег Т. 120, 121, 284
Бивербрук 396
Бидо Ж. 426-433, 435-439, 448, 450, 478, 480
Бильдерлинг, бароны 304
Билле К. С. 111
Биркеланд 107
Бисмарк О. 102, 284, 285, 296, 308, 358, 375
Блан Л. 40, 45, 47
Бласковиц Й. ф. 245
Блок М. 417
Бломберг В. ф. 228
Блохер К. 403
Блуме К. А. 101
Блэр Т. 474
Блюм Л. 429, 434
Богарне Евгений 156, 167, 186, 204
Боегнер Ж.-М. 458
Бойцов М. А. 434
Бок Ф. ф. 304
Болаффи А. 419
Бонапарт Ж. 156
Борко Ю. А. 591
Борман М. 276, 282, 289, 581
Борозняк А. 357, 366, 588
Бортошевский В. 394
Босси У. 403
Боттичи К. 505
Брадфиш О. 378
Бразильяк Р. 453, 454
Брандт В. 308, 358, 375, 376, 383, 385, 387, 388, 389, 390, 391, 536
Брахт Ф. 277
Брентано Г. ф. 387
Бриан А. 6, 119, 122-132, 136, 137, 139, 142, 145, 147-149, 217, 433, 568
Броверс М. 152
Брокгауз Ф. А. 37, 572
Брошат М. 379
Брубейкер Р. 484, 593
Брюгманс Х. 435
Брюкнер П. 346, 348, 415, 422, 588
Буань де 193, 194
Бугге С. 114
Будон Ж.-О. 152
Букман Ф. 350, 351
Буллок А. 226, 267, 581
Бургуэн де 205
Буххайм Х. 379
Бьёрнсон Б. 107, 108
Бюркель Й. 248
Вагнер Р. 245, 248
Вайс П. 380
Вальден Р. 326
Вальзер М. 422
Ванденберг А. Г. 431
Васильев В. И. 545, 554, 599

- Васильева Н. Ю. 443
Васильченко А. 232, 414, 581, 588
Вассерман Р. 421
Вассоевич А. Л. 2
Вашингтон Дж. 25
Вегенер О. 294
Ведрин Ю. 470
Вейтлинг В. 32, 571
Векбреккер А. 267
Велер Х.У. 360, 386, 397, 398, 399
Венер Г. 369
Веркор 137, 144
Верюэль 215
Вестервелле Г. 403
Вестфаль О. 217
Виле ван де 258
Вильгельм II 54, 409
Винклер Г. 423, 588
Винклер Х. А. 419, 588
Виннету 301
Вихавайнен Т. 320, 321, 324, 327, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 586
Возгрин В. Е. 2, 5, 99, 573, 619, 620
Волгин В. П. 571, 572
Вольтер Ф.-М. 17, 18, 169
Вольф К. 379
Воронков Л. С. 532, 533, 599
Ворсё Й.Я. 87
Ворхув Й. 534
Габсбурги, династия 27, 121, 155, 157, 165, 188, 189, 191, 545
Габчик 281
Гамильтон Г. 110
Гамильтон Х. 97
Гарибальди Дж. 38, 40, 41, 42, 45, 47
Гаспери А. д. 370, 372
Гаха Э. 279
Геббельс Й. 229, 231, 234, 246, 247, 249, 274, 582
Гегель Г. В. Ф. 25
Гейдрих Р. 236, 268, 280, 281, 286
Гейер Э. 66
Гейне Г. 26
Геллнер Э. 485, 593
Гендерсон А. 147, 148
Генрих Лев 274
Генрих IV 18, 24, 25, 119, 577
Геншер Х. Д. 358
Герделер К. 360
Геринг Г. 235, 253, 269, 298, 303, 364, 396
Герсторф 297
Гертемахер М. 385
Герцен А. И. 46
Герцштейн Р. 232, 581
Гизо Ф. 230
Гинденбург П. 262
Гитлер А. 217-246, 248-250, 253-256, 258, 260-264, 266,

- 267, 269, 273, 275, 276, 278, 280, 283-301, 309, 310, 313, 344, 345, 346, 355, 358, 362, 365, 366, 373, 375, 395, 396, 398, 401, 402, 409, 414, 415, 569, 581, 582, 588
Глинка А. 259
Глобочник О. 269, 270
Граверт ф. 206, 207
Грайзер А. 268
Грайфельт У. 283, 290
Грасс Г. 375, 392, 397, 422
Гренвилл Д. 353, 369
Гришин Я. Я. 262, 581
Гроссер А. 436
Гроэ В. 248
Гроэ Й. 244
Грундтвиг Н. 64-68
Грюнберг К. 33, 571
Грюнер Ю. 206
Гулыга А. В. 572
Гульдберг О. 61
Гумилев Л. Н. 211
Густав IV 64
Гёгг Г. 45
Гёррес Й. 173
Гёте И. В. 25
Гоба Ш. А. 45, 52
Голь (Голь) Ш. де 8, 9, 372, 383, 427-430, 438, 441, 442, 443, 446, 449, 451-464, 477, 480, 536, 548, 591
Гончарова Т. Н. 2, 8, 99, 573, 620
Горбачев М.С. 470
Гоэг А. 42, 43
Гоэг М. 42
Грайфельт У. 283, 290
Грипенберг Г. 313
Грюнберг К. 33, 571
Губский Е. Ф. 571
Гугенберг А. 228
Гуэн Ф. 429
Гюго В. 38, 39, 40, 45-47, 119
Гюнтер Г. Ф. К. 355, 588
Даладьё Э. 265, 372, 434
Даллес Дж. Ф. 455
Дальман В.Ф. 87
Далюге К. 281
Дандой Р. 494
Данте Алигьери 572
Дарендорф Р. 354
Дарре 224
Де Винтер Л. 494
Дебре М. 454
Деканозов В. Г. 322, 326
Делор Ж. 8, 9, 427, 465-471, 473-475, 477, 479, 480
Демичева Т. М. 2, 119, 577, 620
Денние 196, 197
Десмонд Г. 152
Дехио Л. 217
Дёнхофф М. 391
Джеккер Л. 172
Джексон Р. 361-363, 365, 366

- Джонсон П. 291, 581
Дивов П. Г. 162
Дикович А. С. 527, 528, 600, 601
Дирлевангер О. П. 278
Дмитриева Д. В. 547, 549, 551, 567, 600
Додд Т. 363
Дорейл 203
Дриё ла Рошель П. 219, 581
Дрио Э. 168
Дуглас А. 446, 449
Дуквиц Г. 242
Дункер Б. 81
Дэвидсон Ю. 363, 366, 589
Дэвис Дж. Р. 389
Дэвис Н. 353, 589
Дюге-Труэн 215
Дюкоммен Э. 42, 44, 45, 48
Дюрозель Ж.-Б. 437
Дюфресс Р. 152
Дюч О. 95
Евдокимова Н. П. 2, 6, 620
Ермолов И. 304, 581
Ерта Л. 81, 82
Женжамбр Л. 372
Жирарден Э. 38
Жиро А. 442, 443
Жиряков И. Г. 552, 553, 555, 600
Жискар д'Эстен В. 465, 476
Жоливе Ж.-Б. 176, 177
Жолисант П. 42
Заксен-Кобург, династия 244
Заукель Ф. 254, 255, 298
Зебальд В. 396
Зейсс-Инкварт А. 234, 243, 248
Зинн Х.-В. 413, 414
Зиновьев Г. Е. 421
Зорина А. Е. 549, 550, 563, 565, 600
Зутнер Б. ф. 49, 50
Ипсен Г. П. 239, 240
Йенингер Ф. 400
Йодль А. 365
Йорк ф. 207, 209
Калерги, род 121
Каллио К. 328
Каминский Б. В. 278
Камышевский В. И. 565, 600
Кан А.С. 316, 586
Кант И. 18, 21, 22, 443
Карл Великий 157, 163, 165, 2110, 230, 232, 436, 460
Карл Лысый 230
Карл Юхан 72
Карл X Густав 60
Карл XIII 63
Карл XV 96, 97, 98, 100
Карл, насл. Принц 93, 115
Каролина Бонапарт 167
Карстенс К. 387
Каттанео К. 37, 38
Квислинг В. 241, 253, 258
Кей Э. 84

- Кейтель В. 256
Келзен Х. 365
Келлог Ф. Б. 129, 132
Кемп Ф. 396, 589
Кеннеди Дж. 396, 589
Кёниг Х. 361, 368, 384, 589
Керзон Дж. 388
Кёрнер Т. 211
Кизингер К. 375, 382, 385
Килин Ю. М. 320, 321, 337
Кильманзегг П. 374
Кине Э. 42
Киссинджер Г. 414
Клейст Г. ф. 211
Кляйст П. 310
Климова Г. С. 2, 9, 620
Клаузен 258
Кнохен Г. 235, 236
Княжинский В. Б. 122, 577
Ковалев Б. Н. 297, 304, 305, 307, 581
Когон О. 355, 356, 357
Кокеев А. М. 556, 557, 600
Колесников С. Д. 527, 528, 600, 601
Коль Г. 358, 408, 468, 477
Кон Х. 485
Кондорсе 169
Кондратьева Н. 490, 593
Константинов Ф. В. 572
Коппе В. 379
Костюк Р. В. 591
Костюченко А. С. 531, 541, 543, 544, 600
Кох К. 363
Кох Э. 268, 287, 296, 298
Кошут Л. 46
Краусник Г. 379
Крейг Г. 374, 375, 589
Крейчи Я. 281
Кример У. Р. 42, 43, 51
Кристиан Август 64
Кристиан II 98
Кристиан VIII 70, 71, 76
Кристиан IX Вильгельм 97, 98, 100, 101
Кружков В. А. 552
Крюгер В. 269, 379
Крюсе Э. 443
Кубе В. 278
Кубис 281
Куденгове-Калерги Р. 121, 122
Кузнецова Ю. И. 2, 620
Куляшов А. А. 527, 600, 601
Купер С. 34, 35, 36, 38, 39, 46
Куракин А. Б. 162
Курциус 144
Лаваль П. 150, 255
Ладульсет 172
Лакер У. 286, 582
Лакутюр Ж. 459, 460
Лаллерстедт С. Г. 91, 94
Ланглуа П. 483
Латур-Мобур 202
Левентель Э. 45
Левланн И. 49

- Леже А. 132, 150
Леман О. 70, 76, 77, 80, 110
Лемонье Ш. 42-47
Ленин В. И. 54, 55, 421, 571
Ленц Т. 152
Леопольд III 244
Ле Пен Ж.-М. 403, 420
Ле Пен М. 414, 478
Леруа-Болье А. 119
Лескова И. В. 532, 600
Лесюэр Ж.-Ф. 216
Лехталер И. 378
Лёбе П. 390
Лёзина Е. 358, 381, 589
Липиц А. 473
Липски Я. Ю. 395
Липский 274
Лобачевский Н. И. 547, 549, 551, 567, 600
Ложье Ц. 199
Лозе Г. 297, 298
Лок Г.-Д. 234
Лонге К. 43
Лор И. 351
Лоссберг Ф.-В. ф. 204, 205
Лоу К. 386, 389, 390, 589
Луи Мадлен 171
Луиза-Каролина 98
Луксдорф Б. В. 60
Люббе Г. 356, 368
Любин В. П. 572
Людендорф Э. 362
Людвик Немецкий 230
Людвик XIV 350
Мадзини Дж. 27, 28, 29, 32, 36, 37, 38, 40, 45
Мазер В. 226, 582
Май К. 300
Майер А. 297
Майский И. М. 314, 318
Макаренков М. В. 546, 549, 552, 555, 600, 601
Макдональд 207, 209
Макмиллан Г. 454, 455, 459, 460, 547, 548, 601
Максимилиан I 186, 187
Максимилиан II 185
Малиновский В. Ф. 22, 23
Манкель 109
Манлих ф. 201
Манн Г. 373
Маннергейм К. Г. 328, 329
Манфред А. З. 578
Манштейн Э. ф. 365
Марголина С. 393, 589
Марес М. 483, 484
Маржолен Р. 449
Мари А. 438
Марисенко М. А. 506
Мария-Луиза Австрийская 164, 165, 188
Маркс Г. 490
Маркс К. 32, 33, 43, 169, 286, 385
Маршалл Дж. 411, 432, 433, 534, 545
Маршан 203
Массю 383

- Матяс А. А. 527, 528, 600, 601
Мах С. 259
Мендес Франс П. 449, 450
Меркель А. 409, 411, 413, 414, 477, 478
Мертес М. 420, 589
Меттерних К. ф. 24, 188, 189, 190, 196
Милль Дж.С. 42
Мильеран А. 125
Мирабо 169
Миракуликс 408
Миттеран Ф. 407, 408, 411, 434, 440, 466, 468, 470, 471, 473, 474, 477, 478, 479
Молер А. 401, 402
Молотов В. М. 295, 315, 335, 373
Мольбех К. 61
Монжела М.-К. ф. 186, 187
Моне Ж. 8
Монне Ж. 427, 440, 441, 442, 443, 444, 447-451, 453, 461, 463, 467, 478, 479, 480
Монрад Д. Г. 100
Монтескье Ш. Л. 17, 18, 169, 572
Моруа П. 466
Музиал Б. 399
Мулен Ж. 428
Мультатули П. В. 164
Мунк П. А. 85-87
Муссерт А. 243, 344, 250, 258, 295
Муссолини Б. 143, 144, 247, 299, 433
Мюллер Г. 236, 358, 359, 551
Мюллер Ш. 551
Мюллер-Роммель Ф. 494
Мюрлат 167, 203
Мюрвиль М. К. де 456
Нансен Ф. 241
Наполеон Бонапарт 3, 6, 24, 25, 26, 151-153, 155-172, 174-177, 180, 181, 183-194, 196, 199, 201, 204, 205, 206, 208-210, 212, 213-215, 219, 350, 569, 578, 579
Науман 120, 121
Невакиви Ю. 337
Ней 204
Неймир Л. 226
Нейрат К. ф. 279
Никитченко И. Т. 362
Нимеллер М. 357
Ницше Ф. 168
Нобель А. 49, 50
Нойрат К. ф. 228
Ньютон И. 30
Обеликс 408
Обичкина Е. О. 470, 471, 591
Огарев Н. П. 45
Олендорф Э. 376
Олланд Ф. 477, 478, 479
Онже Ж. 128, 143, 145

- Ормессон В. д' 150
Осипов Е. А. 591
Оскар I 79, 82, 92, 96
Оскар II 111, 115
Оскар, насл. Принц 96
Отрив д' 153
Оттон Великий 350
Панарина Е. А. 435
Папен Ф. ф. 228
Пасси Ф. 51
Паэпе Сезар де 43
Пекье К. 35
Пеллетан К. 43
Пелтонен М. 334, 337
Перфитт А. 452, 455, 458
Пикер Г. 234, 286, 582
Пилсудский Ю. 261, 262, 263
Пине А. 456, 457
Пихкела Э. 340
Платен А. ф. 211
Плевако Н.С. 482
Плевен Р. 447, 448, 450
Пленков О. Ю. 2, 7, 8, 99, 573, 620
Плоуг К. 73, 88, 89, 93
Помпиду Ж. 465, 591
Порше Ф. 300
Прайс Дж.Т. 34
Прат А. 591
Пуанкаре Р. 125
Путин В. В. 394
Пушкин А.С. 68
Пфлимлен П. 451, 452, 455
Радбрух Г. 361
Раевский Н. Н. 162, 203
Райш Г. 551
Рамадье П. 434, 437
Рамбо А. 209
Ран Р. 248
Рапп Ж. 214
Ратиани Г. М. 592
Раушнинг Г. 217
Ревуненков В. Г. 169, 578
Редер Э. 241
Реemtсмаа 399
Рейно П. 434, 441, 442
Реклюс Э. 43
Ремон Р. 125
Ренте-Финк С. ф. 242
Рёдерер П.-Л. 213
Рель Р. 397
Ржевская Е. 234, 582
Риббентроп И. 231, 232, 264, 265, 315
Риболи Т. 42
Рид Дж. 56
Рике Й. 303
Рис Л. 242, 582
Риттер Г. 347
Робеспьер 155
Родрик Д. 508, 509, 594
Розен ф., бароны 304
Розенберг А. 218, 224, 266, 276, 286, 287, 297, 298, 299, 302-305, 309, 310
Романова Л. 27, 28, 31, 40, 43, 526, 601

- Росенберг К. 103-105, 109, 110
Рост ван Тоннинген 258
Роттердамский Э. См.
Эразм Роттердамский
Роупер Х. 226
Рубинский Ю. 592
Рузвельт Т. 45, 50
Рузвельт Ф. Д. 224, 238, 317, 442
Руссо Ж.-Ж. 18, 20, 21, 169
Рюэфф Ж. 456, 457
Рюйтер 215
Рюккерт Ф. 211
Савари 163
Саркози Н. 476, 591, 592
Саррацин Т. 408, 411, 412, 589
Сарс Ю. Э. 107, 108
Сартр Ж.-П. 417
Сассателли М. 504
Сбраджа А. 490
Сеген Ф. 473
Сегюр 203
Селер Д.-Л. 493
Селлон Ж.-Ж. де 35, 36
Семиряга М. И. 227, 272, 273, 279, 281, 282, 288, 582
Сен-Пьер Ш. де 18-20, 26, 119
Сен-Симон А. 30-32, 38, 42, 572
Сеппинен И. 322, 330, 332, 338
Свенсон Э. 100
Сен-Джон Перс 132, 150
Сидоренко Л. В. 2, 9, 620
Симеон Ж.-Ж. 177
Симон Г. 26, 30, 31, 32, 35, 38, 42, 572
Симпсон Г. 362
Синицын Е. Т. 322, 326
Смит Э. 485
Смоленчук О. Ю. 535, 537, 601
Смолин А. В. 1, 2, 10, 573, 620
Снеedorф И. С. 60, 62
Соколов О. В. 2, 6, 99, 162, 183, 573, 579, 620
Спаак П.-А. 455
Спадолини Дж. 26, 29, 572
Сполаорэ Э. 486
Сталин И. В. 231, 266, 267, 287, 299, 304, 322, 362, 363, 427, 436, 460, 581
Стрмиска М. 493
Сум П. Ф. 61
Суриц Я. З. 317, 318
Сюарез Ж. 149
Сюлли М. де 119
Табуи Ж. 132, 150, 577
Таннер В. 319
Тардые А. 150
Талейран 153, 154
Тарле Е. В. 151, 180, 181, 579
Тегнер Э. 66, 67

- Тейлор А. Д. П. 226
Тербовен Й. 234, 240, 243,
248, 253, 255
Тильман 202, 203
Тисо Й. 259
Толейн 43
Торвальдсен Б. 76
Траян 211, 216
Тресков Х. ф. 297
Тротт А. ф. 351
Тротт К. ф. 351
Троцкий Л. 56
Тука В. 259
Туск Д. 394
Тэтчер М. 467, 468
Тюлар Ж. 152, 210
Уде К. 399
Уден Б. 136, 138, 144, 148,
150
Уильямсон 394
Уланд Л. 211
Уманский К. 317
Умбрайт Г. 245, 582
Унгвари К. 399, 400
Уорчестер К. 34
Фалькенхаузен А. ф. 244
Фалькенхорст Н. ф. 242
Фанфани А. 455
Федер Г. 217
Фельдмейер 258
Феррарис Л. В. 418
Ферри Ж. 42
Ферро М. 232, 282, 366, 582,
589, 592
Федоров В. Г. 316, 334, 586
Фихте И.-Г. 211
Фишер Й. 409, 424
Флери А. 148
Фогт М. 25, 284, 287
Фокин В. И. 2, 5, 620
Форстер А. 268, 271, 272
Франк А. 376
Франк Г. 267, 269, 271, 275,
298, 365
Франсуа-Понсе А. 291
Франц II (Франц I) 157
Фредерик VI 64
Фредерик VII 80, 83, 97, 98
Фрейд З. 417
Фридрих Й. 396
Фридрих-Август I 185
Фридрих Аугустенбургский
97
Фридрих-Вильгельм III 192
Фурье Ж. Б. 35
Фуше К. 462, 463, 465, 479,
536
Хабермас Ю. 422, 510
Хайдер Й. 553
Хаймпель Х. 347
Хайнеман Г. 391
Хакетт У. 376
Хакетт Ф. 376
Халл К. Х. 97
Хальштейн В. 355, 388
Хаммершельд 61
Ханс-Адам II 562
Хахалкина Е. В. 548, 601

- Хемстад Р. 112, 113
Хайдер Й. 403, 553
Хантингтон С. 366, 420, 588
Хаттон У. 371, 589
Херманн Л. 402
Хиллерс М. 395
Хобсбаум Э. 485, 486, 594
Ходов Л. Г. 539, 540, 542,
558, 559, 561, 601
Хойс Т. 355
Хокон VII 115
Хопкинс Г. 442
Хромова И. А. 434
Хрущёв Н. С. 396, 589
Худолей К. К. 591
Хунте О. 378
Хут Л. 490
Хэлл К. 238
Хэмлин Б. 352
Цаги К. 152, 183
Цастров 202
Цвейг А. 286
Цетлин Л. С. 572
Цинзерлинг А. 25
Цительман Р. 224
Чармли Дж. 236, 237
Чарушина О. Б. 554, 557,
601
Чемберлен Х. С. 233, 265,
313
Черчилль У. 236, 238, 364,
365, 396, 398, 430, 433, 434,
435, 441, 460, 461
Чингачгук 301
Чубарьян А. О. 18, 572, 592
Чуди де 203
Шабан-Дельмас Ж. 465
Шаллан Б. 505
Шарет М. 373
Шастене Ж. 149
Шатобриан 453
Швейцер В. Я. 495, 525,
526, 528, 529, 534, 535, 536,
538, 541, 542, 543, 552, 557,
560, 562, 563, 564, 599, 601
Швильк Х. 416, 417, 350,
404-407, 409, 412-414, 589
Шевенман Ж.-П. 94
Шеель Л. Н. 262
Шембек Я. 211
Шенкендорф М. ф. 211
Шенбаум К. 382
Шерер Ю. 416, 418, 589
Шидлер В. 173, 174
Шиллер К. 375
Ширак Ж. 475
Шлябрендорф Ф. ф. 297
Шмидт Г. 352, 359, 409, 410,
591
Шойбле В. 414
Шопен Ф. 274
Шпеер А. 236, 246, 254, 298,
396, 582
Шпенглер О. 233, 582
Шредер Г. 387
Шредер П. 152
Штайнбах Э. 394
Штауффенберг К. 297

- Штернберг Д. 422
Штрассер О. 296, 582
Штраусс Б. 400, 401
Штреземан Г. 126, 127, 132, 133
Штрик-Штрикфельд В. К. 304
Штурценбеккер О. П. 75, 77
Штюльпнагель О. ф. 236, 245
Шуман М. 351
Шуман Р. 370, 372, 409, 438, 439, 440, 444, 447, 479
Шумахер К. 372
Шюле Э. 377
Шютц В. 390
Эйхманн А. 378, 379
Экснер ф. 203
Эленшлегер А. 66, 67, 86
Элиаш А. 279, 281
Элиза Бонапарт 167
Эллис Дж. 152
Эмери Л. 123, 577
Энгельс Ф. 32, 286
Эндерляйн Х. 410
Энценсберггер Х. М. 417, 422
Эразм Роттердамский 16, 572
Эренсверд К. А. 63
Эррио Э. 149
Эрхард Л. 354, 375, 382, 385, 387
Юнкер Ж.-К. 537, 541
Якобсен Г.-А. 379
Ян Э. 391, 394, 395, 589
Янус 168
Ясперс К. 355, 356, 368
Alesina A. 486, 487, 594
Alexander, Kaiser 192, 579
Alexander R. S. 152, 579
Alexandre Ier 188, 581
Auerbach H. 278, 582
Augstein R. 370, 589
Bailleu P. 192, 579
Bakker R. 497, 594
Barfod F. 66, 67, 68, 71, 573, 574
Baryšnikov V. 317, 587
Becker-Christensen H. 66, 67, 71, 573
Bidault G. 14, 431, 436, 437, 592, 593
Bismarck O. v. 102, 575
Bjørn C. 80, 573
Boberach H. 239, 280, 582
Boegner J.-M. 459
Bojsen Schmidt J. 99, 573
Boissieu L. de 454, 463
Bonnal H. 207
Boox M. 93, 85, 96, 102, 573
Bormann M. 282, 584
Bossuat G. 448, 467, 592
Bötticher A. 484, 594
Bottici C. 505, 594
Boudon J.-O. 152, 175, 179,

- 579
Bourgoing P.-C.-A. de. 206, 579
Boyes R. 242, 283, 584
Bracher K. D. 235, 240, 248, 251, 253, 254, 256, 257, 271, 275, 584, 585
Braun W. v. 61, 573
Brandt H. von. 201
Brechtken M. 374, 423, 424, 589
Brenner H. 274, 582
Briand A. 4, 12, 122, 123, 126, 128, 132, 137, 138, 139, 142, 143, 144, 145, 147-150, 577, 578
Brohed I. 62, 576
Broszat M. 263, 347, 582, 589
Browsers M. 152, 579
Brugmans H. 435
Burleigh M. 235, 243, 246, 259, 298, 306, 582
Busk A. 99, 573
Bååt-Holmberg C. J. L. 61, 573
Chauvel J. 429
Chevènement J.-P. 442
Churmly J. 236, 583
Clausen H. N. 66, 573
Clausen J. 60, 62, 71, 73, 77, 81, 87, 89, 93, 94, 99, 573
Colder A. 313, 587
Corni G. 305, 309, 583
Cousté P.-B. 592
Dahrendorf R. 354
Dandoy R. 494, 595
Darnstädt T. 361, 363, 365, 366, 367, 368
Dawidowicz L. 257, 583
Dayton R. 500, 595
De Geer L. 100, 573
De Winter L. 494, 498, 595, 598
Dehio L. 217, 583
Deist W. 296
Delors J. 14, 475
Deschner G. 280, 281, 583
Desmond G. 152, 579
Driau E. 168, 579
Dufresse R. 152, 580
Duroselle J.-B. 437, 438, 592
Edwards E. 497, 594
Elias A. 496
Elisha A. 149, 578
Elvander N. 94, 573
Ericson L. 84, 573
Ertel M. 411, 589
Exner M. 203
Faber du Faur G. de 203, 580
Fabritius A. 68, 574
Fest J. 236, 583
Fleury A. 147, 148, 577
François-Ponce A. 291, 584
Frasca F. 183, 580
Friedrich Wilhelm III 192, 579
Funke M. 235, 240, 248, 251,

- 253-257, 271, 275, 284, 285
Furtenbach B. 102, 574
Galster K. 67, 574
Garaud M.-F. 442
Geoffrey E. 152, 580
Gervereau L. 429
Gies H. 305, 309, 583
Giesbert F.-O. 462
Glaser H. 360, 590
Gorbatschow M. 373, 388, 590
Graml H. 275
Grebing H. 286, 583
Große Kracht K. 399, 423, 590
Grosser A. 436, 453
Großkopff R. 381, 382, 387, 389, 590
Gustavsson H. 113, 574
Haarder Ekman K. 66, 80, 108, 574
Habbe Chr. 365, 369
Habermas J. 511, 596
Haffner S. 293, 583
Haggrén H. 106, 575
Hansen T.I. 69, 90, 574
Heim H. 250, 584
Hemstad R. 59, 76, 89, 90, 106, 111, 112, 114, 574, 575
Herbst L. 238, 241, 244, 265, 273, 275, 289, 292, 583
Herf J. 392, 590
Heydrich R. 280, 281, 583
Himmler H. 235, 301, 585
Hirschfeld G. 255, 583
Hitler A. 4, 219, 222, 223, 225, 230, 242, 247, 250, 282, 283, 285, 290, 293, 295, 300, 302, 305, 306, 309, 310, 347, 373, 388, 583, 584, 586, 589, 590
Holm E. 61, 575
Hooghe L. 497, 594
Hvidt K. 84, 574
Häikiö M. 339, 587
Höhne H. 234, 236, 583
Irving D. 295, 283
Jäckel E. 302, 583
Jacobsen H.-A. 235, 240, 248, 250, 253, 254, 256, 257, 271, 275, 584, 585
Jansson A. 82, 97, 575
Jochmann W. 250, 283
Jokipii M. 325, 326
Jolly S.K. 482, 496, 497, 594
Judt T. 450
Kassen R. 578
Key E. 84, 575
Kilmansegg P. 355, 356, 375, 385, 386, 590
Kittel M. 355, 360, 368, 377, 590
Klemperer V. 266, 584
Klucke P. 217, 218, 230, 584
Koehl R. L. 246, 267, 268, 270, 283, 584
Koenen G. 384, 385
Kohn H. 485, 597

- Krockow Chr. 418, 590
Kunz K. 411, 589
Kurbjuwelt D. 393
Kwiet K. 251, 584
Lacouture J. 460, 592
Lallerstedt S. G. 91, 92, 575
Lange U. 80, 355, 356, 370,
389, 574, 590, 591
Laugier C. de 200, 204
Langlois P. 483, 597
Laurent E. 579
Lavissee E. 209
Lebor A. 242, 283, 584
Leeuw Roord van der J. 505,
597
Lehtinen A. 323, 325, 326,
333, 338, 341, 342, 587
Lentz T. 152, 580
Lipietz A. 473
Longerich P. 282, 302, 583,
584
Loock H.-D. 234, 250, 254,
255, 584
Luise, Königin 192, 579
Lund H. C. A. 69, 77, 575
Lynch P. 499, 597
Machiavelli N. 17
Madajczyk C. 271, 272, 296,
297, 584
Madelin L. 171, 173, 580
Magescas Xavier A. 179, 580
Mannerheim G. 324, 328,
329, 587
Mannlich 201
Mares M. 484, 594
Marjanen J. 106, 575
Marjolin R. 449
Marks, G. 496, 594, 597
Masseti E. 496, 597
Mavidal J. 579
Mayer W. 411, 589
Messemer A. 291, 584
Metternich C. W. L. 188, 189,
580
Michal B. 446
Milligan T. 297, 584
Mitscherlich A. 419, 590
Mitscherlich M. 419, 590
Moch J. 429
Mohler A. 402, 590
Monnet J. 442, 446, 451
Mueller R.-D. 290, 302, 305,
309, 310
Müller-Rommel F. 494
Müllern H. 102, 575
Munch P. A. 87, 575
Napoléon I 4, 12, 90, 152,
160, 163, 168, 171, 172, 173,
175, 176, 179, 184, 188, 195,
215, 574, 579, 580, 581
Napoléon III 176, 215, 579
Nestler L. 120, 252, 578, 585
Neulen H. W. 235, 240, 248,
251, 253, 254, 256, 257, 585
Nevakivi J. 315, 316, 337,
587
Nilson S. S. 115, 575
Niukkanen J. 324, 326, 334,

- 587
Noack H.-J. 389
Nolte E. 275, 284, 356, 421,
585, 590
Norstedt P. A. 573
Novick P. 385
Nummela I. 338, 339
Nybom J. 61, 573
Ormesson W. d'. 150, 578
Oudin B. 122, 137, 138, 143,
144, 148, 150, 578
Peltonen M. 334, 337, 338
Petersen K. 96, 98, 101, 575
Peterson A. 235, 301, 585
Peyrefitte A. 453, 455, 458,
461
Pihkala E. 332, 340, 341, 342,
587
Piotrowski T. 272, 585
Ploug C. 70, 73, 575
Ploug H. 73, 575
Poidevin R. 592
Polk J. 497, 594
Poniatowski M. 154, 580
Proske R. 421, 590
Quisling W. 234, 250, 254,
255, 584
Raab H. 84, 573
Reichling G. 308, 585
Rahbek K. L. 63, 575
Rambaud A. 209
Rapp J. 214, 580
Ray, L. 496, 597
Reichel P. 359, 590
Reitzel C. A. 71, 576
Rémond R. 125, 578
Rigaut A. 446
Ritter G. 348, 352, 358, 359,
376, 377, 590
Rodrik D. 509, 598
Röhr W. 268, 585
Roos H. 261, 585
Rosenberg C. 103, 105, 111,
575
Rovigo 164, 580
Rovny J. 497, 594
Sannes J. 72, 576
Sassatelli M. 504, 598
Savary A.-J.-M.-R. 164, 580
Sauzey 202, 203
Schakel A. H. 496, 597
Schieder W. 173, 580
Schoeps J. 302, 583
Schöllgen G. 373, 388, 590
Schroeder P. 152, 581
Schulte J. E. 301, 585
Schultz J. H. 63, 575
Schuman R. 444
Schumann W. 120, 578
Sebald W. G. 396, 590
Seiler D.-L. 494, 598
Seppinen I. 320, 322, 323,
324, 325, 327, 328, 330, 331,
332, 338, 342, 587
Seraphim H.-G. 266, 585
Skov P. 63, 576
Smelser R. 242, 245, 270,
277, 585

Именной указатель

- Smith A. D. 485, 598
Smith B. 235, 301, 585
Sommelius G. L. 61, 573
Solheim S. 114, 576
Soutou G. H. 593
Spolaore E. 486, 487, 594
Steenbergen M. 497, 594
Steiner M. G. 230, 247, 285, 586
Strandberg C. W. A. 61, 573
Strath B. 502, 599
Strauß B. 401, 590
Streeruwitz M. 50, 572
Strmiska M. 493, 599
Stråth D. 118, 576
Sturzen-Becker O. P. 61, 75, 573, 576
Suarez G. 126, 149, 578
Sylwan O. 75, 576
Syring E. 242, 245, 270, 277, 585
Szöcsik E. 497, 599
Sørensen Ø. 62, 576
Tamm D. 67, 72, 73, 576
Tanner V. 319, 587
Terboven J. 234, 250, 254, 255, 584
Thorkildsen D. 62, 576
Thorsøe A. 71
Tulard J. 152, 173, 210, 581
Unger G. 123, 128, 132, 142, 144, 145, 578
Vachudova M. 497, 594
Vaïsse M. 436, 592
Vandal A. 188, 581, 617
Vercors 137, 139, 144, 578
Visine F. 592
Weber W. 256, 586
Wehler H.-U. 360, 398, 399, 591
Weitling W. 32, 572
Westfal O. 217, 586
Wiegrefe K. 355, 375
Winkler H. A. 370, 389, 591
Wilson C. J. 496, 597
Wroblewski O. B. 71, 576
Zaghi C. 152, 184, 581
Zitelmann R. 224, 242, 245, 270, 277, 585, 586

*Именной указатель
составил профессор
В.Е. Возгрин*

Научное издание

**От национальных государств к единой Европе:
проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.**

В.Н. Барышников, В.Е. Возгрин, Т.Н. Гончарова,
Н.П. Евдокимова, Г.С. Климова, Л.В. Сидоренко,
О.В. Соколов, О.Ю. Пленков, В.И. Фокин

Под редакцией А. В. Смолина

Печатается без издательского редактирования

Корректоры

Т.М. Демичева, Ю.И. Кузнецова

Оригинал-макет

Ю.И. Кузнецова

Обложка

Л.В. Сидоренко

Тираж 500 экз.

Подписано в печать (дата).